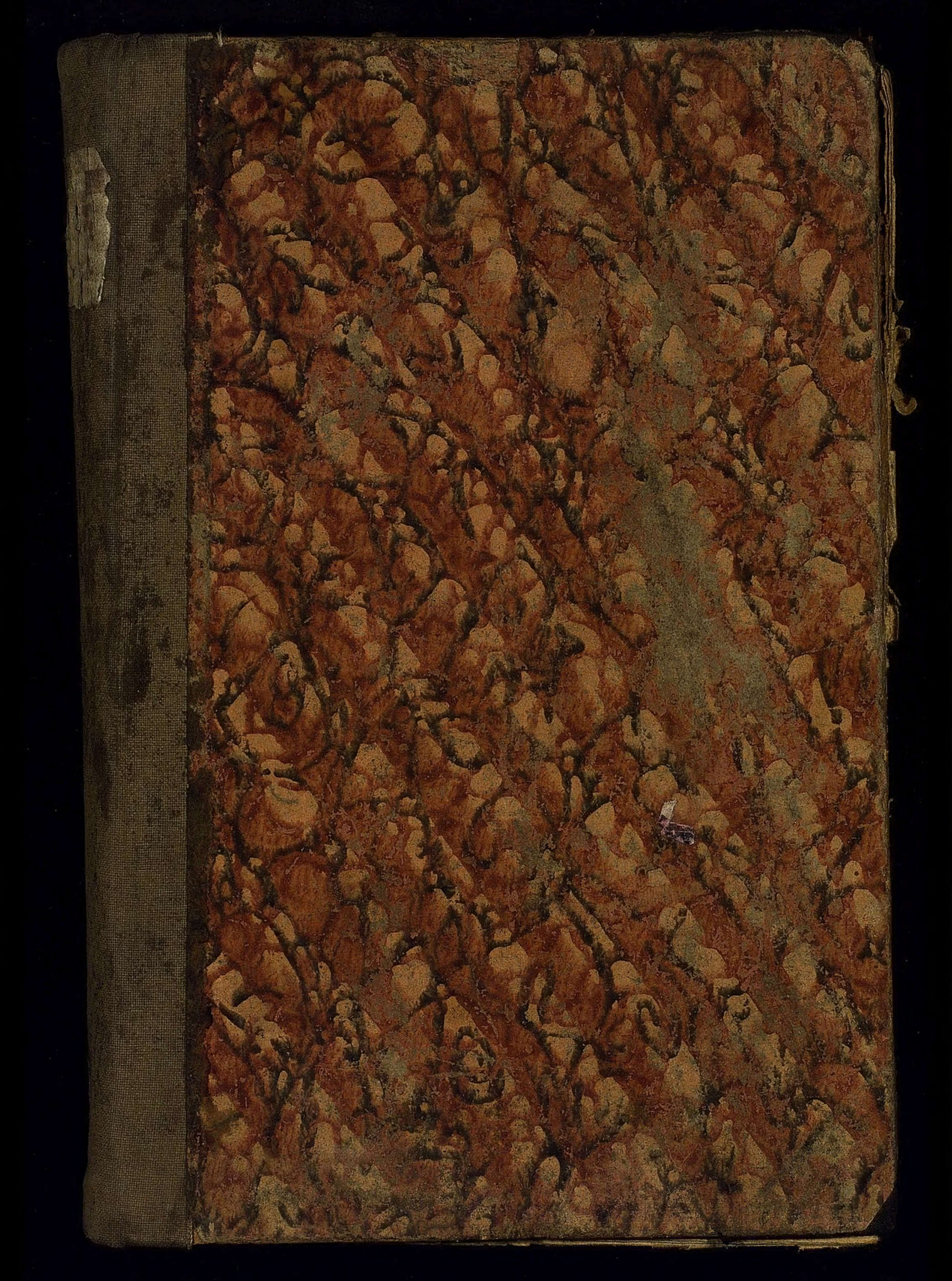

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ.

МАРТЪ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

ПЕТРОГРАДЪ.

1916.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подьяческая, № 39.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.—МАРТЪ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: А. С. Посникова — по субботамъ отъ 4½ до 5½ ч. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч. (кромѣ праздниковъ).

Съ К. К. Арсеньевымъ—сношенія письменно по адресу: Царское Село, Церковная улица, д. Сутугиной.

Пріемъ секретаря—по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).

МЫ ПРОСНЕМСЯ.

Повѣсть изъ современной жизни.

Мы умерли для грѣха. Какъ же намъ жить въ немъ.

(Посл. къ Римлянамъ, гл. 6, ст. 2)

I.

Кто любитъ жизнь, понимаетъ ее. Кто любитъ жизнь и живетъ, не боясь жизни, переживаетъ, чувствуетъ и понимаетъ больше того, кто къ ней равнодушенъ.

Въ семьѣ Карцовыхъ всю эту осень чувствовалось напряженіе. Всѣмъ было тяжело, нервничали и, хотя ничего дурного не случилось, жили, точно вотъ разразится бѣда. Отношенія между отцомъ и дѣтьми стали неспокойныя... Дмитрій все рѣже сидѣлъ дома. Вѣрочка, раньше мало выѣзжавшая, стала каждый день ѣздить то въ театръ, то въ кинематографъ, то въ концерты. Она вдругъ выдумала идти въ актрисы и не разъ уже высказывала эту мысль отцу и брату, которые приняли это, какъ одну изъ ея фантазій.

Послѣ обѣда сидѣли въ большой, уютной гостиной Василій Игнатьевичъ Карцовъ въ своемъ низкомъ креслѣ подлѣ камина, хорошенькая, сосредоточенная Вѣрочка—у круглаго стола надъ книгой, на диванѣ въ углу—скромная Марія Густавовна—компаньонка Вѣры, какъ всегда съ работой въ рукахъ. Дмитрій большими шагами ходилъ по комнатѣ отъ зеркала въ золоченой рамѣ и къ камину, заложивъ руки за спину и продолжая разговоръ, начатый имъ за обѣдомъ съ отцомъ. Начали съ пустяка, съ современнаго танго и перешли къ общему важному вопросу жизни.

— У васъ, нынѣшней молодежи,—сказалъ съ мягкимъ
упрекомъ старикъ Карцовъ,—совсѣмъ другой взглядъ на вещи,
чѣмъ былъ у насъ. Я даже не знаю, какъ опредѣлить эту раз-
ницу? На какіе-нибудь модные танцы или пѣвицу, вообще на
веселье и развлеченье, мы такъ и смотрѣли, какъ на развлече-
ніе, какъ на мелочь жизни. У васъ совершенно иной взглядъ.
Для васъ танго и пѣвицы, деньги и удовольствіе, которое онѣ
даютъ,—первое, самое главное дѣло жизни. Для меня же пер-
вымъ самымъ важнымъ дѣломъ былъ трудъ и такъ останется до
конца.

— Но трудъ опять же для денегъ,—возразилъ отцу Дми-
трій,—вѣдь, если бы твой трудъ не оплачивался такъ хорошо,
какъ онъ оплачивается, врядъ-ли ты бы его продолжалъ?

— Почему?—раздраженно удивился Карцевъ—я съ оди-
наковымъ удовольствіемъ продолжалъ бы строить желѣзныя до-
роги, даже если бы получалъ въ тысячу разъ меньше, чѣмъ
теперь.

— Не думаю,—усомнился Дмитрій,—я думаю,—продол-
жалъ онъ мягко,—что ты самъ не отдаешь себѣ хорошенько
отчета въ томъ, что ты работалъ всю жизнь только для денегъ,
которыя дали тебѣ благосостояніе; и только потому, что тебя
мало это забавляетъ, ты живешь такъ скромно.

— Именно потому, что меня забавляетъ только трудъ и
разумное поведеніе,—раздражаясь, сказалъ Карцевъ,—тебя же
забавляютъ разныя глупости, въ родѣ бѣговъ и билліарда; въ этомъ
наше коренное различіе. Умру я. Вамъ все же останется.
Будешь старше—поймешь, что главное въ жизни совсѣмъ не то,
чѣмъ ты забавляешься, а совсѣмъ, совсѣмъ иное. Кромѣ забавы
и труда, есть религія, есть сознаніе, наконецъ, разумъ...

Онъ неожиданно тяжело закашлялся отъ приступа астмы.
Его стало душить и онъ вскочилъ на ноги, чтобы отдышаться.
Марія Густавовна бросилась въ переднюю за стаканомъ воды.
Вѣрочка побѣжала къ отцу и безпомощно смотрѣла на его по-
багровѣвшее лицо.

У него былъ склерозъ, слабыя легкія, астма уже давно,
но онъ никогда не хотѣлъ лечиться, говоря, что безумно лечить
то, что неизлечимо,—всю окружающую жизнь, которой онъ былъ
однимъ изъ членовъ.

Онъ выпилъ воды, и кашель постепенно утихъ.

Разговоръ прекратился, и тяжелое настроеніе смѣнило его.
Отецъ и сынъ оба были огорчены. Отецъ думалъ и не хотѣлъ вы-
сказать :«Конечно. Я росъ и работалъ бѣднякомъ. У меня не было

соблазна денегъ, какъ у него. Хотя все же я былъ серьезнѣе». Сынъ думалъ и не хотѣлъ высказать: «Онъ просто старый и больной, и его ничего больше не веселитъ. На моемъ мѣстѣ онъ былъ бы такимъ же».

Дмитрій посмотрѣлъ на мертвенно-блѣдное лицо отца, и совѣсть его сжалась.

— Нельзя говорить съ нимъ,—подумалъ онъ,—онъ совсѣмъ больной... И почему онъ не лечится? Какъ не уѣдетъ куда-нибудь отдохнуть?

Василій Игнатьевичъ Карцевъ былъ въ Петербургѣ извѣстнымъ, очень энергичнымъ общественнымъ дѣятелемъ; предсѣдателемъ нѣсколькихъ правленій, членомъ нѣсколькихъ совѣтовъ и, главнымъ образомъ, безупречно честнымъ и благожелательнымъ человѣкомъ; за это, послѣ тридцати лѣтъ усидчиваго труда, судьба вознаградила его богатствомъ и почетомъ. Начавъ службу въ банкѣ съ 45 рублей въ мѣсяцъ, онъ дошелъ до обладанія милліономъ. Главнымъ успѣхомъ Карцева было созданіе одной новой большой желѣзнодорожной линіи, въ которую долго никто не вѣрилъ, но которая постепенно развила свою дѣятельность до того, что акціи ея поднялись въ пять разъ.

Василій Игнатьевичъ на этой «комбинаціи», какъ онъ любилъ говорить, заработалъ около 800.000 р. Онъ могъ заработать и больше, но, благодаря своей неизмѣнной честности, онъ удовольствовался своимъ заработкомъ, предоставивъ остальные барыши акціонерамъ. У Василія Игнатьевича, кромѣ денегъ, было небольшое родовое имѣніе въ одной изъ центральныхъ губерній; было другое доходное имѣніе въ Саратовской губерніи и большой домъ въ Петербургѣ. Жизнь его послѣдніе годы была однообразна и скучна. Послѣ смерти жены, съ которой онъ еще выѣзжалъ иногда по вечерамъ поиграть въ винтъ къ знакомымъ, онъ почти никуда не ѣздилъ. Утромъ до часа сидѣлъ дома, время отъ 2 до 6 проводилъ въ своихъ правленіяхъ и конторахъ, а вечера опять проводилъ дома за занятіями и чтеніемъ. Два мѣсяца лѣтомъ онъ отдыхалъ въ деревнѣ.

Дмитрій вышелъ изъ гостиной въ столовую и, подойдя къ окну, сталъ смотрѣть на скучную улицу. Онъ сталъ думать о томъ, какъ проведетъ сегодняшній вечеръ.

— «Въ балетъ? Въ драму? Въ концертъ? Въ циркъ? Въ кинематографъ? Къ товарищу играть въ бриджъ? Или прямо въ игорный клубъ? Что сегодня было больше по душѣ?»

И мысль его остановилась на клубѣ, гдѣ онъ не былъ послѣ большого проигрыша и куда его неудержимо тянуло. Сегодня онъ

получилъ отъ отца шестьсотъ рублей, и могъ еще попробовать счастья. У него были долги и надо было выиграть, чтобъ расплатиться.

Въ столовую своей неслышной походкой вошла Вѣрочка и, подойдя къ брату, положила ему руку на плечо.

— О чемъ?—спросила она.

— Такъ, думаю, куда ѣхать сегодня.

— Поѣдемъ съ нами въ Михайловскій?

— Охъ нѣтъ. Скучно...

— Тебѣ все скучно,—съ упрекомъ сказала Вѣрочка,—въ вашемъ разговорѣ папа гораздо болѣе правъ, чѣмъ ты, хотя...

— Что хотя? — спросилъ Дмитрій, своими близорукими глазами вглядываясь въ лицо сестры.

— Хотя я тебя понимаю. Мнѣ самой такъ хочется жизни въ послѣднее время, что я готова на все, только бы пользоваться ею во всю...

Она отошла отъ него, сѣла въ дубовое кресло подлѣ буфета.

— У насъ съ отцомъ разные темпераменты, — сказалъ Дмитрій, точно желая оправдаться,—это всегда такъ. Мать у насъ была такая, а его мать была совсѣмъ другая. И насколько мы унаслѣдовали черты матери, настолько мы отличаемся отъ отца.

Онъ сейчасъ же почувствовалъ, что высказалъ мысль, совершенно ничего не доказывающую. Онъ помолчалъ, потомъ добавилъ:

— И все-таки лучше жить, какъ я живу, чѣмъ лгать и притворяться... Не спорю, можетъ быть, черезъ двадцать лѣтъ, и я буду примѣрнымъ человѣкомъ... А пока...

Онъ махнулъ рукой и сталъ закуривать папироску.

— Итакъ, — сказалъ онъ рѣшительно, — я отправлюясь. Зайду куда-нибудь въ театръ, а потомъ въ клубъ.

— До шести часовъ утра?—спросила Вѣрочка съ грустной улыбкой,—глупо и гадко.

— Знаю,—отвѣтилъ Дмитрій,—а ты все-таки скажи отцу, чтобъ его не огорчать, что я пошелъ, ну хоть къ Винтерамъ.

И онъ, раскачивая свое крупное тѣло, пошелъ черезъ переднюю въ свою комнату.

II.

Вѣрочка побѣжала къ себѣ, одѣваться въ театръ.

Оставшись одна, она сейчасъ же забыла объ отцѣ и братѣ и стала думать о «немъ».

«Грустно, что отецъ боленъ и старъ, что братъ слишкомъ кутитъ и живетъ последнее время въ дурманѣ, но важнѣе всего ея собственная жизнь, ея внутреннія страданія и борьба, которыя не даютъ ей покоя. Если бъ она могла забыть о немъ, начать жить чѣмъ-нибудь другимъ, если бы не было сомнѣнія въ томъ, что она его любитъ, что онъ ее любитъ и они будутъ «счастливы»?

Но она была слишкомъ умна, слишкомъ развита, чтобы не понимать, что «счастья», въ пошломъ, прежнемъ смыслѣ, быть не могло, что его въ сущности никогда и не было, и она сказала себѣ, поправляясь:

— «Не счастливы, а хоть честны».

Она, какъ отецъ, любила слова «честность» и «честно» и думала, что если есть въ жизни что-нибудь, чѣмъ можно руководствоваться, то только этими понятіями.

Конечно, онъ опять будетъ въ театрѣ. Онъ преслѣдуетъ ее всюду, и она рада этому. Если бы не было его, ничего бы не было. Нечѣмъ было бы жить.

И она вспомнила его высокую красивую фигуру, его свѣтлоголубые глаза и небольшую голову съ аккуратнымъ англійскимъ проборомъ. Что ей нравилось въ немъ, это его необыкновенная живость. Онъ, казалось, весь кипѣлъ жизнью и интересами. Всегда куда-нибудь спѣшилъ, всегда о чемъ-нибудь горячо говорилъ. Эта черта въ немъ была такъ привлекательна, что каждый разъ, когда Вѣра разставалась съ нимъ, она чувствовала какую-то пустоту, ничѣмъ незамѣнимую. Онъ былъ не глупый, ловкій и пріятный на видъ, немножко избалованный, немного капризный, съ опредѣленными, не слишкомъ консервативными взглядами гвардейскаго офицера. Онъ даже любилъ подчеркивать эту свою «либеральность», какъ онъ выражался, въ отличіе отъ своихъ товарищей.

Вѣрочка одѣлась въ свое кружевное платье, надѣла цѣнное жемчужное ожерелье, память матери, на свѣжую открытую шейку, и стала торопить Марью Густавовну, которая еще возилась со своимъ туалетомъ въ сосѣдней комнатѣ.

— Куда вы, душенька, спѣшите, еще поспѣемъ сто разъ на автомобилѣ-то,—лѣниво отозвалась Марья Густавовна, пришпиливая свои фальшивыя косы.—Вы лучше къ папѣ еще пройдите, онъ, бѣдный, такъ плохъ, и сегодня такъ огорченъ, послѣ разговора съ Дмитріемъ. Нельзя такъ со старикомъ. Я повторяю сто разъ—нельзя, грѣшно...

— Правда, правда,—сказала Вѣрочка и пошла въ гостиную.

— До свиданія, папа,—сказала она, нагибаясь къ отцу, чтобы его поцѣловать,—мы ѣдемъ въ театръ.

— Хорошо, хорошо,—торопливо сказалъ Карцевъ, отрываясь отъ книги,—онъ читалъ какой-то длиннѣйшій печатный отчетъ,—я буду ждать васъ. Не лягу.

И большіе, свѣтлые глаза его встрѣтились съ такими же глазами дочери.

— Какъ я скажу ему, если это будетъ?—подумала Вѣрочка,—значитъ, еще огорчить его? Вѣдь онъ видѣлъ Слонимова всего только разъ, и съ перваго же раза онъ ему не понравился.

И ей стало грустно, что въ жизни ея есть область, и самая важная, въ которой она съ отцомъ совершенно не сходится, гдѣ они не только чужіе, но и враги.

Кого прочилъ ей отецъ въ мужья? Богача Стенберга, финляндца по происхожденію, скучнаго, сорокалѣтняго дѣльца. Развѣ она можетъ полюбить такого человѣка? Или молодого Татаринова, сына саратовскаго помѣщика, одинъ видъ котораго внушалъ ей отвращеніе?

И какъ ей ни было теперь жалко отца, какъ нѣжно она его ни любила, она чувствовала, что ей нужно самой пробивать путь своей жизни и что никто другой ей въ этомъ не поможетъ.

Отецъ взялъ ее за руку.

— Какъ ты мила сегодня,—сказалъ онъ нѣжно,—прелесть. Ну, какъ же замужъ? Не собираешься?

— Не совсѣмъ еще,—отвѣтила Вѣрочка, улыбаясь.

— За кого же? За того офицера?

— Можетъ быть.

Онъ выпустилъ ея руку.

— Какъ сама хочешь,—сказалъ онъ равнодушно, вновь раскрывая свою книгу,—сама можешь судить. Смыслъ брака—честная семья. Это ясно. Поэтому, надо брать такихъ мужей и такихъ женъ, которые это понимаютъ. Очень просто. И все-таки множество несчастныхъ комбинацій.

Онъ употребилъ слово «комбинація»—и это не понравилось Вѣрочкѣ. Онъ всегда выговаривалъ это слово насмѣшливымъ тономъ, немножко черезъ носъ. Она отошла къ двери, кивнула отцу и вышла въ переднюю, гдѣ Марья Густавовна ждала ее.

III.

Въ Михайловскомъ театрѣ была субботняя элегантная публика, всегдашняя посѣтительница этихъ дней. Шелъ второй антрактъ. Уже въ первомъ антрактѣ Слонимовъ подошелъ къ Вѣрочкѣ, и они говорили о пьесѣ и актерахъ. Потомъ Слонимовъ спросилъ, была ли она сегодня на каткѣ. Она отвѣтила, что была; онъ сказалъ ей, что онъ всѣми силами тоже порывался туда, но былъ дежурнымъ по полку и не могъ вырваться. Вѣрочка замѣтила, что лицо его было особенно блѣдно.

— Вѣроятно, кутилъ,—подумала она, но сейчасъ же отогнала отъ себя подозрѣніе.

Какъ всегда, онъ ей нравился свободной манерой держать себя, доброй, веселой улыбкой и живыми глазами.

Во второмъ антрактѣ онъ опять подошелъ. Вѣрочкѣ хотѣлось пить, а главное, ей хотѣлось отдѣлаться отъ присутствія Марьи Густавовны. Она встала съ кресла и вышла въ средній широкій проходъ.

— Всеволодъ Михайловичъ,—обратилась она къ Слонимову,—устройте мнѣ стаканъ нарзана,—смерть пить хочу.

— Великолѣпно,—сказалъ онъ, обрадовавшись,—я самъ умираю отъ жажды, понимаете, отъ всяческой жажды. Пойдемте въ буфетъ.

Онъ улыбнулся и, среди густой толпы публики, пошелъ за ней въ фойэ, раскланиваясь направо и налѣво. Марья Густавовна хотѣла-было идти за ними, но Вѣрочка взглядомъ дала ей понять, чтобы она осталась.

Въ то время, какъ они рядомъ со Слонимовымъ поднимались наверхъ по лѣстницѣ, двѣ разряженныя и намалеванныя женщины, одна брюнетка съ черными глазами южанки, въ голубомъ платьѣ, вся въ фальшивыхъ брилліантахъ, другая блондинка, съ глазами томными и усталыми, попались имъ навстрѣчу.

Брюнетка, увидавъ Слонимова, вдругъ остановилась и весело улыбнулась ему, широко раскрывъ глаза.

— Tiens, tiens—сказала она развязно по-французски, и такъ же развязно засмѣялась, взявъ за руку подругу.

Она поняла, что Слонимовъ не хотѣлъ замѣчать ихъ, и молча стала внимательно разглядывать Вѣрочку.

— Кто это?—испуганно спросила Вѣрочка, уже на верху лѣстницы.

— Pardon?—удивился небрежно Слонимовъ.

— Эти дамы,—сказала Вѣрочка серьезнѣе,—мнѣ показалось, что онѣ васъ знаютъ?

Слонимовъ обернулся назадъ.

— Вотъ тѣ?—спросилъ онъ, на секунду останавливаясь.

— Да.

— Ахъ, это, кажется, пѣвицы изъ Акваріума. Недавно наши тамъ ужинали и меня съ какими-то случайно познакомили.

Они прошли въ фойэ и пили нарзанъ. Настроеніе Вѣрочки испортилось; ей даже стало на минуту неловко, что Слонимовъ идетъ съ ней. Ему улыбаются какія-то неприличныя кокотки, можетъ быть, дѣйствительно, онъ ведетъ, Богъ знаетъ, какую жизнь, и многіе это знаютъ. Если такъ, то какъ же можно думать о немъ, быть съ нимъ, а, тѣмъ болѣе, любить его? Она поспѣшно прошла на свое мѣсто въ партерѣ и сѣла рядомъ съ Марьей Густавовной. Слонимовъ вернулся за ней, досадуя въ душѣ на то, что случилось. Стоя передъ Вѣрочкой, онъ оглядывалъ ложи и глазами искалъ знакомыхъ.

— Знаете, кто сидитъ во второмъ бенуарѣ?—обратился онъ къ ней, нагибаясь.

— Нѣтъ.

— Это Коринская, извѣстная танцовщица.

— Да.

Вѣрочка не любила злословить, и она грустно молчала. Электричество въ театрѣ на половину потухло, и начался третій актъ веселой французской комедіи, въ которой жизнь и люди были утрированы въ десять разъ, но которая все же вызывала смѣхъ и веселье. Слонимовъ раскланялся съ Вѣрочкой и пошелъ на свое мѣсто во второй рядъ. Она стала смотрѣть пьесу, но такая внутренняя тоска, такое острое чувство отчаянія закипѣли въ ней, что она готова была разрыдаться, вскочить и убѣжать куда-нибудь подальше со своимъ горемъ, о которомъ никто не зналъ. Почему столько грязи, тайныхъ мученій, столько горькаго чувства? Неужели горькое чувство должно всегда отравлять намъ жизнь?

— Но, можетъ быть, я ошиблась,—думала Вѣра,—можетъ быть, мои подозрѣнія ни на чемъ не основаны?

— Нѣтъ, нѣтъ, невозможно соединить съ нимъ жизнь,—сейчасъ же говорила она себѣ,—невозможно любить его, надо жить чѣмъ-то другимъ, совсѣмъ другимъ.

Но чѣмъ, какъ жить, Вѣрочка не знала и не могла отвѣ-

тить себѣ на эти вопросы. Ей просто хотѣлось жить, хотѣлось любить, и это чувство за послѣднее время до такой степени преобладало въ ней надъ всѣми остальными, что постоянно она ловила себя на мысли пожертвовать всѣмъ, махнуть на все рукой, только бы начать жить, какъ всѣ живутъ, пользоваться и наслаждаться всѣмъ существующимъ.

Театръ хохоталъ теперь надъ комичной сценой пьесы, но этотъ хохотъ рѣзалъ Вѣрочкѣ сердце.

Нельзя, нельзя смѣяться, пока въ жизни столько нерѣшенныхъ вопросовъ, столько неправды.

IV.

Дмитрій взялъ извощика и поѣхалъ на Невскій, въ театръ Soleil, чтобы тамъ посмотрѣть новую картину охоты въ Африкѣ, которую ему хвалили, а оттуда поѣхать въ клубъ. Такимъ образомъ, вечеръ его заполнялся, и ему будетъ некогда ни одной минуты серьезно подумать надъ собой. Это и нужно было. Полный дурманъ, полное самозабвеніе въ развлеченіяхъ. Въ кинематографѣ была толпа. Всѣ мѣста были заняты. Всѣ ложи. Въ одной ложѣ сидѣла знакомая Дмитрію компанія по клубу, такая же, какъ онъ, прожигавшая жизнь. Одинъ табачный фабрикантъ, другой адвокатъ, третій писатель-юмористъ. Въ партерѣ тоже были знакомые. Два офицера и чиновникъ банка. Впереди себя Дмитрій узналъ Ольгу Степановну Ширяеву, очень красивую молодую женщину, жену художника. Онъ говорилъ про нее дома, что это самая красивая женщина Петербурга, и втайнѣ не разъ думалъ, что вотъ съ ней онъ бы съ удовольствіемъ затѣялъ романъ. Онъ любилъ говорить съ ней, любилъ смотрѣть на ея бѣлое свѣжее лицо, на ея тонкія прекрасныя руки, слушать ея пѣвучій голосъ, говорившій всегда интересныя вещи. Она не была похожа на большинство женщинъ, говорившихъ только о матеріальныхъ внѣшнихъ дѣлахъ. Напротивъ. Она говорила всегда о вопросахъ болѣе отвлеченныхъ, о литературѣ, объ искусствѣ, даже о религіи, и видно было, что она искренно этимъ интересовалась. Ея мужъ былъ бездарный художникъ, скучный, сѣрый человѣкъ. Онъ, путемъ знакомства съ «хорошими господами», титулованными дворянами и высокопоставленными людьми, плохіе портреты которыхъ онъ писалъ за большія деньги, добился мѣста въ одномъ изъ петербургскихъ музеевъ и жилъ теперь сытой жизнью средняго обывателя. Писать онъ почти

перестал, слабо всѣмъ интересовался, былъ директоромъ клуба, и, хотя у него было собственное званіе помощника хранителя музея, его скорѣе знали въ обществѣ подъ именемъ мужа красивой Ширяевой, съ которой онъ, впрочемъ, показывался рѣдко. Она выѣзжала всюду одна, и мужъ давалъ ей полную свободу.

Господинъ, сидѣвшій подлѣ Ольги Степановны, всталъ, и Дмитрій сейчасъ же подсѣлъ къ ней. Она радостно удивилась, узнавъ его.

— Дмитрій Васильевичъ,—сказала она, протягивая руку въ перчаткѣ,—какъ я рада васъ видѣть. Славная вещь кинематографъ. А? Я люблю, а мужъ ненавидитъ. Впрочемъ, мы всегда съ нимъ расходимся. Какъ здоровье вашего отца?

— По-прежнему.

— Я очень люблю вашу семью. И сестру вашу, и васъ, и даже вашу Густавовну. Ну, что новаго затѣваете?

— Ничего. Жду, чтобы судьба указала. Скверно живется. Лѣнь, апатія. Надо бы удрать куда-нибудь путешествовать.

— Знаете что,—оживленно заговорила Ширяева, поѣдемте вмѣстѣ. Я бы съ удовольствіемъ. Невозможно сидѣть постоянно въ Петербургѣ. Такая закись и перекись, что сохрани Богъ. Всѣ мы такъ надоѣли другъ другу. Да и немудрено. Всѣ живутъ одной и той же жизнью, всѣ одинаковые.

На экранѣ шла драма Патэ. Что-то «потрясающее». Женщина хотѣла убить другую изъ ревности, оказалось, что это ея дочь. Публика внимательно смотрѣла и кто-то шикнулъ, чтобы громко не говорили. Ширяева замолчала, но, чтобы договорить, нагнулась къ уху Дмитрія и сказала:

— Такъ ѣдемъ? Да? Вы будете моимъ спутникомъ.

— Рѣшено,—сказалъ Дмитрій.

Онъ чувствовалъ ея близость, и она была пріятна ему. Ему казалось, что онъ могъ бы просидѣть съ ней такъ всю жизнь. Онъ вспомнилъ, что у нея не было дѣтей, что она была изъ хорошей семьи, и ему пришла мысль: «А что, если развести ее, да на ней жениться? Пожалуй, трудно найти что-нибудь лучшее во всѣхъ отношеніяхъ».

Но брезгливость, что она уже не чистая дѣвушка, что она принадлежитъ другому, тотчасъ же ослабила, почти уничтожила его мысль.

Драма Патэ кончилась. Ширяева встала и протянула руку Дмитрію. Онъ всталъ за ней.

— Уходите?—спросилъ онъ.

— Я все видѣла.

— Ну, такъ и я ухожу, хотя я не видѣлъ того, зачѣмъ пришелъ,—охоты.

— Напрасно. Это надо видѣть.

— Тогда вы посидите еще,—сказалъ Дмитрій,—я ухожу потому, что вы уходите.

— Мнѣ нельзя, милый Дмитрій Васильевичъ,—мужъ ждетъ.

— Что, мужъ?...—нетерпѣливо сказалъ Дмитрій,—мужъ!.. Вѣдь это же старинный предразсудокъ,—особенно для васъ.

— Я обѣщала.

— Ну, такъ я васъ провожаю.

И онъ пошелъ за ней къ выходу черезъ темный залъ. Они вышли вмѣстѣ на Невскій. Она все отсылала его назадъ смотрѣть охоту, но онъ уперся и шелъ съ ней рядомъ. Онъ подозвалъ извощика и предложилъ ей подвезти ее. Она согласилась, и они поѣхали вмѣстѣ на Троицкую, гдѣ у Ширяева въ новомъ домѣ была мастерская. Дмитрію хотѣлось по душѣ поговорить съ Ольгой Степановной и прежде всего пожаловаться ей на себя и свою жизнь. Она точно почувствовала это и, прежде, чѣмъ онъ успѣлъ заговорить самъ, спросила:

— Такъ живется тяжело? Да? Что дѣлать? Кому сладко. Я сама не хочу покоя, особенно въ нынѣшнемъ году. Все опротивѣло, все какъ-то ни къ чему. Знаете? Я думаю, что на свѣтѣ въ сущности есть только одно настоящее счастье,—это любовь. Но подите-ка полюбите, какъ слѣдуетъ. Такъ, чтобы «въ груди дрожали жизни силы», чтобы любовь вдохновляла васъ на жизненный подвигъ. Это случается только съ избранными...

— Любовь вещь хорошая,—я не спорю,—спокойно сказалъ Дмитрій,—увлекался я немножко; но не думаю, чтобы она могла вполнѣ удовлетворить. Вещь проходящая, вотъ бѣда.

— О, тогда это не любовь, голубчикъ мой, не любовь, не любовь,—живо сказала Ширяева,—тогда, значитъ, вы понятія не имѣете о томъ, что это такое. Нѣтъ, любовь—это вся жизнь человѣка, это обожаніе любимаго существа до гроба, до послѣдняго издыханія. Все для него и онъ центръ міра. Пусть въ немъ будутъ всѣ человѣческіе недостатки, но вы все-таки боготворите его, готовы пожертвовать для него всѣмъ, что у васъ есть самаго дорогого.

— Ой, есть ли такая любовь?—спросилъ Дмитрій, засмѣявшись,—особенно въ наше время? Впрочемъ, можетъ быть. Спасибо хоть за то, что вы вѣрите въ это. А то просто бѣда, хоть стрѣляйся— никто ни во что не вѣритъ, ни въ Бога, ни въ чорта, ни въ любовь. Прямо страшно жить безъ смысла и цѣли.

— Повѣрьте,—только это и есть,—повторила тихо Ширяева;—но у насъ слишкомъ скверный климатъ,—прибавила она съ улыбкой,—слишкомъ мерзкая погода, чтобы въ нашихъ сердцахъ постоянно горѣлъ тотъ единственный огонь, который даетъ энергію и радость жизни. Смотрите, пожалуйста, какая прелесть полетѣла. Вѣдь это ужасно! Не поднять ли верхъ пролетки? А то я испорчу перчатки,—все.

Съ ноябрьскаго неба вдругъ повалили крупные и мокрые снѣжные хлопья, которые въ нѣсколько секундъ задернули все бѣлой завѣсой. Дмитрій остановилъ извощика и велѣлъ ему поднять верхъ.

За густой пеленой валившаго снѣга едва мерцали яркіе огни фонарей и освѣщенныя окна магазиновъ. Когда верхъ былъ поднятъ, поѣхали дальше. Дмитрій взялъ Ольгу Степановну за руку и, обернувшись къ ней, сказалъ:

— Я такъ радъ, что встрѣтилъ васъ. Я всегда счастливъ, когда бываю съ вами. Умоляю васъ. Будьте добры со мной. Я буду вамъ безконечно благодаренъ. На свѣтѣ такъ мало людей, съ которыми хорошо.

— Я очень рада,—сказала она просто,—заходите почаще. Я всегда дома, такъ около шести. Поговоримъ.

— Хорошо. Непремѣнно.

— Родственнымъ душамъ необходимо общеніе,—сказала она задушевно,—онѣ вмѣстѣ яснѣе видятъ свѣтъ и тѣни жизни и разбираются въ нихъ. Родственнымъ душамъ въ сущности грѣшно не сходиться. Вѣдь съ душой не родственной—страданіе, отчаяніе. Кажется, что жить нельзя, надо уйти изъ жизни. Какъ только встрѣтишь человѣка, такъ опять жить можно. Между нами будь сказано,—я очень уважаю моего уважаемаго супруга, но онъ мнѣ чужой. Онъ образецъ добродѣтели и разумнаго поведенія, но я его совершенно не понимаю. Чѣмъ живетъ этотъ человѣкъ или, скорѣе, какъ онъ можетъ такъ жить? Обѣдъ у графа такого-то, или завтракъ у князя такого-то, и онъ счастливъ. А если эти графы и князья еще и портретъ ему закажутъ, такъ онъ на верху блаженства. Никогда сомнѣнія нѣтъ въ томъ, что все кругомъ него гроша мѣднаго не стоитъ, что все это надо на сломку, на смарку, что всѣ кругомъ страдаютъ и жить такъ дальше нельзя...

— Однако! Мы, кажется, проѣхали нашъ домъ,—спохватилась она, высовываясь изъ пролетки,—извощикъ! Назадъ! Первый подъѣздъ налѣво...

Они простились, сговорились видѣться, и Дмитрій, чувствуя

что-то необычно хорошее, поѣхалъ назадъ по Невскому въ свой клубъ. Онъ думалъ теперь, воображая, что на этотъ разъ онъ думаетъ совершенно справедливо:

«Да. Она права. Только общеніе съ умной, тонкой женской душой и не только общеніе, но любовь, настоящая, полная любовь такой женщины и полное общеніе съ ней, могутъ мнѣ помочь. Все, все тогда представится въ другомъ свѣтѣ. Тогда сама эта мерзкая петербургская осень, самъ Невскій проспектъ съ вывѣсками покажутся раемъ, какъ мнѣ они почти кажутся сегодня. Тогда всякое горе сдѣлается радостью, и всѣ люди сдѣлаются добрыми и интересными».

Дмитрій спросилъ себя, можетъ ли онъ полюбить такъ, какъ она говорила, чтобы пожертвовать для нея всѣмъ и любить до конца жизни. И ему казалось, что можетъ, что въ ней было все то хорошее и цѣнное, чему стоило служить. Она будетъ его сокровищемъ, источникомъ его счастья.

V.

Когда Дмитрій пріѣхалъ въ клубъ, который въ Петербургѣ назывался кратко «Двадцатымъ», тамъ еще не было почти никого. Это было собраніе журналистовъ, артистовъ, чиновниковъ, офицеровъ, педагоговъ, адвокатовъ, художниковъ и лицъ другихъ профессій, созданное въ сущности съ одной простой и явной цѣлью—имѣть доходную и игорную лавочку, гдѣ можно было не только поиграть въ карты, но и поужинать и выпить съ пріятелями. Дмитрій подробно не зналъ, какъ возникъ этотъ клубъ, да и не интересовался этимъ, а попалъ въ него случайно, въ одинъ скучный осенній вечеръ, послѣ театра.

Первое время онъ ходилъ сюда гостемъ, потомъ его выбрали дѣйствительнымъ членомъ. Сначала онъ въ карты почти не игралъ, потомъ постепенно выучился и втянулся и, такъ какъ всѣ знали его за сына богача, то у него открылся кредитъ, ему давали взаймы, не только знакомые, но и карточники и кассиръ. Въ клубѣ главнымъ карточникомъ былъ толстый, краснощекій Степанъ, который, началъ службу здѣсь простымъ лакеемъ, потомъ получилъ почетный чинъ «главнаго карточника» и такъ разбогатѣлъ, что немногіе изъ игроковъ могли сравниться съ нимъ состояніемъ. Давая взаймы, Степанъ получалъ чудовищные проценты и, такъ какъ онъ служилъ въ тѣ годы, когда въ «Двад-

цатомъ» шла безумная игра, то въ нѣсколько лѣтъ его первая тысяча рублей обратилась въ десятки, а потомъ въ сотни тысячъ. Степанъ иногда зарабатывалъ въ одну ночь по нѣсколько сотъ рублей, и такимъ образомъ въ годъ получалъ дохода нѣсколько десятковъ тысячъ рублей,—содержаніе, которому позавидовалъ бы любой министръ. Степанъ сдѣлался мало-по-малу совсѣмъ приличнымъ господиномъ, одѣвался бариномъ, купилъ себѣ дачу въ Финляндіи и домъ на Охтѣ, здоровался съ нѣкоторыми господами за руку и разсуждалъ о биржевыхъ дѣлахъ. Днемъ ему нечего было дѣлать, и онъ дома спалъ, и, выспавшись, отправлялся на бѣга или скачки, гдѣ игралъ на тотализаторѣ, всегда навѣрняка. Ѣлъ онъ страшно много, отъ чего изъ года въ годъ безбожно толстѣлъ; иногда съ горя, что ему не отдаютъ долговъ, напивался, а въ общемъ былъ похожъ на объѣвшагося паука, который только ждетъ того, чтобы, переваривъ проглоченную пищу, снова распустить свою паутину и запутать въ нее еще возможно большее количество новыхъ жертвъ.

Дмитрій былъ долженъ карточнику Степану триста рублей и сегодня пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы отыграться и заплатить ему этотъ давно мучившій его долгъ. Кромѣ того, онъ былъ долженъ двумъ игрокамъ и кассиру всего около восьмисотъ рублей. Каждый разъ, что онъ такъ должалъ, онъ давалъ себѣ слово впредь никогда больше не брать взаймы и играть мелкую игру. Но всякій разъ онъ снова приходилъ въ азартъ, увлекался, проигрывалъ крупнѣе, чѣмъ хотѣлъ, и снова бралъ взаймы.

Послѣ встрѣчи съ Ширяевой, Дмитрій былъ въ хорошемъ настроеніи. Но, какъ только онъ переступилъ порогъ клуба, сразу ему шибнуло въ носъ затхлой, порочной атмосферой, и у него стало темно на душѣ. Въ клубѣ было еще только двое игроковъ, добродушный, блѣдный и жалкій отставной полковникъ Миличъ, завсегдатай этого учрежденія, и другой, Шаховъ, маленькій, желчный человѣчекъ. Видъ этихъ полутруповъ уже произвелъ на Дмитрія тяжелое впечатлѣніе. Они сидѣли вдвоемъ въ столовой и говорили о вчерашней игрѣ,—кто выигралъ, кто проигралъ. Продолжалъ выигрывать одинъ счастливчикъ, выигравшій уже сотни тысячъ рублей.

Дмитрій прошелъ въ библіотеку и сталъ просматривать послѣдніе журналы.

— Боже, къ чему все это пишутъ и печатаютъ?—подумалъ онъ, перелистывая книгу за книгой,—кто это читаетъ?

Дмитрій сердился. Сердился на себя прежде всего за то,

что сидѣлъ въ клубѣ и не былъ въ силахъ уйти изъ него и навсегда отрясти прахъ отъ ногъ своихъ. Сердился на все и на всѣхъ.

Около одиннадцати игроки стали собираться. Всѣ они шли съ увѣренностью выиграть, и большинство должно было уйти, навѣрное, проигравъ. Вѣдь за одно помѣщеніе клуба, его освѣщеніе, за штрафы, на жалованье «директорамъ» и старшинамъ, на множество другихъ расходовъ «собранія», каждый членъ волей-неволей платилъ своимъ проигрышемъ. Явился, неожиданно для Дмитрія, художникъ Ширяевъ, мужъ Ольги Степановны, съ которой онъ только-что былъ. Онъ давно зналъ его и давно относился къ нему безразлично. Онъ былъ пораженъ, познакомившись съ его женой, что она вышла за него замужъ. Что она нашла въ немъ?

— Впрочемъ,—отвѣчалъ онъ себѣ,—сколько такихъ «недоразумѣній», на которыя сами супруги отвѣтить не могутъ.

Ширяевъ въ карты не игралъ, за то былъ однимъ изъ директоровъ «Двадцатаго» и получалъ за это двѣ тысячи въ годъ. Онъ бралъ эти деньги безъ зазрѣнія совѣсти, отлично понимая, что это кровныя деньги проигравшихся. Въ клубѣ онъ съ важностью велъ и хозяйственную часть, распекая бухгалтеровъ и лакеевъ, слѣдилъ за кухней, считалъ деньги. Когда появлялась его высокая, съ брюшкомъ фигура съ маленькой плѣшивой головкой на широкихъ плечахъ, всѣ служащіе подтягивались. Въ клубѣ же Ширяевъ дѣлалъ выставки своихъ плохихъ картинъ, назначая за нихъ высокія цѣны.

Дмитрію не хотѣлось теперь разговаривать съ нимъ, но тотъ самъ подошелъ къ нему и, поздоровавшись, сѣлъ рядомъ въ кресло. Онъ посидѣлъ съ минуту, точно рѣшалъ что-то очень важное, потомъ всталъ и взялъ со стола послѣднюю книгу «Русской Мысли».

Дмитрій смотрѣлъ на него съ ненавистью. Глаза ихъ случайно встрѣтились.

— Что? Поиграть пришли? — спросилъ Ширяевъ. — Вы, кажется, немножко увлеклись? А?

— А вы никогда не играете?—спросилъ Дмитрій, вмѣсто отвѣта.

— Нѣтъ.

— Зачѣмъ же вы тогда ходите сюда? Вѣдь ходить сюда имѣетъ оправданіе только, когда играешь?

Ширяевъ притворно удивился.

— Почему?—спросилъ онъ,—вотъ не понимаю.

— Потому, что игорный домъ созданъ для игры и ею одной держится.

— Почему? Каждый воленъ играть или не играть. Это его дѣло. Я не играю. Вотъ и все.

— Ну, тогда бы я на вашемъ мѣстѣ не былъ директоромъ.

— Почему?—еще рѣзче спросилъ Ширяевъ, пожавъ плечами,—этого я уже совсѣмъ не понимаю?!

— А я не понимаю, — сказалъ Дмитрій, — какъ мы не только содержимъ и развиваемъ, а вообще терпимъ подобныя учрежденія, какъ наши клубы, въ которыхъ люди разоряются, изъ-за которыхъ люди страдаютъ и даже стрѣляются? Если власть терпитъ подобную мерзость, то я не понимаю, какъ общество это терпитъ,—мы сами? Не разумнѣе ли было бы учредить дневные клубы безъ картъ, какъ въ Англіи, гдѣ мы могли бы собираться? Мы все-таки платили бы меньше, чѣмъ проигрываемъ теперь, если бы платили даже по нѣсколько сотъ рублей въ годъ каждый. Правда, я самъ хожу сюда и вотъ сижу, чтобы отыграть мои деньги, но я знаю, что я дѣлаю это по глупости и слабости.

— Вотъ это вѣрно,—криво улыбнувшись, сказалъ Ширяевъ, — это совершенно вѣрно. Но изъ этого не слѣдуетъ, что всѣ члены клуба должны выйти изъ него. Здѣсь много интереснаго,—общеніе съ людьми, отдыхъ для людей занятыхъ.

— Хорошъ отдыхъ,—засмѣялся Дмитрій,—до восьми утра дуться въ *макао*.

— Не дуйтесь.

— Да, да, — попробуйте-ка удержаться, если вы живой человѣкъ.

— Удерживаюсь,—сказалъ Ширяевъ и сѣлъ въ кресло.

«Хорошо бы взять стулъ, да изо всѣхъ силъ трахнуть этого противнаго, холоднаго человѣка по головѣ — подумалъ Дмитрій,—убить его, чтобы никогда больше не видѣть его самодовольной, упитанной рожи».

Онъ блѣдный всталъ и вышелъ изъ библіотеки въ игорныя комнаты.

VI.

Въ сердцѣ у него клокотало, и теперь играть, играть было для него единственнымъ спасеніемъ.

Не пить же водку, которую онъ не переносилъ? Не ѣхать

же къ женщинамъ, не стрѣляться же, какъ многіе? Оставались карты. Такъ онъ разсуждалъ, зная, что разсуждаетъ ложно.

Въ игорной только-что садились за второй столъ. Не доставало одного игрока.

Дмитрія, конечно, приняли съ восторгомъ, и игра началась. Паукъ Степанъ съ толстымъ брюхомъ уже обходилъ столы, собирая деньги за карты. Сначала игра шла скучная. Никто особенно не выигрывалъ, никто не проигрывалъ. Ставки были мелкія.

Дмитрій сказалъ себѣ, что, когда онъ будетъ въ выигрышѣ 400 рублей, онъ встанетъ, заплатитъ долги и навсегда уйдетъ изъ клуба. Но карта ему не шла, денегъ у игроковъ было повидимому мало, и казалось безнадежнымъ что-нибудь сдѣлать въ этотъ вечеръ. Былъ уже второй часъ ночи. Комната наполнилась народомъ и табачнымъ дымомъ. На «золотомъ» столѣ пошла сильная игра. Неожиданно явились двое новыхъ игроковъ, которыхъ давно не было видно. Одинъ офицеръ, другой его пріятель, сынъ купца Николаевъ, оба красавца и пьяницы. Сегодня тоже они пріѣхали сильно на-веселѣ и въ крайне возбужденномъ настроеніи... Оказалось, что они гдѣ-то играли, выиграли около двадцати тысячъ и спьяна привезли всѣ эти деньги съ собой.

Лакей внесъ въ игорную цѣлую кучу самыхъ разнообразныхъ денегъ, завернутыхъ въ большую салфетку. Николаевъ вывалилъ ихъ всѣ на табло, передъ которымъ металъ банкъ Дмитрій.

— Зачѣмъ такъ много сразу, господинъ Николаевъ?—обратился къ нему кто-то изъ игроковъ.

— Хочу,—отвѣтилъ онъ, тяжело садясь къ столу,—тутъ двадцать тысячъ—мечите!

Дмитрій съ улыбкой сталъ метать свой банкъ, въ которомъ было заложено всего двадцать рублей. Онъ открылъ свои карты. У него было шесть, на табло, гдѣ лежала груда денегъ, было очко.

— Мечите, мечите еще, — сказалъ Николаевъ, — берите двугривенный и мечите!

Дмитрій далъ карту и еще убилъ, взявъ сорокъ рублей. У него образовалось восемьдесятъ.

— Мечите!—кричалъ Николаевъ.

Дмитрій рѣшилъ, что онъ дастъ еще четыре карты, и тогда, если суждено выиграть, у него образуется около 900 рублей, что ему и нужно было. И онъ убилъ еще четыре карты и снялъ банкъ.

— Видалъ? — сказалъ Николаевъ. И, немножко опомнившись, онъ загребъ къ себѣ оставшіяся девятнадцать тысячъ и сталъ прятать ихъ по карманамъ.

Тогда Миша Головинъ, всегда хорошо относившійся къ Дмитрію, шепнулъ ему на ухо: «Уѣзжай! А то опять проиграешь».

Миша служилъ въ министерствѣ земледѣлія, былъ сосѣдъ Карцевыхъ по имѣнію и дружилъ съ ними давно. Онъ бывалъ у нихъ въ деревнѣ, иногда обѣдалъ въ Петербургѣ и немножко ухаживалъ за Вѣрочкой, которая относилась къ нему, какъ къ товарищу дѣтства.

— Уѣзжай моментально,—повторилъ Головинъ.

Но Дмитрій вмѣсто того, чтобы послушаться, заплатить долги и уѣхать, остался еще играть, соблазненный выигрышемъ. Однако, онъ подозвалъ Степана и отдалъ ему долгъ съ хорошимъ процентомъ. Степанъ обрадовался, и круглое лицо его засіяло жадностью, пока онъ считалъ четвертные билеты, которые волей судьбы сами лѣзли въ его карманъ.

— Какая все это мерзость,—думалъ Дмитрій,—какая-то болѣзнь, которой заражены тысячи, десятки тысячъ хорошихъ людей въ этомъ проклятомъ городѣ, да и по всей Россіи.

Но встать и уѣхать у него не хватало силы воли.

Слишкомъ весело, увлекательно, пріятно было ощущеніе игры, когда вниманіе напряжено до крайней степени, когда борешься, волнуешься, побѣждаешь, опять тонешь и снова поднимаешься.

Кто-то сказалъ, что для игрока есть только два наслажденія въ жизни, — одно играть и выигрывать, другое играть и проигрывать. Дмитрій начиналъ чувствовать это на себѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ заразился этой худшей изъ страстей; и иногда его прямо пугало странное, овладѣвавшее имъ временами во время проигрыша чувство, выражавшееся тѣмъ, что ему хотѣлось проигрывать, проигрывать еще, жечь деньги свои и чужія въ возможно большемъ количествѣ, точно въ этомъ уничтоженіи ихъ было спасеніе. Все равно, если онъ проиграетъ все, что у него есть, надѣлаетъ долговъ, проиграетъ впередъ все состояніе отца, — тѣмъ лучше. Меньше останется соблазна, діавольскаго металла, который порождаетъ въ мірѣ столько лжи и зла.

Послѣ выигрыша Дмитрію не повезло, и онъ всю ночь проигрывалъ до утра.

VII.

Уже свѣтало. Вышли утреннія свѣжія газеты. По Невскому, въ американкахъ нѣсколько наѣздниковъ проѣзжали рысаковъ, готовя ихъ къ сегодняшнему бѣгу. Было воскресенье. Дмитрій взялъ извозчика и, мрачный, разбитый, поѣхалъ домой. Опять онъ занялъ у карточника, опять проигралъ всѣ свои деньги, и ему предстояло еще играть, еще мучиться, чтобы отыграться. Онъ отлично сознавалъ, что и въ слѣдующій разъ онъ можетъ проиграть, но все же надѣялся, что когда-нибудь онъ сдѣлается умнѣе и сможетъ уйти послѣ выигрыша вмѣсто того, чтобы играть еще, пока снова не проиграется, какъ сегодня. Онъ смотрѣлъ на прохожихъ, на спящіе дома, на скучныя вывѣски магазиновъ, и тяжелыя мысли давили ему голову.

— Къ чему? Зачѣмъ вся эта городская жизнь, въ которой нѣтъ никакой отрады, въ которой все тяжело, безцѣльно и безсмысленно? Живутъ же люди въ деревняхъ, обходясь безъ клубовъ, безъ газетъ и безъ бѣговъ, безъ магазиновъ, безъ казармъ, театровъ и министерствъ? И насколько въ деревнѣ всѣ чувствуютъ себя счастливѣе только потому, что ближе къ природѣ и дальше отъ людского зла, сгущеннаго въ городахъ.

Дмитрій вспомнилъ Карцовку, имѣніе отца, которое онъ особенно любилъ.

— Уѣхать туда жить навсегда?—подумалъ онъ,—бросить всѣ другіе планы на будущее и сдѣлаться помѣщикомъ?

Онъ сталъ думать о себѣ и своей жизни.

Два послѣднихъ года онъ прожилъ за границей, которая особенно внутренно оторвала его отъ Россіи и открыла ему глаза на многое. Кончивъ въ Петербургѣ университетъ и навсегда освобожденный отъ военной службы, онъ слушалъ лекціи въ Парижѣ, потомъ перекочевалъ въ Бернъ, оттуда въ Германію. Юристъ по образованію, онъ вездѣ учился тѣмъ же наукамъ. Онъ вернулся въ Россію съ тѣмъ, чтобы поступить на какую-нибудь службу. Но все то, что предлагали, не нравилось ему, и онъ ждалъ, чтобы ему представилось наконецъ занятіе по душѣ. Какое-нибудь частное живое дѣло больше всего могло бы заинтересовать его, такое дѣло, какое было у отца. Но именно такихъ дѣлъ пока не было, и казалось очень труднымъ найти ихъ. На государственную службу идти не хотѣлось потому, что, начавъ ее, надо было тянуть лямку, а на это нужно терпѣніе и большой, длительный, скрытый запасъ тщеславія. Дмитрій

чувствовалъ, что онъ не созданъ для карьеры чиновника. На-дняхъ отецъ обѣщалъ ему устроить его пайщикомъ одного новаго цементнаго предпріятія; потомъ пріятель, товарищъ по университету, звалъ его въ новую безпартійную газету. Оба эти дѣла были ему по душѣ, и послѣднее время онъ жилъ надеждой, что они осуществятся.

— Тогда, конечно, брошу эту жизнь,—думалъ Дмитрій,—карты никогда въ руки не возьму.

Подъѣзжая къ своему дому на Кирочной, онъ почувствовалъ щемящее чувство безпокойства и угрызенія совѣсти. Онъ вспомнилъ разговоръ съ отцомъ, его блѣдное, усталое лицо, и ему стало такъ тяжело на сердцѣ, какъ бываетъ, когда ждешь, что непремѣнно вотъ-вотъ должно случиться какое-нибудь большое несчастье.

«Не можетъ быть такъ страшно, жутко на сердцѣ, если все благополучно, кромѣ безсонной ночи и новаго проигрыша».

Однако, Дмитрій успокоилъ себя, сказавъ себѣ, что у него разстроены нервы. Онъ заплатилъ рубль извощику и вбѣжалъ въ переднюю. Швейцара внизу не было, и Дмитрій вошелъ на второй этажъ. Дверь въ ихъ квартиру была настежь открыта, и тамъ кто-то пробѣжалъ черезъ столовую. Другой женскій голосъ говорилъ въ телефонъ.

— Что такое?—въ недоумѣніи подумалъ Дмитрій,—что это значитъ?

Онъ быстро вошелъ въ квартиру и ясно разслышалъ испуганный голосъ сестры, говорившей въ корридорѣ въ телефонъ:

— Сію минуту! Да? Ради Бога! Мы ждемъ! Такъ сію минуту? Ради Бога!

Вѣрочка повѣсила трубку и, увидавъ Дмитрія, бросилась къ нему навстрѣчу.

— Папѣ плохо. Я вызвала двухъ врачей. Григорій ушелъ за докторомъ въ сосѣдній домъ. Телефонировала тебѣ въ клубъ, но сказали, что ты уже уѣхалъ. Я думаю, что у него ударъ. Иди за мной. Можетъ быть, это конецъ? Никто не знаетъ...

— Когда же? Что? Какъ?

Дмитрій не находилъ словъ для своихъ вопросовъ.

— Съ вечера онъ меня ждалъ... Мы вернулись изъ театра около двѣнадцати; пили чай; онъ былъ ничего себѣ, только пожаловался на сердце, когда пошелъ спать. Сейчасъ только онъ позвонилъ и велѣлъ позвать меня... Я застала его въ ужасномъ состояніи... Онъ метался, задыхался—я подумала, что это опять астма. Но это не то, совсѣмъ не то, онъ умираетъ...

Послѣднее слово она произнесла почти вскрикнувъ, и еще разъ повторила «умираетъ», уже другимъ, упавшимъ и дрогнувшемъ голосомъ.

Она быстро пошла черезъ гостиную и кабинетъ въ темную спальню отца. Дмитрій почти бѣгомъ обогналъ ее и, только когда былъ въ дверяхъ спальни, на цыпочкахъ, тихонько подошелъ къ постели. На головѣ больного было положено сырое полотенце; онъ лежалъ на спинѣ съ закрытыми глазами и тяжело дышалъ. Съ каждымъ вздохомъ вырывался изъ его полуоткрытаго рта жалкій, глухой стонъ. У изголовья стояла Марья Густавовна.

— Папа! Милый! Что съ тобой?—тихо сказалъ Дмитрій, нагибаясь къ отцу.

Кровь громко застучала у него въ вискахъ и въ груди. Больной шевельнулъ пальцами лѣвой руки, лежавшей на простынѣ, сжалъ сухія губы, потомъ раскрылъ ихъ и, собравшись съ силами, медленно съ трудомъ проговорилъ:—Дмитрій... Здравствуй. Вотъ... Плохо и, можетъ быть, конецъ. Ничего. Хорошо...

И опять стоны, жалобные и однообразные, раздались въ мрачной, душной комнатѣ, точно они говорили откуда-то изъ другого далекаго міра и звали туда, обѣщая тамъ отдыхъ.

Вѣрочка вцѣпилась въ руку брата, потомъ посмотрѣла ему пытливо въ глаза. Дмитрій молча кивнулъ ей нѣсколько разъ головой, какъ бы говоря этимъ движеніемъ и всѣмъ выраженіемъ своего серьезнаго, блѣднаго лица:

— Да, пожалуй, конецъ.

Вѣрочка вдругъ закрыла лицо руками и, отойдя къ камину, тихо зарыдала.

Дмитрій выбѣжалъ въ гостиную, потомъ въ корридоръ и еще сталъ звонить врачамъ. Но въ это время одинъ уже входилъ въ переднюю; за нимъ вошелъ бритый Григорій, растерянный и запыхавшійся. Дмитрій сейчасъ же повелъ незнакомаго доктора въ спальню.

Вѣрочка пошла за ними. Василій Игнатьевичъ лежалъ все въ томъ же положеніи, но стоны его стали тише и рѣже. На ввалившемся, страдальческомъ лицѣ появился слабый фіолетовый оттѣнокъ. Густыя брови немножко нахмурились. Докторъ пощупалъ пульсъ, потомъ послушалъ ухомъ сердце, потомъ взялъ за руку больного и сталъ пристально смотрѣть ему въ лицо. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но не рѣшился, всталъ и прошелъ къ дверямъ въ кабинетъ.

— Ну что? Что это?—сейчасъ же обратились къ нему Дмитрій и Вѣрочка.

— Не важно,—отвѣтилъ онъ кратко,—ударъ, и очень нехорошій; я не могу еще ничего сказать опредѣленнаго; я желалъ бы все-таки посовѣтоваться съ кѣмъ-нибудь изъ коллегъ. Вы ждете? Ну вотъ. Хотя въ этихъ случаяхъ, долженъ сказать откровенно, лучше всего приготовиться къ самому печальному. Всѣ признаки...

Въ это время вошелъ другой домашній докторъ семьи, Валевскій, вызванный по телефону, и опять всѣ торопливо пошли въ спальню.

— Если хотите еще что-нибудь услышать отъ него, то не отходите,—просто, но серьезно сказалъ Валевскій, отводя Дмитрія въ сторону, послѣ того, какъ онъ быстро осмотрѣлъ больного,—хотя вѣроятнѣе всего, что теперь онъ уже не скажетъ ни слова. Умирающій вдругъ громко застоналъ, точно услышалъ то, что̀ говорили, и издалъ звукъ, похожій на слово. Дѣти сейчасъ же бросились къ нему. Онъ съ трудомъ поднялъ тяжелыя вѣки и еще разъ громко застоналъ.

Вѣрочка нагнулась къ нему, взяла его холодную, безжизненную, какъ вещь, руку и прижалась къ ней губами.

— Папа, дорогой. Что тебѣ сдѣлать? Бѣдный, милый, драгоцѣнный.

Онъ слабо шевельнулъ губами, точно хотѣлъ улыбнуться. Ему дали пить, поддерживая голову, но онъ не могъ больше глотать, и вода вылилась ему на волосатую, открытую подъ рубашкой грудь, и голова снова тяжело упала на подушку.

— Боже, какъ это просто, какъ просто и въ то же время страшно, непонятно, непривычно. Гдѣ же онъ?

Дмитрій входилъ и выходилъ изъ комнаты отца, тихо дѣлая распоряженія, за которыми всѣ обращались къ нему, и мысленно все повторялъ то же самое, чувствуя себя маленькимъ, жалкимъ и дряннымъ.

Новые вопросы жизни, которые раньше не трогали его, встали передъ нимъ, загадочные, сложные, огромные. И въ эти минуты и въ послѣдующіе ближайшіе дни Дмитрію казалось, что ему непремѣнно надо скорѣе разрѣшить ихъ, иначе нѣтъ смысла жить.

VIII.

Дѣти, теряя родителей, чувствуютъ, что какая-то крѣпкая связь ихъ съ жизнью вдругъ оборвалась. Эта связь, мало ощу-

щаемая при жизни тѣхъ, кто внезапно уходитъ изъ этого міра, бываетъ разная. Въ однѣхъ семьяхъ жизнь родителей способствуетъ тому, что дѣти живутъ лучше, въ другихъ—наоборотъ. Но во всѣхъ семьяхъ эта связь очень сильна и, когда старики умираютъ, дѣти неизбѣжно чувствуютъ, что въ жизни ихъ начинается совсѣмъ новая полоса.

Послѣ смерти отца, Дмитрій первое время былъ настроенъ очень серьезно. Ему казалось, что онъ долженъ начать теперь совсѣмъ новую, хорошую жизнь. Но не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ онъ съ грустью увидѣлъ, что онъ не сталъ не только лучше, но еще менѣе спокойнымъ, чѣмъ прежде, и что жизнь еще сильнѣе понесла его по своему бурному теченію. Его личная жизнь вдругъ проснулась въ немъ съ такой требовательностью и эгоизмомъ, что онъ, не разсуждая, отдался ей съ жадностью, какой самъ не зналъ въ себѣ.

Черезъ годъ, послѣ смерти отца, въ декабрѣ, Дмитрій вернулся въ Петербургъ, послѣ трехъ мѣсяцевъ путешествія, и остановился въ новой, лучшей въ городѣ, гостиницѣ. Онъ не хотѣлъ останавливаться у сестры, которая жила теперь самостоятельно съ Марьей Густавовной, переѣхавъ на небольшую квартирку на Стремянной, во-первыхъ, потому, что онъ стѣснялъ бы этимъ себя, во-вторыхъ, потому, что Вѣрочка не одобряла его жизни и, хотя не знала въ подробностяхъ, чѣмъ и какъ онъ жилъ, но въ общемъ видѣла, что онъ кутилъ и наслаждался гораздо больше, чѣмъ прежде, тратилъ большія деньги и все еще не начиналъ никакого дѣла.

Около двухъ часовъ дня, хорошо одѣтый человѣкъ лѣтъ тридцати постучался въ номеръ Дмитрія, въ третьемъ этажѣ. Отвѣта не было. Господинъ постучался еще разъ громче, и опять никто не отвѣтилъ ему. Подошелъ коридорный.

— Спятъ, должно быть,—сказалъ коридорный,—поздно вернулись, я отопру дверь своимъ ключемъ. Постучимъ поближе.

И онъ отперъ первую дверь, въ прихожую номера. Господинъ сталъ стучаться во вторую дверь съ матовымъ стекломъ.

— Дмитрій Васильевичъ, Митя,—закричалъ онъ,—вставай! Третій часъ.

— Ау,—послышался, наконецъ, голосъ Дмитрія,—кто тамъ?

— Я,—сказалъ господинъ,—узнаешь?

— Миша!..

— Онъ самый.

Дверь открылась, и Дмитрій, заспанный, въ ночной рубашкѣ, улыбаясь, впустилъ къ себѣ пріятеля Мишу Головина, того са-

маго, который убѣждалъ его уѣхать послѣ выигрыша въ памятную ночь смерти отца. Вчера онъ встрѣтилъ его въ ресторанѣ и позвалъ къ себѣ завтракать.

— Ты спишь, какъ мертвый,—сказалъ Головинъ,—я думалъ, что не умеръ ли. Чортъ знаетъ. Что же ты дѣлалъ вчера?

— Вчера?—вспомнилъ Дмитрій,—дай Богъ память. Ахъ да. Сейчасъ разскажу. Дай закурить. Во-первыхъ...

И онъ сталъ подробно разсказывать, какъ онъ провелъ вчерашній день и ночь.

— Вчера, собственно, отдыхалъ,—сказалъ Дмитрій, вспомнивъ завтракъ у Кюба, обѣдъ у Донона и ночь у цыганъ,—отдыхалъ отъ женщинъ, а вотъ третьяго и четвертаго дня было славно. Встрѣтилъ одну прелестную женщину, былъ съ нею все время, насилу разстался.

— Такъ-съ,—сказалъ Головинъ,—ну, а что насчетъ путешествія?

— Путешествія? — равнодушно отвѣтилъ Дмитрій, — было премило. Сначала проѣхалъ въ Парижъ, потомъ на Ривьеру, игралъ немножко въ Монте-Карло, проигралъ, потомъ былъ въ Италіи, оттуда проѣхалъ въ Каиръ и вотъ, какъ видишь, благополучно вернулся черезъ Царь-Градъ, Одессу и Кіевъ. Скверно здѣсь, сыро, холодно! Но я не чувствую потому, что здорово согрѣваюсь шампанскимъ. Пилъ вчера, чортъ знаетъ. Кажется, хватитъ сутокъ на двое.

Онъ одѣвался, мылся и причесывался, пока разсказывалъ. Лицо его было красно нездоровымъ румянцемъ. Но въ манерахъ появилось новое спокойствіе и самодовольство богатаго, самостоятельнаго, живущаго наслажденіями молодого человѣка.

— Теперь хочу все это бросить,—сказалъ онъ, собирая въ карманъ жилета разбросанныя на столѣ деньги,—довольно. Порѣзвился мальчикъ,—пора за работу. Пріѣхалъ искать дѣла и заниматься финансами. А то никакихъ денегъ не хватитъ; уже просадилъ порядочно.

— А что ты скажешь насчетъ того, что дѣлаютъ поганые австріяки? Нѣтъ, нѣтъ, это имъ даромъ не пройдетъ!

Головинъ, какъ всегда, сейчасъ же высказалъ все, что у него было на умѣ, касающееся политики.

Они сошли въ столовую завтракать. Завтраки уже кончились. Дмитрій попросилъ себѣ кофе съ бутербродами, а Головину предложилъ выбрать по карточкѣ. Имъ дали бутылку марго.

— Знаешь новость?—спросилъ Головинъ, думая о Дмитріи и его жизни,—Ширяева разводится.

— Не можетъ быть...

— Вѣрно. Она уже разъѣхалась съ мужемъ.

— И выходитъ замужъ за кого-нибудь?

— Не знаю.

— Второму мужу ея не завидую.

— Почему?—удивился Головинъ,—вѣдь ты ею когда-то увлекался?

— Увлекался, да. Но потомъ, она мнѣ стала противна своей умной болтовней, которая сначала меня плѣнила. Впрочемъ, ея жалко, мужъ подлый дуракъ. Послѣ смерти отца, я видѣлъ ее всего раза два и, знаешь, удивительное дѣло,—раньше я самъ мечталъ развести ее и жениться. Но смерть отца какъ-то сразу открыла глаза на всѣхъ и на все. Я понялъ, что она за человѣкъ, и понялъ, что если ужъ жениться, надо искать что-нибудь приличное.

— А пока,—добавилъ онъ безшабашно,—я предпочитаю жить, какъ живу. Ты не повѣришь, что я творилъ во время путешествія. Француженки, въ Монте-Карло, какая-то полька, потомъ англичанка, въ Италіи, что за женщины, особенно одна неаполитанка.

— Какъ тебя хватаетъ на всѣхъ?—засмѣялся Головинъ,—и я, вѣдь, знаю, что ты не лжешь,—вотъ что хуже всего.

— Хватаетъ пока, а не хватитъ, тѣмъ лучше...

И Дмитрій равнодушно оглядѣлъ залу, въ которой два извѣстныхъ авіатора съ дамами тоже завтракали съ запозданіемъ. Одинъ изъ нихъ поклонился ему.

— Ты въ опасномъ и скверномъ настроеніи,—сказалъ Головинъ, удивленный перемѣной Дмитрія къ худшему,—я видалъ тебя въ разныхъ видахъ, но въ такомъ еще не видалъ. Тебѣ надо жениться—вотъ что. А то ты заѣдешь, Богъ знаетъ, куда. Хочешь, найду невѣсту? Приходи завтра въ семь обѣдать, рожденіе сестры Мэри,—у насъ будутъ гости; будетъ одна очень хорошая дѣвушка, на которой я самъ бы женился сейчасъ, если бы не рѣшилъ окончить мою жизненную карьеру холостякомъ.

— Кто?—просто спросилъ Дмитрій.

— Женя Богданова,—дочь члена Государственной Думы. Знаешь? Очень мила.

— Охо!—съ насмѣшкой сказалъ Дмитрій,—дочь депутата. Боже, что за учрежденіе эта Дума, особенно, когда смотришь на нее изъ Европы. Впрочемъ, Господь съ ней! Мнѣ все это мало интересно, точно ничего этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ...

Есть Дума, нѣтъ Думы, не все ли равно? А они? О чемъ-то кипятятся, о чемъ-то спорятъ, сердятся. Смѣшно! Или я сталъ какой-то равнодушный ко всему и самъ виноватъ въ томъ, что у меня къ Россіи установился безразличный взглядъ, или въ самомъ дѣлѣ русская жизнь безнадежна. Знаешь, смерть отца меня окончательно вышибла изъ колеи. Я думалъ, опомнюсь, а вышло еще хуже. Возжа попала подъ хвостъ. Все море по колѣно! Деньги проклятыя, новое одиночество. Самъ ничего не понимаю. У меня одно главное чувство: жить надо, жить, жить вовсю, со всѣми и вездѣ, пользуясь всѣмъ, что есть на свѣтѣ. Широко, вольно, легко. Что жъ деньги? Къ чему ихъ беречь? И развѣ трудно ихъ достать, когда не будетъ? Я тебѣ ручаюсь, что если я даже проживу въ короткій срокъ половину наслѣдства, то въ еще болѣе короткій срокъ я снова наживу столько же и гораздо больше.

— Чѣмъ?—недовѣрчиво спросилъ Головинъ.

— Тысячами способовъ,—спокойно отвѣтилъ Дмитрій,—у меня столько плановъ, столько возможностей, что не знаешь, съ чего начать. Но главный вопросъ не въ этомъ.

— Въ чемъ же?—спросилъ Головинъ.

— Чѣмъ жить?!

Дмитрій замолчалъ, крѣпко затянувшись дымомъ папиросы; несмотря на внѣшній спокойный его видъ, Головинъ почувствовалъ въ эту минуту, что душа его друга была въ страшномъ смятеніи.

IX.

Передъ обѣдомъ въ этотъ день Дмитрій заѣхалъ къ Вѣрочкѣ поговорить съ ней о Карцовкѣ, откуда управляющій писалъ, что у нихъ сгорѣло гумно и амбары.

Вѣрочка ждала брата и приготовилась говорить съ нимъ, кромѣ имѣнія, о двухъ важныхъ для нея вопросахъ. Во-первыхъ, она хотѣла говорить о себѣ, во-вторыхъ, о Дмитріи.

Со смерти отца, она перемѣнилась мало. Самостоятельность и богатство нисколько не повліяли на ея внѣшнюю жизнь. Она жила такъ же, какъ прежде, съ той только разницей, что раньше брала деньги на необходимые расходы отъ отца, теперь брала ихъ изъ банка съ собственнаго текущаго счета. Она жила даже скромнѣе, чѣмъ когда жила съ отцомъ, и не понимала, куда можно еще тратить деньги, кромѣ тѣхъ постоянныхъ расходовъ, къ которымъ она привыкла.

Внутренно въ ней была только одна коренная перемѣна. Она окончательно поняла, что послѣ смерти отца, всѣ важные вопросы жизни будетъ рѣшать только она одна и, хотя она понимала необходимость этого и раньше, это новое сознаніе умственной и душевной самостоятельности придало всѣмъ ея дѣйствіямъ и мыслямъ болѣе опредѣленный и твердый характеръ. Все, что она говорила и дѣлала, она старалась обдумывать до конца съ преувеличенной осторожностью, точно каждую маленькую ошибку свою она считала за неисправимый грѣхъ.

— Наконецъ-то,—сказала Вѣрочка, поцѣловавъ брата, къ которому невольно теперь почувствовала холодность,—я жду тебя ужъ цѣлый часъ.

— Виноватъ, — сказалъ Дмитрій, садясь въ отцовское кресло, стоявшее въ Вѣриной маленькой гостиной,—былъ занятъ. У меня былъ Миша Головинъ.

— Ахъ Миша? Что онъ?—спросила Вѣра участливо.

— Все такъ же ласковъ и милъ.

Они начали говорить о Карцовкѣ, которая пока оставалась у нихъ въ общемъ владѣніи. Было рѣшено, что Дмитрій съѣздитъ туда и самъ распорядится. Деньги на новыя постройки, кромѣ страховыхъ, доплатятъ они оба.

Вопросъ былъ исчерпанъ, и Дмитрій чувствовалъ, что дальше говорить ему съ сестрой не о чемъ, что они почти чужіе. Она не хотѣла и не могла понять, оправдать его жизни. Ея жизнь казалась ему мало интересной, и онъ не хотѣлъ вмѣшиваться въ нее. Онъ хотѣлъ уже уходить, когда Вѣрочка сказала ему, что ей надо еще поговорить съ нимъ, и онъ остался.

— Ну что?—спросилъ онъ недовольно.

— Я хотѣла тебѣ разсказать,—сказала Вѣрочка, осторожно выбирая каждое слово,—ты все-таки одинъ, самый мнѣ близкій человѣкъ.

И вдругъ коротко:

— Я выхожу замужъ.

Дмитрій вскинулъ на нее пристальный взглядъ.

— За Слонимова?

Онъ давно зналъ объ ея увлеченіи и давно открыто не одобрялъ его.

— Да.

— Я уже тебѣ говорилъ мое мнѣніе. По-моему, это легкомысленный и ничтожнѣйшій человѣкъ.

— Не болѣе, чѣмъ другіе,—сказала Вѣрочка, нахмурившись,— ты говоришь то, чего не знаешь.

Дмитрій пристально взглянулъ на сестру, на ея похудѣвшее, но свѣжее, красивое лицо съ опущенными теперь вѣками, на ея прекрасные густые волосы, почти черные, съ темно-синимъ отливомъ, на ея тонкія дѣвичьи руки, и ревность неожиданно загорѣлась въ немъ.

«Какъ? Чтобъ эта милая, чистая дѣвушка стала женой развратника Слонимова, этого шалопая, который всюду на бѣгахъ и скачкахъ игралъ въ компаніи съ разными темными дамами; чтобъ Вѣрочка стала послушной рабой человѣка, который, хотя и не запятнанъ ничѣмъ особенно дурнымъ, но никѣмъ не уважаемъ и представляетъ изъ себя круглый нуль».

— Поздравляю, — сказалъ Дмитрій со злой ироніей, и сейчасъ же всталъ, протянувъ руку, какъ бы не желая даже говорить объ этомъ серьезно.

— Я вполнѣ рѣшила,—твердо сказала Вѣра,—онъ добрый, хорошій человѣкъ и послѣднее время совсѣмъ измѣнилъ свою жизнь. Я тоже раньше думала, что онъ легкомысленный... Но потомъ убѣдилась, что это невѣрно. А главное...

Она запнулась.

— Вы любите другъ друга,—подсказалъ Дмитрій,—я отъ души совѣтую тебѣ обдумать это еще посерьезнѣе. Вѣдь это человѣкъ, насколько я знаю, привыкшій жить очень широко. Очень скоро онъ протранжиритъ все твое состояніе, которое, вѣроятно, не мало его соблазняетъ.

— Прошу тебя!—сказала она нервно,—говори что̀ хочешь, но не это. Ты не имѣешь никакого права такъ говорить и такъ думать! Я хотѣла поговорить съ тобой, какъ съ братомъ, по душѣ, а ты относишься такъ, что въ другой разъ придется забыть, что ты существуешь. Это очень, очень тяжело... Ты знаешь,—я одна... Мнѣ надо самой все рѣшать.

— Зачѣмъ же тогда совѣтоваться со мной?—перебилъ ее Дмитрій,—я не могу измѣнить моего мнѣнія.

— Измѣнишь,—спокойнѣе сказала Вѣра и пошла въ другія комнаты. Дмитрій хотѣлъ сказать ей, что онъ такъ горячо относится къ ней потому, что она ему дорога, но смолчалъ и пошелъ въ переднюю.

Разстроенный, онъ вышелъ на улицу. Но какъ иначе ему было поступить? Онъ былъ искрененъ и прямъ. Онъ не хотѣлъ лукавить. Конечно, онъ могъ бы быть мягче, но результатъ былъ бы одинъ. Его мнѣніе должно было огорчить Вѣру, а то, что̀ она сказала ему, должно было огорчить и разстроить его.

По Стремянной онъ вышелъ на Владимірскій и пошелъ на-

право къ Невскому. Онъ хотѣлъ зайти сегодня въ правленіе общества «Цементъ», гдѣ онъ былъ пайщикомъ теперь уже цѣлый годъ, хотѣлъ заѣхать въ домъ, но было уже поздно, и онъ рѣшилъ просто пройтись, чтобы успокоиться. На Невскомъ онъ на минуту остановился въ раздумьи у конторы «Новаго Времени» на углу Садовой.

— Нехорошо, — думалъ онъ тяжело, — все нехорошо, и ея и моя жизнь, и вся жизнь кругомъ.

— Надо скорѣе съѣздить въ Карцовку,—подумалъ онъ, придумывая себѣ спасеніе,—а потомъ скорѣе за дѣло, за дѣло.

Но онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета, въ чемъ будетъ это его дѣло, къ которому онъ такъ давно стремился. И онъ вспомнилъ о неудавшейся безпартійной газетѣ, потомъ вспомнилъ о дѣятельности отца и еще разъ о своемъ цементѣ.

— Ну, цементъ,—подумалъ онъ,—а потомъ? Ну, войду въ правленіе нашей желѣзной дороги? А потомъ? Все будетъ то же самое, тотъ же Петербургъ, тѣ же люди, тѣ же занятія. Развѣ можно хорошо себя чувствовать здѣсь? Развѣ можно жить полной жизнью?

X.

Онъ пошелъ дальше мимо пассажа до Казанскаго собора, потомъ еще дальше и незамѣтно дошелъ до своей гостиницы. У подъѣзда онъ увидѣлъ передъ собой знакомое женское лицо. Сначала онъ не узналъ его, а только былъ пораженъ его красотой и значительностью. Потомъ сразу узналъ Ольгу Степановну, которая, озабоченная, спѣша выходила къ нему навстрѣчу. Она вдругъ узнала его и поблѣднѣла.

Вернувшись въ Петербургъ, Дмитрій не былъ у нея, да и не собирался быть. Онъ только-что нехорошо говорилъ о ней Головину. А вотъ опять онъ почти взволнованъ, встрѣтивъ ее, онъ радъ этой встрѣчѣ и, улыбаясь, протягиваетъ ей обѣ руки.

Она подала ему руку и молча остановилась, тяжело переводя дыханіе.

— Давно пріѣхали?—наконецъ спросила она, едва выговаривая слова,—я только-что узнала.

— Дня три.

— Не хотите больше знать?

— Нѣтъ, хочу.

— И не дали знать.

— Я былъ занятъ.

— Разсказывайте...

Онъ улыбнулся виновато и спросилъ:

— Вы разводитесь?

— Вы уже знаете?

— Полюбили кого-нибудь?

— Да.

— Кого?

— Всѣхъ.

— Это хорошо,—сказалъ Дмитрій,—я тоже буду впередъ знать, что, если хочешь всѣхъ полюбить—надо не жениться.

— А если женатый хочетъ всѣхъ полюбить,—надо разводиться. Такъ?

Онъ улыбнулся и стоялъ передъ ней, не зная, какъ отнестись къ ней.

— Вы домой?—сказала она капризно,—идите себѣ. Я рада, что хоть взглянула на васъ.

— А вы?—спросилъ Дмитрій, еще не понимая того, что она пріѣзжала къ нему и только-что узнала о его пріѣздѣ.

— Вы серьезно рѣшили разойтись съ мужемъ? Да? Уже начали разводъ?—опять спросилъ онъ, любуясь ея помолодѣвшимъ лицомъ.

— Не только начала, но уже кончила. Мы уже шесть мѣсяцевъ живемъ врозь. И знаете, безъ шутокъ,—я оживаю, становлюсь другимъ человѣкомъ.

— Какъ это, однако, просто дѣлается нынче,—сказалъ Дмитрій—вотъ перемѣна!

— А что же?—продолжала она горячо.—Какой смыслъ связывать себя, губить свои лучшіе годы? Вѣдь человѣкъ живетъ одинъ только разъ. Каждый годъ, какое—годъ, каждый мѣсяцъ, каждая минута жизни дорога! Вѣдь преступленіе, наконецъ, вѣчно лгать, притворяться и полужить. Нѣтъ, довольно. Лучше жить одной, совершенно одной на пустынномъ островѣ, чѣмъ съ мужемъ, котораго не любишь. Лучше тюрьма, чѣмъ жизнь, гдѣ все не только тюрьма, но пытка, какъ у насъ въ большинствѣ семей; гдѣ мужъ вѣчно тяготится женой, жена мужемъ, и оба не знаютъ, зачѣмъ они въ сущности вмѣстѣ.

— Вотъ какъ!—сказалъ Дмитрій.

— Этакъ, пожалуй, вы и у меня отобьете желаніе жениться.

— А развѣ собираетесь?

— Собираюсь.

Она замолчала. Онъ предложилъ ей пойти съ нимъ обѣдать. Она отказалась, ссылаясь на то, что ее ждали какіе-то друзья. Онъ еще сталъ просить ее, жалуясь на одиночество, на то, что не съ кѣмъ подѣлиться мыслями. Она вскинула голову и прямо посмотрѣла ему въ глаза.

— Хорошо,—сказала она рѣшительно,—я пойду съ вами обѣдать. Но помните. Вы сами упросили меня.

Глаза ея заблистали радостью.

На извощикѣ они поѣхали обѣдать къ Пивато въ отдѣльный кабинетъ. За вкусной ѣдой и шампанскимъ они говорили, какъ настоящіе друзья, все время держась на границѣ, которую ни тотъ, ни другой не хотѣлъ перейти. Только нѣсколько разъ Дмитрій поцѣловалъ ея руку. Онъ былъ благодаренъ ей за ея участливое отношеніе къ нему и не хотѣлъ отъ нея ничего другого. Было поздно.

— Такъ, значитъ, не влюблены ни въ кого?—спросилъ онъ,—мнѣ все ясно въ васъ, кромѣ этого.

— Ни въ кого. Влюбленіе? Что за глупое слово. Можно любить, но не влюбляться.

— А любите кого-нибудь?

— Я же вамъ сказала, что всѣхъ.

Она вдругъ вскочила, прошла въ переднюю и стала одѣваться. Онъ пошелъ за ней. Она сама схватила свои калоши и быстро стала ихъ надѣвать. Дмитрій хотѣлъ помочь ей, ставъ передъ ней на колѣна. Ея маленькая, хорошо обутая ножка нервно двигалась. Руки были протянуты впередъ, и грудь порывисто дышала. Она раскраснѣлась отъ обѣда. Въ глазахъ ея блестѣло странное выраженіе не то робости, не то задора. Онъ держалъ ея теплую ногу и все не надѣвалъ ея калоши.

— Что же вы?—нетерпѣливо сказала она, засмѣявшись,—мнѣ пора, пора.

Онъ припалъ губами къ ея ногѣ, чувствуя, что у него закружилась голова.

— Не уходите,—умоляюще сказалъ онъ,—я не пущу васъ.

— Милый,—сказала она, лаская его рукой по волосамъ.

Онъ быстро всталъ, сѣлъ съ ней рядомъ и, привлекая къ себѣ, сталъ искать ея губъ для поцѣлуя. Она обернулась къ нему съ полуоткрытымъ ртомъ и влажными, смѣющимися глазами.

— Такъ не любишь никого?

— Нѣтъ,—отвѣтила она, взявъ его за плечи и близко глядя въ глаза,—только тебя, тебя одного. Для тебя все, что ты хочешь; если не хочешь, опять все для тебя, для одного

тебя. Ты не знаешь, какъ я люблю тебя. Сама не знаю, за что. Но помнишь, съ тѣхъ поръ, какъ мы тогда видѣлись, я не спала ночей, я все мучилась, думая о тебѣ. Если хочешь, я буду твоей любовницей, твоей прислугой, чѣмъ хочешь, но умоляю тебя, не гони меня, дай, хоть на время, кусочекъ счастья, котораго я не знала.

Онъ удивленно смотрѣлъ на нее и слушалъ ее, пока ея горячіе пальцы судорожно сжимали его плечи.

XI.

Нельзя совмѣщать два разныхъ образа жизни. Жизнь и отношенія правильныхъ семей—никогда не сходятся съ жизнью и отношеніями людей, живущихъ внѣ семейныхъ формъ.

На другой день у Головиныхъ, Дмитрій чувствовалъ себя неловко; онъ стыдливо опускалъ глаза, сидя рядомъ съ Женей Богдановой, когда она говорила съ нимъ, и самъ не зналъ, о чемъ и зачѣмъ говорить съ ней. Это была, какъ будто, милая дѣвушка изъ хорошаго общества, слѣдившая за литературой и политикой, много читавшая, постоянно бывавшая всюду, немножко уже усталая жизнью, немножко увядшая, несмотря на свои 24 года. Она попробовала-было сразу начать съ Дмитріемъ то внѣшнее кокетство, съ какимъ дѣвушки, жаждущія мужей, обыкновенно относятся къ подходящимъ молодымъ людямъ. Но, почувствовавъ его холодность, сейчасъ же перемѣнила къ нему отношеніе. Дмитрій скучалъ у Головиныхъ, какъ давно не скучалъ и, послѣ музыки и пѣнія какихъ-то артистовъ, онъ наконецъ уѣхалъ домой, спѣша снова увидѣться съ Ольгой.

Онъ почувствовалъ, точно его выпустили на волю. Что за разговоры были за обѣдомъ... О Пуришкевичѣ, потомъ объ осетрахъ, потомъ о балетѣ... Онъ отвыкъ отъ всего этого, и ему это казалось верхомъ какой-то дикой тоски. Только Мэри Головина, еще подростокъ лѣтъ 16-ти, въ полудлинной юбкѣ, понравилась ему своимъ одухотвореннымъ выраженіемъ глазъ. Она молчала, улыбалась иногда, и все, что она сказала, было просто, правдиво и умно. Но Дмитрій былъ весь поглощенъ Ольгой, весь полонъ мыслями о ней и вопросомъ, можетъ онъ или не можетъ связать съ ней навсегда свою жизнь. Послѣ смерти отца, онъ отвѣтилъ себѣ на это отрицательно. Теперь вновь тотъ же вопросъ всталъ передъ нимъ.

Онъ самъ удивился себѣ. Только-что онъ хотѣлъ обосно-

ваться въ Петербургѣ, только-что говорилъ себѣ, что довольно мыкаться по свѣту, и вотъ опять у него явился планъ уѣхать вмѣстѣ съ Ольгой въ новое путешествіе, о которомъ они когда-то мечтали. Ольга въ этотъ вечеръ была въ такомъ возбужденно-радостномъ настроеніи, была такъ обворожительна и заботлива съ нимъ, что, когда они вновь разстались на другое утро, Дмитрій не только не раскаивался въ своей новой любви, но былъ увѣренъ, что именно эта его любовь—настоящая.

Ольга съ восторгомъ приняла мысль ѣхать вмѣстѣ въ Италію и Испанію.

XII.

На другой день вечеромъ Дмитрій уѣхалъ по Николаевской дорогѣ въ Карцовку, куда нужно было съѣздить непремѣнно. Послѣ сутокъ въ вагонѣ, онъ вышелъ на своей станціи, гдѣ управляющій Карцовки эстонецъ Гансъ Ивановичъ встрѣтилъ его.

— Ну?—сейчасъ же спросилъ его строго Дмитрій,—какъ же это вы, батюшка, не усмотрѣли? Такъ нельзя.

— Ничего не подѣлаешь съ народомъ, Дмитрій Васильевичъ,—сказалъ эстонецъ, взмахивая руками,—они меня чуть не убили, разбойники! Дикій народъ, дакой наротъ,—узашно! Есдь мнѣніе кдо сжегъ, долько неизвѣстно, который вѣрно! Очевь трудно жить въ Россіи потому,—все плохо есть! Очень плохо есть! Корошо, что польшая страховка пыла. Упытка не путетъ.

Этого эстонца въ Карцовку посадилъ покойный отецъ Дмитрія, говорившій, что русскихъ управляющихъ имѣніями нѣтъ. Они или лѣнтяи, или пьяницы, или воры, а то и то, и другое, и третье вмѣстѣ. Эстонцы же трезвы, честны и трудолюбивы и всегда уже совмѣщаютъ въ себѣ хоть два изъ этихъ качества.

— А вотъ,—подумалъ Дмитрій,—если бы былъ русскій управляющій, можетъ быть, не сожгли бы гумно. Сторожъ вынесъ ему вещи, онъ сѣлъ въ большія ковровыя сани, посадилъ рядомъ эстонца, и тройка, озябшая на морозѣ, фыркая и весело потряхивая бубенцами, выѣхала на шоссе. Тишь и гладь и Божья благодать. Не холодно. Снѣга уже много. Бѣлыя поля смѣняются вдали чернѣющими лѣсами.

Деревни раскинулись тамъ и сямъ по склонамъ холмовъ. Церкви видны далеко, далэко. Тянется линія желѣзной дороги

съ красными будками сторожей и казармами. По дорогѣ встрѣтился обозъ съ рудой.

Дмитрій всю дорогу разспрашивалъ управляющаго о дѣлахъ, чтобы скорѣе кончить все и уѣхать отсюда.

На другой же день онъ рѣшилъ проѣхать въ губернскій городъ получить страховку.

А вотъ и карцевская старая усадьба.

Въ большомъ кирпичномъ домѣ мертвая тишина; холодныя, нетопленыя комнаты. Только въ двухъ комнатахъ внизу натоплена старинная громадная печь, передъ пріѣздомъ Дмитрія. Онъ выпилъ чаю и пошелъ ходить по тропинкамъ усадьбы. На гумнѣ печальное пожарище,—обугленные столбы амбаровъ и риги. Въ избахъ для служащихъ тоска и уныніе. Все спитъ въ заснувшей природѣ. Нужны люди, нужна энергія жизни, чтобы оживить все это. А люди тамъ, въ столицахъ, въ городахъ, въ клубахъ и ресторанахъ. Дмитрію стало грустно, когда онъ вернулся въ пахнувшія дымомъ, отсырѣвшія комнаты дома. Марѳа, жена сторожа, изжарила ему котлетъ съ картофелемъ, и онъ сѣлъ обѣдать. Пока онъ ѣлъ, Марѳа разсказывала ему всѣ деревенскія новости. На его вопросъ, много ли пьютъ, она оживленно отвѣтила:—Много, батюшка, много! Нынче шинки въ каждой избѣ почтись... Намедни Илья Рыжкинъ съпьяну отца было задушилъ. За попомъ посылали. Ну ничего, отдыхалъ.

И она разсказывала это весело, съ улыбочкой, точно это такъ и нужно было и безъ этого совсѣмъ уже было бы скучно жить.

— А на Покровъ мужики этакъ-то напились, батюшка,—продолжала она бойко,—этакъ напились, что и не приведи Господи! Сошлись на улицѣ, поругались и давай драться. Дрались, дрались, кому бороды, кому волоса повыдрали. Страсть! Володкинъ Петра и по сей часъ безъ ноги лежитъ... А Алена Королевна померла опослѣ етава... Не то съ перепоя, не то убили. Кто же ихъ разберетъ, батюшка. Мужицкое дѣло темное. Никто правды не любитъ.

Послѣ отвратительной ночи въ угарной комнатѣ, рано утромъ Дмитрій поѣхалъ въ городъ.

Какъ всегда, онъ прежде всего заѣхалъ въ знаменитую «Потемкинскую гостиницу», мѣсто встрѣчи дворянъ и помѣщиковъ. Внизу на черной доскѣ онъ прочелъ нѣсколько знакомыхъ фамилій.

— «И что имъ всегда нужно въ этой счастливой гостиницѣ?—подумалъ Дмитрій,—что они тутъ всѣ дѣлаютъ, эти лучшіе мѣстные господа?»

Въ столовой онъ встрѣтилъ нѣсколько друзей дѣтства и знакомыхъ. Оказалось, что въ городѣ шло земское собраніе и по этому случаю былъ съѣздъ. По тому же случаю уже третій день въ гостиницѣ дворяне кутили и играли въ карты.

— Кого я вижу! Карцевъ! Смотрите, пожалуйста, Митя Карцевъ!

Всѣ встрѣтили Дмитрія удивленнымъ и радостнымъ взглядомъ, въ которомъ звучала нотка отчужденности. Но, когда Дмитрій узналъ, что въ двадцать второмъ номерѣ гостиницы идетъ игра въ желѣзную дорогу и, придя туда, сѣлъ играть, сразу всякая отчужденность къ нему прошла и дворяне почувствовали его своимъ человѣкомъ. Мало того, Дмитрій отлично игралъ въ карты, спокойно и крупно, не говоря о томъ, что онъ никогда не дѣлалъ никому никакихъ замѣчаній, и это сразу расположило всѣхъ въ его пользу. Мѣстные же дворяне шумѣли и кричали, ссорились и въ шутку ругались такими отборными ругательствами, какихъ еще не печатали ни въ одной типографіи міра. Нѣкоторыя ругательства и словечки были дотого мѣтки и ядовиты по адресу кого-нибудь изъ играющихъ, что всѣ хохотали дружнымъ смѣхомъ. Шампанское пили, какъ квасъ.

Дмитрію не повезло и на этотъ разъ; онъ проигралъ почти всю страховую премію, утромъ полученную имъ въ городѣ за сгорѣвшее гумно, съ тѣмъ разсчетомъ, что, вернувшись въ Петербургъ, онъ сейчасъ же замѣнитъ ее деньгами со своего текущаго счета.

Всю ночь онъ бился въ «желѣзку» и потомъ весь день спалъ въ гостиницѣ до вечера. Вечеромъ, обычно разбитый и недовольный, онъ поѣхалъ черезъ грязный и скучный губернскій городъ на вокзалъ съ чувствомъ полной безнадежности увидать когда-нибудь что-нибудь свѣтлое на сѣромъ грязномъ фонѣ русской жизни, а главное, на фонѣ своей собственной больной безпокойной души.

XIII.

— Что онъ тебѣ сказалъ?—развязно спросилъ Вѣрочку Слонимовъ, послѣ посѣщенія Дмитрія,—конечно, остался очень доволенъ?

— Очень,—улыбнулась Вѣрочка,—онъ былъ такъ доволенъ, что даже ни слова не сказалъ отъ восторга.

Слонимовъ пожалъ плечами.

— Остается игнорировать такого господина,—сказалъ онъ презрительно,—что я и буду дѣлать отнынѣ.—Итакъ, мой ангелъ, когда же свадьба? Я больше ждать не желаю. Въ началѣ января это надо все кончить, кончить поскорѣе и попроще. Я возьму отпускъ, уѣдемъ на мѣсяцъ за границу и назадъ, за дѣло. Правильно?

И онъ, взявъ Вѣрочку за руку, поднесъ ее къ губамъ.

— Правильно, правильно,—тихо отвѣтила Вѣра,—самое тяжелое то, что сейчасъ...

Его близость, какъ всегда, заставляла ее то краснѣть, то блѣднѣть и чувствовать себя теряющей всякое самообладаніе. Она любила его теперь чисто физически, любила тѣломъ, и, когда онъ иногда цѣловалъ ее въ губы или обнималъ ее за плечи, она только закрывала глаза и млѣла, какъ млѣютъ дѣвушки. Вѣрочка больше не разсуждала о томъ, хорошъ или нехорошъ ея женихъ, нравственный онъ или нѣтъ. Онъ клялся, божился ей въ томъ, что давно уже, болѣе года, ведетъ себя безукоризненно; она вѣрила ему и была искренно убѣждена въ томъ, что онъ лучшій изъ мужчинъ и людей на свѣтѣ. Марья Густавовна сначала была противъ этой свадьбы, но постепенно сама влюбилась въ Слонимова вмѣстѣ съ Вѣрой и стала хвалить его всячески, не называя иначе, какъ голубчикъ и ангелъ. Слонимовъ дѣлалъ все, чтобы нравиться. Онъ льстилъ Марьѣ Густавовнѣ, говоря ей комплименты. Возилъ ей конфектъ изъ лучшихъ кондитерскихъ. Называлъ ее ангеломъ хранителемъ Вѣры, сокровищемъ и душкой. Это послѣднее названіе особенно нравилось Марьѣ Густавовнѣ и, когда она его слышала, ея безкровныя губы расплывались въ широкую улыбку, обнажая рядъ мертвыхъ фальшивыхъ зубовъ, торчащихъ немножко впередъ.

— Я завтра же начну хлопотать о свадьбѣ,—продолжалъ Слонимовъ, усаживая Вѣру рядомъ съ собой на мягкой тахтѣ,—все сдѣлаемъ, какъ слѣдуетъ быть. У меня уже шафера приглашены и въ Удѣльной церкви все налажено. Какъ я говорилъ,—съѣздимъ съ тобой недѣли на двѣ-три въ Италію, погуляемъ и обратно. Правильно?

— Хорошо,—сказала Вѣра, держа его руки.—Италія? Мнѣ такъ давно хотѣлось видѣть ее. Жаль только, что такъ мало пробудемъ.

— Ну, проживемъ мѣсяцъ, это безразлично,—главное, чтобъ поскорѣй наладить правильную, дѣльную жизнь... Ахъ, ты не знаешь, какъ я мучаюсь, какъ я обожаю тебя... Я не сплю но-

чей... Я безумствую. Самъ не знаю, что со мной... Вотъ уже не ожидалъ никогда, что я могу такъ полюбить. Честное слово.

Онъ взялъ ея руку и сталъ цѣловать ея пальцы...

— Прелесть моя, моя милая, чудная дѣвушка.

Онъ сталъ обнимать ее и цѣловать ея шею, щеки, глаза, потомъ губы.

Она блѣдная, возбужденная отдавалась ему...

— Нѣтъ, нѣтъ! Я съ ума сойду!—вдругъ вскрикнулъ Слонимовъ, вскакивая на ноги,—ѣду, ѣду по дѣламъ! До свиданія.

XIV.

«Алаверды» было во всемъ разгарѣ. Потомъ запѣли «Двѣ гитары за стѣною», потомъ еще какую-то старинную цыганскую, которую заказалъ Миша Головинъ. Весь хоръ съ Алексѣемъ Шишкинымъ во главѣ пѣлъ въ этотъ вечеръ въ Акваріумѣ по заказу Слонимова. Шампанское лилось рѣкой. Были Вѣрочка, Миша Головинъ, еще двое офицеровъ съ женами, графъ Протасовъ и извѣстный художникъ Марковъ. Все это было въ день рожденія Вѣры и по почину ея молодого мужа, который былъ радъ случаю лишній разъ покутить. Ужинали, пили шампанское. Вѣрочка тоже незамѣтно выпила два бокала и, какъ виновница торжества, сіяла тѣмъ удовольствіемъ, какое бываетъ въ дни удачъ и хорошаго расположенія духа. Она измѣнилась за четыре съ половиной мѣсяца замужества, похорошѣла и расцвѣла. Послѣ путешествія по югу Франціи и Италіи они вернулись съ мужемъ въ Петербургъ и продолжали жить здѣсь весело и беззаботно, какъ начали за границей, ни въ чемъ себѣ не отказывая, пользуясь всѣмъ самымъ лучшимъ и дорогимъ, что предлагала имъ жизнь. Лучшія мѣста въ театрахъ, лучшая прислуга, лучшій автомобиль, лучшіе портные и портнихи, лучшая ѣда,—всего этого, какъ-то естественно и незамѣтно, сталъ требовать Слонимовъ съ первыхъ же дней послѣ свадьбы, и Вѣрочка не смѣла препятствовать ему, во-первыхъ, рѣшивъ, что она должна его во всемъ слушаться, во-вторыхъ, желая прежде всего, чтобы ему было всегда и вездѣ хорошо. Когда онъ въ Ниццѣ пошелъ въ казино и сталъ играть тамъ съ первыми богачами и поставилъ самому Ротшильду па карту 50.000 франковъ, которые Ротшильдъ выигралъ, Вѣрочка не сказала ни слова и молча выписала изъ Петрограда нужныя деньги. Когда въ Римѣ Слонимовъ вдругъ возгорѣлся желаніемъ купить за семь тысячъ

картину, изображавшую какихъ-то амуровъ и виноградъ. Вѣрочка опять не смѣла отказать ему, сама восторгалась такъ же, какъ и онъ, амурами и виноградомъ. Она совсѣмъ слилась съ нимъ, думала его думами и чувствовала его чувствами и то критическое отношеніе къ нему, какое у нея было раньше, совсѣмъ исчезло въ ней.

— Надо сейчасъ ѣхать туда-то, — говорилъ онъ, — надо сдѣлать то-то.

И она не могла представить себѣ, что можно было сдѣлать иначе, чѣмъ онъ говорилъ.

Вѣрочка была женщиной до мозга костей и, хотя она видѣла недостатки мужа, понимала его ошибки, ей хотѣлось скорѣе забыть о нихъ, не думать о нихъ и сейчасъ же находить имъ объясненіе и оправданіе. Сегодня Слонимовъ старался быть особенно любезнымъ и добрымъ по отношенію къ женѣ. Онъ съ утра ни разу не раздражался. У цыганъ онъ отъ души веселился, самъ пѣлъ и плясалъ съ ними.

Былъ ужъ четвертый часъ ночи. Разсвѣтало. Пора было по домамъ. Цыгане выбились изъ силъ и, когда пѣніе кончалось, цыганки свѣшивали на бокъ усталыя головы и опускали на черные глаза отяжелѣвшія вѣки.

У стола сидѣли офицеры. Дамы расположились на диванѣ. Подлѣ Вѣры сидѣлъ Головинъ, который почему-то усиленно сталъ за ней ухаживать съ тѣхъ поръ, какъ она вышла замужъ. Онъ что-то напѣвалъ ей, а она ему улыбалась. Слонимовъ не разъ поглядывалъ на Головина ревнивыми, злыми глазами, и Вѣра замѣтила это.

— Ну, господа! Довольно! — вдругъ рѣшилъ Слонимовъ, вставая, — теперь по домамъ.

Цыгане зашумѣли стульями и гурьбой повалили изъ кабинета. Алексѣй Шишкинъ остался въ коридорѣ, чтобы получить за хоръ.

Слонимовъ вышелъ къ нему расплатиться.

У Вѣрочки кружилась голова отъ шампанскаго и безсонной ночи, но она чувствовала себя хорошо, ей было пріятно и весело. Всѣ сошли внизъ въ переднюю. Въ отличномъ расположеніи духа, Вѣрочка вскочила въ автомобиль и усѣлась рядомъ съ мужемъ.

Но вдругъ она вздрогнула отъ его рѣзкаго, грубаго тона.

— Я не позволю тебѣ такъ вести себя! — неожиданно вскрикнулъ онъ дико, когда они уже мчались по Каменноостровскому, — понимаешь ли, не позволю!

— Милый! Я не понимаю тебя?

— Ты кокетничаешь со всякимъ встрѣчнымъ,—продолжалъ онъ, не сдерживаясь,—глупо улыбаешься, разваливаешься на диванахъ, только смотришь всякому мужчинѣ въ глаза. Я не желаю этого! Понимаешь?

Она молчала. Ей было неловко, стыдно за него. Онъ ревновалъ глупо, безъ всякаго основанія.

Дома онъ продолжалъ дуться.

Она раздѣлась и легла съ нимъ рядомъ. Онъ лежалъ на спинѣ и курилъ папиросу. Ей хотѣлось понять его, хотѣлось объяснить себѣ, что и какъ, но она не понимала. Она знала только, что проявленіе его ревности было только слѣдствіемъ чего-то другого, что мучило его, но никакъ не главной причиной. Она вела себя съ Головинымъ, какъ вела себя со всѣми, и не могла упрекнуть себя ни въ чемъ.

— Что случилось? Въ чемъ дѣло?—попыталась она еще разъ спросить его.

Онъ бросилъ папироску прямо на полъ у печки, повернулся къ ней спиной и молчалъ.

Потомъ черезъ минуту онъ неожиданно повернулся къ ней и взялъ ее за руку.

— Скажи мнѣ,—сказалъ онъ нѣжно, положивъ лицо на ея руку,—скажи мнѣ, ты любишь меня? Да? И всегда будешь любить? Что бы ни было?

— Не знаю...—въ недоумѣніи отвѣтила Вѣра.

Онъ обнялъ ее и привлекъ къ себѣ.

Графъ Л. Л. Толстой.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ЛЮДМИЛА.

На западѣ весною подъ вечеръ тучи сини,
Сырой землею пахнетъ, бальзамомъ тополей.
Я бросилъ фортепьяны, пошелъ гулять въ долинѣ,
Среди своихъ спокойныхъ селеній и полей.

Сосѣдскій садъ сквозится по скатамъ за рѣкою,
Оливковый и сѣрый, онъ грустенъ какъ всегда.
Вонъ голая аллея съ завѣтною скамьею...
Стволы березъ поникшихъ бѣлѣютъ въ два ряда.

И видѣлъ я, какъ тихо ты по саду бродила,
Въ весеннемъ легкомъ платьѣ... Простудишься, дружокъ!
Отъ тучи садъ печаленъ, а ты, моя Людмила?
Отъ нѣжныхъ думъ и счастья? Отъ чьихъ-то милыхъ строкъ?

Ночной весенній ливень, съ какимъ онъ шумомъ хлынулъ!
Какъ сладко въ черномъ мракѣ его земля пила!
Зажгли мнѣ восемь свѣчекъ, и я пасьянсъ раскинулъ,
И свѣчки длились блескомъ въ зеркальности стола.

Ив. Бунинъ.

ЗАВТРА.

Особенно томительно было на станціяхъ. Стояновъ успѣлъ уже возненавидѣть эти безконечныя, похожія, какъ близнецы, другъ на друга, мертвыя станціи. Каждый разъ, когда поѣздъ замедлялъ ходъ, онъ съ ужасомъ предвидѣлъ пыльную деревянную платформу, скучающее лицо телеграфиста въ окнѣ станціоннаго зданія, двухъ-трехъ быстро шагающихъ дѣвицъ съ кокетливыми бантами въ круто завитыхъ волосахъ, а на скамьяхъ нѣсколькихъ людей неопредѣленнаго вида, неизвѣстно зачѣмъ явившихся на станцію. И когда, еще на ходу соскочивъ съ подножки, онъ видѣлъ и телеграфиста, и дѣвицъ, и чахлые цвѣты въ садикѣ за желтой рѣшеткой, являлось безумное желаніе броситься къ машинисту и силой заставить его сейчасъ же летѣть дальше,—дальше, на далекій и милый югъ.

Онъ быстрымъ шагомъ доходилъ до локомотива и останавливался. Надъ огромнымъ чернымъ цилиндромъ дрожалъ раскаленный воздухъ. Медленно и дѣловито пыхтѣла машина. Весь испачканный сажей человѣкъ свѣшивался сверху и равнодушнымъ взглядомъ скользилъ по Стоянову. А съ поблѣднѣвшаго отъ жары неба смотрѣло такое же равнодушное солнце.

Стояновъ рѣзко поворачивался и быстрымъ, нервнымъ шагомъ начиналъ ходить по платформѣ. Люди на скамьяхъ смотрѣли на него усталыми, безцвѣтными глазами; барышни изо всѣхъ силъ старались показать, что говорятъ о чемъ-то удивительно интересномъ.

Пять-шесть минутъ стоянки казались вѣчностью. Наконецъ, неизвѣстно откуда раздавался голосъ:

— Давай звонокъ.

Человѣкъ въ бѣломъ фартукѣ убійственно медленнымъ шагомъ шелъ къ звонку и лѣниво ударялъ три раза.

И снова проходила вѣчность. Стояновъ ждалъ около своего

вагона III класса и со злобой смотрѣлъ на оберъ-кондуктора, не желавшаго давать свистокъ.

Когда, наконецъ, поѣздъ трогался, онъ вскакивалъ въ вагонъ, быстро проходилъ къ своему отдѣленію и, измученный, бросался на свое мѣсто у окна. Въ вагонѣ было нестерпимо жарко и душно. Сквозь опущенную занавѣску безжалостно палило солнце, изрѣдка вѣтеръ подбрасывалъ ее, и тогда въ вагонъ врывались снопы огненныхъ лучей и тучи сѣрой, ѣдкой пыли. Пыль кружилась въ воздухѣ, забиралась въ глаза, въ ноздри, хрустѣла на зубахъ, осаживалась на скамейки, на платья, на потныя лица людей.

Рядомъ со Стояновымъ сидѣла молодая хохлушка съ бойкими черными глазами, которые то и дѣло вытирала грязнымъ платкомъ.

Противъ него помѣщалась пожилая крестьянка съ четырьмя маленькими дѣтьми. Дѣти изнывали отъ жары, шалили, дрались. Мать долго слѣдила за ними молча, осовѣвшими глазами, потомъ вдругъ, словно сорвавшись, начинала бить ихъ по чему попало и бранить плачущимъ, визгливымъ голосомъ.

Поднимался оглушительный ревъ. Тогда она привлекала къ себѣ плачущихъ дѣтей, сажала на колѣни и начинала утѣшать ласковыми, нѣжными словами. И въ голосѣ ея появлялись добрыя, жалостливыя нотки.

Стояновъ остро ненавидѣлъ и дѣтей, и ихъ мать, и хохлушку. Острое, жгучее нетерпѣніе сжимало его сердце, мелкими мурашками бѣжало по всему тѣлу, бросалось въ голову, спазмой схватывало горло. Руки и ноги не могли найти удобнаго положенія и, помимо воли, дѣлали нелѣпыя, судорожныя движенія. И хотѣлось плакать, кричать и биться...

Когда не хватало силъ сидѣть, онъ вскакивалъ и бѣжалъ на площадку.

— От... який... дурний!—слышалъ онъ за спиной равнодушный голосъ хохлушки.

На площадкѣ стоялъ оглушительный грохотъ, и въ солнечной полосѣ плясала и кружилась желтая пыль. Пахло раскаленной краской и дымомъ.

Стояновъ прислонялся къ стѣнѣ и, раскачиваясь въ тактъ вагону, начиналъ смотрѣть въ окно ничего не видящими глазами.

Но черезъ минуту снова захватывала бурная волна нетерпѣнія. Руки нервно искали чего-то въ воздухѣ; ноги отказывались стоять. Онъ возвращался въ вагонъ и, обезсиленный, спускался на свое мѣсто.

Когда жаръ спалъ, на него напало какое-то отупѣніе. Онъ неподвижно сидѣлъ въ своемъ углу, не замѣчая ни хохлушки, ни крика дѣтей, ни брани ихъ матери. Было все равно. Казалось, что всю жизнь будетъ онъ ѣхать такъ въ пыльномъ и жаркомъ вагонѣ, всю жизнь будетъ видѣть эти сѣрыя станціи. Какіе-то отрывки мыслей, какія-то безсмысленныя фразы вспыхивали въ мозгу и сейчасъ же проваливались въ пустоту. Потомъ вдругъ одно, неизвѣстно откуда взявшееся слово вертѣлось въ ушахъ, словно дразнило и издѣвалось,—и снова мысль терялась въ пустотѣ.

Онъ не замѣтилъ, какъ спустились сумерки, какъ настaлъ вечеръ. Машинально слѣдилъ, какъ кондукторъ зажигалъ фонарь, какъ устраивалась на ночь крестьянка. Машинально, по просьбѣ женщинъ, поднялъ верхнія скамьи, подавалъ какіе-то кульки и корзинки.

Пьяный запахъ бѣлой акаціи привелъ его въ себя. Онъ высунулся въ окно. Поѣздъ подходилъ къ станціи. Слабо освѣщаемыя свѣтомъ изъ оконъ вагоновъ, двигались мимо пышные бѣлые гроздья. Дальше все утопало во мракѣ, и казалось, что поѣздъ идетъ по какому-то таинственному саду, и что деревья, оскорбленныя его вторженіемъ, сгрудились близко-близко и загораживаютъ ему путь.

Вагонъ Стоянова остановился далеко отъ платформы. Стояновъ вышелъ на площадку, соскочилъ въ мягкій, сухой песокъ и, утопая въ немъ, добрался до лѣсенки, ведущей на платформу.

Послѣ духоты вагона, послѣ тупого, полусознательнаго, неподвижнаго сидѣнія, онъ сразу охмелѣлъ отъ свѣжаго воздуха, отъ легкаго вѣтра, отъ сильнаго запаха бѣлыхъ акацій. Грудь жадно вдыхала и, казалось, не могла насытиться. Голова весело и слабо кружилась.

Стояновъ взглянулъ наверхъ. Огромныя, яркія, совсѣмъ южныя звѣзды смотрѣли на него съ чернаго неба. И чѣмъ дольше смотрѣлъ онъ, тѣмъ глубже уходила чернота, тѣмъ ближе спускались звѣзды, тѣмъ вольнѣе дышала грудь. Какая-то свѣжая волна пробѣжала по всему тѣлу.

Прозвенѣлъ третій звонокъ. Онъ легко сбѣжалъ по лѣсенкѣ и, снова утопая въ пескѣ, направился къ своему вагону.

— Двинемся мы наконецъ?—раздался прямо надъ нимъ молодой женскій голосъ.

Стояновъ поднялъ голову. Изъ черноты вагонной двери рѣзко выдѣлялся свѣтлый женскій силуэтъ. Во всей позѣ, въ

наклоненной впередъ фигурѣ, въ напряженно вытянутой шеѣ чувствовалось такое острое безпокойство, такое мучительное нетерпѣніе, что у Стоянова невольно вырвалось:

— И вы тоже?

Голова дѣвушки наклонилась внизъ.

— Что тоже?

Искреннее недоумѣніе звучало въ вопросѣ.

Стояновъ сконфузился.

— Вы тоже... вамъ тоже кажется, что мы ужасно медленно ѣдемъ?—заговорилъ онъ быстро, вдругъ охрипшимъ отъ смущенія голосомъ.

— Еще бы! Плетемся, какъ черепахи.

Вагонъ вдругъ дрогнулъ, и черная дверь вмѣстѣ съ свѣтлой фигурой поплыла передъ Стояновымъ.

— Можно къ вамъ?—неожиданно для самого себя крикнулъ онъ. Вмѣсто отвѣта дѣвушка отступила внутрь и отняла руки отъ перилъ. Стояновъ вскочилъ на первую ступеньку и остановился. Стало вдругъ неловко.

— Влѣзайте же скорѣе, а то упадете.

Онъ влѣзъ на площадку и закрылъ дверь. Вагонъ медленно двигался мимо платформы.

«Подумаетъ, что пристаю... приметъ за нахала»,—съ смущеніемъ и злобой на себя мелькнуло въ головѣ Стоянова. То же смущеніе не позволило ему повернуть голову, чтобы при слабомъ свѣтѣ станціонныхъ фонарей разглядѣть лицо своей новой спутницы.

Поѣздъ снова вошелъ въ ночь. На площадкѣ было почти совсѣмъ темно; звѣзды едва-едва освѣщали свѣтлую фигуру дѣвушки, но Стояновъ даже въ темнотѣ не рѣшался повернуться къ ней.

«Глупо, глупо,—думалъ онъ.—И чего я полѣзъ сюда»...

— Вы меня простите... вы не подумайте... — забормоталъ онъ.

Дѣвушка разсмѣялась.

— Ничего я не подумаю,—перебила она его.—Подумаю: вотъ человѣкъ, которому тоже трудно дождаться, когда онъ пріѣдетъ. И больше ничего.

Стоянову вдругъ стало легко, просто и весело.

— Трудно дождаться! — воскликнулъ онъ. — Нѣтъ, не трудно, а невыносимо... Силъ больше нѣтъ...

— А я днемъ сидѣла неподвижно въ вагонѣ и заставила себя ни о чемъ не думать. Зато сейчасъ!..

— Вы можете заставить себя ни о чемъ не думать?—съ недовѣріемъ спросилъ Стояновъ.

— Могу. Это не такъ трудно. Въ родѣ дремоты. Нужно смотрѣть въ одну точку и путать мысли въ головѣ.

— Счастливая вы,—вздохнулъ онъ.

— Зато сейчасъ! —повторила она.—Когда остается такъ мало ѣхать...

— Вы когда пріѣдете?

— Черезъ часъ моя станція. Еще цѣлый часъ!

— Часъ!—съ завистью воскликнулъ Стояновъ.—А я пріѣду только завтра...

И вдругъ точно что-то расширилось въ груди. Съ поразительной ясностью пронеслось въ мозгу то, что будетъ завтра. Это «завтра» стало вдругъ реальнымъ, близкимъ, страшно близкимъ, словно прорвалась какая-то завѣса, и ушло куда-то и сомнѣніе, и тоска, и тревога. Завтра! Вѣдь оно же будетъ, будетъ навѣрное это «завтра»!

Сердце вольно и радостно забилось. Онъ вдругъ схватился за оконную раму, поднялъ кверху голову и страстнымъ, восторженнымъ шепотомъ внятно произнесъ:

— Завтра!..

Тихій, срывающійся смѣхъ раздался около него. Онъ оглянулся. Дѣвушка стояла совсѣмъ близко и смотрѣла на него чернѣвшими даже въ темнотѣ впадинами глазъ. И смѣялась. И въ смѣхѣ ея Стояновъ услышалъ что-то такое понятное, такое родное.

— Чему вы?—тихо спросилъ онъ.

— Завтра!—тѣмъ же страстнымъ, восторженнымъ шепотомъ отвѣтила она.

Слезы какой-то дикой, бурной радости подступили къ горлу. Онъ въ темнотѣ нашелъ руки дѣвушки, крѣпко сжалъ ихъ въ своихъ и снова, но уже другимъ голосомъ спросилъ:

— И вы—тоже?

Она перестала смѣяться и, вмѣсто отвѣта, нѣсколько разъ молча кивнула головой. И вдругъ что-то горячее упало на руку Стоянова.

— Вы плачете...—ласково и растроганно произнесъ онъ.— И у меня на глазахъ слезы. И хорошо такъ...

— Какіе мы оба смѣшные... и глупые!—воскликнула она влажнымъ отъ слезъ голосомъ, вырвала свои руки и, смѣясь, высунулась до пояса въ окно.

— Мы сейчасъ быстро ѣдемъ, —раздалось оттуда. Смотрите, такъ все и мелькаетъ!

Стояновъ прислонился къ косяку и сталъ смотрѣть въ окно. Дѣйствительно, поѣздъ летѣлъ съ бѣшеной быстротой. Привыкшіе къ тьмѣ глаза ясно различали несущіеся мимо предметы и свѣтлую голову дѣвушки, вокругъ которой трепались по вѣтру легкіе концы шарфа.

— Хорошо!—доносился изъ-за окна голосъ, старавшійся перекричать грохотъ поѣзда и свистъ вѣтра.—Безумно хорошо! Все быстрѣе, все быстрѣе!..

Она вдругъ выпрямилась, снова близко и открыто заглянула въ глаза Стоянову и громко и увѣренно произнесла завѣтное слово:

— Завтра!

— Да, завтра!—какъ эхо повторилъ онъ. И снова оба разсмѣялись тѣмъ глубокимъ, радостнымъ смѣхомъ, отъ котораго растетъ что-то въ груди и захватываетъ дыханіе.

Важно молчала ночь, и звѣзды любопытными роями заглядывали въ окно площадки. Одинъ за другимъ, волнами, налетали неясные запахи, неясные, далекіе звуки. Неслись мимо лѣса и поля, мелькали огоньки, и навсегда уходили назадъ въ тихую черноту ночи. И казалось, что вся ночь насыщена счастьемъ, что это не сердце такъ вольно и радостно бьется въ груди, а сама земля прыгаетъ отъ безумной радости.

Загремѣлъ подъ колесами мостъ, мелькнула далеко внизу рѣка милліонами раздробившихся звѣздъ, пахнула сыростью и исчезла гдѣ-то налѣво въ таинственной темнотѣ лѣса. Вдругъ—совсѣмъ близко—чуть не у самыхъ колесъ, выплылъ огромный костеръ; пламя причудливыми, ликующими завитками взвивалось къ небу и выхватывало у ночи группу серебристыхъ тополей и нѣсколько темныхъ человѣческихъ силуэтовъ.

— Ура-а!—прогремѣлъ хоръ молодыхъ голосовъ подъ самымъ ухомъ Стоянова.

Дѣвушка быстрымъ движеніемъ высунулась въ окно и громко, шаловливо крикнула въ отвѣтъ:

— Завтра!

— Ура-а!—донеслось уже издали.

Послѣ яркаго пламени костра стало совсѣмъ темно на площадкѣ, и это показалось ужасно смѣшнымъ.

— Гдѣ вы?—весело спросилъ Стояновъ.

— Здѣсь. Цѣла,—отвѣчала она, и оба дружно разсмѣя-

лись. И затихли. Долго молчали, и каждый думалъ о своей радости, о своей любви.

«Какъ странно!—думалось Стоянову.—Вдругъ случайно, среди ночи увидѣлъ эту дѣвушку. И стала она сразу—точно другъ»...

— Какъ странно... точно другъ,—произнесъ онъ вслухъ.

— Да, негромко и задумчиво отозвалась она. И вдругъ живо прибавила:

— Что вамъ говорятъ колеса?

— Колеса? Не знаю. Не вслушался.

— Вслушайтесь.

Стояновъ послушно сталъ ловить тактъ колесъ.

«Зав-тра—уви-дишь, зав-тра уви-дишь...» донеслось до него громко и отчетливо.

— А мнѣ они говорятъ: завтра увидишь, завтра увидишь!—сказала она.

— Слушайте!—изумился Стояновъ. Я только-что услышалъ то же.

— Да? Вѣдь правда? Какъ хорошо! И вдругъ она заговорила быстро и страстно:

— А бываетъ съ вами такъ: когда долго-долго не видишься, и не знаешь еще, когда увидишься... особенно, когда кругомъ много людей... Вдругъ такъ сожмется сердце, такъ мучительно захочешь взглянуть хоть на мгновенiе, услышать хоть одно слово... И всѣ кругомъ вдругъ станутъ чужими и ненужными... Украдкой уйдешь въ темную комнату... непремѣнно въ темную... Закроешь глаза, протянешь впередъ руки и зовешь... Милый, приди! И замретъ сердце, и забьется... словно онъ тутъ, рядомъ... И сейчасъ возьметъ твои руки, сожметъ... Изъ той комнаты, гдѣ люди—голоса, шумъ. И такъ безумно хорошо отъ сознанiя, что никто-никто не знаетъ, что твоя душа говоритъ съ другой...

Она замолчала, взволнованная.

Стояновъ молча кивнулъ головой.

— А вы иногда ждете чуда?—спросилъ онъ.

— Иногда жду. Я вѣрю въ чудо.

— А я и не вѣрю,—и жду. Особенно въ сумерки. Вы бывали на сѣверѣ?

— Нѣтъ.

— Вы не знаете сѣверныхъ сумерекъ. Особенно весеннихъ. Тогда нельзя не вѣрить въ чудо; чудо должно совершиться. И ждешь его, ждешь трепетно, напряженно. Бродишь по свѣтлымъ

улицамъ, смотришь въ свѣтлое небо, и зовешь невозможное. И вся душа рвется навстрѣчу ему... Вотъ, какъ вы сказали,— протянуть только впередъ руки... и звать...

— Да, это то же...—тихо отозвалась она.—А вы знаете...

Долгій, громкій гудокъ локомотива оборвалъ ее. Поѣздъ прогремѣлъ по мосту и потомъ сталъ круто заворачивать направо.

— Боже мой! Да вѣдь я подъѣзжаю!—воскликнула дѣвушка радостно. —Какъ это я прозѣвала знакомыя мѣста?

— Уже!—жалобно протянулъ Стояновъ. А какъ же я останусь?

— А завтра?—лукавымъ голосомъ, чуть склонивъ голову на бокъ, сказала она.

Стояновъ засмѣялся, нашелъ въ темнотѣ ея руки и сжалъ ихъ въ своихъ.

— Завтра!—зашептала она громкимъ, захлебывающимся шепотомъ, не отнимая рукъ.—Завтра будетъ такая радость, такая безконечная радость!.. Вы чувствуете это? Вы вѣрите, что завтра...

Голосъ ея оборвался. Она глубоко, долго вздохнула.

— Прощайте,—заговорила она спокойнѣе.—Теперь идите въ свой вагонъ и ложитесь.

— Какъ? Я помогу вамъ вылѣзти.

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнула она почти испуганно.

— Почему?

— Неужели вы не понимаете, что нельзя намъ при свѣтѣ видѣть другъ друга.

Стояновъ помолчалъ.

— Да, вы правы,—проговорилъ онъ наконецъ.

— Ну, прощайте!—весело сказала она. И вдругъ, повернувшись лицомъ къ окну, тихо разсмѣялась.

— Милая, милая ночь! Я никогда не забуду тебя!

— И я,—прибавилъ Стояновъ и медленно, благоговѣйно поднесъ одну за другою руки дѣвушки къ своимъ губамъ.

Нѣсколько мгновеній стояли молча. Потомъ она вся потянулась къ Стоянову и быстро-быстро шаловливо зашептала:

— Завтра, завтра, завтра...—И быстро исчезла за дверью.

Стояновъ постоялъ, тихо улыбаясь, посмотрѣлъ ей вслѣдъ и медленно сталъ пробираться по соннымъ коридорамъ и грохочущимъ площадкамъ въ свой вагонъ.

— А мы уже думали, баринъ, что вы гдѣ-нибудь остались,— встрѣтила его крестьянка. И Стояновъ вдругъ замѣтилъ, что у нея хорошее, доброе лицо, а въ черныхъ, лукавыхъ глазахъ хохлушки притаилась какая-то мягкая грусть.

— Спасибо вамъ, родныя,—самъ не зная, за что, поблагодарилъ онъ.

Пока поѣздъ стоялъ на станціи, онъ сидѣлъ, прижавшись къ уголку, и напряженно вслушивался въ суету на станціи, стараясь уловить звукъ знакомаго голоса. Но мимо окна шаркали чьи-то шаги, ребенокъ плакалъ гдѣ-то близко, и только раза два ему показалось, что онъ слышитъ тихій, радостный смѣхъ. Потомъ вдругъ невдалекѣ звякнули дробнымъ звономъ бубенчики, рванулись и залились своей безхитростной, смѣющейся трелью. Все дальше, все дальше и затихли.

— Уѣхала,—подумалъ Стояновъ и, когда поѣздъ тронулся, залѣзъ на свое верхнее мѣсто. Самъ не зная, зачѣмъ, онъ долго возился, устраиваясь на ночь, потомъ долго смотрѣлъ на пламя газоваго фонаря, которое рѣзало ему глаза; все силился сообразить, что что-то нужно съ нимъ сдѣлать, но такъ и не сообразилъ и улегся, закинувъ руки за голову.

Дѣти спали. Женщины сидѣли другъ противъ друга, близко склонивъ головы, и тихо бесѣдовали. Говорилось, очевидно, о чемъ-то очень интимномъ, потому что шепотъ понижался иногда до едва уловимаго шелеста. Кто-то протяжно и громко храпѣлъ; кто-то ворочался и вполголоса ворчалъ на храпѣвшаго.

— Зав-тра уви-дишь, зав-тра уви-дишь...—громко и отчетливо заговорили колеса. Вдругъ, переходя на другіе рельсы, сбились съ такта, забормотали что-то несуразное, и затѣмъ, радостно захлебываясь, все быстрѣе и быстрѣе затараторили:

— Зав-тра, зав-тра, зав-тра увидишь...

Стояновъ лежалъ на спинѣ и улыбался. Мучительной тревоги и нетерпѣнія не осталось и слѣда; онъ зналъ навѣрное, что наступитъ завтрашній день, милый, сверкающій завтрашній день; къ нему на всѣхъ парахъ несся поѣздъ, о немъ пѣли колеса, съ нимъ уже говорила переполненная радостью душа. Хотѣлось громко разсмѣяться, запѣть удалую пѣсню.

«Закроешь глаза, протянешь впередъ руки и зовешь... Милый, приди! И замретъ сердце, словно онъ тутъ, рядомъ и сейчасъ возьметъ твои руки... сожметъ»... вспомнились ему слова дѣвушки.

— И обниметъ, и обниметъ...—весело подхватили колеса.

Стояновъ не выдержалъ и разсмѣялся. Шепотъ внизу испуганно замеръ. Стало сразу тихо въ вагонѣ, только болтали колеса, только пѣла гордая, увѣренная радость въ душѣ. И все ближе и ближе несся навстрѣчу завтрашній день.

Стояновъ засыпалъ. Изрѣдка въ раскрытое окно врывалась струя свѣжаго воздуха и слегка шевелила волосы на вискѣ. И казалось тогда Стоянову, что вмѣстѣ съ пряными запахами ночи приноситъ ему вѣтеръ далекій звонъ бубенчиковъ и тихій, срывающійся отъ затаеннаго счастья, дѣвичій смѣхъ.

Елена Карѣева.

У ИСТОКОВЪ СЕРДЦА.

Девятилѣтній Колька, внукъ старой Рѣдчихи, стоялъ на перелазѣ и смотрѣлъ на огородъ. Вчера только Одарка и Поля кончили копать гряды, и огородъ былъ весь черный, съ зелеными островками, на которыхъ стояли еще безлистыя, уже зацвѣтавшія яблони.

На нѣкоторыхъ грядахъ была уже посажена разсада и на двойныхъ зеленыхъ листочкахъ, торчавшихъ изъ земли на тонкихъ ножкахъ, еще блестѣли капельки росы.

Съ перелаза Колька влѣзъ на изгородь, отдѣлявшую дворъ отъ огорода, постоялъ на ней, поднялъ руки и прыгнулъ прямо въ глубокую борозду между черными грядами. Колѣнки его уперлись въ мягкую землю и за сапоги, надѣтые на босую ногу, посыпались холодные комочки. Колька обтеръ съ шаршавыхъ колѣнокъ черную землю, скинулъ сапогъ и, стоя на одной ногѣ, вытрясъ изъ него землю, но не устоялъ въ узкой глубокой бороздѣ и сѣлъ на обочину гряды. Потомъ вытрясъ другой сапогъ, посидѣлъ на холодной землѣ и пошелъ по глубокой бороздѣ къ яблонѣ, разставивъ руки и отталкиваясь то отъ одной, то отъ другой гряды.

Мѣста вокругъ яблонь были еще не вскопаны. Рѣдчиха вскапывала ихъ сама, боясь, чтобы не повредили заступомъ любимыхъ старыхъ яблонь, и густо сдабривала землю, для налива, пахучимъ навозомъ, лежавшимъ кучей у изгороди.

Добравшись до яблони, Колька легъ на траву. Сквозь черный узоръ вѣтокъ дрожало весеннее небо. Раздвигая толстыя набухшія почки, распускались бѣлые цвѣты, а по корявому стволу яблони, надъ самой Колькиной головой, выгибая спину петелькой, ползъ зеленый червякъ, останавливался и покачивался въ воздухѣ, будто осматривалъ дорогу. Колька далъ ему уползти подальше и, приподнявшись, сбилъ его щелчкомъ; потомъ

повернулся къ солнцу и сталъ смотрѣть, какъ дрожатъ, переплетаются и вспыхиваютъ въ глазахъ чудесныя золотыя нитки.

За огородомъ шли кусты красной и черной смородины, крыжовника и еще голыя заросли малины. Колька зналъ тутъ каждый кустъ. Зимой кусты пропадали, и изъ окошекъ и со двора ихъ совсѣмъ не было видно. Теперь они уже начинали круглиться по-лѣтнему, на сѣрыхъ вѣткахъ пробивались зеленые пучки смолистыхъ листьевъ. Тутъ пахло не землей, а черносмородиннымъ листомъ и еще какой-то травой, которой пахли праздничныя бабушкины платья.

Дальше къ оврагу шелъ садъ. Бѣлѣлъ въ травѣ уже опавшій цвѣтъ вишни, а отъ сырой, крѣпко утоптанной и зацвѣтшей рыжимъ мхомъ дорожки шелъ свой, совсѣмъ особенный запахъ, который зимой иногда только снился Колькѣ во снѣ. Внизу за оврагомъ розовѣли въ золотомъ дыму сады, бѣлѣли вишенники и яблони, а за садами, въ струящейся весенней дали, остро сверкалъ разливъ Днѣпра.

Колька стоялъ у оврага и думалъ о Днѣпрѣ, о разливѣ, о томъ, что въ воскресеніе пойдетъ къ тетенькѣ, и дѣдъ Ефимъ повезетъ его на душегубкѣ по сверкающимъ на солнцѣ заливнымъ лугамъ, на которые нельзя смотрѣть не прищуривъ глазъ, по затопленнымъ огородамъ, и будетъ видна зеленая трава на днѣ и всколыхнетъ ее зашедшая изъ «Старика» огромная щука, а дѣдъ Ефимъ только покосится на нее и скажетъ:

— Ершъ твою маковку! На рупь съ полтиной. А?..

А Колька, зная цѣну на рыбу, спокойно и дѣловито отвѣтитъ:

— А и на два—къ торгу поспѣть.

Подплывутъ къ огородамъ, остановятся у залитой изгороди, и дѣдъ Ефимъ, вынувъ изъ широкихъ штановъ исписанную бумагу и горсть махорки, станетъ крутить здоровый «крючекъ», а Колька запрокинется назадъ, будетъ смотрѣть кверху и вбокъ, въ сторону «Старика», и будетъ только солнце, вода, да голубой, давно знакомый, сладковатый дѣдовскій дымокъ...

Колька зашуршалъ прошлогоднимъ листомъ и, обрываясь по сырому и рыхлому склону, сталъ спускаться внизъ.

Въ оврагѣ росли старыя березы. Одна была подсѣчена внизу, поперекъ ствола, и въ щель вставленъ деревянный желобокъ. Подъ нимъ на мокрой веревкѣ висѣлъ кувшинъ. По краямъ и въ глубинѣ насѣчки скопилась желтая плѣсень, подъ желобкомъ почернѣло и сочился густой липкій сокъ. Мухи и букашки ползали по плѣсени и по желобу. Кругомъ гудѣли

пчелы. Колька заглянулъ въ кувшинъ. Тамъ плавали сухіе листья, кусочки коры, мухи и, распластавъ крылья, лежала бѣлая бабочка. Колька наклонилъ кувшинъ: смелъ рукою все, что лежало сверху, и сталъ пить холодный сладковатый сокъ.

И вдругъ вспомнилъ про вчерашнее, и полѣзъ изъ оврага. И широкія радостныя мысли о Днѣпрѣ, о лодкѣ, о дѣдушкѣ Ефимѣ пропали, и сразу налетѣли другія, тревожныя, острыя, и сразу всѣ, до тѣсноты.

Колька карабкался кверху, цѣплялся за крѣдкую прошлогоднюю траву и думалъ объ улицѣ, о Сонькѣ и объ «этихъ» и о матери, о томъ, что теперь будетъ, не хотѣлось встрѣчи съ матерью, и непремѣнно надо было дождаться, когда изъ города, со службы пойдетъ на Дубровку Жуковъ, и услышать, что онъ скажетъ и про Соньку, и про «этихъ» съ Дубровки, и тогда уже все рѣшить.

«Эти», съ Дубровки, появились въ Зеленомъ переулкѣ, гдѣ стоялъ Рѣдчихинъ домъ, совсѣмъ недавно. Появились онѣ какъ-то въ сумеркахъ, въ тотъ часъ, когда все казалось Колькѣ необыкновеннымъ, появились вдвоемъ, снизу, съ Дубровки, но одѣты были по-городски. Замѣтивъ со двора два необыкновенныхъ зонтика, синій и красный, Колька выскочилъ на улицу, услышавъ особенный запахъ, какъ на бульварѣ, и увидѣлъ ихъ. Шли одна за другой, обѣ высоко поднявъ юбки, вторая поменьше, съ папиросой во рту.

Не только Колька, но и весь Зеленый переулокъ замѣтилъ ихъ сразу, въ этотъ же вечеръ, и всѣ заволновались.

Вечеромъ Колька слышалъ, какъ отецъ и мать тихо говорили о нихъ на кухнѣ, а когда вошли въ комнату, замолчали. Когда Колька легъ спать, но не спалъ, а ждалъ, когда опять заговорятъ о нихъ, пришелъ Ѳедоръ Иванычъ «Мамочка», приходившій только по праздникамъ и плясавшій съ Колькой русскую съ платочкомъ, и говорилъ, что этихъ безобразій онъ не допуститъ, что у него дочка невѣста, и что онъ пойдетъ къ полицмейстеру. На слѣдующій день заходилъ на дворъ утромъ старый жандармъ Марченко, сидѣлъ на завалинкѣ, курилъ трубку, называлъ ихъ тварями и сердито сплевывалъ при этомъ, такъ что серьга въ ухѣ покачивалась.

Но больше всѣхъ всполошилась сосѣдская Праксэда. Загнавъ свиней вечеромъ, она стала передъ домомъ съ ушатомъ помоевъ и, какъ только «эти» показались съ Дубровки, закричала:

— Не пущу! Шкуры барабанныя...

Тѣ кинулись къ оврагу и прошли низомъ по тропинкѣ.

На слѣдующій день Колька сидѣлъ на завалинкѣ на улицѣ, вытянувъ ноги черезъ весь тротуаръ, и ждалъ. Онѣ показались, но сошли съ тротуара и прошли по другой сторонѣ переулка, у Гомоновой пустыри.

Однако, ни Колька, ни Праксэда не успокоились. На другой день Колька сидѣлъ на крышѣ сарая съ комками сухой грязи и сторожилъ. Но Праксэда подстерегла раньше и вывалила черезъ заборъ на одинъ изъ зонтиковъ цѣлую лопату свѣжаго навозу. Онѣ съ крикомъ вернулись назадъ, а Колька недовольно слѣзъ съ крыши.

Послѣ этого онѣ стали ходить низомъ, сворачивая у дома Рѣдчихи на тропинку въ оврагъ, гдѣ ходили свиньи, и выходя изъ него въ переулокъ уже у самаго города. Но и тамъ онѣ иногда сталкивались съ Праксэдой, загонявшей въ сумеркахъ свиней, и тогда всѣмъ было слышно, что это случилось.

Кромѣ этихъ двухъ, ходившихъ вмѣстѣ, появилась еще и третья, ходившая отдѣльно и совсѣмъ на нихъ непохожая. Показывалась она въ переулкѣ не только вечеромъ, но и утромъ, и утромъ всегда въ простомъ платьѣ и ситцевомъ платкѣ, низко опущенномъ надъ блѣднымъ лицомъ. Была она похожа на обыкновенную бабу съ Завалья, въ родѣ Одарки или Поли, и только высокіе каблуки и запахъ, какъ на бульварѣ, дѣлали ее на нихъ непохожей. Вечеромъ онъ ходила подъ зонтикомъ и въ модномъ платьѣ, но Колькѣ казалось, что взяла она его у тѣхъ, другихъ. Ее никто не тронулъ. И Колька почему-то сразу рѣшилъ, что хотя она тоже «такая», но не такая, какъ тѣ, а другая, особенная.

Однажды поздно около дома жандарма раздались страшные крики. На крикъ выскочили дровосѣкъ Филиппъ и жандармъ, который собственными руками, какъ разсказывалъ онъ утромъ сосѣдямъ, «пресѣкъ безобразіе» и передалъ «неизвѣстнаго» Филиппу, а тотъ спустилъ его въ оврагъ. У воротъ жандармова дома осталась избитая «тварь», назвавшая себя Сонькой. Такъ узнали ея имя. Праксэда дала ей пить, и по приказу жандарма Филиппъ сходилъ за извозчикомъ и отвезъ ее въ больницу. О ней жалѣли, говорили, что была она честная и что бросилъ ее писарь Константиновъ, котораго перевели на Кавказъ. Черезъ недѣлю она появилась похорошѣвшая. Въ переулкѣ встрѣтили ее молча, но не безъ сочувствія.

Измѣнился къ ней и Колька. И даже какъ бы ждало Коль-

кино сердце первой возможности избавиться отъ того темнаго, непонятнаго ему, но искавшаго выхода чувства, которое вызывали въ немъ «эти», съ Дубровки. Чувство это онъ сразу перенесъ на «неизвѣстнаго», который избилъ ее, и на писаря Константинова, и думалъ, что, появись кто-нибудь изъ нихъ въ Зеленомъ переулкѣ, онъ запустилъ бы съ крыши кирпичемъ въ голову.

Вечеромъ того же дня, когда вернулась изъ больницы Сонька, Колька пошелъ ночевать къ тетенькѣ, куда уходилъ всегда, когда случалось что-нибудь важное, и, читая на ночь молитву о живыхъ, вспомнилъ и о Сонькѣ.

Помянувъ послѣдняго, раба Божьяго Алексѣя—нищаго со скрюченными пальцами, который приходилъ по субботамъ въ домъ Рѣдчихи похлебать вчерашняго супцу и разсказывать Колькѣ про разбойниковъ и про клады, Колька хотѣлъ прибавить: «и рабу Божью Софью», но подумалъ и назвать ее «рабой Божьей» не рѣшился, а сказалъ просто: «и Соньку».

Такъ она со своимъ миловиднымъ, похорошѣвшимъ лицомъ и застѣнчивой улыбкой, въ бѣломъ низко опущенномъ платочкѣ стала въ Колькиныхъ мысляхъ въ сторонѣ отъ тѣхъ двухъ, свѣтлая и милая.

Но послѣ вчерашняго Колька не находилъ ей тамъ мѣста и не зналъ, что дѣлать. Помочь могъ только Жуковъ, и Колька рѣшилъ, что ляжетъ на крышу сарая и будетъ ждать Жукова. И не думалъ, какъ спросить объ этомъ Жукова, но зналъ, что такъ должно быть, и видѣлъ, какъ Жуковъ остановится, подтянетъ хромую ногу, обопрется на палку, посмотритъ прищурившись, и все пойметъ и скажетъ...

Телеграфистъ Жуковъ появился въ переулкѣ въ прошломъ году. Ходилъ онъ прихрамывая, приволакивая ногу и опираясь на суковатую палку, и отъ этого каждый шагъ былъ значителенъ.

Колькѣ всегда казалось, что Жуковъ не просто идетъ, какъ всѣ, а къ чему-то подходитъ, вотъ шагнетъ еще нѣсколько разъ и что-то сдѣлаетъ, непремѣнно сдѣлаетъ или скажетъ. Жуковъ проходилъ, и Колька думалъ: значитъ, въ слѣдующій разъ скажетъ, потомъ долго смотрѣлъ Жукову въ слѣдъ.

Однажды Жуковъ обернулся и, замѣтивъ Колькинъ пытливый взглядъ, необыкновенно благородно приподнялъ фуражку и сказалъ:

— Не стѣсняйтесь.

На завтра Колька сторожилъ Жукова у калитки, въ шапкѣ,

и заранѣе думалъ, какъ онъ, такъ же какъ Жуковъ, благородно сниметъ шапку и молча раскланяется.

Познакомившись, Жуковъ и Колька вели при встрѣчахъ короткіе и всегда вполнѣ серьезные разговоры. Колькѣ это нравилось. И о чемъ бы ни говорилъ Жуковъ, выходило на-двое, было такъ, какъ будто надо было сразу посмотрѣть въ разныя стороны, и Колька сразу не понималъ.

Жуковъ останавливался, снималъ фуражку съ желтымъ кантомъ и молніями и, проведя по лбу сложеннымъ въ квадратикъ носовымъ платкомъ, замѣчалъ:

— Необыкновенная жара, а между тѣмъ прохладный вѣтеръ.

Замѣчалъ дыру на Колькиной рубахѣ и говорилъ:

— Не интересуетесь вашей внѣшностью—похвально, а между тѣмъ—небрежность.

Послѣ такихъ короткихъ разговоровъ Колька всегда долго думалъ; ему казалось, что это необыкновенно умно, сказать такъ, чтобы было на-двое: и такъ и не такъ, и очень хотѣлось и самому говорить такъ, но было и страшно отъ такихъ двойныхъ мыслей, всегда думалось, что настоящая—только одна, но что, если долго говорить на-двое, то забудешь какая.

Какъ-то Жуковъ замѣтилъ у Кольки книжку: «Битва русскихъ съ кабардинцами», посмотрѣлъ ее внимательно, перелисталъ и сказалъ:

— Слогъ, нѣтъ словъ, легкій. Однако пустое времяпровожденіе. И, прищурившись, прибавилъ:

— Есть, дѣйствительно, книги... И можно будетъ дать...

И время отъ времени сталъ приносить Колькѣ пахучія старыя книжки въ червивыхъ переплетахъ. Колька читалъ ихъ тетенькѣ по вечерамъ. Такъ Колька прочелъ: «Арабскія сказки въ четырехъ частяхъ», «Состояніе души грѣшника, попускающаго діаволу утвердиться въ сердцѣ своемъ», съ рисунками, «Двѣнадцать писемъ съ того свѣта въ стихахъ», книжка, отъ которой тетенька плакала. Читалось не легко и не все было понятно, но все было таинственно, страшно, необыкновенно.

О книжкахъ не говорили. Но, получая новую, Колька смотрѣлъ на Жукова и зналъ, что онъ уже знаетъ все, что въ ней написано, все, что написано и въ тѣхъ другихъ, которыхъ можетъ и не дать. А Жуковъ, отдавая книжку, щурился, соображалъ и осторожно, съ разстановкой замѣчалъ:

— Еще есть книга, очень старинная. Можно бы и дать... однако не сейчасъ.

Колька видѣлъ, что куда-то осторожно ведетъ его Жуковъ, зная все напередъ, но все же боясь ошибиться. Было страшно, но и очень интересно.

Больше всего поразилъ Жуковъ Кольку, когда однажды въ сумеркахъ остановился и, вынувъ изъ кармана небольшую штучку, непоходившую ни на что, что̀ видѣлъ Колька, поставилъ ее на заваленку и сталъ на ней что-то выстукивать. Выстукавъ съ большимъ вниманіемъ, съ полузакрытыми глазами все, что̀ было нужно, Жуковъ сказалъ:

— Простое движеніе руки, а между тѣмъ государственная тайна.

Потомъ спряталъ штучку въ карманъ и ушелъ, выросши въ Колькиномъ сознаніи до огромныхъ размѣровъ.

Когда появились въ переулкѣ «эти», съ Дубровки, Колька ждалъ, когда заговоритъ о нихъ Жуковъ. Теперь, послѣ вчерашняго, уже нельзя было больше ждать. То, что̀ случилось вчера, требовало отвѣта, а отвѣтить могъ только Жуковъ.

Вчера утромъ Колька стоялъ у воротъ и ждалъ. Сонька появилась изъ-подъ горы одна. Колька стоялъ въ калиткѣ, держалъ въ карманѣ яблоко и, когда она подошла, неожиданно протянулъ его Сонькѣ. Сонька оглянулась, яблоко не взяла, но быстро обняла Кольку и стала цѣловать въ щеки, въ глаза, въ шею и въ голову.

Колька рванулся, толкнулъ калитку, вырвался и вскочилъ во дворъ. Передъ нимъ стояла мать, собравшаяся на рынокъ. И по лицу матери Колька понялъ, что случилось что-то необыкновенное.

Мать выскочила на улицу, Колька высунулся въ калитку и замеръ.

Догнавъ Соньку, мать крикнула:

— Тварь! Какъ ты смѣешь!—и подняла руку.

Сонька прижалась къ забору и закрыла руками лицо. Мать опустила руку, вернулась къ Колькѣ, схватила его за руку, толкнула во дворъ, заперла калитку на засовъ, трясла Кольку и задыхаясь кричала:

— Какъ ты смѣешь съ ними разговаривать!

Колька, пытаясь объяснить что-то, что̀ уже терялось и для него самого, сказалъ:

— Это Сонька.

Мать не поняла и только прибавила:

— Съ погаными...

Колька стоялъ передъ этой неожиданной лаской Соньки и

страшнымъ гнѣвомъ матери и не могъ совмѣстить всего въ своей душѣ. И въ первый разъ въ душѣ было на-двое, по-жуковски, и отъ этого очень страшно.

Колька лежалъ на крышѣ сарая и ждалъ Жукова. Былъ часъ, когда Жуковъ еще не могъ возвращаться со службы, но уйти отсюда, гдѣ всё случилось и гдѣ долженъ былъ пройти Жуковъ, Колька не могъ. Лежалъ, смотрѣлъ на знакомый переулокъ и думалъ. Но думы были пугливыя, тонкія, прозрачныя, пропадали, прятались, рвались, и сквозь нихъ, какъ черезъ дырявую кисею на окнахъ, гнѣвно смотрѣла мать, пугливо закрывалась руками Сонька, щурился Жуковъ.

Направо переулокъ шелъ между огородами и Гомоновой пустырью и, круто обрываясь, спускался къ рѣчкѣ Дубровкѣ. Черезъ Дубровку Колька ходилъ на Завалье, къ Днѣпру—къ тетенькѣ. Налѣво, между оврагомъ и сосѣдскими садами, переулокъ уходилъ кверху, въ «городъ».

Рано утромъ, когда Колька еще спалъ, туда уходилъ на службу отецъ, Ѳедоръ Иванычъ «Мамочка», жандармъ Марченко. Туда ходилъ за товаромъ съ огромными корзинами лавочникъ Залманъ съ женой Фрейдой. Спѣшилъ, шлепая худыми опорками, съ парой штиблетъ въ узелкѣ, высокій, вихрастый сапожникъ Максимъ, говорившій быстро и невнятно, какъ индюкъ, и читавшій по покойникамъ. Позже всѣхъ уходилъ на рынокъ, съ маленькимъ тупымъ топоромъ за поясомъ, огромный сѣдой дровосѣкъ Филиппъ.

Теперь онъ уже возвращался обратно, по обыкновенію раньше всѣхъ, и водоноска Катерина, жившая лѣтомъ вмѣстѣ съ нимъ на развалинахъ на Гомоновой пустыри, медленно подымалась съ полными ведрами съ криницы изъ оврага и уже издали кричала ему:

— Наработался, эрештантъ! Холера на кишки...

За Филиппомъ показались Залманъ и Фрейда. Высокій худой Залманъ шелъ впереди съ двумя огромными корзинами, за нимъ съ корзинками поменьше переваливалась Фрейда, запрокинувшись назадъ, съ большимъ животомъ, приподымавшимъ юбку надъ толстыми бѣлыми чулками.

Они зашли во дворъ. Колькѣ было видно, какъ Фрейда, опустивъ корзины, сѣла на завалинку, широко разставивъ ноги и вытирала фартукомъ потъ, а Залманъ молча выкладывалъ на завалинку изъ корзинъ кульки съ крупой, сахаромъ, чай, баранки, бѣлый хлѣбъ. Сейчасъ на дворъ выйдетъ мать. Колька опустилъ

голову, чтобъ не увидѣли его со двора. Какъ всегда, мать беретъ изъ корзинки засаленную книжку, смотритъ.

— Опять на копейку прибавила, Фрейда?

Фрейда подымается съ завалинки.

—Что? Фрейда вамъ прибавила? Можетъ Залманъ вамъ прибавилъ? Симкинъ прибавилъ, чтобы ему Богъ хворобы прибавилъ, такъ и Фрейда прибавила.

Успокоившись, мать, какъ всегда, спрашиваетъ:

— Которымъ ходишь, Фрейда?

Фрейда подымаетъ полузакрытые усталые глаза и говоритъ медленно, раздвигая въ улыбку опущенныя губы:

— Давай Богъ здоровья. Такъ ужъ шестымъ.

Мать уходитъ, уноситъ кульки.

Показалась Одарья. Значитъ, уже не рано. Значитъ, скоро...

Вспоминается, какъ завалилась осенью въ сараѣ тельная корова... Волнуется мать, бѣжитъ Колька за Одарьей. Пришла Одарья. Мать, прикрывая ладонью пламя страстной свѣчи, ведетъ ее въ сарай, а Кольку туда не пускаютъ. Корова дышетъ тяжко, мычитъ жалобно... Вотъ уже несетъ Одарья изъ сарая въ тепло, въ кухню, мокраго, пахнущаго молокомъ теленка, у котораго еще виситъ пупокъ. За ней радостно идетъ мать. Теленокъ стучитъ по кухнѣ прямыми, какъ палочки, ножками и падаетъ на колѣнки...

Прошла Алейница, носившая постное масло. Колька пропустилъ ее и ждетъ. Но тонко думается: Рождество. Пришла Алейница въ гости, принесла колоду картъ, играетъ съ Колькой въ пьяницу. Алейница разсказываетъ про Ивашку. Тонко-тонко, жалостно поетъ Ивашка съ вербы:

— Гуси, гуси, лебеди, скиньте мнѣ по перышку...

И сразу пропали и Ивашка, и гуси, и Алейница. Неожиданно, какъ всегда, на горѣ показался Жуковъ.

Ни о чемъ больше не думалъ и ничего не видѣлъ Колька, только ждалъ. Жуковъ приближался. Колька слѣзъ съ крыши и стоялъ у калитки.

Жуковъ остановился, подтянулъ ногу и, приподнявъ фуражку, протянулъ Колькѣ книжку въ старомъ переплетѣ.

— Получите обѣщанное. Панъ Твардовскій, или человѣкъ, продавшій душу сатанѣ...

Жуковъ прищурился, разгадывая Колькины свившіяся въ клубокъ мысли. Колькино сердце стучало. А рядомъ съ нимъ, не то въ немъ отдавалось: продавшій душу свою сатанѣ...

И какъ-разъ показалась съ Дубровки Сонька и, увидѣвъ ихъ, свернула на тропинку въ оврагъ.

— Какъ тѣ—мгновенно пронеслось въ Колькиныхъ мысляхъ.

Опять выглянуло сквозь мысли вчерашнее страшное материно лицо, и будто мать толкнула ее туда, въ оврагъ.

Колька смотрѣлъ на нее, на Жукова, на старую страшную книжку, связывалъ взглядомъ и Соньку, и Жукова, и книжку.

И Жуковъ размоталъ клубокъ Колькиныхъ мыслей. Поглядѣлъ въ оврагъ и отвѣтилъ:

— Также продали душу свою сатанѣ. Однако, жертвы плотоядныхъ инстинктовъ.

Какъ вчера, но уже въ послѣдній разъ, защищая Соньку и свѣтлое мѣсто для нея въ своихъ мысляхъ, Колька спросилъ неожиданно громко:

— А Сонька?

Жуковъ прищурился и, помедливши, отвѣтилъ:

— Для этой еще возможно спасеніе.

И, благородно приподнявши фуражку, двинулся дальше.

Колька стоялъ съ книжкой въ рукахъ. Напуганное свѣтлое трепетало въ немъ, какъ пламя страстной свѣчи въ рукахъ у матери, уже не такимъ гнѣвнымъ казалось материно лицо. Сонька отводила руки отъ лица и пугливо косилась.

Колька подбѣжалъ къ оврагу, думая еще увидѣть ее на тропинкѣ, но она уже исчезла въ кустахъ.

Колька сѣлъ на завалинку, раскрылъ книжку и прочелъ:

— «Былъ вечерній часъ, но ночь еще медлила опустить на землю мрачныя свои крылья, когда по дорогѣ къ Кракову показался всадникъ, сердито понукавшій покрытаго пѣной чернаго коня»...

Колька закрылъ книжку. Что-то еще неясное уже слагалось въ душѣ. Надо было дождаться вечера и идти съ книжкой къ тетенькѣ.

Было еще свѣтло, когда Колька спускался къ Дубровкѣ. Послѣ тихаго Зеленаго переулка съ садами и огородами внизу на Дубровкѣ сразу было людно, тѣсно, крикливо, пыльно, пахло вареной рыбой, у рѣчки было черно отъ дѣтскихъ головъ, подъ мостомъ трещали вальки прачекъ.

У лавки Залмана толпился народъ, кричала Фрейда. Дровосѣкъ Филиппъ стоялъ на ступенькахъ лавки съ булкой въ рукахъ и, улучивъ минуту, когда Фрейда вышла изъ лавки въ

хату, запустилъ булку на самое дно селедочной бочки, въ ржавую гущу. Но Фрейда замѣтила, тащила его изъ лавки за рукавъ и кричала:

— Арестантъ! Чтобъ тебѣ выхворать! Сегодня онъ макаетъ, завтра онъ макаетъ. Когда ты будешь деньги платить?

Въ шумѣ и сутолокѣ затаились мысли о Сонькѣ, уступали мѣсто крикливой назойливой Дубровкѣ, но, затаившись, ждали.

По нагорью, прилипши къ горѣ и почти падая другъ на друга, тѣснились крохотные, покривившіеся, подпертые спереди бревнами и досками еврейскіе домики. И не было на Дубровкѣ ни травы, ни цвѣтовъ, ни деревьевъ. Только у моста стояли двѣ старыя, дуплистыя ивы, выжженныя внутри. Каждую весну выбивало изъ нихъ нѣсколько длинныхъ, гибкихъ вѣтокъ, но лѣтомъ и ихъ кто-то обламывалъ.

И земля на Дубровкѣ была особенная, твердая, сухая, изъ нея глядѣли рѣчные камешки, стекла, черепки, сухой соръ, и была она похожа больше на сѣрый пепелъ, который мать вытряхивала изъ самовара, чѣмъ на сырую пахучую землю въ огородѣ и въ саду.

Когда Колька, бывая у тетеньки, читалъ ей изъ Ветхаго Завѣта о пустынѣ Аравійской, по которой странствовали евреи, то всегда думалъ, что земля въ пустынѣ Аравійской такая же, какъ на Дубровкѣ, и нѣтъ на ней ни травы, ни деревьевъ. Тогда становилось жалко кудластыхъ черномазыхъ дубровскихъ дѣвчонокъ и сопливыхъ мальчишекъ съ хвостиками изъ штановъ.

Возвращаясь домой, несъ Колька цѣлые пучки сирени, жасмину и тѣхъ особенныхъ цвѣтовъ, которые цѣлое лѣто не переводились въ тетенькиномъ палисадникѣ. У спуска на Дубровку за нимъ увязывались дубровскія дѣти, хватали цвѣты, какъ голодныя, нюхали жадно, такъ что отъ цвѣтка ничего не оставалось, и до самаго переулка бѣжали за Колькой и кричали:

— Краски! краски! Паничъ, дайте краски!

Въ оврагѣ передъ самымъ Завальемъ жила сумасшедшая, всегда носившая у груди, какъ ребенка, рваное грязное тряпье. Колька боялся ея и быстро миновалъ оврагъ.

Поднявшись въ гору, Колька вошелъ въ тихое, все въ садахъ Завалье. Смеркалось. Розовѣли за изгородями еще прозрачные сады. Дымилось курево, плыли по низу межъ стволами сизые призраки, а надъ зацвѣтавшими яблонями въ тихомъ, окрѣпшемъ къ вечеру воздухѣ подымались тонкіе, золотые на

закатѣ дымки. Колька посмотрѣлъ на похолодѣвшее небо—загорались звѣзды.

Сразу налетѣли затаившіяся мысли о Сонькѣ, а съ ними переплелись, какъ вѣтки въ садахъ, мысли, что приходили всегда со звѣздами. Колька шелъ тихо, вглядывался въ то, чего не видно днемъ, думалъ по-вечернему.

Сейчасъ только видѣлъ Филиппа у Залмановой лавки, но зналъ, что теперь Филиппъ—другой, ходитъ по Гомоновой пустыри и смотритъ въ землю, сторожитъ кладъ, что зарылъ на пустыри старый Гомонъ еще до француза, ждетъ, когда кладъ покажется изъ земли. А выходитъ онъ только черезъ сто лѣтъ. И уже скоро...

Въ этотъ часъ прошлой весною дѣдъ Ефимъ гналъ челнъ съ рыбой къ городу. Прибился къ челну утоплый. Глянулъ дѣдъ—плыветъ утоплый лицомъ кверху, на звѣзды смотритъ. Хоть и много прошло тому годовъ, а узналъ дѣдъ чаровника «ажъ съ подъ Чернигова», того самаго, что напустилъ «сухмень» на листъ лѣтъ тридцать тому назадъ, когда еще молодымъ снималъ дѣдъ сады по Днѣпру. Трясла дѣда трясовица, но онъ запѣлъ громко, «какъ на крилосѣ», тропарь Николаю Угоднику: «Правило вѣры и образъ кротости». И чаровникъ отбился.

Колька прибавилъ шагу, покосился на темнѣвшую чащу уходившихъ назадъ стволовъ, на голубоватые призраки, что плыли за ними... И будто ѣдетъ тамъ черный конь, а на немъ страшный всадникъ. Уже замѣтилъ онъ Кольку. Идетъ Колька—и онъ ѣдетъ, остановится—и онъ ждетъ. Уже близко онъ, слышенъ далекій топотъ... Обгонитъ его Колька—спасетъ Сонькину душу, не обгонитъ—погибнетъ Сонькина душа...

Колька бѣжалъ по крѣпко убитой тропинкѣ у изгороди, кругами бѣжали деревья въ садахъ, летѣлъ за нимъ страшный всадникъ...

Колька остановился только тогда, когда грохнула за нимъ тяжелая тетенькина калитка, и огромный лохматый Шарикъ кинулся навстрѣчу.

Обрадовался Шарику, присѣлъ, и Шарикъ мигомъ облизалъ глаза и губы теплой слюнявой пастью.

Глянулъ, сидя рядомъ съ Шарикомъ, на темное пустое Завалье, прислушался—нѣтъ никого, только гремитъ водовозъ, къ Днѣпру за водой ѣдетъ...

Колька вошелъ въ сѣнцы, постоялъ. Проѣхалъ водовозъ. Тихо, темно въ сѣнцахъ, пахнетъ полынью и мятой, что виситъ пучками на стѣнѣ.

Выглянулъ изъ сѣнецъ на дворъ. Садъ побѣлѣлъ на потемнѣвшемъ небѣ. Золотые дымки погасли, стали сѣрыми. Тихо на темномъ дворѣ, только корова за стѣною жуетъ жвачку и, отрыгнувъ, тяжко дышетъ, и голубѣютъ въ черномъ палисадникѣ подснѣжники, будто кладъ, выходящій изъ земли.

Прошелъ длинныя сѣнцы и вошелъ въ пахучія тетенькины комнаты.

Чай пили съ медомъ. Колька читалъ тетенькѣ «Пана Твардовскаго». Ломоть хлѣба, густо намазанный медомъ, Колька держалъ въ одной рукѣ, по пальцамъ ползли и падали на скатерть желтыя капли, «Пана Твардовскаго» держалъ въ другой, заложивъ пальцемъ мѣсто, на которомъ остановился. Смотрѣлъ на синій, обгорѣвшій у стекла абажуръ, и сердце его взволнованно билось.

Уже разсказалъ панъ Твардовскій сыну, какъ Жуковъ Колькѣ, о роковой тайнѣ. Побывалъ Колька съ Яномъ у святого отшельника. «Изголовье ему—острый камень»...

Три дня и три ночи стоялъ на молитвѣ Янъ, а рядомъ съ нимъ Колька. А Сонька, прижавшись къ острому камню, пугливо косилась изъ-подъ опущеннаго низко платка...

Увидѣлъ Колька страшный, возвращенный сатаною, свитокъ: чернѣютъ на немъ написанныя кровью слова.

А Жуковъ стоитъ рядомъ и щурится, и Колька знаетъ, что самое страшное еще впереди...

Опять надо звать сатану... Разговоръ съ нимъ, на которомъ остановился Колька, очень страшный, и неизвѣстно, чѣмъ все кончится...

Колька торопился, глоталъ сладкій, свѣже испеченный хлѣбъ, не разжевавъ какъ слѣдуетъ; сухая корочка царапала въ горлѣ, и тамъ, не то отъ большихъ глотковъ, не то отъ волненія, ёкало. Допивъ стаканъ, Колька облизалъ пальцы, слизалъ медъ со скатерти, отъ которой пахло мыломъ, и больше не попросилъ, а раскрылъ книжку и посмотрѣлъ на тетеньку.

Тетенька сидѣла по другую сторону стола, за лампой, сухенькое лицо ея съ желтѣющимъ отъ лампы лбомъ въ тонкихъ морщинкахъ, съ очками на двухъ тесемочкахъ, было строго, но спокойно. Она пила чай медленно, перекладывая въ беззубомъ рту намокшую корочку съ одной стороны на другую и прихлебывая изъ стакана рыжую бурду, въ которой мочила хлѣбъ. Хлебнувъ раза два, подымала голову и продолжала вязать бѣлый

шерстяной чулокъ. Тогда Колька не видѣлъ ее изъ-за синяго абажура, видѣлъ только знакомыя сухія руки, которыя двигались у самой лампы.

Глядя на тетеньку, Колька успокоился и, шмыгнувъ носомъ, чтобы скрыть волненіе, началъ:

«Тогда панъ Твардовскій, обуреваемый въ умѣ своемъ жаждою сокровеннаго, поклонился ему и сказалъ:—Господинъ Сатана, приношу вамъ мою низкую благодарность и готовъ сдѣлать все, что вамъ угодно»...

Но тутъ тетенька, положивъ чулокъ у лампы, встала, взяла изъ Колькиныхъ рукъ книжку и, подойдя къ дивану, сунула ее за зеркало; потомъ вернулась, подлила изъ самовара воды въ бурую кашицу отъ размокшаго хлѣба въ своемъ стаканѣ и, усѣвшись, стала вязать.

Колька смотрѣлъ на нее и ждалъ, что тетенька заговоритъ, догадывался, что она скажетъ. Но она молчала. И Колькѣ стало очень страшно.

Колька подобралъ ноги, сѣлъ на стулъ на колѣнкахъ и покосился влѣво отъ тетеньки на открытую дверь въ кухню. Тамъ было темно, чернѣло подполье. Еще лѣвѣе была дверь въ темную боковушку, и тамъ было страшно. Колька косился дальше и дошелъ до зеркала, за которое тетенька спрятала книжку. Правая сторона зеркала была совсѣмъ черная, и оттуда торчалъ уголокъ книжки. Тутъ было особенно страшно. Колька подумалъ, что, если сказать, даже совсѣмъ тихо:—«господинъ сатана»,—то онъ непремѣнно появится изъ-за зеркала, и перевелъ глаза влѣво, къ лампадкѣ.

Свѣтъ отъ лампадки золотилъ лѣвую сторону зеркала. И вся комната раздѣлилась на двѣ части: большую—страшную, отъ двери въ кухню до уголка книжки за зеркаломъ, и поменьше—спокойную, отъ другого края зеркала до двери въ кухню. Въ серединѣ этой части, какъ разъ за Колькою, горѣла лампадка.

Колька повернулся на стулѣ на колѣнкахъ и сталъ глядѣть на лампадку и на Святую Троицу за ней.

Богъ-отецъ смотрѣлъ чуть вкось, какъ всегда, прямо на Кольку, и желтое лицо его свѣтилось. Колька успокоился подъ этимъ знакомымъ взглядомъ и, посмотрѣвъ на зеркало, громко прошепталъ:

— Господинъ Сатана...

Тетенька сказала:

— Не надо повторять. Грѣхъ.

Колька понялъ, почему тетенька спрятала книжку. Онъ и самъ такъ же думалъ, и отвѣтилъ спокойно:

— Я знаю, тетенька. Я больше не буду.

И сейчасъ же еще разъ прошепталъ:

— Господинъ Сатана...

Стало не страшно. Колька опустилъ ноги и поболталъ ими подъ стуломъ.

Передъ сномъ молились. Рядомъ съ тетенькой, около стула стоялъ на колѣнкахъ Колька и смотрѣлъ на икону. Сами, одна за другой, шептались молитвы. Колька не думалъ о нихъ. Прошепталъ:—«Но избави насъ отъ лукаваго», поклонился, сказалъ—аминь,—уперся руками въ полъ и, думая о лукавомъ, смотрѣлъ вбокъ подъ руку на черное подпечье, потомъ поднялся, сѣлъ на ноги, зашепталъ дальше и сталъ смотрѣть на Николая-Угодника.

Большой Николай-Угодникъ въ серебряной ризѣ стоялъ внизу, совсѣмъ близко, на покрытомъ вязаной скатертью угольникѣ, на которомъ горѣла лампадка. Въ одной рукѣ у него было Евангеліе, другую онъ сложилъ для благословенія и держалъ высоко и строго. Смотрѣлъ онъ прямо въ кухню, и Колька нѣсколько разъ посмотрѣлъ на него и на подпечье.

Надъ Николаемъ-Угодникомъ за верхней лампадкой висѣла большая Троица. Богъ-Отецъ и Сынъ Божій держали корону надъ Божьей Матерью, а вверху летѣлъ Святой Духъ. Божья Матерь была радостная и, опустивъ глаза, смотрѣла внизъ на покрытый бѣлой скатертью угольникъ. Колька поглядѣлъ на ея опущенныя рѣсницы и подвинулся на колѣнкахъ впередъ. Сами шептались молитвы до «Ангела Хранителя». Тутъ, какъ всегда, мелькнуло, что у тетеньки, отъ того, что она молится долго и не смотритъ по сторонамъ, Ангелъ-Хранитель маленькій, только головка и крылышки, какъ на Святыхъ-Вратахъ, и сталъ думать, какой Ангелъ-Хранитель у Соньки. Но видѣлъ только Соньку, будто ждетъ она въ темныхъ сѣнцахъ, а постучать боится. А Ангела ея невидно... А у Кольки—съ бѣлыми крыльями, и стоитъ всегда сзади. Покосившись на тетеньку, Колька быстро наклонился и глянулъ подъ руку. Темнѣла кухня, свѣтлая дорога шла до дверей въ сѣнцы...

Далеко, за садомъ, увидѣлъ Сонькина Ангела—огромный, выше тетенькина дома, въ рукѣ кадило, и вьется кверху надъ садомъ золотой дымокъ...

Молился «о здравіи» и сквозь уже наплывшую сонную радость прошепталъ:

— И рабу Божью Соньку...

Улыбалась Сонька, улыбалась мать... Жуковъ стоялъ у завалинки и выстукивалъ кому-то про самую важную государственную тайну...

Въ сладкихъ туманныхъ волнахъ наплывавшаго сна разрѣшилось все, что волновало цѣлый день...

Еще разъ, но уже смутно и безсильно всколыхнулась тревога, и все затопила радость, безъ словъ, безъ образовъ...

Тетенька поднялась и съ тѣмъ же спокойнымъ и строгимъ лицомъ, не переставая шептать молитвы, принесла изъ спальни и положила на диванъ большую подушку, подняла спящаго на полу у стола Кольку и положила на диванъ подъ зеркаломъ. Потомъ разстегнула клѣтчатую шерстяную рубашку, сняла сапоги, откуда посыпалась высохшая за день земля, перекрестила и опять опустилась на колѣни у Колькина изголовья.

Переживъ длинный день, Колька крѣпко спалъ. Надъ головой свѣтилась лампадка, рядомъ стояла на молитвѣ тетенька, а изъ-за темнаго края зеркала выглядывала страшная, еще недочитанная до конца Жуковская книжка.

Н. Шкляръ.

AVE MARIA.

— Ave Maria, ridonami la calma...

Это поетъ мой сосѣдъ по комнатѣ. Сквозь тонкую стѣнку доносится до меня каждое его слово, и всѣ оттѣнки его голоса я знаю очень хорошо. А его самого я видѣла только разъ, издали, на лѣстницѣ... Длинная, тощая фигура. Онъ поетъ много красивыхъ романсовъ и чаще всего «Ave Maria». Ave Maria, верни мнѣ покой...... Онъ поетъ это въ сумерки, въ печальныя сѣрыя сумерки... Онъ поетъ это поздно вечеромъ, когда я спокойно сижу за своимъ рабочимъ столомъ. Занавѣска спущена, зеленая лампа горитъ мягкимъ свѣтомъ, на столѣ у меня чай, вкусныя конфекты и серьезныя книжки. Я занимаюсь. А онъ поетъ. Я привыкла къ его пѣнію и, когда онъ поетъ, мнѣ хорошо работать. Только вотъ, когда въ «Ave Maria» его голосъ зазвучалъ мольбой и страданіемъ, у меня передъ глазами начинаетъ прыгать моя книжка и путаются мысли въ головѣ. И я отхожу отъ стола, сажусь въ глубокое кресло съ прорваннымъ сидѣніемъ и слушаю. Голосъ звучитъ страстно, скорбно, сильно... Потомъ обрывается, и тихо, почти говоритъ: «Ave Maria»... И потомъ глубокимъ молитвеннымъ голосомъ: ridonami la calma...

И аккорды, похожіе на органъ. Да, онъ не поетъ, онъ молится... И мнѣ кажется, что онъ несчастливъ. Такъ можетъ пѣть только несчастливый. Я слушаю, слушаю, и жалко мнѣ его становится... Его жалко и всѣхъ. И даже себя. Хотя что меня жалѣть-то?.. Живется мнѣ славно...

Сегодня въ его голосѣ такая тоска, какой я еще не слыхала. Нѣтъ у него calma, нѣтъ, и не можетъ онъ найти... Я сижу въ креслѣ и слушаю. Вотъ повышается, повышается голосъ, все сильнѣе, все призывнѣе... И оборвался. И почему-то нѣтъ послѣдней молитвенной фразы, а вмѣсто этого слышу бы-

стрые, нервные шаги. Ходитъ изъ угла въ уголъ по своей комнатѣ, длинный, худой... Остановился... Легъ, вѣрно, на кушетку. Что это? Какіе странные, глухіе, сдавленные звуки. Неужели плачетъ? Да, конечно, и, чтобы не слышала я, заглушаетъ подушкой свои рыданія. Господи, какъ странно... Большой, взрослый мужчина лежитъ на кушеткѣ и плачетъ. Я видѣла только разъ, какъ плачетъ мужчина, когда мой дядя плакалъ послѣ смерти тети. Лицо его странно морщилось, губы подергивались больной такой дрожью и слезы по лицу текли большія, тяжелыя... Вотъ такъ, вѣрно, и мой сосѣдъ. Ну, зачѣмъ, право, плакать... Спѣлъ бы свои красивыя пѣсни. Вѣдь ему Богъ далъ голосъ, талантъ... Я была бы счастлива, если бы у меня былъ такой голосъ... Онъ одинокъ. Я почти не испытала одиночества, только въ первое время послѣ того, какъ уѣхала изъ дому... Я представить это могу. Одинъ... и никого нѣтъ такого, кому бы все просто, хорошо можно было разсказать. Знать, что поймутъ, повѣрятъ, почувствуютъ. А разсказать, вѣрно, есть что, и глубокія, острыя раны на сердцѣ... Рыданія смолкли. Но тишина послѣ нихъ мнѣ кажется страшной. И безъ слезъ я слышу его тоску. Бѣдный мой, милый сосѣдъ! Мнѣ васъ очень жалко, и мнѣ очень хочется, чтобы вамъ было хорошо...

Я люблю. Я счастлива оттого, что я люблю, и оттого, что меня любятъ. Я это узнала сегодня, только-что узнала, когда мы возвращались вмѣстѣ изъ театра. Мы шли вдвоемъ съ Володей и оба молчали. Мы, вѣдь, знали, что очень скоро намъ придется сказать необыкновенныя слова. И какъ будто бы намъ хотѣлось не говорить ихъ подольше. Но что скажемъ, знали, очень хорошо знали, хотя раньше и не говорили объ этомъ. Ну, и вотъ Володя сказалъ: «Лена, я васъ люблю». Я почему-то испугалась, какъ будто не ждала этого, и не отвѣтила ничего, и рука у меня задрожала. Володя сказалъ: «Что съ вами?.. вы меня не любите?..» Зачѣмъ онъ это говорилъ? Развѣ онъ не зналъ?.. Да, онъ не зналъ, но потомъ узналъ, потому что я засмѣялась тихо, немножко заплакала и сказала: «Люблю». Онъ взялъ мои руки и началъ цѣловать, не руки, а перчатки, и еще старыя перчатки... Потомъ что-то говорили, а что, я не помню... Отчего-то смѣялись и, кажется, я опять плакала. Я всегда была плаксой, мама говорила... А потомъ у воротъ онъ меня обнялъ крѣпко и сказалъ: «Лена, ты моя?..» А я ничего не могла отвѣтить. Я только положила ему голову на плечо, и мы такъ тихо стояли... Потомъ онъ пошелъ назадъ, а я быстро

побѣжала по лѣстницѣ. Мнѣ все хочется двигаться, танцовать или пѣть что-нибудь веселое. И разсказать бы кому-нибудь. Если бы тутъ была мама, я бы къ ней прижалась, крѣпко бы, крѣпко ее сдавила и шопотомъ бы все разсказала... Господи, да, вѣдь, не спать же теперь! Говорить я, пѣть хочу, пѣть...

— Ave Maria...

Сосѣдъ мой поетъ... Нѣтъ, это не то, не то! Зачѣмъ мнѣ эти печальные звуки, зачѣмъ мнѣ мольба о покоѣ, зачѣмъ мнѣ покой? Сосѣдъ мой! На свѣтѣ есть много прекраснаго, и не надо вамъ тосковать, не надо! Вы одиноки? Но, вѣдь, это вы одиноки сегодня, а почемъ вы знаете, что будетъ завтра? Можетъ быть, не будетъ завтра человѣка счастливѣе васъ! Можетъ быть, завтра вы будете цѣловать старыя перчатки, и у васъ будетъ блаженное лицо... Господи, Господи, мнѣ страшно счастья моего! Спаси меня, Господи, и помилуй и прости меня, грѣшную...

— Ridonami la calma...

Вы молитесь, сосѣдъ мой? Мы будемъ молиться оба, и я помолюсь и за васъ... Какъ онъ сказалъ это: «Лена, ты моя?» Такимъ страннымъ, глухимъ и обрывающимся голосомъ. «Лена, ты моя?» Я ничего, ничего не могу думать, я счастлива... Я люблю...

Это случилось странно-просто. Онъ уѣхалъ къ роднымъ, долго не писалъ. Сегодня въ столовкѣ его товарищъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Вы знаете новость, — Володя женился. Вчера получилъ извѣщеніе». Вотъ и все. Я ничего не сказала, только какъ-то нелѣпо засуетилась. Потомъ я ушла; ѣхала на трамваѣ... И не могла я понять... А въ груди и въ головѣ у меня камни, большіе, тяжелые... И все они больше и больше... Стѣны давятъ и шкафъ, и извнутри что-то давитъ сильно... Мнѣ надо понять, осилить что-то, и тогда все пройдетъ, будетъ опять легко. Я сидѣла въ столовкѣ, пила чай и разговаривала съ Катей Лебедевой. Потомъ подошелъ Егоровъ и сказалъ: «Вы знаете, Володя женился. Вчера получилъ извѣщеніе». Извѣщеніе... Почему извѣщеніе?.. Странное слово... Вотъ тутъ я и не понимаю, тутъ я и не могу понять. Мнѣ кажется, что позади меня что-то стоитъ, и надо это принять... Тогда будетъ легко... Нѣтъ, надо все повторить, понять надо... Володя женился. Женился. Вотъ тутъ, тутъ... Какіе тяжолые камни въ груди и голову что-то тянетъ, тянетъ... Я давлю грудь руками, чтобы было больно, такъ становится легче. Все лучше, только не этотъ камень. На столѣ Володина карточка. Онъ смотритъ прямо на

меня веселыми глазами... Вотъ онъ пріѣдетъ... И какъ же? Я не могу ему сказать, — Володя, ты прійдешь сегодня? — Но, вѣдь, я иначе говорить не умѣю... Я не могу понять... Стѣны давятъ, давятъ... внутри камень, большой и тяжелый...

— Ave Maria...

Что это? Откуда? Не надо никого, не хочу ничего я слышать... Все звуки какіе-то, сильнѣе, громче... Сосѣдъ мой поетъ. Камень на груди все растетъ, растетъ... И вотъ что-то обрывается. Я прячу въ подушку лицо, сжимаю губы, но нѣтъ силъ удержать рыданія... Ridonami la calma...

Оборвались звуки. Нѣтъ, нѣтъ, я хочу еще... Мнѣ нужно это пѣніе. И онъ поетъ. Высоко, далеко идутъ звуки, растутъ, ширятся, страстно и скорбно... А я все рыдаю и рыдаю... И нѣтъ конца...

Много времени прошло съ тѣхъ поръ. Измѣнилось многое вокругъ меня, и сама я измѣнилась. Въ моей комнаткѣ на шестомъ этажѣ живетъ теперь какая-нибудь курсистка или студентъ, а я живу въ квартирѣ съ большими, свѣтлыми комнатами. По большимъ комнатамъ бѣгаютъ маленькія дѣтскія ножки моихъ дѣтей. Дѣти растутъ, а я старѣюсь понемножку... Въ моей жизни, какъ въ жизни всѣхъ людей, есть радость и горе. Было много ударовъ. И при каждомъ ударѣ вспоминалось мнѣ первое горе, первая страшная рана моей души...

Иногда больно, очень больно ноетъ сердце, уже много пережившее, уже усталое сердце. И тогда, въ сумерки, въ печальныя сѣрыя сумерки я подхожу къ роялю, беру мягкіе, похожіе на органъ аккорды и тихо пою:

— Ave Maria, ridonami la calma...

А гдѣ вы, мой сосѣдъ? Вы по-прежнему одиноки? По-прежнему несчастны? Мнѣ очень хочется, чтобы вамъ было хорошо...

Л. Зарѣчная.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО ТУРЕЦКИХЪ АРМЯНЪ.

Болѣе, чѣмъ когда-либо, турецкіе армяне привлекаютъ въ наши дни вниманіе русской публики. Ихъ страданія и мечты о лучшемъ будущемъ знакомы теперь широкимъ кругамъ нашего общества. Не далѣе, какъ въ газетныхъ корреспонденціяхъ, сообщалось за послѣднее время такъ много ужасныхъ деталей о турецкихъ звѣрствахъ, о злоключеніяхъ бѣженцевъ, обо всемъ этомъ потрясающемъ мартирологѣ злополучной страны, все еще не дождавшейся освобожденія и новой жизни. Отмѣчены были также и яркія проявленія храбрости и героизма, обнаруженныхъ во многихъ случаяхъ армянами, которые, «встрѣчая тѣхъ, кто несъ имъ избавленье, рвались отважно въ бой». Все это должно было неизбѣжно поколебать ходячія мнѣнія объ армянскомъ народѣ, которыя все еще не вывелись у насъ. Подъ вліяніемъ развертывающихся на нашихъ глазахъ событій большой публикѣ пришлось откинуть многія непровѣренныя оцѣнки, предубѣжденія, дышащіе исключительностью приговоры. Отпали сами собою толки о трусости, малодушіи, узко-матеріалистическихъ вкусахъ и некультурности армянъ. Въ настоящемъ свѣтѣ предстала трагедія Турецкой Арменіи,—участь края, который могъ бы процвѣтать—и между тѣмъ выноситъ такъ много страданій, несмотря на все то, чѣмъ одарила его природа. Высмѣиваніе одного изъ древнѣйшихъ культурныхъ народовъ Азіи, отголоски пресловутыхъ армянскихъ анекдотовъ и передаваемыхъ по наслышкѣ разсказовъ лицъ, имѣвшихъ какія-либо столкновенія съ армянами,—все это показалось такимъ мелкимъ и ничтожнымъ по сравненію съ тѣми событіями, которыя совершались на исторической почвѣ Арменіи. Болѣе, чѣмъ какія-либо защитительныя статьи, подлинные факты открыли нашему обществу истинное

положеніе вещей, показали настоящихъ армянъ. Выяснилось, силою обстоятельствъ, и первостепенное значеніе именно *Турецкой* Арменіи, какъ такой части древняго армянскаго царства, которая является самою обширною по территоріи и количеству армянскаго населенія, хотя бы и перемѣшаннаго съ турецкимъ и курдскимъ элементомъ,—и должна сыграть главную роль въ дѣлѣ культурнаго возрожденія многострадальнаго народа. Въ общемъ, интересъ къ турецкимъ армянамъ никогда не былъ у насъ такъ опредѣленно выраженъ, какъ теперь. Это могутъ подтвердить всѣ тѣ, кто за послѣднія 25—30 лѣтъ слѣдилъ за постепеннымъ ознакомленіемъ русскаго общества съ участью армянъ. Сейчасъ моментъ и въ этомъ отношеніи—совершенно исключительный. Уже одно появленіе многочисленныхъ статей, переводовъ, брошюръ, спеціальныхъ сборниковъ [1]) краснорѣчиво объ этомъ свидѣтельствуетъ. Такимъ далекимъ кажется то время, когда приходилось впервые знакомить русскихъ читателей съ тѣмъ, что совершалось въ Ванѣ, Мушѣ, Битлисѣ или Эрзерумѣ, напоминать о томъ положеніи, въ какомъ уже много вѣковъ находится «авангардъ европейской цивилизаціи»,—по выраженію одного изслѣдователя.

Но ознакомленіе съ турецкими армянами не можетъ быть полнымъ, пока обращается вниманіе лишь на ихъ политическое и экономическое положеніе. Необходимо признать то, что сдѣлано ими на поприщѣ культурной работы. Каждый народъ, являющійся жертвою гнета и насилія, конечно, заслуживаетъ сочувствія и интереса. Но впечатлѣніе, производимое такого рода безотрадною долею, еще усиливается, когда мы узнаемъ, что этотъ народъ обладаетъ культурными задатками, что его можно считать болѣе образованнымъ, чѣмъ то племя, которое надъ нимъ господствуетъ и его притѣсняетъ. По отношенію къ турецкимъ армянамъ не можетъ быть сомнѣній на счетъ ихъ способности къ упорной и энергичной культурной работѣ. Изслѣдователи, занимавшіеся турецкими дѣлами, безпристрастные путешественники, присматривавшіеся къ положенію вещей въ Константинополѣ и Арменіи, государственные дѣятели, стоявшіе за реформы въ малоазіатскихъ вилайетахъ,—всѣ они подчеркивали неугасавшую даже въ самыя тяжелыя эпохи способность турецкихъ армянъ идти впередъ, стремиться къ образованію,

1) Упомянемъ, напримѣръ, объ „Армянскомъ Сборникѣ", выпущенномъ издательствомъ „Звѣзда" въ 1915 году и выдержавшемъ два изданія; тамъ помѣщены статьи объ армянской исторіи, литературѣ, церкви, о политикѣ и экономическомъ положеніи армянъ и т. д.

усваивать главныя основы европейской цивилизаціи. Когда-то Элизе Реклю указывалъ на то, что въ Ванскомъ вилайетѣ нѣтъ ни одного дома, который не былъ бы построенъ армянами, нѣтъ куска матеріи мѣстнаго производства, который не былъ бы дѣломъ рукъ армянъ, почти нѣтъ на рынкѣ плодовъ, созрѣвшихъ не въ армянскихъ фруктовыхъ садахъ. Покойный Г. А. Джаншіевъ, въ брошюрѣ «Армянскій вопросъ въ Турціи», отмѣчалъ тотъ любопытный фактъ, что, когда въ 1829 году армяне выселились изъ Эрзерума въ Россію, многія ремесла тотчасъ же прекратились въ городѣ, и оказалось невозможнымъ починить городской водопроводъ. Совершенно такъ же въ городѣ Бруссѣ «не нашлось мастера-турка, который могъ бы реставрировать упавшія старыя окна съ разноцвѣтными стеклами въ мавзолеѣ Магомета II»,—и, скрѣпя сердце, обратились поневолѣ къ армянамъ!» А. Чобаньянъ, въ предисловіи къ своей хрестоматіи «Chants populaires arméniens», напоминаетъ о томъ, что армяне вмѣстѣ съ греками развили въ Турціи земледѣліе, промышленность, торговлю,—что матеріи, вышивки, золотыхъ дѣлъ мастерство, турецкіе ковры почти исключительно—дѣло рукъ армянъ.

Много характерныхъ и знаменательныхъ фактовъ, относящихся къ той же категоріи, собрано было въ свое время въ извѣстномъ сборникѣ «Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ», этой любопытной энциклопедіи армянской жизни, давшей когда-то столь яркую картину тяжелой доли древняго восточнаго народа и характеристику присущихъ ему культурныхъ задатковъ. Нужно ли говорить о томъ, что именно армяне содѣйствовали зарожденію и развитію въ Турціи театра, что у нихъ, вотъ уже нѣсколько вѣковъ, существуетъ книгопечатаніе, что, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, число армянскихъ школъ, разнаго типа, давно уже дошло въ турецкихъ владѣніяхъ до 750-ти, со многими тысячами учащихся. «Какая благородная задача, какая высокая миссія—эта роль Арменіи, какъ посредницы между Европою и Азіей», говоритъ Габріэль Мурэ, въ своей статьѣ «La poésie et l'art arméniens».

То, что сдѣлано было турецкими армянами въ области *литературы*, слѣдуетъ поставить особо. Если литературное творчество ихъ по нѣкоторымъ причинамъ не могло дать вплоть до новѣйшаго времени всеобъемлющей картины родной дѣйствительности, въ этомъ творчествѣ все же найдется немало яркихъ, талантливо написанныхъ художественныхъ произведеній, иногда чувствуется интенсивная работа мысли; очень часто—стремленіе

къ красотѣ, изобразительности и музыкальности слога. Турецко-армянская словесность представлена рядомъ даровитыхъ публицистовъ, поэтовъ, романистовъ, сатириковъ, которые, вдохновляясь западными образцами, создали обширное, всѣ роды и виды обнимающее творчество, доказали, что преемникъ классической древне-армянской рѣчи—современный армянскій языкъ—можетъ все выразить, передать любое ощущеніе и переживаніе! И вотъ эту интересную литературу, и теперь пополняющуюся новыми именами, мы почти не знаемъ, даже по наслышкѣ! Если за послѣдніе годы наша публика и ознакомилась нѣсколько съ армянскою словесностью, то главнымъ образомъ—съ произведеніями писателей, дѣйствовавшихъ въ предѣлахъ Россіи. Инымъ уже говорятъ что-то имена Патканьяна, Шахъ-Азиза, Сундукьянца, Раффи или Агароньяна, они могли ознакомиться съ ихъ избранными вещами въ русскомъ переводѣ [1]), быть можетъ, прочли критическіе разборы ихъ творчества; но что скажутъ среднему русскому читателю имена турецко-армянскихъ авторовъ, въ родѣ Дзеренца, Одьяна, Пароньяна, г-жи Дюсапъ, Арпіарьяна, г-жи Сибиль и мн. другихъ? Только немногимъ изъ константинопольскихъ писателей посвящены у насъ специальные этюды; число переводовъ ихъ сочиненій пока невелико; особой хрестоматіи, которая знакомила бы съ тѣмъ, что создали въ области литературнаго творчества зарубежные армяне, у насъ не существуетъ. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, но удивляться этому не приходится. Слишкомъ трудно было слѣдить, находясь въ Россіи, за новинками турецко-армянской литературы, въ слишкомъ небольшомъ, сравнительно, количествѣ попадали въ предѣлы Россіи армянскія книги, изданныя въ Турціи...

Если русская публика была не въ курсѣ того, что создавалось константинопольскими или смирнскими литераторами, то и между двумя основными вѣтвями армянской словесности въ большинствѣ случаевъ не было безпрерывнаго, оживленнаго общенія. Ходъ историческихъ событій рѣзко раздѣлилъ и самую націю на двѣ вѣтви—западную и восточную, при чемъ имъ пришлось развиваться, вырабатывать свои идеалы, стремиться къ свѣту и культурѣ, идя различными путями, вынося неоднородную участь. Только ближе къ концу минувшаго вѣка все

1) Переводы изъ Патканьяна появились въ „Вѣстникѣ Европы“ еще въ 90-ыхъ годахъ (1894, II; 1896, IX); Шахъ-Азизу посвящена особая книга: „Армянскій поэтъ С. Шахъ-Азизъ“, критич. этюдъ и переводы (2-е изд.; М. 1905); переводъ лучшей комедіи Сундукьянца вышелъ въ свѣтъ въ 1896 году въ Москвѣ; избранныя вещи Раффи и Агароньяна вошли въ составъ „Универсальной Библіотеки“.

болѣе стало сказываться желаніе турецкихъ и русскихъ армянъ сблизиться, получше узнать другъ друга, установить болѣе оживленныя сношенія въ области національной и умственной жизни. Раньше только *наиболѣе крупные* армянскіе писатели Россіи или Турціи пользовались обще-армянскою извѣстностью. Всѣ остальные признавались, иногда—высоко ставились только «своими»; были, напримѣръ, авторы, которые были популярны въ Константинополѣ—и мало знакомы закавказскимъ армянамъ. Объ этомъ немало сѣтовали иные критики и публицисты, сознававшіе, что при иныхъ условіяхъ армянскій народъ могъ бы жить общими интересами и культурными задачами... Но, во всякомъ случаѣ, турецкіе армяне все же лучше знали закавказскихъ писателей, чѣмъ русскіе армяне—большинство константинопольскихъ.

«Такъ какъ вопросы, затрагивавшіеся армянскими литераторами въ Закавказьѣ»,—читаемъ мы въ статьѣ М. Берберьяна, посвященной одному константинопольскому романисту [1],—«всегда имѣли обще-армянскій интересъ, то многіе изъ этихъ писателей пользовались и пользуются у турецкихъ армянъ особою популярностью. Нельзя того же сказать объ отношеніи русскихъ армянъ къ константинопольскимъ писателямъ. Изъ послѣднихъ рѣдко кто удостаивается особаго вниманія со стороны русскихъ армянъ, и популярность у нихъ того или другого константинопольскаго писателя можетъ считаться доказательствомъ его выдающагося таланта. Конечно, такіе поэты, какъ Бешикташлянъ или Туріанъ, знакомы русскимъ армянамъ; сатирикъ Пароньянъ тоже заинтересовалъ ихъ своимъ оригинальнымъ талантомъ; но ни одинъ изъ этихъ писателей не пользуется въ Русской Арменіи или на Кавказѣ тою популярностью, какая выпала имъ на долю у себя».

Только-что приведенныя строки написаны были въ 1893 г., съ тѣхъ поръ кое-что въ этомъ отношеніи измѣнилось, все же къ лучшему, но многое еще остается недовершеннымъ. Тѣ событія, которыя, начиная съ 1914 года, разыгрываются на территоріи Турецкой Арменіи, несомнѣнно, могутъ, въ конечномъ своемъ итогѣ, привести къ коренному перевороту въ области взаимныхъ отношеній русскихъ и турецкихъ армянъ, къ тѣсному единенію между разрозненными до сихъ поръ вѣтвями древняго восточнаго народа, главная часть котораго, освободившись отъ

[1]) Статья эта помѣщена въ первомъ томѣ сборника „Армянскіе беллетристы“ (М. 1893), одинъ изъ двухъ редакторовъ котораго былъ М. Берберьянъ.

турецкаго гнета, конечно, пойдетъ рука объ руку съ россійскими армянами на поприщѣ культурной работы!.. Отдѣльныя попытки константинопольскихъ литераторовъ содѣйствовать, еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, сплоченію армянскаго народа, если не въ политическомъ, то въ культурномъ отношеніи, во всякомъ случаѣ, представляютъ интересъ, несмотря на то, что не всегда онѣ приводили къ осязательнымъ результатамъ. Талантливый константинопольскій публицистъ Степанъ Восканъ, о которомъ рѣчь будетъ далѣе, со вниманіемъ и сочувствіемъ слѣдилъ въ 60-ыхъ годахъ за дѣятельностью московскихъ армянъ-прогрессистовъ, органомъ которыхъ былъ журналъ «Сѣверное Сіяніе», и сообщалъ о ней свѣдѣнія своимъ читателямъ [1]).

Въ первой половинѣ 80-ыхъ годовъ, въ очень вліятельномъ константинопольскомъ органѣ «Масисъ» стали появляться статьи о писателяхъ, выставленныхъ русскими армянами, въ родѣ поэта Раф. Патканьяна, романиста Раффи и др., въ творчествѣ которыхъ оказалось много такого, что не могло не быть близкимъ и турецкимъ армянамъ. Временно стало возможнымъ и сотрудничество ряда тифлисскихъ литераторовъ и публицистовъ, какъ въ самомъ «Масисѣ», такъ и въ примыкавшей къ нему газетѣ «Аревелкъ» (Востокъ). Редакція «Масиса» стремилась, однако, къ большему,—и въ этомъ отношеніи ея дѣятельность представляетъ особый интересъ для насъ, русскихъ. Предполагалось знакомить читателей и съ *русскими* авторами, и черезъ ихъ посредство—съ особенностями русской жизни. «Необходимо», читаемъ мы въ одной изъ статей этого органа, «съ одной стороны, изучать русскій духъ, русскую литературу, законы, направленіе политики, чтобы можно было узнать, подъ какимъ вліяніемъ развиваются армяне въ Араратской области и на Кавказѣ. Съ другой стороны, слѣдуетъ узнать и прежнюю умственную жизнь этихъ армянъ, ихъ воспоминанія, преданія, познакомиться съ ихъ литературою, изучить всѣ общественные вопросы, которые ихъ занимаютъ». На страницахъ константинопольскаго органа стали, въ связи съ этимъ, появляться отрывки изъ произведеній русскихъ романистовъ и поэтовъ, а также изъ книги Мельхіора де-Вогюэ «Le Roman Russe [2]). Эта интересная, къ сожалѣнію, только—

---

[1]) О „Сѣверномъ Сіяніи“ и кружкѣ московскихъ прогрессистовъ см. нашу статью „Шестидесятые годы и армянскій передовой журналъ въ Москвѣ“—во второмъ томѣ „Литературныхъ Очерковъ“ (М. 1910 г.).

[2]) Объ этомъ любопытномъ эпизодѣ изъ исторіи армянской прессы разсказывается, между прочимъ, въ книгѣ В. Папазьяна „Литература турецкихъ армянъ“, являющейся однимъ изъ важныхъ источниковъ нашей работы и полной интереснаго фактическаго матеріала.

недостаточно длительная попытка знакомить съ Россіей и русскими армянами константинопольскую публику долго не будетъ забыта, особенно если воодушевлявшая редакцію «Масиса» идея будетъ дѣлать въ дальнѣйшемъ все новые успѣхи.

Разъ двѣ вѣтви армянскаго народа развивались, въ общемъ, обособленно, насъ не удивитъ, что во многихъ отношеніяхъ существуетъ коренное различіе между турецко-армянскою и русско-армянскою словесностью. Первая обращала всегда серьезное вниманіе на вопросы стиля и формы, тщательную отдѣлку стиха, извѣстную утонченность (иногда переходившую почти въ изысканность или вычурность) размѣра и риѳмы. Именно поэтому въ ней нашлись послѣдователи символистовъ и модернистовъ Запада, стремившіеся всѣми средствами сдѣлать языкъ свой болѣе красочнымъ и способнымъ передавать настроеніе. Русско-армянскіе писатели, особенно—болѣе ранняго періода, наоборотъ, иногда мало вниманія удѣляли отдѣлкѣ формы, чеканкѣ стиха, придавая значеніе, прежде всего, идеѣ или тенденціи, которая для нихъ заглушала или отодвигала на второй планъ все остальное. Вслѣдствіе этого иныя ихъ вещи, очень популярныя, имѣвшія національное значеніе, сыгравшія крупную роль—въ смыслѣ вліянія на умы и призыва къ борьбѣ за лучшее будущее, стояли гораздо ниже въ чисто-художественномъ отношеніи. «Прежде—гражданинъ, а потомъ уже—поэтъ», такъ выражаетъ одинъ изъ армянскихъ писателей распространенный въ армянскихъ литературныхъ кругахъ взглядъ, близкій къ тому, что высказывалось представителями русской «гражданской» поэзіи, въ родѣ Некрасова. Только въ новѣйшее время закавказскіе армянскіе поэты стали удѣлять больше вниманія вопросамъ формы, размѣра, риѳмы, музыкальности, въ значительной степени вдохновляясь западно-европейскими и русскими образцами, и уже не стремясь прежде всего бороться, поучать или будить умы.

Въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ также обнаруживается то существенное различіе, о которомъ шла рѣчь выше. Развитіе турецко-армянской словесности совершалось, главнымъ образомъ, подъ французскимъ вліяніемъ, весьма сильнымъ въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій на берегахъ Босфора. Если константинопольскіе армяне, даже непричастные къ литературному міру, зачастую свободно говорятъ по-французски, то мѣстные писатели всегда хорошо знакомы были съ творчествомъ парижскихъ литераторовъ, многіе изъ нихъ сами бывали на берегахъ Сены, получили образованіе во французскихъ школахъ, основывали на гостепріимной почвѣ Франціи періодическія изданія или сборники, восприни-

мая мѣстную культуру—и съ другой стороны распространяя вѣрныя свѣдѣнія о трагической судьбѣ своей родины, при помощи устнаго и печатнаго слова. Не осталось безъ нѣкотораго вліянія французской литературы и творчество русскихъ армянъ,—но въ данномъ случаѣ, конечно, въ гораздо большей степени служили образцами произведенія русской словесности, въ ея основныхъ теченіяхъ и направленіяхъ; Пушкинъ, Лермонтовъ, Некрасовъ, Надсонъ, Тургеневъ, Островскій, Достоевскій, Толстой, народники,—всѣ они въ большей или меньшей степени оставили слѣдъ въ закавказской армянской словесности [1]), тогда какъ константинопольскіе авторы вдохновлялись Мольеромъ, Викторомъ Гюго, Ламартиномъ, Эженомъ Сю, Жоржъ Сандъ, Скрибомъ, Бодлэромъ или Верлэномъ. Сверхъ того, въ 30—60-ыхъ годахъ русско-армянскіе дѣятели нерѣдко находились подъ вліяніемъ германской науки и литературы, такъ какъ получали высшее образованіе въ Дерптѣ, съ его чисто нѣмецкимъ въ ту пору университетомъ, далекимъ отъ русской жизни и культуры.

Въ области театра константинопольскіе литераторы создавали преимущественно трагедіи изъ армянской исторіи, имѣвшія крупный успѣхъ, несмотря на существенные недостатки, какими онѣ, по большей части, страдали,—приподнятость и высокопарность общаго тона, неестественность иныхъ положеній, отсутствіе мѣстнаго колорита. Успѣхъ этотъ объяснялся, разумѣется, тою національною окраскою, какую носили эти пьесы, воскрешавшія прошлое Арменіи, напоминавшія о героизмѣ, любви къ родинѣ, готовности отстаивать родную территорію. Недаромъ турецкое правительство такъ подозрительно относилось къ этимъ слабымъ въ художественномъ отношеніи (за немногими исключеніями) созданіямъ константинопольскихъ драматурговъ. Закавказскіе армяне создали сравнительно-мало пьесъ въ томъ жанрѣ, который на берегахъ Босфора воздѣлывали Хорекъ Галфаянъ, Туріанъ, Гекимьянъ и другіе драматурги,—зато въ Тифлисѣ развилась бойкая, остроумная, выдержанная въ реалистическомъ духѣ бытовая комедія, представленная нѣсколькими популярными, не утратившими до сихъ поръ значенія пьесами. Въ новѣйшее время къ этимъ бытовымъ и обличительнымъ произведеніямъ присоединились отдѣльныя психологическія драмы, до извѣстной степени навѣянныя вліяніемъ западно-европейскаго репертуара,

---

[1]) Ср. нашу книжку „Русское вліяніе въ соврем. армянской литературѣ" (на основаніи анкеты). Лекція, читанная въ Петроградѣ и Баку. М. 1909 г.

а также характерныя pièces à thèse, затрагивающія ту или другую моральную проблему.

Но едва-ли не самое существенное различіе между двумя вѣтвями армянской литературы состоитъ въ слѣдующемъ: тяжелое положеніе христіанъ въ Турецкой Арменіи, злоупотребленія чиновниковъ, набѣги курдовъ, отсутствіе законности, оскорбленіе національнаго чувства, все это несравненно ярче и полнѣе освѣщалось тифлисскими или нахичеванскими армянами, чѣмъ константинопольскими литераторами. Послѣднимъ только въ исключительныхъ случаяхъ удавалось коснуться этихъ больныхъ мѣстъ родной дѣйствительности, замолвить слово за обездоленный и забитый народъ, выразить свои завѣтныя мечты о лучшихъ дняхъ, которые должны, рано или поздно, наступить для Арменіи. Въ турецко-армянской литературѣ болѣе ранняго періода немного было такихъ сильныхъ произведеній патріотическаго характера, какъ написанныя въ 1869 г. талантливымъ поэтомъ Бешикташляномъ стихотворенія, связанныя съ возстаніемъ зейтунскихъ горцевъ-армянъ противъ турокъ. Изображая отдѣльные моменты этого возстанія, за которымъ константинопольскіе армяне слѣдили съ живымъ интересомъ и волненіемъ, хотя и не могли открыто показать этого, поэтъ набрасывалъ немало трагическихъ, потрясающихъ картинъ.

Но эти замѣчательныя стихотворенія стоятъ особнякомъ въ литературѣ константинопольскихъ армянъ. Бывали въ дальнѣйшемъ періоды, когда національная скорбь совершенно отсутствовала въ кругу мотивовъ, разрабатывавшихся турецко-армянскими поэтами. Появлялись красивыя, музыкальныя вещи, проникнутыя подчасъ общею гуманною тенденціей, всего чаще отражавшія міръ субъективныхъ переживаній автора; были даже (напримѣръ, у Аджемьяна и Паносьяна) стихотворенія съ *оптимистическою* окраскою,—а самый существенный, больной вопросъ турецко-армянской дѣйствительности, вопросъ о страданіяхъ и безправіи коренной Арменіи, оставался почти незатронутымъ! Удивляться этому, конечно, не приходится; едва-ли слѣдуетъ пояснять, почему турецко-армянскіе писатели должны были обходить молчаніемъ то, что наболѣло на душѣ и требовало всесторонняго освѣщенія,—но слишкомъ очевидно, что это положеніе вещей создаетъ рѣзкій контрастъ между двумя вѣтвями армянской литературы, такъ какъ въ предѣлахъ Россіи турецкіе порядки и первыя проявленія борьбы съ ними могли, конечно, освѣщаться литературою съ значительною степенью точности, правдиваго реализма и негодующаго чувства.

Только въ XX столѣтіи нѣсколько молодыхъ писателей, уроженцевъ Турціи, получили возможность излить въ сильныхъ, дышащихъ воодушевленіемъ и скорбью стихахъ то, что приходится выносить христіанскому населенію на территоріи древней Арменіи, и призывать народъ къ защитѣ своихъ правъ, къ смѣлой борьбѣ съ врагомъ. Но это выступленіе объяснялось тѣмъ, что всѣ эти поэты находились за предѣлами досягаемости, въ Бельгіи, Франціи, Швейцаріи и т. д.—и могли поэтому творить свободно, не страшась того, что ихъ дѣятельность, какъ печальниковъ народнаго горя и борцовъ за лучшее будущее, будетъ прервана въ самомъ началѣ. Какъ бы сильны и ярки ни были, однако, иныя произведенія этихъ писателей новѣйшаго времени, въ общемъ, не турецко-армянской литературѣ дано было все же въ полномъ объемѣ отразить скорбный мартирологъ угнетеннаго народа! Это могло быть сдѣлано только за рубежемъ, выполнено, главнымъ образомъ, русскими подданными, произведенія которыхъ затѣмъ проникали, несмотря на всѣ преграды, запреты и неблагопріятныя обстоятельства, въ Турцію, находя тамъ воспріимчивыхъ, чуткихъ и дальновидныхъ читателей... Именно поэты и романисты въ родѣ Патканьяна и Раффи всего болѣе сумѣли потрясти и захватить тѣхъ, кому были слишкомъ хорошо знакомы всѣ эти трагическія событія и невозможныя условія жизни, поневолѣ замалчивавшіяся, потому что уста тѣхъ, кто могъ бы обличать, скорбѣть или будить умы, были замкнуты суровымъ, деспотическимъ режимомъ, все болѣе упрочивавшимся въ Турціи [1]).

Путь, пройденный за послѣднія десятилѣтія армянскою словесностью, вообще говоря,—скорбный, тернистый, изнурительный путь. Чтобы отдаться ей вполнѣ, посвятить ей всѣ свои силы, нужно было обладать замѣчательною выдержкою, энергіей и любовью къ дѣлу. Долгое время приходилось бороться съ равнодушіемъ и непониманіемъ широкихъ круговъ населенія, еще не сознававшихъ великой роли, которую можетъ сыграть словесность, какъ средство національнаго возрожденія, не оказывавшихъ должной поддержки литератору и публицисту. Нерѣдко армянскимъ писателямъ выпадали на долю тяжелыя лишенія, даже нужда, и они должны были браться за самыя неожиданныя добавочныя занятія, чтобы не умереть съ голоду и не отказаться отъ любимаго дѣла. Къ этому присоединялись, конечно, «независящія обстоятельства» всякаго рода, цензурныя стѣсне-

[1]) См. нашу статью „Мечты и дѣйствительность въ творчествѣ русскихъ армянъ“—въ упомянутомъ выше „Армянскомъ Сборникѣ“ (1915).

нія и придирки, тормозившія развитіе національной словесности. Нигдѣ эта сторона дѣла не была такъ обременительна, не оказывала такого давленія и гнета, какъ именно въ Турціи. Общій духъ турецкой политики всегда опредѣленно отражался и на отношеніи администраціи къ армянской литературѣ и печати. Какъ это ни странно, быть можетъ, но въ болѣе раннюю пору это отношеніе было гораздо болѣе терпимымъ и благожелательнымъ, чѣмъ, напримѣръ, въ самомъ концѣ XIX вѣка. Не встрѣтили особеннаго противодѣйствія или запретительныхъ мѣръ первые публичные армянскіе спектакли, устроенные во второй половинѣ 50-ыхъ годовъ. Зарожденіе и временный расцвѣтъ періодической печати у турецкихъ армянъ прошли также вполнѣ благопріятно и безпрепятственно, отчасти даже были связаны съ тѣми вольностями или привилегіями, которыя, въ пору относительнаго господства въ турецкой столицѣ либеральныхъ идей, были признаны за столичною армянскою общиною. «Это была пора»,—пишетъ въ одной изъ своихъ статей А. Чобаньянъ,—«когда тронъ Стамбула былъ занятъ добрыми и безпечными султанами, такъ что цензуры не существовало, и царила полная свобода дѣйствій для тѣхъ, кто желалъ проповѣдывать доброе слово армянскому народу» [1]).

Это положеніе вещей рѣзко измѣнилось послѣ войны 1877—78 г.г., ходъ которой вообще сдѣлалъ совершенно инымъ отношеніе турецкаго правительства къ армянамъ. Озлобленные своими неудачами, возмущенные тѣмъ, что армянскій народъ, раньше покорный и безличный, выставилъ въ это время людей, попытавшихся обратить на его судьбу вниманіе западноевропейскихъ державъ, турки стали подозрительно и придирчиво относиться къ армянскому населенію, прибѣгая къ цѣлому ряду репрессивныхъ мѣръ. Ближе къ концу XIX вѣка политическая атмосфера становилась все болѣе удушливою и зловѣщею. Цензура стала постояннымъ бичемъ для армянской литературы и прессы,—не останавливаясь передъ уничтоженіемъ слова *Арменія* во вновь печатавшихся книгахъ, даже если шла рѣчь о далекомъ прошломъ, или вычеркиваніемъ въ молитвенникахъ именъ армянскихъ царей, причисленныхъ къ лику святыхъ, потому что эти имена якобы напоминали о самостоятельномъ армянскомъ государствѣ,—преслѣдуя, на-ряду съ газетами или произведеніями беллетристическаго характера, сборники народныхъ пѣсенъ. Стихотворенія были одно время въ особенной немилости у турец-

[1]) „Армянскій Сборникъ“, изд. „Звѣзда“,—статья Чобаньяна „Турецкіе армяне и ихъ культурная дѣятельность“.

кихъ цензоровъ и подвергались иногда огульному запрещенію. Съ 1885-го по 1908 годъ были безусловно запрещены въ Турціи армянскія представленія, когда-то устраивавшіяся безпрепятственно. Литературныя и просвѣтительныя общества встрѣчали теперь подозрительное и недовѣрчивое отношеніе. Многіе литераторы и публицисты подвергались различнымъ карамъ или должны были эмигрировать изъ Турціи. Отдѣльныя вспышки революціоннаго движенія, въ которомъ участвовали только нѣкоторые слои армянскаго народа, и которое явилось невольнымъ отвѣтомъ на безчинства курдовъ и произволъ турецкой администраціи, привели къ еще болѣе суровымъ репрессіямъ, въ частности направленнымъ противъ интеллигентнаго класса, заподозрѣннаго въ опасномъ образѣ мыслей... Такимъ образомъ, дореформенная, патріархальная пора въ иныхъ отношеніяхъ была болѣе благопріятною для развитія турецко-армянской литературы, чѣмъ то время, когда, лицемѣрно прикрываясь внѣшнимъ налетомъ европейской цивилизаціи, правительство Абдулъ-Гамида съ ожесточеніемъ обрушивалось подъ рукою на армянскій народъ, точно желая стереть его съ лица земли, боясь каждаго проявленія его жизнеспособности и національнаго самосознанія [1]). Турецкая конституція, вызвавшая въ свое время столько надеждъ и иллюзій, должна была, повидимому, кореннымъ образомъ измѣнить это положеніе вещей; въ армянскихъ книгахъ, напечатанныхъ въ Константинополѣ вскорѣ послѣ 1908 года, звучитъ порою оптимистическая нота, отражается вѣра въ то, что для Оттоманской имперіи занимается заря новой жизни, основанной на равноправіи, свободѣ мысли и слова, торжествѣ прогресса. Изнанка младо-турецкой конституціи, въ значительной степени построенной на централизаціи и нивеллировкѣ національныхъ особенностей населяющихъ Турцію племенъ, должна была, конечно, вскорѣ сказаться, а современная война привела къ новымъ репрессіямъ противъ армянъ,—поставившимъ ихъ въ такія условія, при которыхъ, хотя бы временно, не могло быть рѣчи о дальнѣйшемъ національномъ самоопредѣленіи и развитіи культурной дѣятельности...

Если армянская литература и пресса нерѣдко должны были выносить въ столицѣ Турціи стѣсненія и подозрительную опеку, то въ провинціи, «въ глубинѣ Арменіи», дѣло обстояло еще хуже. Тамъ почти-что не могло быть рѣчи о созданіи органовъ

[1]) См. сборникъ статей „Положеніе армянъ въ Турціи до вмѣшательства державъ“ (М. 1896; съ предисловіемъ проф. Л. А. Камаровскаго)—и нашу брошюру „Трагедія Турецкой Арменіи“ (1915).

печати, вокругъ которыхъ могли бы группироваться литературные дѣятели, объ основаніи типографій, книжныхъ складовъ и т. п. Атмосфера безправія, царившая въ малоазіатскихъ вилайетахъ, отражалась гибельно на всѣхъ попыткахъ организовать тѣ или другія культурныя начинанія; такъ, не избѣгли общаго гнета и армянскія школы, основанныя подъ вліяніемъ инстинктивнаго влеченія армянскаго народа къ образованію, временами начинавшія казаться подозрительными и вредными турецкой администраціи. Что касается литературы и прессы, то вплоть до нашихъ дней не города турецкой Арменіи играли въ этомъ случаѣ роль объединяющихъ центровъ. Высоко любопытнымъ, но почти единичнымъ явилось въ 50-хъ годахъ минувшаго вѣка начинаніе любимаго народомъ епископа *Мкртича Хриміана* (ум. въ 1907-мъ году), впослѣдствіи верховнаго патріарха и католикоса всѣхъ армянъ, единодушно избраннаго на этотъ высокій постъ делегатами отъ всѣхъ армянскихъ епархій,—несмотря на противодѣйствіе Порты [1]). Хриміанъ, дѣятель церкви, другъ всѣхъ обездоленныхъ, писатель, горячій патріотъ, внушавшій своими нравственными качествами невольное уваженіе даже врагамъ, рѣшилъ создать культурный центръ въ Варагскомъ монастырѣ, въ 10-15-ти верстахъ отъ Вана, основавъ тамъ типографію, образцовую школу, группу просвѣщенныхъ работниковъ, библіотеку и пр. Съ этою же цѣлью онъ сталъ издавать періодическій органъ «Васпураганскій Орелъ» [2]), который выходилъ небольшими книжками страницъ въ 30—40 и заключалъ въ себѣ описаніе путешествій, духовныя произведенія, историческія статьи, стихотворенія и т. д. Но напрасно стали бы мы искать признаковъ интенсивной литературной дѣятельности въ главныхъ городахъ турецкой Арменіи. Когда мы говоримъ о *турецко-армянской* словесности, подъ этимъ подразумѣваются, прежде всего, тѣ произведенія, которыя выходятъ въ свѣтъ и распространяются въ Константинополѣ, а не въ Эрзерумѣ или Мушѣ!

Турецкая столица съ давнихъ поръ играла роль культурнаго и національнаго центра западной вѣтви армянскаго народа. Съ XV вѣка она стала мѣстопребываніемъ армяно-григоріанскаго патріарха. Въ 1567 году тамъ была открыта армянская типографія. Рядъ армянскихъ школъ разнаго типа дѣлаетъ Константинополь притягательнымъ центромъ для учащейся молодежи. Десятки періодическихъ изданій выходили на берегахъ Босфора. Не

---

1) Г. А. Джаншіевъ, „Патріархъ-католикосъ Мкртичъ I" (М. 1893).

2) Объ этихъ культурныхъ начинаніяхъ Хриміана см. въ сборникѣ „Армянскіе беллетристы" (1893), томъ I, стр. 286—297.

забудемъ, что въ Константинополѣ съ 60-ыхъ годовъ существовали, хотя подчасъ влачили жалкое существованіе или подвергались придирчивому контролю, учрежденія, права и привилегіи которыхъ получили торжественное названіе *армянской конституціи*. «Національное правленіе, Духовное собраніе, Политическое собраніе,—все это есть у турецкихъ армянъ уже въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій», читаемъ мы въ статьѣ, посвященной С. Айвазьяномъ одному изъ писателей, изображавшихъ турецко-армянскую дѣйствительность. Правда, «во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ, находящихся въ Константинополѣ, а не въ Арменіи, гдѣ имъ, по-настоящему, слѣдовало бы быть, предсѣдательствуетъ патріархъ. Какъ въ составѣ засѣдающихъ въ нихъ депутатовъ, такъ и въ вопросахъ, подлежащихъ ихъ обсужденію, никто не сумѣетъ найти того національнаго или политическаго характера, на который указываютъ названія этихъ учрежденій» [1]). Такъ напримѣръ, кругъ дѣятельности *Политическаго* собранія ограниченъ былъ вопросами о «призрѣніи неимущихъ, устройствѣ богадѣленъ, школъ», объ утвержденіи завѣщаній и т. п. Но главнымъ дефектомъ «конституціи» было то, что, не принося никакой пользы турецкой Арменіи, она и константинопольскимъ армянамъ «давала не больше гарантій, чѣмъ другіе законы Турціи, которые, каждый въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ взятые, могли быть отмѣнены по прихотливому усмотрѣнію султанскихъ ирадэ и даже министерскихъ и губернаторскихъ распоряженій» [2]). И все же эта частичная, урѣзанная автономія, возможность хоть небольшую категорію дѣлъ разбирать и регулировать безъ обязательнаго вмѣшательства турецкихъ властей, ставили константинопольскихъ армянъ въ привилегированное положеніе по сравненію съ провинціальными, не имѣвшими даже понятія о какомъ-либо самоуправленіи, привыкшими къ произволу и вмѣшательству! Въ общемъ, какъ бы ни мѣнялось временами къ худшему положеніе вещей въ столицѣ, все же только тамъ, да отчасти въ Смирнѣ, случайно сдѣлавшейся однимъ изъ замѣтныхъ центровъ культурной дѣятельности армянъ, но опять—отдаленной отъ ихъ исторической родины, развивалась вплоть до нашихъ дней турецко-армянская словесность и печать. Созданіе важныхъ культурныхъ центровъ *въ самой Арменіи*—дѣло будущаго, возможное только послѣ крушенія оттоманскаго владычества въ древней, когда-то цвѣтущей и культурной странѣ!

[1]) Статья Айвазьяна написана была для второго тома сборника „Армянскіе беллетристы“.

[2]) Г. Діевъ (Джаншіевъ), „Армянскій вопросъ въ Турціи„, стр. 67.

Раньше, чѣмъ художественная литература получила у турецкихъ армянъ развитіе пресса и публицистика. Стремленіе создавать органы печати всюду, гдѣ есть хотя бы небольшія армянскія колоніи, съ давнихъ поръ свойственно было армянской интеллигенціи. Слишкомъ 120 лѣтъ существуетъ армянская пресса, — первый органъ, «Аздараръ», основанъ былъ въ 1794 году въ городѣ Мадрасѣ (Индія) образованнымъ священникомъ Шмавоньяномъ,—и за это время ей пришлось вынести не мало мытарствъ и невзгодъ. Недолговѣчны были многіе органы; иные имѣли возможность просуществовать годъ или два и потомъ закрывались, за отсутствіемъ средствъ или подъ вліяніемъ независящихъ обстоятельствъ, — но не умирала самая идея національной прессы, на смѣну прекратившемуся органу очень часто являлся вскорѣ новый, продолжавшій до извѣстной степени культурную дѣятельность своего предшественника. И гдѣ только ни возникали въ разное время, хотя бы эфемерно, армянскіе газеты и журналы! [1]) На-ряду съ умственными центрами, сравнительно, близкими къ коренной Арменіи, мы находимъ въ спискѣ городовъ, сыгравшихъ роль въ исторіи армянской печати, отдѣльные пункты въ Западной Европѣ, Африкѣ, Азіи, Сѣверной Америкѣ, гдѣ было хотя бы нѣсколько сотъ осѣдлыхъ армянъ. Мадрасъ, Константинополь, Венеція, Смирна, Калькутта, Тифлисъ, Парижъ, Ѳеодосія, Москва, Бомбей, Лондонъ, Каиръ, Петроградъ, Манчестеръ, Іерусалимъ, Нью-Іоркъ, Вѣна, Александрія и мн. др. фигурируютъ въ этомъ спискѣ, при чемъ съ нѣкоторыми изъ этихъ городовъ связано много памятныхъ страницъ изъ лѣтописей армянской прессы. Съ какими бы неудачами ни соединялась дѣятельность иныхъ энтузіастовъ, трудившихся на пользу этой прессы, въ ея прошломъ найдется немало эпизодовъ, внушающихъ невольное уваженіе и свидѣтельствующихъ о томъ, что армянскій народъ никогда не оскудѣвалъ энергичными дѣятелями.

Турецкіе армяне много поработали въ дѣлѣ созданія и развитія періодической печати въ армянскомъ мірѣ. Не въ Турціи появился, какъ мы видѣли, первый органъ; ближайшіе къ нему по времени также выходили въ Калькуттѣ и Венеціи (въ послѣднемъ городѣ — по иниціативѣ армяно-католической общины мхитаристовъ, извѣстной своею ученою и литературною дѣятельностью), но уже, начиная съ первой половины 30-хъ г.г., появляются періодическія изданія въ Константинополѣ, къ концу

[1]) Прошлому армянской прессы посвященъ очеркъ Дил.—въ сборникѣ „Братская помощь армянамъ", стр. 599—606.

того же десятилѣтія—въ Смирнѣ, гдѣ съ 1840 года издавался уже «политическій, литературный и торговый» органъ Гукаса Балтазарьяна «Аршалуйсъ Араратьянъ» (Заря Арарата), просуществовавшій до 1886 года и сыгравшій замѣтную роль. Число газетъ и журналовъ, выходившихъ въ Константинополѣ съ 30-ыхъ годовъ, еще въ концѣ прошлаго вѣка опредѣлялось въ 75—80; до 20-ти органовъ печати связано было съ такимъ умственнымъ центромъ, какъ Смирна. Въ 50-ыхъ годахъ возникли нѣкоторыя крупныя изданія, въ родѣ просуществовавшаго нѣсколько десятилѣтій журнала «Масисъ», вокругъ котораго въ дальнѣйшемъ группировались яркія литературныя и публицистическія силы. Слѣдующее десятилѣтіе, связанное съ провозглашеніемъ армянской конституціи, породившей много надеждъ и иллюзій, вызвало небывалое оживленіе въ области армянской прессы, и новыя изданія стали возникать въ Константинополѣ на каждомъ шагу, зачастую оказываясь вскорѣ недолговѣчными. Въ 70-ыхъ годахъ мы уже не видимъ такого подъема, а послѣ 1890 года, когда реакція опредѣленно вступила въ свои права и началось преслѣдованіе всего армянскаго, какъ заподозрѣннаго въ опасныхъ для государства замыслахъ, печать была поставлена въ особенно тяжелыя условія, многіе редакторы и сотрудники подвергались аресту — или должны были продолжать свою дѣятельность въ наиболѣе гостепріимныхъ для эмигрантовъ городахъ Западной Европы. Можно только удивляться тому, что и при такихъ условіяхъ турецко-армянская печать все же выполняла, по мѣрѣ силъ, свои культурныя задачи, освѣщая больныя мѣста національной жизни, усиленно пропагандируя основы западной цивилизаціи. Были періоды, когда журналистика болѣе процвѣтала въ Константинополѣ, чѣмъ изящная литература—и привлекала лучшія силы мѣстной интеллигенціи.

На поприщѣ турецко-армянской печати въ разное время выступали яркіе и талантливые дѣятели, имена которыхъ не забыты и теперь. Таковъ былъ, напримѣръ, публицистъ 50—60-ыхъ годовъ, *Нахапетъ Русиньянъ*; въ 40-ыхъ годахъ онъ отправился въ Парижъ, гдѣ изучалъ медицину, и съ другой стороны окунулся въ водоворотъ политическихъ партій, изучилъ идеологію либеральныхъ и радикальныхъ круговъ. Русиньянъ сталъ свидѣтелемъ февральской революціи—и вернулся на родину незадолго до декабрьскаго переворота 1852 года. Возвратившись въ Константинополь, Русиньянъ, всегда неукротимый, полный энтузіазма и боевого духа, выступилъ въ качествѣ поборника идей свободы, просвѣщенія, законности, требуя обно-

вленія не только въ области политической и общественной, но и въ сферѣ армянскаго языка и литературы, стремясь пересадить на родную почву то, что было имъ воспринято на берегахъ Сены. Болѣе уравновѣшенный, считавшій нежелательными рѣзкіе и крутые перевороты, но не менѣе увлеченный основами западно-европейской цивилизаціи *Грикоръ Одьянъ*, дожившій до 1887 года, былъ не только журналистомъ и публицистомъ, но и общественнымъ дѣятелемъ, принимавшимъ участіе въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя возникли въ связи съ провозглашеніемъ «армянской конституціи», и, при всѣхъ своихъ недочетахъ, все же представляли собою извѣстную форму общественнаго самоуправленія. Но этого мало: Одьянъ былъ однимъ изъ творцовъ *общетурецкой* конституціи, въ дальнѣйшемъ имѣвшей своеобразную и весьма плачевную судьбу, но въ свое время вызвавшей много надеждъ и упованій. Одьянъ явился однимъ изъ сподвижниковъ Мидхатъ-паши, которому онъ давалъ различные совѣты и указанія. Послѣ того, какъ эта конституція была отмѣнена султаномъ,—чтобы возродиться уже въ новѣйшее время,—Одьянъ переселился во Францію, откуда онъ уже не вернулся въ Константинополь, проживъ вплоть до самой смерти вдали отъ родины. Онъ умеръ въ Парижѣ и похороненъ на кладбищѣ Père-Lachaise. На его надгробномъ памятникѣ можно прочесть, между прочимъ, французскую надпись: A Grikor Odian, patriote arménien.

Яркую фигуру представлялъ и третій константинопольскій публицистъ, приблизительно той же эпохи—*Степанъ Восканъ* (ум. въ 1901 г.). Это былъ также убѣжденный западникъ, дѣятельность котораго была даже болѣе связана съ Западомъ, чѣмъ дѣятельность предыдущихъ публицистовъ. Восканъ не только получилъ образованіе въ Парижѣ, но послѣдовательно издавалъ тамъ два органа печати—«Ареведкъ» (Востокъ) и «Аревмуткъ» (Западъ). Любопытно отмѣтить, что Восканъ былъ воспитателемъ дѣтей Кавура, жилъ одно время въ Туринѣ, а затѣмъ въ теченіе болѣе, чѣмъ тридцати лѣтъ, редактировалъ въ Смирнѣ газету «La Réforme». Идея объединенія всѣхъ армянъ на почвѣ національныхъ и культурныхъ идеаловъ была всегда близка сердцу этого отзывчиваго и разносторонняго человѣка [1]). Національные вопросы, защита родного языка, церкви преобладали въ программѣ энергичнаго публициста, дѣйствовавшаго въ Смирнѣ, гдѣ не переводились армянскіе органы,—*Маттеоса Мамурьяна*,

[1]) Обзоръ дѣятельности этихъ трехъ публицистовъ—у Папазьяна, l. c., стр. 16—22.

основавшаго въ 70-ыхъ годахъ журналъ «Аревельянъ Мамулъ» («Восточная Пресса»).

Тяжелый и отвѣтственный трудъ публициста привлекалъ нерѣдко и такихъ армянскихъ дѣятелей, настоящей сферою которыхъ была художественная литература—лирическая поэзія, сатира, повѣсть. Къ числу ихъ принадлежалъ, напримѣръ, беллетристъ Арпіаръ Арпіарьянъ (1850—1908), занимающій весьма замѣтное мѣсто въ исторіи повѣствовательнаго творчества турецкихъ армянъ. Выступая въ качествѣ общественнаго дѣятеля, близко принимая къ сердцу участь своихъ собратьевъ, томившихся въ Арменіи подъ гнетомъ турецкаго режима, онъ сначала работалъ въ константинопольскомъ изданіи «Аревелкъ», а впослѣдствіи долженъ былъ бѣжать изъ Турціи, перенесъ свою дѣятельность за границу и сталъ во главѣ одного изъ органовъ вольной армянской печати, отстаивавшихъ идею освобожденія родины (такихъ органовъ, съ неоднородною партійною окраскою, было къ концу XIX вѣка нѣсколько). Въ свое время его горячо написанныя статьи сыграли важную роль въ исторіи армянскаго возрожденія. Когда прекратился его собственный органъ, и ему пришлось скитаться по Европѣ, онъ сталъ сотрудничать въ чужихъ изданіяхъ, до самой смерти не разставаясь съ тернистымъ путемъ боевого публициста.

Другимъ яркимъ примѣромъ совмѣщенія дѣятельности журналиста съ созданіемъ художественныхъ произведеній является жизненный путь сатирика Акопа Пароньяна (1840—91), о которомъ, какъ и объ Арпіарьянѣ, будетъ еще идти рѣчь дальше. Желая проводить свои идеи, бороться съ темными явленіями родной жизни, въ частности—на столбцахъ періодическихъ изданій, онъ сначала сотрудничалъ въ прогрессивной газетѣ «Мегу» (Пчела), потомъ основалъ свою собственную газету—«Театръ», которая привлекла вниманіе общества смѣлыми нападками, обличеніями людей всѣхъ сословій и положеній и пріобрѣла Пароньяну много враговъ въ наиболѣе вліятельныхъ сферахъ... Послѣдніе старались погубить непріятный имъ органъ и для этого не останавливались ни передъ какими шагами, не исключая доносовъ. Благодаря ихъ проискамъ, за 4 года газету восемь разъ пріостанавливала цензура, а затѣмъ она была закрыта навсегда. Въ 80-ыхъ годахъ неутомимый Пароньянъ, едва перебивавшійся, выносившій нерѣдко нужду, собравъ немного денегъ, основалъ ежемѣсячный журналъ «Хикаръ» (Мудрецъ), изданіе котораго окончательно подкосило его здоровье, вызвало новыя преслѣдо-

ванія и репрессіи [1]... Подобные примѣры,—а ихъ число можно было бы значительно увеличить,—думается, достаточно характеризуютъ энергію и любовь къ дѣлу, отличавшія лучшихъ представителей турецко-армянской публицистики, исполнявшихъ свою нелегкую задачу при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, вопреки всему не терявшихъ вѣры въ свѣтлое будущее своего народа.

Но не одними только журналистами и публицистами можетъ гордиться турецко-армянская словесность: въ области художественнаго творчества турецкіе армяне также выставили рядъ замѣтныхъ дѣятелей, талантливыхъ поэтовъ и романистовъ, откликавшихся на главныя теченія западно-европейской литературы (отъ классицизма и романтизма—до натурализма и модернистскихъ теорій и пріемовъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ отражавшихъ родную жизнь, иногда примыкавшихъ къ старой литературной традиціи. Слабѣе всѣхъ былъ отдѣлъ драматической литературы, о которомъ вскользь упоминалось выше. Многочисленныя историческія трагедіи, авторами которыхъ были, между прочимъ, и нѣкоторые выдающіеся поэты-лирики, не могутъ теперь удовлетворить ни болѣе требовательныхъ армянскихъ читателей и зрителей, ни европейскую публику. Безусловно выдающаяся пьеса, написанная уроженцемъ Турціи,—символическая и идейная драма *Левона Шанта* «Старые боги»—впервые поставлена была въ Тифлисѣ, вошла въ репертуаръ русско-армянской сцены, вызвала многочисленные отклики въ мѣстной критикѣ, статьи, брошюры, лекціи, была нѣсколько разъ переведена и по-русски [2]. Такихъ произведеній мало въ армянской драматической литературѣ: интересный сюжетъ, яркое изображеніе борьбы двухъ міросозерцаній—аскетическаго и жизнерадостнаго, въ эллинскомъ духѣ,—красивый языкъ, мѣстами—тонкій психологическій анализъ, все это дѣлаетъ пьесу Шантана произведеніемъ, стоящимъ въ армянской литературѣ совершенно особнякомъ...

Возвращаясь собственно къ турецко-армянскому репертуару, слѣдуетъ сказать, что, быть можетъ, онъ развивался бы болѣе интенсивно, если бы не стѣсненія и запреты, направленные противъ армянскаго театра. Вредило дѣлу и предпочтеніе, оказывавшееся высшимъ армянскимъ обществомъ,

---

[1] О Пароньянѣ—см. очеркъ А. Хатисова въ сборникѣ „Армянскіе беллетристы" т. I,—и нашу статью „Армянскій сатирикъ Пароньянъ"—въ книгѣ „Очерки армянской литературы и жизни".

[2] Лучшій переводъ этой драмы—г-жи С. Лисиціанъ—помѣщенъ въ сентябрьской книгѣ журнала „Русская Мысль" за 1915 годъ.

воспитавшимся на европейскій ладъ, болѣе блестящимъ французскимъ и итальянскимъ спектаклямъ. Чтобы пріохотить армянскую публику къ посѣщенію представленій на родномъ языкѣ, много сдѣлано было константинопольскими литераторами по части переводовъ западно-европейскихъ драмъ и комедій; переведены были пьесы Шекспира, Шиллера, Виктора Гюго, Александра Дюма, Скриба, Сарду и мн. другихъ. Въ концѣ 50-ыхъ годовъ былъ даже основанъ театральный журналъ «Мусайкъ Масьяцъ» (Араратскія Музы), помѣщавшій переводныя драмы. Тогда же приступлено было къ переводу либретто наиболѣе извѣстныхъ и популярныхъ оперъ («Эрнани», «Риголетто» и др.). Въ пьесахъ классическаго репертуара съ громаднымъ успѣхомъ выступалъ побывавшій когда-то и въ Россіи лучшій армянскій артистъ Адамьянъ, тонкое и одухотворенное дарованіе котораго, сказывавшееся особенно ярко въ исполненіи шекспировскихъ ролей, было оцѣнено по заслугамъ и русскою публикою, равно какъ и крупными нашими артистами.

Оригинальная комедія не получила особеннаго развитія въ Константинополѣ; единственнымъ вполнѣ удачнымъ опытомъ въ этомъ направленіи вплоть до новѣйшаго времени была веселая пьеса *Хорена Галфаяна* (Наръ-Бея) «А ла Франгга». Въ ней осмѣивается галломанія высшихъ слоевъ столичнаго армянскаго общества, которая особенно сильна была въ 60-ыхъ годахъ, и выводится цѣлая группа представителей полуобразованной молодежи, армянскихъ птиметровъ и «мѣщанъ во дворянствѣ». Замѣтно нѣкоторое вліяніе мольеровской пьесы, особенно—въ сценѣ съ учителями, которые являются съ тѣмъ, чтобы превратить одного изъ героевъ комедіи въ «настоящаго европейца». Два музыканта—редакторъ «Армянской Лиры» Ераньянъ и его ученикъ Тигранъ Чухаджіанъ—сдѣлали попытку положить основаніе армянской *оперѣ*; Чухаджіанъ, на-ряду съ бойкою опереткою «Продавецъ гороха», написалъ оперы «Аршакъ II» и «Земирэ»; въ первой изъ нихъ композиторъ вдохновился полнымъ драматизма эпизодомъ изъ армянской исторіи, разработаннымъ и въ формѣ исторической драмы.

Лирическая поэзія турецкихъ армянъ представлена болѣе крупными произведеніями и вообще получила гораздо большее развитіе. У насъ нѣтъ до сихъ поръ сколько-нибудь значительнаго количества переводовъ изъ турецко-армянскихъ поэтовъ,—вплоть до новѣйшаго времени переведено было всего 20—25 стихотвореній. Многое остается еще сдѣлать въ этомъ направленіи,—и тогда русская публика оцѣнитъ, въ частности, всю чисто-

художественную сторону этой поэзіи, богатой музыкальными по языку, иногда—задушевными, полными чувства и настроенія вещами, изъ которыхъ иныя замѣчательны и въ идейномъ отношеніи. Изъ длиннаго ряда турецко-армянскихъ поэтовъ, выступившихъ за послѣднія 50—60 лѣтъ, нѣкоторые должны быть названы здѣсь въ первую же очередь. Таковъ, напримѣръ, *Мкртичъ Бешикташлянъ* (1829—1868), нѣсколько вещей котораго переведено и по-русски. Не особенно продолжительна была его дѣятельность, но то, что было имъ создано, невольно привлекаетъ вниманіе и свидѣтельствуетъ о симпатичномъ, цѣльномъ, вполнѣ субъективномъ талантѣ [1]). У Бешикташляна есть немало красивыхъ вещей, воспѣвающихъ природу, съ которою онъ, какъ истый романтикъ, дѣлится своими чувствами, мыслями и грезами, обращаясь къ небеснымъ свѣтиламъ, цвѣтамъ, птицамъ, журчащему потоку, легкому вѣтерку, ища у нихъ отвѣта, сочувствія, утѣшенія. Съ прославленіемъ природы армянскаго края связывается и сливается у Бешикташляна неизмѣнно свойственное ему патріотическое чувство. Въ большинствѣ случаевъ оно носитъ мягкій, нѣжный, элегическій характеръ, — только изрѣдка создавалъ поэтъ боевыя стихотворенія въ родѣ тѣхъ, которыя были навѣяны зейтунскимъ возстаніемъ. Это чувство вполнѣ соотвѣтствовало общему складу его натуры, было полно состраданія, участія, привязанности къ истомленной и угнетенной странѣ. Въ популярномъ стихотвореніи его «Весна» мы находимъ, между прочимъ, слѣдующія строфы, проливающія свѣтъ на эту группу патріотическихъ его вещей:

О вѣтерокъ, какъ нѣженъ ты
Весенней свѣжестью своей!
Ты тихо вѣешь на цвѣты,
Играешь волнами кудрей!..
Но ты не съ родины летишь,
И сердца мнѣ не оживишь!
. . . .
Когда бы съ родины моей
Орелъ иль вихрь свершалъ полетъ
Чрезъ степь,—и мутенъ былъ ручей,
Какъ воды сонныя болотъ,—
Они напомнятъ край родной,
И вновь воскресну я душой!

Много стихотвореній посвятилъ Бешикташлянъ и прославленію женщины,—соединяя въ нихъ субъективные мотивы съ

[1]) Переводы изъ Бешикташляна—въ сборникѣ „Армянская Муза" (1907); анализъ его дарованія и дѣятельности въ первомъ томѣ „Литературныхъ очерковъ" (2-е изд., М. 1910).

отголосками западно-европейской, въ частности—французской лирики (напримѣръ, творчества Мюссе) и блещущей красками восточной эротической поэзіи, которая, однако, получала у него смягченный и облагороженный характеръ, гармонировавшій съ общимъ духомъ его произведеній. Поэтъ-мечтатель, онъ былъ въ то же время убѣжденнымъ проповѣдникомъ любви и братства, много сдѣлалъ для смягченія вражды между армянами-католиками и григоріанами, и въ своей поэзіи, какъ и въ общественной своей дѣятельности, проводилъ идеи миролюбія, единенія и солидарности. Такъ, въ стихотвореніи «Мы—братья», положенномъ потомъ на музыку и ставшемъ весьма любимою и популярною пѣснью, Бешикташлянъ говоритъ, обращаясь къ своему современнику-армянину:

Подай же руку мнѣ; мы снова будемъ братья...
Насъ ураганъ разбилъ, и въ разныхъ мы странахъ;
Однимъ лобзаніемъ разрушимъ мы во прахъ
Судьбы гоненія,—и братскія объятья
　　Пусть міру цѣлому безмолвно подтвердятъ,
　　Что нѣтъ дороже словъ, чѣмъ слово *другъ* и *братъ*!
Мы вмѣстѣ плакали въ тяжелыя годины...
Слились въ одинъ ручей потоки горькихъ слезъ...
Чтобъ смѣлый подвигъ нашъ обильный плодъ принесъ,—
Сольемъ же радости и слезы во-едино!
　　Всего сердечнѣе, отраднѣе звучатъ
　　Слова завѣтныя: „Ты будь намъ другъ и братъ!"
Чтобъ оживилась вновь Арменія родная,
Мы вмѣстѣ орошать должны ея поля,
И жатву чудную родная дастъ земля;
Мы къ небу вознесемъ ту жатву, восклицая:
　　„Всего дороже намъ, отраднѣе звучатъ
Слова завѣтныя: „ты будь намъ другъ и братъ" [1])!

Поэтическое творчество Бешикташляна развивалось вначалѣ подъ вліяніемъ поэта *Гевонда Алишана* (1820—1901), также—уроженца Турціи (дѣтство его прошло въ Эрзерумѣ), проведшаго, однако, почти всю свою жизнь въ Венеціи, на островѣ св. Лазаря, въ обители ученыхъ монаховъ-мхитаристовъ, гдѣ онъ занялъ впослѣдствіи важную духовную должность. Въ поэзіи Алишана также видное мѣсто принадлежитъ воспоминаніямъ о прошломъ родины, лирическимъ обращеніямъ къ природѣ, наконецъ призывамъ къ миру и объединенію. Въ его произведеніяхъ бросается въ глаза отсутствіе элемента горечи, раздраженія и вражды. «Дай мнѣ съ любовью явиться въ міръ, жить и дышать и съ любовью умереть», говоритъ онъ въ одномъ стихотвореніи. Бешикташлянъ былъ ученикомъ и послѣдователемъ

[1]) Переводы изъ Бешикташляна—Л. И. Уманца.

Алишана; различіе между ними состояло, главнымъ образомъ, въ томъ, что поэтъ-мхитаристъ отводилъ въ своемъ творчествѣ немаловажное мѣсто произведеніямъ въ религіозномъ духѣ, молитвамъ, гимнамъ, духовнымъ одамъ, тогда какъ у Бешикташляна число религіозныхъ стихотвореній было, сравнительно, невелико. Замѣтимъ кстати, что венеціанская община мхитаристовъ оказала вообще вліяніе на развитіе армянской поэзіи; мхитаристы старшаго поколѣнія перевели «Иліаду», «Одиссею», «Энеиду», сдѣлали попыту создать армянскую національную эпопею. Къ числу мхитаристовъ принадлежалъ и перешедшій впослѣдствіи въ армяно-григоріанское вѣроисповѣданіе Хоренъ Галфаянъ (Наръбей), переводчикъ «Гармоническихъ пѣсенъ» Ламартина, авторъ нѣсколькихъ красивыхъ и интересныхъ по содержанію стихотвореній (напр., «Первые ростки», гдѣ, въ аллегорической формѣ, говорится о возрожденіи армянскаго народа) [1].

Еще короче жизни и дѣятельности М. Бешикташляна былъ жизненный путь другого константинопольскаго поэта, творчество котораго не забыто вплоть до нашихъ дней, хотя въ области лирической поэзіи онъ сдѣлалъ, сравнительно, немного, и въ 1872 году скончался, не доживъ и до 21-го года. Рѣчь идетъ о талантливомъ поэтѣ-пессимистѣ, *Петросѣ Туріанѣ* [2]), который самъ назвалъ себя «юношею, родившимся для того только, чтобы чувствовать, какъ онъ умираетъ, и затѣмъ умереть». Туріанъ, котораго сравнивали иногда съ Надсономъ, ярко и правдиво отразилъ свои скорбныя думы, вызванныя сознаніемъ, что онъ—не жилецъ на этомъ свѣтѣ, и его мечтамъ о радостной, красочной жизни, счастьѣ, любви не суждено сбыться. Любовь и смерть являются двумя основными мотивами его творчества. Восторженно и пламенно воспѣвалъ онъ молодую дѣвушку, личность которй не удалось установить его біографамъ; но эти страстные порывы разбивались о грустное сознаніе поэтомъ своей недолговѣчности, отразившееся и въ его письмахъ къ нѣкоторымъ близкимъ друзьямъ. «Скоро я умру», писалъ онъ въ одномъ случаѣ, «ужъ не будутъ для меня блистать небесныя звѣзды»,—и между тѣмъ «я жить хочу», восклицаетъ онъ въ другомъ письмѣ... Не являясь представителемъ патріотической поэзіи, особенно — въ боевой, воинственной ея формѣ, Туріанъ все же горячо любилъ Арменію и, думая о близкой смерти,

[1]) Русскій переводъ С. Головачевскаго въ сборникѣ „Армянская Муза", изд. подъ ред. пишущаго эти строки и проф. Г. Халатьяна.

[2]) О Туріанѣ существуетъ очеркъ А. Хатисова—въ „Кавказскомъ Вѣстникѣ", 1900 г., XI.

скорбѣлъ не только о томъ, что не изведалъ личнаго счастья, но и о томъ, что слишкомъ мало удалось ему сдѣлать для родного края. Сходясь и въ этомъ случаѣ съ Надсономъ,—какъ авторомъ стихотворенія «Нѣтъ, Муза, не зови», Туріанъ закончилъ одну изъ лучшихъ своихъ вещей, «Моя скорбь», слѣдующими строфами:

Я не о томъ скорблю, что нѣжное созданье,—
Букетъ изъ красоты, улыбки и огня,—
Не усладитъ мое послѣднее страданье,
Лучомъ своей любви не озаритъ меня...
Я не о томъ скорблю... Нѣтъ, *родинѣ несчастной*
Всѣ помыслы мои!! О ней моя печаль!
Не въ силахъ ей помочь, томясь тоской напрасной,
Безвѣстно умереть,—о, какъ мнѣ жаль, какъ жаль!.. [1]).

Мало оригинальный, какъ драматургъ, авторъ историческихъ трагедій, которыя онъ, подобно Бешикташляну, писалъ, слѣдуя общей модѣ, Туріанъ, какъ лирикъ, представляетъ собою привлекательную, но скорбную фигуру рано сошедшаго съ жизненной арены юноши-поэта, мечтателя и въ то же время пессимиста, грезы котораго были разбиты несчастно сложившеюся жизнью. Рядомъ съ нимъ кажутся менѣе яркими нѣкоторые другіе константинопольскіе поэты-лирики, подобно ему отражавшіе въ своихъ стихахъ личныя переживанія и въ своемъ родѣ также талантливые, прекрасно владѣвшіе поэтическимъ слогомъ, размѣромъ и риѳмами. Таковъ былъ, напримѣръ, *Томасъ Терзьянъ* (1838—1909), чисто-субъективный поэтъ, одно стихотвореніе котораго, кстати сказать, нѣсколько приближается по духу къ заключительнымъ строфамъ пушкинскаго «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ»...

Конецъ XIX вѣка и начало текущаго также подарили турецко-армянской поэзіи рядъ выдающихся именъ—послѣ нѣкотораго перерыва, во время котораго поэтическое творчество сравнительно мало развивалось въ Константинополѣ. Всего 22 года длилась жизнь талантливаго поэта *Медзаренца* (псевд.), умершаго въ 1908 году и совершенно неизвѣстнаго до сихъ поръ нашей читающей публикѣ. Онъ началъ свою дѣятельность жизнерадостными стихотвореніями, прославлявшими любовь, молодость, наслажденіе, личное счастье, природу, иногда близкими къ типичнымъ образчикамъ восточной, напримѣръ, персидской лирики. Постепенно въ его творчествѣ стала замѣчаться извѣстная перемѣна, общій тонъ его сдѣлался серьезнѣе и грустнѣе, хотя

---

[1]) Пер. К. Д. Бальмонта.

отголоски прежней манеры еще сказывались время отъ времени. Поэтъ все чаще сталъ отражать въ своихъ произведеніяхъ неудачи, разочарованія, разбитыя иллюзіи, тщетную жажду истинной любви,—неизмѣнно находя утѣшеніе и отраду въ одной только природѣ. Послѣдній періодъ его дѣятельности былъ ознаменованъ уклоненіемъ въ сторону совершенно новыхъ мотивовъ; символизмъ и мистицизмъ положили опредѣленный отпечатокъ на относящіяся къ этому періоду его вещи; иные критики и историки литературы отмѣчали у него слѣды вліянія Метерлинка, именно—какъ мистика. Иногда высказывалось мнѣніе, что поэзіи Медзаренца недостаетъ простоты, что ей свойственны нѣкоторая изысканность и погоня за оригинальными эффектами, — но никто не могъ отрицать его безусловной одаренности!

Вліяніе новыхъ теченій, воспринятыхъ изъ Западной Европы, было вообще очень сильно у отдѣльныхъ турецко-армянскихъ поэтовъ новѣйшаго времени; Верлэнъ, Бодлэръ, Роденбахъ, Маллармэ, Верхарнъ и др. сообщили имъ новые мотивы и художественные пріемы, пріучили ихъ къ извѣстной утонченности, къ передачѣ настроенія, къ одухотворенію всей окружающей дѣйствительности, къ умѣлому пользованію символами и къ усиленію самыми разнообразными средствами музыкальности и изобразительности слога. Зная общій характеръ многихъ стихотвореній Роденбаха, гдѣ неодушевленные предметы,—зеркала, букетъ, занавѣски, рояль, дѣдовскіе часы, вода въ аквавріумѣ,—точно получаютъ душу, становятся отзывчивыми, чуткими, притомъ—близкими и родными для человѣка, нетрудно замѣтить его вліяніе въ слѣдующихъ стихахъ *Вахана Малезьяна*:

Ужъ полночь... теплится лампада надо мной
И багрянитъ струей кровавою молчанье;
Трепещетъ призраковъ въ предсмертной мукѣ рой!..
Невѣрный снопъ лучей—унылое мерцанье!..
Лампада нѣжная не знаетъ ночью сна,
Печально бодрствуя, какъ ласковое око,
Взирая въ очи тѣхъ, кого душа больна,
Кто въ потолокъ вперилъ свой взоръ въ тоскѣ глубокой.
Ей внятенъ сердца стонъ, ей внятенъ каждый вздохъ,
И ложе блѣдный лучъ ея едва ласкаетъ,
Когда передъ зарей свѣтильня догораетъ!
Въ часы страданія, въ часы моихъ тревогъ,
Она такъ странно мнѣ близка, что я, мечтая,
Въ ней душу узнаю твою, о мать родная [1]...

Убѣжденнымъ сторонникомъ новѣйшей западно-европейской

---

[1]) Перев. Эниса (псевдон.)—въ сборникѣ „Армянская Муза“.

поэзіи является и продолжающій дѣйствовать въ наши дни литераторъ и публицистъ *Аршакъ Чобаньянъ* (род. въ 1872 г.), въ теченіе ряда лѣтъ жившій въ Парижѣ, въ качествѣ политическаго эмигранта, съ 1898 по 1911 годъ издававшій тамъ журналъ «Анахитъ». Задавшись цѣлью знакомить французскую публику съ истиннымъ положеніемъ Арменіи, читая лекціи по армянскому вопросу, выпуская книги и брошюры переводнаго и критическаго содержанія на французскомъ языкѣ, Чобаньянъ въ то же время внимательно присматривался къ новымъ теченіямъ въ области французской литературы и, какъ поэтъ-лирикъ и мыслитель, неоднократно обнаруживалъ свою духовную близость къ инымъ представителямъ этой литературы. Французскіе и отчасти бельгійскіе писатели, въ свою очередь, заинтересовались его творчествомъ; вступительное слово передъ началомъ его лекцій произносилъ обыкновенно кто-нибудь изъ видныхъ французскихъ дѣятелей; второй сборникъ его стихотвореній во французскомъ переводѣ вышелъ съ предисловіемъ Эмиля Верхарна. У Чобаньяна есть опять нѣкоторые пріемы, роднящіе его произведенія съ восточною поэзіей любви и страсти, съ пѣснями такъ называемыхъ ашуговъ или народныхъ пѣвцовъ,—въ настоящее время переводимыхъ на русскій языкъ В. Я. Брюсовымъ (ранѣе произведенія одного изъ ашуговъ, тифлисца Сайатъ-Нова, привлекли вниманіе Полонскаго). Въ другихъ стихотвореніяхъ Чобаньянъ—типичный европеецъ по своимъ вкусамъ, міросозерцанію и художественнымъ пріемамъ. Мѣстами у него чувствуется воздѣйствіе поэзіи міровой скорби; человѣческая жизнь и міровой порядокъ представляются ему иногда сплошною загадкою, неразрѣшимою для нашего разума, иногда чѣмъ-то лишеннымъ смысла, безцѣльнымъ, хаотическимъ, призрачнымъ,—этотъ взглядъ проводится имъ въ стихотвореніи *Сфинксъ*. Въ иныхъ своихъ вещахъ Чобаньянъ какъ бы бросаетъ гордый вызовъ судьбѣ, въ духѣ наиболѣе непримиримыхъ и мрачныхъ пессимистовъ, которымъ были знакомы приступы отчаянія и мятежнаго духа. Есть у него, наконецъ, и группа патріотическихъ стихотвореній, соотвѣтствующихъ общему характеру его общественно-политической дѣятельности. Отрицательной стороною поэзіи Чобаньяна является недостатокъ непосредственнаго чувства, настоящаго лиризма, мѣсто котораго часто занимаетъ разсудочность, рефлексія, изысканность, чисто головной элементъ,—очень важный, правда, для выясненія міросозерцанія поэта. На внѣшнюю форму, отдѣлку стиха, чередованіе риѳмъ, повтореніе отдѣльныхъ строкъ Чобаньянъ обращаетъ большое вниманіе.

Приведемъ одно его стихотворенiе, довольно характерное, по крайней мѣрѣ, для одной группы его произведенiй:

Небо скрылось въ туманѣ отъ насъ;
Льется влажная грусть съ вышины;
Слабый лучъ въ моемъ сердцѣ погасъ.
Давятъ грудь безотрадные сны.
Льется влажная грусть съ вышины;
Стонутъ вѣтеръ и дождь, какъ больной;
Давятъ грудь безотрадные сны.
Я грущу надъ разбитой мечтой...
Стонутъ вѣтеръ и дождь, какъ больной;
Ледяная несется струя;
Я грущу надъ разбитой мечтой.
Меня горе сосетъ, какъ змѣя...
Ледяная несется струя:
Это шествуетъ смерть въ вышинѣ!..
Меня горе сосетъ, какъ змѣя,—
И могилу сулитъ оно мнѣ! [1]...

Если многiе константинопольскiе поэты, будучи сторонниками чистаго искусства, не затрагивали нуждъ современности и боевыхъ вопросовъ, если положенiе турецкихъ армянъ вообще не могло изображаться въ предѣлахъ Турцiи вполнѣ вѣрно, по независящимъ обстоятельствамъ, то въ новѣйшее время было все же нѣсколько поэтовъ, которые задались цѣлью возсоздавать страданiя народа и ужасы турецкаго режима. Это были *Варужанъ*, *Ворперьянъ* и *Ярджаньянъ*. Такъ какъ они жили внѣ предѣловъ Оттоманской имперiи (въ Европѣ или въ Африкѣ), ихъ стихотворенiя и поэмы могли дать неприкрашенную картину того, что творилось въ Турецкой Арменiи, отражая въ то же время негодующее чувство, скорбь, состраданiе или призывы къ борьбѣ за лучшее будущее. Примыкая въ этомъ отношенiи къ писателямъ нацiональнаго и патрiотическаго направленiя, эти поэты не пренебрегали, однако, и чисто - художественною стороною, подчасъ обнаруживая даже извѣстную изысканность въ области размѣра и риѳмовки. Одно изъ произведенiй Ворперьяна весьма оригинально по замыслу: передъ тѣмъ, какъ описать участь Турецкой Арменiи, авторъ обращается къ Байрону (творчеству котораго, кстати сказать, подражалъ русско-армянскiй поэтъ Шахъ-Азизъ въ своей байронической поэмѣ «Скорбь Леона»), и проситъ англiйскаго поэта позволить Чайльдъ-Гарольду совершить новое скитанiе—по Арменiи, для изученiя ея вопiющей участи, при чемъ авторъ сопоставляетъ съ этою участью судьбу евреевъ, картины жизни въ Палестинѣ [2]). Передъ тѣмъ,

---

[1]) Переводъ автора настоящей статьи.
[2]) Папазьянъ, „Турецко-армянская литература", стр. 132—146.

какъ разстаться съ турецко-армянскими поэтами, нельзя не указать на то значеніе, какое имѣли нѣкоторыя константинопольскія *поэтессы*, среди которыхъ выдѣляется своею безусловною даровитостью *г-жа Сибиль* (псевд.). Ея творчество яркій образчикъ субъективнаго лиризма, съ извѣстною примѣсью философскаго, въ частности—пессимистическаго элемента. Во многихъ вещахъ ея весьма ярко отражается тонко чувствующая душа, рвущаяся въ царство идеала—и вмѣстѣ съ тѣмъ полная гуманности по отношенію ко всѣмъ страдающимъ [1]).

Въ области повѣствовательной литературы турецкіе армяне также могутъ гордиться нѣсколькими замѣтными, безусловно заслуживающими вниманія именами, по большей части, еще неизвѣстными нашей читающей публикѣ, такъ какъ по-русски переведено лишь минимальное количество беллетристическихъ произведеній константинопольскихъ писателей. На романахъ и повѣстяхъ турецко-армянскихъ авторовъ лежитъ зачастую отпечатокъ вліянія западно-европейскихъ образцовъ. Не говоря уже о томъ, что отдѣльные французскіе романисты нашли въ Константинополѣ подражателей, немаловажную роль сыграло въ этомъ случаѣ *общее воздѣйствіе* тѣхъ теченій, которыя, начиная съ эпохи Бальзака, господствовали во французскомъ романѣ. Многіе армянскіе беллетристы явились сторонниками реалистическаго направленія, благодаря чему мы имѣемъ рядъ интересныхъ бытовыхъ картинъ, правдиво возсоздающихъ жизнь различныхъ классовъ константинопольскаго общества. Позднѣе увлеченіе реализмомъ перешло у иныхъ беллетристовъ въ слѣдованіе натуралистической теоріи, подражаніе Золя и Мопассану; французскій психологическій романъ конца вѣка также не остался безъ вліянія на творчество константинопольскихъ литераторовъ.

Въ одномъ отношеніи это творчество не свободно было отъ существенныхъ пробѣловъ, которые стали энергично заполняться только въ новѣйшее время: рѣчь идетъ объ изображеніи *провинціальной* армянской жизни, которая раньше привлекала вниманіе турецко-армянскихъ беллетристовъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, по большей же части оставалась въ тѣни. Это отнюдь не объяснялось однѣми только цензурными причинами, необходимостью о многомъ умалчивать и поневолѣ обходить вопросъ о специфическихъ особенностяхъ турецкихъ порядковъ: оставался все же цѣлый рядъ бытовыхъ явленій, связанныхъ съ

---

[1]) Переводъ двухъ вещей Сибиль помѣщенъ въ сборникѣ „Армянская Муза“ М. 1907.

экономическимъ положеніемъ, нравами и міросозерцаніемъ крестьянства,—которыя можно было «безнаказанно» разсматривать и освѣщать. Но многіе беллетристы какъ будто бы раздѣляли то предубѣжденіе противъ выходцевъ изъ коренной Арменіи, которое свойственно было значительной части константинопольскаго общества; имъ казалось гораздо болѣе интереснымъ обрисовывать жизнь въ столицѣ, описывать болѣе или менѣе утонченныя переживанія, разрѣшать тѣ или другія психологическія проблемы. Жизнь взяла, однако, свое; игнорированіе громадной части армянскаго народа должно было, рано или поздно, показаться ненормальнымъ. Притокъ свѣжихъ силъ изъ провинціи сталъ сказываться, въ частности, и въ области литературнаго творчества; тѣ, кто хорошо зналъ жизнь въ турецкой Арменіи, должны были вскорѣ дать рядъ картинъ, возсоздающихъ бытъ народа, его семейныя и экономическія отношенія, наконецъ, психологію отдѣльныхъ, наиболѣе яркихъ и типичныхъ его представителей. Еще въ 90-хъ годахъ беллетристъ *Тигранъ Капсараганъ* выступилъ съ нѣсколькими разсказами, въ которыхъ выводились сильныя, здоровыя, выхваченныя изъ самой жизни фигуры тружениковъ или бродягъ,—энергичныхъ, отважныхъ, съ богатырскимъ сложеніемъ, удалью, широкимъ размахомъ во всѣхъ отношеніяхъ... Въ новѣйшее время число бытописателей провинціальной, въ частности—народной жизни еще значительно возросло. Несомнѣнно, что впослѣдствіи, при измѣнившихся условіяхъ жизни турецкихъ армянъ, участь армянскаго крестьянства будетъ еще чаще привлекать вниманіе романистовъ,—да и драматурговъ.

Въ общемъ, повѣствовательный отдѣлъ турецко-армянской литературы можно все же признать разнообразнымъ. Оригинальную группу произведеній представляютъ собою, напримѣръ, историческіе романы *Дзеренца* (псевдонимъ доктора Шишманьяна; 1822—88), возсоздающіе армянскую жизнь въ средніе вѣка: «Торосъ, сынъ Леона», «Теодоросъ Рштуни», «Муки IX вѣка». Эти романы являются своеобразнымъ соединеніемъ подлинныхъ историческихъ фактовъ, которые извлечены были авторомъ изъ источниковъ, тщательно изученныхъ имъ во время пребыванія его на островѣ Кипрѣ, куда онъ былъ сосланъ турецкимъ правительствомъ, съ опредѣленными отголосками современности. Изображая Арменію IX вѣка, онъ нерѣдко имѣлъ въ виду знакомую армянскую дѣйствительность второй половины XIX столѣтія. Онъ скорбѣлъ по поводу той розни, какую ему приходилось нерѣдко наблюдать въ армянскомъ мірѣ, возмущался тѣмъ

что константинопольскіе армяне живутъ своими интересами и подчасъ не знаютъ даже, что творится въ Ванѣ или Мушѣ. «Въ этой розни, въ этомъ отсутствіи общихъ интересовъ, въ равнодушіи къ національнымъ вопросамъ и заключается, по мнѣнію Дзеренца, главная причина того положенія армянъ, какое мы видимъ до сихъ поръ. Дзеренцъ своими романами пошелъ противъ этого положенія дѣлъ и, показавъ на примѣрахъ историческаго прошлаго пагубность розни, призывалъ армянъ сплотиться, забыть свои личные счеты, сословные интересы, воодушевиться національною идеей и служить на пользу родинѣ»[1]). Слѣдуетъ прибавить, что романы Дзеренца замѣчательны не въ одномъ только идейномъ отношеніи, что въ нихъ попадаются сцены, написанныя съ большимъ талантомъ, и нѣкоторые герои, обрисованные имъ съ особенною любовью, надолго остаются въ памяти читателя. Критика обвиняла его только въ томъ, что нѣкоторыхъ дѣятелей прошлаго онъ изобразилъ какими-то великанами, исполинами, стоящими цѣлою головою выше современнаго поколѣнія во всѣхъ отношеніяхъ, начиная даже съ внѣшняго вида, фигуры, осанки, не говоря уже о душевныхъ свойствахъ. Это вызвано было желаніемъ романиста показать армянамъ современной ему эпохи образцы, достойные подражанія, въ бурномъ, подчасъ славномъ прошломъ Арменіи.

Подобно Бешикташляну, Дзеренцъ, какъ общественный дѣятель, часто являлся глашатаемъ примиренія и объединенія константинопольскихъ армянъ. Его современникъ, *Акопъ Пироньянъ*,—дѣятельности котораго, какъ публициста, намъ уже приходилось касаться выше,—не менѣе любя свой народъ и мечтая объ его свѣтломъ будущемъ, избралъ себѣ особый путь, всего болѣе соотвѣтствовавшій общему характеру его таланта. Это былъ даровитый сатирикъ, осмѣивавшій темныя и пошлыя стороны родной жизни, одаренный рѣдкою наблюдательностью,—несмотря на тяжелыя условія личной жизни, не утратившій до конца остроумія, живости, воодушевленія. Его сочиненія—«По кварталамъ Константинополя», «Національные герои», «Многоуважаемые попрошайки»—имѣли когда-то выдающійся успѣхъ,—не предохранившій, правда, сатирика отъ тяжелой, необезпеченной жизни, полной невзгодъ и мытарствъ; они читаются съ удовольствіемъ и теперь, хотя уже измѣнилось многое изъ того, что осмѣивалъ Пароньянъ, и давно сошли со сцены нѣкоторые дѣя-

---

[1]) М. Берберьянъ, „Дзеренцъ", критико-біографическій очеркъ („Армянскіе беллетристы"), т. I, стр. 450.

тели, выведенные имъ въ одномъ изъ его лучшихъ произведеній, «Національные герои»,—собраніи сатирическихъ характеристикъ, порою замѣчательно мѣткихъ и смѣлыхъ. По-русски переведены нѣкоторыя главы изъ другой его вещи, «Многоуважаемые попрошайки», въ которой есть страницы, неизмѣнно вызывающія взрывы здороваго, непосредственнаго смѣха, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ затрагиваетъ здѣсь явленія, имѣющія и свою грустную сторону, способныя пробудить въ читателѣ жалость и состраданіе. Въ Константинополь пріѣзжаетъ забавный, самодовольный и ограниченный провинціалъ, совершенно теряющійся въ водоворотѣ столичной жизни, къ которой онъ не можетъ привыкнуть. Зная, что это—человѣкъ со средствами, притомъ падкій на лесть и невѣжественный, на него обрушивается цѣлая толпа голодныхъ и лишенныхъ прочнаго заработка людей, желающихъ его эксплоатировать и поживиться на его счетъ; тутъ и редакторъ мелкой газеты, и докторъ, и поэтъ, и другія лица, провѣдавшія о пріѣздѣ богатаго жителя Трапезунда. Едва успѣваетъ онъ сойти съ парохода, какъ уже попадаетъ въ руки одного изъ этихъ юркихъ и развязныхъ людей, оправданіемъ которыхъ можетъ служить только то, что они иногда, дѣйствительно, чуть не голодаютъ. Бытовая сторона отличается въ этомъ произведеніи большою яркостью и правдивостью; много списаннаго съ натуры, выхваченнаго изъ жизни. И въ то же время внѣшняя рамка «Попрошаекъ» и даже нѣкоторыя детали заимствованы изъ комедіи Мольера «Monsieur de Pourceaugnac», гдѣ, какъ извѣстно, съ рѣдкимъ юморомъ и живостью изображены злоключенія уроженца Лиможа, становящагося, подобно герою Пароньяна, предметомъ беззастѣнчивой эксплоатаціи по прибытіи въ Парижъ. Мольеръ, на-ряду съ Аристофаномъ и Лукіаномъ, принадлежалъ вообще къ числу тѣхъ писателей, которые повліяли на Акопа Пароньяна и помогли ему обрисовать окружающую дѣйствительность и показать путь другимъ армянскимъ сатирикамъ.

Не останавливаясь на нѣкоторыхъ болѣе мелкихъ константинопольскихъ писателяхъ сходнаго направленія, перейдемъ къ другой разновидности константинопольскаго романа и повѣсти: идейнымъ и тенденціознымъ романамъ, гдѣ также сказывается иностранное вліяніе,—вообще неразъ помогавшее армянамъ-писателямъ въ ихъ культурной и освободительной дѣятельности. Яркимъ образчикомъ этихъ произведеній могутъ служить романы *г-жи Дюсапъ*, слабые въ художественномъ отношеніи, но имѣвшіе въ свое время успѣхъ, особенно — одинъ изъ нихъ «Майда», появившійся въ началѣ 80-хъ годовъ минувшаго вѣка.

Успѣхъ этотъ объяснялся, прежде всего, необычностью темъ, которыя затронуты были романисткою, и ярко выраженною тенденціей, которую она отстаивала съ большой энергіей и настойчивостью. Г-жа Дюсапъ—убѣжденная поборница женскихъ правъ, сторонница эмансипаціи, обличительница свѣтскихъ предразсудковъ, несправедливыхъ притязаній и тиранніи мужчинъ, которымъ она объявляетъ войну въ своемъ творчествѣ. Для константинопольской армянской публики все это было ново—и поэтому невольно привлекло вниманіе читателей и читательницъ. Романистка находилась подъ опредѣленнымъ вліяніемъ западно-европейскихъ, въ частности—французскихъ образцовъ; всего болѣе вдохновлялась она творчествомъ Жоржъ-Сандъ, въ той его части, которая посвящена была проповѣди новыхъ взглядовъ на женщину и свободу чувства. Въ чисто-психологическомъ отношеніи романы г-жи Дюсапъ иногда оставляли многаго желать, и критика ставила ей подчасъ въ вину неопредѣленность или трафаретность иныхъ образовъ, отсутствіе чувства мѣры и художественнаго чутья, иногда — нѣкоторую приподнятость общаго тона. Любопытно, что г-жа Дюсапъ первоначально почти не знала родного языка, всего охотнѣе говорила по-французски и только подъ вліяніемъ Бешикташляна стала учиться по-армянски и достигла такихъ результатовъ, что у нея могла явиться мысль—стать писательницею.

Изъ константинопольскихъ беллетристовъ, дѣйствовавшихъ въ концѣ прошлаго вѣка и отводившихъ главное мѣсто реализму и психологическому анализу, слѣдуетъ назвать *Арпіара Арпіарьяна*, *Грикора Зорапа*, *Левона Пашальяна* и нѣк. другихъ. Одно изъ лучшихъ произведеній перваго изъ только-что упомянутыхъ беллетристовъ появилось уже въ 1901 году и озаглавлено «Красный даръ» [1]). Это — одна изъ тѣхъ вещей (напечатана она была не въ Турціи), въ которыхъ правдиво отразилось политическое положеніе турецкихъ армянъ, какъ мы видѣли, только отчасти затрогивавшееся константинопольскими беллетристами. Здѣсь выведенъ именитый и состоятельный армянинъ, не ощущающій на себѣ, до поры, до времени, всей тяготы турецкаго режима и прекрасно уживающійся съ нимъ. Тѣхъ, кто выражаетъ недовольство существующими порядками, онъ считаетъ опасными, вредными мечтателями и готовъ идти рука объ руку съ турецкими властями въ дѣлѣ ихъ обузданія.

---

[1]) Анализъ этой повѣсти, какъ и другихъ произведеній Арпіарьяна—въ упомянутой выше книгѣ Папазьяна, стр. 60—75.

Подобный типъ выводился и другими армянскими беллетристами, напримѣръ, Раффи, давшимъ яркій образъ такого же ренегата. Особенность разсказа Арпіарьяна состоитъ въ томъ, что этотъ оторванный отъ своего народа, не болѣющій его скорбями человѣкъ долженъ въ концѣ концовъ переродиться, при чемъ главнымъ толчкомъ къ этому является то обстоятельство, что ему пришлось вдругъ испытать на себѣ, хоть отчасти, то безправіе, отъ котораго страдали его братья, и которое раньше совершенно не затрагивало его, — онъ попадаетъ въ тюрьму изъ-за пустого подозрѣнія, въ пору обысковъ, арестовъ и другихъ репрессій.

Эта повѣсть не даетъ, однако, понятія объ отличительномъ характерѣ творчества Арпіарьяна, не разъ затрагивавшаго моральныя проблемы, изображавшаго переживанія страдающей души. Въ «Идіотѣ» и «Цѣнѣ мечты» онъ строитъ фабулу на разбитыхъ иллюзіяхъ, разочарованіи въ любимой женщинѣ, доводящемъ человѣка до сумасшествія или самоубійства; героини этихъ произведеній представлены неглубокими, неспособными на сильное чувство, не имѣющими представленія о нравственномъ долгѣ. Сильное впечатлѣніе производитъ «Осужденная»; здѣсь, наоборотъ, молодая женщина, въ свое время вышедшая за чуждаго, антипатичнаго ей богача, чтобы спасти отца отъ разоренія, и впослѣдствіи полюбившая искренно и горячо другого, принуждена въ дальнѣйшемъ вынести много тяжелаго и мучительнаго для нея, такъ какъ ея гражданскій мужъ, какъ только ему удается получить хорошее, выгодное и находящееся на виду мѣсто, начинаетъ затѣмъ тяготиться этимъ свободнымъ союзомъ, подарившимъ ему много свѣтлаго и красочнаго. Черезъ нѣсколько времени онъ женится на другой, не желая портить свою карьеру, а несчастная женщина умираетъ, всѣми забытая и заброшенная...

Вопросы любви и страсти занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ и въ творчествѣ *Грикора Зорапа*, въ 90-хъ годахъ выступившаго съ цѣлымъ рядомъ разсказовъ, отстаивающихъ свободу чувства, изображающихъ различныя перипетіи любви и «сентиментальныя осложненія», употребляя выраженіе Поля Бурже, а также въ разсказахъ и повѣстяхъ автора драмы «Старые боги» Левона Шанта, который, какъ было указано выше, объединяетъ въ своемъ лицѣ двѣ вѣтви армянской словесности, такъ какъ значительная часть его дѣятельности прошла въ предѣлахъ Россіи, и мѣстомъ дѣйствія въ его произведеніяхъ нерѣдко является Закавказье. Шантъ, котораго иногда даже об-

виняли въ злоупотребленіи эротическими мотивами, довелъ анализъ любви и страсти до значительной степени художественности и правдиваго реализма, являясь въ то же время по преимуществу изобразителемъ армянской *интеллигенціи*, съ которою можно познакомиться по его произведеніямъ, заключающимъ въ себѣ цѣлую портретную галлерею лицъ свободныхъ профессій.

Передъ нами только-что прошли 20—25 представителей литературы и прессы турецкихъ армянъ. Нечего и говорить, что дѣятельность нѣкоторыхъ изъ нихъ могла бы быть разсмотрѣна подробнѣе,—и съ другой стороны, еще рядъ именъ могъ бы быть отмѣченъ здѣсь, въ интересахъ большей полноты. Но въ данномъ случаѣ и не имѣлось въ виду коснуться всѣхъ турецко-армянскихъ литераторовъ, дѣйствовавшихъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій. Думается, однако, что и приведенные выше факты свидѣтельствуютъ о томъ, что турецкіе армяне, обладая извѣстными культурными задатками, выставили немало способныхъ, иногда выдающихся литераторовъ и публицистовъ, и что въ произведеніяхъ послѣднихъ есть на чемъ остановиться, надъ чѣмъ призадуматься,—какими бы недочетами ни страдала турецко-армянская словесность, путь развитія которой, какъ мы видѣли, былъ, въ общемъ, тяжелымъ и тернистымъ. Измѣненіе судьбы турецкихъ армянъ, ихъ освобожденіе отъ ненормальныхъ условій, при которыхъ имъ до сихъ поръ приходилось жить и дѣйствовать, несомнѣнно, должно открыть и для ихъ словесности новые, широкіе горизонты.

Юрій Веселовскій.

ВЕСНА.

Опять пришла. Опять солгала
Расцвѣтомъ вспыхнувшей мечты,
Что въ душномъ мірѣ скорби мало,
Что въ жизни много красоты.

И знаю я, что лжетъ шалунья—
Лучисто-звонкая весна,
Что міръ темнѣе новолунья,
Что жизнь попрежнему мрачна.

Но нынче розы такъ багровы
И такъ раздольно поле ржи,—
И внемлю я весеннимъ зовамъ,
И вѣрю я весенней лжи.

А. Палѣй.

АВТОБІОГРАФІЯ.

(За 65 лѣтъ).

(Окончаніе) [1].

Когда я перешелъ въ 1-й классъ, на каникулы пріѣхалъ въ Бобринецъ циркъ: три лошади, осликъ, коза, нѣсколько собакъ, наѣздница, наѣздникъ, акробатъ и клоунъ. Появившись въ городѣ, они въ фантастической одеждѣ поѣхали верхомъ на лошадяхъ, на ослѣ, на козѣ, а обезьяна на собакѣ. Клоунъ накрасилъ себѣ щеки, а носъ замазалъ углемъ и, сидя на ослѣ лицомъ къ хвосту, часто заглядывалъ ему подъ хвость и спрашивалъ: «Кузенъ, гдѣ твой галява»?.. Мы, дѣтвора, толпою бѣгали за этимъ чудомъ, хохотали и все кричали: «а ну, спроси еще, гдѣ его голова»?.. Клоунъ наклонялся къ хвосту и говорилъ: «она не кочитъ гаварить, толко шипитъ»...

Дядьки пошли въ циркъ и меня взяли съ собой. Боже! Сколько было радости, смѣху, удивленья; всѣ люди въ циркѣ отъ стараго до малаго хохотали, хватаясь за животы, когда клоунъ ловилъ бумажку, привязанную на концѣ кнута, и все падалъ. А какъ началъ акробатъ кувыркаться на трапеціи, то свѣшиваясь головою внизъ, то крутясь «фуркаломъ» на качалкѣ, нѣкоторые зашептали, что это онъ *«не своимъ духомъ а наклада з тим, що в болоті»*. Престарѣлая жена какого-то чиновника клялась на другой день моей матери, что видѣла своими глазами, какъ только акробатъ повисалъ на трапеціи, держась за качалку ногой, или затылкомъ, сразу небольшой чортикъ хваталъ его за другую ногу и поддерживалъ. Сколько дядьки ни уговаривали бабушку, чтобы хоть разъ пошла въ циркъ, она не согласилась, говоря, что то грѣхъ и искушеніе. На 3 или 4-й день дядько

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“, февраль, стр. 141.

Николай устроилъ дома трапецію и началъ кувыркаться; я тоже попробовалъ; но такъ ударился головой объ полъ и повредилъ себѣ шею, что дней пять не могъ ее повернуть; зато я нашего Рудька, который былъ на цѣпи, превратилъ въ ослика, садился на него, хваталъ за хвостъ и спрашивалъ: «Кузенъ, гдѣ твой галява»?..

Недѣли черезъ двѣ циркъ уже пустовалъ, а затѣмъ выѣхалъ куда-то; дядькѣ Николаю надоѣло кувыркаться на трапеціи, а мнѣ заглядывать Рудьку подъ хвостъ, и мы начали играть въ солдаты. Еврейскія дѣти тоже собиралися вмѣстѣ съ нами и муштровались; мы устраивали настоящее *сраженіе* на палкахъ: доставалось имъ отъ насъ, а иногда и намъ перепадало.

Я часто слишкомъ заигрывался въ солдаты, такъ что приходилось вечерами учить уроки; бабушка лѣтомъ не любила жечь свѣчей; тогда мы не знали еще ни лампъ, не стеариновыхъ свѣчей, а зажигали «лойові»—сальныя; въ кухнѣ горѣлъ «*каганець*»,—по-русски—плошка. Въ лунную ночь я училъ уроки при лунномъ свѣтѣ, взбираясь на высокій заборъ и думая, что оттуда ближе къ лунному свѣту. Все лѣто дядьки и я спали на дворѣ, на сѣнѣ или на соломѣ вповалку. Дядько Ѳедоръ часто цѣлую ночь ходилъ по двору и что-то бормоталъ; иногда онъ хохоталъ или насвистывалъ какую-нибудь мелодію; днемъ же лежалъ въ садку, или гдѣ-нибудь во дворѣ, въ сарайчикѣ.

Онъ былъ очень хорошій скрипачъ и піанистъ; послѣ смерти дѣда обучалъ у пановъ оркестры и давалъ помѣщичьимъ дочерямъ уроки на фортепіано. Разсказывала бабушка, что онъ совсѣмъ мало пилъ водку, за обѣдомъ выпивалъ одну рюмку, рѣдко двѣ. Влюбился онъ въ одну панну, свою ученицу. Поселился у ея родителей, такъ какъ тамъ было пять дочерей и всѣмъ имъ онъ давалъ уроки. Жилъ онъ во флигелѣ, въ большой комнатѣ, вмѣстѣ съ другими двумя учителями, которые давали уроки по другимъ предметамъ. Паны эти были очень богатые. Не далеко отъ нихъ жилъ помѣщикъ М—ча, куда дядько ѣздилъ три раза въ недѣлю и обучалъ тамъ оркестръ.

Дядькѣ казалось, что любимая имъ панна тоже влюблена въ него, и онъ рѣшилъ открыть ей свою душу. Панна, выслушавъ его признанье, молчала и только улыбалась. Дядько спросилъ, что ей въ немъ не нравится, ему всегда казалось, что онъ ей не противенъ. Панна и на этотъ разъ промолчала. Послѣ долгихъ дотыпываній, она наконецъ сказала, что ей не нравятся его бакенбарды; затѣмъ расхохоталась и убѣжала. Черезъ ми-

нуту послышался хохотъ въ другой комнатѣ, и дядько, подумавъ, что панна разсказала сестрамъ о его признаньи, и они теперь вмѣстѣ издѣваются надъ нимъ, ушелъ въ свою комнату; когда позвали его обѣдать, онъ сказалъ, что чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ. Не пошелъ также къ вечернему чаю и къ ужину. Ночью товарищи его по комнатѣ услышали какіе-то стоны и легкій хохотъ. На вопросъ, что съ нимъ, онъ не отвѣчалъ. Наконецъ, они зажгли свѣчу, и ихъ глазамъ представилась ужасная картина: дядько сидѣлъ на кровати съ одною бакенбардой и скоблилъ лицо бритвою, по щекамъ у него лилась кровь. Они отъ страха начали кричать: «что вы съ собою дѣлаете»?.. Дядько вскочилъ съ кровати, подбѣжалъ къ зеркалу, взглянулъ на себя и съ крикомъ выбѣжалъ изъ флигеля. На другой день его нашли въ лѣсу, привезли домой, собрали въ дорогу и отвезли въ Бобринецъ. Съ того времени дядько Ѳедоръ никогда не приходилъ совсѣмъ въ сознаніе, только иногда являлись у него свѣтлыя минуты: онъ бралъ скрипку въ руки и начиналъ играть, или садился за фортепіано и сначала игралъ какъ слѣдуетъ, далѣе сводилъ на что-то непонятное, вскакивалъ и съ хохотомъ выбѣгалъ изъ комнаты. Разсказывали дядья, что онъ создалъ много разныхъ мелодій (лучше всего игралъ варіаціи: «спів весіннього жайворонка»), но на ноты не успѣлъ ихъ положить. Дядько Алексѣй тоже не дурно игралъ на скрипкѣ, иногда просилъ Ѳедора сыграть ему, но тотъ бывало начнетъ и проиграетъ нѣсколько варіацій, и потомъ захохочетъ и выпуститъ скрипку изъ рукъ. На чердакѣ у бабушки много валялось обломковъ разныхъ инструментовъ: кларнетовъ, флейтъ, фаготовъ...

Разъ зимою собрались мы въ кухнѣ на печкѣ: я, дядько Николай и еще два мои товарища, захватили куски поломанныхъ инструментовъ и, изображая изъ себя музыкантовъ, начали «дудлить»; тутъ же рядомъ сидѣлъ и дядько Ѳедоръ. Въ печкѣ, гдѣ горятъ дрова стояла «макитра» съ «опарою». Николай, исполняя высокимъ голоскомъ какую-то мелодію, сфальшивилъ (у него до 18-ти лѣтъ былъ высокій дискантъ), дядько Ѳедоръ выхватилъ уполовникъ изъ макитры и ударилъ Николая по головѣ. Послѣдній сталъ страшно кричать, размазывая «опару» по лицу. Вбѣжала въ кухню бабушка и начала разспрашивать, что случилось. Николай пожаловался. Бабушка выругала Ѳедора «скаженнымъ» и сказала, чтобы онъ убирался съ печки. Уходя, онъ покорно сказалъ:

— «Я уйду, а онъ все-жъ таки пусть не фальшивитъ!..»

Я уже былъ во второмъ классѣ, когда умеръ дядько Ѳедоръ. Онъ часто убѣгалъ изъ дома, и его не рѣдко находили на кладбищѣ. Передъ смертью онъ заболѣлъ и не вставалъ съ постели. Помню, я стоялъ съ бабушкою около его кровати, когда онъ лежалъ съ закрытыми глазами и, положивъ руки ладонями вверхъ на уровень съ лицомъ, быстро перебиралъ пальцами, будто игралъ на скрипкѣ; иногда онъ улыбался, или складывалъ воронкою губы, словно что-то насвистывалъ. На нѣсколько минутъ онъ затихалъ и не дышалъ; тогда бабушка силилась вложить ему въ руки восковую свѣчу; но онъ не бралъ ее; потомъ вдругъ раскрылъ глаза, обвелъ ими вокругъ, вскрикнулъ, потянулся и свѣсилъ голову на бокъ...

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого умеръ и дядько Алексѣй отъ сибирской язвы. Дядьку Никиту еще покойный дѣдъ отдалъ въ лавку къ какому-то купцу и о встрѣчѣ съ нимъ я разскажу потомъ.

Дядьку Андрея я видѣлъ, когда мнѣ было 6 или 7 лѣтъ; онъ пріѣзжалъ на нѣсколько дней къ отцу въ Катериновку. Съ нимъ товарищи учинили прескверную шутку: напоили до безпамятства и въ такомъ видѣ повѣнчали со старою, беззубою бабою, которая была старше моей бабушки. Когда онъ пришелъ въ сознаніе и увидѣлъ, что случилось, въ одну ночь неизвѣстно куда исчезъ изъ Бобринца. Потомъ очутился онъ въ Симферополѣ, куда и перевелся на службу. Тамъ онъ обзавелся другой семьею. Бабушка, узнавъ объ этомъ, очень плакала, а потомъ стала молиться о грѣхѣ сына и говорила всѣмъ, что надъ ея семьею тяготѣетъ какое-то проклятье...

Въ Симферополѣ дядько Андрей сталъ выпивать, потомъ сошелся съ какою-то компаніей мошенниковъ,—чиновниковъ и въ чемъ-то вмѣстѣ съ ними провинился; судили ихъ и всѣхъ сослали въ Сибирь въ ссылку. Это было въ 1852 или въ 53 году.

Княгинѣ К. захотѣлось, какъ говорится, *приручить* моего отца, и она сказала ему, что думаетъ опять взять меня учиться съ ея дѣтьми; подала надежду, что отвезетъ вмѣстѣ съ своими сыновьями въ Петербургъ и тамъ отдастъ въ такую школу, что изъ меня «*выйдетъ человѣкъ*». Отецъ, конечно, обрадовался такой панской ласкѣ, пріѣхалъ въ мартѣ мѣсяцѣ въ Бобринецъ и взялъ меня съ собою.

Дорогою онъ, разсказывая о бабушкѣ, удивлялся, какъ она исхудала и постарѣла. «Когда-то была очень красива, а теперь высохла, какъ вобла». Потомъ прибавилъ въ шутку: «Она, вѣрно, уже свѣтится противъ солнца»?..

Какъ только пріѣхали мы въ Катериновку, отецъ на другой же день пошелъ со мной къ князьямъ.

Княгиня, обласкавъ меня, повела въ классную и представила учителямъ, какъ новаго ученика. Учителей было три: французъ, нѣмецъ и студентъ С—кій.

Съ сыновьями княгини я встрѣтился, какъ съ старыми пріятелями; тутъ же былъ и Митя, сынъ доктора Т. Князь не интересовался не только мною, но даже и собственными сыновьями: онъ научился въ Италіи выдѣлывать цвѣточные горшки, привезъ оттуда инструменты и теперь по цѣлымъ днямъ сидѣлъ въ оранжереѣ и крутилъ ногами горшечное колесо, а лѣтомъ онъ возился съ дынями—канталупами и все выставлялъ ихъ на солнце; иногда, бывало, по всему балкону пораскладываетъ. Весну, лѣто и осень мы прожили въ слободѣ: учились, гуляли, ѣздили верхомъ, ходили на охоту... Училъ насъ стрѣлять княжескій крѣпостной охотникъ Данька Береговый. Дичи было очень много; мы стрѣляли молодыхъ утятъ, которыхъ Злотка (лягавая Даньки) выгоняла изъ камышей, а подстрѣленныхъ выносила на берегъ.

На зиму переѣхали мы въ военный городъ Вознесенскъ (надъ рр. Бугомъ и Мертвоводомъ) и поселились въ двухъэтажномъ домѣ купца Сибирцева, надъ Мертвоводомъ: въ верхнемъ этажѣ княгиня, въ нижнемъ мы и учителя. Каждый изъ учителей имѣлъ свою комнату, а насъ четверо размѣстили по-двое. Рядомъ съ комнатою, въ которой помѣщался я съ старшимъ княжичемъ Мишей, жилъ студентъ С—скій.

Мы ѣхали двумя экипажами, въ одномъ—княгиня, двое княжатъ Миша и Коля и я, въ другомъ—три учителя и Митя Т. Княгиня заставляла меня пѣть украинскія пѣсни и очень хвалила; а потомъ позвала С—скаго, чтобы и онъ послушалъ. С—скій сѣлъ къ намъ, а Коля пошелъ на его мѣсто.

Князь остался еще въ оранжереѣ. Въ Катериновкѣ осталась и приманка для него въ образѣ француженки, компаньонки, которой будто бы нужно было, какъ больной, еще нѣсколько недѣль подышать сельскимъ воздухомъ, ее, какъ потомъ объяснилось, нарочно оставила княгиня, чтобы отвести глаза князю.

Въ Вознесенскѣ я впервые увидѣлъ, какъ наказываютъ сол-

датъ *шпицрутенами.* Это ужасное зрѣлище. Экзекуцію производили надъ Мертвоводомъ, какъ разъ за заборомъ дома Сибирцева. Мы смотрѣли сквозь щели забора и ужасались, но нѣкоторые, какъ напримѣръ Тимошка лакей, оставались все время вполнѣ равнодушными. Тимошка садился верхомъ на заборъ и спокойно смотрѣлъ, иногда приговаривая: «уже льется кровь!.. Ого-го!.. Какъ кровь «цвигнула» вверхъ»!.. Еще раньше въ Бобринцѣ я видѣлъ, какъ на эшафотѣ наказывали убійцъ; насъ—школьниковъ выводили изъ школы и ставили недалеко отъ мѣста наказанія. Это на насъ производило такое впечатлѣніе, что мы сплетали изъ клочьевъ нагай, чертили на землѣ *«урывуя»*, изображали изъ себя палачей, ударяли по землѣ и кричали: «берегись»!.. Забавлялись этимъ недѣлями и больше.

Много денегъ передала княгиня С—скому, урѣзывая изъ тѣхъ, которыя предназначались на жизнь въ Вознесенскѣ. Много разъ она просила отца, когда брала у него тысячу рублей и больше, чтобы онъ тайно отъ князя какъ-нибудь размѣстилъ эти деньги въ экономическихъ расходахъ; княгиня поясняла при этомъ, что она ошиблась на покупкѣ лошадей, или потеряла деньги, и не хотѣла бы, чтобы князь теперь узналъ объ этомъ, что когда онъ будетъ въ хорошемъ расположеніи, она сама ему признается во всемъ, отецъ долженъ былъ давать по ея желанію, надѣясь, что княгиня выведетъ его сына *въ люди.*

Разъ княгиня написала, что ей дозарѣзу нужно 10 тыс., отецъ отвѣтилъ, что не можетъ дать ей такихъ денегъ, не записавъ въ книгу и не показавъ въ отчетѣ, на что онѣ истрачены. Княгиня разсердившись написала ему суровое письмо и въ концѣ прибавила, что она уже взяла взаймы эти деньги, а онъ долженъ ихъ заплатить кредитору. Отецъ ничего ей не отвѣтилъ. Не прошло и мѣсяца, какъ въ Катериновку пріѣхалъ какой-то еврей съ векселемъ княгини. Долго бесѣдовалъ онъ съ отцомъ и хотѣлъ идти къ князю; но отецъ рѣшилъ сначала самъ поговорить съ нимъ. За недѣлю до этого въ Катериновку явился поваръ Павлушка, котораго княгиня прогнала изъ Вознесенска за то, что онъ не угодилъ ей какимъ-то кушаньемъ и не сумѣлъ обойтись двумя фунтами мяса тамъ, гдѣ его требовалось пять. Она прислала князю письмо, въ которомъ писала, что Павлушка каждый день пьянствуетъ и присваиваетъ себѣ половину денегъ, которыя ему выдавались на базаръ, и просила *выпороть* его и *употребить на черную работу.* Князь такъ и сдѣлалъ. Однажды вечеромъ пришелъ Павлушка къ отцу и говоритъ ему: «Благословите,

Л. И. идти на вольные хлѣба. Дайте два рубля и прощайте, или же завтра я повѣшусь»!..

Отецъ началъ его успокаивать и разспрашивать, почему начались такія неудачи; вѣдь больше двадцати лѣтъ онъ угождалъ князьямъ, теперь вдругъ сталъ негодяемъ?

Тогда Павлушка разсказалъ отцу объ отношеніяхъ княгини къ С—скому, прибавивъ, что это уже извѣстно всѣмъ челядинцамъ, которые находятся при княгинѣ, начиная съ Тимошки.

На другой день Павлушки уже не было въ Катериновкѣ [1]). Пришелъ отецъ къ князю и засталъ его въ интимной бесѣдѣ съ француженкою. Князь смутился, что тотъ вошелъ безъ доклада, но отецъ объяснилъ, что по очень нужному и неотложному дѣлу. Тогда князь повелъ его въ кабинетъ и замкнулъ двери. Отецъ передалъ ему въ руки письмо книгини. Князь потребовалъ, чтобы отецъ ему разсказалъ все, что знаетъ. Отецъ возразилъ, что не имѣетъ такой смѣлости: лучше разспросить кого-нибудь изъ слугъ, хотя бы лакея Петра, котораго также прислала княгиня *для порки*. Князь сказалъ, что онъ не хочетъ никого разспрашивать, и поклялся, показывая на фамильный образъ, передъ которымъ не угасала лампада, что отца онъ не обидитъ и не скажетъ княгинѣ, отъ кого онъ узналъ обо всемъ. Отецъ все же старался избѣгнуть откровенной бесѣды. Тогда князь сталъ передъ образомъ, перекрестился, ударилъ поклонъ и проговорилъ:

— Говори всю правду, Богомъ клянусь, я тебя не обижу!..

И отецъ ему разсказалъ все, что узналъ отъ Павлушки. Князь отворилъ двери и крикнулъ: «позвать Петра»! Черезъ минуту явился Петръ. Упавъ на колѣни, на всѣ вопросы князя, правда ли то-то и то-то, онъ отвѣчалъ: «правда, ваше сіятельство».

Князь приказалъ сейчасъ же запрягать шестерикъ въ коляску и собираться Петру вмѣстѣ съ Васькой. Черезъ полчаса онъ уже мчался въ Вознесенскъ.

Ночью передъ разсвѣтомъ вбѣжалъ къ намъ поварчукъ и шепнулъ Тимошкѣ, что князь пріѣхалъ. Въ этотъ моментъ Миша былъ на лѣстницѣ, онъ быстро соскочилъ и спросилъ: Что такое? Изъ комнаты С—скаго раздался голосъ; «Кто тамъ стучитъ? Въ классной послышались шаги, потомъ раскрылись двери

1) Когда объявлена была воля, въ 1861 г. Павлушка очутился въ Одессѣ, въ приморскомъ ресторанѣ подъ именемъ „мусье Поль“.

въ нашу комнату, и на порогѣ появился князь. Мы кинулись къ нему, но онъ, наскоро поздоровавшись, велѣлъ Петру собрать наши вещи и нести въ комнату Коли (другой княжичъ) и Миши и что-то еще шепнулъ ему на ухо. Петръ отвелъ насъ, потомъ замкнулъ за нами двери. Что дальше было, я уже узналъ дорогою, когда ѣхали въ Катериновку, потому что князь сказалъ мнѣ утромъ ѣхать къ отцу на Пасху, хотя была только пятая недѣля великаго поста. Ѣхавшій со мной Петръ разсказывалъ, что князь велѣлъ выломать двери въ комнату С—скаго и засталъ тамъ княгиню. С—скаго велѣлъ раздѣть и выпороть его розгами. Затѣмъ далъ ему 25 руб. на прогоны до Кіева, и когда тотъ шелъ черезъ порогъ, угостилъ его еще подзатыльникомъ.

Княгиня поскакала въ Кантакузовку (на другомъ берегу Буга) къ старшему брату князя—Родіону. Какъ и что она тамъ говорила, какъ объясняла свое поведеніе *покрыто мракомъ неизвѣстности*, но въ страстную пятницу князь и княгиня неожиданно пріѣхали въ Катериновку. Отецъ говѣлъ въ Новокрасномъ, а я сидѣлъ на крыльцѣ и ожидалъ его возвращенія. Увидѣвъ, что ѣдутъ князья, я побѣжалъ къ нимъ навстрѣчу. Княгиня крикнула:—«Пошелъ вонъ, негодяй«!.. Я остолбенѣлъ отъ такого привѣтствія; коляска промчалась, а я, постоялъ нѣсколько минутъ, пошелъ домой. Скоро пріѣхалъ отецъ; онъ ѣздилъ въ церковь верхомъ. Посмотрѣвъ на панскій дворъ, онъ удивленно спросилъ: «А это что-жъ такое«? Отъ двора шло 12 человѣкъ съ дубинами, впереди всѣхъ атаманъ Данила. Подойдя къ нашему крыльцу, они поздоровались, Данило взялъ поводъ изъ рукъ отца и передалъ какому-то человѣку, сказавъ:—Трое идите забирайте лошадей изъ конюшни и ведите во дворъ, а остальные выносите все изъ комнатъ»!..

— Что это такое, Данило?—спросилъ отецъ.

— Намъ такъ велѣно,—отвѣтилъ онъ.

Отецъ сейчасъ же пошелъ къ князьямъ. Данило съ мужиками вынесли дзъ дома сундуки и одежду нашу, сложили на двѣ подводы и повезли въ панскій дворъ. Когда отецъ вернулся, въ нашихъ комнатахъ уже ничего не осталось. Князья отца не приняли. Онъ тотчасъ же отвелъ меня въ Новокрасное къ попу Н—скому и на другой день снова пошелъ къ князьямъ.

Черезъ Катериновку проѣзжалъ въ это время становой О. И. М—скій, отецъ его остановилъ и разсказалъ о случившемся.

— Какъ? запротестовалъ становой.—Это же грабежъ, насиліе возмутительное, своеволіе! Идемъ вмѣстѣ со мною къ панамъ!..

Отецъ сѣлъ къ нему въ бричку, и они поѣхали.

Но князь не велѣлъ впускать въ комнаты отца. Онъ остался во дворѣ и ожидалъ становаго. Скоро тотъ вышелъ и проговорилъ:

— Ну, братецъ, ты самъ кругомъ виноватъ!..

Отецъ началъ что-то говорить, но становой не хотѣлъ и слушать, сѣлъ въ бричку и уѣхалъ. Отецъ немного постоялъ и пошелъ въ Новокрасное. Около панскаго двора пробѣжалъ мимо него Петръ и шепнулъ, что становому князья дали двѣсти рублей.

На третій день Пасхи, отецъ поѣхалъ въ Бобринецъ подавать жалобу на князей и искать себѣ мѣсто, а меня оставилъ у попа.

Сначала жилось мнѣ у попа недурно, но послѣ того, какъ прошло больше мѣсяца и отъ отца не было никакого извѣстія, попъ, подумавъ, *не покинулъ ли* ему меня отецъ навсегда, и совсѣмъ перемѣнилъ свое отношеніе; сталъ придираться ко мнѣ, говоря, что у него въ домѣ и такъ тѣсно, а тутъ еще и меня ему навязали...

Мой отецъ считалъ попа большимъ своимъ пріятелемъ и передавалъ ему не мало всякой-всячины, говоря: «від зерна до телиці»...

Объ одномъ случаѣ какъ-то не ловко и вспоминать. У матушки-попадьи былъ братъ-бурсакъ, съ начинающимися усиками и бородкою. Пріѣхалъ онъ на каникулы и сразу завязалъ со мною дружбу: мы ходили каждый день купаться, удили рыбу; научилъ онъ меня и курить тайкомъ; водилъ въ гости къ дьякону и тамъ заставлялъ насильно пить водку, говоря: «пей, потому что если ты не будешь пить, то выдашь меня, что я пьянствую»... Я божился, что не выдамъ, но онъ настаивалъ на своемъ, и я пилъ. Возвращаясь домой, мы жевали бумагу—бебулу, которая будто бы отгоняетъ запахъ водки. Онъ мнѣ разсказывалъ о бурсацкой жизни, цитировалъ массу стиховъ порнографическаго характера; зналъ наизусть поэму Баркова про «Анику»; декламировалъ стихи о царѣ «Кафизмѣ» и такіе, въ которыхъ осмѣивалось бурсацкое начальство; пересказывалъ передѣлки изъ акаѳиста.

Отъ отца не было никакихъ вѣстей; я совсѣмъ обносился, потому что только и было одежды, что на мнѣ. Попъ сначала давалъ мнѣ свои сорочки, а потомъ пересталъ давать. Онъ при-

казалъ мнѣ помогать кучеру чистить лошадей, подметать дворъ, возить воду, прислуживать въ церкви, разводить уголья для ладона, звонить на «достойно!..» Когда онъ ѣздилъ съ молитвою, я долженъ былъ по приказанію попадьи выпрашивать яицъ, курей, поросятъ, меду, пашни... Приходъ былъ богатый, больше все чиновники-волохи, которые щедро надѣляли попа... Когда же заѣзжали съ молитвою въ Катериновку, то молодцы и старыя бабы, давая мнѣ пирогъ или кусочекъ сала, чтобы попъ не видѣлъ, смачивали мое лицо слезами...

Посылалъ меня попъ читать псалтырь по мертвымъ; разъ пришлось читать въ этапномъ домѣ въ Катериновкѣ надъ какимъ-то разжалованнымъ офицеромъ, котораго провожала въ Сибирь семья, его жена и дочь, молоденькая дѣвушка. Замѣтивъ, что я уже утомлялся, она предлагала мнѣ отдохнуть и сама начинала читать. Арестантовъ была полная хата; всѣ они молились и били поклоны и ни на минуту не присѣдали. Подъ вечеръ покойника отнесли на кладбище; арестанты просили конвойнаго офицера, чтобы онъ позволилъ имъ самимъ нести его, но попъ на это не согласился. Слышалъ я, какъ попъ, вернувшись домой, говорилъ попадьѣ:

— «Вотъ такихъ бы покойничковъ когда бъ Господь почаще посылалъ!..»

Жила у попа сиротка Любка, о которой разсказывали, что попъ взялъ ее въ пріемыши, для компаніи своей дочери (у попа была одна дочка, Лузя, лѣтъ десяти, горбатая и болѣзненная). Мать Любки, «покрытка», пошла по монастырямъ замаливать свой великій грѣхъ, т.-е. что имѣла ребенка—Любку отъ офицера-гусара, она оставила попу полтораста рублей, которыми ее надѣлилъ гусаръ... Больше года о ней не было никакого извѣстія; наконецъ къ попу зашла богомолка и передала, что покрытка умерла, въ Воронежѣ, въ больницѣ, что она ей и глаза закрыла, просила покрытка, чтобы батюшка довелъ до разуму ея ребенка за тѣ полтораста рублей, которые она ему оставила. Попъ, выслушавъ богомолку, сказалъ, что покойница соврала, никакихъ денегъ она ему не оставляла. Любка ходила въ рваной одеждѣ, подобно мнѣ, ее заѣдали вши, какъ и меня; кормили ее объѣдками. Любка пасла поповскихъ свиней и индюковъ. Горе насъ сдружило; иногда въ темную ночь мы прокрадывались въ глубину церковной ограды, или на берегъ рѣки и, горюя, гнѣвались на Бога, что Онъ насъ отдалъ людямъ на глумленіе и на издѣвательство.

Настала косовица, а потомъ и жатва; матушка съ ранняго утра и до вечера сидѣла около косарей, а я возилъ имъ на поле воду и харчи. Разъ, я выпрягъ коня изъ бочки и, пустивъ его пасться, полѣзъ подъ возъ, полежать въ тѣни, потому что у меня страшно разболѣлась голова. Я улегся между мѣшками и одеждою. Слышу, что-то съ другой стороны подлѣзло подъ возъ, я слегка поднялъ голову и увидѣлъ, что матушка съ кучеромъ Андрюшкою цѣлуются и обнимаются... Я выползъ тихонько изъ-подъ воза и пошелъ къ косарямъ.

Пріѣхавъ вечеромъ домой, я разсказалъ объ Андрюшкѣ и попадьѣ Любкѣ, но та не удивилась, а сказала, что ей это давно уже извѣстно, и не только ей, но и Лузѣ; Лузѣ попадья сказала, что если она осмѣлится разсказать попу, то она ее задушитъ.

Какъ только, бывало, попъ изъ дома, тотчасъ родня Андрюшки (они были поселяне) сходилась къ попадьѣ и начинался кутежъ.— Матушка здорово пила! Разъ попъ поѣхалъ на ярмарку въ Вознесенскъ и взялъ вмѣсто кучера дьяка, потому что Андрюшка притворился больнымъ. Это было, кажется, въ половинѣ сентября. Попъ выѣхалъ послѣ обѣда. Когда они отъѣхали верстъ 12, въ бричкѣ сломалась ось. Что тутъ дѣлать? Подумалъ попъ и рѣшилъ вернуться домой перемѣнить бричку, переночевать, а до разсвѣта снова выѣхать. Уже давно была ночь, Лузя сидѣла со мною въ темномъ залѣ и все говорила, что она чего-то боится и не можетъ заснуть. Вбѣжала въ комнату кухарка (вѣрная пособница попадьи) и сказала, что батюшка вернулся. Гости разбѣжались по комнатамъ и стали прыгать въ окна; Андрюшка съ перепоя или отъ страха залѣзъ подъ диванъ. Лузя и я выбѣжали навстрѣчу попу; попадья же вышла, прижалась къ груди попа и начала просить извиненія за то, что она пьяна, были будто какіе-то кумовья съ новорожденнымъ, и она едва-едва уговорила ихъ, чтобы ѣхали домой и пріѣзжали завтра вечеромъ, когда попъ возвратится съ ярмарки. Они намѣревались везти дитя крестить въ Вознесенскъ, ради чего она все ихъ угощала водкой, чтобы дольше задержать и не пустить туда, и что вотъ только недавно выпроводила ихъ изъ дома. Кумовья, правда, пріѣзжали еще днемъ, но, узнавъ, что попа нѣтъ дома, сейчасъ же и повернули обратно.

Попъ ничего не сказалъ, такъ какъ не удивительно было, что попадья пьяна; пьянство господствовало въ домѣ попа, попъ и весь причтъ имѣли водку даромъ отъ пановъ, у которыхъ были вин-

ницы; водкой также платили за всякія требы. Попъ взялъ Лузю за руку и, войдя въ комнату, спросилъ чего-нибудь поужинать. Узнавъ, что ничего нѣтъ, онъ велѣлъ поставить самоваръ. Кухарка раскудахталась, что она сейчасъ не только самоваръ поставитъ, но и яичницу изжаритъ, и бринзы подастъ, поджаренной на сковородѣ...

Только-что сѣлъ попъ на диванъ и хотѣлъ усадить съ собою Лузю, какъ та вдругъ споткнулась и вскрикнула.

— Что такое? что съ тобой? спросилъ попъ.

— Ой, сапогъ... Тамъ!... отвѣтила Лузя.

Попъ, увидѣвъ сапогъ, заглянулъ подъ диванъ и крикнулъ: «а это что такое?»

Марія Ивановна, попадья, стояла ни жива, ни мертва; изъ-подъ дивана вылѣзъ Андрюшка и пьяный началъ болтать: «ну, бейте меня, даже убейте!... Виноватъ, точно виноватъ!... Попъ толкалъ Андрюшку изъ комнаты и бросился на попадью; та уже немного пришла въ себя послѣ перваго смущенія и «взялась въ ручки» съ попомъ, а далѣе схватила его за косы. Долго они дрались.

Мы съ Лузей вышли изъ дома, пошли на токъ, зарылись въ солому и не замѣтили, какъ и заснули.

Утромъ кухарка нашла насъ на току и позвала завтракать, говоря: «Слава тебѣ, Господи! Уже утихомирились!»...

Попадья сидѣла съ окутанной мокрымъ полотенцемъ головой и на наше привѣтствіе «съ добрымъ утромъ» ничего не отвѣтила; попъ, напротивъ, началъ насъ разспрашивать, гдѣ мы ночевали и подъ конецъ спросилъ: «а не померзли?»...

Андрюшку, конечно, прогнали, хотя послѣ того, какъ только попъ куда-нибудь уѣзжалъ, попадья его навѣщала, а иногда и онъ приходилъ къ ней въ домъ. Мы всѣ боялись попадьи, потому что были увѣрены, что она насъ задушитъ...

Въ октябрѣ пріѣхалъ отецъ. Онъ нашелъ себѣ мѣсто подъ Херсономъ, у купца Тропина. Увидѣвъ меня, онъ даже испугался. Попъ сказалъ, что я непослушный и непокорный, что, сколько ни засаживалъ онъ меня за книжку, я не хотѣлъ и въ руки ея взять; попадья же наговорила на меня всякой «чертовщины». Я молчалъ, подумавъ: если отецъ оставитъ меня тутъ и на дольше, то мнѣ же хуже будетъ.

Только на другой день отецъ сказалъ, что онъ снова отвезетъ меня въ Бобринецъ.

Послѣ завтрака мы выѣхали. Передъ отъѣздомъ попъ взялъ

подъ образами просфору и благословилъ меня, но я просфоры не взялъ.

— Почему ты не берешь? спросилъ отецъ.

— Не хочу, отвѣтилъ я.

— Вотъ такой онъ, какъ видишь! сказалъ попъ.

Я не сказалъ даже и «прощайте», а поспѣшимъ сѣсть въ бричку. Когда мы уже довольно далеко отъѣхали отъ Новокраснаго, я, убѣдившись, что уже къ попу больше не вернемся, началъ разсказывать отцу обо всемъ, что перенесъ я у попа и что видѣлъ тамъ. Отецъ, выслушавъ мою исповѣдь, промолвилъ, тяжело вздыхая: «жаль, что я этого не зналъ!»...

«А можетъ быть вернуться? прибавилъ онъ, и проучить попа, какъ когда-то проучилъ я Рудковскаго—помнишь?»...

Я упросилъ его не возвращаться...

Пріѣхали мы въ Бобринецъ, и отецъ снова поселилъ меня у бабушки. Дядька Егоръ былъ тогда уже учителемъ; меня приняли во 2-й классъ, и снова все пошло по-прошлогоднему.

Навѣдался отецъ въ судъ, спросилъ о своемъ дѣлѣ, т.-е. о жалобѣ, поданной на князей, далъ кому слѣдуетъ «взятку»; его увѣрили, что скоро будетъ слѣдствіе и все имущество ему вернутъ; онъ, обнадеженный, поѣхалъ къ своему дѣлу. Я снова пѣлъ въ хорѣ, а мать начала меня учить на фортепіано; Володя уже бренькалъ немного. Удивляло меня то, что мать съ чужими дѣтьми обходилась гораздо ласковѣй и мягче, нежели со мною и Володей, она всегда била насъ по рукамъ, какъ только мы не такъ держали ихъ, или ошибались въ нотахъ; часто послѣ такого наказанія я вскакивалъ съ мѣста, говоря, что не хочу больше учиться. Она кричала: «ну й піди геть собі!»; но черезъ минуту снова звала на урокъ. Чужимъ мать покупала гостинцы и подарки, а намъ никогда.

Подъ Андрея, *на «балабушкахъ»* у однихъ знакомыхъ дядько Алексѣй застудилъ прыщъ, который появился у него на щекѣ, и заболѣлъ. Оказалась сибирская язва, и черезъ три дня онъ скончался.

Скоро послѣ смерти Алексѣя, пріѣхалъ къ намъ дядько Никита, который совсѣмъ брусѣлъ. Войдя въ комнату, внесъ онъ образъ и, давъ бабушкѣ въ руки, сталъ кланяться ей въ ноги, потомъ далъ образъ моей матери и ей три раза поклонился; кланялся также другой сестрѣ, обоимъ братьямъ и зятю;

наконецъ, подойдя ко мнѣ и Володѣ, поклонился намъ въ поясъ и сказалъ: «И съ вами здравствуйте!» Всѣ мы удивлялись этому обычаю, а бабушка сказала, вздохнувъ: «вотъ такъ и мой покойничекъ, Иванъ Андреевичъ, какъ, бывало, поѣдетъ куда-нидолго, и когда вернется домой, велитъ мнѣ взять образъ въ руки и поклониться три раза въ ноги, поцѣлуетъ образъ, а потомъ уже со мной и поздоровается»... Дядька Никита всѣмъ привезъ подарки, мнѣ и Володѣ перочинные ножички. Прогостилъ у насъ онъ съ недѣлю, много разсказывалъ о своей службѣ, о купцахъ и торговлѣ, но меня это заняло только на одинъ вечеръ.

Вечеромъ онъ обратился къ моей матери и сказалъ: «сыграйте что-нибудь, давно ужъ я не слыхалъ фортепіано». Мать играла, а онъ иногда вставлялъ слова: «вотъ это, помню, покойный Өедоръ игралъ». Слушая дальше и вѣроятно вспоминая прошлое, онъ прибавлялъ, вздыхая: «Ахти-хти-хти!.. Да, дѣла... Вота што!»...

Послѣ его отъѣзда мы съ Володей иногда представляли изъ себя пріѣзжихъ изъ Москвы, кланялись въ ноги и старались говорить такъ, какъ дядько Никита.

Послѣ смерти Алексѣя музыкальные вечера очень рѣдко уже бывали въ нашемъ домѣ, жизнь потекла скучно и однообразно... На другой годъ я перешелъ въ 3-й классъ съ похвальнымъ листомъ. Наконецъ и окончилъ школу тоже съ похвальнымъ листомъ.

Мать жила въ собственномъ домѣ, ей купилъ его Рудзевичъ. Черезъ годъ во дворѣ выстроили еще и другой домъ. Въ этомъ домѣ держала пансіонъ француженка, мадамъ Сюби; у нея мать давала уроки на фортепіано; а еще позднѣе сдала этотъ домъ подъ почту.

У матери былъ на порукахъ черкесъ Урбанъ, сосланный въ Бобринецъ за какой-то бунтъ. Онъ зарабатывалъ не мало денегъ, когда ѣздилъ на нашей рыжей кобылѣ на водопой къ «Крючковскому Колодцу». Тамъ онъ джигитовалъ: то на всемъ бѣгу становился на ноги, или прятался подъ животъ лошади; то соскакивалъ внизъ и снова поднимался, схвативъ съ земли шапку, платокъ, иногда и гривну; уцѣплялся ногами за шею, а руками головою касался земли, волочась за кобылой... Онъ былъ не слугою, а другомъ нашей семьи, вѣрнѣй собаки: съ большой охотою дѣлалъ все, что приказывала ему мать; о матери говорилъ: *маменка*, обо

мнѣ и Володѣ: *бурать*. Сначала онъ не понималъ нашего языка, а потомъ научился. Въ то время черезъ Бобринецъ прогоняли этапомъ много взятыхъ въ плѣнъ турокъ и французовъ, больше зуавовъ; мать всегда навѣщала ихъ, покупала имъ чай, сахаръ и булки; Урбанъ все это носилъ за нею въ мѣшкѣ и приговаривалъ: «давай, маменка, бедна чаловѣкъ денга»... Когда начали провожать раненыхъ, мать ходила по всему Бобринцу и выпрашивала старыя полотняныя вещи, заставляя учениковъ своихъ, также меня съ Володей, дѣлать корпію; она относила ее раненымъ и посылала въ Севастополь. Носила раненымъ печенье и варенье; сдѣлала себѣ кружку и ходила по городу и собирала копейки для раненыхъ. Когда она вздумала строить домъ во дворѣ, то поѣхала въ Елисаветградъ (50 верстъ отъ Бобринца) съ Урбаномъ покупать лѣсъ и взяла меня и Володю. Володя тогда уже учился въ Кіевѣ, въ дворянскомъ училищѣ, на Подолѣ; это было во время каникулъ. Мать не любила ѣздить рысью, чтобы не утомить лошадь, и мы съ Володей часто выходили изъ брички и бѣжали впередъ. Выбѣжимъ, бывало, на какой-нибудь курганъ и любуемся далекимъ кругозоромъ, а сѣвъ въ бричку, спрашиваемъ Урбана: есть ли такіе курганы на Кавказѣ? Онъ отвѣчалъ: «балсой, балсой! такой німа тутъ... Терекъ, Кура брр, брр...!» Руками, губами и жестами онъ старался объяснить, какія бурныя и большія рѣки Терекъ и Кура.

Урбанъ иногда просилъ позволенія у матери навѣстить товарищей (ихъ было немного въ Бобринцѣ, четверо), а иногда ночью онъ ходилъ куда-то украдкой, а рано утромъ хвалился мнѣ и Володѣ, что ѣлъ «*маханъ*» и «шашлыкъ». Мать на арендованной городской землѣ засѣвала баштанъ, гдѣ сторожемъ былъ Урбанъ. Разъ какъ-то онъ вечеромъ исчезъ куда-то, а въ полночь возвратился, неся на плечахъ большого ягненка. Мы съ матерью тогда пріѣхали на баштанъ и тамъ заночевали. Мать спросила, откуда взялъ онъ ягненка, Урбанъ отвѣтилъ: «молчи, маменька, будемъ кушай шашликъ!..» Мать стала упрекать его за воровство; онъ наклонилъ къ ней голову, говоря: «бей морда, бей голова, а баранъ не дамъ! На Кавказъ ета мошна!.. Когда кралъ не поймалъ—яхши, поймалъ—секимъ башка и пропалъ!..» Наконецъ онъ зарѣзалъ ягненка, снялъ кожу и началъ жарить шашлыкъ; мать не захотѣла ѣсть ворованаго, а мы вкусно поужинали; еще и на другой день ѣли.

Вспоминаю такой случай. Мать поѣхала на баштанъ съ Володей и, набравши тамъ арбузовъ, ночью возвращалась въ

городъ. На «Каменномъ бродѣ» встрѣтили ихъ три верховыхъ и велѣли остановиться; Володя подумалъ, что это разбойники, слѣзъ тайкомъ съ брички и пустился бѣжать въ городъ. Прибѣжалъ въ Бобринецъ, влетѣлъ въ комнату къ городничему, гдѣ много было гостей, игравшихъ въ карты, и закричалъ, что его мать зарѣзали разбойники; городничій взялъ полицейскихъ, побѣжалъ ловить разбойниковъ, а городничиха, увидя у Володи на щекѣ родимое пятно величиною въ сливу, стала вопить, что разбойники его поранили. Володя прибѣжалъ къ бабушкѣ и тамъ тоже поднялъ тревогу; бросились дядьки, и я съ ними. Чуть ли не весь городъ побѣжалъ съ дубинами спасать мать, за полверсты отъ города встрѣтили ее. Она преблагополучно ѣхала съ арбузами. Выяснилось, что то были объѣздчики, которые *искали корчемную* водку у проѣзжихъ...

Когда бомбардировали Севастополь, пріѣхала въ Бобринецъ труппа Молотковскаго, построила наскоро досчатый театръ и начала давать спектакли. Это нововведеніе взбудоражило весь Бобринецъ. Собралось масса народу: всѣ хатки, всѣ закоулки были переполнены пріѣзжими. Нѣкоторые актеры познакомились съ матерью и съ дядьками и не разъ обѣдали у насъ. Я помню фамилію только одного актера, который произвелъ на меня громадное впечатлѣніе въ роли Хлестакова. Это былъ Померанцевъ. На первые спектакли я пролѣзалъ въ галерку, благодаря добротѣ сторожа, которому носилъ сахаръ, табакъ, иногда и пятаки, стащивъ все это у домашнихъ, такъ какъ мать и бабушка не давали денегъ на театръ: бабушка смотрѣла на это какъ *на грѣховное дѣло*, а мать—какъ на пустяки; дядьки жъ сами тратили всѣ свои деньги на театръ.

Въ это время бомбардировали Одессу и Севастополь, люди припадали ухомъ къ землѣ и говорили, что слышатъ стрѣльбу пушекъ. Я дѣлалъ то-же и дѣйствительно подъ впечатлѣніемъ безконечныхъ разсказовъ про знаменія въ небесахъ, про кометы и падающія звѣзды, распространяемыхъ шарлатанами въ образѣ богомольцевъ и монаховъ, въ моихъ ушахъ слышался не только грохотъ пушекъ, а даже выкрики: «урра!..» «Впередъ, ребята, съ нами Богъ!..» Курьеры, которые каждый день проскакивали черезъ Бобринецъ на почтовыхъ тройкахъ, кидали на-лету слова: «Форпостъ!.. «Бастіонъ»!.. Мина!.. Малаховъ курганъ!.. Нахимовъ!.. Казармы!..» И люди съ разгоряченнымъ воображе-

ніемъ сочиняли массу варіацій и легендъ... Случалось, что весь городъ по цѣлымъ ночамъ былъ въ тревогѣ, прислушиваясь, какъ выли собаки, и опасаясь, что вотъ-вотъ нагрянетъ врагъ и всѣхъ перебьетъ или возьметъ въ плѣнъ...

Послѣ знакомства съ актерами начала и мать бывать въ театрѣ; Померанцевъ давалъ мнѣ даровой проходъ въ галерку. Мѣсяца черезъ полтора Молотковскій съ труппою выѣхалъ въ Елисаветградъ, и дядько Николай задумалъ устраивать спектакли въ домѣ матери, который уже тогда достраивался. Присоединился къ нему товарищъ его Артемъ Ворниковъ. Оба они служили въ канцеляріи и имѣли кой-какія деньжонки, на которыя и были оборудованы декораціи изъ толстой сѣрой бумаги, которую они приносили изъ канцеляріи; на переднюю занавѣсь мать дала рядно, которымъ закрывалась карета.

Не знаю, куда потомъ дѣвалась эта карета. Должно быть, маменька кому-нибудь подарила ее. Вообще, маменька отличалась необыкновенною щедростью и бросала деньги зря. Вотъ два-три факта.

Когда погорѣлъ рядъ лавокъ въ Бобринцѣ, между ними сгорѣла лавка пріятельницы матери, купчихи П. Д. Д—ной. Чтобы взять деньги въ приказѣ общественнаго призрѣнія, на постройку новой лавки, П. Д. должна была дать въ закладъ какую-нибудь недвижимость, а такъ какъ ея домъ уже былъ заложенъ, то она попросила мать заложить свой домъ и дать ей деньги; мать на это согласилась, не взявши отъ П. Д. никакого документа. Черезъ нѣсколько лѣтъ оба дома матери пропали: приказъ ихъ продалъ съ публичнаго торга.

Братъ Володя, когда учился въ Кіевѣ, часто нуждался въ деньгахъ, потому что мать никогда не высылала ихъ ему заранѣе или въ срокъ. Случалось такъ, что напишетъ она письмо къ нему, возьметъ конвертъ, сургучъ и деньги въ руки и несетъ все это по улицѣ, на почту. Вдругъ навстрѣчу какой-нибудь еврей, увидитъ у нея въ рукахъ деньги и начнетъ клянчить, говоря, что съ нимъ случилась несчастье: «такъ нужно, дозарѣза нужно»!.. Мать отвѣтитъ, что у нея вотъ только и есть деньги для сына. Еврей говоритъ, что съ него и этого достаточно, беретъ деньги и уходитъ, а мать возвращается домой, довольная, что сдѣлала доброе дѣло. Очень она любила обращать евреевъ въ христіанскую вѣру и считала это святымъ дѣломъ; въ Бобринцѣ ее прозвали еврейскою матерью. Она и Урбана начала было учить молитвамъ, но въ христіанскую вѣру не обратила, по-

тому что черезъ два года ему дозволено было вернуться на Кавказъ. Боже!.. Какъ онъ обрадовался, когда въ полиціи объявили ему объ этомъ. Онъ вбѣжалъ къ матери и крикнулъ съ хохотомъ: «маменка, скарей грай лезгинка!..» И началъ скакать по комнатѣ, потомъ подбѣжалъ ко мнѣ, прижималъ къ трепетной груди, приговаривая: «понимаішъ, буратъ Марка, видимъ скоро дува боранчукъ, марушка, сакля!.. Харашо? Яхши?!.»

Когда дядько Николай сталъ ставить спектакли, я тоже попалъ въ его кружокъ. Большею частью играли украинскія пьесы: «Наталку Полтавку» (въ ней я пѣлъ Петра) «Шельменку-денщика» (я игралъ Лопуцковскаго,) «Сватання на Гончаривци» (я игралъ Стецька), «Кума мирошника», «Иди, жинко, въ солдаты», «Простака»... Играли и русскія: «Женитьбу», «Заколдованный принцъ», «Материнское благословеніе» и т. д. Мать и одна изъ ея учениць аккомпанировали намъ на фортепьяно. Спектакли наши смотрѣлъ сосланный въ Бобринецъ Мусинъ-Пушкинъ; онъ очень заинтересовался мною и уговаривалъ мать везти меня въ театральную школу; но мать пугалась такихъ совѣтовъ.

Отецъ снова переѣхалъ на службу въ Живановку, и я почти каждую недѣлю ѣздилъ къ нему. Сколько отецъ ни принуждалъ меня заняться сельскимъ хозяйствомъ, меня оно не интересовало, и на вопросы знакомыхъ онъ говорилъ: «Марко все смотритъ въ небо, гдѣ-то далеко летаетъ думками»... Я водилъ компанію съ слободскими парубками, заимствовалъ отъ нихъ пѣсни, училъ и ихъ своимъ, слушалъ сказки, въ праздники или въ воскресенье ходилъ съ удочками рыбу ловить, водилъ съ конюхами купать лошадей. Лѣтомъ по праздникамъ собирались ко мнѣ хлопци въ конюшню или въ вагонъ, и я имъ читалъ «Энеиду» И. М. Котляревскаго; а зимою на вечерницахъ читалъ ее и дивчатамъ. Больше половины «Энеиды» я зналъ наизусть.

Вскорѣ началъ я тяготиться бездѣльемъ и упросилъ отца помочь мнѣ готовиться въ гимназію. Смотритель уѣздной школы, А. В. Вистъ, взялся приготовить меня 4-й классъ. Послѣ Рождества отвезла меня мать въ Кіевъ, чтобы найти тамъ учителя, который бы приготовилъ меня по гимназической программѣ. Не доѣзжая до Корсуня, заѣхали мы на ночь въ одну корчомку:

еврей съ семьею поѣхалъ «святкововать» какой-то праздникъ въ Корсунь, а въ корчмѣ оставилъ старенькаго дѣда. Поставилъ намъ дѣдъ самоваръ; мы съ матерью влѣзли на печь и тамъ около каганця, который горѣлъ на коменѣ, пили чай; а Логвинъ, кучеръ нашъ, пилъ чай на лавкѣ. Не прошло и часа, какъ около корчмы послышался громкій говоръ, открылись двери и въ хату вошло человѣкъ двадцать, въ черныхъ кереяхъ, въ высокихъ черныхъ смушковыхъ шапкахъ. «Давай, диду, горилки!..» закричало сразу нѣсколько голосовъ. Они сказали, что идутъ изъ лѣса, очень померзли и хотѣли бы погрѣться. Дѣдъ отвѣтилъ, что ванькиръ, бочка съ горилкою, замкнутъ и еврей не оставилъ ему ни одной бутылки водки для продажи. Послышался гулъ недовольства и гнѣва. Нѣкоторые особенно кричали и предлагали сломать замокъ; но другіе уговаривали не дѣлать этого. Тѣ, которымъ хотѣлось выпить, перекричали и уже начали подступать къ ванькиру. Дѣдъ вопить. Одинъ изъ крикуновъ, увидѣвъ насъ на печи, спросилъ: «а то не жиды ли часомъ»? Мать отвѣтила: « мы такіе же жиды, какъ вы татаре». И начала говорить, что не хорошо цѣлою толпою, какъ разбойники, нападать на одного, и чѣмъ виноватъ старикъ, что еврей замкнулъ ванькиръ? Вѣдь если они сломаютъ замокъ, то дѣда обвинятъ, почему онъ не выбѣжалъ изъ хаты и не созвалъ людей на помощь. Крикуны начали отступать отъ ванькира, мать, замѣтивъ силу сдѣланнаго впечатлѣнія, проговорила:

— «Вотъ лучше послушайте, я вамъ кое-что прочитаю изъ святого письма, которое согрѣетъ ваше сердце благодатью»!.. Развернула акаѳистъ и начала читать. Нѣкоторые спросили: «Это про ту Варвару, що въ Кіевѣ»?.. Другіе начали вспоминать, что у того отецъ ходилъ на прощу, а у другою—мать; тотъ ходилъ съ своею теткою, когда еще былъ хлопцемъ...

Мать читала выразительно и громко, крестясь всякій разъ на словахъ: «Радуйся, великомученице»...

Дядьки, поснимавши шапки, крестились, вздыхали и сопѣли, прижимаясь другъ къ другу и просовывая ближе къ матери усатыя и обвѣтренныя лица черезъ плечи переднихъ.

Больше часа читала мать акаѳистъ. Наконецъ перекрестилась и поцѣловала книжку. Кто-то сзади шепотомъ спросилъ: а не пора ли домой?..

— А пора, пора!..—отвѣтили. Поклонилися дядьки моей матери, поблагодарили ее и вышли изъ хаты. Дѣдъ началъ разсуждать: «то-то оно святое письмо?!.. Слушаешь, какъ-будто многого и не разберешь, а по за шкурою какъ-будто жаромъ

тебя ошпарить!.. Именно: «Радуйся, великомученице» да и больше ничего!..»

Пріѣхавъ въ Кіевъ (ѣхали мы на отцовскихъ лошадяхъ), мать прежде всего начала водить меня и кучера по монастырямъ и по пещерамъ, а потомъ вмѣсто того, чтобы пойти къ директору гимназіи, посовѣтовалась съ учителемъ приходской школы, на Подолѣ, г. Пониркою, который увѣрилъ ее, что мнѣ, окончившему уѣздное училище, сдѣлаютъ только дополнительный экзаменъ изъ языковъ французскаго и латинскаго.

Хотя по-французски я немного болталъ, когда еще учился у князей, но за четыре года успѣлъ забыть почти все, только и могъ сякъ-такъ читать, латынь же тогда начинали съ третьяго класса, такъ что времени было довольно, чтобы подготовиться. Учитель, котораго порекомендовалъ Понирка, взялся меня приготовить по языкамъ. Мать на тѣ деньги, которыя отецъ далъ ей, чтобы она пошила мнѣ одежду, накупила своимъ пріятелямъ подарковъ: почтмейстершѣ—дорогую гитару, почтмейстеру—серебряные часы, нѣкоторымъ накупила иконъ, матерій всякихъ, нотъ, платковъ, ботинокъ; мнѣ же купила какой-то балахонъ на базарѣ, а вмѣсто хорошихъ сапогъ—солдатскіе *пришви*. Не хватило у ней денегъ и на учебники... Устроила она меня на квартирѣ у Понирки, гдѣ жилъ и Володя. Я долженъ былъ обо всемъ написать отцу, за что мать разсердилась и прислала мнѣ письмо съ упреками. Передъ моимъ отъѣздомъ въ Кіевъ поступилъ на военную службу дядькой мой Николай, и я страшно тосковалъ по немъ. Я такъ любилъ дядька Николая, что когда его везли въ Николаевъ уже опредѣлять на службу, я бѣжалъ черезъ весь Бобринецъ и плакалъ, чтобы и меня взяли. Должны были меня взять босого и безъ шапки, и такъ я ѣхалъ до Николаева. Когда пришло время держать экзаменъ, Понирка, по порученію матери, повелъ меня къ директору второй гимназіи и предъявилъ мой аттестатъ. Директоръ сказалъ, что я долженъ держать экзаменъ по всѣмъ предметамъ. Экзаменъ начинался черезъ три дня, и я, конечно, не могъ приготовиться. Я вернулся въ Живановку, разсказалъ обо всемъ отцу, онъ поѣхалъ въ Бобринецъ и пожаловался на мать бабушкѣ и дядькамъ; но изъ этого ничего не вышло. Повертѣлся я нѣсколько дней у отца и поступилъ на государственную службу въ уѣздный судъ. Послѣ этого мать меня не хотѣла и видѣть, обвиняя во всемъ только меня одного, говоря, что я сплетникъ и брехунъ.

И началъ я въ судѣ переписывать копіи съ публикацій, розысковъ и разныхъ циркуляровъ. Тогда еще не знали пишущихъ машинъ, въ Бобринцѣ не было типографіи, и всѣ чиновники писали гусиными перьями. Первые три мѣсяца я служилъ безъ жалованья, а на четвертый дали мнѣ *за хорошій почеркъ* два рубля въ мѣсяцъ. Я не помню канцеляриста, который получалъ бы больше 6 руб. въ мѣсяцъ; помѣщались канцеляристы у мѣщанъ по три, четыре человѣка въ одной хижинѣ; платили за помѣщеніе съ харчами отъ 2 до 3 рублей на мѣсяцъ. Лучше, сытнѣе жилось тѣмъ, которые жили или харчевались у олейниковъ (олейницъ въ Бобринцѣ было не мало): на завтракъ и на полудень имъ давали хлѣба съ постнымъ масломъ вволю. Фунтъ мяса тогда можно было купить за 2—3 копѣйки; ржаной хлѣбъ вѣсомъ фунтовъ въ 5 стоилъ 3 копѣйки, бѣлая булка—5 копѣекъ. Мать покупала сѣно для лошади по 40 коп. возъ.

Удовольствій такихъ, какъ читальня, библіотека, въ Бобринцѣ не было; про существованіе газетъ не только канцеляристы, но и многіе чиновники не слыхали: знали Сенатскія Вѣдомости и Губернскія (въ послѣднихъ тогда еще не было «неоффиціальнаго отдѣла»); книжечки покупали у мелкихъ торговцевъ, на ярмаркахъ: «Рыцарь Гуакъ», «Францъ Венеціанъ», «пѣсенники», «Бова Королевичъ», «Илья Муромецъ», «Атаманъ-разбойникъ» и т. п...

Потянулась жизнь скучная, нудная. Писали до обѣда и послѣ обѣда, на службу ходили утромъ въ 8 часовъ, въ часъ шли обѣдать, потомъ приходили въ четыре, а уходили въ восемь. Были такіе усердные писаки, которые лѣтомъ приходили на службу въ 5 или 6 часовъ утра, а вечерами досиживали до 10—11 часовъ; начальство хвалило ихъ за усердіе и *имѣло въ виду*. Въ праздники или въ воскресеніе мы ходили скопомъ на р. Сугаклей, гдѣ цѣлый день купались и удили рыбу. Собирались иногда за присутственными мѣстами, пѣли, или играли въ мячъ и въ чехарду. Въ лунныя ночи, послѣ службы фертики-канцеляристы гуляли по бульвару (который только-что тогда засадилъ уѣздный судья Г. В. Бородкинъ, двѣ параллельныя аллеи, длиною саженей въ шестнадцать); тамъ они встрѣчали панночокъ и млѣли съ ними въ сладкой бесѣдѣ до свѣта; а не франтоватые ходили на улицу и на вечерницы, на« Грицькову»,

или «на Рущину». Женатые большею частью коротали время на бильярдѣ, у Шулимки, пили горилку и препаскудное пиво, закусывая *подошвенными* котлетами.

Бильярдъ былъ старый, — съ побитыми шарами, дырявымъ сукномъ и поломанными кіями... Другого ресторана съ бильярдомъ въ городѣ не было. У Шулимки не разъ происходили ссоры, которыя переходили въ побоища, и тогда трещали двери, окна и мебель... Чиновники, секретари и столоначальники играли по домамъ въ карты въ преферансъ, а другіе—въ штоссъ. Началъ и я учащать на бульваръ, гдѣ иногда и меня встрѣчала «свободнаго свободная любовь»...

Не знаю, по чьей инициативѣ, зимою начали устраивать въ складчину танцовальные вечера въ залѣ уѣздной школы, для чего выписывали оркестръ изъ Елисаветграда; на вечера съѣзжались изъ уѣзда помѣщики съ семьями, иногда пріѣзжали изъ Елисаветграда офицеры и танцовали не до 2—3 часовъ, а до свѣта, до 7 часовъ утра. Я посѣщалъ эти вечера съ великою охотою. Ихъ бывало три-четыре въ зиму. Мебель, посуду и все нужное доставали у знакомыхъ. Чаще доставали все у Ф. Л. Д—вой. Это была богатая вдова казначея, хлѣбосольная и очень полная. Разъ уѣздный зоилъ, описывая вечеръ, написалъ: «Ось Фотина припливла, пилъ дівана заняла»... Когда этотъ виршъ прочитали Ф. Л—внѣ, она проговорила: «матери их бис, хоч и заняла, та свій»... Одинъ отставной чиновникъ, Терповоловъ, послалъ съ своимъ сыномъ на имя отвѣтственнаго распорядителя письмо, гдѣ была фраза, которая долго цитировалась чиновниками-бобринчанами: «посылаю Вамъ своего сына, Ваню, не для танциванія, но для устройства себя въ свѣдѣніяхъ обхожденія *и для развязки* своего существованія»... Когда умеръ Рудзевичъ — мать распродала все, что послѣ него ей осталось, и пораздавала на церкви и монастыри, куда и сама зачастила. Какія-то монашки надоумили ее, чтобы она для искупленія своего *тяжкаго грѣха*, уговаривала евреевъ креститься; за короткое время она уже имѣла въ Бобринцѣ десятки крестниковъ; съ каждымъ изъ нихъ она передъ тѣмъ, какъ *увести въ хрестъ* — торговалась: одинъ крестится за 15, другой—за 25 рублей; мать зарабатывала эти деньги своими уроками на фортепіано и платила. Случалось, что иные ловкачи крестились и по два раза.

Посѣщая монастыри, мать постепенно становилась ханжой и нѣсколько разъ публично каялась. Однажды товарищъ подо-

шелъ ко мнѣ и говоритъ, оглядываясь:—«что такое сдѣлалось съ твоею матерью?»

— «А что»?—«Пойди на бульваръ и посмотри». Я быстро отправился и увидѣлъ: мать моя стоитъ въ концѣ бульвара, громко говоритъ: «Богородице дѣво, радуйся»!.. и все крестится. Я подошелъ къ ней и началъ ее уговаривать не дѣлать этого. «За что вы меня срамите»? спрашивалъ я у нея. Она еще громче начала выкрикивать молитву и креститься, кланяясь чуть не до земли. Кругомъ собрались зѣваки, я схватился за голову и убѣжалъ. Послѣ она разсказала, что какая-то монашка посовѣтывала ей проговорить Богородицу 9,999 разъ, и она точно выполнила это, читая по улицамъ два или три дня, и что послѣ этакого покаянія она почувствовала облегченіе и нравственное удовлетвореніе. Кромѣ этого, она дала обѣтъ всегда ходить въ ботинкахъ на босую ногу зимой и лѣтомъ и выполнила его до самой смерти...

Другая монахиня посовѣтовала ей работать даромъ на всѣхъ и всѣмъ, чѣмъ только можетъ. Мать передъ Свѣтл. Праздн. принималась печь пасхи *всей улицѣ*; безъ отдыха переходила она изъ дома въ домъ и смотрѣла—взошло ли тѣсто, выпеклись ли пасхи, изжарился ли поросенокъ, сварились ли яйца и т. д. Иногда она выискивала какую-нибудь сироту, воспитывала ее и возилась съ нею, какъ съ куклою, то толкала ее, приговаривая: «меня тоже били, когда учили»!... Воспитавъ сироту, выдавала замужъ. Но всѣ эти ея поступки не помѣшали ей стать въ Бобринцѣ «притчей во языцѣхъ». Не разъ случалось, что послѣ какого-нибудь инцидента (люди такъ любятъ показывать кукишъ въ карманахъ) въ анонимныхъ запискахъ меня укоряли матерью *ханжою, расточительною и сплетницей*. Часто по почерку я узнавалъ авторовъ, но долженъ былъ *глотать пилюли*...

Въ 1862 году взялъ я отпускъ и поѣхалъ съ товарищемъ I. А. Вергилесовымъ въ Кіевъ пробовать счастья и поступилъ въ университетъ вольнослушателемъ. Послѣ окончанія отпуска я подалъ въ отставку. Черезъ годъ держалъ экзаменъ за 7 классовъ гимназіи и *порѣзался*... Порѣзался и товарищъ. Послѣ каникулъ снова принялся я за подготовку, но захотѣлось мнѣ пойти въ театръ и посмотрѣть знаменитую артистку Фабіанскую.

Увидѣлъ я ее въ какой-то переводной мелодрамѣ, не помню названія. Она играла роль мальчика, прижитаго графиней тайно отъ своего мужа и отданнаго ею на воспитаніе дворецкому. Игра Ф. произвела на меня такое впечатлѣніе, что я ходилъ нѣсколько дней какъ безумный, какъ очарованный, и никакая наука не лѣзла мнѣ въ голову. Ночью, когда мой товарищъ засыпалъ, я зажигалъ свѣчу, садился около окна и сочинялъ мелодраму на украинскомъ языкѣ. Днемъ этого я не могъ дѣлать, потому что товарищъ ссорился со мной, отнималъ у меня мое писаніе и безжалостно сжигалъ или рвалъ. Но это не отбивало у меня охоты, на другую ночь я снова принимался за ту же работу. Дорого мнѣ стоило это сочинительство: я не обратилъ вниманія, что въ окнѣ было разбито стекло, и, сочиняя на постели въ одной сорочкѣ, не замѣтилъ, какъ меня обдувалъ вѣтеръ; началъ я кашлять и наконецъ такъ простудился, что слегъ въ постель. Товарищъ долженъ былъ созвать консиліумъ изъ студентовъ-медиковъ... Съ мѣсяцъ я провалялся въ постели, медикъ 5-го курса Макаренко вылѣчилъ меня. Во время болѣзни я получилъ отъ матери письмо; она писала, что въ Бобринецъ пріѣхали актеры, мужъ и жена по фамиліи Соболевы, которые съ помощью канцеляристовъ ставятъ спектакли, и мать принимаетъ участіе въ нихъ,—иногда, какъ актриса, а иногда какъ аккомпаніаторша. Какъ только я выздоровѣлъ, сейчасъ же снова пошелъ въ театръ и опять увидѣлъ Фабіанскую въ «Материнскомъ благословеніи»... Прійдя изъ театра, я сказалъ товарищу, что поѣду на Рождество домой; что все равно изъ моей подготовки ничего не выйдетъ. Сколько товарищъ ни уговаривалъ меня, я все-таки поѣхалъ... Отецъ сердился на меня, что я ввожу его въ расходы, безъ толку разъѣзжая, и говорилъ, что у него, кромѣ меня, есть для кого работать. Сестра моя собиралась выходить замужъ, и отецъ справлялъ ей приданое, а, кромѣ того, у него уже были отъ Евдокіи сынъ и дочь: первый учился въ Николаевѣ, въ реальномъ училищѣ, а вторая—въ Елисаветградѣ, въ пансіонѣ. Я успокоилъ отца, обѣщая больше не вводить въ расходы. На вопросъ его, что же я буду дѣлать,—я отвѣтилъ, что снова поступлю на государственную службу. «Можетъ быть, такъ и лучше будетъ!..» сказалъ отецъ.

Въ февралѣ 1864 г. я снова поступилъ въ уѣздный судъ, сначала былъ приходорасходчикомъ, а затѣмъ столоначальникомъ гражданскаго стола и получалъ 15 руб. въ мѣсяцъ. Се-

стра моя вышла замужъ въ Бобринцѣ за чиновника ратуши І. С. Фугу, и я поселился у нихъ. Въ этомъ году произошли нѣкоторыя перемѣны въ уѣздной администраціи. Нашъ городничій, морской капитанъ Климовъ, всѣ споры и жалобы между горожанами, торговцами и перекупками сводилъ на мировую, заставляя ихъ цѣловаться.

— Цы-цы-цы-лу-уйтесь,—говорилъ онъ, заикаясь и закрывая глаза. Его замѣнилъ вызванный изъ Вильны губернаторомъ Клушинымъ полицеймейстеръ А. І. Радкевичъ, онъ же и исправникъ, который привелъ съ собою штатъ приставовъ, помощниковъ и секретаря; земскій судъ уже былъ уничтоженъ... Клушинъ, пріѣхавъ въ Бобринецъ на ревизію и узнавъ, что молодые чиновники въ свободные отъ службы часы, кромѣ танцовальныхъ вечеровъ, начали ставить спектакли, заинтересовался этимъ и попросилъ поставить спектакль. Мы поставили «Не въ свои сани не садись» Островскаго. Спектакль прошелъ съ успѣхомъ и очень ему понравился. Моя мать играла тетушку, я—Ваню Бородкина, и губернаторъ меня за эту роль похвалилъ. Онъ самъ устраивалъ въ Херсонѣ любительскіе спектакли, и режиссировалъ и сказалъ мнѣ мимоходомъ «вы мнѣ очень понравились, вамъ бы перевестись въ Херсонъ на службу»...

Пріѣхавъ на Рождество въ Б., я познакомился съ Соболевыми и согласился принимать участіе въ спектакляхъ. Не помню, когда я въ первый разъ и какую роль сыгралъ, знаю только, что успѣхъ имѣлъ необыкновенный. Скоро я написалъ свою драму «Мыкыта Старостенко», которую потомъ передѣлалъ въ «Дай серцеві волю,—заведе въ неволю». Тогда мы обходились безъ цензуры и безъ подписи полиціи. Какъ только я написалъ мою драму, сейчасъ же и поставилъ ее. Афиши у насъ были писанныя... Около Соболевыхъ скоро основался кружокъ, и моя мать приняла наибольшее участіе въ немъ; не только матеріально помогала, чѣмъ могла, но и аккомпанировала на спектакляхъ и наконецъ сама стала выступать на подмосткахъ.

Первые два спектакля Соболевы составили изъ небольшихъ водевилей; когда же поставили третій спектакль, и въ городѣ появились писанныя афиши, на которыхъ, между другими любителями, значилось и имя моей матери, всѣ заборы и ворота, гдѣ только были понаклеены афиши, кто-то вымазалъ дегтемъ, а на афишахъ сдѣланы были циничныя надписи. Бабушку это такъ поразило, что она даже заболѣла. Она просила и приказывала матери, чтобы она больше не играла... Но мать не послушала бабушку и на долго поссорилась съ нею. Въ этомъ кружкѣ

группировалась судейская молодежь, между которыми былъ І. К. Тобилевичъ (извѣстный драматургъ Карпенко - Карый). Кромѣ того, организовался небольшой хоръ, въ которомъ было не мало учащихся. Въ то незабвенное время не было необходимости учащимся просить позволенія у начальства на то, чтобы принимать участіе въ любительскихъ спектакляхъ; ученики пѣли и играли роли большею частью женскія; уже много позднѣе и женщины рѣшили также войти въ этотъ кружокъ.

Тогда былъ предводителемъ дворянства просвѣщенный и очень гуманный человѣкъ К. А. Рощаковскій. Онъ бывалъ на всѣхъ любительскихъ спектакляхъ съ своею семьей и щедро платилъ за мѣста.

Здѣсь нужно вспомнить про основаніе библіотеки въ Б. Инипіатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала доктору Красинскому, за нее и я взялся очень энергично. Мнѣ удалось пригласить въ члены библіотеки много людей малограмотныхъ, благодаря тому, что я былъ секретаремъ думы. Вспоминаю такой эпизодъ. На столѣ у насъ лежалъ листъ бумаги, гдѣ члены писали свои пожеланія, кто какой журналъ, книгу, или газету хотѣлъ бы выписать. Вижу, одинъ членъ рекомендуетъ выписать «Губ. Вѣдомости». Я написалъ, что эта газета не интересна для насъ. Тогда кто-то, желая уколоть меня, написалъ: «кто это разсуждаетъ такъ? Сказать бы що путне, а то Капитолининъ сынъ!..» [1]).

Я поселился въ Бобринцѣ у сестры, ко мнѣ часто собирались товарищи. Мы всѣ вмѣстѣ ходили купаться на Сугаклей, иногда на кладбище и тамъ цѣлую ночь пѣли. У меня былъ сильный и высокій баритонъ, я хорошо зналъ ноты и много пѣсенъ раскладывалъ на голоса. Наконецъ, я сталъ во главѣ кружка. Сначала режиссировалъ спектаклями бывшій у какого-то помѣщика гувернеръ А. І. Дубовецкій; когда же онъ выѣхалъ изъ Б., режиссеромъ выбрали меня.

Судейскіе, старшіе *крючки*, относились къ нашимъ спектаклямъ, какъ къ глупости, или какъ къ дѣтской забавѣ; другіе издѣвались и дѣлали намъ всякія гадости...

Но послѣ спектакля, на которомъ присутствовалъ губ. Клушинъ, бобринецкій любительскій кружокъ получилъ санкцію. Между зрителями начали появляться и тѣ, которые раньше не хотѣли насъ знать; иногда приходили и олейники, т. е. канцеляристы, столовавшіеся по олейницамъ, и проводившіе свободное время въ трактирахъ и погребахъ. Между олейниками не мало было бурса-

---

[1]) Имя моей матери: Капитолина Ивановна.

ковъ, которые свое присутствіе на спектакляхъ проявляли тѣмъ, что съ галерки, хлопая въ ладоши, кричали: «аксіосъ, аксіосъ!»..

Не могу не вспомнить здѣсь нѣкоторые эпизоды, относящіеся ко времени *«воли»*—т.-е. «освобожденія крестьянъ». Судья П. Г. Св—скій съ своей семьей дня три былъ на сухоѣденіи, потому что всѣ его слуги: поваръ, кучера, лакеи, какъ только выслушали въ церкви манифестъ, пошли въ кабакъ и тамъ нѣсколько дней дневали и ночевали. И многіе другіе *дворовые* такъ же сдѣлали. Помѣщики рвали на себѣ волосы, грозили кому-то кулаками въ воздухъ и ругались «на всю губу»... Когда въ Бобринцѣ люди вышли изъ церкви, прослушавши манифестъ, одинъ *дядько* крикнулъ на паперти: «аде-жъ воля, про котру казали?» — «Хіба ти не чув?» спрашивали его нѣкоторые. «Чув!».. «Чув те, що перш били нас по...і, а теперь сказано: «быть по всему!.. Отъ тобі и воля!..» Люди понимающіе начали ему объяснять, что «быть по сему», означаетъ «пусть будетъ такъ, какъ сказано», а *не бить по всему*; но дядько долго крутилъ головою, говоря: «ой, щось воно не так!»..

Еще вспоминаю, какъ однажды гостилъ я у своего отца въ Живановкѣ, и въ это время къ нему пріѣхалъ панъ Васькевичъ, который раньше отца служилъ въ экономіи управляющимъ; онъ остался у насъ ночевать. Люди говорили, что В. отличался рѣдкой жестокостью и немилосердно истязалъ людей. Когда мы вечеромъ сѣли пить чай, хлопецъ, при комнатахъ, сказалъ: «Л. И., тамъ за чѣмъ-то пришелъ дидъ Морозъ». Морозъ былъ пасѣчникомъ при экономіи. Отецъ велѣлъ позвать его. Морозъ вошелъ, поклонился, подошелъ къ п. Васькевичу и говоритъ: «пожалуйте ручку!» Васькевичъ былъ увѣренъ, что тотъ хочетъ его руку поцѣловать. (Поляки управляющіе вводили обыкновеніе, чтобы имъ цѣловали руки). Взявъ его руку, Морозъ повернулъ ее ладоней вверхъ и говоритъ: «видите, панъ, уже скоро годъ будетъ, какъ намъ дали волю; а вы не разъ говорили послѣ того, какъ истязали меня, что скорѣй у васъ на ладони выростутъ волосы, нежели мы дождемся воли... Плохой же вы пророкъ!.. Прощайте!..» И, сказавъ это, онъ важно вышелъ изъ комнаты. П. Васькевичъ покраснѣлъ, какъ кумачъ, а мы съ отцомъ сидѣли, какъ говорится «ни в сіх, ні в тих»...

Въ Б., на пожарѣ, я познакомился съ Александромъ Яковлевичемъ Конисскимъ и съ того времени сдѣлался чуть ли не ежедневнымъ посѣтителемъ его симпатичной семьи. Съ А. Я. мы иногда ѣздили по хуторамъ, находили старыхъ дѣдовъ—пасѣчниковъ,

которые охотно напѣвали намъ массу пѣсенъ, иногда совсѣмъ таки безъ чарки, а нѣкоторыхъ нужно было «смогарычить». Однажды становой Г-овъ донесъ на меня и Конисскаго въ уѣздное полицейское управленіе, когда мой дядя Е. І. Д—скій былъ помощникомъ исправника. Дядя посовѣтовалъ мнѣ не ѣздить по хуторамъ, а такихъ дѣдовъ зазывать къ себѣ, потому что «своя хата—покрышка».

Скоро перевели уѣздъ изъ Б. въ Елисаветградъ, куда перемѣстилась и вся судейская молодежь. Изъ Б. я перевелся секретаремъ въ бобринецкую ратушу и часто ѣздилъ въ Е. Случалось, что тамъ устраивали спектакль, конечно, съ благотворительной цѣлью, и мнѣ поручили товарищи играть двѣ роли въ «Назарѣ Стодолѣ», Кичатаго и лирника. Прислали мнѣ телеграмму и я, не беря отпуска и не подавъ рапорта, поѣхалъ въ Елисаветградъ; а на другой день пріѣхалъ ревизовать ратушу губернаторъ Клушинъ. Когда онъ спросилъ, гдѣ секретарь, одинъ изъ членовъ ратуши, бѣлокриничникъ, который страшно сердился на меня, что я «такой вумный человѣкъ и тѣшу бѣса», т.-е. беру участіе въ спектакляхъ, радостно отвѣтилъ: «уѣхамши»!..

Когда я вернулся въ Б., черезъ нѣсколько дней пришла изъ Херсона бумага: меня перечислили въ штатъ губ. правленія «*для пользы службы*». Такимъ образомъ остался я безъ мѣста. Прежде всего поѣхалъ я къ отцу и разсказалъ ему обо всемъ, онъ отвѣтилъ: «сам заварив пиво, сам и хлебчи його!» Покрутился я нѣсколько дней у отца и въ Б. и рѣшилъ ѣхать въ Херсонъ, не выяснивши даже себѣ твердо цѣли, а сказавъ: поѣду! и поѣхалъ.

Отъ Николаева до Херсона я ѣхалъ въ мальпостѣ, гдѣ познакомился съ помѣщицею Ш—вою. Теперь такихъ людей очень мало; это была одна изъ тѣхъ стародавнихъ хлѣбосолокъ, о которыхъ только разсказываются анекдоты. Она не позволила мнѣ заѣхать въ гостиницу, а повезла прямо къ себѣ, гдѣ я познакомился съ ея двумя сыновьями-чиновниками и тремя молоденькими дочками. Богатая Ш—ва жила очень открыто. Черезъ нѣсколько часовъ я былъ въ этой семьѣ, какъ свой. Кстати, дочери всѣ были хорошія піанистки. Музыку и пѣніе смѣняли только чаепитіе, обѣдъ, ужинъ. Чуть ли не передъ свѣтомъ мы расходились на отдыхъ. Прогостивъ такъ чуть ли не недѣлю, я какъ будто и забылъ, зачѣмъ пріѣхалъ въ Х., но встрѣтившись съ знакомымъ чиновникомъ, съ которымъ когда-то служилъ въ Б., разсказалъ ему о своемъ дѣлѣ. Онъ пригласилъ меня къ себѣ

вечеромъ, говоря, что у него соберутся нѣсколько товарищей, между которыми будетъ и губернаторскій чиновникъ. Но послѣдній не явился, а другіе совѣтовали идти къ губернатору и извиниться. Но въ чемъ же я виноватъ? Неужели въ томъ, что обошелъ ненужную формальность, не подавъ рапорта о болѣзни, и неужели за это слѣдуетъ отнимать у человѣка мѣсто, на которомъ онъ сумѣлъ себя хорошо зарекомендовать?.. Но вѣдь дѣло, которому я пришелъ на помощь, не отказавшись отъ спектакля, своей цѣнностью перевѣшиваетъ ненужную формальность?.. Такъ разсуждая, я прошелъ раза три мимо губернаторскаго дома, не рѣшаясь войти. На другой день я то же сдѣлалъ и за тѣмъ пришелъ къ Ш—ой. Она замѣтила, что я какъ-будто взволнованъ, начала разспрашивать, не случилось ли чего. Я разсказалъ въ чемъ дѣло. И всѣ тоже совѣтовали склонить голову передъ превосходительствомъ. И на третій день я пошелъ, но опять никакъ не могъ войти въ домъ: проходилъ нѣсколько разъ мимо подъѣзда, это замѣтилъ городовой и спросилъ, что я тутъ ищу? Я отвѣтилъ вопросомъ: дома ли губернаторъ?.. Получивъ отрицательный отвѣтъ, я подумалъ: «слава тебѣ, Господи»! и рѣшилъ раньше посовѣтоваться съ губернаторскимъ чиновникомъ. Я уже намѣревался идти домой, какъ вдругъ навстрѣчу губернаторъ. Некуда было дѣваться, я поклонился ему. «Ахъ, это вы? Пойдемте, пойдемте!».. Вошелъ я за нимъ въ пріемную, гдѣ много было просителей. Онъ сказалъ мнѣ подождать. Черезъ полчаса пришла моя очередь идти на расправу.

— Вы какъ же это оставляете службу и уѣзжаете, неизвѣстно куда? спросилъ губернаторъ.

— Благотворительная цѣль, Ваше Пр-ство, соблазнила меня. Телеграмму о спектаклѣ получилъ я поздно, около 2-хъ час., репетиція назначена была въ тотъ же день вечеромъ, я не хотѣлъ опоздать на репетицію, а ѣхать надо на лошадяхъ 50 верстъ... Я, наскоро пообѣдавъ, уѣхалъ, и только дорогой вспомнилъ, что не оставилъ рапорта...

Вѣрно, моя чистосердечная исповѣдь произвела впечатлѣніе на громовержца, и онъ проговорилъ: «а все-же упущенія по службѣ не могутъ быть терпимы!»..

Я молчалъ.

Губернаторъ прошелся раза два по кабинету, потомъ сказалъ:

— «Хорошо, я буду имѣть васъ въ виду... Въ ратушу возвратить васъ не могу, такъ какъ на ваше мѣсто позавчера назначенъ уже другой»... Я поклонился и вышелъ. Не больше,

какъ недѣли черезъ три, я былъ назначенъ письмоводителемъ въ Елисаветградскій сиротскій судъ.

Въ Е. я поселился въ семьѣ Тобилевича (отца Карпенка-Караго, Садовскаго и Саксаганскаго). Съ И. К. мы были пріятелями, и даже я спалъ съ нимъ на одной постели. Тутъ я задумалъ сорганизовать квартетъ; самъ я немного игралъ на скрипкѣ. Еще въ Б. я имѣлъ четырехъ учениковъ: О. О. Волошинова, Я. и А. Шиневскихъ училъ на скрипкахъ, а Д. Вербицкаго на віолончели. Съ моимъ переводомъ ученики остались въ Б., потому что всѣ они учились въ уѣздной школѣ, инструменты я забралъ въ Е., кромѣ скрипки, которую подарилъ лучшему и бѣднѣйшему своему ученику Волошину. Началъ я учить И. К. на секундѣ, а Н. К. на віолончелѣ; альта у насъ пока не было. У И. К. пальцы были страшно твердые, онъ не могъ ихъ переставлять, и я ему долженъ былъ ихъ передвигать по струнамъ; кромѣ того, онъ имѣлъ очень *тугое* ухо, зато терпѣнья хоть отбавляй... Когда сходились къ намъ товарищи, мы устраивали вечеринки и обращались *въ бальныхъ* музыкантовъ, играя польки, мазурки, вальсы, кадрили... Зимою мы задумали съ И. К. вести спартанскій образъ жизни; не велѣли топить въ своей комнатѣ до декабря. Рано утромъ, когда мы высовывали изъ-подъ одѣяла головы, паромъ, какъ туманомъ, застилало намъ глаза, и мы быстро схватывались съ постели и боролись, пока не пройметъ насъ потъ. Насъ отцы не баловали тѣми *удобствами*, какія теперь заведены, даже и въ наибѣднѣйшихъ семьяхъ; они были противъ такихъ «*примхъ*». Гдѣ же таки, говорили они, въ хатѣ образа, лампадки и всякія святощи и чтобы бокъ о бокъ такое «*паскудство*»... Мы выбѣгали босикомъ на дворъ, несмотря на морозъ, вѣтеръ, дождь, и все сходило «*якъ зъ гуски вода*»...

Вспоминаю одинъ случай со мною, благодаря которому я проболѣлъ недѣли двѣ. Я уже былъ женатъ и избаловалъ себя кой-какими «*примхами*». Довелось мнѣ поѣхать на охоту къ помѣщику Е. Г. Л—ичу и тамъ заночевать. Въ домѣ было 15 или 16 комнатъ; раньше при первомъ собственникѣ были и всѣ «*удобства*»; но старый отецъ Л—ча воспротивился этому и велѣлъ все уничтожить, и я долженъ былъ ночью, въ мятель и вьюгу, итти на «просторъ», на сквознякъ; послѣ чего страшно простудился и оттуда привезли меня въ Е. больнымъ, съ температурою 39°.

Нерѣдко мнѣ надоѣдала служба, я бросалъ все и удиралъ куда-нибудь, въ уѣздъ, недѣли на двѣ и больше; часто это сходило съ рукъ, а иногда и доставалось на орѣхи.

Изъ Е. поѣхалъ я на Рождество играть спектакли съ любителями-помѣщиками въ Бобринецъ и тамъ влюбился въ О. К. Вукотичъ, которая потомъ была моей первой женой. Ей всецѣло принадлежало названіе, данное попечителемъ Одесскаго учебнаго округа, который выдавая ей аттестатъ по окончаніи Маріинской гимназіи, назвалъ ее *скороспѣлкой*. И правда это была «скороспѣлка». Въ 15 лѣтъ окончила гимназію, черезъ годъ поспѣшила продать свою землю бывшимъ крѣпостнымъ ея отца, на наивыгоднѣйшихъ условіяхъ для нихъ, а еще черезъ годъ вышла замужъ. Она рада была съ каждымъ бѣднякомъ послѣднимъ подѣлиться, рада была быть сидѣлкою, нянькою... Послѣднее и было причиной ея смерти [1]). Передъ моей женитьбой мать на меня разгнѣвалась за то, что я не далъ ей бить воспитанницу ея. Она кинулась на меня съ линейкой, но я схватилъ ее за руки, вырвалъ линейку и посадилъ на диванъ. Долго она меня ругала и проклинала... Вообще въ гнѣвѣ она не знала удержу; а успокоившись, раскаивалась, по три часа выстаивала на колѣняхъ и била поклоны. Наговаривала она моей невѣстѣ, что я и сякой и такой, что искалѣчу ея жизнь!.. Тетка невѣсты (у нея матери не было) все это мнѣ пересказала.

Когда я поѣхалъ вѣнчаться, мать, благословивъ меня, куда-то исчезла и не была на нашей свадьбѣ. Послѣ выяснилось, что она пошла пѣшкомъ къ помѣщицѣ Скорупской, верстъ за 15 отъ Бобринца, у которой за годъ передъ тѣмъ обновилась икона, и тамъ молилась три дня.

Я не прослужилъ и года въ Сиротскомъ, какъ меня перевелъ снова губернаторъ въ бобринскую ратушу секретаремъ, такъ какъ бобринчане, недовольные своимъ секретаремъ, послали къ губернатору депутацію просить, чтобы онъ снова назначилъ меня. Одинъ членъ ратуши, еврей А. Л. Г., посовѣтовалъ мнѣ принимать должность съ большой осторожностью, потому что Г—скій (фамилія секретаря) очень много денегъ проигрывалъ въ карты и жилъ не по карману... Я обратился къ бухгалтеру съ вопросомъ: «часто ли провѣряется касса и кто ее провѣряетъ». Бухгалтеръ отвѣтилъ: «каждый мѣсяцъ, а провѣряютъ: иногда голова, два члена и секретарь, а иногда одинъ какой-нибудь членъ, больше неграмотный Конашъ, и секретарь»...

---

[1]) Она умерла, заразившись дифтеритомъ отъ одного больного ребенка, которому смазывала горло. Онъ укусилъ ее за палецъ.

— А какъ по-вашему, касса исправна?

«Должно быть», — отвѣтилъ бухгалтеръ, отводя глаза въ сторону. Тотчасъ же я потребовалъ приходо-расходныя и разносныя книги. Пересматривая расходныя статьи и замѣтивъ въ одной цифрѣ подчистку, я спросилъ бухгалтера: развѣ это допустимо? Разъ сдѣлана ошибка, она должна быть оговорена, а здѣсь оговорки нѣтъ. Бухгалтеръ покраснѣлъ и началъ путать... Въ книгѣ была отмѣтка, что та сумма, гдѣ сдѣлана подчистка, отослана почтою въ какой-то городъ. Пересматривая дальше, я снова увидѣлъ подчистку, и эта сумма тоже была отослана почтою. Тогда я взялъ разносную и, свѣряя подпись принявшаго пакетъ почтмейстера, убѣдился, что она поддѣльная. Я, взявъ на замѣтку подозрительныя статьи, пошелъ на почту и попросилъ почтмейстера справиться, отосланы ли денежные пакеты за такимъ-то номеромъ. Почтмейстеръ, наведя справку, отвѣтилъ, что такихъ пакетовъ онъ совсѣмъ не принималъ. Вернувшись въ ратушу, я послалъ записку къ Г—скому, прося его придти разъяснить мнѣ нѣкоторыя недоразумѣнія. Нужно сказать то, что и Г—скій съ перваго дня моего пріѣзда сказался больнымъ, и въ ратушу не появлялся. Мнѣ же два раза присылалъ записку, извѣщающую, что у него вечеромъ собираются пріятели, и зная хорошо, что я люблю поиграть въ преферансъ, онъ просилъ придти «провести пріятно время». Однако, я къ нему ни разу не пошелъ. Въ отвѣтъ на мою записку Г—скій передалъ мнѣ черезъ сторожа на словахъ: «скажи новому секретарю, что онъ слышалъ звонъ, да не знаетъ, гдѣ онъ». Я тогда послалъ за головою и извѣстилъ его о *неблагополучіи*. Начали провѣрять и нашли недочету больше 4 тыс. Что дѣлать? Послалъ голова за Г—скимъ, но онъ и на этотъ зовъ не явился.

Два дня я надѣялся, что Г—скій все-таки прійдетъ, но, не дождавшись его, послалъ губернатору рапортъ, что должности принять не могу, черезъ кой-какіе денежные непорядки, которые только можетъ разъяснить формальное слѣдствіе. Пріѣхалъ губернаторскій чиновникъ, произвелъ слѣдствіе, которое выяснило хищеніе: коробочныхъ денегъ, за паспорта, за гильдейскія свидѣтельства и т. д. Въ общей сложности хищеніе дало цифру до 10 тыс. Г—скаго арестовали, повезли въ Херсонъ; чиновники-бобринчане начали меня порицать, говоря, что я долженъ былъ отказаться отъ должности, а не рапортовать, потому что Г—скій человѣкъ семейный, а кромѣ того очень хлѣбосольный...

Сразу около меня сгруппировался кружокъ любителей и хо-

роваго пѣнія, и мы начали ставить спектакли въ земскомъ домѣ, въ которомъ находилась камера мирового судьи. Помѣщеніе было тѣсное, едва вмѣщавшее публики на 60 р. Оркестра въ Б. не было, приходилось каждый разъ выписывать его изъ Ч., что стоило не меньше 25 руб., а иногда и дороже; выписывали шесть или семь музыкантовъ изъ оркестра Фрама или Цыганка. Въ хорошую погоду сборы были полные, а въ ненастную приходилось мнѣ своимъ карманомъ отвѣчать. Конечно, устраивались и танцовальные вечера.

Въ Б. я былъ секретаремъ до тѣхъ поръ, пока не умеръ мой отецъ, который уже подъ старость не служилъ, а держалъ въ арендѣ 420 дес. земли недалеко отъ Б. Въ концѣ декабря 1870 г. отецъ умеръ, и меня уже ничто не связывало съ Б.

Во время похоронъ отца, мать очень убивалась и громко вскрикивала надъ его гробомъ: «Я виновата, я!.. Прости меня»!.. Припоминаю, что много разъ знакомые хотѣли помирить отца съ матерью. Мы съ сестрою тоже просили ихъ примириться: но отецъ всегда отвѣчалъ: «а куда я дѣну другую мою семью»?..

Жена моя любила театръ, и играла она очень не дурно. Стройная, съ хорошей фигурой, небольшого роста, она съ большимъ успѣхомъ выступала въ водевиляхъ русскихъ и украинскихъ, занимая амплуа такъ называемыхъ субретокъ.

Семейная ея жизнь была неудачная: она не доносила перваго ребенка, родила его мертвымъ. На другой и на третій годъ то же несчастье... Наконецъ, намъ подкинули ребенка, которому жена отдала всю свою душу. Она была золотушная, почему всякая эпидемія въ Б. посѣщала нашъ домъ. Кромѣ того, она была очень нервна и не могла переносить никакихъ сплетень, чѣмъ такъ богата жизнь въ маленькихъ городахъ. Не было людей въ Б., съ которыми она могла бы сойтись и говорить по душѣ. Вообще мы начали тяготиться жизнью въ Б. и желали какъ-нибудь поскорѣй вырваться изъ этого болота...

Въ сентябрѣ 1871 года я подалъ въ отставку, продалъ домъ въ Б., распродалъ хозяйство, лошадей и переѣхалъ въ Одессу, думая готовиться или въ технологическій институтъ или въ университетъ.

Но не такъ сдѣлалось, какъ думалось...

Устроившись въ Одессѣ, мы побывали нѣсколько разъ въ итальянской оперѣ и наконецъ не утерпѣлъ я, чтобы не пойти въ народный театръ; кстати на афишѣ были фамиліи нѣкоторыхъ актеровъ, съ которыми я когда-то познакомился въ Елисаветградѣ.

Народный театръ графовъ Морковыхъ, деревянный, передѣланный изъ цирка, находился на Александровской улицѣ. Я пошелъ посмотрѣть «Уголино». Роль «Уголино» игралъ Ник. Павл. Чернышевъ, зять и компаніонъ Морковыхъ, который, кстати сказать, былъ душою всего дѣла. Въ антрактѣ я зашелъ за кулисы, повидался съ знакомыми актерами. Начались разспросы, удивленія, какъ это я очутился въ Одессѣ и по какому случаю. Актеры стали хвалить меня передъ Чернышевымъ, какъ выдающагося исполнителя украинскихъ пьесъ. Присоединился покойникъ Г. А. Выходцевъ: «сыграйте, пожалуйста, въ мой бенефисъ»!.. Я долго отказывался и въ этотъ разъ не согласился, сославшись на то, что долженъ прежде переговорить съ женой. А въ душѣ, признаться, все поднялось и заговорило... На другой день пріѣхалъ ко мнѣ Выходцевъ, началъ уговаривать, просить. Я наконецъ согласился сыграть Стецька въ «Сватанi на Гончаривцi». Этотъ мой дебютъ 13 ноября 1871 года и рѣшилъ мою судьбу. Послѣ спектакля меня не выпустили изъ театра, пришли рецензенты и въ одинъ голосъ сказали, что мое мѣсто на сценѣ. Въ концѣ-концовъ я согласился служить. Условился по 175 рублей въ мѣсяцъ (въ то время это было первоклассное жалованье) и бенефисъ до конца зимняго сезона. Сезонъ прошелъ хорошо, выступленія мои производили впечатлѣніе и даже сенсацію, что имѣло вліяніе на сборы; но Чернышевъ заболѣлъ дезинтеріей и умеръ, графы проиграли большія деньги въ англійскомъ клубѣ и едва дотянули сезонъ.

Однако, не легко мнѣ досталась сценическая слава, меня уважали и любили актеры, какъ любителя, а когда я пошелъ уже служить, отношенія круто измѣнились: чуть ли не всѣ, за исключеніемъ корифеевъ, начали завидовать моему успѣху, начали, какъ говорится, подставлять «ножку» и дѣлать всякія закулисныя каверзы...

Когда я возвращался со сцены, провожаемый аплодисментами, нѣкоторые показывали языки, другіе напѣвали сложенную однимъ корифеемъ пѣсенку: «ничего не понимаю, въ носу пальцемъ ковыряю»... Нѣкоторые рѣшили прямо: «валяетъ дурака, вотъ за что и аплодируютъ, а рецензенты—пріятели»!..

Иногда запрятывали куда-нибудь нужные аксессуары, то шапку украдутъ, то сапогъ, чтобы задержать мой выходъ на

сцену, чтобы, какъ говорится, «подложить свинью»... Между актерами было не мало землячковъ, иные изъ нихъ играли когда то въ украинскихъ пьесахъ, теперь же *не желали портить акцента.* Обставляли меня выходными актерами, статистами, помощниками машинистовъ, парикмахерчатами и т. д. Изъ актрисъ только и была К. О. Виноградова.

Еще при жизни Чернышева мнѣ кое-какъ жилось; какъ умеръ Ник. Павл., все пошло навыворотъ... Случались такіе кунстштюки. Когда я впервые сыгралъ съ громаднымъ успѣхомъ роль Выборнаго, актеръ В. П. Б—овъ, игравшій когда-то эту роль, въ труппѣ Выходцева, захотѣлъ, какъ говорится, *потягаться* со мною; онъ уговаривалъ меня, чтобы я уступилъ ему эту роль, а самъ сыгралъ бы Вознаго. Я согласился. И тутъ увидала публика, что Б—овъ не говорилъ, а *потякалъ,* что засвидѣтельствовали рецензенты. Когда-то была мода у украинскихъ актеровъ, особенно тѣхъ, которые были изъ поляковъ, *потякать.* Припоминаю такихъ актеровъ, какъ Нечаевъ, Деркачъ, Лихомскій, Лютостанскій, Страховъ—всѣ они *потякали.*

Всю труппу взялъ у Морковыхъ на будущій зимній сезонъ содержатель цирка *Суръ;* я тоже условился съ нимъ, на зиму, а на лѣто выѣхалъ съ компаніей въ Аккерманъ. На сезонъ 1872—73 г. меня совсѣмъ ограничили, никакихъ уже мнѣ актеровъ не давали и самого заставляли выступать въ русскихъ роляхъ. Тогда водворилась на сценѣ оперетка, во главѣ стояли Корбіель съ Лентовскимъ и всѣ актеры должны были выступать въ опереткѣ включительно съ М. К. Милославскимъ. Только М. Х. Рыбакова какъ-то минула эта чаша. Выступалъ я въ этомъ сезонѣ, кромѣ всѣхъ укр. пьесъ, которыя обставлялъ студентами и семинаристами, и въ русскихъ. Игралъ: Митьку («Князь Серебряный»), Гусляра («Свекровь»), 1-го актера («Гамлетъ»), Живулю («Каширская Старина»), Хлопова («Ревизоръ»), Анучкина («Женитьба»), Яишницу, Горича («Горе отъ ума») и во многихъ пьесахъ Островскаго выступалъ во второстепенныхъ роляхъ. Сыгралъ я съ большимъ проваломъ и «Орфея въ аду»... Часто выступалъ, какъ солистъ въ дивертисментахъ, управлялъ громаднымъ хоромъ изъ студентовъ и семинаристовъ. Въ молодыхъ женскихъ роляхъ иногда выступала и моя жена, на она была такая трусиха, такъ сильно нервничала и такъ ей дорого обходился каждый спектакль, что я не совѣтовалъ ей часто играть. Играли еще двѣ артистки Оже-де-Морвиль, съ грѣхомъ пополамъ, и Румянцева, человѣкъ малограмотный. Несмотря на то, что въ Одессѣ существовалъ укр. кружокъ, женщины совсѣмъ

не говорили по-украински, кромѣ дочерей П. И. Нищинскаго, которыя тогда еще учились въ гимназіи. Что касается до пѣнія, то жены нѣкоторыхъ чиновниковъ, а больше студентовъ принимали участіе только въ домашнихъ хорахъ, а также на товарищескихъ вечеринкахъ; на сценѣ же они не соглашались выступать. Чего искалъ я между актерами, къ великому сожалѣнію, не нашелъ: выяснилось, что всѣ они «кто зъ бору, кто зъ сосенки»; карьеризмъ, эгоизмъ, зависть, кляузы, злыя выдумки и общее непониманіе, вотъ чѣмъ характеризовалась вся труппа. Послѣ репетиціи, какъ и послѣ спектакля: пивная, бильярдъ, карты... Случалось не разъ и мнѣ, ради компаніи, до свѣта просиживать въ пивной и, *назюзюкавшись*, припоминать рисунокъ Пимоненка «До дому»...

Иногда Милославскій приглашалъ актеровъ къ себѣ на именины его или жены Ворониной. Понятно, что это случалось раза два въ годъ, но и тамъ мы только пили, ѣли, курили, играли въ карты и пробавлялись пикантными анекдотами или вспоминали разныя выдумки, какія кому случалось испытать въ недоразумѣніяхъ съ полиціею, антрепризою, квартирохозяевами и т. д. Нѣкоторые хвастались своимъ успѣхомъ въ тѣхъ или иныхъ городахъ. А другіе врали, не оглядываясь, и завирались до «невозможнаго». Напримѣръ, однажды М. Х. Рыбаковъ началъ разсказывать, что онъ въ недѣлю проплылъ на лодкѣ отъ Самары до Астрахани. Всѣ начали кричать: «—Ну, гдѣ-жъ-таки! Это не возможно!»... «Увѣряю васъ, что проплылъ! настаивалъ М. Х. Въ этотъ моментъ подымается М. С. Стружкинъ и говоритъ: «Это истинная правда, господа!»... «—Ну вотъ видите. Помнишь ли? говоритъ М. Х., обращаясь къ Стружкину.—«А какъ же, отлично помню!» отвѣтилъ тотъ: «я тогда плылъ за вами слѣдомъ, загримированный осетромъ!»... Гомерическій хохотъ послышался въ комнатѣ.—«Дуракъ!»... сказалъ М. Х. послѣ паузы.

Тогда еще не было театральныхъ школъ, почему кадры *артистовъ* пополнялись частью студентами, а больше канцеляристами, недоучками, семинаристами, гимназистами, юнкерами, приказчиками, лабазниками и солдатами... Между женщинами были совсѣмъ неграмотныя. Напримѣръ: Степанова держала при себѣ грамотную дѣвицу за 25 рублей въ мѣсяцъ, которая ей начитывала роли, Линовская еле-еле читала печатное...

Бросить сцену и снова секретарствовать я не хотѣлъ, несмотря на то, что депутація отъ бобринчанъ просила меня вернуться... Остался я и на третій зимній сезонъ въ Одессѣ, антрепризу уже взялъ М. К. Милославскій. Разскажу то, что

слышалъ отъ людей: какъ Мил., не имѣя денегъ, взялъ отъ Сура антрепризу. Можетъ быть, это и неправда, но слыша про другіе, подобные этому, поступки со стороны М—скаго, думается, что и въ этой версіи что-то есть вѣрное. Нужно было заплатить Суру впередъ тысячи четыре, и собрать труппу, на авансы актерамъ— тысячи двѣ, и на всякіе необходимые счета тоже не меньше тысячи... Узналъ Милославскій, что гдѣ-то недалеко отъ Одессы живетъ богатый попъ, который даетъ взаймы деньги за большіе проценты. Нанялъ онъ карету, шестерикъ лошадей, взялъ лакея съ собою и поѣхалъ, имѣя въ карманѣ рублей двѣсти. Ямщику и лакею онъ велѣлъ всѣмъ, кто только спроситъ: кто ѣдетъ? отвѣчать: «Графъ Каліостро»... Вотъ и пріѣхалъ онъ въ то село, гдѣ жилъ попъ, и тотчасъ послалъ лакея съ запискою, чтобы попъ пришелъ служить панихиду. Попъ поспѣшилъ явиться съ причтомъ. Милосл., рыдая, разсказалъ попу, что онъ сейчасъ получилъ эстафету, что жена его, графиня Каліостро, умерла за границею. Когда попъ отслужилъ панихиду. Мил. далъ ему 50 рублей, попъ отъ радости чуть не поцѣловалъ руку *графа*. Вечеромъ снова графъ послалъ за попомъ, чтобы отслужить другую панихиду, за которую заплатилъ такъ же щедро. Когда попъ хотѣлъ уже идти домой, въ комнату вдругъ вошелъ лакей и подалъ М—скому пакетъ. М—скій прочиталъ и схватилъ собя за волосы: «ахъ, Боже мой, Боже мой!... Что дѣлать, что дѣлать?»... Попъ и причтъ начали его заботливо спрашивать, что случилось?...

— Вотъ пишутъ изъ Ниццы, чтобы я немедленно перевелъ 10/т. р. на погребеніе жены и на прочіе расходы, такъ какъ на завтра назначены похороны. А какъ я могу это сдѣлать? Пока дамъ телеграмму управляющему, а вѣдь мое имѣніе въ Самарской губерніи, деревня отъ станціи въ 40 верстахъ, при всей спѣшности, только черезъ четыре дня могутъ быть переведены деньги. Нельзя-ли у кого здѣсь занять 10/т., я готовъ за недѣлю заплатить проценты 2/т., наконецъ 3/т.»... У попа загорѣлись глаза и задрожали руки... Черезъ полчаса написали векселя на 13/т., а также написано было письмо управляющему, которое Милославскій вручилъ попу, чтобы тотъ какъ можно скорѣе отослалъ на почту.

Прошло мѣсяца два, и попъ, не получая отвѣта отъ управляющаго, поѣхалъ въ Одессу, чтобы посовѣтоваться съ какимъ-нибудь адвокатомъ, что ему дѣлать съ векселемъ.

У многихъ адвокатовъ побывалъ онъ, пока одинъ не догадался, чьи это штуки, и повелъ попа въ театръ, на репитицію. Попъ, какъ взглянулъ на Милосл., такъ и ахнулъ. Но Мил. и

на этотъ разъ прекрасно сыгралъ свою роль, увѣряя попа, что быть можетъ какой-нибудь «пройдоха», похожій на него, выдалъ себя за какого-то графа. Попъ чуть не заплакалъ, а Мил., чтобы утѣшить его, предложилъ: «не хочетъ ли онъ побывать въ театрѣ на спектаклѣ, онъ радъ дать ему ложу, на два или даже на три представленія»... Такъ денежки попа и ухнули.

Но повторяю: за что купилъ, за то и продаю.

Въ 1873 г. пріѣхалъ ко мнѣ изъ Ананьева братъ мой Владиміръ, который былъ въ реальномъ училищѣ преподавателемъ искусствъ; онъ простудился на охотѣ, промочивъ ноги, и схватилъ скоротечную чахотку. Полѣчился онъ у меня съ мѣсяцъ, но доктора посовѣтовали выпроводить его изъ Одессы. Черезъ двѣ недѣли послѣ отъѣзда онъ умеръ въ Ананьевѣ.

Третій зимній сезонъ я не дослужилъ въ Одессѣ: Милославскій оштрафовалъ меня на 15 рублей за то, что я самовольно передалъ какую-то маленькую роль своему товарищу Савину, а самъ пошелъ смотрѣть великаго артиста Росси, въ роли Генриха IV. На другой день, кромѣ штрафа, Милославскій сдѣлалъ мнѣ выговоръ; я сказалъ, что не буду совсѣмъ служить, и попросилъ расчетъ.

Я могъ бы передъ кѣмъ угодно похвастаться, что за два съ половиной сезона въ Одессѣ игралъ вмѣстѣ съ такими корифеями русской сцены, какъ Н. Х. Рыбаковъ, М. К. Милославскій, Н. И. Новиковъ, М. А. Максимовъ, Л. Н. Самсоновъ, А. С. Стружинъ, К. Ф. Бергъ, Протасовъ, Козловскія Ф. Ф. и О. Ф., М. И. Литвина, Алексѣева, М. Г. Ленская, Лукашевичъ, М. В. Аграмовъ, Аграмова, А. А. Рютчи, Ф. В. Горевъ и со многими второстепенными.

Передъ Рождествомъ я уже игралъ въ Харьковѣ, въ труппѣ А. П. Колюпанова-Александрова, въ такъ называемомъ французскомъ театрѣ, гдѣ теперь гостиница Проспера; въ подвальномъ этажѣ былъ маленькій театръ, который и назывался—французскимъ. Тутъ нашлось больше актеровъ, способныхъ исполнять роли въ украинскихъ пьесахъ. Скоро около меня основался большой хоръ изъ студентовъ украинцевъ, универсантовъ и ветеринаровъ, и дѣло закипѣло. Долженъ помянуть добрымъ и благодарнымъ словомъ тогдашнихъ студентовъ: это были расположенные и симпатизирующіе родному юноши: полное безкорыстіе,

и сердечность царили между молодежью; не забуду никогда именъ: Дымова, Дикарева, Пономарева, Борисова, Кузнецова, Ковалевскаго и многихъ—многихъ другихъ!..

Въ Харьковѣ я въ первый разъ поставилъ свою пьесу «Дай серцю волю—заведе въ неволю». Чуткая молодежь очень сердечно привѣтствовала эту пьесу и послѣ спектакля устроила неслыханную овацію—съ факельцугомъ; договорили съ полсотни ваньковъ (извозчиковъ), и на каждаго сѣли по три человѣка, и такимъ образомъ устроился цѣлый кортежъ. Поѣхали мы по Екатеринославской улицѣ прямо на Основу, съ пѣніемъ величественныхъ украинскихъ пѣсенъ, на каждомъ извозчикѣ—держали прикрѣпленную на палкѣ афишу... Участниковъ было не меньше 200 человѣкъ. На одномъ углу встрѣтила насъ полиція и просила замолчать; но мы сразу запѣли народный гимнъ, а когда полиція осталась позади, снова мы запѣли: «ой у лузі, та и при березі»!.. На Основѣ тогда была небольшая, поганенькая пивная; все пиво, какое было въ наличности, мы выпили и оттуда поѣхали на кладбище, поклониться праху артиста Соленика. Кто-то изъ знавшихъ покойника вспомнилъ его въ пылкой и сердечной рѣчи. Достали гдѣ-то свѣчу, прочитали надпись на памятникѣ, которая произвела на меня такое впечатлѣніе, что я заплакалъ (можетъ быть то—пиво плакало)? Потомъ я списалъ его и выучилъ, и теперь я его помню.

Ось глянь із неба, Соляниче,
Як криво серце чоловиче,
Колись, як ще ти жив
Та щиро публиці служив,
То вона тобі живому
Кидала квиткі мов солому;
А вмер, еси, небораче,
То нибы—то нихто небаче
Що прахъ лежить твій без хреста,
Така настала, бачь, пора
Що вже тая Украіна
Холодна стала, мов би домовина.
Козак Стратанович.

Съ кладбища мы разъѣхались по домамъ...

Сезонъ окончили съ успѣхомъ и заработками. На лѣто 1874 г. получилъ я ангажементъ изъ Петрограда на Крестовскій островъ отъ антрепренера Зизерина, благодаря И. П. Киселевскому,

съ которымъ довелось служить мнѣ у Милославскаго. Мнѣ было поручено сорганизовать небольшую украинскую труппу и мужской хоръ. Кажется, съ 5-го или 6-го мая начали мы играть на Крестовскомъ. Вотъ кто былъ у меня въ труппѣ: Стрѣховскій В. О., Лядовъ М. О., Хащинъ Т. В., Поповъ В. А., Стрѣльская Н. В., Давидова А. Д. и Меринова. Въ малыхъ роляхъ выступали нѣкоторые хористы. Тогда не разрѣшали въ частныхъ театрахъ ставить цѣлыя пьесы, а только *«сцены и монологи»*, хотя это только была, какъ говорится, *«замазка на очі»*: большею частью пьесы ставили цѣлыя. Поставилъ я тутъ: «Сватання на Гончарівці», «Наталку Полтавку», «Чорноморскій побитъ», «Назара Стодолю», «Шельменко-Денщикъ», и «Шельменко-волостной писарь», «Не ходи, Грицю, на вечерниці», «Бувальщину», «Кума Мирошника», «Иди, жинко, въ солдаты», «Москаль Чаривникъ», «Сватання на Гончарівці» и другія; пѣлъ я съ хоромъ всѣ пѣсни изъ сборниковъ Лисенка и другихъ и закончилъ сезонъ 1-го сентября, принявъ участіе съ хоромъ въ благотворительномъ концертѣ подъ Высочайшимъ покровительствомъ въ пользу инвалидовъ въ Лѣтнемъ саду.

На зиму 1874—75 г.г. ангажировалъ меня антрепренеръ Свирщевскій (по сценѣ Медвѣдевъ) режиссеромъ въ Херсонъ. Этотъ сезонъ былъ самый неудачный изъ всей моей театральной жизни. Прежде всего антрепренеръ нашъ влюбился въ одну дѣвицу, съ которой бѣжалъ изъ Херсона, захвативъ кассу и не заплативъ за мѣсяцъ жалованія труппѣ. Остались мы, 22 человѣка, какъ разъ на мели. Собрались всѣ ко мнѣ, начали совѣщаться; наконецъ, послали депутацію къ губернатору; но губернаторъ А. С. Эрдели отвѣтилъ, что ничѣмъ не можетъ намъ помочь, что, если бы Медвѣдевъ былъ тутъ, то онъ *принялъ бы мѣры*... Упросили меня товарищи стать во главѣ дѣла. У меня были деньги, и я ихъ пораздавалъ товарищамъ, чтобы они не *«попухли съ голоду»*, пораздавалъ на *«вічне отданне»*. Осень была гнилая; такая же была и зима, ежедневные дожди и невылазная грязь заѣли насъ совсѣмъ. Умерла пѣвица-актриса—Янковская, умерла отъ чахотки: сырая квартира и недоѣданіе раньше времени загнали ее въ гробъ. Начались заморозки, и дѣла какъ-будто стали поправляться. Какъ-то меня не было дома, когда пришелъ актеръ Бочаровъ (хорошій исполнитель на амплуа простаковъ) и сталъ просить мою жену одолжить ему 75 рублей до дѣлежекъ, говоря, что будто докторъ заставляетъ его жену везти больного ребенка въ Одессу... Жена же моя была такой человѣкъ, что у нея можно было выпросить послѣднюю сорочку.

Она дала ему деньги съ условіемъ, чтобы онъ скрылъ это отъ меня. Бочаровъ долженъ былъ мнѣ больше ста рублей. Въ тотъ день шла «Наталка-Полтавка», давшая сбору больше 200 рублей. Всѣ актеры ожили духомъ. Жена Бочарова, бывшая кассиршей, каждый разъ по окончаніи спектакля приносила кассу въ уборную, и товарищи тутъ же дѣлали провѣрку ей и выручку вручали на сохраненіе мнѣ. На этотъ разъ Бочарова не явилась; Бочаровъ же, спѣша раздѣться (онъ игралъ Миколу), сказалъ, что жену принудила болѣзнь ребенка поспѣшить домой; но она принесетъ мнѣ кассу завтра рано утромъ. Но рано утромъ прибѣжалъ ко мнѣ реквизиторъ и сообщилъ, что Бочаровъ съ женою въ семь часовъ утра уѣхали на пароходѣ въ Николаевъ. Сбѣжались актеры, начали волноваться, строить разныя догадки, бранили Бочаровыхъ, сѣтовали, и въ концѣ послали телеграмму Николаевскому антрепренеру М. А. Максимову о сдѣланномъ поступкѣ; но тотъ, какъ говорится, и ухомъ не повелъ. Побѣги изъ труппъ съ авансомъ практиковались повсюду, и нѣкоторые артисты изъ лабазниковъ громко величали такіе поступки—*молодечествомъ*.

Едва-едва дотянули мы сезонъ. Все, что заработалъ я въ Петербургѣ, получая по 400 рубл. въ мѣсяцъ и имѣя два полубенефиса, потерялъ я въ Херсонѣ, и еще изъ жениныхъ денегъ тысячи $2^1/_2$. На Великій постъ выѣхалъ я въ Елисаветградъ. На лѣто 1875 г. получилъ я ангажементъ въ Галицію, въ укр. труппу Т. Ф. Романовичъ. Тамъ я игралъ до осени, когда должна была пріѣхать ко мнѣ моя жена, но такъ какъ она была нездорова, то доктора запретили ей это путешествіе. Жена просила меня скорѣй пріѣхать домой, что я и поспѣшилъ исполнить. И я вернулся изъ Галиціи. Про галицкій театръ долженъ сказать вотъ что: надъ театромъ тамъ царитъ мѣстный комитетъ (краевой выдѣлъ), который даетъ субвенцію антрепренеру, за что имѣетъ право управлять репертуаромъ, и изъ этого управленія выходитъ тотъ ребенокъ, у котораго семь нянекъ, а онъ въ концѣ концовъ бываетъ безъ глазъ. Мѣстные актеры тамъ часто перебѣгаютъ съ польской сцены на украинскую, съ украинской на польскую, или нѣмецкую; репертуаръ: драмы, большею частью переводы съ польскаго, оперетки съ французскаго и нѣмецкаго, комедіи и водевили и нашъ украинскій репертуаръ, какъ «Наталка-Полтавка», «Шельменко» (не денщикъ, а наймить) и т. д. Языкъ невозможный: масса полонизмовъ и можно сказать, что — актеръ, то и акцентъ. Исполненіе народныхъ произведеній,—вымученное, искалѣченное, какъ будто исполнители никогда и не видали народа. Какое-то низкопоклонство, подхалимство!.. Правда, что и народъ

тамъ какой-то запуганный, затурканный... Во главѣ театральнаго дѣла стояли актеры, бывшіе на польской сценѣ, служившіе раньше въ Россіи, какъ-то: Наторскій, Гордовскій, Бачинскій и его жена. Разсказывали мнѣ про Бачинскую, какъ она выступала впервые въ «Н. Полтавкѣ»: въ коротенькой юбочкѣ, выше колѣнъ, подъ которою накрахмаленныя юбки; въ вѣнкѣ съ лентами до пола, въ фартушкѣ величиною съ носовой платокъ и во французскихъ ботинкахъ на высочайшихъ каблукахъ, въ брильянтовыхъ сережкахъ и т. д. Совсѣмъ балерина! Говорятъ, со стороны публики энтузіазму было хоть *отбавляй*; молодежь устлала путь Бачинской коврами и цвѣтами.

Такъ вотъ такими-то показали насъ на первый разъ поляки-актеры родичамъ нашимъ галичанамъ. Не удивительно, что ползло черезъ пень-колоду... Въ Галиціи я намѣревался перевести на украинскій языкъ нѣкоторыя русскія произведенія, какъ «Ревизора» (уже было перевелъ два акта), «Испорченная жизнь», «Левъ Гурычъ Синичкинъ», «Дочь русск. актера».. Тамъ я написалъ свою оперетту: «Пошились у дурні». Изъ всего галиційскаго репертуара я смотрѣлъ съ удовольствіемъ только «Підгоряне». Видѣлъ пьесы Н. Воробкевича: «Гнат Приблуда» (сантиментальная водица въ 5 дѣйствіяхъ), «Думпель Майеръ» (всецѣло поддѣлка подъ нѣмецкую оперетку)... Тогда было обыкновеніе, что каждый актеръ долженъ для своего собственнаго бенефиса перевести какую-нибудь пьесу съ польскаго или нѣмецкую, почему каждый актеръ долженъ быть и авторомъ. Не знаю, чего теперь требуетъ комитетъ (*выдѣлъ*) отъ актеровъ, тогда же онъ требовалъ чего-то невозможнаго!...

Когда я задумалъ поставить: «Дай серцеві волю, заведе в неволю», то Романовичъ должна была прежде послать ее въ *выдѣлъ* (комитетъ), тамъ раскритиковали ее *по всѣмъ швамъ*, совѣтовали что-то передѣлать, что-то додѣлать, а то мѣсто, гдѣ Мыкыта ропщетъ на Бога, приказали *вычеркнуть*. Такъ я этой пьесы и не поставилъ. Хотѣлъ поставить водевиль: «Помирились», но это было въ Снятынѣ, гдѣ мы играли въ конюшнѣ, у какого-то еврея-шинкаря, и Романовичъ боялась *обидѣть уважаемаго* хозяина...

Пріѣхалъ я въ Елисаветградъ въ октябрѣ и тутъ съ любителями условился играть и режиссировать спектакли до великаго поста въ общественномъ клубѣ. Однимъ изъ заправилъ былъ И. К. Тобилевичъ (Карпенко-Карый), служившій секретаремъ полиціи. Поставили мы весь укр. репертуаръ; но должны были играть и русскія пьесы (не знаю, по чьему капризу). За 125 руб.

въ мѣсяцъ я долженъ былъ играть, режиссировать, оркестровать музыку на 12 инструментовъ и писать декораціи!.. На лѣтній сезонъ 1876 г. подписалъ я условіе режиссеромъ въ Екатеринославъ къ Д. П. Изотову. Сорганизовали мы хорошую укр. труппу, которая, конечно, должна была играть и русскія пьесы, для послѣднихъ были спеціально приглашены артисты: Е. Д. Линовская, Н. В. Стрѣльская, И. В. Абраменко, баронъ Розенъ, Кальверъ, Днѣпрова, которая тогда выступала подъ фамиліей Мерцъ. На укр. пьесы съ пѣніемъ пригласили Н. В. Жаркову. Въ это время пріѣхалъ изъ Галиціи актеръ Гриневецкій, съ намѣреніемъ познакомиться съ здѣшнимъ исполненіемъ укр. пьесъ; но тутъ насъ поразило горе: исполненіе всего украинскаго было запрещено. Въ день запрещенія шла моя драма «Дай серцеві волю» и дивертисментъ. Губернаторъ И. М. Дурново позволилъ намъ докончить этотъ спектакль. Въ дивертисментѣ я пѣлъ извѣстную пѣсню изъ «Пидгорянъ» «Поле мое, поле», но не могъ докончить ее и разрыдался. Жена моя боялась, чтобы я не сдѣлалъ что-нибудь надъ собой, и должна была слѣдить за мной. Но несмотря на это, я, сидя въ саду подъ дубомъ и горюя вмѣстѣ съ пріятелемъ Изотовымъ, началъ рыдать и биться головой объ дубъ... Испуганный Изотовъ схватилъ меня за руки и потащилъ къ буфету, гдѣ я залилъ здорово *за галстухъ*, такъ что Изотовъ долженъ былъ вести меня домой, и всю дорогу силился закрыть мнѣ ротъ, потому что я ругалъ и проклиналъ всѣхъ и вся!!.. Я началъ частенько «*выпивать*»...

Зимній сезонъ 1876—77 г. я служилъ въ Симферополѣ, гдѣ пришлось драматической труппѣ превратиться въ опереточную. Дирекція, состоявшая изъ мѣстныхъ театраловъ, выписала опереточную артистку, были сшиты костюмы и «*пошла писать губернія*». Я переигралъ роли въ пятнадцати оперетках. Актеры начали знакомиться съ татарами, дружить съ ними и усердно напиваться; сборы улучшились. Иногда подпившіе мурзаки, встрѣчаясь со мною на бульварѣ, привѣтствовали такъ: «Карапиницки! Тири богиня, ала-ла-ла!..» При чемъ кривлялись, скоморошничали, припѣвая, пританцовывая... Передъ концомъ велик. поста пригласила меня опереточная артистка Ю. Д. Медвѣдева пріѣхать къ ней въ Мелитополь и заѣхать въ ту гостиницу, во дворѣ которой былъ лѣтній театръ. Утромъ, посмотрѣвъ въ окно, увидѣлъ я какую-то халабуду съ красною занавѣсью, на которой

были налѣплены изъ золотой бумаги мѣсяцъ и звѣзды. Когда лакей принесъ мнѣ чай, я спросилъ: «Что это такое?» «Театръ!» отвѣтилъ онъ. «А публика какъ же, неужели подъ открытымъ небомъ стоитъ?» «Да-съ! Для лучшей публики ставятъ стулья, а остальная стоитъ». Пошелъ я на репетицію, спросилъ, гдѣ уборная. Уборной не оказалось: актеры должны были одѣваться и гримироваться въ номерахъ гостиницы и въ такомъ видѣ идти черезъ дворъ въ театръ. До начала спектакля это еще ничего. Мнѣ же пришлось послѣ Любима Торцова («Бѣдность—не порокъ») перегримироваться въ Михеича (Ночное), и, когда я шелъ перегримированный въ театръ черезъ дворъ, публика гоготала и тюкала. Но это еще не все. Во время водевиля я замѣтилъ, что подъ поломъ кто-то храпитъ, хрюкаетъ и возится и что оттуда идетъ тяжелый запахъ. По окончаніи спектакля я узналъ, что подъ поломъ находится свинной хлѣвъ. Разгримировавшись, я пошелъ къ Медвѣдевой, она, кстати, позвала меня на *чашку чая*; получивъ 25 руб. за гастроль и не сказавъ ей о своемъ намѣреніи, я чуть свѣтъ удралъ на вокзалъ... Такъ вотъ въ какихъ помѣщеніяхъ приходилось актеру прославлять Мельпомену...

Зиму 1877—78 г. служилъ я въ Елизаветградѣ у Выходцева режиссеромъ. Весь неудачный сезонъ 1878—79 г. держалъ самъ театръ и труппу въ Кременчугѣ, и потерялъ своихъ тысячи три денегъ. Сезонъ 1879—80 г. служилъ тамъ же въ Кременчугѣ режиссеромъ въ труппѣ О. П. Лавровской. 1880—81 тамъ же режиссеромъ у Ашкаренка.

Въ 1879 году проѣзжалъ черезъ Кременчугъ импрессаріо Кіевской оперы И. Я. Сѣтовъ. У меня шла опера «Аскольдова могила», я пѣлъ партію «Неизвѣстнаго»; Сѣтовъ пришелъ на спектакль, а въ антрактѣ зашелъ за кулисы познакомиться со мной и приглашалъ меня къ себѣ на службу. Великимъ постомъ я поѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ впервые познакомился съ Лисенкомъ, Старицкимъ, Русовымъ, Комаровымъ, Ломачевскимъ, Антоновичемъ, Житецкимъ, Качалою и еще съ нѣкоторыми, которыхъ фамилій не упомню. Собрались мы въ квартирѣ Лисенка. Всѣ украинцы тогда запуганы были больше зайцевъ. Когда захотѣли земляки послушать пѣсенъ херсонскихъ степей, должны были прежде поставить вездѣ стражу, чтобы какой-нибудь *доброволецъ* не услышалъ крамольной укр. рѣчи и не донесъ всесильному Дрентельну. Осмотрѣли подъѣздъ, нѣкоторые стали около оконъ, чтобы успѣть во-время остановить пѣніе. И я запѣлъ: «Добрий

вечір тобі, зелена діброво», «У полі могила з вітром говорила», «Щука рыба в морі, гуляе доволі» и другія. Пѣсни всѣмъ понравились, хвалили и голосъ мой.

Съ Сѣтовымъ я не сошелся въ цѣнѣ и поѣхалъ домой. Можетъ быть, это и къ лучшему...

Въ декабрѣ 1881 г. мы получили отъ министра Лорисъ-Меликова разрѣшеніе на представленіе украинскихъ пьесъ.

Что дѣлалось въ Кременчугѣ послѣ полученія разрѣшенія на украин. представленія, когда налѣпили афишу «Наталка-Полтавка» и «Кумъ Мирошникъ»—трудно пересказать. Не фаэтоны, не кареты заполнили подъѣздъ, а фургоны и кованыя повозки казаковъ полтавскихъ. Пошли сборы биткомъ. Полицеймейстеръ Филоновъ, стоя около театра, сказалъ: «Если такое столпотвореніе будетъ долго продолжаться, прійдется донести губернатору»!.. «На что»? спросилъ я его. Онъ ничего не отвѣтилъ. Послѣ паузы, я спросилъ его: «Да вѣдь и вы нашъ?.. Навѣрно дѣды были Филони, или Филоненки, а переименовались въ Филоновыхъ»?.. «Да, по документамъ мы казацкаго роду, прадѣдъ мой былъ бунчуковый товарищъ»... На этомъ и кончилась наша бесѣда, потому что меня позвали въ кассу...

М. Л. Кропивницкій.

НА ВЕРШИНѢ.

Романъ Темпля Сёрстона.

(Продолженіе) [1].

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

«Мишура» была отвергнута королевской академіей. Желаніе Фанни Корнишъ—увидѣть свое изображеніе въ академическихъ залахъ—не исполнилось. Но зато въ Парижскомъ Салонѣ ея портретъ сталъ «гвоздемъ» сезона.

Мягкость тона, выразительность трактовки и зрѣлая простота выдѣляли этотъ шедевръ даже среди смѣлыхъ технически, блестящихъ по колориту и великолѣпныхъ по композиціи произведеній французскихъ художниковъ. На многихъ полотнахъ, выставленныхъ въ Салонѣ, была разработана гамма зеленыхъ тоновъ; но нигдѣ ни одно пятно не давало такого живого красочнаго ощущенія, какъ переливчатые блики камней на шеѣ и на рукѣ Фанни Корнишъ. Названіе портрета тоже было удачно, какъ впрочемъ всегда у Дикки. Сразу глазъ привлекали къ себѣ зеленые огоньки, но вниманіе не останавливалось на нихъ: его приковывало къ себѣ лицо женщины. Зрителямъ-мужчинамъ оно говорило о неуловимой, вѣчной загадкѣ пола, манящей и неразгаданной. Но еще большій откликъ картина находила среди женщинъ.

Онѣ всегда побаиваются мужчины, который понимаетъ ихъ,

---

[1]) См. февр., стр. 200.

но чувствують къ нему влеченіе. Съ полотна на нихъ глядѣла женщина, разгаданная мужчиной. Было ли его проникновеніе сознательно или безсознательно—неизвѣстно; но оно-то, вмѣстѣ съ совершенствомъ колорита и строгой простотой линій, составляло очарованіе картины «Мишура».

Я никогда не могъ выпытать у Дикки его взгляда на женщинъ. Я не могъ уяснить себѣ, въ какой мѣрѣ это было, дѣйствительно, пониманіе, и въ какой мѣрѣ это было просто его изумительное умѣніе смотрѣть и передавать то, что онъ видитъ. Конечно, матеріала для изученія у него было довольно. Въ этой хроникѣ нашли мѣсто только тѣ женщины, которыя оказали опредѣленное вліяніе на жизнь и творчество Дикки. Однако, если бы кто-либо вздумалъ вывести изъ этого заключеніе, что Дикки былъ женолюбомъ, то онъ жестоко разошелся бы съ правдой. Онъ, несомнѣнно, нравился женщинамъ и самъ былъ чувствителенъ къ ихъ чарамъ, но въ немъ не было ни одной черты льстеца и ухаживателя, которыя образуютъ этотъ незавидный типъ.

Обращеніе Дикки съ женщинами никогда не бывало сознательно-намѣреннымъ или подготовленнымъ. У него была слишкомъ здоровая и цѣльная натура, для того, чтобы вдаваться въ такія тонкости. Онѣ не занимали его точно такъ же, какъ и изощренныя тонкости въ искусствѣ. Дикки давно пережилъ тотъ фазисъ своего развитія, когда онъ хотѣлъ имѣть художественную внѣшность, потому что стремился быть художникомъ. Онъ обратился въ человѣка, въ которомъ при первомъ взглядѣ никто не угадалъ бы идеалистическаго настроенія и ярко блещущей фантазіи.

Прежде всего Дикки производилъ впечатлѣніе силы и здоровья. Онъ не былъ грузенъ, но широкъ въ плечахъ, хорошо сложенъ и съ такими развитыми мускулами, какихъ я никогда не видѣлъ у человѣка, не тренирующагося спеціально.

Безъ сомнѣнія, своимъ здоровьемъ, котораго не могла подточить интенсивная работа въ лондонскихъ мастерскихъ, Дикки обязанъ былъ тому, что провелъ юность въ деревнѣ среди приволья полей. Только иногда, когда ему случалось хворать (что очень рѣдко съ нимъ бывало), лицо его теряло цвѣтущій видъ.

Всѣ эти данныя, какъ видите, врядъ ли подходятъ для типа художника съ такимъ захватомъ, какой былъ у Ричарда Ферлонга. Но у него была въ сильнѣйшей степени развита способность мыслить образами, возникновеніе которой я всегда отношу къ тому дню его дѣтства, съ котораго начинается эта хроника. Къ этому еще присоединялась безконечная любовь къ прекрасному

и мягкій строй души, унаслѣдованный имъ отъ своей матери, Кристины.

Дикки былъ слишкомъ нормаленъ для того, чтобы проявлять эксцентричность въ манерахъ и въ костюмѣ. Его даръ состоялъ въ томъ, что онъ *видѣлъ жизнь*. Это не значитъ, что онъ одинъ умѣлъ видѣть: мы всѣ видимъ ее, но не имѣемъ силы душевной переработать то, что видимъ, въ красоту. Кромѣ того Дикки не былъ человѣкомъ, который имѣетъ только одинъ уголъ зрѣнія. Огромное разнообразіе его сюжетовъ показываетъ его разносторонность. Я наблюдалъ, какъ онъ, однажды, стоялъ передъ своимъ мольбертомъ, совершенно серьезно толковалъ съ м-съ Сэмби, и ея отзывъ объ его работѣ далъ ему новую точку зрѣнія. Поистинѣ, его талантъ заключался въ его простотѣ. Со всѣми людьми онъ былъ одинъ и тотъ же. Самый большой успѣхъ не кружилъ ему голову и не мѣнялъ его отношенія ни къ кому.

Позже, въ разгаръ популярности, когда все лондонское общество гостепріимно распахнуло передъ нимъ свои двери, я помню, что Дикки отправился въ Ноттингъ-хиллъ навѣстить тяжело больную м-съ Сэмби. Онъ просидѣлъ больше часу возлѣ нея, разсказывалъ, вспоминалъ времена Райдингъ-стрита и даже вызвалъ искорки прежняго веселья въ ея измученныхъ глазахъ.

Пріемъ картины «Мишура» Парижскимъ Салономъ сталъ поворотнымъ пунктомъ не только въ карьерѣ Дикки, но и, вообще, въ его жизни.

По приглашенію одного художественнаго общества, онъ поѣхалъ въ Парижъ. Здѣсь его чествовали обѣдомъ въ Бодлэровскомъ кафэ, одномъ изъ тѣхъ многихъ, въ районѣ Монмартра, которыя возникли, нашумѣли и скоро погибли. Дикки пробылъ недѣлю, перевидалъ достаточно музеевъ и галлерей, чтобы ощутить непреодолимое желаніе осмотрѣть всѣ художественныя сокровища Европы, и вернулся въ Лондонъ, готовый сейчасъ же собраться въ путь.

Странно, что ему никогда не приходило это въ голову раньше; но теперь, вкусивъ уже радостей туриста, онъ готовъ былъ чуть ли не босикомъ пуститься по Европѣ, если бы другой возможности не было. Къ счастью, однако, съ момента громкаго успѣха «Мишуры», заказы сыпались на Дикки со всѣхъ сторонъ, и денегъ на поѣздку за границу у него было довольно. Онъ ликвидировалъ свою мастерскую, взялъ все, что считалъ нужнымъ брать въ двухмѣсячное путешествіе, но вернулся въ Англію только черезъ два года.

Объ этихъ двухъ годахъ жизни Дикки я могу разсказать

только то, что слышалъ—самъ Дикки былъ всегда чрезвычайно сдержанъ въ разсказахъ о себѣ лично, хотя любилъ говорить о своихъ работахъ. Отъ него я узналъ немногое. Повидимому, за эти два года странствій онъ перевидалъ всѣ картинныя галлереи Европы, интересныя хоть чѣмъ-нибудь. Я видѣлъ альбомы съ его этюдами и копіи всевозможныхъ картинъ, которыя онъ сдѣлалъ—одни только этюды наполняютъ цѣлый большой ящикъ, который онъ отправилъ домой моремъ изъ Генуи.

Въ эти два года Дикки основательно ознакомился со всѣми теченіями искусства со временъ Ренессанса, и это изученіе, какъ и слѣдовало ожидать, углубило и расширило его художественные горизонты. Его простота и искренность не пострадала отъ этого ознакомленія съ чужимъ творчествомъ—скорѣе даже она развилась еще больше. Послѣ двухлѣтнихъ странствій Дикки вернулся въ Лондонъ человѣкомъ, знающимъ свой путь и увѣреннымъ въ томъ, куда онъ его приведетъ.

Объ его личныхъ приключеніяхъ во время путешествія я узнавалъ понемножку и случайно: иногда отъ самого Дикки, иногда отъ кого-нибудь изъ общихъ знакомыхъ, встрѣчавшихъ его за границей. Онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые могутъ прожить жизнь безъ приключеній; но всѣ эти эпизоды такъ отрывочны и разрозненны, что я не могу разсказать о нихъ въ стройной послѣдовательной формѣ.

Этюды и наброски въ альбомахъ Дикки, всѣ съ обозначеніемъ мѣста и числа, позволяютъ установить планъ его путешествія. Но когда пересматриваешь ихъ и видишь, какую работу они представляютъ, то трудно повѣрить, что при этомъ онъ могъ находить еще время для какихъ бы то ни было приключеній.

Тѣмъ не менѣе, въ Антверпенѣ, на сценѣ появляется натурщица, по прозвищу «Sotte Jeanne». Ея имя написано подъ многими эскизами въ альбомахъ Дикки. Онъ говорилъ мнѣ о ней только то, что она была необыкновенная дѣвушка, безъ тѣни эгоизма, но моральнаго чувства, по его выраженію, «у нея было не больше, чѣмъ у кролика». Отъ одного художника, жившаго въ то же время въ Антверпенѣ, я слышалъ, что эта натурщица вела у Дикки хозяйство, затѣмъ поѣхала съ нимъ въ Германію, а позже даже спорововждала его въ странствіи пѣшкомъ по Италіи.

Но въ Италіи она бросила его. Встрѣтилась съ какимъ-то французскимъ художникомъ и вернулась съ нимъ въ Парижъ. Послѣ Милана она не появляется больше въ альбомахъ Дикки.

Страдалъ ли онъ отъ этого, была ли уязвлена его гор-

дость, невозможно опредѣлить. Если бъ не свидѣтельство антверпенскаго художника, то, вообще, я бы никогда и этого не узналъ. Но я сомнѣваюсь въ серьезности этого романа, хотя Дикки не умѣлъ относиться иначе, какъ серьезно, ко всѣмъ женщинамъ. Въ немъ была пуританская кровь, унаслѣдованная отъ отца, и она склоняла его къ крайнему мнѣнію, въ какомъ бы положенiи онъ ни очутился.

Будучи въ Аѳинахъ, Дикки попалъ на недѣлю подъ арестъ за оскорбленiе человѣка, избивавшаго лошадь. Повидимому, провелъ онъ эту недѣлю чрезвычайно благодушно, удовлетворенный тѣмъ, что изрѣшетилъ «этого негодяя». Въ Неаполѣ онъ оказался замѣшаннымъ въ драку въ матросской тавернѣ и получилъ такой ударъ ножомъ въ плечо, что едва не поплатился жизнью. Несмотря на это, попадая въ портовый городъ, Дикки непремѣнно заводилъ знакомства съ моряками—ихъ жизнь всегда неудержимо манила его. Можетъ быть, этотъ интересъ зародился въ немъ еще въ тотъ перiодъ, когда онъ жилъ у мосье Марко въ Гринвичѣ. Въ Венецiи Дикки написалъ множество этюдовъ судовъ въ каналѣ Джудекка, а въ Марселѣ, гдѣ нѣтъ никакой живописи для изученiя, онъ пропадалъ почти три недѣли, проводя все время въ разныхъ кафэ въ порту, гдѣ море ежедневно выбрасываетъ на берегъ пеструю толпу разноязычныхъ людей и снова подхватываетъ новыхъ.

Трудно опредѣлить цѣнность этихъ двухъ лѣтъ для Дикки. Они пополнили его знанiя исторiи искусства — они пополнили его знанiя самой жизни. Я видѣлъ его въ Лондонѣ на другой день послѣ его возвращенiя: въ нѣсколько минутъ проявилось, какъ онъ выросъ за это время умственно. Его интересы стали шире, наблюденiя развили его мысль и обострили его оригинальность. Въ эти два года онъ позналъ самого себя и окрѣпъ въ своемъ стремленiи идти неустанно къ вершинѣ художественнаго достиженiя.

Въ Парижѣ онъ получилъ отъ м-ра Ниббса телеграмму о томъ, что м-съ Бальдвинъ умираетъ, и тотчасъ вернулся въ Лондонъ. Она упала съ лѣстницы, спускаясь изъ жилыхъ комнатъ въ лавку, сломала себѣ ногу, а также повредила себѣ что-то во внутреннихъ органахъ. Въ болѣе молодомъ возрастѣ это было бы не такъ опасно, но для м-съ Бальдвинъ у доктора почти не было надежды.

Дикки шелъ въ свѣчную лавку въ Дрюри-Лэнѣ съ той же старой боязнью встрѣчи съ сыномъ, но только къ ней теперь примѣшивалось любопытство. Когда онъ переступилъ черезъ

порогъ, то первое, что онъ увидѣлъ, былъ маленькій мальчикъ въ синей курточкѣ и синихъ короткихъ штанишкахъ, свѣтловолосый, голубоглазый, въ носочкахъ съ голыми до колѣнъ ногами. Онъ сидѣлъ на боченкѣ изъ-подъ масла и болталъ ногами, наблюдая за торговлей, которая производилась, несмотря на болѣзнь м-съ Бальдвинъ.

Дикки остановился въ дверяхъ. Голубые глаза внимательно-упорно разсматривали его, и даже ноги пріостановили на время свою работу. На Дикки смотрѣли его собственные глаза, но было въ нихъ и то выраженіе, которое нерѣдко улавливалъ онъ на лицѣ Констанціи, когда она бывала удивлена. Какая-то волна поднялась въ груди Дикки. Въ одинъ моментъ онъ пересталъ ощущать ту пустоту сердца, которую носилъ въ себѣ три года. Онъ думалъ, что никогда уже больше не почувствуетъ глубокаго волненія любви—теперь онъ зналъ, что оно еще живетъ въ немъ и ждетъ только живого прикосновенія, чтобы снова овладѣть душой.

— Какъ тебя зовутъ, молодой человѣкъ? спросилъ Дикки, увидѣвъ, что въ голубыхъ глазахъ мальчика удивленіе переходитъ въ смущеніе.

— Гарри Ферлонгъ.

Отвѣтъ былъ извѣстенъ впередъ, но все-таки звукъ его собственнаго имени, произнесенный лепечущимъ дѣтскимъ голоскомъ, еще глубже взволновалъ Дикки.

— Что ты тутъ дѣлаешь?—спросилъ онъ.

— Я смотрю за лавкой, пока старикъ выйдетъ отъ бабушки.

— Какой старикъ?

— А докторъ. Бабушка упала съ лѣстницы и разбилась. У нея кровь шла.

— Ты знаешь, кто я?

Пара большихъ глазъ оглядѣла его съ головы до ногъ.

— Нѣтъ...

— А ты слышалъ когда-нибудь о своемъ папѣ?

— Слышалъ.

— Кто же онъ?

— Онъ называется художникъ и рисуетъ картины такими маленькими-маленькими кисточками.

Дикки засмѣялся, взялъ ребенка на руки и поднялъ его высоко на воздухъ, а затѣмъ поставилъ на полъ, рядомъ съ собой.

— Какія же это маленькія кисточки?—спросилъ онъ.

Тогда ему было объяснено, что у нихъ въ лавкѣ про-

даются только большія кисти, маляры мажутъ ими дома краской изъ большихъ горшковъ. А у его папы кисти меньше.

— Кто тебѣ сказалъ все это?

— Бабушка и м-ръ Ниббсъ.

— А ты бы хотѣлъ видѣть своего папу?

— Я не уѣду отъ бабушки,—отвѣтилъ мальчикъ, смѣло откинулъ голову и отставилъ ногу впередъ съ явнымъ намѣреніемъ проявить свой протестъ, если его захотятъ увезти.

Тяжелое чувство зашевелилось въ душѣ Дикки. Что̀ будетъ съ мальчикомъ, если м-съ Бальдвинъ умретъ? Эта свѣчная лавка съ запахомъ мыла и парафина — его родной домъ. Вотъ онъ, сынъ Констанціи, съ тѣмъ же безстрашнымъ взоромъ, съ тѣмъ же благороднымъ очертаніемъ губъ.

— Такъ ты не любишь своего папу?—спросилъ Дикки, чувствуя себя неловко при мысли, какъ поздно задалъ онъ этотъ вопросъ.

— Не знаю его,—отвѣтилъ Гарри.

— А ты бы не хотѣлъ поѣхать съ нимъ въ деревню? Тамъ хорошо! Рѣчка, деревья, мягкая травка, по которой можно бѣгать, и яблони, а на нихъ растутъ яблочки! Какъ тебѣ это нравится?

— Не знаю его,—повторилъ мальчикъ. Его не трогали всѣ перспективы, развернутыя передъ нимъ чужимъ человѣкомъ, къ которому онъ еще не привыкъ.

— Сказать тебѣ большой секретъ?—спросилъ Дикки.

Гарри кивнулъ головой: секретъ, молъ, всегда сто̀итъ послушать.

— Я—твой папа.

Гарри попятился назадъ и подвергъ Дикки такому тщательному осмотру, котораго тотъ никогда еще не испытывалъ. Онъ чувствовалъ, что приговоръ этихъ голубыхъ глазъ будетъ безошибоченъ. Онъ зналъ, что стоитъ передъ судомъ Божьимъ такъ близко, какъ никогда не стоялъ въ своей жизни. И если бъ его родной сынъ отвернулся отъ него, этого приговора онъ бы не въ силахъ былъ перенести!

Говорить было нечего; дѣлать—нечего. Онъ просто ждалъ. И вотъ, когда изумленіе въ глазахъ мальчика стало переходить въ смущеніе, Дикки понялъ, что испытаніе пройдено. Имъ самимъ тоже овладѣло смущеніе. Онъ пробовалъ улыбнуться, затѣмъ нерѣшительно протянулъ руку. Гарри вложилъ свои маленькіе пальчики къ нему въ ладонь.

— Это правда? Ты красишь маленькими кисточками?—спросилъ онъ.

Дикки держалъ еще сына на рукахъ, когда докторъ сошелъ внизъ. Онъ торопливо бросился къ двери, но Дикки остановилъ его.

— Вы навѣщали мою тещу, сказалъ онъ.—Какъ ей? Можно мнѣ видѣть ее?

— Вы—м-ръ Ферлонгъ?

— Да. Ей плохо?

Докторъ понизилъ голосъ.

— Она, можетъ быть, проживетъ до завтра. Это въ лучшемъ случаѣ.

II.

Нужно было много стратегическихъ ухищреній для того, чтобы смягчить боль разлуки, которую смерть внесла въ жизнь Гарри Ферлонга. Дикки узналъ, что о смерти нельзя говорить дѣтямъ.

— Онъ справится съ этимъ,—сказалъ Дикки, думая о голубыхъ глазахъ и вспоминая Констанцію.

— Да въ этомъ не можетъ быть и сомнѣнія,—возразила Эмилія.—Но онъ не пойметъ и будетъ испуганъ. Мужчины ничего не понимаютъ въ дѣтяхъ. Они только и думаютъ, что о себѣ, и воображаютъ, что всѣ похожи на нихъ.

Сочинивъ какую-то замысловатую исторію, Эмилія перевезла мальчика къ себѣ домой; при этомъ она выразила рѣшительное намѣреніе оставить его совсѣмъ на воспитаніе. Она говорила, что сдѣлала для ребенка больше, чѣмъ Дикки подозрѣваетъ. Это было вѣрно. Но съ той минуты, какъ Дикки увидѣлъ въ лавкѣ маленькую фигурку своего сына на боченкѣ изъ-подъ масла, въ немъ заговорилъ новый инстинктъ—эгоистическій конечно, какъ всѣ инстинкты, но понятный и вполнѣ естественный.

Какъ всѣ люди, онъ увидѣлъ въ сынѣ себя, подрастающимъ для новой юности; это пробудило въ немъ не только тщеславіе, но и глубокое благоговѣніе передъ жизнью и радостное предчувствіе ея перспективъ. Не то чтобы онъ перенесъ цѣль своей жизни въ сына. Для этого еще слишкомъ молодая кипѣла въ немъ жизнь! Но этотъ свѣтловолосый мальчикъ съ синими глазами, съ открытымъ и смѣлымъ выраженіемъ лица былъ точно бѣлый холстъ, натянутый передъ нимъ, и пробуждалъ отвѣтственность за тотъ портретъ, которымъ онъ станетъ впослѣдствіи.

Но помимо всего этого, явившагося въ концѣ концовъ, только позднимъ проявленіемъ того эгоизма, который обыкновенно матери такъ рано находятъ у отцовъ своихъ дѣтей,— помимо этого и глубже, въ сердцѣ Дикки проснулось теплое и сильное чувство любви къ своему ребенку. Давно уже душа его была голодна. Всѣ эти три года безъ любви жизнь казалась ему неприглядной, а онъ самъ—плохо приспособленнымъ, чтобы въ одиночествѣ нести ея бремя. И вотъ опять, хоть въ иной формѣ, онъ имѣетъ, кого любить. Дикки твердо рѣшилъ взять маленькаго Гарри въ Эккингтонъ, на мельницу и тамъ, поручивъ его попеченію м-съ Флинтъ, самому наблюдать переходъ его отъ дѣтства къ отрочеству, отъ отрочества къ юности.

— Лучше деревни,—говорилъ онъ,—ничего не можетъ быть для мальчика. Надо научить его природѣ, прежде чѣмъ учить его чему бы то ни было. А какъ узнать природу въ большомъ городѣ? Здѣсь единственное, что узнаешь, это то, во что люди обращаютъ природу. Мнѣ хочется, чтобы онъ среди птицъ различалъ голосъ дрозда; чтобы онъ умѣлъ отыскать гнѣздо пустельги; чтобы онъ узнавалъ на глинѣ дорожку слѣдовъ выдры. Все это очень хорошо знать мальчику! А разъ въ его душѣ это будетъ запечатлѣно, тогда и не страшно все то, что онъ увидитъ въ городахъ!

Дикки чувствовалъ себя отвѣтственнымъ и подъ вліяніемъ этого начиналъ философствовать. Серьезно,—но съ легкимъ сердцемъ, радостно встрепенувшимся на новую жизненную задачу, брался онъ за дѣло.

Многое пришлось ему вспомнить, когда гробъ м-съ Бальдвинъ вынесли изъ свѣчной лавки въ Дрюри-Лэнѣ и медленно повезли по Герроу-Родъ на кладбище Кенсаль-Гринъ. Только Дикки и м-ръ Ниббсъ провожали ее: Эмилія осталась дома съ Гарри. Ѣхали они въ такой же душной, закрытой каретѣ, какъ и въ тотъ разъ. М-ръ Ниббсъ старался ни на секунду не прерывать разговора, чтобы помѣшать Дикки отдаться воспоминаніямъ о томъ днѣ, когда они хоронили Констанцію. Его усердіе увѣнчалось успѣхомъ. Ему, дѣйствительно, удалось нарушить цѣльность настроенія. Мысль Дикки скользила по внѣшнимъ впечатлѣніямъ того дня. Онъ вспомнилъ, какъ они остановились въ одномъ мѣстѣ, гдѣ образовался заторъ, и вспомнилъ прелестное лицо молодой дѣвушки въ экипажѣ, которая смотрѣла на него.

Какъ только окончилось отпѣваніе, и полированная крышка гроба была закидана землей, Дикки оставилъ м-ра Ниббса. Онъ хотѣлъ видѣть могилу жены, которую у него не хватало духу

посѣтить съ того самаго дня, когда онъ, потрясенный, безъ цѣли и воли, ушелъ съ кладбища бродить.

Теперь онъ долго стоялъ передъ этой могилой съ смѣшаннымъ чувствомъ боли и сожалѣнія и съ воспоминаніями о дняхъ ихъ свѣтлой любви, о самой Констанціи, объ ея благородствѣ и самоотверженіи.

— Дорогая моя,—прошепталъ онъ,—я сдѣлаю изъ нашего сына такого человѣка, о какомъ ты мечтала.

Глаза Дикки наполнились слезами, хотя это и было проявленіе сантиментальности, столь ненавистной англичанамъ. Онъ смахнулъ ихъ, но сквозь влажную пелену уже не различалъ надписи на небольшомъ бѣломъ крестѣ:

«Констанція Ферлонгъ, жена Ричарда Ферлонга, скончалась на двадцать первомъ году жизни».

Многіе посѣтители кладбища читали эту надпись, не зная ничего про Констанцію, не слыхавъ никогда про Дикки, но проходя мимо, они тихо шептали «Бѣдняжка!» А изъ женщинъ многія догадывались, какъ было дѣло.

III.

Маленькому Гарри сказали, что его бабушка уѣхала по дѣлу—закупить свѣчей и масла для лавки. Онъ не огорчался, потому, что былъ увлеченъ новымъ папой, который умѣлъ разсказывать такія чудесныя сказки, какъ никто, и мальчикъ былъ радъ поѣздкѣ съ нимъ на мельницу.

Всю дорогу до Першора они сидѣли другъ противъ друга въ вагонѣ третьяго класса, и Дикки, вспоминая свое дѣтство, изощрялся въ выдумкахъ, на которыя самъ не считалъ уже себя способнымъ.

— Посмотри, какъ деревья бѣгутъ назадъ, въ Лондонъ,— сказалъ онъ, когда они очутились за-городомъ. Послѣ этого пришлось отвѣчать на вопросы, зачѣмъ имъ понадобилось въ Лондонъ и что они будутъ тамъ дѣлать—въ Дрюри-Лэнѣ ихъ не было и слѣда.

— Они никогда не попадаютъ всѣ туда, — объяснилъ Дикки,—только нѣкоторыя добираются. Одни, какъ ласточки, умираютъ по дорогѣ, другія—остаются въ полѣ и боятся города, потому что тамъ дымъ и туманъ.

А что это—ласточки? Для малыша, родившагося и выросшаго въ Дрюри-Лэнѣ, естественно было не знать о нихъ.

Для Дикки было радостно разсказать мальчику о ласточкахъ. Вдобавокъ, онъ, вѣдь, какъ разъ только-что покинулъ южную Францію, которая является этапомъ во время ихъ ежегодныхъ перелетовъ. О ласточкахъ и ихъ странствованіи можно было разсказать цѣлую волшебную сказку. Дикки увлекся своей восхитительной задачей и, глядя въ радостно-изумленные голубые глаза, разсказалъ такъ, что и самъ не зналъ, какъ оно у него сложилось въ умѣ.

Эти разсказы сократили дорогу обоимъ путешественникамъ. Впрочемъ, одинъ изъ нихъ конца ея такъ и не дождался. Дикки только-что началъ длинную сказку о портномъ, который сидитъ у окошка своей мастерской и шьетъ для людей, которые исподтишка смѣются надъ нимъ же. Эта сказка давала безконечный просторъ для фантастическихъ приключеній, и голубые глаза вначалѣ были широко раскрыты, но мало-по-малу ихъ вѣки тяжелѣли. Свѣтлая головка стала сонно покачиваться изъ стороны въ сторону. Дикки взялъ ребенка къ себѣ на колѣни, бережно уложилъ его и сталъ молча глядѣть въ окно.

Наконецъ, пріѣхали въ Першоръ. Дикки на рукахъ вынесъ своего сына изъ вагона: у крыльца станціи ихъ ожидалъ старый кабріолетъ. Всю дорогу до Эккингтона Гарри продолжалъ крѣпко спать: его не разбудила даже тряска по выбоинамъ, когда они переѣзжали черезъ старый мостъ. Онъ спалъ, и его губки были полураскрыты, точно отъ изумленія передъ новой жизнью, которая начиналась для него.

Была снова весна. Сирень стояла въ цвѣту, тюльпаны пышно распустились, а нарциссы уже кончились. Всѣ изгороди нарядно зазеленѣли, а обрубленныя ивы, имѣвшія еще недавно видъ мертвыхъ, ожили.

Дикки шелъ по садовой дорожкѣ со своей ношей на рукахъ—совершенно такъ же, какъ когда-то давно пастухъ Энжель несъ его самого: только встрѣча предстояла иная. Дверь была заперта. Съ нѣкоторымъ трудомъ высвободивъ руку, Дикки постучалъ въ дверь старымъ молоткомъ, какъ въ тотъ разъ, когда ему открыла Анни.

Теперь это была м-съ Флинтъ. Онъ узналъ ея походку. Но звукъ ея шаговъ не вызвалъ въ немъ волнующихъ воспоминаній. Душа его была полна радостной гордости: что она скажетъ объ его сынѣ? Онъ взглянулъ на личико спящаго ребенка и увидѣлъ передъ собой Констанцію и какъ-будто и себя.

Иное чувство было у м-съ Флинтъ. Она нервно возилась съ засовами и цѣпочкой тяжелой двери—которая открывалась

только для такихъ рѣдкихъ гостей—и каждый нервъ ея трепеталъ волненіемъ встрѣчи. Больше двухъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ она въ послѣдній разъ видѣла Дикки. Въ тихіе вечера на мельницѣ, когда м-ръ Ферлонгъ читалъ вслухъ, а она шила, какъ часто работа падала къ ней на колѣни, а мысли уносились далеко! Но она думала тогда, что это не любовь. Воспоминанія о Дикки не имѣли въ себѣ ни горечи, ни остроты. Иногда она съ улыбкой подбирала свою упавшую работу и думала, какъ легко любовь переходитъ въ смиреніе и становится однимъ изъ спокойныхъ жизненныхъ воспоминаній.

Но сейчасъ, когда м-съ Флинтъ шла отворять дверь на стукъ Дикки, ея увѣренности какъ не бывало. Она знала, что онъ везетъ съ собой ребенка, но не ощущала даже любопытства. Только безумно прыгало въ ея груди сердце: вѣдь, она сейчасъ увидитъ Дикки! Ей казалось, что оно вырвется и распахнетъ дверь, прежде чѣмъ поддадутся ржавые засовы. Но вотъ, наконецъ, они поддались, яркій свѣтъ хлынулъ въ сѣни, передъ ней появилась фигура Дикки, и она поняла, что любитъ его, какъ и прежде.

— Я угадала, что это вы,—сказала она, едва переводя духъ. И тотчасъ увидѣла ребенка у него на рукахъ и воскликнула, подходя къ нему ближе:—Дикки! Онъ спитъ?.. Какая прелесть!

Она взглянула ему прямо въ глаза:

— Вашъ сынъ, Дикки.

— Мой сынъ,—сказалъ онъ. Его гордость была удовлетворена самымъ ея тономъ.—Въ какой онъ будетъ комнатѣ? Пусть спитъ теперь, какъ есть, правда? Не стоитъ раздѣвать его сейчасъ. Для такого человѣчка путешествіе было утомительное. Первое, кажется, въ его жизни.

М-съ Флинтъ протянула руки, хотя замѣтила, что Дикки колеблется. Но вотъ ребенокъ теплымъ комочкомъ уже лежитъ у нея на груди.

— Онъ будетъ спать у меня. Я приготовила ему маленькую кроватку. Сейчасъ я отнесу его наверхъ.

Дикки пошелъ вслѣдъ за ней. Подымаясь по лѣстницѣ, онъ выразилъ опасеніе, не будетъ ли ребенокъ ей мѣшать и не лучше ли помѣстить его у него въ комнатѣ,—но все время онъ чувствовалъ, что дѣло уже ускользнуло изъ его рукъ. Съ женщинами всегда такъ. Есть въ жизни нѣкоторыя вещи, которыя онѣ монополизировали. И, несомнѣнно, по праву. Онъ вспомнилъ *эту* черточку даже въ м-съ Коллинзъ, которая ему заказала

написать портретъ своего умершаго ребенка—это былъ его первый заказъ. Вся эта картина—убогая комната и плачущая женщина—встала передъ нимъ какъ живая, и въ сердцѣ у него защемило: онъ со страхомъ взглянулъ на головку Гарри, лежавшую на плечѣ м-съ Флинтъ. Онъ понималъ теперь ужасъ смерти.

Уютность комнаты м-съ Флинтъ и бѣленькая постелька, приготовленная для его мальчика, скоро разсѣяли этотъ страхъ. Надъ кроватью м-съ Флинтъ Дикки увидѣлъ одинъ изъ своихъ этюдовъ, который онъ какъ-то подарилъ ей, въ рамкѣ, заказанной въ Першорѣ. Было еще три другихъ, тоже въ рамкахъ, которыхъ онъ совсѣмъ не помнилъ.

Дикки показалъ на висѣвшій надъ кроватью.

— Я помню, что далъ вамъ этотъ этюдъ,—сказалъ онъ,—но гдѣ вы взяли другіе?

— Вы ихъ бросили. А я... сохранила.

Онъ подумалъ, что бросалъ неразъ неудавшіеся ему рисунки, и оглядѣлъ стѣны, нѣтъ ли другихъ. Но ихъ больше не было. Только на туалетномъ столѣ стояла его фотографія, снятая въ Лондонѣ четыре года назадъ—эту карточку она, значитъ, видитъ всегда, когда причесывается, утромъ и вечеромъ.

Тутъ только Дикки вспомнилъ все, что было между ними—мысли его смѣшались, онъ смутился. Онъ понялъ, что м-съ Флинтъ все еще любитъ его. Эти картины, эта карточка были нѣмыми свидѣтелями того, что для нея любовь не была минутной прихотью. Дикки дорого бы далъ, чтобы вовсе не видѣть ихъ. Ибо взглянуть на ея комнату было все равно, что заглянуть ей въ душу. За эти три года какъ многое произошло у него! А она все жила здѣсь и молчаливо хранила тайну въ своемъ сердцѣ. Ничто не измѣнилось въ ея жизни. Вотъ что значитъ быть женщиной! Онъ почувствовалъ весь трагизмъ этого положенія, и ему казалось, что само молчаніе обвиняетъ его.

М-съ Флинтъ не преминула уловить ходъ мыслей Дикки. Она уложила ребенка въ постель, а затѣмъ подошла къ Дикки и мягкимъ, ободряющимъ движеніемъ взяла его руку.

— Васъ, вѣдь, не будетъ тревожить моя особа?—сказала она.—Я никогда больше не разыграю такой глупой сцены, какъ тогда. Съ этимъ покончено.

Въ ея голосѣ былъ оттѣнокъ горечи—не оттого, что это была правда, а оттого, что моментъ требовалъ сказать ложь.

— Пойдите внизъ повидаться съ отцомъ.

Дикки взялъ м-съ Флинтъ за плечи и повернулъ ея лицо къ себѣ. Онъ не успѣлъ еще отдать себѣ отчета въ томъ, какъ

глубоко его тронуло ея постоянство, а также и то, что ея ложь уязвила его.

— Вы счастливы здѣсь?—спросилъ онъ.

— Вполнѣ,—отвѣтила она. Дикки не уловилъ ни колебанія въ ея голосѣ, ни неувѣренности во взглядѣ. Значитъ, это правда! Съ этимъ, дѣйствительно, *покончено*. Три года, и любви нѣтъ! Его предположеніе было невѣрно. Его чутье обмануло его.

— Разлука часто излѣчиваетъ,—сказалъ онъ. Въ его голосѣ такъ явственно звенѣла надтреснутая нотка разочарованія, что сердце м-съ Флинтъ встрепенулось.

IV.

Правильно говорится, что надежда никогда не умираетъ въ человѣческой душѣ. Ибо снова Дикки и м-съ Флинтъ оказались въ прежней ситуаціи. Три года прошло со смерти Констанціи, и сердце Дикки, всегда жаждущее женской любви, было точно сѣмя, зимующее въ землѣ и ожидающее только весенняго солнца, чтобы пустить ростки.

Когда онъ увидѣлъ у м-съ Флинтъ на столѣ свою фотографію, а на стѣнахъ—свои этюды, то, не ощущая самодовольства и эгоистическаго удовлетворенія, онъ почувствовалъ,—какъ естественно было въ его одиночествѣ—что тутъ, наконецъ, настоящая любовь. У него не являлось желаніе использовать ее, но сознаніе его радовало. Этой женщинѣ онъ могъ довѣрять, могъ раскрывать свою душу и дѣлиться съ ней самыми завѣтными своими мечтами. Сдержанная скрытность была свойствомъ Дикки среди мужчинъ. Но съ женщинами—въ особенности же съ любящими его—онъ высказывался весь. Ему нужно было сочувствіе и пониманіе, а жизнь рано научила его, что между женщинами это легче найти.

Оттого въ моментъ этой второй встрѣчи Дикки такъ расцвѣлъ надеждой, а затѣмъ сразу увялъ, когда повѣрилъ словамъ м-съ Флинтъ, что все кончено. Но не себялюбіе и оскорбленная гордость вызвали этотъ упадокъ настроенія. Если бы пришлось, онъ чистосердечно пожелалъ бы того, что лучше для нея самой. Онъ не воображалъ, что достоинъ вѣчной, безплодной любви, и не было въ немъ слѣпой увѣренности, какъ у очень многихъ мужчинъ, что женщина, разъ ихъ любившая, не можетъ никогда забыть ихъ. Нѣтъ, Дикки чувствовалъ только, что, съ

потерей ея любви, ему придется потерять и ея глубокое сочувствіе и пониманіе.

Вотъ что вызвало ту нотку разочарованія, которая заставила встрепенуться сердце м-съ Флинтъ.

Но что, собственно, давала ей эта нотка? Проанализировать это сложное чувство нелегко. Прежде всего, разумѣется, тутъ была вспышка надежды, и она-то зажгла краску на лицѣ м-съ Флинтъ и искорки въ ея глазахъ. Любимый ею человѣкъ вернулся, и ему горька мысль, что ея любовь къ нему прошла.

Но, погодя, оставшись наединѣ въ тиши своей комнаты, гдѣ такъ часто она лежала ночью безъ сна, раздумывая о своей жизни, м-съ Флинтъ почувствовала, какъ изъ-подъ надежды медленно выползаетъ недовѣріе. Хорошо. Онъ подавленъ тѣмъ, что ея любовь умерла, но значитъ ли это, что она родилась въ немъ?

Упорнымъ усиліемъ воли она старалась взять себя въ руки. «Не будь дурой! — сказала она себѣ, какъ и раньше говорила много разъ. — Онъ тебя не любитъ. И никогда не полюбитъ!» И затѣмъ, терзая сама себя, она стала мысленно рисовать образъ женщины, какая должна быть избранницей его сердца. Это будетъ прелестное существо, непохожее на нее самоё,—она будетъ красива и умомъ будетъ равна ему. М-съ Флинтъ взглянула на свои руки, огрубѣвшія отъ хозяйственной работы на мельницѣ. Руки *той* будутъ иныя. Она совершенно ясно представила себѣ тонкіе, гибкіе пальцы той, которую Дикки полюбитъ. Этими мыслями она точно зондомъ бередила свою рану, но запускала его все глубже, какъ бы для того, чтобы вылѣчить ее, а затѣмъ подошла къ туалету посмотрѣть на себя въ зеркало.

Теперь м-съ Флинтъ улыбалась горькой улыбкой. Слишкомъ ужъ чудовищной казалась мысль, что Дикки можетъ любить ее. Какъ далекъ нарисованный ею образъ отъ того, что отражаетъ зеркало! Она чувствовала это особенно остро оттого, что въ самомъ Дикки она теперь улавливала огромную перемѣну: успѣхъ далъ ему увѣренность, въ его глазахъ свѣтилось властное выраженіе: онъ зналъ себѣ цѣну, чего, повидимому, раньше не было. Всякая женщина будетъ гордиться побѣдой надъ такимъ мужчиной. Нѣтъ! она ему не пара. Если бъ только онъ нашелъ ту, настоящую свою суженую, и, встрѣтившись съ взглядомъ ея глазъ, почувствовалъ, что въ этихъ глазахъ—его судьба. Тогда,—думала м-съ Флинтъ, вспышки надежды погасли бы въ ней,—и въ молчаніи сердца своего она нашла бы миръ въ воспоминаніи.

Такую женщину м-съ Флинтъ видѣла. Она подняла голову,

точно пастухъ, оберегающій свое стадо, почуявъ подозрительный вѣтеръ. Да, такую женщину она видѣла, и въ этотъ самый день. Въ усадьбѣ Уулась-Холлъ съѣхались гости на охоту. Утромъ, когда она шла на ферму, чтобы пожаловаться на плохое, доставленное ей молоко, ее обогнала группа всадниковъ. На великолѣпномъ гнѣдомъ, выступавшемъ съ гордостью чистокровнаго скакуна, сидѣла молодая дѣвушка, лѣтъ двадцати пяти, не больше. Вотъ она и была совершенно такая, какую рисовала въ своемъ воображеніи м-съ Флинтъ.

Энергіей и бодрой радостью жизни вѣяло отъ молодой фигуры амазонки въ это свѣжее весеннее утро. Справа и слѣва отъ нея ѣхало двое мужчинъ въ красныхъ курткахъ, и явно соперничали за первенство въ бесѣдѣ. Дѣвушка ни одного не дарила своимъ вниманіемъ больше другого и ѣхала, откинувъ голову назадъ и подставляя лицо волнѣ весенняго холодка. Въ ея умныхъ глазахъ сверкало оживленіе, и видно было, что смѣхъ вотъ-вотъ готовъ сорваться съ ея устъ. Онъ уже притаился въ уголкахъ ея губъ, раскрытыхъ въ мягко-иронической улыбкѣ, словно комедія жизни всегда разыгрывалась передъ ней, и она не привыкла пропускать ни одного ея момента. Чувствовалась склонность къ юмору и въ тонко-выточенной линіи носа съ неслишкомъ близко посаженными ноздрями.

Но не только любовь къ забавному и пониманіе его отражалось въ этомъ лицѣ. Полнѣе и глубже выдавали натуру ея губы. Отъ граціозно опущенныхъ угловъ, гдѣ прятался смѣхъ, онѣ прелестной дугой безукоризненной формы подымались вверхъ, открывая бѣлизну зубовъ.

На этихъ-то губахъ остановился взглядъ м-съ Флинтъ. Ибо все женское очарованіе заключалось въ нихъ. М-съ Флинтъ больше нравились огоньки лукаваго юмора въ глазахъ красавицы, но все-таки она не могла оторвать своего взгляда отъ этихъ губъ. Есть вещи, которыя одна женщина знаетъ о другой, но никакія силы, кромѣ только ревности, не заставятъ ее высказать ихъ. Такія вещи угадываются мигомъ. Нуженъ одинъ взглядъ, и довольно. И м-съ Флинтъ успѣла бросить этотъ взглядъ на проѣзжавшую кавалькаду въ то самое утро, когда пріѣхалъ Дикки.

Теперь, возстановивъ этотъ образъ въ своей памяти, она сѣла на свою кровать и произнесла вслухъ:—Это была та, которая будетъ его избранницей.

Но какъ только она произнесла эти слова, снова вспомнилось его горькое разочарованіе.

— «Разлука часто излѣчиваетъ»,—онъ сказалъ. Она снова услышала надтреснутую нотку разочарованія, и снова хлынула въ ея сердце надежда.

Испугавшись, что она вновь овладѣетъ ею, м-съ Флинтъ подошла къ кроваткѣ, гдѣ Гарри все еще спалъ, подложивъ подъ щеку кулачекъ, и опустилась на колѣни.

— Ты вотъ мой теперь,—шептала она.—Ты его и мой. Никто не отниметъ тебя теперь... ты будешь мой... мой собственный...

Такъ она смиряла невольно подымавшуюся въ груди робкую надежду—чаяніемъ новыхъ дней и новыхъ интересовъ, которые внесетъ въ тихую жизнь на мельницѣ звонкій дѣтскій голосокъ.

V.

Дикки нашелъ, что, за три года его отсутствія, отецъ очень постарѣлъ. Дѣло было не только въ посѣдѣвшихъ волосахъ и въ согнувшейся, прежде такой прямой, фигурѣ—за привѣтливой улыбкой встрѣчи Дикки уловилъ тяжелую тѣнь усталости. М-ръ Ферлонгъ напоминалъ дерево, поникшее главой, не оттого, что безвозвратно прошла пора, когда оно было усѣяно плодами, а оттого, что какая-то болѣзнь подтачиваетъ его подъ самый корень.

М-ръ Ферлонгъ, повидимому, замѣтилъ пытливость взгляда Дикки, снова улыбнулся и сталъ говорить о томъ, какъ они узнали объ его успѣхѣ.

— Кто эта барышня, которую ты изобразилъ на картинѣ «Мишура»? Мы видѣли снимокъ съ нея въ журналѣ. Было сказано: «Съ любезнаго разрѣшенія художника»—это твоего, конечно. Думаю, что это любезное разрѣшеніе не дано было даромъ. Этого, кажется, не даютъ безплатно. Тамъ же мы прочитали, что въ Академію твою картину не приняли, и какъ она была принята въ Парижѣ. Конечно, въ Академію нелегко попасть такъ, сразу! Это извѣстно. Но въ журналѣ не сказано было, кто была эта барышня. Кто она такая?

Говорилъ онъ быстро, необычайно быстро. Въ его словахъ выражалось намѣреніе установить сразу истинное взаимоотношеніе отца къ сыну, но было также и желаніе заговорить Дикки, отвлечь его. Старикъ чувствовалъ въ себѣ перемѣну и старался скрыть ее отъ сына.

— Вѣроятно, она была натурщицей,—продолжалъ онъ.

М-съ Флинтъ въ это время накрывала столъ къ чаю. Она не подняла головы, но напряженно ожидала отвѣта. У обоихъ было возбуждено любопытство, когда они увидѣли репродукцію портрета въ журналѣ. Но только мучительная необходимость говорить во что бы то ни стало заставила старика задать этотъ вопросъ въ присутствіи м-съ Флинтъ. Если бы онъ дѣйствовалъ обдуманно, то переждалъ бы и спросилъ Дикки объ этомъ наединѣ. Но слово не воробей. Вылетитъ — не поймаешь. И въ концѣ концовъ дѣло-то пустячное! Какая можетъ быть разница: натурщица она или нѣтъ? Художникъ долженъ писать что-нибудь, и портреты, убѣждалъ онъ себя, должны же быть съ кого-нибудь.

У м-съ Флинтъ любопытство и интересъ возбуждали лицо дѣвушки, ея платье, весь ея обликъ. Какъ уже упоминалось, картина вызывала больше вниманія среди женщинъ, нежели среди мужчинъ. И, когда Дикки отвѣтилъ, что это была не натурщица, а его знакомая барышня, любезно согласившаяся позировать ему, м-съ Флинтъ улыбнулась. Ея улыбка какъ бы говорила: «Знаемъ, знаемъ! нечего больше разсказывать. Давайте говорить о чемъ-нибудь другомъ». Ея улыбка настолько точно выражала именно это, что ея ближайшее дѣйствіе только подтвердило ихъ: она вышла изъ комнаты принести что-то къ столу, тогда какъ ничто не заставило бы ее уйти, если бы рѣчь шла о томъ же.

Когда она вернулась, разговоръ шелъ все еще о работахъ Дикки. «Мишура» была продана за двѣсти фунтовъ. М-ръ Ферлонгъ старался скрыть свое изумленіе, но огромность цифры ошеломила его.

— Да... конечно, она стоитъ этого,—сказалъ онъ, но въ голосѣ не было искренности. И м-съ Флинтъ и Дикки замѣтили, что извѣстіе произвело на него сильное впечатлѣніе.

— А съ тѣхъ поръ ты больше портретовъ не писалъ?— спросилъ онъ.—Этотъ, вѣдь, былъ два года назадъ, правда?

— Да. Два года. Съ тѣхъ поръ я не писалъ портретовъ. Только пейзажи я писалъ во время путешествія—много въ Италіи, нѣсколько во Франціи и въ Германіи.

— А за нихъ ты получалъ хорошія цѣны?

— Да всѣ они идутъ къ Рейнгардту и Гернани... Нѣкоторые проданы, а въ этомъ году они предполагаютъ устроить выставку моихъ вещей. Вѣроятно, владѣлецъ «Мишуры» разрѣшитъ взять ее временно. Пріѣзжайте въ Лондонъ и увидите ее тогда.

М-ръ Ферлонгъ засмѣялся.

— Слишкомъ далеко ѣхать,—сказалъ онъ,—изъ-за того, чтобы посмотрѣть картину.

Дикки виновато улыбнулся—какой эгоизмъ съ его стороны! Онъ перевелъ разговоръ на мельницу, спросилъ, какъ идутъ дѣла и не было ли у отца недоразумѣній со служащими во время рабочихъ безпорядковъ.

— Нѣтъ... мои люди ведутъ себя спокойно, — отвѣтилъ м-ръ Ферлонгъ, — впрочемъ, они получаютъ хорошую плату и рабочій день невеликъ. Приходится по мѣрѣ силъ устранять возможность недовольства... насколько это возможно...

— А какъ всѣ эти новыя машины?—спросилъ Дикки.

— Ахъ, да... новыя машины!

Старикъ повернулся на каблукахъ.

— Они, пожалуй, выдумаютъ скоро такое зерно, которое будетъ само себя молоть!

Сказавъ это, онъ вдругъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Дикки у м-съ Флинтъ.

— Онъ всегда дѣлается такой, когда кто-нибудь заговариваетъ о новыхъ машинахъ. Онѣ, видите ли, сбиваютъ цѣны, и это, повидимому, вредитъ его дѣламъ. Онъ не можетъ молоть такъ быстро, какъ онѣ. Водяная сила перемѣнчива.

— Она всегда была такой,—сказалъ Дикки.

— Да... но паръ всегда одинъ.

— Тогда отчего же отецъ не переустроитъ мельницу по-новому?

— Онъ не хочетъ... Можетъ быть, у него нѣтъ на это средствъ. Я не знаю. Вѣдь, м-ръ Ферлонгъ очень скрытный человѣкъ. Онъ никогда не говоритъ со мной о дѣлѣ. Иногда я задаю вопросы, но, кажется, онъ презираетъ ихъ. Мнѣ думается, что онъ ведетъ борьбу и хочетъ вести ее на свой рискъ и страхъ, безъ всякаго вмѣшательства. Вѣдь, и у васъ такая же натура, Дикки?

— Вы думаете?

Онъ взглянулъ на нее съ улыбкой. *Его* борьба такъ удачно шла теперь—все побѣды да побѣды!

— Я знаю, что у васъ были черные дни, но вы о нихъ никому не говорили.

— А вы думаете, что у отца черные дни?

— Да... мнѣ кажется.

— Вотъ почему онъ постарѣлъ такъ сильно! Но отчего онъ молчитъ? Отчего не довѣрится никому?

— Оттого, мнѣ кажется, что онъ считаетъ свое рѣшеніе сильнымъ и думаетъ, что оно въ концѣ концовъ побѣдитъ.

Можетъ быть, такъ оно и было. Но наступилъ день, когда рѣшеніе было сломлено.

Однажды утромъ, за завтракомъ м-ръ Ферлонгъ нашелъ у своего прибора письмо и нетерпѣливо вскрылъ его. Это нетерпѣніе замѣтили Дикки и м-съ Флинтъ, и оба прервали ѣду, слѣдя за нимъ. И вдругъ разомъ точно туча легла на лицо старика. Онъ положилъ письмо, тупо глядя на свою тарелку, затѣмъ взялъ и перечиталъ его еще разъ. Наконецъ, положилъ его въ карманъ и вышелъ изъ комнаты.

М-съ Флинтъ и Дикки провожали его глазами. Затѣмъ они переглянулись.

— Вы замѣтили выраженіе его лица?—спросилъ Дикки.— Онъ сразу осунулся. Когда онъ клалъ письмо въ карманъ, ему можно было дать девяносто лѣтъ.

Дикки всталъ изъ-за стола.

— Я не могу дольше выносить этой молчанки подъ названіемъ «Отцы и дѣти». Пусть онъ объяснитъ мнѣ, въ чемъ дѣло!

М-съ Флинтъ не протестовала. Она только улыбнулась этому названію «Отцы и дѣти». Тѣ самыя свойства, которыя были слабостью м-ра Ферлонга, обратились у Дикки въ силу. Ихъ огромное сходство бросалось въ глаза. Инстинктъ, заставлявшій м-ра Ферлонга такъ безумно-нелѣпо бороться за поддержаніе своего достоинства, оберегая себя отъ всѣхъ даже въ минуты тяжкихъ душевныхъ невзгодъ, это былъ тотъ самый инстинктъ, который у Дикки проявлялся въ формѣ такого страстнаго нетерпѣнія.

Дикки нашелъ отца на мельницѣ, гдѣ большое колесо тянуло свою однообразную пѣсню, такъ знакомую Дикки съ дѣтства. Увидя отца такъ близко у колеса, что невѣрный шагъ стоилъ бы ему жизни, Дикки почувствовалъ трепетъ страха. Онъ подбѣжалъ къ нему и схватилъ старика за руку такъ крѣпко, что тотъ закричалъ.

— Что случилось, отецъ?—спросилъ онъ, возвышая голосъ, чтобы покрыть стукъ.

М-ръ Ферлонгъ покачалъ головой. Можетъ быть, онъ сказалъ «ничего», но Дикки видѣлъ только какое-то движеніе губъ. Звукъ затерялся среди грохота мельницы. Тогда, не выпуская руки отца изъ своей, онъ повелъ его, и м-ръ Ферлонгъ пошелъ покорно, какъ послушный ребенокъ.

— Слушай, отецъ,—сказалъ Дикки, когда они снова очу-

тились въ спокойной домашней обстановкѣ.—Безполезно говорить, что ничего не случилось. Когда ты прочелъ это письмо, то въ одну секунду сталъ старикомъ. Что̀ такое? Произошла какая-то бѣда. Я подумалъ, что что-то есть, какъ только пріѣхалъ. А теперь это явно. Слѣпой бы увидѣлъ. Что̀ такое?

М-ръ Ферлонгъ поднялъ глаза на Дикки. Они были похожи на глаза ребенка, поставленнаго въ необходимость каяться.

— Я—банкротъ, Дикки,—сказалъ онъ, и голосъ у него былъ, какъ у ребенка; не было въ немъ ни властности, ни энергіи, ни увѣренности.

— Банкротъ? Какъ это? Вѣдь, мельница идетъ, зерно мелется. Люди работаютъ.

— Да... Люди еще пока ничего не знаютъ. Отъ нихъ мы скрыли. Но послѣдніе два года дѣла идутъ плохо. Паровыя мельницы отбили весь рынокъ. Я долженъ былъ взять ссуду изъ банка, чтобы уплатить по счетамъ—я надѣялся, что зерно подешевѣетъ, и дѣло пойдетъ тогда легче. Но я не могу молоть такъ скоро, чтобы оправдывать себя. Я долженъ банку, я долженъ и другимъ лицамъ.

— Сколько ты долженъ банку?

Бѣдный старикъ боялся прямого отвѣта. Онъ старался уклониться. Онъ не хотѣлъ назвать настоящей суммы. Но глаза Дикки смотрѣли на него въ упоръ. Онъ попытался-было отвѣтить ему своимъ старымъ пристальнымъ взглядомъ, но не выдержалъ.

— Я не знаю въ точности, сколько,—пробормоталъ онъ.— Двѣсти пятьдесятъ фунтовъ съ чѣмъ-то, кажется.

Неудивительно, что его такъ поразила сумма, полученная за портретъ—за это немножко красокъ на кускѣ холста! Полученныя за «Мишуру» деньги могли спасти ему честное имя.

— А сколько другимъ кредиторамъ?—настаивалъ Дикки. Онъ не хотѣлъ быть рѣзкимъ и упрямымъ, но не было времени для безплодныхъ сантиментальностей.—Сколько приблизительно?

Глаза м-ра Ферлонга бѣгали по сторонамъ, какъ у затравленнаго звѣря. Въ смущеніи онъ припоминалъ: во-первыхъ Бэтсъ, двѣнадцать фунтовъ; затѣмъ м-ръ Легаттъ, его старый другъ Легаттъ—ему онъ долженъ тридцать фунтовъ. Затѣмъ былъ еще фермеръ Симпсонъ, затѣмъ хлѣботорговецъ Прендергастъ и еще другіе. Ихъ лица угрожающими призраками вставали передъ нимъ. Въ одно мгновенье они выросли въ толпу, грозную и страшную, выкрикивающую въ одинъ голосъ свои требованія. Невозможно было отличить ихъ и пересчитать всѣхъ.

М-ръ Ферлонгъ посмотрѣлъ на Дикки и сказалъ:

— Я не знаю... не могу сказать, сколько. Въ письмѣ говорится, что сегодня утромъ будетъ собраніе кредиторовъ. Я надѣялся, что они подождутъ еще... что они дадутъ мнѣ возможность довести борьбу до конца.

— Гдѣ будетъ собраніе?

— Въ Першорѣ. У адвоката Эрншоу. Сейчасъ надо велѣть заложить бричку, и я поѣду.

— Ты долженъ присутствовать тамъ вмѣстѣ со всѣми своими кредиторами?

— Нѣтъ, но я буду въ другой комнатѣ.

— Тогда я ѣду съ тобой,—сказалъ Дикки.—Мнѣ хочется посмотрѣть на этихъ кредиторовъ. Я пойду и скажу Джону запрягать сейчасъ.

VI.

Провинціальный адвокатъ, особенно въ такомъ городкѣ, какъ Першоръ—персона не малаго калибра. Онъ—секретарь мѣстнаго клуба игры въ теннисъ. Онъ предсѣдательствуетъ на маленькихъ политическихъ митингахъ въ клубѣ уніонистовъ, когда они вотируютъ недовѣріе какому-либо либеральному члену кабинета. Онъ является однимъ изъ столповъ церкви, поскольку церковь нуждается въ свѣтской опорѣ. Но его значеніе заключается главнымъ образомъ въ томъ, что онъ знаетъ секреты всѣхъ и каждаго; прошлое и настоящее любого человѣка для него—открытая книга, и оттого всѣ относятся къ нему съ полнымъ почтеніемъ.

На человѣка такого склада, какимъ обыкновенно бываетъ провинціальный адвокатъ, это все имѣетъ одно опредѣленное вліяніе: онъ становится заносчивымъ. Чрезмѣрное изобиліе информаціи сказывается. Онъ обладаетъ имъ и несетъ его (какъ мэръ—свою служебную цѣпь), по-своему, блестяще. Такой человѣкъ былъ м-ръ Эрншоу.

Поздоровавшись съ м-ромъ Ферлонгомъ, онъ съ такой очевидностью устранилъ изъ разговора всякое упоминаніе о непріятномъ дѣлѣ, предстоявшемъ ему, что это переходило всякія границы такта.

Онъ сталъ разсказывать, что м-съ Эрншоу, его супруга, наканунѣ участвовала въ раздачѣ наградъ на весенней выставкѣ цвѣтовъ, и что тамъ присутствовала и лэди Кендердайнъ. Ея

садовникъ выставилъ поразительную коллекцію тюльпановъ—дѣйствительно, такихъ экземпляровъ ему, м-ру Эрншоу, никогда не приходилось видѣть. А сама лэди Кендердайнъ до такой степени мила и проста! Его жена очарована ею. Она такъ интересовалась всѣми экспонатами, хотя ни одинъ, разумѣется, не могъ идти въ сравненіе съ ея собственными.

Дикки стоялъ, глубоко засунувъ руки въ карманы. Его удивляло терпѣніе отца. Повидимому, онъ не проронитъ ни слова, чтобы прервать этотъ хвалебный отчетъ о тюльпанахъ лэди Кендердайнъ. Ударъ ошеломилъ и подавилъ старика. Жизнь, къ которой онъ относился всегда съ такимъ открытымъ довѣріемъ, вдругъ стала его безпощадной угнетательницей. Но Дикки не проявлялъ ни малѣйшаго интереса ни къ лэди Кендердайнъ, ни къ ея тюльпанамъ.

— А что эти кредиторы?—спросилъ онъ,—въ которомъ часу они должны быть здѣсь?

М-ръ Эрншоу былъ шокированъ: это внезапное упоминаніе о непріятномъ дѣлѣ, которое выяснилось бы само собой—какой дурной тонъ!.. Впрочемъ, этотъ молодой человѣкъ — сынъ м-ра Ферлонга, а, вѣдь, онъ всего-на-всего мельникъ. Адвокату не приходилось никогда раньше вести дѣла съ м-ромъ Ферлонгомъ, и встрѣтились они теперь впервые по поводу его несостоятельности; зналъ онъ о немъ только по наслышкѣ. О Дикки же онъ, несмотря на свою освѣдомленность, ничего не зналъ. Вѣроятно, сынъ помогаетъ отцу въ дѣлѣ и, какъ всѣ представители молодого поколѣнія, отличается безчувственностью и презрѣніемъ къ эмоціональной сторонѣ.

Адвокатъ позволилъ себѣ удовольствіе отразить на своемъ лицѣ осужденіе этой безчувственности и отвѣтилъ, что собраніе назначено на одиннадцать часовъ.

— Отецъ вашъ, конечно, не долженъ встрѣчаться съ ними. Онъ можетъ побыть въ моемъ частномъ кабинетѣ, пока не окончится. Вы хотите, вѣроятно, остаться съ отцомъ?

— Нѣтъ. Я войду и послушаю, что имѣютъ сказать кредиторы,—отвѣтилъ Дикки.

М-ръ Ферлонгъ стоялъ при этомъ молча, поглядывая то на одного, то на другого съ хватающей за сердце безпомощностью человѣка, утратившаго волю. Онъ былъ, какъ ребенокъ, въ присутствіи котораго обсуждается его же собственное будущее, а онъ какъ-будто ошеломленъ тѣмъ, что у него есть, вообще, будущее и, стоя на порогѣ жизни, растеряннымъ взглядомъ смотритъ впередъ. М-ръ Ферлонгъ готовъ былъ сдѣлать

все, что ему скажутъ. Онъ былъ въ рукахъ адвоката и, какъ теперь начиналъ понимать, въ рукахъ Дикки.

— Это не совсѣмъ принято, — сказалъ м-ръ Эрншоу, — развѣ только, если вы сами—кредиторъ. Интересы вашего отца надежно защищены въ моихъ рукахъ. Но, впрочемъ, какъ хотите. Мнѣ казалось бы, что вамъ удобнѣе оставаться *внѣ* этого. Исторія, вѣдь, непріятная.

— Ты бы лучше пошелъ со мною, Дикки, — кротко сказалъ м-ръ Ферлонгъ. Адвокатъ ему сильно импонировалъ, какъ человѣкъ, знающій, какъ и что слѣдуетъ дѣлать въ этихъ странныхъ и страшныхъ обстоятельствахъ.

Но Дикки не отступалъ отъ своего рѣшенія.

— Я хочу видѣть кредиторовъ, — сказалъ онъ и остался въ конторѣ съ м-ромъ Эрншоу ожидать, пока они сойдутся. Адвокатъ дѣлалъ видъ, что усиленно занятъ просмотромъ бумагъ на столѣ, но на самомъ дѣлѣ одно любопытство занимало его умъ. Что-то въ манерахъ и обликѣ Дикки вызывало его интересъ. Онъ спросилъ, что онъ и его отецъ намѣрены дѣлать, если кредиторы рѣшатъ продать мельницу.

— Я не знаю, что сдѣлаетъ отецъ,—сказалъ Дикки. — Я еще не думалъ объ этомъ. Да, вѣроятно, и онъ не думалъ.

— А вы думали, что *вы* сдѣлаете? Конечно, вы еще молодой человѣкъ...

— Да, я думалъ, что сдѣлаю.

— Это не будетъ нескромно, если я спрошу—что?—не утерпѣлъ адвокатъ.

— Да что? Я буду продолжать свое дѣло,—сказалъ Дикки.

Любопытство защемило м-ра Эрншоу еще сильнѣе. Когда человѣкъ располагаетъ почти безпредѣльнымъ богатствомъ свѣдѣній о чужихъ дѣлахъ и вдругъ наталкивается на вопросъ, который остается для него загадкой, его состояніе совершенно невыносимо. М-ръ Эрншоу готовился задать Дикки вопросъ въ такомъ родѣ, какъ онъ обыкновенно практиковалъ при перекрестномъ допросѣ, но въ этотъ моментъ въ дверяхъ появился мальчикъ и доложилъ:—М-ръ Сэттеруэйтъ, м-ръ Бэтсъ и м-ръ Прендергастъ.

Трое мужчинъ вошло въ контору, съ шляпами въ рукахъ. Самый входъ ихъ показался Дикки непріятно-развязнымъ. Они входили какъ-будто въ домъ покойника и не для того, чтобы поклониться его праху, а для того, чтобы обобрать у него все, на что они могутъ заявить законное притязаніе.

— Доброе утро, доброе утро!—говорилъ адвокатъ, здоро-

ваясь съ каждымъ и называя его по имени. Очевидно, онъ зналъ ихъ всѣхъ и зналъ всѣ маленькія житейскія трудности, которыя случались у каждаго на пути. Они отвѣчали почтительными поклонами, а сами поглядывали на Дикки и раздумывали, крупный ли кредиторъ этотъ незнакомецъ и насколько его претензія уменьшитъ и безъ того скудную выдачу?

Пробило только-что одиннадцать, но всѣ остальные участники собранія не замедлили явиться. Все это были купцы, съ которыми м-ръ Ферлонгъ имѣлъ дѣла, и пришли они съ такой аккуратностью, какую могло вызвать только желаніе получить назадъ свои деньги.

Среди прочихъ явился и учитель, м-ръ Легаттъ. Онъ удивленно поднялъ брови, увидя Дикки, не безъ усилія изобразилъ привѣтливую улыбку, подошелъ и сѣлъ рядомъ съ нимъ.

— Бѣда,—сказалъ онъ тихо.—А вы тоже крупно влетѣли?

— Я? никакъ,—отвѣтилъ Дикки.

— Ваше счастье! Я занялъ ему тридцать фунтовъ. Мнѣ и въ голову не приходило, что у него выйдетъ такая штука!

— Онъ никакой штуки и не готовилъ,—сказалъ Дикки,—это несчастное сплетеніе обстоятельствъ. Отъ его воли оно никакъ не зависѣло. Паровыя мельницы погубили его.

— Да... да... конечно. Я знаю. Онъ не виноватъ. Несомнѣнно, онъ—честнѣйшій человѣкъ. Но тридцать фунтовъ, знаете—для меня это деньги. Вы бы не хотѣли потерять тридцать фунтовъ, не правда ли? Конечно... не всѣ они пропали. По крайней мѣрѣ, мы надѣемся такъ. Вы имѣете понятіе, что̀ онъ можетъ уплатить на фунтъ?

— Никакого,—отвѣтилъ Дикки, чувствуя, что внутри у него начинаетъ накипать.

Въ это время письмоводитель прочелъ громко имена всѣхъ присутствующихъ—каждый отзывался на свое.

— Теперь, господа,—сказалъ м-ръ Эрншоу,—если вамъ угодно будетъ всѣмъ подписаться на этомъ листѣ, мы можемъ приступить къ дѣлу.

М-ръ Легаттъ тотчасъ поднялся съ мѣста.

— Какъ самому крупному кредитору здѣсь,—сказалъ онъ (это было его единственное утѣшеніе),—мнѣ, можетъ быть, будетъ разрѣшено подписаться первому?

Онъ взялъ перо и подписалъ свое имя съ глубокимъ вздохомъ сожалѣнія, что приходится давать свою подпись по такому поводу

Когда всѣ остальные продѣлали то же самое, м-ръ Эрншоу занялъ свое мѣсто.

— Я позволю себѣ,—сказалъ онъ,—прочесть теперь цифры долговыхъ суммъ, заявленныхъ каждымъ кредиторомъ въ порядкѣ вотъ этого списка, и прошу каждаго подтвердить цифру, когда я ее называю. М-ръ Легаттъ—тридцать фунтовъ.

Тѣ, которымъ м-ръ Ферлонгъ долженъ былъ меньше, взглянули на учителя съ уваженіемъ и сожалѣніемъ. Тѣ, у которыхъ цифра была выше, подняли глаза къ небу, какъ бы призывая себя къ терпѣнію, пока настанетъ ихъ чередъ. М-ръ Легаттъ, все еще считавшій себя самымъ крупнымъ изъ присутствующихъ кредиторовъ, подтвердилъ правильность указанной цифры съ видомъ человѣка, который намѣренъ быть справедливымъ, но строгимъ. М-ръ Эрншоу продолжалъ читать по списку дальше.

— М-ръ Прендергастъ—пять фунтовъ, двѣнадцать шиллинговъ и шесть пенсовъ.

— Вѣрно-о!—произнесъ хлѣботорговецъ съ убѣжденіемъ.

— М-ръ Бэтсъ—двѣнадцать фунтовъ, шесть.

Маленькій торговецъ желѣзными издѣліями подтвердилъ эту цифру, вставъ на цыпочки, чтобы его было видно изъ-за плечъ другихъ.

И такъ шло дальше. Назывались имена кредиторовъ и суммы, начиная отъ такой маленькой, какъ три шиллинга, и доходя до цифры въ пятьдесятъ фунтовъ. Несмотря на это различіе, его не было въ настроеніи этихъ людей. Всѣ они стремились во что бы то ни стало вернуть потерянное. Никому, кромѣ Дикки, не представлялась жалкая фигура старика, покорно, какъ дитя, дожидавшаго въ сосѣдней комнатѣ приговора надъ собой. А, вѣдь, всѣ эти люди еще такъ недавно внимательно и охотно вели съ нимъ дѣла!

У Ричарда Ферлонга есть одна картина, не похожая на всѣ его другія вещи. Она проникнута реализмомъ, и въ ней нѣтъ иной красоты, кромѣ красоты правды. Она находится въ одномъ изъ художественныхъ музеевъ на сѣверѣ Европы и называется «Собраніе кредиторовъ». Безъ сомнѣнія, она является результатомъ наблюденій, собранныхъ въ это утро, въ конторѣ м-ра Эрншоу.

Въ картинѣ этой нѣтъ точныхъ портретовъ тѣхъ людей, которыхъ онъ здѣсь видѣлъ. Дикки не умѣлъ смотрѣть сквозь лупу художника-протоколиста. Онъ изобразилъ *свое* впечатлѣніе отъ собранія и душную, затхлую атмосферу присутственнаго мѣста. Изъ затемненнаго угла глядятъ на васъ жадныя лица, и вы знаете, что эти люди — купцы. Но вы не можете указать на одного и сказать, что это—бакалейщикъ, а вонъ тотъ—жестя-

никъ. Здѣсь просто изображена безпощадная жадность человѣческая, схваченная случайно, въ неприкрытомъ видѣ. Было собраніе кредиторовъ, и вотъ картина эта виситъ на стѣнѣ музея. Не разъ, глядя на нее, я думалъ: многіе ли изъ публики, прочитавъ нравоучительную надпись подъ ней, сознаютъ, что сами нуждаются въ такомъ нравоученіи?..

Но вотъ списокъ отдѣльныхъ суммъ долга былъ прочитанъ. М-ръ Эрншоу откашлялся и поднялся съ мѣста. Больше чѣмъ кто бы то ни было въ Першорѣ, — онъ привыкъ говорить публично. Выждавъ, пока среди присутствующихъ не пронесся почтительный шопотъ, онъ началъ свою рѣчь.

— Господа!—сказалъ онъ. М-ръ Бэтсъ сталъ на цыпочки, цѣпляясь за плечи стоявшаго впереди сосѣда.—Мнѣ приходится исполнять тяжелую обязанность... Принимая во вниманіе, что онъ самъ не имѣлъ никакихъ претензій, кромѣ своего гонорара, за который былъ спокоенъ, онъ меньше, чѣмъ кто бы то ни было, страдалъ. — Вы всѣ, вѣроятно, знаете м-ра Ферлонга лучше, чѣмъ я. Но изъ того, что я со всѣхъ сторонъ слышалъ и видѣлъ самъ съ того времени, какъ онъ довѣрилъ мнѣ дѣло о своей несостоятельности, я убѣдился, что онъ — въ высшей степени честный человѣкъ. Несостоятельность—это, конечно, некрасивое слово, но бываютъ случаи—и это одинъ изъ нихъ—когда созвать собраніе кредиторовъ является единственнымъ благороднымъ выходомъ изъ положенія. Вотъ въ такомъ духѣ мой довѣритель и дѣйствуетъ...

М-ръ Прендергастъ, состоявшій членомъ клуба уніонистовъ и бывавшій часто на митингахъ вмѣстѣ съ м-ромъ Эрншоу, понялъ, что адвокату грозитъ опасность захлебнуться въ потокѣ своего краснорѣчія. Чтобы спасти его, нужны были быстрота и натискъ. Вдохновляемый стремленіемъ къ своимъ пяти фунтамъ и двѣнадцати шиллингамъ, м-ръ Прендергастъ быстро нашелся.

— Простите, что я перебиваю васъ, м-ръ Эрншоу,—сказалъ онъ.—Но каково имущество м-ра Ферлонга? Мы слышали все время объ его долговыхъ обязательствахъ; теперь ознакомьте насъ съ его имуществомъ.

На всѣхъ лицахъ отразилась нѣкоторая надежда. Но тотчасъ же они снова потемнѣли и стали мрачнѣе прежняго.

— Къ сожалѣнію, я долженъ заявить,—произнесъ м-ръ Эрншоу, — что существуетъ еще одно долговое обязательство, о которомъ я только-что хотѣлъ упомянуть. М-ръ Ферлонгъ долженъ банку сумму въ четыреста пятьдесятъ фунтовъ.

Если бы подъ окномъ очутилась пожарная машина и пу-

стила неожиданно струю воды въ комнату, среди присутствующихъ врядъ ли поднялось бы большее замѣшательство и волненіе. Каждый лишній пенни долга м-ра Ферлонга отнималъ у нихъ частицу будущаго удовлетворенія. Со всѣхъ сторонъ Дикки слышалъ шипящій шопотъ негодованія.

Поднялся м-ръ Сэттеруэйтъ, барышникъ, у котораго мельникъ купилъ всѣхъ своихъ ломовыхъ лошадей.

— Въ качествѣ самаго крупнаго кредитора,—началъ онъ, и, дѣйствительно, послѣ банка онъ былъ первымъ,—я, полагаю, имѣю право просить, чтобы списокъ всего имущества былъ прочитанъ намъ безъ всякихъ разсужденій о честности м-ра Ферлонга. Мы знаемъ, что у него были честныя намѣренія, но намѣреніемъ сытъ не будешь. Что касается меня, то мнѣ жаль мельника. Думаю, что и всѣмъ другимъ—то же самое. Но мы должны знать состояніе его имущества.

М-ръ Сэттеруэйтъ сѣлъ подъ одобрительный шопотъ присутствующихъ. Всѣ считали его рѣчь разумной, прямой и дѣловой. Конечно, всѣмъ имъ было жаль мельника, но все-таки—что же имѣется?

Такимъ образомъ адвокатъ былъ вырванъ изъ пучины краснорѣчія и перенесенъ на сухую почву фактовъ. Онъ обратился къ своимъ бумагамъ.

— Имѣется семьдесятъ три фунта,—сказалъ онъ,—долгу, которые можно собрать. Есть имущество мельницы—постройки, машины, лошади, инвентарь и проч., которые оцѣнены въ суммѣ ста восьмидесяти одного фунта. Далѣе имѣется личное имущество м-ра Ферлонга, въ общемъ на сумму триста шестьдесятъ фунтовъ. *Это*, господа, плюсъ цѣнность самой мельницы и составляетъ все наличное имущество, которое можно выставить противъ суммы долга въ тысячу сто восемьдесятъ девять фунтовъ, десять шиллинговъ и четыре пенса. Предлагался проектъ, чтобы дать возможность м-ру Ферлонгу продолжать дѣло и выплатить долги въ разсрочку. Я обсуждалъ этотъ вопросъ съ нимъ и съ банкомъ, и м-ръ Ферлонгъ самъ пришелъ къ убѣжденію, что это было бы безполезно. Въ позапрошломъ году мельница дала убытку тридцать одинъ фунтъ, а въ прошломъ году—девяносто шесть. Паровыя мельницы, господа, убили водяныя. Къ сожалѣнію, приходится сказать, что это предпріятіе теперь себя не окупаетъ...

По общему, хотя и молчаливому, соглашенію, м-ръ Сэттеруэйтъ снова выступилъ за всѣхъ кредиторовъ.

— Значитъ, доходности у предпріятія никакой?

— Никакой,—отвѣтилъ адвокатъ.

— А сколько стоятъ постройки, домъ и такъ далѣе?

— Около четырехсотъ фунтовъ. Домъ не отличается особенными удобствами, а изъ самой мельницы, въ сущности, ничего извлечь нельзя. Она можетъ пригодиться развѣ только человѣку съ капиталомъ, который пожелалъ бы вложить деньги и передѣлать зданіе на какую-нибудь фабрику или заводъ.

— Врядъ ли такой найдется,—сказалъ м-ръ Сэттеруэйтъ.— Слишкомъ далеко отовсюду.

— Да. Боюсь, что это такъ,—подтвердилъ адвокатъ.

— Значитъ, дѣло стоитъ такъ,—продолжалъ барышникъ,— долгъ выражается въ суммѣ — тысяча сто фунтовъ, а имущество—семьсотъ шестьдесятъ фунтовъ. Это выходитъ приблизительно по пятнадцать шиллинговъ за фунтъ.

Адвокатъ кивнулъ головой.

— Я долженъ повторить,—сказалъ онъ,—что считаю, какъ и всѣ вы, вѣроятно, образъ дѣйствій м-ра Ферлонга въ высшей степени корректнымъ. Онъ не пустился во всѣ тяжкія, не задолжалъ направо и налѣво, какъ сдѣлалъ бы другой человѣкъ, чтобы выкарабкаться. Онъ честно призналъ себя побѣжденнымъ. Тотъ фактъ, что онъ имѣетъ возможность уплатить по пятнадцати шиллинговъ за фунтъ, уже говоритъ самъ за себя. Это добросовѣстная несостоятельность добросовѣстнаго человѣка.

Дикки слышалъ, какъ по собранію прошелъ шопотъ одобренія. Но все же его глаза горѣли негодованіемъ. Оно еще ярче вспыхнуло, когда съ мѣста поднялся м-ръ Легаттъ.

— Я—старый другъ м-ра Ферлонга,—сказалъ онъ,—и я бы желалъ присоединиться ко всему, что говорилъ здѣсь м-ръ Эрншоу. М-ръ Ферлонгъ былъ и есть честнѣйшій человѣкъ, и мнѣ въ высшей степени прискорбно видѣть его въ такомъ печальномъ положеніи и не по своей винѣ. Но въ качествѣ одного изъ главныхъ кредиторовъ я позволю себѣ замѣтить, что если мельница и прочее имущество должны быть проданы, то надо это сдѣлать безотлагательно. Изъ опыта мнѣ извѣстно, какъ быстро цѣна въ такихъ случаяхъ падаетъ, благодаря промедленію.

— Учитель вѣрно говоритъ,—сказалъ м-ръ Сэттеруэйтъ.— Хотя послѣднія его слова я не совсѣмъ понялъ, но смыслъ-то ихъ—простой. Все надо продавать сейчасъ же.

Огонекъ въ глазахъ Дикки обратился въ пламя, мечущее молніи. Онъ вскочилъ съ мѣста и обратился къ адвокату.

— Когда вы сказали насчетъ личнаго имущества моего отца,—сказалъ онъ,—то вы подразумѣвали его домашнюю обста-

новку: кровать, на которой онъ спитъ, столъ, за которымъ обѣдаетъ. Такъ?

— Къ сожалѣнію, это такъ,—отвѣтилъ м-ръ Эрншоу.

Тогда Дикки обратился въ сторону всѣхъ присутствующихъ.

— Неужели никто изъ васъ, господа, не понимаетъ,—закричалъ онъ,—что вы просто выбрасываете на улицу человѣка, съ незапятнаннымъ именемъ. Если вы хотите снять съ него послѣдній сюртукъ, то, ради Бога, поднимитесь и заявите прямо объ этомъ желаніи, безъ всякаго подсахариванія жалостью и сочувствіемъ. Думаю, что многимъ изъ васъ приходилось быть наканунѣ банкротства. Если придется, то, ей Богу, я желаю, чтобъ съ вами поступили такъ же безпощадно, строго и съ той же жадной корыстью.

Глаза Дикки сверкали. Въ углахъ губъ пѣнилась слюна. Когда лошадиный барышникъ вышелъ на середину комнаты, какъ человѣкъ, умѣющій быстро устраивать дѣла, Дикки встрѣтилъ его готовымъ на все.

— Кто этотъ господинъ?—спокойно спросилъ м-ръ Соттеруэйтъ.

— Я сынъ м-ра Ферлонга,—отвѣтилъ Дикки.

— Позвольте узнать, вы тоже кредиторъ?

— Нѣтъ.

— Тогда какого же чорта вы здѣсь? Вамъ здѣсь нечего дѣлать.

— Нечего?—воскликнулъ Дикки.—А вы по чемъ знаете?

— А какое ваше дѣло? Скажите?

— Мое дѣло—купить мельницу и сунуть деньги въ ваши грязные карманы. Такъ что вы можете сѣсть на мѣсто и радоваться вмѣстѣ съ друзьями, что я сюда явился.

VII.

Дикки удерживала въ Эккингтонѣ прелесть новаго сближенія съ природой сквозь чистое зеркало души своего сына. Весна казалась ему въ этотъ разъ чудеснѣе, чѣмъ всегда. Ни въ Италіи, ни во Франціи—нигдѣ на свѣтѣ—не было ничего равнаго зеленымъ лугамъ на берегу Эвона. И величіе горъ, и мощное обиліе виноградниковъ тускнѣли въ его памяти рядомъ съ этими сочными зелеными низинами, гдѣ въ сырой травѣ, точно звѣзды млечнаго пути, бѣлѣли чашечки пустоцвѣта и болотнаго кресса.

И все-таки не одно это удерживало Дикки въ Эккингтонѣ.

Онъ самъ себя обманывалъ насчетъ истинной причины отсрочки своего отъѣзда. Онъ предпринялъ переустройство мельницы въ огромную мастерскую, самъ руководилъ переноской и обдумывалъ планъ, какъ лучше использовать помѣщеніе. Постепенно, мягко и терпѣливо, онъ пробуждалъ въ отцѣ интересъ къ задуманному дѣлу. Соглашаясь, что мельница перестала быть выгоднымъ предпріятіемъ, бѣдный старикъ все же сильно страдалъ, тогда стали разбирать машины. Онъ чувствовалъ теперь уваженіе къ Дикки и къ его таланту, но по-старому старался не проявлять этого.

— Конечно, надо использовать мельницу для чего-нибудь,— говорилъ онъ,—было бы жалко, если бъ она стояла совсѣмъ пустой. Но кто могъ подумать, что дѣло дойдетъ до этого? Сколько лѣтъ работы! Двѣсти лѣтъ она молола зерно на пищу людямъ; а теперь!

Дикки усмѣхнулся.

— Употребленіе могло быть хуже,—сказалъ онъ.

М-ръ Ферлонгъ согласился съ этимъ, но какъ-то нерѣшительно.

Это было, слѣдовательно, второе обстоятельство, удерживающее Дикки отъ возвращенія въ Лондонъ. Но оно не было тѣмъ внутреннимъ мотивомъ, скрытымъ глубоко въ тайникахъ души, который сильнѣе всѣхъ.

Причину слѣдовало искать въ м-съ Флинтъ. Это она вполнѣ сознательно, но съ неожиданными для себя результатами внесла въ жизнь Дикки не только скрытый мотивъ для отсрочки отъѣзда, но самую судьбу, которую она въ короткую минуту раздумья, но искренно пожелала Дикки.

Подъ предлогомъ увидѣть внутреннее устройство старинной усадьбы, Уласъ-Холлъ, стоявшей на полъ-пути къ Бредонскому холму, м-съ Флинтъ убѣдила Дикки пойти съ ней на весеннюю выставку цвѣтовъ, устроенную въ усадьбѣ.

— Вы должны видѣть музыкальную галлерею,—сказала она ему.— Да и снаружи домъ, вѣдь, чудесный. Сколько лѣтъ вы жили здѣсь и даже никогда не побывали за воротами!

Дикки пошелъ. Но цѣль м-съ Флинтъ была иная. Она знала, что въ усадьбѣ еще живутъ гости. Наканунѣ она снова встрѣтила на дорогѣ ту самую красивую дѣвушку, и въ ней властно заговорило желаніе, чтобъ эти двое встрѣтились. Выставка удобный случай. Но когда они приближались къ дому, сердце м-съ Флинтъ бѣшено запрыгало въ груди.

Что она сдѣлала?—спрашивала она себя, точно дѣло уже

совершилось, точно Дикки уже нашелъ свою судьбу, которую она предчувствовала въ этой красавицѣ. Теперь, когда уже нельзя было вернуться назадъ, м-съ Флинтъ съ жгучимъ сожалѣніемъ думала, отчего она не предоставила событіямъ идти естественнымъ путемъ, безъ всякаго своего вмѣшательства. Ей ни на мгновеніе не приходило на мысль, что они могутъ не встрѣтиться или если даже встрѣтятся, то ничего особеннаго не произойдетъ. Она была загипнотизирована этой идеей, какъ многія женщины бываютъ, когда замѣшано ихъ сердце. Она знала твердо, что они встрѣтятся. Не напрасно билось ея сердце! Но она, какъ дитя, была неповинна въ той судьбѣ, нити которой сплетались сегодня. Какъ дитя неопытными пальцами перебираетъ по струнамъ стараго инструмента, такъ она играла на струнахъ Судьбы, не вѣдая сама, что дѣлаетъ.

Ибо они встрѣтились. Дѣвушка стояла у стола съ анемонами, и когда они проходили мимо, глаза Дикки вдругъ остановились на ней. М-съ Флинтъ замерла.

Я знала! я знала! — повторяла она про себя. Но нѣтъ! она не знала всего значенія этого взгляда. Дикки узналъ въ дѣвушкѣ ту самую, которая сидѣла въ экипажѣ рядомъ съ ихъ каретой, когда они хоронили Констанцію.

Узнала ли она его? Что могло сохранить въ ней воспоминаніе объ его лицѣ? А между тѣмъ какъ будто она вспомнила, потому что въ ея глазахъ вспыхнуло выраженіе удивленія. У нея былъ видъ человѣка, который старается что-то припомнить. И когда они пошли дальше, и онъ точно нечаянно оглянулся назадъ, ему показалось, что она вспомнила.

Какъ могло случиться, что она узнала его? Развѣ ея впечатлѣніе могло быть такимъ глубокимъ, какъ то, которое она произвела на него? Недавно еще, когда они провожали тѣло м-съ Бальдвинъ по той же длинной утомительной дорогѣ на кладбище Кенсаль-Гринъ, онъ вспомнилъ о ней: ея лицо было точно оттиснуто въ его памяти. А теперь она здѣсь, въ его родныхъ мѣстахъ!

Сразу Дикки подумалъ только:

— Какъ странно, что мы опять встрѣтились!

Ему не представлялось, что сулитъ ему эта встрѣча. Да и какъ знать? М-съ Флинтъ первая перевела его мысли въ это русло.

— Что вы скажете объ этой барышнѣ у стола съ анемонами? —спросила она.

При этомъ вопросѣ Дикки почувствовалъ, что у него внутри все точно сжалось. Почему-то ему не хотѣлось говорить о ней, не хотѣлось объяснять.

— Она была очень интересна,—сказалъ онъ,—рядомъ съ этими цвѣтами.

Онъ какъ будто желалъ, чтобы м-съ Флинтъ подумала, что его вниманіе занято столько же цвѣтами, сколько и красавицей. Больше онъ ничего не сказалъ. Не упомянулъ даже о томъ, какъ онъ видѣлъ ее три года назадъ.

М-съ Флинтъ замѣтила это и не настаивала больше. Она устроила такъ, что онъ пошелъ теперь по выставкѣ, какъ хотѣлъ. И вотъ, сдѣлавъ кругъ, они снова очутились передъ столомъ съ анемонами. Этотъ отвѣтъ былъ правдивѣе, чѣмъ тотъ, который онъ далъ бы ей на вопросы. Когда оказалось, что дѣвушки ужъ больше нѣтъ, интересъ Дикки къ выставкѣ сразу упалъ. Извилистой, холмистой дорогой они молча пошли домой, на мельницу.

— Я была права!—говорила себѣ м-съ Флинтъ въ этотъ вечеръ, ложась спать. Но только женщина могла найти подкрѣпленіе своимъ догадкамъ въ тѣхъ ничтожныхъ признакахъ, которые она имѣла. Какія въ самомъ дѣлѣ были у нея доказательства? Дикки за чаемъ былъ молчаливъ, избѣгалъ ея, а когда пошелъ наверхъ поцѣловать спящаго Гарри, то былъ особенно нѣженъ съ нимъ. Вотъ по такимъ неуловимымъ мелочамъ она знала, что была права. Послѣ многихъ лѣтъ, какъ послѣ зимней спячки, его сердце пробуждалось.

М-съ Флинтъ открыла окно. Четкій серебряный серпъ луны стоялъ на темномъ весеннемъ небѣ. Было много звѣздъ, а внизу, въ саду, цвѣли ея цвѣты—тоже звѣзды. Она глядѣла, какъ дрожитъ лунный свѣтъ на рѣкѣ. Вдругъ раздался звукъ кашля. М-съ Флинтъ высунулась въ окно.

Комната Дикки была съ той же стороны дома, и онъ тоже стоялъ у своего окна. Но она глядѣла на звѣзды, и онѣ казались ей символомъ ея смиренія, а онъ видѣлъ въ нихъ безчисленные дары Судьбы.

VIII.

Въ надеждѣ увидѣть *ее* снова, Дикки со дня на день откладывалъ свой отъѣздъ. Его мастерская въ Лондонѣ пустовала и ждала его. Уже нѣсколько разъ онъ писалъ старой Фанни, сообщая день своего пріѣзда, и каждый разъ опять оставался и назначалъ новый срокъ.

Онъ каждый день бралъ свои художественныя принадлежности и уходилъ на этюды въ поле, надѣясь встрѣтиться съ ней.

Наконецъ, однажды утромъ, онъ былъ настроенъ нервнѣе, чѣмъ обыкновенно, и работалъ на самой вершинѣ, Бредонскаго холма, откуда, какъ на ладони, виднѣлась барская усадьба, такъ что онъ могъ увидѣть ее, если бы она вышла изъ дому. Вдругъ Дикки замѣтилъ женскую фигуру, вышедшую за ворота. Чутье подсказало ему, что это она. Его рука застыла въ ожиданіи. А она, между тѣмъ, выйдя за ворота, остановилась, какъ бы въ нерѣшимости, какую дорогу выбрать. Ему было видно только, какъ она подняла голову по направленію къ холму. Она изъ тѣхъ, подумалъ Дикки, которыя любятъ подыматься. И какъ бы въ подтвержденіе его мысли, она стала взбираться по крутой, извилистой дорожкѣ.

Дикки не зналъ, что влечетъ ее сюда, но ее влекла къ холму его фигура — силуэтъ художника съ мольбертомъ. Она чрезвычайно интересовалась искусствомъ. Былъ даже такой годъ, когда она сама серьезно занималась живописью. За это время она поняла, что не годъ, а цѣлая жизнь должна быть посвящена ей. Тогда она отложила кисти въ сторону—у нея было слишкомъ много гордости для того, чтобы только баловаться. Но всегда съ тѣхъ поръ даже любительскія потуги сильно занимали ее. Въ Кенсингтонскихъ садахъ она часто останавливалась посмотрѣть ихъ работу: было куда пріятнѣе критиковать, чѣмъ подвергаться критикѣ.

Теперь, увидя здѣсь, въ деревенскомъ захолустьѣ, фигуру одного изъ такихъ жалкихъ любителей, она заинтересовалась. Предчувствуя занятное развлеченіе, она кликнула своего маленькаго фоксъ-терьера, насвистывая мягко и неувѣренно, по-женски, и пошла вверхъ, къ холму.

День былъ такой, когда хорошо работается, хорошо играется, хорошо любится, когда все хорошо! Въ такой день никакой холмъ не показался бы слишкомъ высокимъ; всякій соблазнялъ бы васъ желаніемъ взобраться наверхъ и посмотрѣть, что лежитъ внизу. Летало множество пчелъ, внося свою гудящую, низкую ноту въ общій оркестръ, который въ такой день до самаго захода солнца играетъ свою немолчную, звенящую симфонію жизни.

Внизу, въ долинѣ, въ кущѣ вязовъ, куковала кукушка, лѣсные голуби ворковали, точно на флейтѣ, свои любовныя пѣсни, и всѣ безчисленные звуки и голоса, словно повинуясь невидимой палочкѣ невидимой руки, сливались стройно и гармонично въ волшебную музыку весенняго дня.

Никакая музыка не могла бы глубже этой взволновать

душу Дикки, но сквозь общій хоръ нѣжнѣе и упоительнѣе всего до его слуха долетали мягкіе звуки ея свиста.

Въ такой день легко влюбиться! Съ трепетно-бьющимся сердцемъ Дикки чувствовалъ, какъ будто въ воздухѣ вокругъ него парятъ и рѣютъ птицы. Онъ наклонился впередъ, полуспрятавъ лицо, и старался продолжать работу.

Она подходила все ближе, но только въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него она узнала, кто это. Жгучее любопытство подгоняло ее впередъ, а деликатная сдержанность подсказывала пройти мимо.

Дикки слышалъ ея шаги, но не подымалъ головы. Однако, онъ рѣшилъ твердо: если она не остановится, то онъ заговоритъ, рискуя получить холодно-вѣжливый отвѣтъ, который разъ навсегда сдѣлаетъ невозможнымъ ихъ знакомство.

Но шаги затихли. Онъ зналъ, что она стоитъ за нимъ. Онъ только не догадывался, какъ она близко. Ибо только пройдя уже мимо, она поддалась любопытству и повернула голову посмотрѣть. Тогда, пораженная тонкимъ мастерствомъ его работы, она остановилась. Что хорошо и что плохо—она понимала. И къ ея насмѣшливому любопытству присоединился истинный интересъ.

То, что она увидѣла на холстѣ, не было пейзажемъ, хотя извилистыя линіи холма и полоса пастбища въ долинѣ были здѣсь. Но они были только фономъ для темы, которую художникъ задумалъ; и она удалась ему: Красота дня заключалась въ этой музыкѣ въ воздухѣ. И въ его этюдѣ свѣтъ и тѣни, переливъ красокъ и дымка тумана шептали ту же пѣсню, которая неумолчно звенѣла въ ея ушахъ.

Нѣтъ, онъ не жалкій любитель, какъ она предполагала! Послѣ ихъ встрѣчи на выставкѣ она узнала, что онъ—сынъ мельника изъ Эккингтона. Этого было довольно съ нея, и его имя и особа перестали занимать ее. Но теперь она увидѣла, что онъ художникъ съ незауряднымъ дарованіемъ. Вѣроятно, онъ и самъ не знаетъ, подумала она, чего стоитъ его работа! Лукавымъ огонькомъ засвѣтились ея глаза, а въ углахъ губъ зазмѣилась улыбка.

— Вамъ не помѣшаетъ и не потревожитъ вашу работу,— спросила она,—если я спрошу у васъ кое-что о ней?

Первый разъ слышалъ Дикки ея голосъ—онъ былъ много лучше, чѣмъ онъ ожидалъ. Его плѣнило не благородство тембра, не спокойная и гордая увѣренность, что этотъ голосъ будутъ слушать, а задушевность интонаціи, рядомъ съ которой и культура и воспитаніе—все ничто.

Дикки отвѣтилъ, что проситъ ее спрашивать, что ей угодно.

Она подошла ближе.

— Вотъ видите, вы сдѣлали пейзажъ очень неотчетливымъ,— сказала она.—Вы намѣренно отодвинули его на задній планъ. Почему это?

Онъ положилъ этюдъ на траву.

— Слушайте!—сказалъ онъ.

Она склонила голову немного на бокъ. Она ждала, что ея слуха коснется какой-нибудь особый звукъ, но не услышала ничего и спросила его, что же собственно слушать.

— Все,—отвѣтилъ Дикки,—сейчасъ ничего, а вотъ—пчела, а вотъ голубь въ лѣсу. Слушайте звуки, какіе производятъ пасущіяся коровы. А теперь слышите пѣсенку дрозда? Вонъ онъ сидитъ на кустѣ терна. Оттого-то я и поставилъ пейзажъ на второй планъ. Всѣ эти звуки вмѣстѣ даютъ непрерывную музыку.

Она наблюдала его лицо, на которомъ со словами мѣнялось выраженіе. Ея же лицо отражало искреннее изумленіе.

— И вы это пишете?—спросила она.

— Я ставлю себѣ это цѣлью,—отвѣтилъ онъ.

— Но вы достигли ея,—воскликнула она.—И меня это не такъ удивляетъ, какъ то, что вы поставили себѣ такую задачу. Сразу взглянувъ на картину изъ-за вашего плеча, я увидѣла: въ ней та же нота, которая сегодня, съ начала прогулки звенитъ у меня въ ушахъ. Но я подумала, что это такъ, нечаянно. Это—то, что дается художнику отъ Бога.

Дикки стоялъ, слушалъ ее, и лицо его горѣло смущеніемъ.

Тайно, въ душѣ каждой женщины живетъ мечта о сказочномъ принцѣ, а въ каждой мужской душѣ—о принцессѣ. Для нихъ вѣнчаетъ этотъ титулъ—не корона, а ореолъ совершенства, но для полноты сказки мечта должна быть недосягаема. Желаніе завоевать ее должно жить въ душѣ смутной грезой, полусознанной имъ самимъ. Но въ умѣ Дикки желаніе это выразилось вполнѣ отчетливо и реально. Онъ смотрѣлъ на нее, стоявшую рядомъ, такъ близко: ласковый весенній вѣтеръ игралъ мягкими завитками ея свѣтло-каштановыхъ волосъ, отливавшихъ золотомъ. И столько въ ней было свѣжести, молодости, чуткой, умной наблюдательности, свѣтившейся въ глазахъ!

Она подняла руку, чтобы поправить разбившуюся прядь волосъ. Достаточно было взглянуть на эту руку, чтобы понять высокую культуру, воспитанную многими поколѣніями предковъ.

Дикки не могъ отвести глазъ отъ этой руки: форма была такъ безукоризненна, что сама просилась на холстъ. Его сердце забилось при мысли о прикосновенiи этихъ стройныхъ пальцевъ.

Она замѣтила его смущенiе. Вѣроятно, поняла и причину. Онъ такъ не умѣлъ скрыть своего восхищенiя! Не разъ видала она его въ глазахъ мужчинъ, но никогда оно не сопровождалось такимъ открытымъ изумленiемъ. Какой она была бы женщиной, если бы это не понравилось ей? Съ минуту она молчала, но затѣмъ сжалилась и пришла къ нему на помощь.

— Вы удивлены,—сказала она,—что въ этомъ тихомъ уголкѣ находится человѣкъ, который кое-что понимаетъ въ искусствѣ... Я не хочу сказать, что я много понимаю, но...

Не этимъ, конечно, опредѣлялось его удивленiе, но она дала ему такимъ образомъ удобную лазейку для выхода.

— Да, это неожиданно,—отвѣтилъ онъ.—Но мнѣ представляется, что вы понимаете живопись, что у васъ есть къ ней интересъ.

— Я посѣщала рисовальную школу... давно... когда мнѣ было восемнадцать лѣтъ,—сказала она, улыбаясь своимъ воспоминанiямъ.—Какъ дѣлаютъ барышни, знаете, чтобы имѣть какое-нибудь занятiе, прежде чѣмъ начнутъ бывать въ свѣтѣ. При этомъ имъ кажется, что изъ этого выйдетъ серьезное дѣло. За годъ я успѣла понять, что значитъ относиться къ искусству серьезно, и нашла въ себѣ достаточно благоразумiя, чтобы отказаться отъ него.

— Значитъ, у васъ не было сильнаго тяготѣнiя?

— Нѣтъ, было. Но дѣло это требуетъ энергiи и творческихъ исканiй. Этого мнѣ не было дано, а копированiемъ я не хотѣла удовлетворяться. Творчество такъ рѣдко дается женщинамъ. Теперь ихъ стало больше. Все большее число дѣвушекъ уходитъ отъ домашней жизни и умножаетъ ряды работницъ искусства. Человѣческой натурѣ свойственно дѣлать что-нибудь—будетъ ли это изученiе исторiи или приготовленiе шнурковъ для ботинокъ.

— А вы избрали, значитъ, домашнюю жизнь,—спросилъ онъ, боясь, что подъ этимъ она подразумѣваетъ замужество, и стараясь продолжать этотъ разговоръ, центромъ котораго является ея личность.

— Я начала выѣзжать... Это было начало... это всегда какъ бы врата въ садъ этой самой домашней жизни.

Она звонко, по-дѣтски разсмѣялась.

— Должно быть, потѣшная я была художница! Усердно

писала углемъ этюды съ гипсовъ и благоговѣйно уносила ихъ домой съ одобрительными отзывами учителя въ углу листа.

— А онъ всегда одобрялъ?

— Всегда. Я была одной изъ тѣхъ учениц, которыхъ *надо* было поощрять. Мой отецъ, видите ли, былъ покровителемъ этой школы. Это была художественная академія для дѣвицъ изъ такъ называемаго хорошаго общества. Ничего богемистаго! Боже сохрани!

Она снова отъ души расхохоталась. Дикки ясно вообразилъ нарисованную ею картинку, и ему тоже стало смѣшно. А она, смѣясь, взглянула на него и вдругъ подумала, какъ трудно повѣрить, что онъ всего только сынъ мельника, и что она стоитъ тутъ съ нимъ, на холмѣ, и все время разсказываетъ о себѣ. Отчего же нѣтъ? Онъ уменъ. Онъ тоньше развитъ, чѣмъ всѣ такъ называемые «интересные» молодые люди, съ которыми она встрѣчалась въ Лондонѣ—это видно хотя бы изъ этого его замысла этюда. Она еще разъ взглянула на него и тутъ вспомнила, что его лицо показалось ей знакомымъ, когда она увидала его на цвѣточной выставкѣ.

— Вы, вѣдь, м-ръ Ферлонгъ, правда?—спросила она.

— Да,—удивленно отвѣтилъ онъ.—Какъ вы узнали?

— Я видѣла васъ на-дняхъ на выставкѣ цвѣтовъ въ Холлѣ. Я гощу теперь тамъ.

— Отчего вы спросили?

— Оттого, что мнѣ кажется, что гдѣ-то я видѣла васъ раньше.

— Да, вы видѣли.

— Гдѣ?

— Три года назадъ... немного больше, вашъ экипажъ остановился рядомъ съ похоронной процессіей на Герроу-Родъ.

Воспоминаніе освѣтило ея лицо. Да, да! Она увидѣла эту маленькую, скромную процессію, колесницу съ гробомъ безъ единаго вѣнка и за ней карету, а въ ней этого молодого человѣка.

— Такого трагическаго лица я никогда не видала,—сказала она тогда своему спутнику,—она не могла оторвать отъ него глазъ, пока стояли рядомъ. Такъ вотъ гдѣ они видѣлись. Она посмотрѣла на него, стараясь найти, что дала ему та трагедія: глубокая вдумчивость, преодолѣніе себя—вотъ что чувствовалось въ немъ.

— Я помню,—сказала она, и голосъ ея прозвучалъ мягкой симпатіею.—Вы были тогда безконечно печальны.

— Это были похороны моей жены,—сказалъ Дикки въ поясненіе.

— Вашей жены?..

— Да. Мы были женаты только два года съ небольшимъ.

— Но вы были тогда страшно молоды!

— Двадцать четыре года.

— Значитъ, вы женились двадцати двухъ лѣтъ?

— Да.

— Какой ужасъ!.. А дѣти у васъ есть?

— Есть маленькій мальчикъ. Онъ теперь здѣсь, на мельницѣ.

— А живописью вы давно занимаетесь?

— Съ восемнадцати лѣтъ. Я убѣжалъ изъ дому въ Лондонъ учиться.

Есть художникъ—вашъ однофамилецъ,—сказала она.—Не знаю, видѣли ли вы его работы? Онъ страшно много обѣщаетъ. Я думаю, что если онъ дальше такъ пойдетъ, то онъ будетъ первымъ среди нашихъ художниковъ. Года два тому назадъ я видѣла въ Салонѣ одинъ его портретъ и съ тѣхъ поръ все жду его новыхъ работъ.

— Какой это былъ портретъ?—спросилъ Дикки,—потому что...

— Это былъ женскій портретъ... И въ немъ самое удивительное проникновеніе въ женскую душу. Называлась картина «Мишура». На ней изображена барышня въ ожерельѣ и браслетѣ изъ поддѣльныхъ зеленыхъ камней. Вы должны посмотрѣть ее.

Дикки было трудно подавить въ себѣ чувство радостной гордости, слушая эти похвалы. Но въ немъ было столько простоты, что даже, когда онъ произнесъ: «Я видѣлъ ее», она не поняла, что картина принадлежитъ ему.

— Ахъ, вы видѣли? Ну, какъ по-вашему? Правда, это изумительная вещь?

Дикки засмѣялся радостно и сконфуженно.

— Я, право, не знаю... мнѣ трудно сказать,—пролепеталъ онъ.—Это, видите ли, моя вещь... я ее написалъ...

— Вы?..—Теперь наступилъ чередъ ея смущенію и удивленію.—Такъ, значитъ, вы Ричардъ Ферлонгъ? Боже! какой идіоткой я вамъ должна казаться!

— Да нѣтъ же... Почему?

— Но какъ я могла не понять! Во-первыхъ, имя, а затѣмъ это,—она указала на брошенный на траву этюдъ.—Но какъ-то такъ вышло, что издали я приняла васъ за кропотливаго любителя, а когда посмотрѣла черезъ плечо на картину, то удиви-

лась, но все-таки рѣшила, что это такъ... невзначай вышло. Видите ли, совсѣмъ не ожидаешь увидѣть большого человѣка на маленькомъ складномъ стулѣ.

Послѣднее она произнесла шутя, съ улыбкой, тронувшей углы ея губъ, но ея глаза выражали полноту восхищенія.

— Ну что жъ? Теперь не познакомиться ли намъ по-настоящему,— сказала она,—когда случай формально представилъ насъ другъ другу?

Она была изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ жизнь забавляетъ, которыя не упускаютъ интересныхъ приключеній. Она открыто-привѣтливо протянула ему руку. Онъ взялъ ее, съ той же мыслью, которая была у него раньше, и съ бьющимся сердцемъ. Для него это тоже было приключеніе, и какое захватывающее!

— Не знаю, замѣтили ли вы это,—сказалъ Дикки,—но представляя насъ, *случай* забылъ упомянуть ваше имя.

— Да?—засмѣялась она.—Чэртрисъ... Діана Чэртрисъ. Не знаю почему, но мнѣ казалось, что вамъ мое имя извѣстно.

— Какъ я могъ знать?

— Вы могли... ну хотя бы спросить, какъ я сдѣлала. Вы могли быть такъ же вульгарно-любопытны, какъ и я.

— Я и былъ,—отвѣтилъ онъ,—даже, можетъ быть, больше вашего. Но не было подходящаго случая узнать.

— Ну, вотъ,—сказала она,—я тутъ столько наболтала о себѣ... Если бъ я знала, этого не было бы.—Она усѣлась на траву съ такимъ видомъ, точно весь день былъ у нея впереди.—Теперь я бы хотѣла услышать что-нибудь о васъ, если вы не хотите продолжать работу,—она кивнула головой на лежавшій этюдъ.—Я ужасно эгоистична сегодня. Впрочемъ, боюсь, что вообще грѣшу этимъ. Меня влечетъ игра случая. А наша встрѣча—случай.

Ея глаза скользнули по лицу Дикки, и ему снова почудилось надъ головой рѣяніе птичьихъ крыльевъ.

— Мнѣ почти не о чемъ разсказывать,—возразилъ онъ, но сѣлъ на траву рядомъ съ ней, полный жгучей радости, что можетъ говорить съ ней обо всемъ.

IX.

Разсказывать было и въ самомъ дѣлѣ почти не о чемъ. Ибо какъ можно въ первыя же минуты знакомства уже разсказывать все? Но Дикки сталъ вспоминать свои двухлѣтнія скитанія по

Европѣ, разсказывалъ, что онъ видѣлъ и что онъ думалъ: о Венеціи и Тиціанѣ, о Ботичелли и Леонардо-да-Винчи во Флоренціи, о Веласкецѣ въ Мадридѣ.

— Къ этому, знаете, всегда возвращаешься, — заявилъ онъ.—Иногда побѣждаетъ Рембрандтъ и голландцы, иногда—Тинторетто и итальянская школа, иногда—французы—но вы всегда возвращаетесь къ Веласкецу, великому учителю простоты.

Было интересно слышать мнѣніе настоящаго художника обо всемъ этомъ, но, когда Дикки сталъ переходить отъ одной картины къ другой, она перевела разговоръ на него самого. Художественной критики она наслушалась довольно на званыхъ обѣдахъ въ домахъ избраннаго лондонскаго интеллигентнаго общества. Была, конечно, во всемъ, что говорилъ этотъ Ричардъ Ферлонгъ, искра живой индивидуальности—но все-таки не это ей было нужно. Она не была изслѣдователемъ развитія эстетическихъ идей въ искусствѣ, нѣтъ! Она была просто женщина съ нервами, взвинченными хмѣлемъ весны и, съ трепетнымъ предвкушеніемъ приключенія. Говорить о Веласкецѣ было неинтересно. Это надо было оставить для скучнаго обѣда, когда маленькими глотками пьешь шампанское и ждешь конца. А здѣсь они были на холмѣ, среди полей и пили искрометное вино пьянящаго волей воздуха подъ чистымъ, Божьимъ небомъ.

— Я хочу знать больше о «Мишурѣ»,—сказала она.—Вы назвали ее такъ изъ-за этого ожерелья и браслета?

— Да.

— А эта барышня—натурщица?

— Нѣтъ. Просто она согласилась позировать.

— Вы были съ ней пріятелями?

— Н-нѣтъ. Отчего вы спрашиваете?

— Оттого, что если она была ваша пріятельница, то я не могла бы сказать то, что мнѣ хочется.

На мгновенье мысль Дикки остановилась на образѣ Фанни Корнишъ.

— Вы можете сказать все, что хотите,—сказалъ онъ.

— Хорошо. Прежде всего: вы замѣтили, что заглавіе картины имѣетъ двойной смыслъ?

— Двойной смыслъ?

— Ну, конечно. Я не скажу, что въ этомъ все ея остроуміе, но несомнѣнно оно даетъ ключъ ко всей тонкой пикантности портрета. Эта барышня сама—мишура. Какъ вы могли такъ понимать женщинъ въ двадцать пять лѣтъ?

Зналъ ли Дикки, что онъ понимаетъ женщинъ? Во всякомъ случаѣ, опасно женщинѣ говорить мужчинѣ такую вещь, потому что за этимъ кроется невысказанный вызовъ: «пойми, молъ, меня, если хочешь. Мнѣ нравится быть разгаданной такимъ, какъ ты».

Діана Чэртрисъ сознательно или безсознательно вступила на опасную почву. Въ этомъ заключалась половина ея очарованія. Въ этомъ, по крайней мѣрѣ, въ это утро, лежала манящая прелесть неожиданности.

Дикки отвѣчалъ уклончиво. Онъ боялся себя, боялся ее. Она—первая женщина, которая говоритъ ему это, сказалъ онъ.

— Но гдѣ ни толковали объ этой картинѣ, — замѣтила она,—я всегда слышала, что женщины утверждали то же самое. Вѣроятно, вы хорошо знали эту барышню.

Въ этихъ словахъ онъ почувствовалъ намекъ и ощутилъ необходимость защитить себя: онъ не любилъ казаться сердцеѣдомъ.

— Я очень мало зналъ ее,—отвѣтилъ Дикки и разсказалъ всю исторію Фанни Корнишъ.—Вы этого всего не поймете,—прибавилъ онъ, окончивъ,—это совсѣмъ другая жизнь.

Опустивъ рѣсницы, смотрѣла она на него и думала: многіе ли изъ мужчинъ, которыхъ она знала, разыграли бы роль Донъ-Кихота съ этой кокеткой?

— Да... она была, дѣйствительно, мишура,—промолвила она послѣ долгаго молчанія.—Вы тотчасъ ощутили это своей кистью и красками. Ахъ, какъ вы меня удивляете!

— Я-то? Чѣмъ?

— Да вотъ вашей странной смѣсью идеалистическаго реализма съ реальнымъ идеализмомъ. Интересно, долго ли вы сохраните ее.

— Отчего же мнѣ не сохранить ее навсегда?

— Оттого, что пріобрѣсти ее гораздо легче, чѣмъ сохранить. Васъ ждетъ огромное будущее—нѣтъ, нѣтъ, я говорю совершенно серьезно! Ничто не можетъ помѣшать вамъ развернуться полностью. Вашего знакомства будутъ искать. За вами будутъ бѣгать.

— Да что вы? Я только сынъ мельника. Чего имъ за мной бѣгать?

Произнесъ онъ это съ той же упрямой гордостью, съ какой когда-то разсказалъ м-съ Бальдвинъ, что его отецъ служилъ въ молодости дворецкимъ въ барскомъ домѣ.

— Это ничего не значитъ,—возразила она.—Они будутъ

гоняться за вами. Большая часть такъ называемаго высшаго общества въ Лондонѣ любитъ цѣпляться за полы людей талантливыхъ. Артиста съ именемъ, писателя, художника, музыканта они любятъ принимать у себя. Пока онъ популяренъ, хозяйка дома носится съ нимъ, какъ съ красивой обновой. Она драпируется его талантомъ, точь-въ-точь какъ красивымъ нарядомъ, и ея видъ говоритъ:—Ну что, какъ я вамъ нравлюсь въ этомъ? Какъ только онъ пересталъ быть популярнымъ, она убираетъ его—тоже, какъ старое платье. А вы... ваше имя не будетъ стерто, если только вы не обратитесь въ то, чѣмъ становятся многіе люди въ расцвѣтѣ таланта.

— А чѣмъ они становятся?

— Порчеными, погибшими людьми. Свѣтская жизнь—плохая теплица для выращиванія плодовъ искусства и интеллекта. Она душитъ ихъ. Всѣ эти утонченныя бесѣды на обѣдахъ—въ нихъ ничего нѣтъ. Онѣ—пустыя, какъ пѣна шампанскаго. Но онѣ даютъ человѣку иллюзію, что онъ соприкасается съ людьми и находится въ сферѣ высокихъ интересовъ. Онъ встрѣчается съ политическими дѣятелями, а гдѣ они—тамъ, понятно, и политическіе разговоры. Онъ воображаетъ, что слышитъ «голосъ страны», что видитъ то, что происходитъ за кулисами, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ слышитъ и видитъ только личныя мелкія стремленія и интересы политиковъ. Каждый стоитъ за свою партію. Но съ тѣхъ поръ, какъ политика стала профессіей, это означаетъ: каждый за себя. Теперь исторія создается чистымъ, неподдѣльнымъ своекорыстіемъ. Вотъ все, что вы можете получить «въ свѣтѣ», и то только цѣною превращенія въ одного изъ имъ подобныхъ. Я встрѣчала людей, обѣщавшихъ выдвинуться въ литературѣ, въ искусствѣ или вообще на какомъ-нибудь иномъ поприщѣ, и почти всѣ они были отравлены свѣтской атмосферой. Всѣ эти люди съ деньгами, но безъ умственнаго развитія, обезьянничаютъ съ тѣхъ умныхъ, которыхъ могутъ себѣ позволить содержать—и вотъ они-то, или, вѣрнѣе, ихъ деньги и отравляютъ умы и души, которые могли бы безъ нихъ пойти далеко по пути совершенствованія. Каждый напрягаетъ теперь всѣ свои умственныя силы на пріобрѣтеніе денегъ и, когда каждый атомъ его мозга тяжелѣетъ отъ вѣса выработаннаго имъ золота, и онъ опускается на дно, точно тяжелый мѣшокъ. Тутъ ему и конецъ.

Дикки не прерывалъ ее. Онъ чувствовалъ въ ея словахъ правду, но не подозрѣвалъ въ ихъ пророчества. Женщину такого уровня интеллигентности онъ еще никогда не втрѣчалъ,

и онъ испытывалъ удовольствіе, какое даетъ умственный обмѣнъ съ равнымъ себѣ.

— Вы всегда такъ разсуждаете и анализируете?—спросилъ Дикки съ улыбкой.

— О, нѣтъ! Обыкновенно я говорю тѣ же изящныя, пустыя слова, какъ и всѣ. Большей частью, люди повторяютъ то, что они слыхали отъ другихъ, болѣе находчивыхъ.

— Но съ вами этого не бываетъ,—заявилъ онъ.

— Надѣюсь, что нѣтъ. Но все-таки я болтаю, какъ всѣ. Въ свѣтѣ не понимаютъ людей, высказывающихъ то, что они думаютъ. Мнѣ кажется, я бы тоже стала втупикъ, если бъ услыхала идущую отъ сердца рѣчь въ ихъ салонахъ. Вотъ только здѣсь, па холмѣ, среди этого простора, и съ *вашей* звенящей ноткой въ ушахъ—здѣсь можно говорить просто, о чемъ думаешь. Здѣсь оно кажется настоящимъ и даже... единственно умѣстнымъ.

Горечью звучалъ ея голосъ—горечью сознанія лицемѣрія жизни.

— Отчего же вы не отказываетесь отъ всего этого?—сказалъ Дикки.—Вы видите все насквозь, видите пустоту и обманъ. Такъ оставайтесь на всю жизнь на *этихъ* холмахъ, вмѣсто того чтобы сидѣть на креслѣ въ салонѣ. Упивайтесь *этимъ* виномъ, которое сейчасъ бодритъ васъ, вмѣсто шампанскаго. Слушайте *эту* музыку, вмѣсто игры купленнаго за деньги музыканта, который размѣниваетъ свой талантъ на золото. Если вы такъ презираете всю эту жизнь, то почему не отказаться отъ нея? Я хочу задать вамъ одинъ нескромный вопросъ...

Она кивнула головой въ знакъ согласія.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать семь.

Она этого вопроса и ждала—достаточно нескромнаго, дѣйствительно, когда женщинѣ за тридцать. Но *ему* она отвѣтила бы правду, каковъ бы ни былъ ея возрастъ.

— Значитъ, вы еще достаточно молоды,—сказалъ Дикки.—Отчего не бросить все это по боку?

Она разсмѣялась, стараясь казаться живо заинтересованной. Но прежнія искорки юмора погасли.

— Вы не все учитываете,—сказала она.—Я, вѣдь, воспитана на всемъ этомъ. Это моя основная пища. Но есть еще одно обстоятельство: скажите, что я стану дѣлать, если откажусь отъ свѣтской жизни? Вѣдь, сидѣть на холмѣ и любоваться природой можно одно утро, но не всю жизнь. У васъ есть дѣло. Вы имѣете

работу, которая стоитъ того, чтобы ею заниматься. Въ вашей жизни есть смыслъ; онъ чувствуется въ вашей личности. Но во мнѣ такого смысла нѣтъ. Зимою я ѣзжу на охоту и на балы. Бываю въ театрахъ и въ обществѣ во время сезона. Я ѣзжу за границу играть въ гольфъ и пытать счастье въ рулетку, и во всемъ этомъ попадаются интересные, забавные моменты. Люди встрѣчаются презрѣнные, но они по большей части такіе смѣшные! Я всегда это замѣчаю. И потѣшаюсь. Одна только вещь дѣйствительно интересуетъ меня.

— Какая?

— Боксъ. Борьба. Мой отецъ—знатокъ этого дѣла. Онъ возитъ меня на большія состязанія на Блэкфрайаръ-Родъ. Тамъ легко, потому что можно уйти отъ себя. Тамъ я вижу, что люди дѣлаютъ именно то, чего они хотятъ. А знакомые смотрятъ на меня съ ужасомъ, когда я говорю, что бываю на состязаніяхъ. Не то, чтобы ихъ это въ самомъ дѣлѣ шокировало, нѣтъ! но они думаютъ, что это такъ неинтеллигентно. Они не хотятъ понять, что на аренѣ призовой борьбы люди пользуются своей силой и ловкостью честнѣе и чище всѣхъ нашихъ извѣстныхъ политическихъ лидеровъ. Пусть онъ, этотъ боксеръ, борется не за высокое знамя, но оно чисто и незапятнано. Я бы хорошую борьбу не промѣняла ни на что.

Все это было для Дикки ново, странно и удивительно! Но дѣло было не въ одномъ интересѣ къ ея тонко-юмористическому уму. Между мужчиной въ возрастѣ Дикки и женщиной въ ея возрастѣ умъ играетъ второстепенную роль. Онъ былъ факторомъ, но не рѣшающимъ во всемъ, что произошло дальше.

Ибо Дикки чувствовалъ, что это—больше, чѣмъ простое приключеніе. Передъ нимъ была недосягаемая принцесса изъ его сказки. Когда она говорила, онъ слѣдилъ за оживленной игрой ея лица, ловилъ каждое выраженіе. Кровь горячѣе струилась въ его жилахъ, онъ чувствовалъ себя сильнымъ физически и активнымъ умственно. Съ ней онъ чувствовалъ, что живетъ. Мало того—жить было такъ радостно, такъ задорно-хорошо! И все-таки даже мысленно онъ не называлъ это свое чувство—любовью. Первая ея волна нахлынула съ такой внезапной силой, что смыла всякую способность мыслить и разсуждать. *Она* назвала ихъ встрѣчу приключеніемъ. Что жъ? Пока онъ удовлетворялся этимъ.

Одно только Дикки зналъ и одно уяснилъ себѣ: ихъ встрѣча не будетъ единственной. Она только начало знакомства, когда они будутъ часто видѣться. А кромѣ того онъ сознавалъ только

этотъ день, этотъ холмъ, который полого спускался къ свѣтлой долинѣ—и ее рядомъ съ собой. Больше ему ничего не нужно было.

Почти цѣлый часъ еще они просидѣли, разговаривая и каждый разъ находя другъ въ другѣ что-нибудь новое, отъ чего сердце начинало биться сильнѣе. Для нея онъ былъ новый, побѣдоносный умъ, не скрытый лакировкой, не испорченный общественнымъ лицемѣріемъ. Она видѣла въ его глазахъ неисчерпаемую мощь чувства, восхищалась его простотой, преклонялась передъ его умомъ. Для нея, встрѣчавшей настоящихъ принцевъ, это тоже былъ сказочный принцъ, и она ставила его безконечно выше ихъ, по всѣмъ мѣриламъ человѣческимъ.

— Значитъ, ничто не можетъ побудить васъ,—сказалъ онъ, продолжая прежній разговоръ,—отказаться отъ этой жизни, къ которой у васъ нѣтъ ничего, кромѣ презрѣнія? Что бы вамъ ни было предложено взамѣнъ, вы все-таки будете держаться своего?

Она пожала плечами.

— У меня не можетъ быть выбора,—сказала она.

— Отчего?

Она протянула впередъ свою лѣвую руку. Дикки увидѣлъ на ней обручальное кольцо. Другихъ колецъ не было.

— Вы замужемъ!—вырвалось у него.

Она поняла, даже лучше, чѣмъ онъ самъ, какія мысли зашевелились при этомъ на днѣ его сознанія.

— Вы не догадывались раньше?

— Нѣтъ.

— Развѣ вы не видѣли мое кольцо?

— Я смотрѣлъ на вашу правую руку, когда вы поправляли волосы... Я замѣтилъ, какая это дивная рука. Но лѣвой я не видѣлъ.

Онъ почти не старался скрыть, какой ударъ это былъ для него. Ощущеніе было такое, какъ будто онъ предложилъ ей въ даръ свою любовь, а она отвергла ее. Было это такъ очевидно и просто, что голосъ ея слегка дрожалъ, когда она снова заговорила.

— Вы слыхали когда-нибудь о лордѣ Фредди Чэртрисѣ?

Кажется, что-то онъ слышалъ. Такъ онъ и сказалъ.

— Такъ вотъ... онъ—мой мужъ.

Пер. съ англ. М. Славинская.

(Окончаніе слѣдуетъ).

АНГЛІЯ И СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ.

(Взглядъ на исторію ихъ взаимныхъ отношеній отъ войны за независимость до нашихъ дней).

I.

Неудавшійся юбилей.

Двѣ величайшія демократіи современнаго міра, одна изъ которыхъ сохраняетъ пока весьма бережно внѣшній обликъ монархіи,—Соединенные Штаты и Англія, должны были въ концѣ 1914 и въ началѣ прошлаго года праздновать столѣтіе со времени окончанія второй и послѣдней между ними войны. Празднества эти должны были происходить частью въ Англіи, частью въ Америкѣ—въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Канадѣ; — но тотъ міровой кризисъ, который переживаютъ нынѣ не только воюющія, но даже и всѣ главныя нейтральныя страны, совершенно заслонилъ этотъ знаменательный юбилей. Правда, въ нѣсколькихъ англійскихъ и американскихъ періодическихъ изданіяхъ, которыми этотъ юбилей былъ все-таки отмѣченъ небольшими замѣтками, а въ одномъ изъ нихъ — въ весьма распространенномъ и весьма хорошемъ американскомъ журналѣ (The Independent) былъ помѣщенъ рядъ статей, посвященныхъ историческимъ справкамъ и воспоминаніямъ о Гентскомъ мирѣ, которымъ была заключена вторая война (1812—1814 г.) между Англіей и Соединенными Штатами на протяженіи минувшихъ ста лѣтъ. Одна [1]) изъ нихъ написана даже по спеціальному порученію Американской Исторической Ассоціаціи

---

[1]) The British Empire and the United States. A review of their relations during the century of peace following the treaty of Guent. New-York and London. Macmillan.

недавнимъ ея предсѣдателемъ, профессоромъ Колумбійскаго университета въ Нью-Іоркѣ Вал. Деннингомъ.

Книга проф. Деннинга, къ которой написалъ предисловіе лучшій знатокъ американскихъ учрежденій Джемсъ Брайсъ, вышла въ Нью-Іоркѣ въ самомъ концѣ 1914 года. Она отличается выдающимися литературными достоинствами и, что намъ кажется особенно цѣннымъ, поразительнымъ безпристрастіемъ въ изложеніи споровъ и недоразумѣній, которые возникали въ разное время между Америкой и Англіей на протяженіи ста лѣтъ и которые иногда, казалось, должны были привести къ разрыву сношеній, если не къ прямой войнѣ между двумя отраслями англо-саксонской расы [1]). Выходъ этой книги послужилъ нѣкоторымъ внѣшнимъ импульсомъ, побудившимъ и насъ коснуться въ настоящей статьѣ весьма важнаго и интереснаго вопроса объ отношеніяхъ Англіи и Америки за послѣднія сто лѣтъ. Кстати сказать, какъ то ни странно, но, насколько намъ извѣстно, въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ въ Англіи не появлялось какого-либо историческаго труда, посвященнаго тому же занимающему насъ вопросу, хотя мы слѣдимъ за англійской исторической литературой даже болѣе внимательно, чѣмъ за американской. Столѣтіе Гентскаго мира было отмѣчено въ Англіи лишь въ повременной ежедневной и ежемѣсячной печати, будучи и тамъ затеряно среди массы статей, посвященныхъ самому серьезному кризису, который когда-либо переживала Англія на почвѣ международныхъ отношеній [2]).

Не входя пока въ разсмотрѣніе причинъ, которыя привели къ войнѣ 1812—1814 гг. между Англіей и Соединенными Штатами, отмѣтимъ лишь, что поздно въ послѣобѣденное время, въ самый сочельникъ 1814 г., уполномоченные Англіи и Америки, засѣдавшіе съ августа мѣсяца въ небольшомъ тогда голландскомъ, нынѣ бельгійскомъ (занятомъ, какъ мы всѣ надѣемся только временно, нѣмцами) городѣ Гентѣ, подписали наконецъ условія мира, при чемъ ни одна сторона въ сущности не достигла той цѣли, ради которой велась война. Тѣмъ не менѣе, какъ это видно изъ дневника, который велъ самымъ аккуратнымъ образомъ главный уполномоченный отъ Соед. Штатовъ Джонъ Куинси Адамсъ (впослѣдствіи президентъ Соединенныхъ

---

[1]) Намъ удалось уже прочесть рядъ критическихъ статей о книгѣ Деннинга въ англійскихъ и американскихъ изданіяхъ, при чемъ всѣ рецензенты отмѣчаютъ безпристрастіе автора.

[2]) Въ Америкѣ уже въ 1913 году вышло спеціальное сочиненіе, посвященное въ сущности тому же вопросу: Ch. Fr. Adams. Trans-Atlantic Historical Solidarity.

Штатовъ, какъ и его отецъ Джонъ Адамсъ), подписывая договоръ, сказалъ главному уполномоченному Англіи лорду Gambier: «я надѣюсь, что это будетъ послѣднимъ мирнымъ договоромъ между Англіей и Америкой». Такъ уже тогда представлялась Адамсу мало вѣроятной возможность новой войны между англичанами, живущими по разнымъ сторонамъ Атлантическаго океана. То же самое Адамсъ повторилъ публично черезъ двѣ недѣли на обѣдѣ, который городское управленіе Гента давало своимъ высокимъ гостямъ передъ ихъ отправленіемъ на родину. Провозглашая тостъ за гостепріимныхъ хозяевъ, Адамсъ выразился между прочимъ такъ: «Гентъ, городъ мира. Пусть врата храма Януса, нынѣ закрывшіяся, не отверзаются вновь въ теченіе вѣка!»

Никто не можетъ сказать, насколько Адамсъ былъ искрененъ, хотя указанная нами отмѣтка въ его дневникѣ о разговорѣ съ лордомъ Gambier заставляетъ думать, что этотъ крупный политическій дѣятель Америки, хорошо знавшій къ описываемому нами времени какъ свою родину (онъ былъ одно время членомъ американскаго сената), такъ и Европу (гдѣ онъ исполнялъ не разъ разныя дипломатическія миссіи), уже тогда учитывалъ все значеніе чисто нравственныхъ связей, соединявшихъ тысячами незамѣтныхъ нитей американцевъ и англичанъ. Поэтому онъ полагалъ невозможнымъ или весьма маловѣроятнымъ, чтобы когда-либо возникло между ними такое обостреніе отношеній, которое могло бы привести къ открытому разрыву и къ войнѣ. Надо сказать, что самъ Адамсъ много содѣйствовалъ установленію дружественныхъ отношеній между двумя отраслями англо-саксонской расы [1]). Изъ Гента онъ проѣхалъ прямо въ Лондонъ, куда былъ назначенъ американскимъ посломъ, т.-е. занялъ то мѣсто, которое когда-то занималъ его отецъ, бывшій *первымъ* посломъ Соединенныхъ Штатовъ въ Англіи, когда впервые возобновились сношенія Англіи съ ея бывшими колоніями. Свою миротворческую роль Адамсъ продолжалъ выполнять и впослѣдствіи, когда (1817) президентъ республики Монроэ назначилъ его secretary of State, что болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ положенію министра иностранныхъ дѣлъ въ государствахъ Европы [2]).

---

[1]) Едва-ли нужно объяснять читателю, что мы употребляемъ здѣсь выраженіе раса просто ради удобства, какъ такое понятіе, которое можетъ считаться примѣнимымъ для обозначенія населенія Англіи и Америки.

[2]) См. *Брайсъ*. Американская Республика, т. I или нашу книгу „Главныя Федераціи Совр. Міра". Историческому развитію функцій Secretary of State посвященъ только-что вышедшій въ Америкѣ трудъ: The Department of State. Jts History and Functions by G. Hunt.

Итакъ, пророческія слова Адамса сбылись. Прошло сто лѣтъ со времени Гентскаго мира и, несмотря на массу всевозможныхъ поводовъ къ взаимнымъ неудовольствіямъ, несмотря на безконечные споры по поводу границъ Канады и Соединенныхъ Штатовъ, по поводу права рыбныхъ промысловъ около Ньюфаундленда и въ другихъ мѣстахъ и т. д., между Соединенными Штатами и Англіей не было новой войны и нельзя предвидѣть ея въ близкомъ будущемъ [1]). Это обстоятельство можно считать тѣмъ болѣе замѣчательнымъ, что Канада, повидимому, должна была представлять всегда и представляетъ теперь весьма лакомый кусочекъ для американцевъ. Между тѣмъ, частію по взаимному соглашенію, частію просто изъ чувства взаимнаго довѣрія ни англичане въ Канадѣ, ни американцы не имѣютъ никакихъ пограничныхъ крѣпостей. Въ самомъ дѣлѣ Америка и Канада представляютъ собой единственный въ своемъ родѣ примѣръ двухъ государствъ, каковымъ съ занимающей насъ точки зрѣнія является Канада, которыя имѣютъ границу, тянущуюся на нѣсколько тысячъ верстъ (почти на 6.000) безъ какихъ-либо укрѣпленій съ той или съ другой стороны границы. Мало того, самая граница въ большей части своего протяженія чисто искусственная— такой-то градусъ широты. Ни англичане въ Канадѣ, ни американцы никогда не держали и не держатъ теперь постоянной арміи, которая бы по своей численности находилась въ какомъ-либо соотношеніи къ населенію той или другой страны, если примѣнять масштабъ, какой мы наблюдаемъ въ этомъ отношеніи въ Европѣ. Особенно легко могли, конечно, содержать весьма внушительную по своей величинѣ армію Соединенные Штаты, между тѣмъ, почти до самаго конца XIX вѣка численность американской постоянной арміи не превосходила въ мирное время 25.000 человѣкъ. Это обстоятельство болѣе, чѣмъ что-либо другое, свидѣтельствовало и свидѣтельствуетъ объ отсутствіи какихъ-либо агрессивныхъ плановъ у американской демократіи. Эта демократія глубоко мирная, употребляющая всѣ свои силы, всѣ свои способности на колонизацію необъятныхъ незанятыхъ земель Запада и на созданіе болѣе или менѣе удовлетворительнаго политическаго и экономическаго строя на принципахъ, согласныхъ съ завѣтами «отцовъ республики», завѣтами, нашедшими

---

[1]) Еще недавно англійскій первый министръ Асквитъ произнесъ публично слѣдующія знаменательныя слова: „Говоря здѣсь въ Лондонѣ, въ центрѣ имперіи, я утверждаю отъ имени британскаго народа, что никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ, не будетъ войны между Англіей и Соединенными Штатами“. Это было сказано осенью 1914 года около времени предполагавшихся юбилейныхъ торжествъ.

себѣ выраженіе въ федеральной конституціи, живучесть которой представляетъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій политической исторіи новѣйшихъ временъ [1]).

Намѣреваясь писать по поводу столѣтія, истекшаго со времени Гентскаго мира, мы однако не считаемъ возможнымъ начать свой обзоръ взаимныхъ отношеній Англіи и Америки именно съ указаннаго момента. Для того, чтобъ наше изложеніе имѣло необходимую ясность и нѣкоторую законченность, намъ придется сказать нѣсколько словъ по поводу тѣхъ обстоятельствъ, которыя привели въ концѣ XVIII вѣка къ «великому расколу англо-саксонской расы» [2]).

II.

Какъ современные американцы объясняютъ и оправдываютъ свой разрывъ съ Англіей.

4-го іюля 1776 г. совершилось одно изъ величайшихъ событій XVIII вѣка—провозглашеніе самостоятельности колоній, основанныхъ въ Америкѣ англичанами. Міръ былъ оповѣщенъ объ этой знаменитой Деклараціи независимости, составленной Джефферсономъ и принятой такъ называемымъ континентальнымъ конгрессомъ, т.-е. съѣздомъ делегатовъ всѣхъ тогдашнихъ 13 американскихъ колоній Англіи [3]).

Мало политическихъ документовъ, которые сыграли бы въ исторіи такую роль, какую сыграла Декларація независимости. Еще меньше такихъ политическихъ документовъ, происхожденіе и текстъ которыхъ подвергались бы столь тщательному изученію, слово за словомъ, какъ американская Декларація. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышелъ въ Филадельфіи (гдѣ въ свое время засѣдалъ континентальный конгрессъ) огромный трудъ, посвященный исключительно изученію текста Деклараціи и ближайшихъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ ея составленію и принятію.

---

1) См. объ этомъ рядъ глубокопоучительныхъ замѣчаній въ классическомъ трудѣ Брайса.

2) Подъ такимъ заглавіемъ мы выпустили въ 1904 году описаніе американской революціи, большая часть котораго появилась первоначально въ „Русскомъ Богатствѣ“ (подъ заглавіемъ „Литературные факторы американской революціи“).

3) Въ каковое число не вошли, по извѣстнымъ всѣмъ основаніямъ, ни Канада, ни Вестъ-Индія, ни нѣкоторыя другія англійскія страны въ Америкѣ.

Этотъ государственный актъ, которымъ американцы возвѣщали всему міру о своемъ вступленіи въ семью народовъ въ качествѣ самостоятельнаго политическаго цѣлаго, начинается, какъ извѣстно, перечисленіемъ ряда политическихъ аксіомъ, которыя всѣмъ правительствамъ того времени, кромѣ правительства Англіи, противъ которой возстаніе было направлено, должны были казаться чрезвычайно рѣзкимъ выраженіемъ совершенно недопустимыхъ, «превратныхъ» для того времени идей. Эти идеи оставались, впрочемъ, «превратными» для правительствъ большинства странъ Европы по меньшей мѣрѣ на протяженіи полувѣка послѣ того, какъ, ссылаясь на нихъ, англичане, жившіе въ Америкѣ, пытались обосновать передъ общественнымъ мнѣніемъ тогдашняго міра свой разрывъ съ правительствомъ метрополіи.

«Слѣдующія истины мы считаемъ самоочевидными (self evident)»,—провозглашали на весь міръ американцы. «Всѣ люди рождаются равными, всѣ они одарены Творцомъ нѣкоторыми неотъемлемыми правами, къ числу которыхъ относятся право на свободу и на возможное обезпеченіе себѣ (pursuit) счастья».

«Правительства существуютъ только для того, чтобы вѣрнѣе обезпечить людямъ осуществленіе этихъ правъ, при чемъ справедливость требуетъ, чтобы власть правительства имѣла въ основаніи согласіе народа. Когда же правительство является помѣхой для достиженія указанныхъ только-что цѣлей, народъ имѣетъ право измѣнить форму своего правительства или даже вовсе его отмѣнить и учредить новое правительство, положивъ въ основу его такіе принципы и придавъ ему такую форму, которые наиболѣе обезпечивали бы благоденствіе народа и его безопасность». Далѣе слѣдовало перечисленіе разнаго рода дѣйствій англійскаго правительства и самого англійскаго парламента, «дѣйствій», какъ выражалась Декларація, «прямой и очевидной цѣлью которыхъ можетъ быть только установленіе полной тиранніи (absolute tyranny) надъ населеніемъ американскихъ колоній».

Въ то время, когда были провозглашены на весь міръ только-что приведенные политическіе принципы и вмѣстѣ съ тѣмъ англичанамъ предъявлено столь тяжкое обвиненіе, большинство американцевъ были твердо увѣрены какъ въ очевидности для всѣхъ этихъ принциповъ, такъ и въ полной основательности своихъ обвиненій англійскаго правительства въ попыткахъ абсолютной надъ ними тиранніи. Американцы въ своемъ увлеченіи не отдавали себѣ яснаго отчета въ томъ, что самая ихъ декларація не могла быть полностью напечатана ни въ одномъ изъ

государствъ Европы, кромѣ Голландіи и, быть можетъ, Франціи [1]), при чемъ въ послѣдней развѣ лишь потому, что дискредитированіе англійскаго правительства могло быть только пріятно правительству Франціи, у которой англичане только-что отняли Канаду.

Если они этого не понимали, «тѣмъ менѣе можно было ожидать отъ нихъ правильной оцѣнки тѣхъ мѣръ», которыми англичане, желая вернуть хотя бы часть громадныхъ денежныхъ суммъ, «затраченныхъ на борьбу съ Франціей». Они предполагали перенести на американцевъ часть значительно увеличившагося податного бремени, которое до тѣхъ поръ лежало почти исключительно на англійскомъ народѣ. Такое желаніе англичанъ было тѣмъ болѣе умѣстно и справедливо, что только-что минувшая война, закончившаяся изгнаніемъ французовъ изъ Америки и присоединеніемъ Канады къ владѣніямъ Англіи, принесла наибольшія выгоды американцамъ. Въ самомъ дѣлѣ, она освободилась отъ опасныхъ и безпокойныхъ сосѣдей и получила возможность отдаться спокойно дѣлу колонизаціи огромныхъ свободныхъ земель ближняго и (тогдашняго) дальняго запада. Американцы занялись колонизаціей съ большимъ рвеніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ стали проявлять такую смѣлость и рѣшительность въ отношеніи метрополіи, какихъ они не позволяли себѣ, пока по сосѣдству съ ними жили французы. Однако, на томъ же основаніи и правительство метрополіи стало смѣлѣе и категоричнѣе въ своей политикѣ относительно американскихъ колоній.

Здѣсь не мѣсто излагать ближайшіе поводы разрыва между Англіей и ея колоніями въ Америкѣ. Всѣмъ читателямъ извѣстна исторія (въ 1765 г.) гербоваго сбора, «агитаціи», поднятой противъ этого сбора и весьма быстрой (1766) его отмѣны. Спустя годъ послѣ отмѣны гербоваго сбора правительство метрополіи ввело въ Америкѣ рядъ небольшихъ пошлинъ на ввозимый въ колоніи

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, вотъ что мы читаемъ по поводу американской декларація въ одномъ капитальномъ трудѣ по исторіи Англіи XVIII вѣка:— „Странно было видѣть, какъ пылало негодованіемъ общественное мнѣніе чисто деспотической страны по поводу того, что Англія нарушила конституціонныя права своихъ колоній... Нельзя было, однако, сомнѣваться въ искренности самаго энтузіазма!.. Когда, по желанію Франклина, декларація независимости была переведена на французскій языкъ и широко распространена по всей Франціи, Мирабо, сидѣвшій въ то время въ тюрьмѣ въ Венсенѣ, недоумѣвалъ, читали ли и поняли ли эту декларацію тѣ, кто высказывалъ такія горячія симпатіи возставшимъ колонистамъ, и приходило ли имъ въ голову, что, исходя изъ теорій, развиваемыхъ въ деклараціи, ни одно правительство въ Европѣ нельзя было бы признать законнымъ, кромѣ правительства Англіи, Швейцаріи и Голландіи". Hartpole Lecky, History of England in XVIII century, vol. IV. pag. 47—49.

чай и на нѣкоторые другіе продукты. Если для протестовъ противъ гербоваго сбора у американцевъ были нѣкоторыя формальныя основанія, то для еще болѣе сильной агитаціи, сопровождаемой къ тому же насильственными дѣйствіями, таковыхъ основаній почти уже совсѣмъ не было, такъ какъ назначеніе и взиманіе ввозныхъ пошлинъ всегда входило въ компетенцію имперскаго правительства. Но, возражали на это американцы, одно дѣло опредѣлять пошлины въ томъ или иномъ размѣрѣ въ видахъ регулированія внѣшней торговли колоніи и направленія ея въ интересахъ метрополіи и другое дѣло—облагать товары пошлинами съ фискальными цѣлями, т.-е. желая обезпечить, такимъ образомъ, поступленіе въ имперскую казну болѣе или менѣе значительныхъ суммъ.

Короче говоря, колонисты теперь сочли умѣстнымъ выдвинуть знаменитый англійскій принципъ—no taxation without redresentation. Это значитъ:—никакое законодательное собраніе (читай англійскій парламентъ) не можетъ прямо или косвенно облагать какими-либо налогами или сборами населеніе, которое не имѣетъ въ этомъ собраніи своихъ представителей.

Нельзя сказать, чтобы въ самомъ пылу разгоравшагося пожара въ Америкѣ не было людей, способныхъ ставить переживаемыя событія въ иную перспективу. Въ одномъ изъ своихъ трудовъ мы познакомили русскую читающую публику съ той крайне интересной и поучительной журнальной полемикой, которая велась въ Америкѣ передъ революціей по поводу вопроса объ отношеніяхъ къ Англіи [1]). Здѣсь мы позволимъ себѣ привести извлеченіе только изъ одной серіи статей, появившихся сначала въ бостонской газетѣ «The Massachusetts Gazette» и затѣмъ перепечатанныхъ въ видѣ брошюры въ 1775 году, т.-е., такъ сказать, аканунѣ революціи.

«Вѣроятно, во всей исторіи Англіи, читаемъ мы въ брошюрѣ, нельзя найти примѣра оппозиціи правительству, для оправданія котораго было бы столь мало основаній... Въ самомъ дѣлѣ, не верхъ ли сумасбродства и самообольщенія со стороны колоніи поднимать оружіе противъ Англіи изъ за того, что англійскій парламентъ настаиваетъ на своемъ правѣ облагать населеніе Америки налогами правѣ, столь же старомъ, какъ и сами эти колоніи. Внѣшней причиной затѣваемой ссоры выставляется нежеланіе парламента отмѣнить установленную имъ пошлину на чай. Если же мы спросимъ виговъ (т.-е. революціонеровъ.

---

[1]) Великій расколъ англо-саксонской расы. „Американская Революція“. Спб. 1901.

неужели въ основѣ ихъ оппозиціи лежитъ эта ничтожная пошлина въ три пенса на иноземный, къ тому же нездоровый, продуктъ, представляющій въ сущности предметъ роскоши, то они намъ поспѣшатъ отвѣтить: «мы боремся противъ опаснаго прецедента». Такой отвѣтъ равносиленъ утвержденію, что дѣло идетъ въ этомъ случаѣ о какомъ-то новшествѣ. Но вѣдь это совершенная ложь. Если бы пошлина на чай была теперь же отмѣнена, то все же не было бы недостатка въ прецедентахъ для англійскаго правительства. Что же такъ далась вигамъ эта пресловутая пошлина на чай? Почему они молчатъ объ обложеніи пошлинами патоки, вина, кофе, индиго и т. п.? Человѣкъ, который пьетъ американскій ромъ, приготовленный изъ патоки, заслуживаетъ не менѣе того, который пьетъ чай, чтобы его обмазали смолой и обваляли въ перьяхъ. Такое же политическое преступленіе совершаетъ и тотъ, кто пьетъ кофе. «Патріоты» наши утверждаютъ, что, если мы признаемъ за парламентомъ право облагать насъ налогомъ хотя бы въ одинъ пенсъ съ фискальными цѣлями, то парламентъ отъ незначительныхъ налоговъ перейдетъ къ болѣе и болѣе тяжелымъ, пока такое обложеніе не станетъ для насъ невыносимымъ. Говорить такъ— значитъ отрицать извѣстное право только потому, что этимъ правомъ можно злоупотреблять. Но вѣдь доказать, что то или иное лицо злоупотребило извѣстнымъ правомъ, вовсе не значитъ доказать незаконность самаго права. Еще менѣе убѣдительными можно считать ссылки на одну возможность такихъ злоупотребленій»...

...«Мы никогда бы не кончили, если бы вздумали перечислять здѣсь всѣ мнимыя притѣсненія Англіи, всѣ неудовольствія, которыми полны теперь наши газеты и журналы. Въ послѣднее время умѣнье находить новые и новые поводы для недовольства стало даже наиболѣе вѣрнымъ средствомъ для быстраго пріобрѣтенія популярности» [1])...

Прошло сто лѣтъ со времени великихъ событій американской революціи, и американскіе историки сумѣли подняться до необходимаго безпристрастія въ изложеніи событій этой героической эпохи, хотя это было для нихъ не легко.

«Даже теперь,—писалъ въ самомъ концѣ прошлаго вѣка профессоръ одного изъ лучшихъ американскихъ университетовъ (Cornell University) Мозесъ Тайлеръ въ своей извѣстной «Литературной Исторіи Американской Революціи», — даже теперь

[1]) Moses Coit Tyler. The Literary History of American Revolution, vol. I, 362—365.

американцу весьма нелегко отнестись безпристрастно, какъ это подобаетъ историку, къ тѣмъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые были противъ революціи. Вотъ уже сто лѣтъ, какъ среди насъ и въ традиціи, и въ исторіи, и въ рѣчахъ, и въ пѣсняхъ, и въ публичныхъ церемоніяхъ и торжествахъ прославляется только побѣдившая сторона, повторяются только ея мысли, ея доводы, восхваляются только ея герои. Мы плохо сознаемъ, что и лойялисты, какъ они себя называли, или тори, какъ ихъ презрительно обзывали ихъ противники, въ оправданіе своихъ взглядовъ могли сослаться на аргументы, не лишенные серьезнаго значенія, что чувства и мотивы, ими руководившіе, никакъ нельзя считать низкими или подлыми, что ихъ дѣйствія не лишены были элементовъ самопожертвованія и даже героизма»...

По поводу послѣднихъ словъ Тайлера мы можемъ сказать кстати, что авторъ только-что указаннаго памфлета скрылъ свою фамилію и подписывалъ подъ своими статьями просто «Житель Массачузэтса». Многіе догадались, кто писалъ статьи, и, когда эти догадки стали переходить въ увѣренность, пришлось искать спасенія въ бѣгствѣ. Около того же времени выпустилъ въ свѣтъ свой знаменитый памфлетъ Томасъ Пэнъ. Памфлетъ назывался «Здравый смыслъ» и представлялъ собой такую рѣзкую критику не только англійскаго правительства, но и всякаго монархическаго правительства вообще, что, вѣроятно, и теперь не оказалось бы возможнымъ издать его полностью въ Россіи, а въ концѣ XVIII вѣка перепечатать его можно было бы только въ Голландіи. Памфлетъ разошелся въ десяткахъ изданій и въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ въ «угнетаемыхъ» англійскихъ колоніяхъ. Онъ доставилъ Пэну необыкновенную популярность.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ Америкѣ во время начинавшейся революціи наибольшія опасности [1]) грозили тѣмъ, кто отстаивалъ точку зрѣнія англійскаго правительства. Рѣдко у кого хватало смѣлости высказаться болѣе или менѣе рѣшительно за англичанъ. Въ высшей степени важно отмѣтить также, что въ самой Англіи вовсе не представлялось опаснымъ говорить и писать въ пользу точки зрѣнія американцевъ. Почти въ то самое время, когда, принявъ всѣ мѣры къ тому, чтобы скрыть свое имя, писалъ въ Бостонской газетѣ свою статью

[1]) Это справедливо, по крайней мѣрѣ, относительно ближайшей опасности. Само собой, разумѣется, если бы революція была неудачна, то гоненія и, быть можетъ, извѣстныя возмездія обрушились бы на бывшихъ непримиримыхъ.

«Житель Массачуэтса», въ это же самое время 22 марта 1775 года произнесъ въ парламентѣ свою знаменитую рѣчь Боркъ, и рѣчь, представлявшую въ высшей степени продуманную, полную безподобныхъ мѣстъ по силѣ аргументовъ и по блеску слога, апологію точки зрѣнія американцевъ и требовавшую примирительной съ ними политики. Ту же точку зрѣнія развивалъ Боркъ и путемъ печати, какъ и нѣкоторые другіе англичане.

Парламентъ не пошелъ по пути примиренія съ американскими колоніями, на который приглашалъ его Боркъ. Однако, самый фактъ произнесенія такой рѣчи по такому жгучему, крайне острому вопросу, рѣчи, всецѣло раздѣлявшей точку зрѣнія американскихъ революціонеровъ, такой фактъ не могъ имѣть мѣста ни въ одномъ изъ государствъ тогдашняго культурнаго міра, какъ не могла имѣть мѣста ни въ одной странѣ такая свобода печати, какая была въ американскихъ колоніяхъ Англіи. Принявъ во вниманіе все, только-что нами сказанное, читатели наши, быть можетъ, согласятся, что эти двѣ спорившія и готовыя разойтись навсегда стороны, эти двѣ части пока еще въ то время одного и того же политическаго цѣлаго имѣли гораздо болѣе общаго, чѣмъ они это подозрѣвали, и гораздо болѣе отличались отъ всего остальнoго культурнаго міра, чѣмъ они это сознавали; мы разумѣемъ въ особенности отличіе въ основныхъ политическихъ взглядахъ и въ политическомъ и гражданскомъ развитіи, въ привычкѣ пользоваться такими благами культуры, все значеніе и важность которыхъ еще смутно сознавали другіе народы. Мы отмѣчаемъ все это потому, что здѣсь же, въ указываемыхъ нами обстоятельствахъ, скрывается та основная причина, которая по истеченіи сравнительно немногихъ лѣтъ создала между двумя отраслями англо-саксонской расы, формально разошедшимися навсегда, сознаніе указанной нами общности политическихъ и другихъ идеаловъ и обусловила ихъ въ общемъ мирныя и благожелательныя отношенія, несмотря на массу внѣшнихъ поводовъ для серьезныхъ разногласій, которыя при другихъ обстоятельствахъ могли бы привести не разъ къ открытой войнѣ.

Возвратимся, однако, къ такъ наз. лойялистамъ. Изъ кого они состояли? Кто они были по уму, по образованію, по общественному положенію? Вотъ какъ профессоръ Тайлеръ, кстати сказать, потомокъ одного дѣятеля американской революціи, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ.

«Къ лойялистамъ принадлежали до 1776 года, во-первыхъ,

конечно, лица, занимавшія разныя гражданскія и военныя должности... Къ нимъ примкнули нѣкоторые эгоистично настроенные политическіе дѣятели, надѣявшіеся на быструю побѣду Англіи въ случаѣ, если дѣло дойдетъ до войны, и на соотвѣтственныя себѣ награды... Къ нимъ же съ большой вѣроятностью можно отнести громадное большинство людей, которые занимались коммерціей, и вообще представителей капитала. Къ лойялистамъ же примкнули, вообще говоря, и лица такъ наз. либеральныхъ профессій: доктора, адвокаты, пасторы, судьи, учителя. Повидимому, нельзя сомнѣваться въ томъ, что большинство этихъ лицъ не сочувствовали тѣмъ мѣрамъ, которыя привели къ революціи»...

«Для дальнѣйшей характеристики умственнаго и нравственнаго облика лойялистовъ можно, пожалуй, считать знаменательнымъ тотъ фактъ, что среди лойялистовъ мы находимъ имена многихъ лицъ, окончившихъ колоніальные колледжи (университеты). Извѣстно, что въ 1778 году Массачузэтсъ объавилъ объ изгнаніи изъ колоніи 310 наиболѣе видныхъ тори. Кто же были эти граждане Массачузэтса?.. Въ этомъ спискѣ лицъ, обреченныхъ за ихъ мнѣніе на изгнаніе и потерю имущества, мы находимъ рядъ стариннѣйшихъ и почтеннѣйшихъ родовъ, предки которыхъ не мало потрудились въ свое время надъ основаніемъ и первымъ устройствомъ новой Англіи... Любопытно также, что одна пятая изгнанниковъ—60 человѣкъ—окончили Харвардскій колледжъ».

Сколько же было этихъ лойялистовъ во время революціоннаго движенія? «Число ихъ,—говоритъ проф. Тайлеръ,—трудно указать даже приблизительно. Во-первыхъ, вездѣ были тори, которые таили свои мысли, во-вторыхъ, число открытыхъ тори мѣнялось въ зависимости отъ перипетій революціонной борьбы... Сами тори всегда утверждали, что, если бы было возможно въ то время голосованіе за и противъ революціи, то, несомнѣнно, значительное большинство гражданъ оказалось бы на ихъ сторонѣ... Революціонная партія считала, конечно, совершенно невѣрнымъ исчисленіе тори своихъ единомышленниковъ, хотя революціонеры признавали все-таки, что партія тори немаловажна. Вѣроятно, ни одинъ изъ политическихъ дѣятелей партіи виговъ не былъ на этотъ счетъ лучше освѣдомленъ, чѣмъ Джонъ Адамсъ... Однако, и онъ въ одномъ изъ своихъ частныхъ писемъ опредѣлялъ число противниковъ революціи до трети всего населенія тринадцати колоній. То же самое мнѣніе Адамсъ высказывалъ не разъ и впослѣдствіи»...

«Конечно,—такъ заключаетъ Тайлеръ,—къ дѣлу, которое

защищали среди всякаго рода оскорбленій, упрековъ и несчастій столь значительная часть американскаго общества, нельзя относиться съ невниманіемъ и презрѣніемъ, какъ это дѣлали часто до сихъ поръ американскіе историки» (къ сожалѣнію, не одни только американскіе историки).

Вотъ какъ одинъ изъ самыхъ выдающихся американскихъ историковъ проф. Харвардскаго университета А. Бушнель Хорнъ заканчиваетъ обзоръ событій борьбы американцевъ за независимость въ своей книгѣ „Formation of the Union“.

«Истиннаго оправданія революціи надо искать не въ спискѣ претензій на дѣйствія англійскаго правительства, составленномъ колонистами (намекъ на содержаніе Деклараціи независимости). Революція была законна (right, справедлива, умѣстна), такъ какъ въ основѣ ея лежали два великихъ принципа человѣческаго прогресса».

«Во-первыхъ, по мѣрѣ того, какъ американскія колоніи становились значительнѣе, населеннѣе и богаче, колонисты были бы болѣе и болѣе недовольны тѣмъ, что развитію ихъ торговли мѣшаютъ нѣкоторыя стѣсненія, введенныя въ интересахъ людей, живущихъ за океаномъ [1]). Поднимая возстаніе, колонисты отстаивали, такимъ образомъ, право каждаго человѣка пользоваться всецѣло трудами рукъ своихъ. Въ самомъ дѣлѣ, успѣхъ революціи открылъ для американской промышленности и торговли тысячи рынковъ и путей во всѣхъ концахъ міра».

«Во-вторыхъ, революція представляла собой протестъ противъ попытокъ подчинить Америку безконтрольной власти. Попытки эти были произведены формально отъ имени англійскаго парламента. Однако, какъ разъ въ это время, въ силу нѣкоторой совокупности обстоятельствъ, представлявшихъ опасность для самой судьбы конституціоннаго режима въ Англіи [2]), королю удалось подчинить вполнѣ своему вліянію парламентъ. Такимъ образомъ, колонисты, поднимая борьбу противъ короля, дѣйствовали во имя тѣхъ же принциповъ и идей, какіе руководили тогда меньшинствомъ англичанъ, составлявшихъ оппозицію королю и его министрамъ».

Таковъ приговоръ по поводу конфликта, высказанный болѣе чѣмъ черезъ сто лѣтъ послѣ событій однимъ изъ самыхъ талантливыхъ историковъ въ Америкѣ.

---

[1]) Т.-е. въ интересахъ англійскихъ коммерсантовъ и промышленниковъ.

[2]) Много относящихся сюда данныхъ читатель найдетъ въ нашей „Политической исторіи Англіи въ XIX вѣкѣ“, гдѣ значительное мѣсто отведено американской революціи.

Резюмируя всѣ факты и соображенія, приведенныя нами выше, мы, повидимому, можемъ съ полнымъ правомъ утверждать, что американцы возстали не тогда, когда послѣ ряда притѣсненій и угнетеній у нихъ были отняты послѣдніе остатки свободы, а тогда, когда ихъ сравнительно весьма значительной свободѣ въ первый разъ стала грозить сколько-нибудь серьезная опасность. Для полноты освѣщенія вопроса слѣдуетъ, пожалуй, прибавить, что колонисты возстали тѣмъ смѣлѣе, тѣмъ охотнѣе, что недавній разгромъ французовъ въ Америкѣ, произведенный англичанами при ихъ содѣйствіи, освободилъ ихъ отъ всякихъ другихъ возможныхъ враговъ...

Торжество американской революціи принесло большую пользу дѣлу свободы въ самой Англіи, такъ какъ, благодаря именно этому обстоятельству, была дискредитирована политика короля, и ему пришлось вручить государственную власть другимъ людямъ, другимъ министрамъ. Такимъ образомъ, американская революція составляетъ нѣкоторый этапъ и въ исторіи англійскаго парламентаризма.

Такъ разошлись въ концѣ XVIII вѣка два народа или, вѣрнѣе, двѣ части одного и того же народа. Они разошлись несмотря на то, что имѣли, какъ мы на это указывали, чрезвычайно много общаго и въ политическихъ и въ другихъ взглядахъ и понятіяхъ. Они разошлись только потому, что раздѣлявшій ихъ океанъ при тѣхъ способахъ сообщеній, какіе были въ то время, ставилъ непреодолимыя преграды для организаціи одного общаго правительства, черпающаго свой авторитетъ въ формальной поддержкѣ и довѣріи народныхъ представителей обѣихъ частей народа. Между тѣмъ, англичане, переселившіяся въ Америку, вывезли въ свою новую родину тотъ основной политическій принципъ, что всякое правительство только тогда законно, когда оно дѣйствуетъ по соглашенію, если не по прямому полномочію народныхъ представителей, въ особенности во всѣхъ тѣхъ проявленіяхъ власти, которыя влекутъ за собой матеріальныя жертвы для народа въ видѣ налоговъ, пошлинъ и другихъ сборовъ. Англичане, жившіе въ Америкѣ, успѣли дать въ описываемое нами время этому принципу даже болѣе полное и болѣе систематическое примѣненіе, чѣмъ удалось этого достигнуть самимъ жителямъ метрополіи. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь во всѣхъ американскихъ колоніяхъ имѣлись законодательныя собранія, которыя болѣе правильно отражали народное настроеніе, чѣмъ тогдашній англійскій парламентъ.

Это обстоятельство показываетъ, что еще до революціи, до

своей войны за независимость, англичане, жившіе въ Америкѣ, пользовались *болѣе демократической формой правленія*, чѣмъ англичане, жившіе у себя дома. Въ виду этого всякія попытки парламента на взиманіе какихъ-либо сборовъ съ американцевъ, сборовъ, преслѣдующихъ чисто фискальныя цѣли, представлялись американцамъ посягательствомъ на то, что могло принадлежать только ихъ законодательнымъ собраніямъ, т.-е. собраніямъ отдѣльныхъ колоній. Англичане же, какъ тори, такъ и виги, или по современной терминологіи, какъ либералы, такъ и консерваторы никакъ не могли отказаться отъ того взгляда, что англійскому парламенту принадлежатъ верховныя имперскія функціи во всѣхъ областяхъ, не исключая регулированія податного бремени отдѣльныхъ колоній. Разница между либералами и консерваторами заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что первые готовы были держаться примирительной политики и не отчаявались въ возможности найти какой-нибудь компромиссъ; тори же настаивали на немедленныхъ и рѣшительныхъ репрессіяхъ. Сначала «успокоеніе» строптивыхъ, и затѣмъ только «примиреніе» съ ними—таковъ былъ лозунгъ короля Георга III и послушныхъ ему министровъ, лозунгъ, напоминающій намъ болѣе близкія времена и событія. Для американцевъ съ другой стороны представлялся совершенно невозможнымъ и недопустимымъ какой-либо компромиссъ въ вопросѣ о томъ, кому принадлежитъ право опредѣленія ихъ податного обложенія. Конфликтъ былъ неизбѣженъ, неотвратимъ [1]). Въ поводахъ не могло быть недостатка, и на нихъ-то обыкновенно останавливаютъ свое вниманіе историки.

III.

Президентство Вашингтона и его внѣшняя политика. Президентство Джефферсона и Мадисона. Вторая война за независимость.

Въ 1783 году закончилась семилѣтняя борьба между Англіей и бывшими ея американскими колоніями, образовавшими федеральное государство, принявшее названіе Соединенныхъ Штатовъ [2]).

[1]) См. интересныя сужденія по этому вопросу въ новѣйшемъ трактатѣ по американской исторіи „A History of United States by Ed. Channing, vol III, 170 New York, 1912.

[2]) Впрочемъ, первоначально колоніи образовали такъ называемую Конфедерацію съ весьма слабымъ правительствомъ. Современную свою организацію С. Штаты получили со времени принятія нынѣ дѣйствующей конституціи въ 1787 г.

Вскорѣ во Франціи началось великое революціонное движеніе, дѣятели котораго, несомнѣнно, были въ значительной мѣрѣ вдохновляемы идеями, во имя которыхъ подняли знамя возстанія американцы. Извѣстно, что французское правительство подъ вліяніемъ раздраженія, вызваннаго утратой Канады, относилось болѣе чѣмъ благосклонно къ американскимъ повстанцамъ и съ теченіемъ времени даже вступило съ ними въ формальный союзъ, чѣмъ значительно помогло дѣлу освобожденія американцевъ. Желаніе отомстить своему давнему врагу мѣшало французскому правительству видѣть ту опасность для себя, которая неминуемо должна была возникнуть отъ популяризаціи американскихъ освободительныхъ идей во Франціи.

Въ тотъ самый годъ, когда вступилъ въ свои обязанности первый президентъ новой республики (1789) Джорджъ Вашингтонъ, во Франціи произошелъ созывъ Генеральныхъ Штатовъ и, затѣмъ, рядъ тѣхъ событій, которыя привели къ установленію черезъ 4 года республиканскаго режима и въ самой Франціи. Здѣсь не мѣсто излагать причины, по которымъ въ первый же годъ своего существованія французская республика объявила войну Англіи. Для насъ это событіе важно только съ одной своей стороны.

Согласно договору, заключенному Соединенными Штатами съ бывшимъ королевскимъ французскимъ правительствомъ, обѣ націи гарантировали другъ другу помощь, при чемъ Соединенные Штаты обязались придти на помощь Франціи лишь въ томъ случаѣ, если бы какая-либо держава (разумѣй: Англія) посягнула на владѣнія французовъ въ Америкѣ (т.-е. главнымъ образомъ, на принадлежавшіе французамъ острова Вестъ-Индскаго архипелага). Вашингтону, который въ это время былъ выбранъ на второй срокъ президентства, надо было рѣшить два вопроса: слѣдуетъ ли считать дѣйствительнымъ договоръ, заключенный съ правительствомъ, къ тому времени уже сметеннымъ революціоннымъ потокомъ, и будетъ ли такое выступленіе согласно съ интересами Соединенныхъ Штатовъ. Вашингтонъ предложилъ своимъ министрамъ и главнымъ совѣтникамъ—Джефферсону и Гамильтону представить ему письменно свои мнѣнія на первый вопросъ, такъ какъ рѣшеніе его въ отрицательномъ смыслѣ совершенно измѣняло постановку второго и развязывало ему руки, какъ главѣ федеральнаго правительства.

Оба совѣтника рѣшительно разошлись [1]) въ своихъ заклю-

---

[1]) Въ Америкѣ de jure и de facto министры являются исполнителями воли президента республики, который одинъ несетъ отвѣтственность за

ченіяхъ. Джефферсонъ, какъ человѣкъ ультра-демократическихъ взглядовъ, относился съ полнымъ сочувствіемъ къ революціонному движенію во Франціи, несмотря на нѣкоторыя его крайности. Въ уничтоженіи во Франціи монархическаго режима онъ видѣлъ простое проявленіе принадлежащей народу верховной власти, о чемъ американцы такъ торжественно провозгласили въ своей Декларація независимости, которая, какъ мы знаемъ, была составлена самимъ же Джефферсономъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію Джефферсона, установленіе во Франціи республики никакъ не могло служить для другихъ странъ поводомъ къ неисполненію обязательствъ, которыя онѣ приняли на себя въ то время, когда воля народа осуществлялась черезъ посредство королевскаго правительства.

Гамильтонъ, человѣкъ гораздо болѣе умѣренныхъ взглядовъ, представилъ мнѣніе прямо противоположное, основывая его частью на причинахъ формальнаго характера—уничтоженіи прежняго правительства во Франціи, съ которымъ былъ заключенъ договоръ. Однако, главнымъ образомъ Гамильтонъ напиралъ на тѣ чрезвычайныя затрудненія, которыя пришлось бы испытать американскому правительству, если бы оно, не успѣвъ сколько-нибудь оправиться послѣ своего собственнаго катаклизма, вмѣшалось въ великую распрю европейскихъ народовъ.

Вашингтонъ сталъ на точку зрѣнія Гамильтона и уже въ апрѣлѣ того же 1793 г. объявилъ о нейтралитетѣ Соединенныхъ Штатовъ. Этотъ шагъ Вашингтона имѣлъ огромное значеніе не только практическое, но и принципіальное, такъ какъ онъ послужилъ весьма важнымъ прецедентомъ, опредѣлившимъ послѣдующую политику Соединенныхъ Штатовъ по отношенію къ войнамъ, которыя вели между собой въ теченіе XIX вѣка европейскіе народы. Нѣтъ сомнѣнія, что образъ дѣйствій, принятый Вашингтономъ, былъ въ высшей степени и цѣлесообразнымъ, такъ какъ Соединенные Штаты представляли въ то время сравнительно слабое государство, которое должно было всячески избѣгать какихъ бы то ни было международныхъ столкновеній.

Кромѣ того—и это, быть можетъ, самая главная сторона вопроса—придерживаясь такой политики, американцы пріобрѣтали нравственное право требовать, чтобы европейскія правитель-

---

управленіе государствомъ. Теперь, конечно, президенты подбираютъ людей съ такими мнѣніями, которымъ онъ сочувствуетъ. Вашингтонъ считалъ, что безпристрастіе заставляетъ его брать себѣ въ помощники наиболѣе выдающихся представителей противоположныхъ политическихъ партій.

ства не распространяли своихъ интригъ и завоевательныхъ плановъ на континентъ С. Америки.

Вашингтонъ это прекрасно понималъ и считалъ вопросъ этотъ настолько важнымъ, что отвелъ ему весьма значительное мѣсто въ своемъ знаменитомъ «Прощальномъ посланіи» американскому народу. Дѣло въ томъ, что въ 1796 г. заканчивался второй срокъ президентства Вашингтона. Многіе хотѣли, чтобы онъ въ третій разъ выставилъ свою кандидатуру. Вашингтонъ рѣшительно отказался и 17 сентября 1766 г. обратился въ послѣдній разъ съ посланіемъ къ американскому народу, въ которомъ уже публично заявилъ о своемъ безповоротномъ рѣшеніи не ставить своей кандидатуры на президентскій постъ. При этомъ онъ счелъ умѣстнымъ подѣлиться со своими согражданами самыми дорогими своими мыслями и убѣжденіями, къ которымъ привело его продолжительное служеніе общественному дѣлу на самыхъ различныхъ поприщахъ.

Трудно безъ душевнаго трепета читать это трогательное посланіе человѣка, жизнь котораго была и останется для американцевъ—да и не для нихъ однихъ—примѣромъ наивысшаго проявленія гражданскихъ добродѣтелей, человѣка, который въ критическіе годы войны сумѣлъ создать армію и привести ее къ побѣдѣ, и въ послѣдующіе не менѣе критическіе годы государственнаго строительства сумѣлъ руководить собраніемъ опытнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей Америки и привести ихъ къ соглашенію при выработкѣ той конституціи, которой Америка и живетъ до нашихъ дней.

Вотъ что мы читаемъ въ длинномъ посланіи Вашингтона по поводу международной политики молодой республики.

«Относитесь добросовѣстно и справедливо ко всѣмъ народамъ, старайтесь жить въ мирѣ со всѣми... Для народа свободнаго, просвѣщеннаго и въ не очень далекомъ будущемъ великаго вполнѣ достойная задача—дать человѣчеству благородный и совершенно новый примѣръ государства, которое всегда руководится въ своихъ дѣйствіяхъ высшими принципами справедливости и благожелательнаго отношенія ко всѣмъ. Можно ли сомнѣваться въ томъ, что съ теченіемъ времени плоды такой политики возмѣстятъ вполнѣ тѣ временныя потери, которыя можетъ иногда причинить систематическое слѣдованіе указаннымъ принципамъ»...

«Ничто не препятствуетъ такой политикѣ,—продолжаетъ Вашингтонъ,—какъ постоянныя, упорныя антипатіи къ однѣмъ націямъ и страстныя увлеченія другими. Этого надо всячески

избѣгать и, наоборотъ, стремиться къ справедливому и доброжелательному отношенію ко всѣмъ. Народъ, который обычно относится съ ненавистью къ однѣмъ націямъ и со слѣпымъ обожаніемъ къ другимъ, является до извѣстной степени рабомъ. Онъ рабъ своихъ чувствъ, добрыхъ или злыхъ, при чемъ и тѣ и другія могутъ сбить съ пути, по которому онъ долженъ бы идти, слѣдуя своему долгу или своимъ интересамъ. Взаимная антипатія одной націи къ другой дѣлаетъ ихъ обѣихъ склонными наносить другъ другу оскорбленія, поступать одна по отношенію къ другой несправедливо, привязываться къ мелочамъ, проявлять надменность и неуступчивость при ничтожныхъ или случайныхъ недоразумѣніяхъ и разногласіяхъ»...

Вашингтонъ долго останавливается на этомъ вопросѣ, перечисляя подробно всѣ неудобства слѣпого увлеченія той или иной націей. Дѣло въ томъ, что во второе президентство Вашингтона такое настроеніе американцевъ могло имѣть роковое значеніе для всей судьбы молодой республики, такъ какъ американцы именно слѣпо увлекались французами и проявляли неостывшую еще ненависть къ англичанамъ. Пользуясь этимъ, нѣкоторые неоффиціальные агенты французской республики позволяли себѣ полное игнорированіе всѣхъ нежелательныхъ для нихъ распоряженій федеральнаго правительства.

«Основной задачей нашей внѣшней политики», писалъ въ заключеніе Вашингтонъ, «должно быть возможное развитіе съ народами Европы торговыхъ сношеній и возможное уменьшеніе какихъ-либо связей политическаго характера. Поскольку у насъ имѣются уже съ ними обязательства этого рода, будемъ ихъ выполнять съ полной добросовѣстностью. Дальше этого пути идти не слѣдуетъ».

«У европейскихъ державъ есть много весьма важныхъ интересовъ, которые насъ совершенно не касаются или касаются очень мало. На почвѣ этихъ интересовъ тамъ могутъ возникать постоянно разные раздоры и конфликты, причины которыхъ намъ совершенно чужды. Поэтому было бы весьма неблагоразумно впутываться въ сложныя нити европейской политики, входить въ разныя комбинаціи европейскихъ государствъ и участвовать въ вызываемыхъ этими комбинаціями распряхъ. Наша отдаленность и наша обособленность побуждаютъ насъ и дѣлаютъ для насъ возможнымъ совершенно иной образъ дѣйствій. Если мы будемъ оставаться и впредь однимъ народомъ, если у насъ будетъ хорошее правительство, то, можно сказать, не далеко то время, когда насъ нельзя будетъ обижать безнаказанно, когда нашъ нейтрали-

тетъ, если бы мы таковой объявили, будутъ уважать, когда воюющія государства не будутъ насъ провоцировать»...

«Зачѣмъ намъ отказываться отъ удобствъ нашего положенія? Зачѣмъ намъ, имѣя подъ собой собственную почву, искать опоры со стороны? Зачѣмъ намъ связывать свою судьбу, свой миръ, свое благоденствіе съ задачами, интересами, капризами, какихъ бы то ни было европейскихъ государствъ?»

«Насколько я при исполненіи своихъ оффиціальныхъ обязанностей руководился изложенными здѣсь принципами, государственныя бумаги и другіе слѣды моего управленія показываютъ это вамъ и всему міру. Что касается меня лично, то совѣсть моя подсказываетъ мнѣ, что я искренно, по силѣ своего разумѣнія руководился именно ими».

«По отношенію къ войнѣ, все еще продолжающейся въ Европѣ, образъ моихъ дѣйствій ясенъ изъ моей деклараціи отъ 22 апрѣля 1793 года. Эта декларація была одобрена вашимъ голосомъ и голосованіемъ вашихъ представителей въ обѣихъ палатахъ конгресса. Я пытался провести въ жизнь духъ этой деклараціи, не поддаваясь попыткамъ заставить меня свернуть съ моего пути въ ту или другую сторону».

«Послѣ тщательнаго обсужденія вопроса, призвавъ себѣ на помощь людей наиболѣе просвѣщенныхъ и наиболѣе освѣдомленныхъ въ такихъ дѣлахъ, я пришелъ къ убѣжденію, что, принимая во вниманіе всѣ относящіяся сюда обстоятельства, отечество мое имѣетъ полное право занять въ отношеніи воюющихъ державъ нейтральное положеніе, что къ тому же самому образу дѣйствій побуждаетъ его долгъ и даже соображенія о выгодѣ. Придя къ такому заключенію, я рѣшилъ, насколько это отъ меня зависѣло, проводить его въ жизнь твердо и систематически».

Въ то время, когда Вашингтонъ писалъ свое прощальное посланіе американскому народу, вопросъ объ отношеніи къ европейскимъ странамъ былъ въ весьма остромъ положеніи, и потому онъ занимаетъ весьма видное мѣсто въ этомъ посланіи (мы перевели около одной трети относящейся сюда части изучаемаго нами документа). Прощальное письмо Вашингтона произвело неизгладимое впечатлѣніе на современниковъ и было читаемо и изучаемо всѣми послѣдующими поколѣніями американскихъ гражданъ: мы имѣемъ въ рукахъ одно (вѣроятно) изъ тысячи такихъ изданій этого посланія, предназначенныхъ для чтенія въ школахъ [1]).

[1]) Изданіе Riverside Literature Series. Впрочемъ, имѣется еще подобное же изданіе посланій Вашингтона и нѣкоторыхъ рѣчей Линкольна (Great words by Great Americans).

Такимъ образомъ, это посланіе можно, пожалуй, разсматривать какъ одинъ изъ конституціонныхъ документовъ, не имѣющихъ, правда, никакой оффиціальной санкціи, но, тѣмъ не менѣе, вліяющихъ гораздо болѣе на направленіе политической жизни С. Штатовъ, чѣмъ многіе торжественные государственные акты какъ въ самой Америкѣ, такъ и въ особенности въ другихъ странахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, мы увидимъ ниже, какъ заботливо проводили, вообще говоря, въ жизнь завѣты Вашингтона американскіе государственные люди въ своей международной политикѣ, въ особенности въ отношеніи Англіи, съ которой чаще всего могли возникнуть разногласія. Теперь укажемъ на то, что еще недавно, когда нынѣшній президентъ республики Вильсонъ объявилъ о нейтралитетѣ Америки въ настоящей великой борьбѣ европейскихъ народовъ, при обсужденіи этой деклараціи президента разными американскими періодическими изданіями не разъ вспоминалось прощальное посланіе Вашингтона. Мы помнимъ даже газетныя сопоставленія между текстомъ посланія Вашингтона и того посланія, съ которымъ Вильсонъ обратился къ конгрессу по поводу провозглашеннаго имъ нейтралитета.

Вернемся теперь къ первымъ годамъ существованія Соединенныхъ Штатовъ и къ отношеніямъ Штатовъ къ событіямъ, происходившимъ въ Европѣ въ началѣ XIX вѣка.

Война съ Наполеономъ потребовала отъ Англіи величайшаго напряженія всѣхъ ея силъ, при чемъ особенно трудная и отвѣтственная роль выпала ея флоту. Нуждаясь постоянно въ матросахъ для своего весьма многочисленнаго флота, англичане сплошь и рядомъ останавливали въ открытомъ морѣ американскія торговыя суда и забирали оттуда всѣхъ матросовъ, которыхъ считали англійскими подданными, не придавая никакого значенія ихъ заявленіямъ, что они уже успѣли натурализоваться въ Америкѣ. Такой образъ дѣйствій капитановъ англійскихъ военныхъ судовъ представлялся въ высшей степени оскорбительнымъ для Соединенныхъ Штатовъ, хотя нѣкоторымъ оправданіемъ англичанъ могли служить частые случаи массоваго дезертированія матросовъ англійскихъ военныхъ судовъ, заходившихъ въ американскіе порты. Это обстоятельство нерѣдко ставило англійскихъ капитановъ въ большія затрудненія для продолженія плаванія. Другимъ оправданіемъ для англичанъ могла служить та легкость, съ которой въ нѣкоторыхъ штатахъ—вопреки ихъ же законамъ, требовавшимъ для натурализаціи проживанія въ теченіе извѣстнаго срока въ Соединенныхъ Штатахъ—выда-

вались удостовѣренія въ принадлежности того или иного лица къ числу американскихъ гражданъ [1]).

Хотя это нѣсколько ослабляло глубокую оскорбительность для Америки образа дѣйствій англичанъ, тѣмъ не менѣе американцы никакъ не могли примириться съ такимъ къ себѣ отношеніемъ. Американское правительство неоднократно посылало Англіи болѣе или менѣе рѣзкіе протесты, на которые та не обращала вниманія. Дѣло дошло до того, что однажды—это было въ 1807 году—командиръ англійскаго военнаго корабля «Леонардъ», встрѣтивъ среди моря американскій военный корабль «Чизапикъ», потребовалъ, чтобы тотъ остановился и далъ осмотрѣть всю свою команду. Англійскій капитанъ желалъ убѣдиться, нѣтъ ли на американскомъ суднѣ дезертировъ съ англійскихъ судовъ. Встрѣтивъ весьма естественно отказъ, командиръ «Леонарда» открылъ огонь и очень скоро почти уничтожилъ сравнительно небольшое американское судно. Когда послѣднее спустило флагъ, англичане осмотрѣли всю оставшуюся въ живыхъ команду и арестовали одного дѣйствительнаго дезертира и трехъ ни въ чемъ не повинныхъ американскихъ гражданъ.

Мы не будемъ слѣдить за перипетіями послѣдовавшихъ событій. Дѣло началось прекращеніемъ Америкой всякихъ торговыхъ сношеній съ Англіей и, наконецъ, дошло въ 1812 г. до открытой войны между ними. Въ виду обстоятельствъ, которыя вызвали эту войну, американцы часто называютъ ее своей второй войной за независимость, такъ какъ въ самомъ дѣлѣ здѣсь дѣло шло о томъ, чтобы заставить Англію признавать всѣ неотвратимыя логическія слѣдствія независимости своихъ бывшихъ американскихъ колоній.

Въ общемъ можно сказать, что американцы, слѣдуя завѣтамъ Вашингтона, прежде чѣмъ начать войну, проявили поразительное долготерпѣніе. «Принимая во вниманіе всѣ обстоятельства этихъ годовъ, справедливо говоритъ одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ современныхъ американскихъ историковъ, проф. Чаннингъ, никакъ нельзя удивляться тому, что С.-Штаты объявили наконецъ войну Англіи. Наоборотъ, можно считать скорѣе замѣчательнымъ фактомъ, что открытыя враждебныя дѣйствія между двумя народами послѣдовали лишь въ 1812 году» [2]).

Мы уже знаемъ, что эта вторая война между Англіей и

---

[1]) См. главу The Growth of the Nation, принадлежащую извѣстному американскому историку Mc Master'у (Cambridge Modern History, vol. VII. The United States).

[2]) *Ed. Channing.* A. Student's History of the United States, 353.

Америкой была вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдней, и что еще недавно англичане и американцы желали подобающимъ образомъ отпраздновать столѣтіе Гентскаго мира, которымъ закончилась двухлѣтняя все еще неравная борьба между одной изъ самыхъ старыхъ и самыхъ могущественныхъ державъ тогдашняго міра и слабой, только-что народившейся американской демократіей, съ которой одинаково презрительно обращались какъ ея враги, такъ даже и ея друзья. Въ самомъ дѣлѣ, указанное нами прекращеніе всякихъ торговыхъ сношеній, которыя Джефферсонъ, извѣстный своими франкофильскими тенденціями, примѣнилъ только къ Англіи, смѣнившій его на президентскомъ креслѣ Мадисонъ оказался вынужденнымъ распространить и на Францію: такъ мало Наполеонъ церемонился съ нейтралитетомъ американцевъ, такъ мало онъ принималъ во вниманіе торговые и другіе интересы американцевъ. Впрочемъ, въ поискахъ союзниковъ для своей борьбы съ Англіей Наполеонъ вскорѣ измѣнилъ свою тактику по отношенію къ С. Штатамъ.

Нѣтъ сомнѣнія, съ другой стороны, что разногласія, возникшія между союзниками на Вѣнскомъ конгрессѣ, сдѣлали англійскихъ делегатовъ [1]) въ Гентѣ гораздо болѣе уступчивыми, и это привело, наконецъ, къ заключенію мирнаго договора, который засталъ сухопутныя и морскія силы противниковъ въ полномъ разгарѣ враждебныхъ дѣйствій.

IV.

Историческая обстановка провозглашенія доктрины Монроэ. Соед. Штаты, Англія и «Священный Союзъ».

И такъ, въ 1814 г. между Англіей и Соед. Штатами былъ заключенъ въ Гентѣ миръ. Замѣчательно, что въ мирномъ договорѣ были обойдены молчаніемъ тѣ спорные вопросы, изъ-за которыхъ возникла война. Это не имѣло дурныхъ послѣдствій, такъ какъ именно съ этого времени начинается вообще эра взаимныхъ доброжелательныхъ отношеній между Англіей и ея бывшими колоніями, при чемъ многіе изъ острыхъ вопросовъ, обойденныхъ въ договорѣ молчаніемъ, болѣе не возникали вовсе вслѣдствіе измѣненія тактики англичанъ или были болѣе или менѣе удачно разрѣшены впослѣдствіи при другихъ случаяхъ.

[1]) W. *Duning*, The British Empire and the United States, p. 9.

Такъ былъ рѣшенъ вопросъ о той части границы между Соед. Штатами и Канадой, которая ведетъ отъ Великихъ озеръ до Скалистыхъ горъ, и нѣкоторые другіе вопросы, возникшіе въ связи съ регулированіемъ торговыхъ сношеній Америки и Англіи и въ особенности другихъ владѣній Англіи и Америки, т.-е. Канадой.

Всѣ относящіяся сюда разногласія были рѣшены смѣшанными комиссіями, засѣдавшими или въ Лондонѣ, или въ Вашингтонѣ. Особенно важнымъ въ практическомъ и въ особенности въ принципіальномъ отношеніи слѣдуетъ считать состоявшееся въ 1817 г. между Англіей и Соед. Штатами соглашеніе оставить водную границу между Канадой и Штатами фактически незащищенной. Въ самомъ дѣлѣ, согласно договору оба правительства обязались держать на озерахъ по четыре судна не свыше ста тоннъ и вооруженныхъ каждое только одною пушкой съ 18-фунтовыми ядрами. По одному такому судну каждая сторона могла держать на озерѣ Онтаріо, по два на Верхнихъ озерахъ и по одному на Шампленскомъ озерѣ. Всѣ военныя суда, имѣвшіеся въ названныхъ озерахъ сверхъ этого числа,—а таковыхъ было особенно много у англичанъ—подлежали уничтоженію, что и было добросовѣстно исполнено обѣими сторонами. Въ этомъ въ первый разъ проявилось самымъ очевиднымъ образомъ чувство взаимнаго довѣрія обѣихъ отраслей одного и того же народа.

Президентомъ республики былъ тогда Монроэ и министромъ иностранныхъ дѣлъ упомянутый въ началѣ нашей статьи Джонъ Куинси Адамсъ. Въ Англіи во главѣ министерства былъ лордъ Ливерпуль, и портфель министра иностранныхъ дѣлъ былъ въ рукахъ знаменитаго лорда Кэстльри. Взаимное довѣріе и взаимная поддержка правительствъ Англіи и Соед. Штатовъ обусловила вскорѣ возможность одного чрезвычайно важнаго международнаго выступленія молодой американской демократіи, выступленія, дѣлающаго большую честь обоимъ правительствамъ. Всѣмъ извѣстна та реакція, которая воцарилась во всей Европѣ въ злой памяти времена такъ назыв. Священнаго Союза вслѣдъ за вторичнымъ низверженіемъ Наполеона и окончательнымъ водвореніемъ во Франціи Бурбоновъ. Государства Священнаго Союза вернули также испанскій престолъ низложенной династіи, но не могли вернуть ей заокеаническихъ колоній Испаніи, которыя по примѣру бывшихъ англійскихъ колоній подняли знамя возстанія въ началѣ XIX вѣка и вели въ общемъ успѣшную борьбу съ правительствомъ метрополіи.

Посаженный союзниками испанскій король и своими владѣ-

ніями въ Европѣ управлялъ неудачно: противъ него неоднократно вспыхивали революціонныя движенія, однимъ изъ которыхъ (1820) онъ даже былъ вынужденъ отказаться отъ абсолютной власти и присягнуть конституціи. Въ борьбѣ со своимъ народомъ испанскій король обращался за помощью къ Священному Союзу, и къ нему же онъ обратился за помощью противъ бывшихъ испанскихъ колоній въ Америкѣ.

Александръ I, какъ одинъ изъ главныхъ столповъ европейской реакціи, равно какъ и другіе члены Священнаго Союза, готовы были, какъ извѣстно, оказывать всякое содѣйствіе дѣлу абсолютизма какъ въ Старомъ, такъ и въ Новомъ Свѣтѣ, но не такъ на это посмотрѣла Англія. Англійское правительство вообще не сочувствовало политическимъ идеаламъ Священнаго Союза; еще менѣе сочувствовало имъ англійское общество. Участіе Англіи въ Союзѣ было въ сущности невольнымъ наслѣдіемъ недавняго времени, когда борьба съ Наполеономъ побудила Англію войти въ сравнительно тѣсныя отношенія съ континентальными государствами, безъ помощи которыхъ она была безсильна оградить себя отъ завоевательныхъ замысловъ Наполеона.

Однако, кромѣ несочувствія крайне реакціоннымъ идеаламъ Священнаго Союза Англія отнюдь не желала возвращенія Испаніи ея колоніальной имперіи по той простой причинѣ, что Англія успѣла завести обширныя и весьма выгодныя для нея торговыя сношенія съ бывшими испанскими колоніями въ Южн. Америкѣ. Возвращеніе ихъ подъ власть Испаніи означало почти полное прекращеніе англійской торговли съ Южн. Америкой. Вотъ почему новый министръ иностранныхъ дѣлъ Каннингъ, замѣнившій послѣ смерти умершаго въ 1822 г. лорда Лондондерри (называвшагося до 1821 г. виконтомъ Кэстльри и принявшаго титулъ лорда Лондондерри послѣ смерти своего отца), предложилъ американскому посланнику въ Лондонѣ сообщить своему правительству о желаніи Англіи организовать совмѣстное выступленіе и протестовать противъ попытокъ государствъ Священнаго Союза вернуть Испаніи ея возставшія колоніи. Надо сказать, что Каннингъ былъ человѣкомъ гораздо болѣе либеральныхъ взглядовъ, чѣмъ Кэстльри, и онъ охотно воспользовался представившимся ему случаемъ отказаться отъ солидарности съ реакціонной политикой Священнаго Союза.

Предложеніе англичанъ оказалось болѣе чѣмъ кстати. Американцы съ тревогой и непріязнью слѣдили за дѣйствіями Священнаго Союза и чрезвычайно сочувствовали возстанію бывшихъ колоній Испаніи. Нѣкоторые политическіе дѣятели Америки

неоднократно настаивали на необходимости формальнаго признанія независимости возставшихъ испанскихъ колоній. Въ началѣ 1822 г. это, наконецъ, совершилось путемъ единогласнаго одобренія палатой кредитовъ 100.000 долл. на содержаніе посольствъ въ новыхъ государствахъ Южн. Америки (Мексика, Колумбія, Чили и Перу), какъ это было предложено посланіемъ президента республики Монроэ.

Получивъ сообщеніе о предложеніи Великобританіи, Монроэ, въ виду огромной важности вопроса, счелъ полезнымъ запросить совѣта у бывшихъ президентовъ Джефферсона и Мадисона. Какъ результатъ совѣщанія, Монроэ призналъ неудобнымъ дѣлать общее выступленіе съ Англіей; вмѣсто этого онъ въ декабрѣ 1823 г. обратился къ конгрессу съ знаменитымъ посланіемъ, гдѣ развилъ цѣлую систему взглядовъ на то, какими вообще должны быть взаимныя отношенія Соед. Штатовъ и всей Европы, при чемъ эти взгляды, связанные навсегда съ именемъ Монроэ, получили даже съ теченіемъ времени названіе доктрины Монроэ.

Вотъ наиболѣе существенныя мѣста посланія Монроэ: «Граждане Соединенныхъ Штатовъ относятся съ самымъ любовнымъ сочувствіемъ ко всему, что можетъ содѣйствовать свободѣ и счастію ихъ собратьевъ, живущихъ по ту сторону Атлантическаго океана. Однако въ войнахъ европейскихъ государствъ, какъ и вообще въ дѣлахъ, касающихся европейцевъ, мы никогда не принимали никакого участія, и такой образъ дѣйствій и не входитъ вовсе въ нашу политику. Только тогда, когда кто-нибудь посягаетъ на наши права или когда послѣднимъ грозитъ какая-либо опасность, мы рѣзко протестуемъ или дѣлаемъ даже приготовленія для активной защиты своихъ правъ».

«Къ событіямъ, происходящимъ въ этомъ полушаріи, мы считаемъ себя болѣе прикосновенными по соображеніямъ, которыя должны быть очевидны для всѣхъ просвѣщенныхъ и безпристрастныхъ людей. Политическая система союзныхъ державъ (Священный Союзъ) существенно отличается отъ американской, при чемъ разница эта имѣетъ своимъ происхожденіемъ различную организацію правительственныхъ властей. Мы всѣ до единаго готовы защищать свою политическую систему, достиженіе которой потребовало отъ насъ весьма значительныхъ жертвъ кровью и деньгами... и которая обезпечила намъ безпримѣрное благополучіе. Желаніе быть искренними, а равно и забота о сохраненіи добрыхъ отношеній, существующихъ между Соед. Штатами и европейскими державами, заставляютъ насъ потому торжественно провозгласить, что во всякой попыткѣ этихъ державъ распро-

странить свою политическую систему на какую бы то ни было часть этого полушарія мы будемъ видѣть угрозу для нашего мира и безопасности».

«Мы не вмѣшивались и впредь не намѣрены вмѣшиваться въ дѣла существующихъ колоній европейскихъ державъ на американскомъ континентѣ. Но въ Америкѣ есть правительства, которыя объявили о своей независимости и сумѣли ее отстоять, при чемъ мы по важнымъ политическимъ соображеніямъ и изъ чувства справедливости сочли умѣстнымъ признать эту независимость. Если бы какая-либо европейская держава вмѣшалась въ дѣла этихъ американскихъ государствъ съ цѣлью притѣснять ихъ или подчинить ихъ въ той или иной мѣрѣ своей власти, то мы на всѣ такія дѣйствія будемъ смотрѣть какъ на проявленія недружелюбнаго отношенія къ Соед. Штатамъ».

...«Такимъ образомъ, мы не можемъ допустить, чтобы союзныя державы пытались распространять свои политическіе принципы (political system) на какую-либо часть нашего континента, не создавая опасности для нашего мира и для нашего счастія. Никто не повѣритъ также тому, чтобы наши южные собратья, если ихъ предоставить самимъ себѣ, вздумали строить свое государственное зданіе на этихъ принципахъ. Поэтому одинаково невозможно, чтобы мы оставались спокойными зрителями вмѣшательства въ дѣла нашихъ южныхъ собратьевъ, какую бы форму ни принимало это вмѣшательство».

Какъ видимъ, посланіе не оставляло никакихъ сомнѣній въ томъ, какъ посмотрѣли бы Соед. Штаты на указанныя нами затѣи Священнаго Союза. Вопросъ о вмѣшательствѣ Европы въ южно-американскія дѣла разомъ сошелъ съ сцены, тѣмъ болѣе, что вскорѣ англійское правительство заявило и со своей стороны, что всякія попытки Священнаго Союза вмѣшаться въ дѣла возставшихъ испанскихъ колонистовъ повлекутъ за собой немедленное признаніе Англіей ихъ независимости. Это еще болѣе подняло авторитетъ заявленія Монроэ и придало ему характеръ одного изъ основныхъ догматовъ международной политики Соед. Штатовъ и установило роль Штатовъ на всемъ американскомъ континентѣ. Кромѣ того, твердая и рѣшительная поддержка, оказанная въ этомъ случаѣ Англіей Соед. Штатамъ, конечно, содѣйствовала укрѣпленію взаимныхъ доброжелательныхъ чувствъ между двумя отраслями великой англосаксонской расы.

Однако, на свѣтломъ горизонтѣ англо-американскихъ отношеній тогда же появилась и небольшая тучка, и вотъ почему.

Около описываемаго нами времени американцевъ стало без-

покоить слѣдующее обстоятельство. Русскіе, владѣвшіе, какъ извѣстно, съ XVIII столѣтія Аляской, стали обнаруживать намѣреніе распространять свою колонизаторскую дѣятельность далѣе къ югу. Въ октябрѣ 1821 г. въ Петербургѣ былъ изданъ указъ, запрещавшій всѣмъ иностранцамъ заниматься торговлей на побережьи Тихаго океана сѣвернѣе 51° широты и даже приближаться къ этому берегу на разстояніе менѣе ста миль. Американцы, весьма естественно, вывели изъ этого то заключеніе, что русскіе имѣютъ въ виду съ теченіемъ времени захватить территорію нынѣшнихъ Штатовъ Орегона и Калифорніи. Указанное выше охлажденіе отношеній между Англіей и Россіей, какъ душой Священнаго Союза и его главной опорой, заставило Александра I быть уступчивѣе, а американцевъ, наоборотъ, склонило къ большей смѣлости и настойчивости. Переписка между Соединенными Штатами и Россіей привела быстро поэтому обѣ стороны къ соглашенію по поводу всѣхъ возникшихъ между ними разногласій. Въ связи съ этимъ дѣлаются понятными слѣдующія слова, которыми начинается знаменитое посланіе Монроэ:

«По предложенію русскаго Императорскаго правительства, сдѣланному черезъ посредство находящагося здѣсь русскаго посла, были даны инструкція и необходимыя полномочія посланнику Соединенныхъ Штатовъ въ Петербургѣ придти къ полюбовному соглашенію по поводу правъ и интересовъ обѣихъ націй относительно сѣверо-западнаго побережья американскаго континента... При обмѣнѣ мнѣній, вызванныхъ обсужденіемъ этого вопроса, и при выработкѣ условій, на которыхъ можно было бы закончить переговоры, было сочтено умѣстнымъ установить въ качествѣ принципа, съ которымъ связаны права и интересы Соединенныхъ Штатовъ, принципа, согласно которому обѣ части американскаго континента... не должны болѣе разсматриваться въ качествѣ объекта какихъ-либо новыхъ колонизаціонныхъ попытокъ какого бы то ни было изъ европейскихъ государствъ»...

Это положеніе справедливо считается также одной изъ важнѣйшихъ частей доктрины Монроэ, при чемъ эта часть пришлась уже не совсѣмъ по вкусу и самому Каннингу, такъ какъ Соединенные Штаты въ этомъ случаѣ ставили здѣсь на одну доску всѣ европейскія государства, которымъ молодая американская демократія твердо и рѣшительно сказала по отношенію ко всему американскому континенту: «руки прочь»!

Каннингъ даже заявилъ отъ имени своего правительства, что Англія не признаетъ только-что указаннаго принципа, но

въ этомъ случаѣ онъ уже не встрѣтилъ поддержки въ государствахъ Священнаго Союза, ни одно изъ которыхъ не собиралось колонизовать какой-либо изъ частей американскаго континента; этого ожидать можно было развѣ лишь только отъ Англіи, колонизаторской страны по преимуществу.

Вскорѣ въ Англіи политическая власть перешла въ руки гораздо болѣе либеральныхъ дѣятелей, чѣмъ Каннингъ и въ особенности Кэстльри, и отношенія между Англіей и Соединенными Штатами приняли болѣе, чѣмъ когда-либо, дружественный характеръ. Надо сказать, что въ основѣ тогдашнихъ дружественныхъ отношеній лежало уже не столько совпаденіе нѣкоторыхъ цѣлей внѣшней политики, какъ это было при названныхъ министрахъ, сколько общность политическихъ идеаловъ.

Такъ отразился на взаимныхъ отношеніяхъ Англіи и Америки великій общественный сдвигъ въ Англіи, который привелъ къ знаменитой избирательной реформѣ 1832 года, составившей первый этапъ по пути демократизаціи политическаго и общественнаго строя, совершившагося въ Англіи на протяженіи прошлаго вѣка.

Заканчивая настоящую главу, мы находимъ особенно умѣстнымъ привести слѣдующія слова изъ одного историческаго труда проф. Харвардскаго университета А. Бушнелль Хорта:

«Когда 4 марта 1825 г. окончился второй срокъ президентства Монроэ, авторитетъ федеральнаго правительства внутри страны значительно упрочился; замѣтное увеличеніе вліянія федеральнаго правительства за границей показывало, что Соединенные Штаты стали одной изъ великихъ державъ земного шара» [1],—при чемъ, позволимъ мы отъ себя прибавить, поднятію престижа Соединенныхъ Штатовъ не мало содѣйствовала поддержка Англіи въ одномъ изъ важнѣйшихъ международныхъ выступленій молодой американской демократіи.

V.

Англія и Америка въ срединѣ XIX-го вѣка.

Если бы мы писали исторію отношеній между Англіей и Америкой въ теченіе XIX-го вѣка, мы должны были бы остановиться на рядѣ весьма важныхъ и любопытныхъ фактовъ, кото-

1) Formation of the Union, 224.

рыми характеризуются эти отношенія со времени провозглашенія доктрины Монроэ (послѣдовавшаго, какъ мы знаемъ, въ 1823 г.) до начала междоусобной войны между сѣверными и южными штатами, т.-е. до наиболѣе критическаго періода самостоятельнаго существованія великой американской демократіи. Границы журнальной статьи не позволяютъ намъ этого сдѣлать и ставятъ насъ въ необходимость только слегка коснуться многихъ изъ относящихся сюда фактовъ и соображеній. То же обстоятельство заставляетъ насъ иногда выражаться болѣе категорично и опредѣленно, чѣмъ это слѣдовало бы сдѣлать, если бы мы могли дать подробное, вполнѣ точное изложеніе этого любопытнаго и важнаго періода отношеній Англіи и Соединенныхъ Штатовъ.

Въ общемъ можно сказать, что отношенія между Англіей и Америкой за эти сорокъ лѣтъ были исполнены взаимнаго довѣрія и доброжелательства. Благодаря этому правительства обоихъ государствъ всегда находили тотъ или иной мирный выходъ изо всѣхъ трудныхъ положеній, хотя не было недостатка въ такихъ обстоятельствахъ, которыя при другомъ характерѣ взаимныхъ отношеній, несомнѣнно, могли бы не разъ привести, если не къ войнѣ, то, по крайней мѣрѣ, къ болѣе или менѣе рѣзкому конфликту, который могъ бы закончиться и войной.

Къ числу такихъ событій, которыя легко могли бы разстроить взаимныя отношенія между Англіей и Америкой, можно отнести, напр., возстаніе въ Канадѣ въ 1837 г., когда часть повстанцевъ поставила на своемъ знамени присоединеніе Канады къ Соединеннымъ Штатамъ. Однако, Соединенные Штаты держали себя въ это критическое время совершенно корректно и дали возможность англійскому правительству рядомъ рѣшительныхъ реформъ отнять сколько-нибудь серьезные поводы къ разрыву Канады съ метрополіей. Какъ всѣмъ извѣстно, изъ Канады вскорѣ образовалась самая вѣрноподданная колонія Британской имперіи [1]).

Еще черезъ нѣсколько лѣтъ (1842) былъ улаженъ путемъ трактата (Webster Ashburton Treaty) давній споръ о границахъ между канадской провинціей Новый Брунсвикъ и американскимъ штатомъ Мэнъ, при чемъ полюбовному рѣшенію этого спора, казалось, мѣшали нѣкоторыя непреодолимыя препятствія, на которыхъ здѣсь было бы неумѣстно останавливаться [2]).

---

1) См., между прочимъ, наши книги: „Исторія колоніальной имперіи и колоніальной политики Англіи“ (2 изд.) и „Крестьянское царство“ (Канада).

2) Dunning, цитиров. сочин., глава III.

«Заключеніе Webster Ashburton Treaty» (Webster былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Соединенныхъ Штатовъ, а лордъ Ashburton спеціальнымъ уполномоченнымъ Англіи) въ Вашингтонѣ 9 августа 1842 г.,—говоритъ проф. Деннингъ,—«составляетъ чрезвычайно важный шагъ въ развитіи дружественныхъ отношеній между двумя отраслями англо-саксонской расы (буквально странъ, говорящихъ по-англійски — English speaking countries). Этимъ договоромъ были окончательно рѣшены всѣ вопросы о границахъ Канады и Соединенныхъ Штатовъ съ самаго Атлантическаго океана и до Скалистыхъ горъ. Этимъ же договоромъ было создано безукоризненное въ принципѣ, но, правда, не всегда достигавшее своихъ цѣлей соглашеніе о взаимномъ содѣйствіи Англіи и Соединенныхъ Штатовъ въ дѣлѣ уничтоженія торговли неграми»[1]) и т. д.

«Во всѣхъ фазахъ, черезъ которыя прошло заключеніе договора», говоритъ въ заключеніе проф. Деннингъ, «можно видѣть (по опубликованной нынѣ корреспонденціи) даже какъ бы нѣкоторое парадированіе духомъ взаимной уступчивости, тщательное уклоненіе отъ всего, что могло бы вызвать раздраженіе другой договаривающейся стороны»[2]).

Въ теченіе 40-хъ годовъ въ Англіи произошли два взаимно связанныя событія, каждое изъ которыхъ имѣло огромное вліяніе на характеръ послѣдующихъ отношеній между Соединенными Штатами и Англіей. Мы разумѣемъ неурожай картофеля и голодъ въ Ирландіи въ 1845 г. и обусловленную этимъ бѣдствіемъ отмѣну знаменитыхъ хлѣбныхъ законовъ, что означало также паденіе господствующей роли въ государственной жизни Англіи землевладѣльческаго класса.

Первое обстоятельство имѣло огромное значеніе въ занимающемъ насъ отношеніи въ особенности потому, что оно обусловило собой массовое переселеніе ирландцевъ въ Соединенные Штаты, гдѣ они съ теченіемъ времени составили весьма замѣтную силу, дѣйствовавшую всегда противъ Англіи и вносившую элементъ злобы и раздраженія въ отношенія Америки къ Англіи даже и тогда, когда не было никакихъ другихъ поводовъ для подобнаго настроенія общественнаго мнѣнія въ Америкѣ. Въ со-

---

1) Дѣло шло о правѣ осмотра въ открытомъ морѣ судовъ, занимавшихся доставкой негровъ изъ Африки на разные рынки.

2) W. Dunning, цитир. сочин., стр. 107—108. Въ 1846 г. не безъ значительныхъ треній, въ которыхъ повинны, впрочемъ, американцы, былъ заключенъ новый договоръ, окончательное рѣшившій вопросъ о границахъ между Канадой и Соединенными Штатами къ западу отъ Скалистыхъ горъ до Тихаго океана.

вершенно иномъ направленіи дѣйствовалъ великій актъ 1846 г. объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ. Голодъ въ Ирландіи, какъ извѣстно, нанесъ послѣдній ударъ соціальному укладу, надъ разрушеніемъ котораго работала не покладая рукъ съ поразительнымъ искусствомъ и энергіей знаменитая лига для отмѣны хлѣбныхъ законовъ, руководимая однимъ изъ самыхъ выдающихся общественныхъ дѣятелей Англіи Ричардомъ Кобденомъ.

Отмѣна хлѣбныхъ законовъ знаменовала побѣду новаго міровоззрѣнія, талантливѣйшимъ глашатаемъ котораго былъ Кобденъ. Сущность этого міровоззрѣнія заключалась въ вѣрѣ въ человѣчество, въ вѣрѣ въ благодѣтельность самаго широкаго развитія всякаго рода сношеній между людьми и въ томъ числѣ сношеній торговыхъ.

Другая сторона того же міровоззрѣнія заключалась (и заключается) въ той идеѣ, что силу государства слѣдуетъ основывать на матеріальномъ и всякомъ иномъ благосостояніи всей народной массы, поднятіи ея умственнаго и нравственнаго уровня, на возможномъ пріобщеніи ея къ активной политической жизни, а не на количествѣ и вооруженіи арміи. Кобденъ внимательно слѣдилъ за жизнью Америки, изучалъ ея учрежденія и даже нашелъ время побывать въ Соединенныхъ Штатахъ. Онъ затѣмъ постоянно ставилъ американскую демократію въ качествѣ примѣра, въ качествѣ идеала для своихъ соотечественниковъ [1]).

Вліяніе Кобдена, Брайта и другихъ его сподвижниковъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія было огромно. Это вліяніе выразилось, между прочимъ, въ постепенной отмѣнѣ Англіей многихъ таможенныхъ пошлинъ въ Англіи и, наконецъ, въ полномъ торжествѣ принципа свободной торговли. Проявилось это вліяніе и въ заключеніи Англіей ряда торговыхъ трактатовъ съ разными странами и въ томъ числѣ съ Америкой. Первый изъ такихъ договоровъ былъ заключенъ при непосредственномъ участіи самого Кобдена (въ зиму 1859—1860 г.) съ Франціей.

Такое направленіе экономической политики Англіи отразилось самымъ существеннымъ образомъ и на торговыхъ сношеніяхъ между Англіей и Соединенными Штатами, товарообмѣнъ которыхъ увеличивался изъ года въ годъ съ поразительной для того времени быстротой къ выгодѣ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Конечно, это обстоятельство не могло не оказывать своего благодѣтельнаго вліянія и на политическія отношенія

1) См. John Morley. Life of Cobden (Резюме этой біографіи Кобдена мы дали въ небольшой брошюрѣ). См. также нашу „Политическую исторію Англіи въ XIX вѣкѣ“. Изданіе Брокгаузъ-Ефронъ.

Англіи и Америки. Нѣкоторое вліяніе на улучшеніе взаимныхъ отношеній англичанъ и американцевъ имѣло также значительное увеличеніе числа англичанъ, которые посѣщали Америку для ознакомленія съ разными сторонами жизни молодой демократіи. Въ 20-хъ годахъ и ранѣе въ Америку пріѣзжали преимущественно тори или консерваторы. Въ своихъ описаніяхъ Соединенныхъ Штатовъ они нерѣдко съ удовольствіемъ выставляли разные недочеты въ американской общественной жизни и въ особенности недостаточную еще внѣшнюю культуру молодой республики. Однако, многіе изъ этихъ писателей отмѣчали все-таки рядъ положительныхъ сторонъ американской жизни — отсутствіе бѣдности, отсутствіе сколько-нибудь рѣзкаго дѣленія на классы, болѣе полное, чѣмъ гдѣ-либо, осуществленіе принциповъ свободы и равенства... [1]).

Съ торжествомъ либеральныхъ теченій въ самой Англіи, т.-е., главнымъ образомъ, съ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія число англичанъ, посѣщавшихъ Америку, стало быстро умножаться и отношеніе этихъ путешественниковъ къ американцамъ стало въ значительной степени инымъ. Большинство уже видѣло въ Америкѣ самую замѣчательную демократію своего времени и искало въ изученіи ея жизни и учрежденій примѣровъ для подражанія Европы. Таково было, какъ мы видѣли, отношеніе Кобдена къ Соединеннымъ Штатамъ, таковъ былъ мотивъ, побудившій его, хотя онъ былъ въ то время далеко небогатымъ человѣкомъ, предпринять поѣздку въ Соединенные Штаты.

Въ концѣ 50-хъ годовъ нельзя уже было сомнѣваться въ общей успѣшности великаго опыта демократическаго строя государства, который продѣлывали на глазахъ всего міра Соединенные Штаты. Не было недостатка въ людяхъ, которые съ восхищеніемъ смотрѣли на развивающуюся въ Новомъ Свѣтѣ великую демократію и не скрывали своего восхищенія. Такъ, англичанинъ Бакстеръ, посѣтившій Америку въ началѣ 50-ыхъ годовъ, писалъ въ своей книгѣ «America and the Americans» (вышедшей въ Лондонѣ въ 1855 г.): «Американское правительство представляетъ собой одну изъ самыхъ сложныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ остроумныхъ, самыхъ практичныхъ и совершенныхъ формъ государственнаго строя, которыя когда-либо были создаваемы умомъ человѣка... Созданіе Соединенныхъ Штатовъ составляетъ новую эру въ области государственнаго строительства» [2]) и т. д.

---

[1]) См. очень интересную статью въ журналѣ, издаваемомъ факультетомъ политическихъ наукъ Columbia University (въ Нью-Іоркѣ),—Political Science Quarterly: „The British Travellers in America“ by Adams, 1914, June.

[2]) См. предшествующее примѣчаніе.

Такою представлялась Америка для нѣкоторыхъ англичанъ, особенно либерально, особенно оптимистически настроенныхъ. Если мы примемъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ соображеніе, что къ 1860 г. Соединенные Штаты по количеству населенія уже опередили Англію, хотя за полвѣка далеко ей въ этомъ отношеніи уступали, то мы не удивимся, что въ Англіи могло быть и дѣйствительно было не мало лицъ, совершенно иначе настроенныхъ, такихъ лицъ, которыя съ тревогой смотрѣли на быстрый ростъ американской демократіи, на ея феноменальный прогрессъ въ дѣлѣ колонизаціи все болѣе и болѣе отдаленнаго запада, на сравнительно блестящее состояніе ея земледѣлія, на быстрый ростъ ея внѣшней торговли, на ея многочисленный торговый флотъ, на явные задатки такого же быстраго роста промышленности.

Однимъ словомъ, для Англіи за океаномъ нарождался опасный конкуррентъ, и ея правящіе классы дали почувствовать Соединеннымъ Штатамъ свое къ нимъ отношеніе, когда въ началѣ 60-хъ годовъ для американской демократіи наступили черные дни, дни ея величайшаго испытанія, когда было поставлено на карту самое существованіе федераціи, основанной бывшими американскими колоніями Англіи въ концѣ VIII вѣка.

VI.

Англія и американская междоусобная война.

На свѣтломъ фонѣ американской общественной жизни въ срединѣ прошлаго вѣка было одно черное пятно, позорившее американскую демократію,—это рабовладѣніе въ южныхъ штатахъ. Значительное большинство сѣверянъ и незначительное меньшинство южанъ признавали рабовладѣніе однимъ изъ общественныхъ бѣдствій и позоромъ для республики. Однако, на югѣ не было никакой возможности публично затрагивать этотъ завѣщанный прошлымъ «институтъ»; агитація же, происходившая на сѣверѣ, не могла отразиться на положеніи негровъ въ южныхъ штатахъ, такъ какъ это былъ одинъ изъ тѣхъ «внутреннихъ вопросовъ», которыхъ по американской федеральной конституціи никто не могъ касаться, кромѣ народа и правительства отдѣльныхъ штатовъ, при чемъ негры, конечно, считались на югѣ не народомъ, а однимъ изъ видовъ движимой собственности. Мало того: можно даже сказать, что всякое усиленіе агитаціи

за освобожденіе негровъ на сѣверѣ, вообще говоря, только ухудшало ихъ положеніе на югѣ [1]).

Здѣсь не мѣсто, конечно, излагать исторію весьма любопытнаго и важнаго аболиціонистскаго движенія въ сѣверныхъ штатахъ Америки, первыя проявленія котораго можно отмѣтить уже во времена созданія самой Американской конституціи. Съ теченіемъ времени вопросъ о рабовладѣніи принялъ такое доминирующее значеніе въ жизни республики, что въ 1856 г. въ Америкѣ образовалась даже особая политическая партія—т. наз. республиканская партія—которая поставила на своемъ знамени (первое время) ограниченіе рабовладѣнія въ Америкѣ и ослабленіе нѣкоторыхъ наиболѣе рѣзкихъ его крайностей. Популярность, которую сразу получила эта партія, видна изъ того, что уже въ 1860 г. кандидатъ этой партіи Авраамъ Линкольнъ былъ избранъ президентомъ республики.

Вѣсть объ этомъ поразила какъ громомъ южные штаты. Не дожидаясь даже формальнаго вступленія во власть новаго президента, семь штатовъ, по почину штата Южной Каролины, объявили о своей независимости, предлагая послѣдовать своему примѣру и остальнымъ южнымъ штатамъ. Въ февралѣ 1861 г., все еще до вступленія въ должность новаго президента (президента выбираютъ въ ноябрѣ, вступаетъ же онъ на должность въ мартѣ слѣдующаго года) на югѣ уже образовалось новое федеральное государство, принявшее названіе Confederate States of America. Смѣлости, рѣшительности и безнаказанности много содѣйствовалъ президентъ республики Бьюкананъ, человѣкъ съ весьма опредѣленными «южными симпатіями».

Впрочемъ, и самъ Линкольнъ, когда занялъ свой постъ, не хотѣлъ прибѣгать къ какимъ-либо насильственнымъ мѣрамъ и въ первомъ своемъ посланіи конгрессу взывалъ къ благоразумію южанъ, ожидая ихъ отрезвленія. «Отъ васъ, а не отъ меня», писалъ Линкольнъ, обращаясь къ южнымъ плантаторамъ, «зависитъ избѣжать кровопролитной войны. Война начнется лишь въ томъ случаѣ, если вы сами пожелаете быть ея зачинщиками».

Терпѣливое отношеніе къ нимъ президента и федеральныхъ властей, какъ и жителей сѣвера вообще, южане сочли за трусость и сознаніе своей слабости. Не довольствуясь фактическимъ разрывомъ, южане 12 апрѣля 1861 г. приступили къ военнымъ дѣйствіямъ, подвергнувъ бомбардировкѣ фортъ Семтеръ, находившійся около города Чарльстона. Война, такимъ образомъ,

[1]) См. нашу статью „Развитіе и паденіе рабства негровъ въ Америкѣ“ („Соціологическіе Этюды“).

началась, и начали ее южные штаты... Подобно плантаторамъ южныхъ штатовъ большинство правительствъ Европы приписывали также долготерпѣніе сѣверянъ сознанію ими своей слабости. Европейскія правительства даже болѣе или менѣе открыто выражали свое сочувствіе южанамъ,—что особенно справедливо относительно правительства Наполеона III,—очень желая, чтобы въ назиданіе ихъ подданныхъ были дискредитированы принципы народовластія, которые получили въ то время наибольшее развитіе въ сѣверныхъ штатахъ. Южные штаты, имѣя въ основѣ своего соціальнаго строя рабовладѣніе, были, конечно, демократіями только по имени—псевдодемократіями.

Иначе отнеслись къ великому конфликту въ Америкѣ народныя массы европейскихъ странъ, въ особенности Англіи. Въ общемъ можно сказать, что въ отношеніи американскаго конфликта въ Англіи болѣе ясно, чѣмъ гдѣ-либо, общество раздѣлилось на двѣ части: правительственныя сферы и высшіе классы общества открыто симпатизировали югу, частью, какъ мы сказали, потому, что были увѣрены въ легкой побѣдѣ юга, частью по тѣмъ соображеніямъ, которыя были указаны въ концѣ предшествующей главы,—изъ боязни торговаго соперничества сѣверянъ, — частью, наконецъ, вслѣдствіе антипатіи къ политическимъ идеаламъ, наиболѣе полно осуществленнымъ въ соціальномъ строѣ сѣверныхъ штатовъ. Большинство англійской прессы, во всякомъ случаѣ всѣ болѣе вліятельныя газеты—были также на сторонѣ юга.

Нѣкоторое объясненіе указываемаго нами обстоятельства широкихъ симпатій буржуазіи къ южанамъ можно, впрочемъ, видѣть и въ томъ, что южане въ своихъ воззваніяхъ всячески замалчивали вопросъ о рабовладѣніи и заявляли, что они борются «за право» и «за свободу»: за *право* всякаго члена федеральнаго государства *свободно* выходить изъ союза, разъ имѣется основаніе быть рѣшительно и безповоротно неудовлетвореннымъ направленіемъ дѣятельности федераціи.

Напрасно Кобденъ, Брайтъ, Милль и нѣкоторые другіе разъясняли обществу, что вопросъ о границѣ правъ и свободы отдѣльныхъ штатовъ только ширма, прикрывающая истинныя стремленія южанъ утвердить у себя навсегда рабство негровъ.

Только тогда, когда событія въ Америкѣ привлекли вниманіе англійской буржуазіи къ великому произведенію Бичеръ Стоу, которое не можетъ не произвести неизгладимаго впечатлѣнія на всякое человѣческое сердце, только тогда, когда указомъ Линкольна объ освобожденіи негровъ на всей территоріи

подвластной американскому федеральному правительству, указомъ, изданнымъ въ 1863 г. и поставившимъ этотъ вопросъ ребромъ, только тогда англійская буржуазія измѣнила свое отношеніе къ американскому конфликту [1]).

Отношеніе къ конфликту правительственныхъ сферъ Англіи опредѣлилось съ самаго начала. Глава *либеральнаго* кабинета, лордъ Пальмерстонъ, и многіе его коллеги—въ числѣ которыхъ, къ сожалѣнію, приходится отмѣтить и Гладстона,—какъ мы сказали, явно симпатизировали югу. Это выразилось, между прочимъ, въ черезчуръ поспѣшномъ признаніи нейтралитета Англіи по отношенію къ враждебнымъ дѣйствіямъ между Соединенными Штатами и нѣкоторыми другими штатами, называвшими себя «Confederate States of America». Соотвѣтственный указъ королевы Викторіи былъ изданъ уже 13 мая (1861), и, такимъ образомъ, южные штаты были признаны Англіей не повстанцами, а воюющей стороной. Это было большое поощреніе южанамъ и такой же ударъ вашингтонскому правительству и всѣмъ сѣвернымъ штатамъ, ударъ, котораго сѣверъ не заслужилъ и котораго онъ долго не могъ простить Англіи или, вѣрнѣе, ея правящимъ классамъ.

Сочувствіе англійскаго правительства югу вскорѣ проявилось еще болѣе недвусмысленнымъ образомъ. Конфедерація отправила двухъ своихъ агентовъ-пословъ въ Англію и Францію, чтобы склонить правительства этихъ странъ къ активной поддержкѣ южныхъ штатовъ. Послы Mason и Slidell сѣли въ ноябрѣ 1861 года въ Кубѣ на англійское коммерческое судно «Трентъ». Однако, на другой же день плаванія «Трентъ» былъ остановленъ среди моря американскимъ военнымъ судномъ, которое принудило капитана «Трента» выдать Мэзона и Слейделля. Они были затѣмъ доставлены въ одинъ изъ сѣверныхъ штатовъ, гдѣ ихъ арестовали какъ военно-плѣнныхъ. Пальмерстону это было очень на руку, и онъ составилъ въ высшей степени рѣзкую ноту американскому правительству, требуя отъ него извиненія и немедленной выдачи агентовъ Конфедераціи. Королева Викторія далеко не сочувствовала аггрессивности своего перваго министра и заставила его значительно смягчить тонъ, хотя сущность, конечно, осталась та же самая.

---

[1]) Къ тому же и южнымъ штатамъ пришлось вскорѣ раскрыть свои карты. Такъ, вице-президентъ Конфедераціи Южныхъ Штатовъ въ 1862 г. сказалъ однажды публично „Въ основу новаго союза положена та великая истина, что рабство... является естественнымъ нормальнымъ состояніемъ негровъ... Наше правительство первое въ исторіи міра, которое основано на этой великой истинѣ“. (См. нашу Исторію Великой Американской Демократіи, стр. 209).

Что было дѣлать американцамъ въ ихъ трудномъ положеніи при борьбѣ съ внутреннимъ врагомъ, какъ не проглотить это новое униженіе. Линкольнъ приказалъ передать арестованныхъ агентовъ Конфедераціи сэру Лайону, англійскому послу, который затѣмъ на англійскомъ военномъ суднѣ отправилъ ихъ въ Англію. Правда, въ Англіи ихъ ждалъ со стороны правительственныхъ властей весьма холодный пріемъ. Даже болѣе того: совѣтъ министровъ совершенно игнорировалъ ихъ прибытіе въ Англію, и ни одинъ изъ министровъ не пожелалъ ихъ видѣть. Однимъ словомъ, имъ дали ясно понять, что Англія отнюдь не намѣрена идти оффиціально дальше простого признанія Южн. Штатовъ воюющей стороной. Впрочемъ, «пословъ» Конфедераціи охотно принимали во всѣхъ аристократическихъ салонахъ, и вообще они могли ясно видѣть, на чьей сторонѣ симпатіи правящихъ классовъ Англіи.

Не желая оказывать Конфедераціи своей помощи прямымъ путемъ, англійское правительство нашло способъ оказать южнымъ штатамъ серьезную помощь косвенно, а именно крайне небрежнымъ отношеніемъ къ заявленіямъ американскаго посланника о томъ, что на англійскихъ верфяхъ строятъ суда, заказанныя правительствомъ Конфедераціи. Въ самомъ дѣлѣ, цѣлый рядъ такихъ судовъ, предназначенныхъ яко-бы для совершенно иныхъ цѣлей, выходилъ одинъ за другимъ въ море, грузя гдѣнибудь въ условленномъ мѣстѣ пушки, поднималъ флагъ Конфедераціи и начиналъ преслѣдовать и уничтожать американскія коммерческія суда, а таковыя имѣлись въ то время только у гражданъ сѣверныхъ штатовъ. Наиболѣе рѣзкій и непростительный примѣръ такой небрежности представлялъ выходъ въ море быстроходнаго крейсера «Алабамы», о дѣйствительномъ назначеніи котораго американскій посланникъ представлялъ своевременно англійскому правительству самыя опредѣленныя данныя. Не имѣя возможности какъ-нибудь этому помѣшать, американское правительство ограничивалось пока лишь формальными протестами.

Полный контрастъ настроенію англійскихъ правящихъ круговъ, земельной и денежной аристократіи представляло отношеніе къ американскому конфликту рабочаго класса.

Однимъ изъ послѣдствій междоусобной войны было почти полное прекращеніе подвоза хлопка (его привозили почти исключительно изъ южныхъ штатовъ, все побережье которыхъ было блокировано военными судами сѣв. штатовъ) въ Англію, а слѣдовательно невольная остановка всей англійской хлопча-

тобумажной промышленности. Сотни тысячъ рабочихъ остались вдругъ безъ средствъ къ жизни, а хлопчатобумажный голодъ (cotton famine) скоро обратился для весьма многихъ рабочихъ семей въ настоящую физическую голодовку. Въ 1862 г. въ Ланкаширскомъ графствѣ число лицъ, нуждавшихся въ общественной благотворительности, доходило одно время до полумилліона.

Какъ ни много дѣлала въ это время частная и общественная благотворительность, десятки тысячъ семействъ испытывали самую острую нужду... Однако, несмотря на всѣ свои лишенія, рабочіе съ самаго начала американскаго конфликта и до его конца оставались на сторонѣ сѣвера. Мало того: именно ланкаширскіе рабочіе послали привѣтственный адресъ Линкольну съ пожеланіемъ успѣха великому дѣлу освобожденія негровъ. Этотъ адресъ глубоко тронулъ Линкольна, который поспѣшилъ прислать на него отвѣтъ, въ которомъ выразился слѣдующимъ образомъ: «Вслѣдствіе мятежныхъ дѣйствій нѣкоторой части нашихъ гражданъ, рабочимъ Европы приходится испытывать суровыя лишенія... Имѣя въ виду это обстоятельство, я не могу не видѣть въ вашихъ энергично выраженныхъ заявленіяхъ замѣчательнаго примѣра христіанскаго героизма, равнаго которому трудно было бы найти въ лѣтописяхъ какой-либо иной эпохи или какого-либо иного народа» [1]).

Итакъ, въ описываемую нами эпоху народныя массы Англіи проявили и безкорыстіе и политическую проницательность, тогда какъ буржуазія и правящіе классы обнаружили скорѣе эгоизмъ и близорукость, на что со справедливой гордостью могутъ указывать сторонники демократической формы правленія [2]).

Всѣмъ извѣстно, какъ кончилась междоусобная война. Несмотря на храбрость южанъ и на ихъ отчаянное сопротивленіе, силы ихъ были сломлены, и авторитетъ федеральнаго правительства былъ возстановленъ, рабство негровъ уничтожено, а черезъ нѣсколько лѣтъ негры на всемъ пространствѣ Союза получили даже политическія права. Американская демократія стала гораздо болѣе, чѣмъ прежде, достойной такого названія. Мало того: торжество сѣверныхъ штатовъ было торжествомъ демократическихъ принциповъ вообще, и это дало толчекъ къ демократизаціи политическихъ учрежденій нѣкоторыхъ странъ и прежде всего, конечно, Англіи.

---

1) Herbert Paul. History of modern England, vol. II, 351.

2) См. указаніе на этотъ фактъ съ соотвѣтственными комментаріями въ классическомъ трудѣ Дж. Брайса, „Американская Республика“ или у Morley, Life of Gladstone, vol. II.

Въ самомъ дѣлѣ, разгромъ американскаго юга былъ, несомнѣнно, однимъ изъ многочисленныхъ и разнообразныхъ факторовъ того общественнаго движенія въ Англіи, которое привело ко второй избирательной [1]) реформѣ (1867). Вмѣстѣ съ этимъ судьбы Англіи перешли къ государственнымъ дѣятелямъ иного склада, чѣмъ лордъ Пальмерстонъ. Однимъ изъ такихъ государственныхъ людей новаго закала былъ Гладстонъ, который въ качествѣ перваго министра Англіи нашелъ случай загладить свою вину передъ великой американской демократіей. Какъ мы говорили, въ началѣ американской междоусобной войны Гладстонъ былъ въ числѣ тѣхъ, которые ожидали быстрой побѣды юга и находили оправданія для возстанія южныхъ штатовъ.

Какъ только междоусобная война окончилась, американское правительство стало настоятельно требовать отъ правительства англійскаго признанія своей вины въ выпускѣ изъ Англіи крейсеровъ, изготовленныхъ по заказу правительства Конфедераціи, занимавшихся затѣмъ уничтоженіемъ коммерческихъ судовъ, принадлежавшихъ гражданамъ сѣверныхъ штатовъ. Американское правительство вмѣстѣ съ тѣмъ требовало и возмѣщенія огромнаго матеріальнаго ущерба, проистекшаго отъ явной небрежности англійскихъ властей. Сначала притязанія американцевъ встрѣчали въ Англіи рѣшительный отпоръ, но затѣмъ, въ виду категоричности требованія американскаго правительства, пришлось пойти на уступки. Все это тянулось нѣсколько лѣтъ, и, наконецъ, въ бытность Гладстона первымъ министромъ, англійское правительство согласилось выразить торжественно свое сожалѣніе о происшедшемъ, а вопросъ о возмѣщеніи матеріальнаго ущерба предоставило рѣшенію третейскаго суда. Договоръ о третейскомъ судѣ (Tribunal of arbitration) состоялся въ 1871 г. въ Вашингстонѣ. Въ слѣдующемъ году судъ уже собрался въ Женевѣ и состоялъ, какъ было условлено, изъ пяти лицъ, назначенныхъ правительствами Соед. Штатовъ, Великобританіи, Италіи, Швейцаріи и Бразиліи.

Послѣ тщательнаго разсмотрѣнія американскихъ претензій, размѣръ которыхъ доходилъ до 90 милл. рублей, и всѣхъ необходимыхъ объясненій со стороны представителя Англіи, судъ присудилъ англійское правительство къ уплатѣ Америкѣ 30 милл. рублей ($15^1/_2$ милл. долларовъ).

Въ Англіи такимъ рѣшеніемъ были весьма недовольны, и это обстоятельство на нѣкоторое время уменьшило популярность

[1]) См. нѣкоторыя интересныя соображенія по этому поводу въ книгѣ *Dunning*'a: British Empire and United States.

Гладстона. Онъ самъ, однако, относился къ дѣлу иначе и впослѣдствіи (въ 1880 г.), когда въ парламентѣ случайно зашла объ этомъ рѣчь, произнесъ слѣдующія знаменательныя слова, достойныя этого выдающагося государственнаго дѣятеля XIX вѣка: «Хотя я могу допустить, что приговоръ Женевскаго суда былъ суровъ по размѣру назначенной къ уплатѣ суммы и несправедливъ въ нѣкоторыхъ своихъ основаніяхъ, тѣмъ не менѣе штрафъ, наложенный на насъ, я считаю совершеннымъ пустякомъ по сравненію съ нравственной цѣной примѣра, который двѣ великія націи Стараго и Новаго Свѣта—притомъ націи, которыя наиболѣе легко воспламеняются, когда дѣло затрагиваетъ сколько-нибудь ихъ національную честь—подали примѣръ всѣмъ другимъ народамъ тѣмъ, что сумѣли придти къ извѣстному соглашенію и передали свой споръ на рѣшеніе суда, не пытаясь покончить его на полѣ брани».

Въ самомъ дѣлѣ въ то время, о которомъ говоримъ,—это было около полувѣка тому назадъ,—поступокъ Англіи и Америки представлялъ собой нѣчто совершенно необыкновенное, нѣчто, дѣйствительно, дѣлающее великую честь обѣимъ отраслямъ англосаксонской расы и тѣмъ государственнымъ людямъ, которыхъ политическая жизнь въ той и другой странѣ выдвигала на первый планъ и вручала имъ судьбы отечества...

VII.

Споръ Венецуэллы съ Англіей и вмѣшательство въ него Соед. Штатовъ. XX вѣкъ и безпримѣрныя доброжелательныя отношенія всѣхъ частей англо-саксонскаго міра.

Торжество либеральныхъ принциповъ въ порядкахъ государственнаго управленія Англіи въ 70-хъ и 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія содѣйствовало дальнѣйшему сближенію Англіи и Америки, когда были забыты недоразумѣнія эпохи междоусобной войны. Какъ извѣстно, въ это время наиболѣе сильно было вліяніе Гладстона и его единомышленниковъ, которые произвели длинный рядъ весьма важныхъ политическихъ и соціальныхъ реформъ.

Въ это время Америка была въ большой модѣ въ интеллигентныхъ кругахъ Англіи, которые охотно ѣздили въ Соедин.

[1]) *Morley.* Life of Gladstone, vol. II, 393.

Штаты. Среди англійской народной массы Америка также была въ большой модѣ, чѣмъ, конечно, объясняется то обстоятельство, что Англія ежегодно выдѣляла изъ себя весьма значительное число лицъ, переселявшихся навсегда въ заатлантическую республику. Къ этому же времени относится, между прочимъ, появленіе (1888) знаменитаго труда одного изъ сподвижниковъ Гладстона, бывшаго профессора Оксфордскаго университета Дж. Брайса—The American Commonwealth—переведеннаго вскорѣ на русскій языкъ и изданнаго подъ названіемъ «Американская Республика» [1]).

Мы живо помнимъ, какое огромное впечатлѣніе произвелъ этотъ капитальный трудъ на общественное мнѣніе въ Англіи и въ Америкѣ, въ особенности въ послѣдней. Никто никогда, не исключая даже Токвилля, не сумѣлъ дать такого глубокопродуманнаго описанія и истолкованія политическихъ учрежденій великой Американской демократіи, истолкованія, являющагося вмѣстѣ съ тѣмъ одною изъ самыхъ замѣчательныхъ апологій демократическаго государственнаго строя вообще. Быть можетъ, именно поэтому въ Россіи одно время трехтомный трудъ Брайса былъ запрещенъ, и, быть можетъ, потому же въ Америкѣ этотъ трудъ скоро сталъ однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ пособій въ университетахъ, и въ сокращенномъ видѣ (одно-томное изданіе) даже въ среднихъ школахъ. Книгой Брайса широко пользовались при изученіи и комментированіи государственнаго строя своего отечества. Такое изученіе этого сочиненія оставляло навсегда въ юныхъ умахъ глубокій слѣдъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чувство благодарности къ англичанину, который затратилъ такъ много труда и проявилъ такъ много проницательности, чтобы разъяснить привлекательныя стороны великой американской демократіи, не скрывая и ея недостатковъ. И мы считаемъ трудъ Брайса однимъ изъ факторовъ послѣдующаго взаимнаго уваженія и пониманія американской и англійской демократіи.

Былъ одинъ источникъ яда, который портилъ отношенія Англіи и Америки,—это ирландскій вопросъ, о которомъ постоянно напоминали многочисленные ирландскіе выходцы въ Америкѣ. Извѣстно, однако, что какъ разъ неудачныя попытки рѣшить удовлетворительно для обѣихъ сторонъ этотъ вопросъ заставили Гладстона прекратить свою политическую жизнь. Какъ извѣстно, вскорѣ Гладстонъ кончилъ и свое физическое существо-

[1]) Стоитъ отмѣтить, что французскій и нѣмецкій переводы этого замѣчательнаго труда вышли много позже, чѣмъ русскій.

ваніе, унося въ могилу благословенія всего культурнаго міра и въ томъ числѣ многочисленныхъ своихъ друзей и почитателей въ Америкѣ.

Въ 1895 г. государственная власть въ Англіи перешла (послѣ короткаго перерыва 1892—1895 г.г.) опять въ руки маркиза Солсбери. Первый же годъ его управленія страной ознаменовался чрезвычайно рѣзкимъ кризисомъ въ отношеніяхъ между Соед. Штатами и Англіей. На этотъ разъ источникомъ конфликта былъ такъ назыв. Венецуэльскій вопросъ. Сущность его заключалась въ слѣдующемъ. Границы между Венецуэллой и Британской Гвіаной не были никогда точно установлены, и англичане захватнымъ путемъ распространяли власть своего правительства на новыя и новыя пограничныя земли, славившіяся большими минеральными богатствами. Такъ, по крайней мѣрѣ, представляла дѣло Венецуэлла. Встрѣчая со стороны Англіи рѣзкіе отказы входить въ разсмотрѣніе значительной части своихъ притязаній, правительства Венецуэллы просили заступничества у Соед. Штатовъ, напоминая о провозглашенной когда-то ими доктринѣ Монроэ. Первыя попытки американскаго правительства воздѣйствовать на правительство Англіи относятся еще къ 1885 г., т.-е. къ тому времени, когда маркизъ Солсбери впервые занялъ постъ перваго министра въ составленномъ имъ консервативномъ кабинетѣ, смѣнившемъ кабинетъ Гладстона. Не находя возможнымъ излагать здѣсь всѣ перипетіи этого вопроса, скажемъ лишь, что, получивъ въ 1895 г. уклончивый отвѣтъ отъ Солсбери, президентъ республики Кливелендъ, указавъ въ своемъ ближайшемъ посланіи конгрессу на то, что Англія не дѣлаетъ уступокъ, требуемыхъ Венецуэллой, и не соглашается, какъ это предлагаетъ Венецуэлла, на предоставленіе спора рѣшенію третейскаго суда [1],—заявилъ, что онъ, Кливелендъ, полагаетъ, что Соедин. Штатамъ принадлежитъ право и обязанность взять это дѣло въ свои руки. Кливелендъ предлагалъ назначить собственную комиссію для рѣшенія вопроса о границахъ съ предоставленіемъ англійскому правительству, если бы оно этого пожелало, права представить этой комиссіи всѣ необходимые документы и объясненія. Это будетъ, писалъ Кливелендъ, и въ интересахъ самихъ Соед. Штатовъ, такъ какъ дастъ имъ случай торжественно заявить, что американское правительство отнюдь не отказывается

---

[1]) Англія въ сущности соглашалась на третейскій судъ, а недоразумѣніе возникло, главнымъ образомъ, изъ-за компетенціи такого суда, которую Англія желала очень ограничить выгоднымъ для себя образомъ. См. цитир. сочин. проф. Dunning'a.

*

отъ принциповъ, возвѣщенныхъ въ свое время Монроэ. Установивъ границу по своему разумѣнію—продолжалъ Кливелендъ, Соед. Штаты должны затѣмъ отстаивать ее всѣми возможными средствами, т.-е.—такъ надо было понимать слова Кливеленда—хотя бы даже и силой оружія. «Дѣлая эти предложенія, заключалъ Кливелендъ,—я вполнѣ отдаю себѣ отчетъ въ той отвѣтственности, которую я на себя принимаю, и ясно себѣ представляю всѣ возможныя его послѣдствія». Предложеніе Кливеленда было единогласно одобрено обѣими палатами конгресса, и въ началѣ 1896 года комиссія была назначена и готовилась приступить къ своей работѣ.

Трудно себѣ представить ошеломляющее дѣйствіе этого жеста Кливеленда и Соед. Штатовъ вообще на весь англо-саксонскій міръ. Въ первый разъ американская демократія заговорила съ Англіей такимъ языкомъ, который показывалъ полную ея вѣру въ свой авторитетъ и въ свою силу. Въ первый разъ она почти безъ обиняковъ сказала, что въ случаѣ нужды она готова хотя бы силой настоять на томъ, что она считаетъ согласнымъ съ требованіями справедливости.

Общественное мнѣніе Англіи было захвачено врасплохъ, такъ какъ не было вполнѣ au courant этого сравнительно ничтожнаго спора о границахъ въ Америкѣ. За исключеніемъ немногихъ завзятыхъ тори старинной школы, которые заговорили о томъ, что не худо бы проучить американцевъ, общество съ негодованіемъ отвергло мысль о возможности открытой войны съ Америкой изъ-за такого маловажнаго повода. Въ этомъ смыслѣ писали газеты всѣхъ направленій, высказывались всѣ общественные дѣятели, финансисты, промышленники и даже духовенство въ церквахъ. Надо соглашаться на третейскій судъ: таковъ былъ почти единогласный лозунгъ Англіи. Солсбери понялъ свою ошибку, и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль путемъ телеграфныхъ переговоровъ были установлены условія дѣйствія смѣшанной англо-американской комиссіи для рѣшенія вопроса.

Такъ кончился въ сущности этотъ послѣдній прискорбный эпизодъ, омрачившій дружественныя отношенія англичанъ и американцевъ.

Мало того—съ этого именно времени началась систематическая агитація какъ въ Англіи, такъ и въ Америкѣ въ пользу установленія общаго договора объ окончаніи всякихъ разногласій между обоими государствами путемъ особаго рода трибуналовъ или третейскаго суда. Эта агитація нашла себѣ достойныхъ выразителей въ американскомъ министрѣ иностранныхъ дѣлъ Ольнэ

(Olney) и въ англійскомъ послѣ въ Вашингтонѣ сэрѣ Понсефотѣ. 11 января, за три недѣли до того, когда были окончательно установлены условія, на которыхъ были переданы на рѣшеніе третейскаго суда разногласія между Венецуэллой и Англіей, оба названные нами дипломата подписали въ Вашингтонѣ общій договоръ для улаживанія путемъ третейскаго суда (arbitration) всѣхъ споровъ и разногласій, которыя когда-либо могли бы возникнуть между Англіей и Соед. Штатами. Къ сожалѣнію, онъ оказался не вполнѣ отвѣчающимъ настроенію нѣкоторыхъ политическихъ дѣятелей Америки. Поэтому, когда въ маѣ того же (1897) г. этотъ проектъ договора поступилъ на утвержденіе американскаго сената—хотя въ немъ была сдѣлана существенная [1]) поправка, значительно ослаблявшая его значеніе,—договоръ все-таки не собралъ за себя требуемыхъ закономъ двухъ третей голосовъ. Правда, для этого не хватило всего только трехъ голосовъ (изъ 69 сенаторовъ въ пользу трактата подали свои голоса 43 вмѣсто требуемыхъ 46). Но и такой результатъ нельзя не признать крайне поразительнымъ, если вспомнить недавнее обостреніе отношеній между Англіей и Соединенными Штатами по поводу границъ Венецуэллы и въ особенности то обстоятельство, что заключеніе такого договора составляло въ то время большое и смѣлое новшество въ области международныхъ отношеній... Вскорѣ послѣдовалъ рядъ событій, которыя содѣйствовали дальнѣйшему укрѣпленію возстановившихся дружественныхъ отношеній между двумя главными частями англосаксонскаго міра, показавъ имъ, что онѣ лучше, скорѣе всѣхъ другихъ народовъ понимаютъ другъ друга и правильнѣе всего оцѣниваютъ мотивы, побуждающіе къ тѣмъ или инымъ дѣйствіямъ.

Въ 1898 г., какъ извѣстно, разразилась долго подготовлявшаяся война между Соед. Штатами и Испаніей. Дѣло въ томъ, что послѣдняя никакъ не могла создать сколько-нибудь сноснаго общественнаго строя и порядка даже въ этой почти послѣдней своей важной колоніи, гдѣ возстанія не прекращались десятилѣтіями, несмотря на всѣ жестокости испанскихъ сатраповъ.

Англія почти единственная изъ европейскихъ странъ прямо и рѣшительно высказалась въ пользу американцевъ и открыто заявила, что дѣло культуры и цивилизаціи только выиграетъ отъ того, что власть Испаніи надъ Кубой будетъ прекращена

[1]) Согласно этой поправкѣ не поступали на третейскій судъ всѣ разногласія, которыя, по мнѣнію той или другой стороны, затрагивала ея честь или ея внутреннюю или внѣшнюю политику, при чемъ здѣсь со стороны американцевъ имѣлись, конечно, въ виду вопросы, связанные съ признаніемъ Англіей доктрины Монроэ.

навсегда. Такія мнѣнія можно было прочитать въ газетахъ и журналахъ; такъ говорили не только разные общественные дѣятели, въ томъ же смыслѣ высказывались публично министры, не исключая самого главы правительства лорда Солсбери. Американцы испытывали глубокое чувство благодарности за эту нравственную поддержку. Въ матеріальной поддержкѣ они не нуждались: великая американская демократія, вся постоянная армія которой въ то время едва переходила за 25.000 человѣкъ, быстро организовала изъ своихъ гражданъ значительную и сильную армію, которая легко справлялась съ 200.000 настоящихъ испанскихъ солдатъ, имѣвшихся въ распоряженіи генерала Вейлера, командовавшаго военными силами Испаніи на Кубѣ, и генералъ-губернатора этого острова. Въ слѣдующемъ году и для самой Англіи настали годы испытаній; мы разумѣемъ затѣянную Чемберлэномъ борьбу съ бурами въ южн. Африкѣ. Столпы европейской реакціи, изъ нихъ же первый германскій императоръ Вильгельмъ, прославившій себя впервые своей знаменитой поздравительной телеграммой президенту Крюгеру, [1]) —безконечно радовались англійской бѣдѣ и ужъ заранѣе предвкушали удовольствіе видѣть полную разруху Британской имперіи. Общественное мнѣніе въ Россіи—и въ этомъ случаѣ нельзя было замѣтить существенной разницы между либералами и консерваторами, поскольку отразилось отношеніе къ южно-африканскому конфликту въ русской періодической печати (хотя исходныя соображенія тѣхъ и другихъ были, конечно, различны),—собственно, правильно осуждало англичанъ и сочувствовало бурамъ, какъ и нѣкоторые изъ англичанъ съ Лойдъ-Джорджемъ во главѣ.

Только въ американской періодической печати мы находили въ это время совершенно иное отношеніе къ конфликту. Нечего и говорить, насколько тогда англичане въ свою очередь цѣнили нравственную поддержку американцевъ. Въ матеріальной помощи они не нуждались. Въ это время болѣе, чѣмъ когда либо раньше, англо-саксонская раса во всемъ своемъ цѣломъ почувствовала свое единство. Проницательные люди уже тогда должны были предвидѣть неизбѣжность борьбы между двумя непримиримыми идеалами двухъ самыхъ замѣчательныхъ и самыхъ сильныхъ имперій міра, Англіи и Германіи. Все величіе англо-саксонской культуры между тѣмъ должно было стать яснымъ, когда Англія, разбивъ совершенно буровъ, всего черезъ нѣсколько лѣтъ дала

[1]) Мы разумѣемъ поздравительную телеграмму, посланную 2-го янв. 1896 г. Вильгельмомъ президенту Трансваальской республики Крюгеру, по поводу неудачи набѣга Джемсона.

имъ полную автономію. Теперь къ числу вѣрнѣйшихъ сыновъ Англіи относится самъ бывшій предводитель бурскихъ войскъ, генералъ Бота, стоящій нынѣ во главѣ южно-африканскаго федеральнаго правительства [1]), опирающагося одинаково на поддержку англичанъ и буровъ.

Это политическое чудо (т.-е. предоставленіе бурскимъ республикамъ полной автономіи)—его иначе нельзя квалицифировать—совершилось въ 1907 году, вскорѣ послѣ того, какъ правительственная власть въ Англіи снова перешла въ руки бывшихъ сподвижниковъ Гладстона.

Въ тотъ же знаменательный годъ кабинетъ Кэмпбелля Банеермана сдѣлалъ одно важное и знаменательное назначеніе. Авторъ сочиненія American Commonwealth Джемсъ Брайсъ, который передъ этимъ занималъ должность статсъ-секретаря по дѣламъ Ирландіи, сдѣланъ былъ англійскимъ посломъ въ Америкѣ. Иначе сказать, онъ былъ посланъ представлять Англію въ страну, которую онъ изучалъ съ величайшимъ усердіемъ и такимъ же талантомъ и во всякомъ случаѣ съ большимъ усердіемъ и талантомъ, чѣмъ кто-либо изъ англичанъ или европейцевъ вообще. Мы знаемъ, въ то же время, что онъ сумѣлъ представить своимъ соотечественникамъ С. Штаты въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ, не погрѣшая противъ истины. Американцы не могли не понять всего симптоматическаго смысла такого назначенія. Отношенія между обоими правительствами стали еще болѣе дружелюбными, еще болѣе довѣрчивыми и искренними.

Въ концѣ XIX-го и въ началѣ настоящаго вѣка между Англіей и Соединенными Штатами состоялся длинный рядъ соглашеній путемъ третейскаго суда и иными способами по поводу весьма различныхъ недоразумѣній и разногласій, изъ коихъ нѣкоторыя насчитывали десятки лѣтъ, при чемъ важнѣйшимъ между ними былъ давній споръ по поводу границъ Аляски. Многія изъ такихъ разногласій проистекали отъ неясности и неполноты разныхъ старыхъ договоровъ. Въ бытность Брайса англійскимъ посломъ въ Вашингтонѣ (онъ оставилъ этотъ постъ въ 1913 году вслѣдствіе преклоннаго возраста) между Англіей и Соединенными Штатами состоялось формальное соглашеніе: всѣ споры, возникающіе по поводу толкованія договоровъ, передавались на рѣшеніе Гаагскаго трибунала, при чемъ тогда же былъ переданъ

[1]) Генералъ Бота состоялъ сначала премьеромъ Трансвааля и, затѣмъ, послѣ образованія федераціи южно-африканскихъ колоній Англіи, занялъ постъ премьера всей федераціи.

въ Гаагу чуть не столѣтній споръ по поводу рыбныхъ промысловъ на приатлантическомъ побережьѣ Канады.

Въ такомъ положеніи застало англо-саксонскій міръ столѣтіе Гентскаго мира, которое предполагалось торжественно отпраздновать какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, такъ и во всѣхъ частяхъ Британской имперіи и въ особенности, конечно, въ сосѣдней съ Штатами Канадѣ. Къ сожалѣнію, агрессивный нѣмецкій милитаризмъ заставилъ даже такую миролюбивую и совершенно «штатскую» страну, какой является современная Англія, не знавшая до сихъ поръ воинской повинности, обнажить свой мечъ формально для защиты несчастной Бельгіи, фактически для огражденія европейскаго мира и даже, пожалуй, всего культурнаго міра отъ притязаній на гегемонію со стороны солдатской имперіи Вильгельма. Изумленный міръ—въ особенности, конечно, міръ австро-германскій—увидѣлъ при этомъ вторичное проявленіе чувствъ взаимной солидарности, которыми одушевлена вся Британская имперія. Разноплеменные жители этой имперіи, какъ одинъ человѣкъ, стали по доброй волѣ на защиту метрополіи, при чемъ въ готовности идти на всякія жертвы не отставала отъ другихъ частей имперіи даже Индія, на возстаніе которой такъ разсчитывалъ нѣмецкій генеральный штабъ. Что еще удивительнѣе, въ бывшихъ бурскихъ республикахъ нѣмцы, несмотря на всѣ свои происки, успѣли склонить къ мятежу только ничтожное меньшинство, при чемъ подавленіе возстанія англичане предоставили генералу Бота, т.-е. одному изъ тѣхъ политическихъ дѣятелей южной Африки, которыми одинаково гордятся какъ буры, такъ и англичане. Такимъ образомъ, за короткое время передъ культурнымъ міромъ вторично и весьма убѣдительно продемонстрирована та истина, что не одной силой оружія можетъ держаться огромная имперія. Весь свѣтъ еще разъ увидѣлъ, что самая значительная, самая замѣчательная имперія, которая есть или когда-либо существовала на земномъ шарѣ, совершенно не ищетъ опоры въ силѣ оружія.

Окидывая общимъ взглядомъ отношенія къ своимъ бывшимъ колоніямъ въ Америкѣ, англичане съ сожалѣніемъ и даже со стыдомъ вспоминаютъ только одинъ эпизодъ этихъ отношеній—политику своего правительства во время междоусобной американской войны. Можно быть увѣреннымъ, что нѣтъ въ Англіи въ настоящее время здраваго человѣка, который не находилъ бы правильнымъ поступокъ Гладстона, представившаго третейскому суду рѣшеніе вопроса объ основательности претензій американцевъ и объ установленіи самаго размѣра суммы, подлежащей уплатѣ.

Трудно было бы привести фактъ, который болѣе рѣзко показывалъ бы всю разницу между идеалами и устоями Британской и Германской имперій, какъ слѣдующія слова весьма извѣстнаго теперь германскаго генерала и публициста Бернгарди, слова, которыя мы читаемъ въ его сочиненіи «Германія и грядущая война»:

«Англія совершила непростительную ошибку съ точки зрѣнія ея интересовъ, не оказавъ поддержки южнымъ штатамъ во время американской междоусобной войны».

Какъ мы только-что видѣли, и сами англичане признаютъ, что они именно въ это время совершили большую ошибку, но совсѣмъ не ту, на которую указываетъ прусскій генералъ. Англичане жалѣютъ и даже стыдятся того, что ихъ правительство позволило себѣ недостаточно добросовѣстно держаться принципа невмѣшательства въ печальную распрю южныхъ и сѣверныхъ штатовъ, если оно не умѣло понять, что его прямой нравственный долгъ заключался по меньшей мѣрѣ въ благожелательномъ отношеніи къ правому дѣлу, которое взяли на себя сѣверные штаты. Вотъ тотъ ключъ, который помогаетъ намъ понять какъ общій характеръ отношеній между Англіей и ея бывшими американскими колоніями на протяженіи ста съ лишнимъ лѣтъ, простекшихъ со времени признанія ихъ независимости, такъ и характеръ той имперіи, которую англичане сумѣли создать изъ ряда областей, лежащихъ въ разныхъ частяхъ свѣта и населенныхъ самыми различными народами.

П. Г. Мижуевъ.

ПОДЪ ЗНАКОМЪ ЭКОНОМІИ.

(Общественно-экономическія послѣдствія войны.)

I.

Въ процессѣ войны для каждой изъ участвующихъ въ ней странъ выясняется постепенно то, что можно было бы назвать ахиллесовой пятой ея хозяйственной организаціи. Въ Англіи первоначально склонны были видѣть наиболѣе слабое мѣсто ея экономической брони въ возможности нарушенія въ ходѣ военныхъ операцій правильнаго международнаго товарообмѣна. То обстоятельство, что само существованіе 46-милліоннаго народа немыслимо внѣ условій нормальнаго подвоза съѣстныхъ припасовъ, обращало на себя вниманіе съ одной лишь стороны—перспективой прямого, въ общемъ проблематичнаго уничтоженія англійской внѣшней торговли или несравненно болѣе вѣроятнаго и даже неизбѣжнаго сокращенія въ ея объемѣ. Но зависимость страны отъ внѣшней торговли оказалась опасной въ обстановкѣ международнаго конфликта совершенно другой своей стороной. Если благосостояніе населенія здѣсь неотдѣлимо отъ достаточнаго подвоза продуктовъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, всякій подъемъ въ этомъ благосостояніи—чѣмъ бы онъ ни объяснялся—необходимо влечетъ за собой ростъ спроса на эти продукты, т.-е. увеличеніе импорта. И именно съ этой стороны нынѣшній конфликтъ, нанесъ хозяйственной организаціи Англіи самый тяжкій ударъ. Онъ, въ ходѣ своего вліянія на англійскую экономическую жизнь, обусловилъ здѣсь необычайное процвѣтаніе, лишивъ страну въ то же время возможности производить нормальную расплату за импортъ.

Тотъ фактъ, что Англія въ настоящее время переживаетъ исключительный подъемъ въ общемъ благополучіи, не требуетъ для доказательства своей безспорности ходкихъ здѣсь, но безусловно невѣрныхъ или преувеличенныхъ, газетныхъ сообщеній, будто въ аммуниціонныхъ округахъ англійскіе рабочіе пользуются такимъ достаткомъ,

что пообзаводились собственными автомобилями, или будто заработокъ этихъ рабочихъ зачастую достигаетъ невѣроятнаго размѣра въ 13—15 ф. ст. въ недѣлю. Реальное укрѣпленіе за время войны экономическаго благосостоянія проявляется и въ менѣе сенсаціонныхъ данныхъ.

О немъ можно судить по тому, что понижательная тенденція заработной платы, установившаяся въ 1914 году вслѣдъ за наступленіемъ циклической промышленной депрессіи, въ теченіе военнаго періода смѣнилась прямой противоположностью. Свѣдѣнія англійскаго министерства торговли показываютъ, напр., что по сентябрь 1915 г. включительно рабочія расцѣнки увеличились въ Англіи на 763.800 ф. ст. въ недѣлю, при чемъ этимъ формальнымъ повышеніемъ оплаты труда (въ отличіе отъ увеличенія заработка, зависящаго отъ продолжительности рабочаго времени и личной производительности работника) воспользовалось 4.446.000 человѣкъ [1]. Насколько значителенъ былъ ростъ «счета заработной платы» (wage bill) страны, т.-е. общей суммы заработковъ, включающей плату за сверхурочныя, ночныя, воскресныя и т. п. работы—опредѣлить невозможно; по имѣющимся свѣдѣніямъ болѣе или менѣе точнаго характера, во всякомъ случаѣ, этотъ «актъ» теперь на много превышаетъ обычные размѣры его. Даже въ отрасляхъ народнаго хозяйства, сравнительно слабо затронутыхъ «живительнымъ дождемъ» военныхъ заказовъ и особенно сильно пострадавшихъ отъ финансоваго и торговаго разгрома первыхъ недѣль войны, сумма выплачиваемыхъ еженедѣльно заработковъ значительно увеличилась, напр., въ хлопкообрабатывающей индустріи на 44, 2%. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда рабочіе заняты выполненіемъ правительственныхъ заказовъ, требующихъ постоянныхъ сверхурочныхъ работъ, работы по праздникамъ и т. д., заработокъ возросъ еще болѣе.

Конечно, подобное повышеніе покупательной способности англійскихъ рабочихъ находитъ частичный противовѣсъ въ ростѣ цѣнъ на предметы рабочаго потребленія. Къ 1-му декабря 1915 г., напр., содержаніе рабочей семьи въ Англіи обходится ей, благодаря вздорожанію продуктовъ на пищевомъ рынкѣ, уже на 46 проц. больше, чѣмъ непосредственно передъ войной. За всѣмъ тѣмъ, подъемъ въ покупательной способности населенія настолько великъ, что и ростъ цѣнъ не ослабляетъ впечатлѣнія отъ картины несомнѣннаго процвѣтанія. Приведемъ только одинъ примѣръ того, какъ этотъ подъемъ повліялъ на торговую дѣятельность въ странѣ. Въ Бирмингэмѣ, гдѣ хозяйственная

[1] „Wages during the War“, Board of Trade Labour Gazette, октябрь 1915 г., стр. 354.

жизнь въ сильной степени окрашена «милитаризаціей» индустріи, переводомъ ея на обслуживаніе армій, спросъ на піанино, считающихся въ рабочемъ мірѣ наиболѣе желательнымъ прибавленіемъ къ обстановкѣ парадной комнаты, такъ великъ, что подержанныхъ піанино здѣсь почти невозможно достать, и фабриканты музыкальныхъ инструментовъ не поспѣваютъ выполнять заказы къ сроку. Равнымъ образомъ, феноменаленъ въ этомъ центрѣ аммуниціоннаго производства и спросъ на граммофоны. Что касается пищевыхъ припасовъ, то «всѣ данныя показываютъ, что въ этомъ отношеніи наблюдается замѣчательная перемѣна. Характеръ продуктовъ, продаваемыхъ въ рабочихъ кварталахъ, за послѣдніе шесть мѣсяцевъ совершенно измѣнился... Хозяйки, ранѣе покупавшія исключительно маргаринъ по 6 пенсовъ за фунтъ, теперь не хотятъ и смотрѣть на масло дешевле, чѣмъ по 1 шилл. 6 пенсовъ... Бирмингэмская бѣднота покупаетъ въ настоящее время лучшую копченую свинину и высшіе сорта свѣжаго мяса, продаваемые по весьма высокимъ цѣнамъ» [1]). Аналогичное положеніе вещей было констатировано и въ рабочихъ кварталахъ Лондона во время рождественскихъ праздниковъ 1915 г. «Новая идея—чтобы сбереженія, откладывавшіяся на Рождествѣ, не были израсходованы цѣликомъ—врядъ ли окажется популярной, дѣлалъ выводъ изъ собранныхъ имъ фактовъ «Times» въ № отъ 23 декабря... Многіе рабочіе впервые за всю свою жизнь получили возможность обезпечить себѣ и своимъ семьямъ дѣйствительно обильное Рождество, и они намѣрены воспользоваться этой возможностью».

Еще одной иллюстраціей дѣйствительнаго благополучія, выпавшаго во время войны на долю рабочаго класса Англіи, является сокращеніе здѣсь пауперизма. Число призрѣваемыхъ на дому и въ пріютахъ попечительствами о бѣдныхъ продолжаетъ убывать непрерывно даже въ зимніе мѣсяцы, когда оно обычно увеличивалось, и составляетъ, по даннымъ за ноябрь 1915 г., всего 164 души на каждыя 10 тысячъ населенія, тогда какъ въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ оно колебалось зимой между 213 и 265 душами. Главный контингентъ призрѣваемыхъ въ Англіи состоитъ изъ престарѣлыхъ, немощныхъ и т. п. «пауперовъ», родные которыхъ сейчасъ получили возможность поддерживать ихъ, не обращаясь къ попечительствамъ за всякаго рода пособіями.

Такимъ образомъ, какъ справедливо отмѣтилъ одинъ членъ совѣта лондонскаго графства: «война принесла бѣднѣйшей части населенія, вопреки росту цѣнъ, большее благополучіе, чѣмъ то, какое ей обезпечивалъ миръ» [2]).

---

[1]) „How the Money goes", Daily News, № отъ 6-го декабря 1915 г.

[2]) „Women's Industry after the War", by Nettie Adler, L. C. C., Contemporary Review, декабрь 1915, стр. 780.

Врядъ ли приходится говорить, что подъемъ въ состоятельности не ограничивается «бѣднѣйшей частью» населенія. Даже въ неблагопріятномъ прогнозѣ хозяйственныхъ послѣдствій конфликта, дѣлавшемся накануне нынѣшней войны, во вниманіе принималось, что отрицательное въ общественномъ смыслѣ вліяніе вооруженнаго столкновенія между современными индустріализированными государствами можетъ наблюдаться бокъ-о-бокъ съ «выгодными» операціями на общемъ и спеціально-военномъ рынкѣ. Тѣмъ, кто строитъ свою жизненную карьеру на умѣньи «быстро богатѣть», война обычно открываетъ широкую возможность развернуть свое умѣнье, вызывая ростъ цѣнъ, создавая особые важные заказы и вздувая проценты по государственнымъ займамъ. О темпѣ такого обогащенія, установившемся въ Англіи въ процессѣ развитія хозяйственныхъ послѣдствій войны, можно судить по цифрѣ, которую роспись на 1915—16 финансовый годъ приводитъ для ожидаемыхъ казначействомъ поступленій отъ обложенія «чрезмѣрныхъ прибылей» (Excess Profits Tax). Послѣ того, какъ англійскія предпріятія удѣлятъ изъ своей валовой прибыли опредѣленныя суммы на расширеніе дѣла, пополненіе резервнаго и аммортизаціоннаго фондовъ и произведутъ другія капитальныя затраты, послѣ того, какъ изъ полученной, такимъ образомъ, чистой прибыли будетъ вычтена средняя прибыль по разсчету за два предшествовавшіе мирные года и еще по 100 ф. ст. для каждаго предпріятія, остатокъ, подлежащій обложенію въ размѣрѣ 50 проц., обѣщаетъ дать въ 1916—1917 финансовомъ году—37 милліоновъ ф. ст. [1].

Словомъ, фактъ безспорнаго процвѣтанія и, притомъ, именно процвѣтанія общаго (что не исключаетъ, конечно, ухудшенія въ положеніи нѣкоторыхъ группъ населенія), имѣетъ мѣсто въ Англіи. Между тѣмъ, какъ мы упоминали выше, ростъ благосостоянія здѣсь, выраженный увеличеніемъ денежнаго дохода населенія, неразрывно связанъ съ повышеннымъ импортомъ. Въ теченіе войны, поэтому, страна ввозитъ пропорціонально больше, чѣмъ она ввозила въ мирное время, и импортъ ея увеличивается не только въ той части, которая представляетъ собой аммуницію и пищевые припасы, нужные правительству для снабженія армій, но и въ той, которая поступаетъ на общій рынокъ, минуя правительственное интендантство. За 11 мѣсяцевъ, закончившихся ноябремъ 1915 г., сумма импорта, по даннымъ «Рабочей Газеты Министерства Торговли», равнялась, напр., 628.852.020 ф. ст., что превышало на 152.211.203 ф. ст., или 28,2%, ввозъ за соотвѣтствующій періодъ 1914 г., хотя данныя эти не

[1] Financial Statement (1915—1916) H. C. № 344, стр. 7.

включаютъ въ первомъ случаѣ и включаютъ въ послѣднемъ стоимость «нѣкоторыхъ товаровъ, являвшихся въ моментъ разгрузки собственностью правительства Его Величества или союзныхъ правительствъ».

Но, вызвавъ, такимъ образомъ, непомѣрно крупный приростъ въ англійскомъ импортѣ, нынѣшній конфликтъ поставилъ хозяйственную организацію Англіи въ положеніе, при которомъ страна оказывается менѣе всего приспособленной къ расплатѣ за импортъ даже нормальной величины. Непрерывно увеличивающееся чисто военное и финансовое значеніе Англіи въ конфликтѣ постепенно истощаетъ ея обычные источники погашенія стоимости ввозимыхъ продуктовъ.

Вмѣстѣ съ уходомъ на фронтъ или въ учебные лагери все возрастающей пропорціи англійскаго «живого матерьяла» производительность страны значительно падаетъ. Судя по нынѣшнимъ контингентамъ англійскихъ армій, доля участія Англіи въ сухопутныхъ операціяхъ представляетъ собою, въ переводѣ на языкъ экономическихъ фактовъ, сокращеніе экспортной способности ея на 400 милліоновъ ф. ст. съ лишнимъ въ годъ. Ослабѣли, благодаря постояннымъ реквизиціямъ, достигающимъ теперь 50 проц. общаго тоннажа, и платежныя силы англійскаго торговаго флота, услуги котораго въ обычное время давали возможность расплачиваться за полтораста почти милліоновъ стоимости ввозимыхъ продуктовъ. Наконецъ, государство не только лишаетъ хозяйственную организацію страны существенно необходимыхъ для поддержанія нормальнаго торговаго баланса агентовъ, но оно еще возлагаетъ на эту организацію обязанность покрывать непрерывно и быстро возрастающій «военный счетъ». Достаточно сказать, что въ то время, какъ еще въ мартѣ казначействомъ проектировалось израсходовать въ теченіе года 1.068.000.000 ф. ст., на дѣлѣ роспись, внесенная министромъ финансовъ на разсмотрѣніе парламента въ концѣ сентября, даетъ уже гораздо болѣе крупную цифру ожидающихся въ томъ же финансовомъ году расходовъ, именно—1.589.706.000 ф. ст. [1]. Государству, въ силу этого, приходится прибѣгнуть къ сосредоточенію въ своихъ рукахъ возможно большей части и «національнаго дохода» и «національнаго капитала». Другими словами, о помѣщеніи за границей новыхъ капиталовъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ государство, естественно, принимаетъ въ своихъ интересахъ мѣры къ тому, чтобы нужные ему рессурсы не уходили за предѣлы Соединеннаго Королевства [2]), а до-

---

[1]) Ср. Financial Statements (1915—1916), H. C. № 222, стр. 7, и № 344, стр. 8.

[2]) Еще въ январѣ 1915 г. казначейство, поставивъ подъ свой контроль финансированіе частныхъ и муниципальныхъ предпріятій внутри страны, запретило какія бы то ни было новыя финансовыя операціи

ходъ съ помѣщенныхъ тамъ ранѣе капиталовъ идетъ теперь не столько на расплату за ввозъ—какъ это было раньше—сколько на покупку обязательствъ внутреннихъ займовъ. Даже эти находящіеся за границей капиталы, по мѣрѣ ихъ «созрѣванія», т.-е. по мѣрѣ наступленія конца срочныхъ займовъ, заключенныхъ на лондонскомъ денежномъ рынкѣ иностранными корпораціями и предпріятіями, начинаютъ стягиваться Англіей назадъ для финансированія войны.

Это изсушеніе источниковъ расплаты за ввозъ при наличности крупнаго увеличенія въ суммѣ импорта создаетъ полную противорѣчій картину—картину безусловнаго несоотвѣтствія между реальной покупательной способностью страны, выраженною въ ея производительности, ея свободныхъ для помѣщенія за границей капиталахъ, доходности прежнихъ «помѣщеній» и въ оказываемыхъ ею услугахъ,—съ одной стороны, и фактическимъ спросомъ частнаго и государственнаго потребленія—съ другой. Иначе говоря, нормальный торговый балансъ оказывается нарушеннымъ, и Англія начинаетъ накапливать колоссальные—достигающіе по авторитетнымъ вычисленіямъ 613 милліоновъ ф. ст. въ годъ—долги для будущей расплаты за теперешнее потребленіе.

Такого рода катастрофическій торговый балансъ въ состояніи не только породить безпокойство за *экономическое будущее* націи, но и вызвать острую тревогу за *военное настоящее* ея. Дѣло въ томъ, что специфическіе источники, откуда государство только и можетъ черпать средства для подкрѣпленія своей кредитоспособности при неблагопріятномъ торговомъ балансѣ, въ Англіи не такъ ужъ и велики. Правда, ея «національный капиталъ» опредѣленъ въ 10—15 милліардовъ ф. ст.—цифра, передъ которой стушевываются суммы и годичнаго прироста въ задолженности страны, и даже ежегодныхъ военныхъ издержекъ. Но, не говоря уже о томъ, что «фондъ капитальныхъ рессурсовъ, пригодныхъ для обращенія на военныя нужды, много меньше національнаго капитала по объему»,—какъ на это указываетъ проф. Пигу—въ силу того, что «въ большей своей части онъ состоитъ изъ такихъ предметовъ, какъ земля страны, жилыя по-

---

англійскаго капитала за границей и требуетъ своего согласія и на возобновленіе всякихъ, хотя бы кратковременныхъ, займовъ, заключенныхъ въ Лондонѣ, „иностранными правительствами, корпораціями, желѣзными дорогами и др. предпріятіями". Въ декабрѣ министерство финансовъ провело черезъ парламентъ билль, уполномачивающій его скупать либо брать въ займы для манипулированія на американскомъ денежномъ рынкѣ всѣ находящіяся въ Англіи цѣнныя бумаги промышленныхъ, торговыхъ и иныхъ предпріятій Соединенныхъ Штатовъ.

стройки, желѣзныя дороги, резервуары и т. д. [1])—задача погашенія задолженности или, что то же, поддержанія кредитоспособности, гораздо сложнѣе утилизаціи пригодныхъ для реализаціи капитальныхъ запасовъ. «Наша задача совершенно иная,—справедливо отмѣчаетъ органъ, за финансовыми статьями котораго въ Англіи слѣдятъ съ возрастающимъ вниманіемъ.—Она состоитъ въ томъ, будемъ ли мы... въ состояніи продолжать покупать за границей пищевые припасы, аммуницію и т. п., которые мы и наши союзники должны имѣть во что бы то ни стало. Для разрѣшенія этой проблемы недостаточно финансовыхъ увертокъ. Мы можемъ занять внутри страны въ двадцать разъ больше, мы можемъ обложить себя на суммы, въ двадцать разъ превышающія нынѣшніе налоги. Все это не доставитъ намъ ни единаго доллара для расплаты съ нашими американскими кредиторами» [2]). Такая расплата требуетъ средствъ, которыя были бы цѣнны въ глазахъ не только Англіи, но и ея поставщиковъ. Этихъ же средствъ далеко не много. Главный кредиторъ страны, Соединенные Штаты, въ свою очередь, «долженъ» ей, но размѣръ этого «долга», т.-е. сумма помѣщеннаго въ американскихъ предпріятіяхъ англійскаго капитала, едва превышаетъ годичный приростъ англійской задолженности, равняясь всего 688.100.000 ф. ст. Въ Аргентинѣ, откуда въ Англію поступаетъ мясо и зерно, тоже имѣется резервъ англійскаго капитала, но опять-таки всего лишь на 269.800.000 ф. ст. Конечно, кредитоспособность Англіи больше, чѣмъ можно судить по этимъ цифрамъ. Кредитъ, однако, отличается способностью падать въ геометрической прогрессіи по мѣрѣ истощенія платежныхъ силъ должника. Фактъ же подъема въ общемъ благополучія вноситъ въ положеніе вещей еще дополнительный неблагопріятный моментъ. Въ то время, какъ государство реализуетъ всѣ поддающіеся превращенію въ текучій капиталъ рессурсы страны для расплаты со своими поставщиками и поддержанія своей кредитоспособности, оно встрѣчаетъ на внѣшнемъ рынкѣ соперничество значительно возросшаго личнаго потребленія. Стоимость покупаемыхъ имъ продуктовъ благодаря этому поднимается, а отсутствіе или недостатокъ иныхъ средствъ расплаты, кромѣ кредита, вызываетъ неблагопріятный денежный курсъ, создающій необходимость въ особыхъ мѣрахъ для его улучшенія. Оно вынуждено, такимъ образомъ, реализовать дополнительные рессурсы и для расплаты за ускользающій изъ-подъ его контроля общій импортъ, что

---

[1]) „Sources and Methods of paying for War“ by A. C. Pigou, Contemporary Review, декабрь 1915, стр. 710.

[2]) „The British Empire's Financial Task“ „The Round Table“, декабрь 1915, стр. 36.

обусловливаетъ положеніе, при которомъ живетъ на капиталъ, служащій опорой англійской кредитоспособности, не только государство, но и все населеніе въ частномъ своемъ обиходѣ.

До выявленія такого значенія для страны роста ея задолженности задача всесторонней и экономной реорганизаціи ея народнаго хозяйства была въ Англіи несравненно менѣе настоятельной, чѣмъ въ Германіи, отброшенной англійскимъ флотомъ на свои собственные, явно недостаточные рессурсы. Но съ возникновеніемъ вопроса о поддержаніи нормальнаго торговаго баланса и передъ Англіей выросла жгучая потребность въ немедленной цѣлесообразной перестройкѣ ея хозяйственнаго быта примѣнительно къ выяснившемуся военно-экономическому положенію страны. Если еще въ серединѣ 1915 г. можно было слышать утвержденія, что «не только въ военныхъ операціяхъ, но и въ торговлѣ и въ финансахъ мы, къ изумленію и друга и врага, удержали свои позиціи, и, что особенно замѣчательно, все это достигнуто нами цѣной совсѣмъ незначительныхъ усилій и жертвъ [1]), то въ концѣ года это положеніе стало оцѣниваться иначе: Англія «попала въ крайне опасное положеніе—говорилъ, напр. министръ колоній, Бонаръ Лоу, въ палатѣ общинъ 19 ноября 1915 г.—По всей странѣ разливается широкой рѣкой фиктивное процвѣтаніе, и, вмѣсто того, чтобы приносить жертвы, населеніе оказывается, въ дѣйствительности, въ лучшемъ положеніи, чѣмъ когда бы то ни было». И слова этого консервативнаго дѣятеля находятъ сочувственный отзвукъ въ томъ лагерѣ, гдѣ обычно наблюдается рѣзко критическое отношеніе и къ консервативнымъ и къ либеральнымъ идеямъ. «Нынѣшнее индустріальное процвѣтаніе—читаемъ мы въ статьѣ рабочаго коммонера Снаудена—искусственно и иллюзорно... Мы находимся на положеніи мота, который заложилъ свою собственность и достигаетъ тѣмъ, съ кѣмъ онъ прогуливаетъ свое состояніе, весьма пріятнаго времяпрепровожденія до тѣхъ поръ, покуда не уплыветъ послѣдній грошъ» [2]). Соотвѣтственно этому діагнозу, кабинетомъ назначенъ цѣлый рядъ особыхъ комитетовъ и комиссій для разработки конкретныхъ мѣръ борьбы съ тенденціей «жить не по средствамъ» или—какъ эта тенденція была опредѣлена однимъ публицистомъ—со стремленіемъ «сжечь домъ, чтобы на пожарищѣ изготовить жирную свиную тушу». Въ результатѣ же этихъ мѣръ въ общественно-экономическомъ быту Англіи отчасти произошла, отчасти только намѣтилась существенная сдвижка по нѣсколькимъ направле-

---

[1]) „British War Finance", by W. R. Lawson, Лондонъ, 1915, стр. 2.

[2]) „Some Economic Aspects of the War" by P. Snowden, M. P., Socialist Review, ноябрь—декабрь 1915, стр. 748.

ніямъ, придающая этому быту новыя формы. А вся соціальная жизнь страны стала развиваться подъ знакомъ экономіи—экономіи въ потребленіи, экономіи въ утилизаціи хозяйственныхъ рессурсовъ и экономіи въ рабочей энергіи.

II.

На первый планъ общественной жизни Англіи съ постановкой проблемы поддержанія нормальнаго торговаго баланса оказалась выдвинутой необходимость самой широкой экономіи въ личныхъ тратахъ населенія—экономіи, которая была бы въ состояніи сократить частный спросъ на привозные и туземные продукты и тѣмъ самымъ ослабить остроту стоящей передъ государствомъ задачи финансированія войны. Потребность страны въ бережливости тѣмъ ощутительнѣе, что англійскій образъ жизни поддается существеннымъ ограниченіямъ въ смыслѣ тратъ, что нація, дѣйствительно, въ старомодномъ значеніи этого слова «a thriftless people» (небережливый народъ), какъ нерѣдко приходится слышать отъ самихъ англичанъ характеристику этой черты ихъ повседневнаго обихода.

Было бы, конечно, безусловно неосновательнымъ противопоставлять англійскую «расточительность» въ личной жизни «экономности» французскаго крестьянина, чей «чулокъ», изъ котораго въ критическій моментъ французской исторіи появляются на свѣтъ Божій въ неожиданномъ числѣ луидоры—что принадлежитъ въ значительной мѣрѣ къ области легендъ. Здравая общественная экономія требуетъ даже въ военное время не бережливости во что бы то ни стало, а достаточнаго и разнообразнаго удовлетворенія всѣхъ потребностей человѣческаго организма, такъ какъ только соблюденіе этого требованія въ состояніи обезпечить странѣ ту мѣру дѣеспособности, безъ которой немыслимъ и военный успѣхъ. Въ Англіи справедливо пользуется, поэтому, значительной популярностью взглядъ, что «если для рабочаго и можетъ быть здравой экономіей урѣзываніе себя въ жилищныхъ условіяхъ, въ питаніи, одеждѣ, воспитаніи дѣтей или полезныхъ развлеченіяхъ, съ цѣлью избѣжать еще худшихъ урѣзываній при какомъ-нибудь непредвидѣнномъ, но вѣроятномъ несчастіи», то для общества въ цѣломъ «это совершенно неразумная экономія, связанная съ тяжкими потерями въ общественномъ благополучіи [1])».

Но, въ общемъ, вѣрно, что здѣсь потребленіе развито въ большей степени, чѣмъ гдѣ бы то ни было. 60 милліоновъ нѣмцевъ, если вѣ-

---

[1]) John Hobson, „Work and Wealth“, a human valuation. Лондонъ 1914, стр. 105.

рить Гельффериху, при ежегодномъ «національномъ доходѣ» въ 1.960 милліоновъ ф. ст., въ мирное время накапливаютъ «свободныхъ капиталовъ» на 400 милліоновъ. Англія же, располагающая для 46 милліоннаго населенія 2.150 милліонами дохода, «сберегаетъ» ежегодно всего 350 милліоновъ. Иначе говоря, процессъ непосредственнаго потребленія здѣсь отнимаетъ гораздо большую долю продуктовъ народнаго хозяйства, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ Германіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, природа хозяйственнаго быта и порожденная ею система распредѣленія народнаго богатства превращаетъ крупную пропорцію частнаго потребленія въ потребленіе предметовъ относительной или безусловной роскоши, отказъ отъ котораго не наноситъ существеннаго ущерба физическому и моральному благополучію населенія. И въ обстановкѣ міроваго конфликта, диктующаго максимальное напряженіе экономическихъ силъ страны для обезпеченія военнаго успѣха и въ то же время вызывающаго небывалый подъемъ въ общемъ благосостояніи, эта наличность въ англійскомъ быту крупнаго элемента «расточительности» превращается изъ сравнительно мало ощутимаго въ обыденное время зла общественно-экономической жизни въ рѣзко отрицательный фактъ. Она приводитъ къ тому повышенію частнаго потребленія, какое подрываетъ экономическія силы государства. Вполнѣ естественно, потому, что и государственная и общественная инициатива направлены теперь въ Англіи, съ одной стороны, на принудительную прививку населенію духа тщательной бережливости, а съ другой—на воспитаніе его въ этомъ же духѣ.

Формы и размѣръ частнаго потребленія всегда самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ особенностями хозяйственнаго быта и, безъ соотвѣтствующихъ предварительныхъ реформъ въ этомъ бытѣ либо по меньшей мѣрѣ безъ неизбѣжныхъ кардинальныхъ послѣдствій въ немъ, немыслимо измѣнить въ требующейся степени общественные и личные навыки. Въ своей публичной лекціи въ King's College (лондонскій университетъ) извѣстный англійскій соціологъ, проф. Юрвинъ, опредѣлилъ стоящую передъ Англіей задачу, какъ «перевоплощеніе нашего образа жизни и всей соціально-экономической системы, которой поддерживается существованіе, наполненное исключительно досугомъ, роскошью, развлеченіями и расточительностью и являющееся паразитическимъ наростомъ на нашей индустріальной цивилизаціи». Точно такъ же формулирована была эта задача и выдающимся рабочимъ коммонеромъ, В. Андерсономъ. «Всякая экономія цѣнна—писалъ онъ—но реальная задача, стоящая передъ нами, заключается, въ виду финансовыхъ затрудненій, въ томъ, чтобы свести національную и личную жизнь къ простѣйшимъ формамъ и изгнать изъ обихода вредные

анти-общественные факторы расточительности [1])». Изъ этого не слѣдуетъ, что вопросъ о пониженіи покупательной способности разрѣшается путемъ прямого воздѣйствія со стороны государства на основы экономическаго режима современной Англіи. Напротивъ, такъ какъ ближайшей цѣлью, которую преслѣдуетъ и государственная и общественная иниціатива, является возможно большее сокращеніе потребленія при возможно меньшей затратѣ силъ на обезпеченіе этого сокращенія, то колоссальная задача непосредственной перестройки всего экономическаго и общественнаго зданія отводится въ сторону. Принудительное сокращеніе покупательной способности путемъ налоговой политики, спеціально направленной противъ расточительн хъ тратъ, и добровольный отказъ отъ непосредственнаго потреблен , широко проповѣдуемый и прессой, и парламентомъ, и особыми организаціями—исчерпываютъ въ настоящее время все то, что здѣсь дѣлается для разрѣшенія даннаго вопроса. Но тѣсная связь между формами и размѣромъ потребленія, съ одной стороны, и характеромъ хозяйственнаго быта—съ другой, превращаютъ всякія мѣры добровольной или принудительной экономіи въ факторы, и прямо и косвенно вводящіе, пропорціонально своей дѣеспособности, существенныя перемѣны въ этотъ бытъ.

Новые налоги, проведенные въ концѣ года бюджетомъ 1915—16 г.г., являются, прежде всего, такого рода факторами, такъ какъ они представляютъ собой, по существу говоря, своеобразные «законы противъ роскоши» (sumptuary laws), въ добавокъ къ своему обычному характеру, какъ источниковъ государственнаго дохода. Съ точки зрѣнія погашенія военныхъ издержекъ ихъ значеніе крайне мало: весь доходъ государства покрываетъ, даже послѣ введенія новаго обложенія, всего $19,_1$% «военнаго счета», т.-е. стоимость едва двухъ мѣсяцевъ войны, тогда какъ въ бурскую войну имъ покрывалось 32,0%, а въ наполеоновскія войны 47,0% всѣхъ военныхъ издержекъ. Особенно это справедливо по отношенію къ нѣкоторымъ новымъ налогамъ, каковы, напр., таможенныя ставки на импортируемые автомобили, кинематографическія ленты, музыкальные инструменты, часы и зеркальныя стекла. Поступленія съ этихъ ставокъ ожидаются въ размѣрѣ только 1.950.000 ф. ст.—такъ, что ихъ роль въ полуторамилліардномъ бюджетѣ безусловно ничтожна. Зато несомнѣнно вліяніе обложенія этихъ статей импорта—предметовъ относительной роскоши—въ смыслѣ тормозовъ для потребленія. Именно значеніе «законовъ противъ роскоши» имъ и приписывалось коалиціоннымъ кабинетомъ. На прямой вопросъ лидера

---

[1]) „Labour and Economy“ by W. C. Anderson, M. P. „The Daily News“, №-ръ отъ 1-го декабря 1915.

фритредеровъ въ палатѣ общинъ, сэра Монда—не являются ли новыя таможенныя пошлины «пошлинами на роскошь»—авторъ бюджета, Макъ Кенна, отвѣтилъ утвердительно. Если же подойти къ нынѣшней налоговой политикѣ государства въ Англіи съ этой стороны, то нельзя не отмѣтить, что новое обложеніе играетъ важную роль въ качествѣ рычага для урегулированія частнаго потребленія.

Прежде всего, въ бюджетѣ на 1915—16 финансовый годъ проведено пониженіе съ 160 ф. ст. до 120 ф. ст. цифры минимальнаго дохода, съ котораго начинаетъ взиматься прогрессивно-подоходный налогъ. Масса населенія, ранѣе не подпадавшая подъ дѣйствіе этого налога, въ силу этого вынуждена пересмотрѣть и урѣзать свои расходныя статьи. Затѣмъ, не менѣе велико въ смыслѣ сокращенія частнаго потребленія и серьезное увеличеніе ставокъ, въ какихъ по бюджету прогрессивно-подоходный налогъ взимается съ крупныхъ доходовъ. Обладатель стотысячнаго дохода, выплачивавшій до войны всего 8.750 ф. ст., по новому обложенію обязанъ уже передавать государству 35 тысячъ, т.-е. свыше трети своего дохода. Наконецъ, источники дополнительнаго или исключительнаго дохода, открывшіеся вмѣстѣ съ войной передъ особой группой населенія, передъ владѣльцами торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, существенно сокращены обложеніемъ «военныхъ прибылей» въ размѣрѣ 50% всякаго излишка ихъ, сверхъ суммы нормальной средней прибыли за два предшествовавшихъ «мирныхъ» года. Всѣ эти нововведенія вліяютъ на частное потребленіе въ опредѣленномъ направленіи: расходы, которые менѣе всего необходимы для физической или духовной дѣеспособности населенія, оказываются либо сокращенными, либо вовсе вычеркнутыми, путемъ обложенія, изъ бюджета налогоплательщиковъ. Особенно справедливо это, конечно, по отношенію къ увеличенію обложенія крупныхъ доходовъ и «чрезмѣрныхъ прибылей». Вмѣстѣ взятые, оба налога ослабляютъ значительно покупательную способность въ тѣхъ какъ разъ общественныхъ классахъ, откуда, вслѣдъ за увеличеніемъ дохода, исходитъ повышенный спросъ почти исключительно на предметы безусловной роскоши.

Въ томъ же направленіи сказывается и дѣйствіе косвеннаго обложенія, хотя, само собой, его вліяніе замѣтно въ сильной степени только среди рабочихъ потребителей. Повышеніе акциза на такіе продукты, какъ чай, кофе, какао, цикорій, сушеные фрукты—на 50 проц. и на сахаръ чуть ли не въ 500 проц. (съ 1 ш. 10 пенсовъ до 9 шилл. 4 пенсовъ за 100 фунтовъ) заставляетъ рабочую семью не столько сокращать потребленіе этихъ важныхъ въ ея обиходѣ продуктовъ, сколько экономить на чемъ-либо иномъ, менѣе существенномъ для ея физическаго благополучія. О таможенныхъ ставкахъ въ 33$^1/_3$ проц.

объявленной цѣнности ввозимыхъ товаровъ—явно расчитанныхъ на удовлетвореніе «второстепенныхъ» потребностей, потребностей въ относительной роскоши—и говорить не приходится. Ихъ роль, такъ сказать, самоочевидна.

Какъ, однако, ни велико безотносительно сокращеніе въ частномъ потребленіи, обусловливаемое такого рода налоговой политикой, оно не разрѣшаетъ вполнѣ стоящую передъ Англіей задачу. Несмотря на огромные размѣры введеннаго бюджетомъ обложенія, общая оцѣнка его сводилась къ признанію его недостаточности. Правительство «не ввело налоговъ, которые въ состояніи были бы обезпечить нужное сокращеніе въ частномъ потребленіи—[1])» такова была эта оцѣнка, Относительно слабая реакція обложенія на «образъ жизни» побудила и коалиціонный кабинетъ разсматривать это обложеніе въ качествѣ только подготовительнаго шага. «Многіе члены парламента полагаютъ—говорилъ, напр., товарищъ министра финансовъ въ палатѣ общинъ 13-го ноября,—что мой досточтимый другъ (т.-е. Макъ Кенна, министръ финансовъ) не былъ достаточно суровъ въ своемъ новомъ обложеніи. Я думаю, что ему позволительно указать на свою, выполняемую послѣдовательно и настойчиво, цѣль—подготовить населеніе къ несравненно бо́льшимъ налогамъ въ ближайшемъ же будущемъ» [2]).

Но даже и при относительно слабомъ сокращеніи частнаго потребленія, мѣры новаго обложенія вызвали въ общественно-экономическомъ быту Англіи глубоко-принципіальныя перемѣны, либо, по крайней мѣрѣ, достаточно рельефно намѣтили ихъ.

Начать съ того, что налоговая политика государства здѣсь построена бюджетомъ 1915—16 года больше, чѣмъ когда-либо раньше, на прямомъ обложеніи населенія. Изъ дополнительныхъ, новыхъ налоговъ на долю прямыхъ приходится 72,9 проц. Благодаря этому, пропорція косвенныхъ налоговъ, понижавшаяся вообще въ Англіи съ 1891—1892 финансоваго года и достигшая въ послѣдней мирной росписи (на 1914—15 годъ) 43,3 проц. всѣхъ налоговыхъ поступленій, въ нынѣшнемъ бюджетѣ составляетъ только 39,0 проц. Иными словами, несмотря на войну, обычно сопровождающуюся непропорціональнымъ ростомъ косвеннаго обложенія, доля потребителя, на котораго главной своей тяжестью и ложится такое обложеніе, сокращается, а доля имущихъ разрядовъ возрастаетъ—фактъ, который «будетъ», по выраженію товарища министра финансовъ, «чреватъ въ мирное время... не только дальнѣйшими крупными перемѣнами, *но и возможнымъ*

---

1) „You begin first", Nation, № отъ 27-го ноября 1915 г., стр. 314.

2) Parliamentary Debates, vol. 74, col. 1330.

исчезновеніемъ большей части существующаго косвеннаго обложенія». Если бы дѣло ограничивалось только этой перспективой отказа отъ косвеннаго обложенія, то и въ этомъ случаѣ общественный смыслъ установившейся теперь тенденціи англійской налоговой политики былъ бы немаловаженъ. Но пропорціональное ослабленіе бремени косвенныхъ налоговъ дѣлаетъ главнымъ плательщикомъ по военнымъ займамъ государства, уже и теперь требующимъ выплату ежегодно 78 милліоновъ ф. ст. въ качествѣ процентовъ, какъ разъ тѣ классы общества, къ которымъ и будутъ поступать проценты по этимъ займамъ. Такое положеніе вещей ослабляетъ отрицательную сторону увеличенія государственнаго долга, усиленіе политической и экономической мощи класса рантье, такъ какъ по крайней мѣрѣ частично военные займы пріобрѣтаютъ форму прикрытой «конскрипціи богатства», т.-е. привлеченіе капиталовъ на принудительную службу странѣ, а не созданія для этихъ капиталовъ новой выгодной области быстрой наживы.

Еще болѣе важная въ принципіальномъ отношеніи перемѣна вносится въ общественно-экономическій бытъ Англіи обложеніемъ «чрезмѣрныхъ прибылей». Если, въ качествѣ тормоза, регулирующаго приростъ покупательной способности имущихъ классовъ, роль этого обложенія пропорціональна его размѣрамъ, и потому сравнительно невелика, такъ какъ казначейству достается всего только половина излишка прибылей, то идея, лежащая въ его основѣ, представляетъ собой цѣлую революцію и въ финансовыхъ навыкахъ государства, и въ общественно-экономической жизни страны. До сихъ поръ ни одинъ министръ финансовъ въ Англіи не прибѣгалъ къ такого рода «подкапыванью подъ устои» капиталистической системы народнаго хозяйства, какъ выраженное въ этомъ обложеніи отрицаніе за капиталомъ безусловнаго права на его долю въ распредѣленіи общественнаго богатства. Правда, здѣсь, въ Англіи, дѣйствуетъ прогрессивно-подоходный налогъ, который взимается и съ дивидендовъ торгово-промышленныхъ предпріятій. Но при этомъ государство не лишаетъ права этихъ гражданъ на новую прибавочную стоимость; оно лишь требуетъ отъ нихъ, какъ и отъ остальныхъ гражданъ, и на равныхъ съ этими послѣдними основаніяхъ, извѣстныхъ жертвъ въ пользу государственнаго союза. Обложеніе же «чрезмѣрныхъ прибылей» отличается совершенно инымъ характеромъ. Устанавливая его, государство впервые опредѣленно указываетъ границы, за которыми прибавочная стоимость становится «чрезмѣрной», т.-е. недопустимой съ общественной точки зрѣнія и подлежащей частичному или полному отчужденію въ пользу общества. И, отчуждая этотъ избытокъ прибылей, оно дѣлаетъ это не по отношенію къ доходу какого-либо лица, а съ общей суммы именно прибавочнаго дохода предпріятія. Добавьте же, что здѣсь рѣчь идетъ не

о прибыляхъ «контролируемыхъ предпріятій», т.-е. предпріятій, въ которыхъ прибавочный доходъ образуется въ результатѣ особо-напряженной работы по требованію военной необходимости и съ участіемъ государства, организующаго планомѣрное производство аммуниціи. Въ такихъ предпріятіяхъ «чрезмѣрная прибыль», на одну пятую превышающая нормальный размѣръ ея, поступаетъ въ казначейство точно такимъ же порядкомъ, какъ и «прибыль» почты, телеграфа или другихъ государственныхъ учрежденій. Обложеніе, напротивъ, распространяется на *частныя* предпріятія, не подлежащія ни въ какой мѣрѣ прямому контролю со стороны государства или его органовъ. Такимъ образомъ, «табу», которымъ въ капиталистическомъ строѣ ограждена неприкосновенность источниковъ вознагражденія капитала, отнынѣ исчезаетъ изъ англійскаго обихода. Понятно, что такая отмѣна одного изъ прочнѣйшихъ устоевъ капитализма, какъ и всякая отмѣна основъ господства опредѣленнаго класса, за-живо задѣваетъ интересы этого класса и не можетъ не вызвать протестовъ противъ «опаснаго эксперимента». Крупный торговецъ чаемъ, коммонеръ Лоуфъ, явился въ палатѣ общинъ выразителемъ такихъ протестовъ, подчеркнувъ, что въ промышленныхъ кругахъ неудовольствіе вызываетъ не размѣръ обложенія, а исходный принципъ его.

III.

Только-что отмѣченныя перемѣны въ общественномъ быту Англіи представляютъ собою лишь побочный, хотя и весьма знаменательный, результатъ мѣръ, предназначенныхъ для другой цѣли. Эта цѣль, поскольку рѣчь идетъ о сокращеніи частнаго потребленія, какъ было сказано, пока-что не достигнута въ требующейся степени съ помощью мѣропріятій одной принудительной экономіи. Вниманіе государственной и частной иниціативы обращено поэтому въ Англіи и на другой методъ уменьшенія покупательной способности населенія,—на добровольный отказъ съ его стороны отъ потребленія, на воспитаніе въ націи духа бережливости на-ряду съ «прививкой» ей такого духа.

Въ парламентѣ еще въ послѣднюю четверть 1915 года сорганизовался особый комитетъ для пропагандированія идеи экономіи въ военное время (Parliamentary War Savings Committee), который разсылаетъ по всей Англіи брошюры и листки, дающіе конкретныя указанія, на чемъ и какъ слѣдуетъ экономить, устраиваетъ лекціи на ту же тему, сопровождающіяся опытными демонстраціями наиболѣе бережливаго употребленія пищевыхъ продуктовъ и т. д. Казначей-

ство, въ свою очередь, создало комитетъ для разработки мѣръ общественной и государственной экономіи (Treasury Committee on War Economy или, иначе, Retrenchment Committee) [1]. Свойственная же англійскому быту развитая общественная иниціатива дала толчекъ развитію «кампаніи въ пользу бережливости» въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ.

Наиболѣе часто встрѣчающееся проявленіе кампаніи выражается въ опубликованіи воззваній къ населенію различными, пользующимися авторитетомъ, организаціями. Таковъ «манифестъ банкировъ», выпущенный 23 декабря 1915 г. «Никто не можетъ представить себѣ обширность стоящей передъ націей задачи—писала въ этомъ манифестѣ группа вліятельныхъ банкировъ и финансистовъ — не почувствовавъ остро, что эта задача требуетъ напряженнаго сотрудничества каждаго въ странѣ—мужчины и женщины, юноши и дѣвушки. Энергія націи должна быть цѣликомъ сосредоточена на производствѣ дѣйствительно существенныхъ предметовъ; производству всего несущественнаго не должно быть вовсе мѣста. Болѣе того, націи не только слѣдуетъ избѣгать потребленія всего, что не является абсолютно необходимымъ, но она должна сократить и потребленіе всего необходимаго до предѣловъ, переступить которые нельзя, не нарушивъ своей дѣеспособности». Таковы также и аналогичныя воззванія, разсылающіяся многочисленными мѣстными организаціями, мэрами и городскими управленіями и т. д., и т. д. При этомъ на устной и печатной пропагандѣ дѣло не останавливается, а дѣлаются и шаги къ превращенію «кампаніи въ пользу бережливости» въ практическую организацію бережливости.

Въ Бирмингэмѣ, напр., въ настоящее время функціонируетъ спеціальное «сберегательное товарищество», явившееся плодомъ этой практической организаціи бережливости по общественной инпціативѣ.

---

[1]) Во время войны, вообще, контроль казначейства за расходами „боевыхъ“ департаментовъ серьезно ослабѣваетъ, что нерѣдко приводитъ къ возникновенію „Панамъ“. Въ бурскую войну, напр., какъ это нашла особая, закончившая свои работы въ 1905 году парламентская комиссія съ генераломъ Бутлеромъ во главѣ, переплаты на заказахъ достигали 100 милліоновъ ф. ст. Въ нынѣшнюю войну Англія еще не знавала „Панамъ“, хотя разоблаченная „Daily Chronicle“ въ февралѣ 1915 г. скандальная исторія съ поставкой военному министерству дерева и подвела страну очень близко къ этимъ печальнымъ отзвукамъ войны. Что государственные расходы поддаются значительнымъ сокращеніямъ, слѣдуетъ изъ того, что Ллойдъ-Джорджъ, ставъ во главѣ министерства аммуниціи, въ состояніи былъ добиться пониженія стоимости ядеръ для 18-дюймовыхъ пушекъ на 40% и для 4,5 дюймовыхъ мортиръ—на 30% по сравненію съ тѣмъ, что за нихъ платило ранѣе военное министерство.

Здѣсь съ самаго начала войны существовалъ «гражданскій комитетъ» (Citizen's Committee), задачей котораго была координація всѣхъ муниципальныхъ и корпоративныхъ формъ обезпеченія населенія. Когда же остро возникъ вопросъ объ экономіи, комитетъ немедленно взялся за практическую разработку плана рѣшительной «кампаніи въ пользу бережливости»—его-то идеей и было учрежденіе на кооперативныхъ началахъ сберегательнаго товарищества, въ качествѣ центральной оси такой кампаніи. Первымъ шагомъ иниціаторовъ дѣла былъ выпускъ въ концѣ 1915 года листка, разъяснявшаго цѣли новой сберегательной кассы и проповѣдывавшаго бережливость. «Почему нужно сберегать даже пенни?»—спрашивалось въ листкѣ — «Потому, слѣдовалъ отвѣтъ, что каждое сбереженное пенни помогаетъ вамъ и вашей странѣ; каждое же пенни, израсходованное безполезно, идетъ на пользу врагу». «Сберегайте средства теперь—говорилось въ воззваніи дальше—потомъ они пригодятся. Одни могутъ служить своей странѣ, сражаясь; другіе въ состояніи оказывать ей услуги, работая; всѣ же въ силахъ служить ей, *экономя*». А когда печатная пропаганда подготовила почву для дальнѣйшихъ операцій, комитетъ организовалъ еженедѣльный обходъ всѣхъ квартиръ города для личнаго сбора сбереженій и помѣщенія ихъ въ товарищескую кассу. Бирмингэмъ вообще извѣстенъ въ Англіи тѣмъ, что англичане называютъ «мѣстнымъ патріотизмомъ» — развитымъ чувствомъ общественности, побуждающимъ гражданъ города находить новыя и разнообразныя формы широкой общественной самодѣятельности, а особенно — «не отставать» ни въ чемъ отъ сосѣдей [1]). Но въ «кампаніи въ пользу бережливости» не менѣе энергичны и другіе города и округи. Изъ массы конкретныхъ эпизодовъ, порожденныхъ въ этой кампаніи такой энергичной активностью, отмѣтимъ еще постановленіе конференціи «союза британскихъ сталелитейщиковъ» (British Steel Smelters Association), состоявшееся въ Свонси. Конференція разсматривала вопросъ о продленіи рабочаго времени на 24 часа въ недѣлю и пришла къ заключенію, что большая часть обусловленнаго этимъ продленіемъ

---

[1]) Покойный Джозефъ Чэмберлэнъ былъ въ этомъ отношеніи типичнымъ бирмингэмцемъ, что особенно содѣйствовало его популярности въ его родномъ городѣ. Разсказываютъ, что во время пребыванія у власти уніонистовъ лордъ (тогда еще просто „мистеръ") Холденъ просилъ у Чэмберлэна поддержки для разработаннаго имъ проекта открытія въ Манчестерѣ университета. „Все это очень хорошо, отвѣтилъ Чэмберлэнъ, но вѣдь существуетъ и Бирмингэмъ". И не прошло и года, какъ Бирмингэмъ торжественно открылъ нежданно-негаданно „свой" университетъ, опередивъ „хлопковую столицу" — Cottonpolis, какъ англичане нерѣдко называютъ Манчестеръ.

заработка должна сберегаться въ интересахъ и финансовой устойчивости страны, и реальнаго благополучія самихъ рабочихъ. Поэтому созванное уже спеціально совѣщаніе постановило открыть при каждомъ сталелитейномъ заводѣ отдѣленіе почтовой сберегательной кассы и уполномочить предпринимателей на вычетъ изъ заработка каждаго рабочаго отъ 2 до 10 шилл. въ недѣлю для помѣщенія на книжку этого рабочаго.

Въ свою очередь и кабинетъ предпринялъ шаги къ облегченію условій помѣщенія мелкихъ сбереженій. Еще въ іюлѣ, при заключеніи крупнаго займа имъ была сдѣлана попытка въ этомъ направленіи, вызванная, правда, скорѣй стремленіемъ обезпечить возможно полнѣе успѣхъ займа, но приводящая къ частичному отвлеченію отъ общаго торговаго оборота тѣхъ незначительныхъ, если ихъ брать въ отдѣльности, а въ общей массѣ сравнительно крупныхъ средствъ, какія общее процвѣтаніе дало рабочему потребителю. Объявляя подписку на заемъ, министръ финансовъ, кромѣ обычныхъ крупныхъ свидѣтельствъ доступныхъ только людямъ состоятельнымъ, выпустилъ также и мелкія свидѣтельства въ 5 ф. ст., при чемъ покупка ихъ могла производиться и въ разсрочку: въ почтовыхъ конторахъ и нѣкоторыхъ банкахъ продавались въ теченіе опредѣленнаго времени 5-шиллинговые купоны (vouchers). Частичный неуспѣхъ этой «смѣлой», «изобрѣтательной» и «новой» (какъ ее назвала пресса) попытки [1]), объяснявшійся нежеланіемъ рабочихъ вкладывать свои деньги въ бумаги, которыя не могутъ быть реализованы по номинальной цѣнѣ ранѣе 1925 года, побудилъ министра прибѣгнуть къ иному методу «уловленія мелкаго вкладчика» (fishing out of the small investor, какъ красочно характеризуютъ этотъ процессъ англичане). Тѣ же пятифунтовыя обязательства будутъ выпускаться теперь на условіи, что почтовыя конторы уполномочены покупать ихъ въ любое время по номинальной цѣнѣ, но что проценты по этимъ обязательствамъ, не высчитываемые вовсе въ первое полугодіе, будутъ уплачиваться въ прогрессивно увеличивающемся размѣрѣ (не свыше $4^1/_2{}^0/_0$, какъ максимумъ), въ зависимости отъ продолжительности пребыванія ихъ на рукахъ. Кромѣ того, съ 1-го января 1916 года уже не существуетъ ограниченій въ пользованіи государственными сберегательными кассами (запрещеніе имѣть по книжкѣ болѣе 200 ф. ст., либо вносить въ кассу за годъ свыше 50 ф. ст.), серьезно мѣшавшими широкой утилизаціи этихъ кассъ.

Въ довершеніе всего, коалиціонный кабинетъ попытался объеди-

---

[1]) Пятифунтовыя обязательства дали всего 5 милліоновъ ф. ст., вмѣсто ожидавшихся 20—25 милліоновъ.

нить общественную и государственную инициативу, предложивъ черезъ особый «Совѣщательный комитетъ по военному производству» (состоящій изъ делегатовъ трэдъ-юніоновъ) дѣятелямъ англійскаго рабочаго движенія—трэдъ-юніонистамъ, членамъ соціалистическихъ партій и парламентской рабочей партіи—созвать на 1-ое декабря спеціальную конференцію для совмѣстнаго обсужденія вопроса объ экономіи. На этой конференціи выступали самъ премьеръ, министръ финансовъ Макъ Кенна и министръ торговли Рэнсимэнъ, съ разъясненіемъ мотивовъ, побуждающихъ теперь правительство добиваться возможно большаго сокращенія въ частномъ потребленіи, и рѣчи ихъ, по постановленію конференціи, отпечатаны для распространенія среди организованныхъ рабочихъ.

Можно было бы, конечно, заранѣе ожидать, что подобная разносторонняя «кампанія въ пользу бережливости» принесетъ кой-какіе плоды. Она ихъ и дала, но только далеко не всегда и не во всемъ такого рода, какіе ожидались.

Кампанія велась среди всѣхъ слоевъ общества. Больше всего вниманія расходовалось, однако, на рабочую бережливость, такъ какъ казалось, что въ рабочемъ классѣ подъемъ благополучія очевиднѣе всего ведетъ къ чрезмѣрному, нераціональному потребленію, къ попыткамъ хотя бы разъ въ жизни заполнить свободнымъ расходованіемъ средствъ постоянную суровую экономію въ расходованіи каждаго гроша. И поскольку проповѣдь бережливости раздавалась по адресу рабочихъ, постольку отвѣтомъ на нее служило указаніе, что въ условіяхъ существованія англійскихъ рабочихъ даже при наличности процвѣтанія нѣтъ почвы для значительнаго, не сопряженнаго съ ущербомъ для физической дѣеспособности ихъ, сокращенія въ потребленіи. Въ большинствѣ случаевъ увеличеніе заработка обусловлено теперь главнымъ образомъ не повышеніемъ оплаты труда, а повышенной затратой энергіи. Такое же происхожденіе прироста покупательной способности рабочихъ мѣняетъ и вопросъ о характерѣ рабочаго потребленія. «За исключеніемъ оплаты труда особенно-умѣлыхъ рабочихъ—говоритъ, напр., секретарь «Женской кооперативной лиги» (Women's Co-operative League)—высокій заработокъ аммуниціонныхъ и другихъ «военныхъ» работниковъ является результатомъ длительныхъ сверхъурочныхъ работъ, повышенія интенсивности производства и работъ по праздникамъ... Продолжительное пребываніе на одномъ мѣстѣ и чрезмѣрное напряженіе силъ и вниманія еще усиливаются въ своемъ вредномъ вліяніи атмосферой помѣщеній, въ которыхъ одна смѣна рабочихъ слѣдуетъ за другой безъ перерывовъ, обычно позволявшихъ всесторонне провѣтрить фабрику хоть разъ въ недѣлю, гдѣ санитарныя удобства зачастую прямо-таки содѣйствуютъ распространенію болѣзней и гдѣ неизбѣжно приходится

пребывать подъ дѣйствіемъ чрезмѣрной жары или холода... Требуется ли непомѣрное напряженіе воображенія, чтобы представить себѣ, что для поддержанія при такихъ условіяхъ хотя бы частичной дѣеспособности безусловно нужны повышенные расходы на пищу, одежду и комфортъ?» [1]). Дѣло въ томъ, что по мѣрѣ интенсификаціи труда и ухудшенія его условій организму нуженъ для возстановленія затраченной энергіи притокъ непрерывно возрастающаго «топлива». Пища тяжело работающаго человѣка должна состоять изъ продуктовъ, особенно богатыхъ порождающими энергію веществами, и въ то же время не требующихъ для своего усвоенія особенной работы организма. Общеизвѣстное отсутствіе аппетита къ привычной пищѣ у сильно переутомленнаго человѣка служитъ симптомомъ, заставляющимъ ввести въ питаніе перемѣны, которыя были бы въ состояніи воздѣйствовать на вкусовыя ощущенія. А всякая перемѣна въ питаніи, особенно же замѣна тяжело перевариваюшейся пищи другой, быстро усваивающейся организмомъ, въ англійскихъ условіяхъ требуетъ повышенныхъ расходовъ [2]). Необходимъ англійскому рабочему теперь и добавочный комфортъ, такъ какъ чрезмѣрная затрата энергіи, нарушающая нормальный ходъ обмѣна веществъ, вызываетъ необычайное теплоизлученіе организма и дѣлаетъ его, поэтому, легко поддающимся заболѣваніямъ. Если, такимъ образомъ, англійскій рабочій зарабатываетъ во время войны больше обычнаго, то, для поддержанія собственной дѣеспособности, ему приходится и расходовать несравненно больше обычнаго. Это обстоятельство находитъ яркую иллюстрацію въ письмахъ съ мѣстъ, полученныхъ «Женской кооперативной лигой» отъ своихъ членовъ—наиболѣе интеллигентныхъ женъ рабочихъ. Въ одномъ изъ такихъ писемъ мы читаемъ, напр.: «во многихъ случаяхъ женщины разсказывали мнѣ о своихъ постоянныхъ стараніяхъ поддержать здоровье мужчинъ семьи и ихъ дѣеспособность, о возрастающихъ, поэтому, издержкахъ на покупку питательной пищи и даже лакомствъ, съ помощью которыхъ можно было бы заставить ихъ ѣсть. Я также знаю, какъ много тратится на лѣкарства—на рыбій жиръ, солодовые препараты и т. д.—съ той же цѣлью поддержать ихъ силы. Приходится расходовать больше и на одежду, особенно на теплое бѣлье, такъ какъ мужчины легче простужаются отъ продолжительной и безпрерывной работы».

Понятно, это не значитъ, что въ расходахъ населенія—не только

---

[1]) „Workers'Savings" by Margaret Llevely Davies, The Daily News №-ръ отъ 20-го декабря 1915 г.

[2]) Чтобы дать представленіе объ этой неизбѣжности тратъ, слѣдуетъ только указать, что въ Лондонѣ свѣжее яйцо стоитъ теперь отъ 3 до $3^1/_2$ пенсовъ каждое, т. е. отъ 12 до 14 копѣекъ по нормальному курсу.

населенія въ цѣломъ, но и рабочаго класса—нѣтъ абсолютно мѣста для экономіи. Очень часто дѣлаются указанія на огромные капиталы, составленные рабочими организаціями,—трэдъ-юніонами и кооперативами—какъ на доказательство того, что рабочій классъ располагаетъ возможностью экономить и, фактически, «сберегаетъ» крупныя суммы. Но такая экономія самымъ рѣшительнымъ образомъ отличается отъ того, что обычно понимается подъ бережливостью. Мѣсто *индивидуальной* бережливости занимаетъ въ быту англійскихъ рабочихъ бережливость *коллективная*. Наиболѣе приспособленныя къ первому типу бережливости средства пользуются среди рабочихъ сравнительно слабой популярностью. Въ государственныхъ сберегательныхъ кассахъ, напр., въ 1913 г. на долю каждаго вкладчика (среди которыхъ, помимо рабочихъ, не мало и представителей другихъ соціальныхъ группъ) приходилась всего 14 ф. ст. 3 ш. 9 п. или около 130 руб. [1]). Въ Англіи рабочій классъ выработалъ совершенно особую форму бережливости—такъ сказать, автоматическую бережливость въ процессѣ поддержанія коллективными силами своей соціально-экономической дѣеспособности. Наиболѣе простой примѣръ такого рода коллективной бережливости представляетъ собой англійская потребительная кооперація. Капиталъ всѣхъ кооперативныхъ обществъ Англіи, равняющійся 57 милліонамъ ф. ст., составился не путемъ «сбереженій», т.-е. отказа отъ потребленія со стороны его владѣльцевъ, участниковъ кооперативнаго движенія, а путемъ накапливанія части «дивидендовъ на покупку», т.-е. той чистой прибыли, которая распредѣляется среди членовъ потребительскихъ лавокъ или оставляется въ оборотѣ въ видѣ «акцій», пропорціонально суммѣ сдѣланныхъ ими покупокъ и которая достигаетъ ежегодно приблизительно 13 милліоновъ ф. ст. [2]). Эта коллективная бережливость питается, очевидно, въ процессѣ самого потребленія, въ процессѣ обезпеченія своей дѣеспособности. Точно также, и дѣлая взносъ въ кассу профессіональнаго союза, рабочій не столько сберегаетъ данную сумму для будущаго потребленія въ ущербъ потребленію текущему (это справедливо отчасти только по отношенію къ взносамъ на составленіе пособій безработицы и т. п.), сколько немедленно гарантируетъ себѣ неизмѣнный уровень потребительной способности въ формѣ защиты оплаты его труда сильнымъ союзомъ.

И поскольку рѣчь идетъ о «кампаніи въ пользу бережливости» именно рабочаго класса, эта «коллективная бережливость» представляетъ собой почти единственный источникъ временнаго пониженія

---

[1]) См. Seventeenth Abstract of Labour Statistics of the United Kingdom, cd. 7733, 1915, стр. 326 и 328.

[2]) Ср. Report of the Co-operative Union to the Bradford Congress. Манчестеръ 1911, часть III, стр. 93.

частнаго потребленія. Частичный неуспѣхъ проповѣди индивидуальной бережливости объясняется именно тѣмъ, что у рабочихъ Англіи бережливость ассоціируется съ представленіемъ о ростѣ силы его организаціи. Съ его точки зрѣнія это всего лишь двѣ стороны одного и того же процесса, тогда какъ индивидуальная бережливость оставляетъ въ тѣни вопросъ о судьбахъ защитной системы, воздвигнутой имъ въ видѣ трэдъ-юніонизма и коопераціи противъ золъ капиталистической организаціи народнаго хозяйства. Въ настоящее время, поэтому, рабочій классъ въ Англіи прибѣгаетъ, въ отвѣтъ на воззванія въ пользу экономіи, преимущественно къ к ллективнымъ формамъ бережливости. «Рабочіе-лидеры—свидѣтельствовалъ, напр., коммонеръ и президентъ генеральной федераціи трэдъ-юніоновъ О' Грэди интервьюэру «Times» 16 декабря 1915 г.—стремятся къ тому, чтобы рабочіе накапливали средства. Мы всегда рекомендовали своимъ членамъ бережливость и въ нормальное время, а теперь мы еще болѣе настаиваемъ на этомъ. Мы хотимъ, чтобы трэдъ-юніонисты поддерживали свою организацію и сдѣлали ее даже сильнѣе въ финансовомъ отношеніи, т. к. нужно не дать предпринимателямъ воспользоваться преимуществами своего положенія послѣ войны». Существеннымъ аргументомъ въ пользу мобилизаціи англійской коопераціи для предупрежденія чрезмѣрныхъ тратъ и выдвигается на страницахъ рабочей прессы индентичное соображеніе. «Кооператоръ будетъ чувствовать,—указывалъ органъ фабіанцевъ, настаивая на необходимости для министра финансовъ заручиться сотрудничествомъ руководителей кооперативнаго движенія—что его движенію въ этомъ случаѣ отведено надлежащее мѣсто въ государствѣ и что воззваніе дѣлается по основательнымъ причинамъ и черезъ организацію, творцомъ и частью которой онъ самъ является» [1]). А такое двойственное содержаніе «коллективной бережливости» превращаетъ ее въ источникъ весьма важныхъ соціально-экономическихъ послѣдствій «кампаніи въ пользу бережливости».

Накапливаемыя рабочими организаціями средства не только отвлекаютъ отъ общаго спроса на торговомъ рынкѣ значительныя суммы, но и помѣщаются обычно въ государственныхъ бумагахъ, т.-е. идутъ на финансированіе войны. Одно «англійское закупочное товарищество» (Co-operative Wholesale Society), центръ хозяйственной системы собственно - англійской коопераціи, вложило въ государственные займы послѣдняго времени полтора милліона ф. ст., и аналогичныя суммы даны государству теперь также профессіональными союзами, крупными кооперативными обществами и рабочими клубами.

[1]) „The Workers' Money Box", New Statesman, № отъ 1-го января 1916 г., стр. 295.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія сокращенія частнаго потребленія или, точнѣе, дѣйствительной экономіи въ потребленіи коллективныя формы бережливости играютъ уже сейчасъ крупную роль, и предпочтеніе, какое имъ оказывается англійскими рабочими, выдвигаетъ ихъ въ качествѣ главнаго средства воспитанія рабочаго класса страны въ духѣ бережливости. Укрѣпленіе именно этихъ формъ бережливости, признаніе ихъ въ государственной жизни въ качествѣ органической части ея, связаны, благодаря самому ихъ характеру, съ закрѣпленіемъ творческой роли рабочаго класса въ государственномъ и общественномъ строительствѣ.

IV.

Когда индивидуальное лицо приходитъ къ заключенію, что оно ведетъ жизнь не по средствамъ, первымъ существеннымъ шагомъ съ его стороны является попытка сократить свои расходы. Для націи въ цѣломъ жизнь не по средствамъ продиктовала въ Англіи тожественныя попытки. Но точно также, какъ и отдѣльному лицу мыслимо найти выходъ изъ положенія не только въ бережливости, «экономіи потребленія», но и въ повышеніи своей производительности, «экономномъ распредѣленіи производительныхъ силъ», государственная и общественная иниціатива здѣсь не ограничилась однимъ лишь принудительнымъ и добровольнымъ сокращеніемъ покупательной способности населенія.

Задача, которую война поставила передъ страной и которая сводится къ поддержанію нормальнаго торговаго баланса въ ненормальныхъ условіяхъ хозяйственной жизни, порождена была двумя экономическими послѣдствіями войны: съ одной стороны—увеличеніемъ покупательной способности населенія, вызывающимъ приростъ импорта, а съ другой—пониженіемъ производительности англійскаго народнаго хозяйства, лишающимъ страну возможности расплачиваться и за нормальный импортъ. Такимъ образомъ, уже самая сущность задачи диктовала экономію не только въ расходованіи средствъ, но и въ использованіи производительной энергіи.

И точно такъ же, какъ почвой для первой экономіи являлась наличность въ англійскомъ общественно-экономическомъ быту элемента расточительности, послѣдней экономіи открывалъ двери фактъ существованія въ хозяйственной жизни Англіи огромныхъ резервовъ совершенно не утилизируемой производительно энергіи. Цѣлыя группы населенія въ «рабочемъ возрастѣ» принадлежатъ къ той соціальной категоріи, которую извѣстный англійскій экономистъ Джонъ Гобсонъ

назвалъ «добровольно безработными». Таковы, прежде всего, имущіе классы, расходующіе свою энергію на имитацію производительнаго труда, спортъ и иныя безполезныя въ общественномъ смыслѣ функціи; таково, съ точки зрѣнія общественно-организованнаго производства, подавляющее большинство женщинъ, выступающихъ на рабочемъ рынкѣ, какъ правило, лишь до замужества, и т. д. Помимо этого имѣется извѣстная возможность болѣе экономно утилизировать энергію тѣхъ, кто уже активно участвуетъ въ хозяйственныхъ процессахъ путемъ выработки новыхъ методовъ техническаго раздѣленія труда, замѣны живой силы силой механической въ цѣломъ рядѣ процессовъ и тому подобными мѣрами. Наконецъ, простое повышеніе интенсивности труда до извѣстныхъ предѣловъ могло бы разсматриваться въ качествѣ экономіи въ утилизаціи производительныхъ силъ, такъ какъ и это повышеніе въ состояніи поднять хозяйственную цѣнность каждой данной единицы живой энергіи. Другими словами, возможность экономіи въ использованіи производственной энергіи наблюдается въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ.

Первоначально—еще ранѣе, чѣмъ пропаганда бережливости прокатилась широкой волной по всей странѣ, главное вниманіе было обращено, однако, лишь на то, чтобы оставшійся рабочій персоналъ, наряду съ улучшеніемъ въ техническихъ пріемахъ, поднялъ собственную производительность путемъ болѣе продолжительной и интенсивной работы. Ибо условія экономической жизни, созданныя войною, ставили препятствія на пути къ пополненію арміи труда въ сколько-нибудь значительномъ объемѣ изъ другихъ источниковъ живой энергіи.

Разумѣется, обычный резервъ промышленной арміи—безработные—былъ немедленно привлеченъ къ дѣлу [1]). Но то, что можно было бы назвать «ополченіемъ» этой арміи, женскій трудъ, въ Англіи первоначально не только не появился на рабочемъ рынкѣ въ требующемся количествѣ, но, мѣстами, даже покинулъ этотъ рынокъ съ открытіемъ военныхъ дѣйствій. Женщина, какъ дополнительный семейный работникъ, выступающій съ предложеніемъ своихъ услугъ чаще всего только въ случаѣ экономической несостоятельности главнаго семейнаго работника, вовсе не испытывала дѣйствія импульса, который толкалъ бы ее на поиски мѣста въ хозяйственной организаціи. Семьи англійскихъ солдатъ обезпечены теперь порой даже лучше, чѣмъ тогда, когда ихъ глава не носилъ еще военнаго мундира, и учителя начальныхъ школъ единодушно свидѣтельствуютъ, что во время войны дѣти изъ этихъ

---

[1]) Въ концѣ 1915 г. пропорція безработныхъ среди организованныхъ рабочихъ достигала всего только 0,6%. Board of Trade Labour Gazette, декабрь 1915 стр. 430.

семей обуты, одѣты и накормлены удовлетворительнѣе, чѣмъ когда-либо ранѣе. Этотъ фактъ побудилъ нѣкоторыхъ непреклонныхъ защитниковъ «экономіи» въ палатѣ лордовъ настаивать (безрезультатно, впрочемъ) на пересмотрѣ скалы пособій, выдаваемыхъ женамъ и дѣтямъ солдатъ—съ цѣлью, какъ это пояснилъ лордъ Дэвенпортъ, не допустить, чтобы пособія превышали нормальный доходъ, получавшійся ранѣе. Съ другой стороны, ростъ заработной платы оставшихся рабочихъ избавилъ женщинъ отъ необходимости искать дополнительнаго заработка, а расквартировка по всей странѣ крупныхъ отрядовъ солдатъ предоставила части ихъ работу подъ семейнымъ кровомъ, т.-е. за предѣлами общественнаго производства. «Женщины—отмѣчаетъ по этому поводу отчетъ министерства торговли о состояніи женскаго рабочаго рынка за февраль—которыя потеряли работу въ началѣ войны... относятся сравнительно безразлично къ вопросу о томъ, найдутъ ли онѣ новую работу или нѣтъ, такъ какъ отсутствіе ихъ обычнаго заработка вполнѣ компенсируется возросшей долей мужчинъ въ составленіи общесемейнаго дохода... Въ нѣкоторыхъ округахъ создалось необычайное положеніе, ибо предложеніе труда поденщицъ совершенно недостаточно по сравненію съ спросомъ... При такихъ обстоятельствахъ, очевидно, трудно побудить женщинъ обучаться новому ремеслу или переѣзжать въ округи, гдѣ въ ихъ трудѣ испытывается дѣйствительная нужда» [1]. О дѣтскомъ же трудѣ и говорить не приходится. Попытки фермеровъ добиться у мѣстныхъ самоуправленій льготъ по использованію труда школьниковъ во время уборки хлѣбовъ только мѣстами увѣнчались успѣхомъ; въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ въ освобожденіи дѣтей отъ занятій имъ категорически отказывали, а пресса выступила съ рѣзкими протестами противъ самихъ ходатайствъ такого рода. Въ силу всего этого, главнымъ источникомъ живой энергіи для народнаго хозяйства оставался сильно сократившійся мужской персоналъ и ихъ резервы безработныхъ мужчинъ. Требованіе повышенной производительности при такихъ обстоятельствахъ и не могло не привести, прежде всего, къ попыткамъ усилить интенсивность труда—что и было достигнуто продленіемъ рабочаго времени, уничтоженіемъ праздничнаго отдыха и т. п. мѣрами.

Но подобнаго рода средство поднять производительность народнаго хозяйства обоюдоостро, такъ какъ чрезмѣрное напряженіе энергіи, на короткій срокъ вызывающее повышеніе въ общей суммѣ производства, связано съ нарушеніемъ нормальнаго обмѣна веществъ въ организмѣ и порождаетъ, поэтому, то явленіе, которое фабричная гигіена опредѣляетъ, какъ «промышленную усталость» (industrial fatigue,

---

[1]) Board of Trade Labour Gazette, мартъ 1915, стр. 79.

т.-е. медленное отравленіе рабочаго не успѣвающими удаляться изъ организма продуктами обмѣна) и которое серьезно понижаетъ дальнѣйшую дѣеспособность работника. Это средство не можетъ, такимъ образомъ, считаться дѣйствительной экономіей въ утилизаціи производственныхъ силъ. Во время дебатовъ по биллю о военной аммуниціи предостереженіе противъ увлеченій такого рода средствомъ было сдѣлано въ палатѣ лордовъ однимъ изъ крупнѣйшихъ военныхъ авторитетовъ, лордомъ Сиденгэмомъ, повторившимъ его затѣмъ въ письмѣ къ редактору «Times» (№ отъ 28 сентября 1915 г.). «Тренировка атлетовъ возведена въ степень настоящей науки—писалъ онъ. Въ арміи условія маршировки тщательно и съ цѣнными результатами изучались съ цѣлью добиться отъ солдата максимальныхъ переходовъ при наименьшей усталости. Въ обширной же области фабричнаго труда въ этомъ отношеніи сдѣлано мало или почти ничего. Сверхурочныя работы разрѣшаются въ обстоятельствахъ, при которыхъ онѣ въ состояніи только понизить физическую дѣеспособность и, такимъ образомъ, отдалить цѣль ихъ. Временная спѣшка могла бы оправдать эти работы; но, примѣняемыя въ длительный промежутокъ времени, онѣ наносятъ непоправимый вредъ работнику и влекутъ за собой экономическую катастрофу... Въ настоящій моментъ, моментъ высшаго національнаго усилія, существенно важно, чтобы условія труда—умственнаго и физическаго въ равной мѣрѣ—предупреждали кумулятивную усталость, требующую потребленія спирта, сохраняли энергію рабочаго и позволяли ему отдать государству наилучшія свои силы, не рискуя душевнымъ или физическимъ упадкомъ». Совершенно таковы же были и заключенія, къ которымъ пришелъ на основаніи изученія накопившагося опыта и особый, назначенный въ сентябрѣ «комитетъ по огражденію здоровья аммуниціонныхъ рабочихъ» (Health of Munition Workers Committee) [1], въ своемъ отчетѣ рекомендовавшій прекращеніе или, по меньшей мѣрѣ, сокращеніе воскресныхъ работъ. «Многіе предприниматели—говорится въ отчетѣ комитета—свидѣтельствовали, что въ теченіе семидневной работы выработка равнялась итогамъ шестидневнаго труда, что сокращенія въ воскресной работѣ не привели къ замѣтнымъ потерямъ въ производительности и что даже наименѣе наблюдательные изъ управляющихъ, повидимому, сознали, какъ вредны послѣдствія чрезмѣрнаго напряженія» [2].

---

[1]) Работающій подъ руководствомъ сэра Ньюмэна, выдающагося гигіениста Англіи, этотъ комитетъ включаетъ, въ числѣ другихъ членовъ, извѣстнаго изслѣдователя положенія рабочаго класса въ Англіи, Сибома Раунтра.

[2]) Цит. по Board of Trade Labour Gazette, декабрь 1915, стр. 434.

Въ предѣлахъ цѣлесообразнаго, не связаннаго съ вредными послѣдствіями повышенія интенсивности работъ такое повышеніе, очевидно, недостаточно даже для простого замѣщенія энергіи, отвлеченной войною отъ хозяйственной активности. Призывъ «ополченія» индустріальной арміи, «мобилизація женскаго труда», въ силу этого оказалась неизбѣжной. Но тѣ же условія, которыя первоначально заставили обратить вниманіе почти исключительно на повышеніе производительности наличнаго рабочаго персонала, и та проблема поддержанія нормальнаго торговаго баланса, которая подчеркнула и безъ того явную недостаточность только этой мѣры,—наложили замѣтный отпечатокъ на характерѣ этой «женской мобилизаціи». Задача заключалась одновременно и въ преодолѣніи усилившейся въ военное время хозяйственной инерціи женщинъ и въ подборѣ изъ женскаго «ополченія» не просто дополнительныхъ, а именно высоко-обученныхъ и дѣеспособныхъ работниковъ. Ибо рѣчь шла не только (какъ первоначально) о наиболѣе доступномъ замѣщеніи ушедшихъ на фронтъ, но о такомъ замѣщеніи, которое, доведя до болѣе или менѣе нормальнаго размѣра сумму англійскаго экспорта, позволило бы расплачиваться и за избытокъ импорта, либо сократила необходимость въ привозныхъ продуктахъ.

Пропаганда идеи «женской мобилизаціи», за которую охотно взялись, по предложенію кабинета, женскія политическія и профессіональныя организаціи, усиленная агитація прессы, краснорѣчивые призывы министровъ и т. п. соотвѣтствующія англійскимъ навыкамъ мѣры борьбы съ хозяйственной инерціей женщинъ дали крупные результаты и частично разрѣшили задачу. Женщина появилась къ концу 1915 года въ экономической жизни въ небывалой массѣ—и не только въ аммуниціонныхъ фабрикахъ, гдѣ трудъ ея находитъ широкое примѣненіе. Она отбираетъ у васъ на желѣзнодорожной станціи билетъ, она же разноситъ во многихъ мѣстностяхъ письма, доставляетъ на велосипедахъ и телѣжкахъ продукты, прислуживаетъ за прилавкомъ тамъ, гдѣ раньше приходилось видѣть однихъ мужчинъ. Можно встрѣтить теперь даже женщинъ-кровельщиковъ, поправляющихъ черепичную крышу коттэджа, женщинъ-кузнецовъ, мясниковъ, трубочистовъ или преподавателей верховой ѣзды, объѣзжающихъ для военнаго министерства закупленныхъ по всему свѣту лошадей, либо дающихъ уроки новоиспеченнымъ кавалеристамъ, только-что покинувшимъ высокій стулъ клерка. Извѣстны, наконецъ, случаи, когда женщины распахиваютъ поля—вещь, въ Англіи до сихъ поръ неслыханная. Статистически, участіе «ополченія» въ производствѣ выразилось къ октябрю 1915 г. увеличеніемъ женскаго персонала фабрикъ и заводовъ приблизительно на 6 проц., въ то время, какъ «замѣщеніе

женщинами мужчинъ въ торговлѣ, банкахъ и конторахъ было весьма значительнымъ, что подтверждается доставленіемъ работы 342.242 новымъ работницамъ въ теченіе 13 мѣсяцевъ одними только оффиціальными бюро труда»[1]).

Но самый успѣхъ идеи «женской мобилизаціи» открылъ очевидную недостаточность для разрѣшенія стоящей передъ Англіей задачи одного только «призыва на дѣйствительную службу» женскаго «ополченія». Изъ 116.998 добровольцевъ, занесенныхъ, напр., въ регистръ министерства торговли (подобные регистры открывались не только министерствами, но многими общественными учрежденіями и организаціями и включаютъ огромную пропорцію именъ женщинъ среднихъ и высшихъ классовъ общества), только половина обладала какой бы то ни было подготовкой къ работѣ. Среди же представительницъ и этой половины подготовка оказалась настолько мало-пригодной для активнаго участія въ промышленной дѣятельности, что женщины съ университетскимъ образованіемъ и даже читавшія лекціи при университетахъ должны предварительно подготовляться къ предложенной имъ работѣ. Тѣмъ самымъ выдвинута была на первый планъ вторая часть задачи—подборъ нужнаго числа именно вполнѣ дѣеспособныхъ работницъ.

Поэтому, на-ряду съ непосредственнымъ притокомъ женщинъ въ промышленныя предпріятія, наблюдается и усиленная подготовка ихъ къ индустріальнымъ функціямъ. Чаще всего въ этомъ направленіи дѣлается то, что было названо «dilution of skilled labour» (разведеніемъ обученнаго труда), т.-е. допущеніемъ къ работамъ, ранѣе выполнявшимся исключительно квалифицированными рабочими, работницъ неопытныхъ, но поставленныхъ подъ контроль обученныхъ и набившихъ руку товарищей. Эти работницы въ теченіе очень короткаго срока пріобрѣтаютъ удовлетворительное знакомство съ дѣломъ и научаются выполнять его быстро и успѣшно (по свидѣтельству министра аммуниціи, Ллойдъ-Джорджа) въ теченіе порой только двухъ дней. Такимъ образомъ, на практикѣ, огромные кадры совершенно необученнаго труда превращаются въ узко-спеціализированныхъ, но въ высокой степени дѣеспособныхъ работниковъ. Съ другой стороны, принимаются и мѣры къ теоретическому обученію женскаго «ополченія». Начиная съ медицинской профессіи и кончая работой въ банкахъ, конторахъ и т. п., для всего вырабатываются средства подготовить достаточные кадры женскаго труда. Въ одной только «Высшей женской медицинской школѣ» при «королевскомъ безплатномъ

---

[1]) „Women and the reconstruction of industry“ by sir C. Kinloch-oke, Co Nineteenth Century, декабрь 1915, стр. 1398.

госпиталѣ» въ Лондонѣ въ текущемъ году принято 160 студентокъ, вмѣсто обычно открывавшихся здѣсь вакансій для 35—60, и экзаменаціонныя коллегіи избавляютъ теперь экзаменующихся отъ испытаній по латинскому языку. Аналогично, техническія школы самаго разнообразнаго типа, вопреки обыкновенію, широко открываютъ свои двери передъ женщинами и дѣвушками. Наконецъ, организуются и спеціальные трехъ-недѣльные «центры тренировки» для обученія строго ограниченному кругу функцій преимущественно членовъ семей, мужчины которыхъ сражаются на фронтѣ. Такіе центры были открыты, напр., въ концѣ года и съ большимъ успѣхомъ, въ Лондонѣ, Манчестерѣ и др. городахъ по почину мѣстныхъ самоуправленій, а упомянутый уже нами комитетъ рекомендовалъ открыть тожественные центры повсемѣстно.

Все это, проводящееся въ значительныхъ размѣрахъ и послѣдовательно, наводненіе рабочаго рынка женскимъ трудомъ носитъ на себѣ печать временнаго, преходящаго явленія англійской хозяйственной жизни. Кабинетъ, добиваясь отъ профессіональныхъ союзовъ уступки въ смыслѣ допущенія женщинъ къ работамъ, ранѣе составлявшимъ обязанность квалифицированныхъ рабочихъ мужского пола, гарантировалъ актомъ парламента возвращеніе послѣ войны къ status quo ante. Аналогично, комитетъ, разсматривавшій вопросъ о замѣщеніи мужчинъ женщинами въ банкахъ и конторахъ, рекомендовалъ, чтобы «было совершенно ясно оговорено, что работа женщинъ согласно предложенной схемѣ является строго временной и чтобы замѣщеннымъ мужчинамъ дана была гарантія, что ихъ мѣста будутъ сохранены за ними». Но въ «мобилизаціи женщинъ» содержатся кой-какія черты, обѣщающія превратить освобожденіе женщинъ отъ оковъ хозяйственной инерціи въ нѣчто болѣе прочное и, подобно многому, что сейчасъ происходитъ въ Англіи подъ знакомъ экономіи, связанное съ кардинальными перемѣнами въ англійскомъ быту.

Фактъ тотъ, что «табу», которымъ въ Англіи, какъ нигдѣ, отгорожены были до войны «мужскія» профессіи отъ «женскихъ», совершенно стёрто этой мобилизаціей. Женщина оказалась, въ опытѣ текущей утилизаціи ея производственной энергіи, нерѣдко даже болѣе дѣеспособной, чѣмъ мужчина. Конечно, здоровый инстинктъ сохраненія вида, заслоняющій потенціальную мать отъ слишкомъ грубаго прикосновенія изнуряющей ея силы борьбы за существованіе, обезпечитъ значительный отливъ женскаго труда послѣ войны. Даже въ настоящую минуту въ Англіи можно услышать опасенія за физическое будущее женщинъ, работающихъ въ индустріальныхъ предпріятіяхъ, и, притомъ, въ лагерѣ, откуда раньше рѣдко приходилось ожидать такого рода заботы о рабочихъ. Въ своемъ нашумѣвшемъ

выступленіи въ пользу мира лордъ Кауртней, между прочимъ, отмѣтилъ и то, что съ войной «усилія 50 лѣтъ, направленныхъ на то, чтобы поднять уровень жизни народа на высшую ступень», превратились въ ничто, что «теперь женщины возвращены къ работамъ, тягота которыхъ ранѣе была снята съ ихъ плечъ». Все же, нѣтъ сомнѣній, что призывъ женщинъ къ индустріальному труду приведетъ въ будущемъ къ значительному увеличенію пропорціи ихъ, участвующей въ общественно-организованномъ производствѣ. Въ своемъ докладѣ, представленномъ 9-го сентября 1915 г. «Британской ученой ассоціаціи» (British Association) Райдеръ Хаггардъ, секретарь парламентскаго комитета трэдъ-юніонистскихъ конгрессовъ Бовермэнъ и извѣстный историкъ-экономистъ Кэннигэмъ отмѣтили, что число женщинъ, которыя останутся на рабочемъ рынкѣ, увеличится неизбѣжно благодаря уже одному отсутствію достаточнаго числа мужчинъ послѣ гибели цвѣта населенія на поляхъ Фландріи, Франціи, Галлиполи и т. д. Съ другой стороны, и за тѣми, кто вернется оттуда неискалѣченнымъ, возможность стать на прежнюю работу обезпечена далеко не абсолютно. Не говоря уже о томъ, что многіе изъ нихъ сами не пожелаютъ воспользоваться такой возможностью, предпочтя жизнь на открытомъ воздухѣ сидѣнію за конторкой или въ душной мастерской,—но и обѣщаніе хозяевъ принять ихъ на службу обставлено оговорками. По докладу британской ассоціаціи слѣдуетъ, что это обѣщаніе толкуется, какъ гарантія вернувшимся работы, не хуже оплачиваемой, чѣмъ выполнявшаяся ими до ухода на фронтъ, но отнюдь не всегда та же самая. Даже тогда, когда эта оговорка вводится въ обѣщаніе, предпринимателями проектируется въ опредѣленныхъ случаяхъ (въ которыхъ женщина безусловно дѣеспособнѣе мужчины) замѣщать постепенно, по мѣрѣ освобожденія мѣстъ, женскимъ трудомъ трудъ мужской. Самое же главное—квалифицированная, избавившаяся отъ свойственной ей хозяйственной инерціи женщина не такъ легко откажется отъ своего новаго призванія при условіи сократившейся возможности замужества. Такимъ образомъ, наплывъ женскаго труда и расширеніе рамокъ этого труда представляетъ собой болѣе прочное явленіе, чѣмъ могло бы показаться на первый взглядъ. «Табу», лежавшее ранѣе на цѣломъ рядѣ производственныхъ функцій, уничтожено для женщины разъ навсегда, и она освобождается, какъ это подчеркивается англійскими феминистами, отъ произвольныхъ ограниченій ея правомочности въ хозяйственной сферѣ, что, въ свою очередь, облегчаетъ окончательное превращеніе ея въ полноправную личность.

Но такой реализаціей для женщинъ права на выборъ производственныхъ функцій значеніе «женской мобилизаціи» не ограничивается. Какъ за религіозными «табу» примитивныхъ племенъ историкъ

религій въ состояніи открыть наличность часто разумныхъ соціальныхъ и политическихъ мотивовъ, такъ и за экономическимъ «табу» кроется раціональный моментъ. «Женскій трудъ» въ англійскомъ освѣщеніи эквивалентенъ «дешевому труду». Уже въ настоящій моментъ вскрываются характерныя стремленія предпринимателей поставить знакъ равенства между этими понятіями. Даже «кооперативный союзъ», организація чисто-рабочая, рекомендуетъ теперь сохранять для новыхъ работницъ, выполняющихъ «мужскую» работу, «женскія расцѣнки», т.-е. удешевленіе труда. Наплывъ женскаго труда, иначе говоря, является прямой угрозой—и такой считается профессіональнымъ движеніемъ Англіи—культурному уровню англійскаго рабочаго класса. Скажется или не скажется обычная понижательная тенденція женской заработной платы въ области рабочихъ расцѣнокъ—представляетъ собой, поэтому, важный вопросъ не только съ точки зрѣнія непосредственныхъ интересовъ организованнаго труда, но и съ точки зрѣнія тѣхъ культурныхъ послѣдствій, съ которыми неразрывно связано уничтоженіе вырабатывавшихся десятилѣтіями «табу».

Пока-что, оппозиція рабочихъ организацій всякой мѣрѣ, облегчающей доступъ женщинамъ въ производство до тѣхъ поръ, покуда государство не беретъ на себя защиту рабочихъ расцѣнокъ—сказалось рядомъ принципіально знаменательныхъ шаговъ со стороны коалиціоннаго кабинета. Требованіе «равной платы за равный трудъ», которое выдвигалось и рабочими суффражистскими организаціями и трэдъ-юніонами, нашло свое удовлетвореніе и въ законодательныхъ и въ административныхъ актахъ государства. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда правительство вводило женскій трудъ прямо или косвенно, оно руководилось необходимостью придерживаться, при установленіи оплаты этого труда, той скалы заработной платы, по которой оцѣнивался и трудъ мужчинъ. Такъ, въ аммуниціонныхъ предпріятіяхъ, находящихся подъ контролемъ министерства аммуниціи, въ силѣ циркуляръ министерства,—разработанный особымъ комитетомъ (Labour Supply Committee), въ которомъ участвуетъ, вмѣстѣ съ другими дѣятелями рабочаго движенія, и извѣстная представительница женскаго трэдъ-юніонизма, миссъ Мэри Макъ Артуръ,—предписывающій (§ 8), чтобы «за равную работу производилась равная расплата и для мужчинъ и для женщинъ». Такъ какъ около «80 проц. работы женщинъ» этотъ циркуляръ не покрываетъ—въ силу того, что аммуниціонный актъ не уполномачивалъ правительство на такого рода регламентацію женскаго труда во всѣхъ случаяхъ,—то въ новомъ дополнительномъ актѣ объ аммуниціи, принятомъ палатой общинъ 4-го января 1916 г., циркуляръ этотъ пріобрѣлъ силу закона при всѣхъ обстоятельствахъ.

Да и тогда, когда наплывъ женскаго труда происходитъ въ отрасляхъ народнаго хозяйства, не подлежащихъ прямому контролю государства, органы послѣдняго подчеркиваютъ необходимость, чтобы «скала заработной платы, выплачиваемой женщинамъ, была основана, насколько возможно, на расцѣнкахъ заработной платы мужчинъ, выполняющихъ подобныя же обязанности» [1].

Вопросъ, конечно, въ томъ, удержится ли эта нормировка женскаго заработка въ духѣ абсолютнаго равенства половъ и тогда, когда наплывъ женскаго труда превратится изъ экстраординарнаго явленія въ обыденный фактъ хозяйственной жизни Англіи. Но, покуда, въ рядъ крупныхъ перемѣнъ, вызванныхъ экономіей въ потребленіи и экономіей въ утилизаціи производственныхъ силъ, вносится еще одна существенная перемѣна: государственная нормировка *равной* оплаты труда половъ. Къ массѣ разнообразныхъ общественно-экономическихъ послѣдствій кампаніи, ведущейся подъ знакомъ экономіи, присоединяется, другими словами, реализація двухъ кардинальныхъ тезисовъ феминизма—«открытыя двери къ труду» и «равная плата за равный трудъ».

А. Чекинъ.

ГОСУДАРСТВЕННО-КОММУНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ ПРОДОВОЛЬСТВІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ.

I.

Государственно-коммунальная организація снабженія населенія пищей была давнишней мечтой передовыхъ соціальныхъ политиковъ Германіи. Краеугольнымъ и пробнымъ камнемъ ея была такъ называемая «хлѣбная монополія», возвѣщенная закономъ 25-го янв. 1915 г. Но въ нынѣшнемъ широкомъ и многостороннемъ захватѣ вся система государственныхъ и муниципальныхъ предприятій опредѣлилась лишь къ половинѣ второго года войны. Только съ этихъ поръ можно говорить о государственно-коммунальномъ распредѣленіи, какъ объ общемъ принципѣ снабженія не сельскохозяйственнаго населенія пищей, а не только какъ объ отдѣльныхъ, хотя и весьма интересныхъ экспери-

[1]) Board of Trade Labour Gazette, ноябрь, 1915, стр. 395.

ментахъ. Теперь стало возможнымъ выдѣлить основныя руководящія линіи путемъ сравнительнаго разсмотрѣнія конкретной постановки дѣла въ отдѣльныхъ областяхъ снабженія, и можно оцѣнить уже практическіе результаты новой системы. Появленіе ея лежитъ на общей линіи развитія, какъ она обозначалась въ этой области еще до войны. Потому описаніе нѣмецкаго опыта имѣетъ смыслъ знакомства не съ любопытнымъ исключеніемъ, но съ нѣкоторымъ прообразомъ того внесенія порядка въ дѣло снабженія населенія основными родами пищи, какое все больше становится очереднымъ вопросомъ государственной и муниципальной политики и въ мирное время. Въ Европѣ родилось и оформилось сознаніе элементарнѣйшаго права человѣка—«права на пищу». Нужны были особыя условія, чтобъ это неписанное право выдвинулось въ общемъ сознаніи на принадлежащее ему по праву мѣсто и, сломивъ вѣковыя традиціи и сопротивленіе заинтересованныхъ, отлилось въ юридическія нормы, въ обязательныя велѣнія публичнаго права. Эти особыя условія и сложились въ Германіи къ началу второго года войны.

Система государственно-коммунальнаго распредѣленія восторжествовала теперь въ Германіи въ обстановкѣ, основными элементами которой явились наступившее, наконецъ, дѣйствительное уменьшеніе продовольствія сравнительно съ мирнымъ временемъ и возникшая отсюда между разными общественными классами борьба за пищу, борьба за долю въ имѣющемся общемъ ея количествѣ. Формально эта борьба принимала внѣшность протеста противъ дороговизны, противъ стремленій сельскихъ хозяевъ (и отчасти торговыхъ посредниковъ) къ безграничному увеличенію наживы. Но по существу, самая дороговизна является методомъ, при помощи котораго, въ случаѣ недостатка пищи противъ нормальнаго, вся тяжесть недостатка приходится на малоимущіе классы, а зажиточные слои, имѣющіе возможность платить дороже, обезпечиваютъ себѣ прежнюю норму своего питанія. Обычная норма питанія зажиточныхъ въ Германіи, какъ увидимъ, значительно выше того, что достается малоимущимъ классамъ, и при нормальномъ количествѣ въ странѣ продовольствія. Если при пониженіи общихъ запасовъ продовольствія наступаетъ дороговизна, то въ кухняхъ и столовыхъ зажиточныхъ слоевъ сосредоточивается относительно еще большая доля продуктовъ, чѣмъ обычно, и въ массахъ населенія въ угрожающихъ размѣрахъ развивается недоѣданіе со всѣми вредными послѣдствіями его для здоровья, работоспособности и возможности удовлетворенія культурныхъ потребностей, не говоря ужъ о воспитаніи потомства надлежащей численности и состоянія. Такъ обычно и бывало доселѣ повсюду при наступленіи значительной дороговизны на предметы питанія, и надобенъ очень большой общественный вѣсъ мало-

имущихъ классовъ, чтобъ обычный методъ дороговизны и недоѣданія замѣнить принудительнымъ ограниченіемъ потребленія зажиточныхъ злоевъ и планомѣрнымъ распредѣленіемъ имѣющихся въ распоряженіи страны припасовъ. Исключительная сила демократіи въ Германіи, мощь организованной сознательности ея народныхъ массъ наглядно иллюстрируются тѣмъ, что при первомъ же серьезномъ недостаткѣ пищи въ странѣ за послѣднія 50 лѣтъ ея исторія демократія оказалась въ силахъ заставить сопротивлявшихся и медлившихъ правящихъ свернуть съ «естественнаго» стихійнаго пути недоѣданія, народныхъ массъ при недостаткѣ въ странѣ пищи (недоѣданія, обезпечиваемаго ростомъ дороговизны) на дорогу «искусственнаго» ограниченія зажиточныхъ потребителей и наживающихся аграріевъ. Отсюда всѣ злобныя замѣчанія антидемократическихъ круговъ противъ связыванія «свободной игры экономическихъ силъ», которыя въ такомъ изобиліи можно найти въ соотвѣтственныхъ органахъ германской печати.

Извѣстны большія страны, гдѣ не разъ за послѣднія 50 лѣтъ наблюдался по разнымъ причинамъ въ какомъ-либо году абсолютный недостатокъ пищи сравнительно съ нормальнымъ ея количествомъ. Случалось это и во время войны, есть даже лѣтописное изреченіе, будто спутниками войны нерѣдко являются «трусъ, гладъ и моръ». Изъ этого отнюдь еще не вытекало планомѣрное болѣе или менѣе равномѣрное распредѣленіе хотя бы важнѣйшихъ припасовъ, какъ молоко, мясо, масло, картофель, сахаръ, хлѣбъ и т. д. Наоборотъ, въ какой-либо Индіи на-ряду и одновременно съ «голодовкой» крестьянъ болѣе зажиточные слои продолжали получать обычное количество хлѣба, ѣсть шоколадъ и сдобныя булочки, пить не только молоко, но и сливки. Лучшіе элементы ихъ дѣлали, конечно, пожертвованія на «голодающихъ» (которыхъ иногда насчитывались десятки милліоновъ), но суть дѣла отъ этого не мѣнялась. И недоѣданіе значительной части населенія вслѣдствіе неурожая и т. п. не мѣшало такой странѣ вести иногда въ то же время войну, даже побѣдоносную. Это не мѣшаетъ отмѣтить во избѣжаніе поверхностныхъ сужденій, готовыхъ объяснить нынѣшнюю систему въ Германіи просто фактомъ войны: война какъ бы превратила все населеніе въ гарнизонъ крѣпости, и гарнизону раздаются, понятно, раціоны. При всей простотѣ эта аналогія раздѣляетъ, однако, обычный недостатокъ всѣхъ аналогій по внѣшности: ихъ неприемлемость по содержанію. Война къ началу второго года создала въ Германіи абсолютную недохватку припасовъ сравнительно съ мирнымъ временемъ—это вѣрно. Но не война, а давленіе германской демократіи вызвало къ жизни планомѣрное распредѣленіе припасовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ никакихъ «разумныхъ основаній» (кромѣ давленія демократіи), почему Германія не могла бы вести войны при

той степени недоѣданія широкихъ массъ, какая требуется для того, чтобы обычное обильное потребленіе зажиточныхъ слоевъ не подвергалось принудительному ограниченію. Германскій рабочій, какъ общеизвѣстно, въ мирное время питается чуть не на половину лучше нѣкоторыхъ своихъ сосѣдей. Если бы теперь на время войны полностью отнять у него этотъ излишекъ, физіологически, слѣдовательно, населеніе выдержало бы это безъ наступленія немедленной смерти отъ голода,—вѣдь это было бы лишь нормальное питаніе рабочаго нѣкоторыхъ сосѣднихъ странъ въ мирное время. Хроническое «жировое» голоданіе наблюдалось, напр., въ Ирландіи цѣлыми десятилѣтіями, не то что нѣсколько лѣтъ. Можно бы и нѣмецкихъ рабочихъ посадить на картошку съ похлебкой, оставивъ мясо, молоко, кофе и пр. всецѣло другимъ классамъ. Все вздорожаніе всѣхъ продовольственныхъ припасовъ, потребляющихся еженедѣльно рабочей семьей изъ 4-хъ человѣкъ, обладающей среднимъ бюджетомъ, составило къ октябрю 1915 г. всего 64 проц. къ стоимости недѣльнаго потребленія тѣхъ же припасовъ въ томъ же количествѣ передъ войной (по подробнымъ сводкамъ на основаніи оффиціальныхъ источниковъ въ германской рабочей печати). Пусть теперь рабочая семья съѣдаетъ на 40 проц. меньше всякихъ припасовъ—и она будетъ тратить на покупку ихъ не 164 марки, а только 100, какъ раньше: дороговизна компенсируется сокращеніемъ потребленія. Но при степени недостатка пищи въ странѣ во второй годъ войны малозажиточнымъ массамъ не пришлось бы сокращать потребленіе на цѣлыхъ 40 проц., чтобы дать возможность зажиточнымъ классамъ потреблять прежнее обильное количество продовольствія. Для достиженія послѣдней цѣли достаточно было бы сократить потребленіе малоимущаго громаднаго большинства населенія менѣе чѣмъ на 40 проц. (возможно, какъ увидимъ, что третій годъ войны принесетъ немного большій недостатокъ пищи въ странѣ, чѣмъ второй). Тогда, правда, рабочей семьѣ пришлось бы тратить вмѣсто каждыхъ прежнихъ 100 марокъ нѣсколько больше, но средства для этого германскій рабочій «легко» можетъ взять изъ сокращенія другихъ статей бюджета. По германскимъ бюджетнымъ изслѣдованіямъ рабочая семья, въ составѣ 4-хъ человѣкъ и со среднимъ заработкомъ, тратитъ изъ всего своего дохода на пищу 60 проц. (считая расходъ въ ресторанахъ и т. д.), на книги и газеты 1,5 проц., на удовольствія 2,8 проц. и на участіе въ необязательныхъ организаціяхъ 1 проц. Отмѣна однихъ трехъ послѣднихъ расходовъ дала бы возможность прибавить 5 марокъ 25 пф. къ каждымъ 100 маркамъ, обычно расходовавшимся на пищу. Опять таки извѣстны цѣлыя страны, гдѣ многіе годы рабочіе вовсе не выписывали книгъ и газетъ хотя бы по безграмотности, гдѣ не дѣлали взносовъ въ профессіональные союзы и партіи по ихъ

отсутствію, гдѣ никогда не посѣщали театровъ, концертовъ и т. п. А сверхъ того можно было бы экономить на квартирѣ (21 проц. бюджета), гуще стѣснившись въ комнатахъ, въ каждую семью принявъ нѣсколько «угловыхъ» жильцовъ, что составляетъ почти общее правило въ нѣкоторыхъ странахъ. Экономія была бы тутъ тѣмъ болѣе вѣрная, что благодаря принятымъ союзнымъ совѣтомъ еще въ декабрѣ 1914 г. мѣрамъ, благодаря отсутствію бѣженцевъ и т. д., квартирная плата въ Германіи за время войны совершенно не повысилась. Такимъ образомъ, технически совершенно мыслимо приспособленіе народныхъ массъ Германіи къ сокращенію продовольственныхъ запасовъ въ странѣ вслѣдствіе войны обычнымъ путемъ—усиленнымъ недоѣданіемъ и всестороннимъ и чрезвычайнымъ пониженіемъ культурнаго уровня своего быта. Но технически возможное, *такое приспособленіе оказалось въ Германіи соціально невозможнымъ,* потому и имѣетъ мѣсто отступленіе отъ исторической традиціи сваливанія всей тяжести отъ недостатка пищи на народныя массы. Если приспособленіе къ этому недостатку совершилось въ Германіи отчасти путемъ принудительнаго отнятія отъ зажиточныхъ классовъ части ихъ обычнаго обильнаго потребленія, (напр., воспрещеніе изготовленія шоколада, сдобныхъ булочекъ, сливокъ и т. д.); если недоѣданіе и пониженіе культурнаго уровня рабочихъ массъ въ Германіи благодаря этому гораздо меньше того, какимъ оно могло быть и какимъ оно дѣйствительно оказалось въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ; если, напримѣръ, по обнародованнымъ отчетамъ, количество выписываемыхъ экземпляровъ многихъ органовъ рабочей печати почти не уменьшалось (на-ряду съ громаднымъ паденіемъ ихъ тиража во Франціи и въ Италіи, вплоть до прекращенія длиннаго ряда изданій); если въ Германіи, вопреки абсолютному уменьшенію количества пищи въ странѣ, не наступило повышеніе заболѣваемости и смертности гражданскаго населенія и т. д.,—то все это является заслугой не «созданныхъ войной условій», но заслугой германской демократіи, проявившей всю силу въ отстаиваніи интересовъ широкихъ круговъ населенія *вопреки* «созданнымъ войной условіямъ» *и въ противодѣйствіе* имъ. Ниже указаны не достигшія поставленныхъ имъ цѣлей усилія правительства, аграріевъ и другихъ заинтересованныхъ круговъ уложить и въ Германіи ходъ вещей въ области продовольствія въ столь невыгодное большинству населенія традиціонное русло приспособленія страны къ недостатку пищи путемъ «свободной игры экономическихъ силъ». Государственно - коммунальная организація снабженія населенія продовольствіемъ сложилась цѣной напряженной внутренней борьбы, готовой принять временами довольно острую форму. Соотвѣтственно и вся совокупность принятыхъ мѣропріятій является лишь своего рода компромиссомъ между борющимися группами, а не

стройно и прямолинейно проведенной системой, во всѣхъ отношеніяхъ стоящей на высотѣ поставленныхъ заданій, что будетъ еще отмѣчено.

Изъ того, что не война, а демократія создала въ Германіи государственно-коммунальную систему снабженія, слѣдуетъ существенный выводъ и для мирнаго времени. Дороговизна предметовъ питанія и стѣсненность въ продовольствіи, вызванныя теперь войной, будутъ существовать въ Германіи и послѣ мира, хотя и въ меньшей степени, — въ этомъ сходятся всѣ извѣстные мнѣ германскіе писатели. Только теперь стѣсненность въ продовольствіи вызвана изолированіемъ отъ внѣшняго рынка, а тогда она будетъ обусловливаться для широкихъ массъ, главнымъ образомъ, вздорожаніемъ продуктовъ и сокращеніемъ реальнаго бюджета семьи. Надо будетъ въ той или иной формѣ оплачивать военные займы—ужъ одно это должно вызвать сокращеніе народнаго потребленія, если только не допустить, что германскіе капиталисты (вѣдь всѣ займы внутренніе) въ той или иной формѣ, (напр., спеціальнымъ особо высокимъ подоходнымъ обложеніемъ) будутъ германскимъ законодательствомъ полностью лишены обѣщанныхъ имъ ежегодныхъ процентовъ. Это означало бы цѣлую внутреннюю революцію, и ожидать ее въ Германіи при окончаніи войны нѣтъ пока достаточно надежныхъ основаній. Далѣе извѣстная часть народныхъ силъ должна быть отвлечена на возстановленіе износившейся за время войны части зданій, дорогъ, машинъ и т. д Величина эта дѣлается все больше, чѣмъ дольше длится война. Чѣмъ меньше сможетъ работать Германія на экспортъ, тѣмъ меньше сможетъ она и ввозить къ себѣ заграничные продукты. Чтобы достичь прежняго уровня развитія производительныхъ силъ, первые годы послѣ войны Германіи придется посвятить прежде всего упомянутому усиленному возстановленію матеріальной обстановки труда современнаго общества. Значитъ, изъ-за границы должно ввозиться больше прежняго разныхъ сырыхъ матеріаловъ, какъ резина, мѣдь, хлопокъ, шведская руда, кожа, дерево и т. д. Это означаетъ, что изъ вообще имѣющаго уменьшиться ввоза тѣмъ меньшая часть можетъ достаться на долю предметовъ продовольствія, означаетъ сокращеніе ихъ ввоза въ страну послѣ войны сравнительно съ тѣмъ, что было до войны. А изъ-за границы Германія получала до войны ежегодно 20% своего продовольствія (въ переводѣ всѣхъ родовъ его на калоріи—по изв. труду Эльцбахера и др.).

Сокращенію привоза продовольствія извнѣ должно соотвѣтствовать, по крайней мѣрѣ первые годы послѣ войны, сокращеніе производства его и внутри. Во-первыхъ, потрясенное скотоводство не возстанавливается мгновенно съ заключеніемъ мира. Во-вторыхъ, общее уменьшеніе мужскихъ рабочихъ рукъ не менѣе чѣмъ на 10% должно

особенно сильно поразить именно сельское хозяйство. Условія труда въ деревнѣ хуже, чѣмъ въ городѣ, и въ Германіи уже теперь даже органы аграріевъ озабочены предстоящимъ и по ихъ мнѣнію отливомъ рабочихъ изъ сельскихъ помѣстій на освободившіяся въ городѣ, вообще въ индустріи, мѣста. При желаніи получать на свой капиталъ такую же прибыль, какъ получаетъ индустріальный фабрикантъ, аграрный предприниматель не можетъ предоставить сел.-хоз. батраку такую же заработную плату, какую получаетъ индустріальный рабочій. Ибо въ германскомъ земледѣліи капиталъ оборачивается, естественно, всего одинъ разъ въ году, въ то время какъ въ индустріи оборотъ его гораздо быстрѣе. Поэтому, для достиженія одинаковаго уровня прибыли на капиталъ, въ сельскомъ хозяйствѣ необходима болѣе значительная эксплоатація, чѣмъ въ индустріи. Въ итогѣ тѣ сельскіе рабочіе Германіи, какіе могутъ найти себѣ мѣсто въ индустріи, неукоснительно оставляютъ земледѣліе. До сихъ поръ это компенсировалось безостановочнымъ улучшеніемъ техники сельскаго хозяйства. Передъ войной Германія производила внутри страны замѣтно большую долю всего потребляемаго ею хлѣба, чѣмъ за 15 лѣтъ передъ тѣмъ, хотя количество занятыхъ въ земледѣліи рабочихъ не только не увеличилось въ соотвѣтствіи съ ростомъ населенія, но даже уменьшилось.

Война устранила эту систему компенсаціи. Она даетъ, какъ сказано, сильный толчекъ ускоренію отлива рабочихъ рукъ изъ сельскаго хозяйства. Уже сейчасъ во многихъ районахъ страны сел.-хоз. рабочихъ приходится удерживать въ деревнѣ временными постановленіями командующихъ округами генераловъ, что имѣетъ силу лишь на время войны. Послѣ мира исчезнутъ также плѣнные, школьники, привлекаемые мѣстами полупринудительно, жены мобилизованныхъ и т. под. Всѣ эти элементы маскируютъ пока уменьшеніе рабочихъ силъ въ земледѣліи. Ускоривъ ихъ отливъ, война остановила, напротивъ, на всю свою продолжительность развитіе въ земледѣліи техники. Наличные сырые матеріалы нужны для обслуживанія арміи, и волей-неволей сельскимъ хозяевамъ приходится отказаться отъ сооруженія теперь же большого количества новыхъ локомобилей, новыхъ паровыхъ плуговъ и т. п., пользуются лишь бывшимъ на складахъ и изготовленнымъ въ первый годъ войны. Дополнительные призывы окончательно дѣлаютъ невозможнымъ систематическое обслуживаніе техническихъ потребностей народнаго хозяйства, ибо остающаяся часть рабочихъ успѣваетъ справиться почти лишь съ обслуживаніемъ арміи и доставкой населенію пищи и т. п. предметовъ непосредственнаго и неотложнаго потребленія. Техническій уровень земледѣлія не только не возмѣщаетъ своимъ подъемомъ уменьшенія рабочихъ силъ, но еще и

самъ понижается. Орудія изнашиваются, взятыя на войну лошади погибаютъ и т. п.—послѣ войны германское земледѣліе должно оказаться на болѣе низкомъ уровнѣ, чѣмъ до нея, и въ смыслѣ рабочаго состава и въ смыслѣ техники. А такъ какъ послѣдствія войны приносятъ съ собой общее уменьшеніе производительныхъ силъ страны, то недостатки эти не могутъ быть устранены такъ быстро. Потому и отъ внутренняго производства Германія не можетъ ждать послѣ войны того количества пищи, которое до войны составляло 80% ея потребленія.

Если стѣсненность въ продовольствіи, хотя и въ меньшемъ, чѣмъ во время войны, объемѣ, останется для Германіи сравнительно длительнымъ послѣдствіемъ войны, — то, очевидно, сравнительную прочность пріобрѣтетъ и заинтересованность германской демократіи въ сохраненіи и усовершенствованіи созданной теперь системы государственно-коммунальной организаціи снабженія и распредѣленія пищи. Уже теперь есть не мало голосовъ даже изъ совершенно обезпеченныхъ круговъ, соглашающихся на оставленіе ея въ силѣ и послѣ войны. Запрещенія сдобнаго хлѣба и т. п. подлежатъ по такимъ проектамъ отмѣнѣ, и государственно-коммунальная система снабженія понимается, какъ признаніе «права на пищу» однимъ изъ основныхъ конституціонныхъ правъ нѣмецкаго гражданина—въ смыслѣ обязанности государства прежде всего обезпечить каждому установленный закономъ минимумъ пищи по доступной цѣнѣ, съ тѣмъ, что желающіе могутъ покупать больше и иные продукты, если все это имѣется на рынкѣ и можетъ быть ими оплачено.

Въ виду описанной обстановки появленія на свѣтъ государственно-коммунальной системы снабженія раньше всего слѣдуетъ сжато указать размѣры недостатка продовольствія въ Германіи во второмъ году войны и направленіе разыгравшейся на этой почвѣ борьбы интересовъ.

II.

Однимъ изъ послѣдствій продовольственныхъ затрудненій было значительное развитіе статистическаго изученія продовольственнаго баланса Германіи. Обычное потребленіе въ мирное время въ цѣломъ, потребленіе группами лицъ съ разнымъ уровнемъ дохода въ отдѣльности для каждаго изъ основныхъ родовъ пищи, доля пищи, привозимая изъ-за границы или производимая въ странѣ на основѣ заграничныхъ матеріаловъ (напр. кормы для скота)—все это приведено теперь въ такую извѣстность, какъ нигдѣ никогда еще не бывало. Картина состава продовольствія громадной страны и распредѣленія его между разными ея общественными классами имѣетъ и общій интересъ

и достаточно любопытна сама по себѣ, чтобы оправдать знакомство съ ней. Придется ограничиться, конечно, лишь основными итогами, опуская всѣ детальные разсчеты и подробности. Для состава продовольствія въ мирное время руководящимъ будетъ для насъ извѣстный коллективный трудъ 15 профессоровъ, изданный еще въ декабрѣ 1914 г. проф. Эльцбахеромъ. Для распредѣленія разныхъ видовъ продовольствія между лицами съ доходомъ свыше и ниже 100 руб. въ мѣсяцъ—спеціальныя работы отчасти имперскаго статистич. вѣдомства, отчасти мѣстныхъ статист. бюро. Данныя объ уменьшеніи продовольствія, т.-е. о количествѣ его во *второй* годъ войны—главнымъ образомъ изъ докладовъ имперскаго правительства августовской и декабрьской (1915 г.) сессіямъ рейхстага и изъ другихъ подобныхъ матеріаловъ какъ о величинѣ нынѣшняго производства въ странѣ, такъ и о почти исчезнувшемъ ввозѣ въ нее жизненныхъ припасовъ. Распредѣленіе продуктовъ между покупателями—по среднимъ для Германіи величинамъ «карточекъ» для подвергнутыхъ уже (январь 1916 г.) принудительному раціонированію продуктовъ, а для нераціонированныхъ—по даннымъ городскихъ «крытыхъ рынковъ» о перемѣнахъ въ напряженіи и направленіи покупательной энергіи потребителей, по даннымъ кооперативовъ, отдѣльныхъ обслѣдованій и частыхъ теперь публикацій потребительскихъ бюджетовъ (впрочемъ, ниже указано, насколько крупная доля продовольствія уже раціонирована). Изъ населенія Германіи въ 1915—16-мъ хоз. году (съ авг. по авг.) выключена армія по оффиц. источникамъ—кромѣ отпущенныхъ домой на поправку раненыхъ и инвалидовъ и т. п. и кромѣ плѣнныхъ. Въ 1912—13-мъ году, съ данными котораго оперировалъ сборникъ Эльцбахера, въ Германіи было почти 67 милл. населенія, а въ 1915—16-мъ приходится принимать во вниманіе только 63 милл. (въ томъ числѣ уже почти $1^2/_3$ милл. плѣнныхъ). Изъ запасовъ продовольствія, какими можетъ располагать страна, соотвѣтственно выключено все, что требуется по германскимъ нормамъ для арміи (питаніе ея и въ организаціонномъ отношеніи выдѣлено изъ общей системы государственно-коммунальнаго снабженія и поручено спеціальнымъ учрежденіямъ военнаго вѣдомства; при переписи, секвестрѣ, раціонированіи и т. д. всякаго вида пищи всегда отдѣляется соотвѣтственная часть для арміи—рядъ цифровыхъ данныхъ опубликованъ въ декабрьскомъ докладѣ рейхстагу). Наконецъ, для качественной сравнимости разныхъ родовъ пищи, всѣ они выражены (согласно сборнику Эльцбахера) въ *калоріяхъ*—въ единицахъ производимой усвоеніемъ ихъ энергіи [1]). Разумѣется, въ

[1]) 1 граммъ жира даетъ 9,3 калорій, 1 граммъ углевода или бѣлка—по 4,1 кал. Подъ калоріей понимаютъ количество энергіи, необходимое для нагрѣванія на одинъ градусъ одного кубич. сантиметра воды.

столь большой работѣ, какъ подведеніе продовольственнаго баланса 63-хъ-милліоннаго населенія во второй годъ войны, и въ учетѣ распредѣленія разныхъ видовъ его между двумя, отличающимися доходомъ группами,—въ такой работѣ неизбѣжны отдѣльныя погрѣшности и несовершенства. Ея исполненіе стало вообще возможнымъ лишь благодаря упомянутому выше данному войной толчку дѣлу изученія германскаго продовольствія. Но, провѣряя различными путями тѣ немногіе пункты, для какихъ не было опоры въ надежныхъ массовыхъ статистич. данныхъ, я прихожу къ заключенію, что возможныя ошибки не могутъ быть существенны и ужъ во всякомъ случаѣ не могутъ измѣнить основныхъ чертъ картины.

Если считать сотнями милліардовъ (сот. мд.) калорій, то весь составъ продовольствія почти 67 милл. германскаго населенія въ 1912—13-мъ сел.-хоз. году равнялся по сборнику Эльцбахера,—887,6 сот. мд. кал.

Во второмъ году войны (авг. 1915—авг. 1916) въ распоряженіи 63 милл. подлежащаго прокорму населенія оказывается уже только 656 сот. мд. калорій всякаго рода пищи (сверхъ запасовъ для активной арміи, не включенной въ 63 милл.). Для главныхъ статей продовольственнаго баланса измѣненія заключаются въ слѣдующемъ.

Потребленіе ржаной и пшеничной муки во всѣхъ видахъ обычно составляло 267,5 граммовъ въ день въ среднемъ на человѣка. Согласно правительственному постановленію отъ 19 авг. н. ст. 1915 г., дневной раціонъ на второй годъ войны опредѣленъ въ 225 граммовъ муки (не считая картоф. примѣси). Уменьшеніе на 16 проц., а если принять во вниманіе еще небольшое количество, отдѣльно отпускаемое для изготовленія нѣкоторыхъ видовъ печеній и т. п., то только на 15 проц. Состоявшійся недавно ввозъ нѣкотораго количества зерна изъ Румыніи и Болгаріи не мѣняетъ дѣла. Во-первыхъ, все закупленное количество дѣлится между Австріей и Германіей и въ общемъ не составляетъ даже пуда на жителя обѣихъ этихъ странъ вмѣстѣ. Во-вторыхъ, согласно оффиціал. сообщенію, большая часть ввезеннаго зерна состоитъ изъ корма для скота. Въ-третьихъ, поскольку имѣется зерно, пригодное для людей, оно не обращено на увеличеніе раціона, а присоединено къ запасамъ, отложеннымъ отъ сбора 1915 года на третій годъ войны, на случай плохого урожая въ 1916 г. За послѣдніе годы общій сборъ ржи и пшеницы [1]) составлялъ въ Германіи:

---

[1]) Къ пшеницѣ присчитана и полба, дающая около 2,5 проц. всего сбора ржи, пшеницы и полбы вмѣстѣ. Полба даетъ бѣлую муку, смѣшиваемую съ пшеничной.

въ 1912 г.	16.336	тыс. тоннъ.
„ 1913 „	17.315	„ „
„ 1914 „	14.770	„ „
„ 1915 „ . . . . около	15.500	„ „

Окончательныя цифры урожая 1915 года еще не опубликованы, объявлено лишь, что сборъ ржи и пшеницы ближе къ уровню 1912 г., чѣмъ къ уровню 1914 г. Съ 1 сент. 1915 г. предписано вымалывать изъ зерна 75 проц. муки (остальное въ видѣ отрубей достается скоту). Принимая во вниманіе раціонъ 63 милл. населенія, паекъ активной арміи (въ это понятіе включаются въ Германіи и «Armierungssoldaten», подчиненныя военной дисциплинѣ и одѣтыя въ солдатскую форму, составленныя изъ мобилизованныхъ «военно-рабочія колонны», включающія въ себя до четверти всѣхъ состоящихъ на службѣ), посѣвный матеріалъ, потерю при храненіи и процентъ перемола, а равно произведенное по закону 2 окт. н. ст. 1915 г. обращеніе 18 милл. пуд. изъ запасовъ ржи и пшеницы на усиленіе корма скота,—легко высчитать величину отложеннаго въ Германіи на третій годъ войны запаса. Именно, считая нынѣшніе размѣры гражданскаго раціона и военнаго пайка, его должно хватить еще для арміи и населенія болѣе чѣмъ на два мѣсяца третьяго года (Германія ввозила обычно около 10 проц. собственнаго сбора ржи и пшеницы, а скармливала скоту около 15 проц. этого сбора; запрещеніе скармливанія, ограниченіе потребленія гражданскаго населенія и увеличеніе запасовъ муки путемъ повышенія процента перемола до 75—все это дало возможность и безъ ввоза сдѣлать запасъ на третій годъ).

Съ мясными продуктами дѣло обстоитъ хуже, чѣмъ съ хлѣбомъ. Недавно опубликованы результаты переписи 1 октября н. ст. 1915 г.

	Рогатаго скота.	Свиней.	Овецъ и козъ.
На 1 дек. 1914 г. . . .	21,8 милл.	25,3 милл.	9,0 милл.
На 1 окт. 1915 г. . . .	21,0 „	19,2 „	9,6 „

Прежде всего оказывается, что упавшее къ половинѣ мая почти до 15 милл. количество свиней удалось поднять за лѣто до 19 милл. Съ исчезновеніемъ зеленаго и лѣснаго корма возможность дальнѣйшаго прироста отпала. Добавочный румынско-болгарскій кормъ по сообщенію агентства Вольфа даетъ возможность вскормить лишь до полумилліона свиней. Свиньи даютъ обычно 75 проц. всѣхъ категорій доставляемыхъ мясными продуктами (считая всякое сало и мясо, птицу, рыбу, дичь и прочіе виды мяса). Однако, распредѣленіе «свиной наличности» по возрасту показываетъ, что главный недостатокъ свиного сала и мяса придется на третій годъ войны. Весь дефицитъ

приходится на поросятъ, средній вѣсъ которыхъ не великъ. Въ мирное время въ Германіи ежедневно закалывалось 25 милл. штукъ свиней, безъ уменьшенія общаго количества и безъ измѣненій въ возрастномъ ихъ распредѣленіи. Всего было свиней въ возрастѣ:

	до полугода.	отъ 1/2 до 1 года.	старше 1 г.
На 1 дек. 1914 г. . . .	16.940 тыс.	6,123 тыс.	2.277 тыс.
На 1 окт. 1915 г. . . .	9.700 „	7.300 „	2.200 „

Легко видѣть, что при не очень большой потерѣ въ вѣсѣ общей массы свиного мяса нельзя будетъ на третій годъ войны воспитать такое же количество тяжеловѣсныхъ взрослыхъ свиней вмѣсто имѣющихъ быть убитыми во второмъ году, какое удавалось вскармливать обычно, когда запасы корма позволяли содержать чуть не вдвое болѣе поросятъ. Не загромождая изложенія разсчетами вѣса свиней разныхъ разрядовъ, установленной потери вѣса рогатаго скота (вслѣдствіе уменьшенія корма въ странѣ на 45 проц., что отчасти привело къ сокращенію количества свиней, а главнымъ образомъ—къ чрезвычайному сокращенію производства молочныхъ продуктовъ вслѣдствіе уменьшенія удоя), разсчетами о потребностяхъ арміи, о выпавшей долѣ иностраннаго привоза и т. д.—ограничусь заключеніемъ, что въ итогѣ для 63 милл. жителей остается лишь 103 сотни мд. кал. отъ мясныхъ продуктовъ (сало, всякое мясо, рыба, птица, дичь), т.-е. на четверть меньше того, что имъ слѣдовало бы по нормамъ мирнаго времени. Въ третьемъ году войны недостатокъ въ мясѣ долженъ еще увеличиться, если только страна не перейдетъ прямо къ убою безъ замѣны части рогатаго скота, либо всѣхъ овецъ и козъ, какъ сдѣлано въ первомъ году съ частью свиней (козье молоко даетъ въ годъ 9 сот. мд. кал.).

Уменьшеніе молочныхъ продуктовъ приняло такіе размѣры, что за учетомъ отдѣляемаго для арміи и обезпеченнаго къ привозу изъ нейтральныхъ странъ (Голландія, Данія и т. д. контингентировали недавно эти количества), для 63 милл. чел. остается всего 46 сотенъ мд. кал. отъ молочныхъ продуктовъ вмѣсто 110 ст. мд., какія бы имъ слѣдовали по нормамъ мирнаго времени. Уже при изданіи первыхъ законовъ объ ограниченіяхъ въ примѣненіи молока (2 сент. н. ст.), о нормированіи цѣнъ на масло (22 окт. н. ст.) и регулированіи потребленія молока вообще (4 ноября н. ст.) правительство предупреждало, что въ распоряженіи населенія не можетъ оказаться и половины обычнаго для него количества. Дѣйствительно, не хватаетъ 58 проц., считая въ калоріяхъ, и недостатокъ этотъ еще усиливается

абсолютномъ недостаткѣ для людей вообще не существуетъ въ Германіи. Мука, молочные и мясные продукты, картофель и сахаръ—эти пять родовъ пищи доставляютъ во второмъ году войны уже 87 проц. всѣхъ калорій германскаго продовольствія (въ мирное время немногимъ болѣе 80 проц.—питаніе стало вынужденно - однообразнѣе, не только уменьшилось количественно). Дальнѣйшее ухудшеніе продовольственнаго баланса въ третьемъ году должно быть во всякомъ случаѣ меньше того движенія «со ступеньки на ступеньку», какое продѣлала Германія въ первые два года.

III.

Уменьшеніе продовольствія на 22 проц. вызвало борьбу за то, кому нести на себѣ бремя этого уменьшенія, кому и въ какой мѣрѣ сократить свое питаніе. Борьба эта усиливалась тѣмъ существеннымъ обстоятельствомъ, что и въ мирное время питаніе разныхъ слоевъ населенія было далеко не равномѣрнымъ. Рядъ бюджетныхъ изысканій выяснилъ распредѣленіе пищи между людьми съ разнымъ уровнемъ дохода. Обычно при бюджетныхъ изслѣдованіяхъ разныхъ статистич. учрежденій границей, отдѣляющей имущихъ отъ малозажиточныхъ, принимается доходъ въ 2.500 мар. въ годъ, около 100 р. въ мѣсяцъ. Этимъ же уровнемъ ограничивается кругъ лицъ, подлежащихъ обязательному страхованію рабочихъ отъ болѣзней, недостиженіе этого же предѣла дохода даетъ право на полученіе дохода при родахъ женамъ солдатъ, по случаю мобилизаціи и т. п., доходы до 2.500 мар. защищены и отъ судебнаго иска. Однимъ словомъ, 100 руб. мѣсячнаго дохода, дѣйствительно, являются въ Германіи раздѣльной чертой, и остается только опредѣлить численность соотвѣтственныхъ частей населенія, чтобы при установленномъ спеціальными изслѣдованіями питаніи обѣихъ группъ быть въ силахъ выяснить долю каждой изъ нихъ въ общей массѣ германскаго продовольствія.

Нужныя данныя доставляетъ статистика подоходнаго налога въ Пруссіи (обнимавшая въ 1914 г., считая всѣхъ жившихъ на счетъ получателей дохода, 41,2 милл. чел.)—путемъ распространенія ея выводовъ на всю Германію, чтó признается правильнымъ нѣмецкими авторитетами. Министръ финансовъ Гельфферихъ разсчиталъ, что данныя подоходной статистики на четверть ниже дѣйствительности—кому объ этомъ и судить, какъ не министру финансовъ (Гельфферихъ. «Народн. благосост. въ Герм.», 1915). Потому раздѣльной чертой придется принять номинальныхъ 2.100 мар., чтó слѣдоват., соотвѣтствуетъ фактическимъ 2.625 мар. въ годъ, или 101 рублю въ мѣсяцъ. Оказы-

вается, что на доходъ одного лица, получающаго *болѣе* 101 руб. ежемѣсячно, живетъ въ среднемъ 3,2 человѣка, считая и его самого; а на доходъ одного лица, получающаго *менѣе* 101 руб. въ мѣсяцъ, существуетъ только 2,48 чел., считая и его самого. У малоимущихъ меньшее количество лицъ живетъ на счетъ одного кормильца, чѣмъ у зажиточныхъ. Поэтому разница между величинами дохода, приходящагося въ среднемъ на всѣхъ членовъ каждой изъ обѣихъ группъ, меньше разницы между доходами кормильцевъ. Средній годовой доходъ одного кормильца, получающаго менѣе 101 руб. въ мѣсяцъ, составляетъ всего 1.060 мар. [1]), а доходъ одного кормильца, имѣющаго болѣе 101 руб. ежемѣсячно, равенъ въ среднемъ 7.578 мар. въ годъ. Но если взять не только кормильцевъ, а всѣхъ членовъ каждой группы сплошь,—какъ и слѣдуетъ для опредѣленія ихъ средней покупательной способности и возможнаго уровня жизни,—то на каждаго человѣка у малоимущихъ придется 424 марки, а у имущихъ по 2.368 марокъ въ годъ. Иначе сказать, на каждое лицо изъ имущаго класса (существующаго на счетъ доходовъ свыше 101 руб. въ мѣсяцъ) приходится въ Германіи въ среднемъ въ $5^1/_2$ разъ больше дохода, чѣмъ на каждое лицо изъ малозажиточныхъ слоевъ населенія. Это не значитъ, конечно, что и питаніе имущаго должно превосходить питаніе малозажиточнаго въ $5^1/_2$ разъ, но подготовляетъ уже насъ къ значительному неравенству и въ области продовольствія.

Общая численность населенія, принадлежащаго къ разряду имущихъ (т.-е. свыше 101 р.), составляетъ, согласно излагаемому источнику, почти ровно 12 проц. (1914 г.). На малозажиточныхъ приходится 88 проц.—вся широкая народная масса Германіи, городская и сельская (въ обоихъ случаяхъ засчитаны и кормильцы, и живущія на ихъ счетъ лица). Населеніе Германіи принято считать зажиточнымъ, чуть не богатымъ, и на первый взглядъ кажутся неожиданными подобныя данныя самой же германской статистики. Восемь девятыхъ нѣмцевъ имѣетъ на жителя *въ годъ* всего по 200 рублей! Для возстановленія правильности перспективъ слѣдуетъ, б. м., упомянуть, что, по отчетамъ фабричной инспекціи русскіе фабрично-заводскіе рабочіе получаютъ въ среднемъ лишь по 20 руб. въ мѣсяцъ, а по переписи на заработокъ каждаго изъ нихъ живетъ въ среднемъ $1^3/_4$ чел. Иначе сказать, на каждое лицо, принадлежащее къ фабрично-завод-

[1]) Эти данныя относятся къ 1914 г. и ко всему народу (прусская статистика учитываетъ доходъ также и освобожденныхъ отъ налога въ виду наличности дохода менѣе 900 мар. въ годъ). Для сравненія можно указать, что по отчету страхованія отъ инвалидности средній фактическій доходъ всѣхъ индустріальныхъ, горныхъ, строительныхъ и т. д. рабочихъ Германіи составлялъ въ 1913 году 1.083 мар. на одно занятое лицо въ годъ.

скому классу, считая и членовъ семействъ, приходится въ Россіи лишь 137 р. въ годъ въ среднемъ. Между тѣмъ въ Германіи 200 р. представляютъ собою среднюю не только для состава фабрично-заводскаго населенія, но и для прислуги, для сельскохоз. рабочихъ и для иныхъ отраслей труда, оплата которыхъ обычно отстаетъ отъ фабрично-заводской работы. Германія дѣйствительно богатая и цвѣтущая страна, но только это богатство распредѣлено въ ней очень неравномѣрно. Изъ 45 милліардовъ марокъ годового дохода страны довольно тонкій слой въ 12 проц. всего населенія сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ ежегодно около 20 мд., а остальнымъ 88 проц. населенія достается лишь немногимъ болѣе—около 25 мд. Таковы итоги обработанной по Гельффериху оффиціальной статистики.

Принимая во вниманіе данныя о среднемъ потребленіи разнаго рода продуктовъ лицами обѣихъ имущественныхъ группъ, находимъ, вся масса германскаго продовольствія распредѣлялась въ мирное время слѣдующимъ образомъ между обѣими частями населенія (въ сотняхъ мд. калорій):

	Доля 12% имущихъ.	Доля 88% остальныхъ
Ржаная и пшеничная мука . .	32 ст. мд.	280 ст. мд.
Мясные продукты	68 „ „	79 „ „
Молочные продукты	58 „ „	58 „ „
Картофель	11 „ „	93 „ „
Сахаръ	13 „ „	35 „ „
Прочее продовольствіе	64 „ „	96 „ „

Въ итогѣ зажиточные 12 проц. населенія получали 246 сот. мд. а малоимущіе 88 проц.—641 сот. мд. изъ всѣхъ 887 ст. мд. калорій общаго германскаго продовольствія въ *мирное время*. Въ то время, какъ средній доходъ имущихъ больше въ $5^1/_2$ разъ, среднее питаніе ихъ по разсчету на одного человѣка оказывается, такимъ образомъ, лишь въ $2^4/_5$ раза обильнѣе (по калоріямъ) питанія малозажиточныхъ. Ростъ ихъ продовольственныхъ рессурсовъ въ два раза слабѣе роста денежныхъ. Среднее мирное германское питаніе въ 3.650 калорій въ день на жителя распадается на двѣ разнородныя части: имущіе 12 проц. жителей получаютъ по 8.400 калорій въ день, а остальные 88 проц.—только 3.000. Разумѣется, имущіе усваиваютъ не всѣ 8.400 кал. полностью, какія достаются имъ на долю. Не говоря ужъ о распространенныхъ въ этомъ слоѣ болѣзняхъ, понижающихъ способность усвоенія и являющихся отчасти результатомъ образа ихъ жизни,—здѣсь вообще происходитъ систематическое расточеніе продовольствія путемъ неполнаго его использованія,—что возможно именно благодаря обилію ѣды. Ежедневно громадное количество калорій попадаетъ

со столовъ имущихъ въ кухонные отбросы, выбрасывается въ качествѣ объѣдковъ и остатковъ, скармливается собакамъ и кошкамъ и т. д. Изслѣдованія управленія берлинскихъ сточныхъ трубъ показали, что въ видѣ отбросовъ и остатковъ пищи ежедневно сплавляется въ Берлинѣ по 20 граммовъ жировъ на человѣка въ среднемъ, т.-е. около 185 калорій. Малоимущіе люди не имѣютъ привычки оставлять или выбрасывать ѣду, они обгрызаютъ мясо до кости, выпиваютъ молоко до дна, употребляютъ для жаренья столько масла или маргарина, что потомъ не выбрасывается со сковороды половина и т. д. Если бы распредѣлить всю установленную изслѣдованіемъ берлинскихъ сточныхъ трубъ потерю только между 12 проц. жителей, то на долю каждаго изъ нихъ пришлось бы свыше 1.400 пропавшихъ калорій въ видѣ однихъ только жировъ изъ всего его дневного раціона въ 8.400 кал. А потери въ видѣ углеводовъ и бѣлковъ тоже должны составлять довольно замѣтную величину. Изъ своего дневного раціона принадлежащій къ имущимъ 12 проц. нѣмецъ выбрасываетъ безъ пользы, вѣроятно, не менѣе половины того количества, какое вообще получаетъ на свою долю малозажиточный. Но и за всѣмъ тѣмъ разница въ питаніи сказывается очень наглядно въ ростѣ и вѣсѣ лицъ обѣихъ группъ (по измѣреніямъ при поступленіи въ солдаты), въ продолжительности жизни и т. д. Вотъ, напр., смертность дѣтей до одного года отъ рожденія въ Берлинѣ въ 1910 г. (Ежег. гор. Берл., 1913). Въ 5 «богатыхъ» частяхъ города (Фридрихштадтъ, Доротеенштадтъ и т. д.) она составляла 183 на каждыя сто тысячъ населенія, а въ 8 «рабочихъ» частяхъ (Веддингъ, Моабитъ и т. д.)—цѣлыхъ 470, то-есть въ $2^1/_2$ раза больше.

Во второмъ году войны, вмѣсто 3.650 калорій, на каждаго жителя приходится въ Германіи только 2.852,5 кал. въ день. Это значитъ, если бы имущіе 12 проц. сохранили прежнее свое потребленіе по 8.400 кал., то остальнымъ 88 проц. населенія осталось бы уже только по 2.100 кал. въ день—количество, даже физіологически достаточное только для поддержанія жизни и т. п., но не для сохраненія нормальной трудоспособности. Есть различные подсчеты физіологовъ, какое количество калорій слѣдуетъ считать нормальнымъ. По извѣстному опредѣленію Рубнера, сдѣланному еще до войны и одному изъ наиболѣе авторитетныхъ, для взрослаго мужчины интеллигентныхъ профессій требуется 2.445 кал. въ день, для средняго физическаго рабочаго—2.868 кал. и при тяжелой физической работѣ—3.362 кал. Коллективный трудъ Эльцбахера предлагаетъ среднюю для взрослаго мужчины въ 3.000 кал., а мы примемъ на основаніи разныхъ соображеній еще болѣе высокую норму въ 3.120 кал. Потребность взрослой женщины американская оффиціальная статистика принимаетъ въ $^9/_{10}$ ра-

ціона мужчины, датская—въ $^{8}/_{10}$, а коллективный трудъ Эльцбахера въ 86 проц. Мы принимаемъ 90 проц. согласно американской нормѣ, и точно также принимаемъ наиболѣе неблагопріятныя для оцѣнки германскихъ продовольственныхъ рессурсовъ нормы (американскія) и для дѣтей и подростковъ всѣхъ возрастовъ. Разумѣется, не изъ специфическаго желанія уменьшить значеніе германской продовольственной наличности, а просто согласно «золотому правилу» разсчитывать всегда на худшій случай, а не на лучшій. Согласно ежегоднику Герм. Имп. 1915 г., принимая во вниманіе приростъ населенія, смертность, выѣхавшихъ и въѣхавшихъ иностранцевъ, ушедшихъ въ армію и вернувшихся изъ нея, а также потерянныхъ нѣмцами плѣнныхъ, составъ 63 милл. населенія Германіи (всего, кромѣ находящагося въ рядахъ арміи и Armierungssoldaten) окажется на 1 янв. 1916 г. слѣдующимъ: 22,3 милл. дѣтей обоего пола по 14 лѣтъ включительно, 24,0 милл. женщинъ отъ 15 лѣтъ и старше и 16,7 милл. мужчинъ отъ 15 лѣтъ и старше (въ томъ числѣ около полутора милл. плѣнныхъ и около полумилліона вернувшихся съ войны инвалидовъ). Если взять за основу 3.120 кал. въ день для всѣхъ мужчинъ отъ 15 лѣтъ и старше, то при данномъ составѣ этихъ 63 милл.—для сохраненія населеніемъ *нормальной работоспособности* окажется физіологически необходимымъ среднимъ раціономъ 2.442 кал. въ день на душу. Сохраненіе обычнаго питанія зажиточными 12 проц. означало бы, такимъ образомъ, не только уменьшеніе на 30 проц. обычнаго потребленія всего остальнаго народа (съ 3.000 до 2.100 кал. въ день), но и оттѣсненіе его довольно далеко ниже физіологически необходимаго для него уровня.

Создавшееся положеніе объясняетъ ту страстность и настойчивость, съ какой германскія народныя массы повели и провели кампанію за принудительное регулированіе потребленія важнѣйшихъ продуктовъ. Самые мощные и организованные аграріи міра—прусское юнкерство—послѣ полуторагодовой внутренней борьбы принуждены были очистить предъ противникомъ почти все поле продовольственной битвы, несмотря на упорнѣйшую поддержку государственной власти, лишь шагъ за шагомъ отступавшей предъ натискомъ собственнаго народа. «Борьба за пищу» направлена была въ двѣ стороны. Противъ обильнаго потребленія имущихъ, за принудительное его ограниченіе—ради обезпеченія 88 проц. населенія, всей малоимущей массѣ, возможно меньшаго отклоненія отъ продовольственныхъ нормъ мирнаго времени. Здѣсь основнымъ лозунгомъ движенія было сначала «*равномѣрное*», а потомъ «*справедливое*» распредѣленіе продовольствія. Во-вторыхъ—противъ аграріевъ и торговцевъ, за устраненіе произвола въ опредѣленіи цѣнъ, за обезпеченіе выполненія въ дѣйствитель-

ности установленныхъ на бумагѣ правилъ распредѣленія. Для этого дополнительными лозунгами должны были явиться требованія контроля надъ всѣмъ снабженіемъ, начиная отъ области производства, и принудительнаго опредѣленія цѣнъ на всѣхъ стадіяхъ пути товара отъ производителя къ потребителю.

При отсутствіи принудительнаго ограниченія потребленія имущихъ и при отсутствіи обязательныхъ цѣнъ, распредѣленіе продуктовъ происходило бы по «естественному» методу «стихійной» игры экономическихъ силъ. Имущіе подняли бы цѣны настолько, что 88 проц. малозажиточныхъ не были бы въ состояніи покупать болѣе 2.100 кал. въ день, и имущимъ осталось бы, дѣйствительно, по 8.400, какъ въ мирное время. Разумѣется, имущіе заинтересованы въ неурегулированности продовольственнаго рынка, лишь пока она не переходитъ въ катастрофу. Вздорожаніе ѣды вдвое не пугаетъ людей, имѣющихъ въ $5^1/_2$ разъ больше дохода, чѣмъ средній человѣкъ изъ народа,—если только дороговизна не сопровождается прекращеніемъ подвоза продуктовъ вообще, если она возникаетъ *не изъ разстройства транспорта, а на основѣ конкурренціи между имущими и малозажиточными* изъ-за доли въ уменьшившейся наличности продовольствія. Но желѣзныя дороги работаютъ въ Германіи, въ общемъ, аккуратно и катастрофическаго характера дороговизна для имущихъ 12 проц. поэтому не принимала. Съ другой стороны понятная заинтересованность аграріевъ въ дороговизнѣ на произведенія сельскаго хозяйства превратила ихъ въ особенно страстныхъ сторонниковъ «свободы», т.-е. нерегламентированія производства, обмѣна и распредѣленія. Потому при введеніи всякаго рода продовольственныхъ «карточекъ» гораздо больше приходилось имѣть дѣло съ противодѣйствіемъ сельскихъ хозяевъ, чѣмъ съ протестами имущихъ 12 проц. вообще. Къ тому же введеніе обязательныхъ общеимперскихъ цѣнъ пріобрѣтало реальное значеніе только при условіи лишенія производителей и торговцевъ права свободно распоряжаться принадлежащими имъ продовольственными запасами. Опытъ показалъ, что безъ этого даже стройно и продуманно введенныя таксы остаются на бумагѣ, производители не выпускаютъ продукта обычнымъ порядкомъ на рынокъ, либо даютъ ему другое болѣе доходное примѣненіе (напр. скармливаютъ картофель свиньямъ и хлѣбъ коровамъ, превращаютъ мясо въ колбасу, а молоко въ сыръ и т. п.), либо условіемъ продажи продукта по таксѣ дѣлаютъ присоединеніе къ нему по дорогой цѣнѣ какихъ-либо малоцѣнныхъ предметовъ, насчитываніе фантастически-высокихъ «накладныхъ расходовъ» за мѣшки и т. п. Потому введеніе таксъ очень быстро стало сопровождаться все крѣпнувшимъ лозунгомъ «принудительнаго отчужденія» продовольственныхъ припасовъ отъ производителей для дальнѣйшаго распоряженія

ими въ интересахъ общественнаго цѣлаго—и успѣхи этого лозунга особенно горько воспринимались аграріями, какъ нарушеніе принципа: «я самъ хозяинъ въ своемъ домѣ». Подъ домомъ, который долженъ былъ быть предоставленъ въ полное распоряженіе 700 тыс. хозяевъ [1]), понималась при этомъ одна изъ обширнѣйшихъ и важнѣйшихъ областей народнаго труда—все производство продовольствія. И жалобы на принудительныя ограниченія раздавались не потому, что обезпечивавшіяся ими къ соблюденію установленныя цѣны оказывались убыточными, но просто отъ обиды на исчезавшую возможность взвинчивать цѣны еще и еще далѣе.

«Продовольственныя войны» внутри самой Германіи, сначала хлѣбная, затѣмъ картофельная, свиная, молочная, масляная и т. д., по очереди смѣнявшія другъ друга, совершенно выбили аграріевъ изъ ихъ принципіальной позиціи. Все первое полугодіе войны консервативная пресса распиналась за спасительность «урегулированія рынка и потребленія путемъ свободной игры экономическихъ силъ». Только формальная угроза со стороны центра професс. союзовъ и рабочей партіи разрывомъ «гражданскаго перемирія» (Bürgfriede) вмѣстѣ съ энергичными представленіями военнаго генеральнаго штаба о необходимости избѣжать внутреннихъ замѣшательствъ (опубликовано въ легальной германской печати), побудили имперское правительство сдѣлать первый шагъ, введя съ 1 февр. 1915 года хлѣбныя карточки и всеобщее обязательное принудительное отчужденіе зерна отъ производителей. Но и послѣ того, когда рѣчь заходила о другихъ продуктахъ, о картофелѣ, маслѣ и т. д., еще долгое время саксонскіе и прусскіе министры, напр., не стѣснялись публично поддерживать такую точку зрѣнія: уменьшеніе припасовъ побуждаетъ уменьшить потребленіе и дороговизна—лучшее и естественнѣйшее средство для «пріученія населенія къ экономіи». И комиссіи прусскаго ландтага апплодировали идеѣ пріучать къ ограниченію потребленія дороговизной—такой «наукѣ», явное дѣло, доступенъ только тотъ, кому карманъ не позволяетъ упорно оставаться «необученнымъ». Не только аграріи, но даже такіе либеральные органы зажиточныхъ классовъ, какъ «Berliner Tageblatt», считали еще допустимымъ и приличнымъ въ то время высказывать «сомнѣнія», слѣдуетъ ли «печальную принципіально, но теперь необходимую» мѣру принудительнаго регулированія, принятую относительно хлѣба, распространить и на другіе продукты, или предпочти-

[1]) Изъ 5.736 тысячъ владѣльцевъ „сельскохозяйств. производствъ" (по переписи 1907 года) менѣе чѣмъ 700 тысячъ (владѣющимъ свыше 10 гект. каждый) принадлежало болѣе двухъ третей всей сельскохоз. площади Германіи и свыше $^{4}/_{5}$ всѣхъ *поступающихъ на рынокъ* продуктовъ ея сельскохоз. производства.

тельнѣе предоставить дѣло «естественному ходу вещей» («Berl. Tagebl.» ссылался также на нежелательность устраненіемъ торговцевъ «разрушать основы благосостоянія этого полезнаго сословія».

Давно сказано, что лицемѣріе есть дань, которую порокъ платитъ добродѣтели. Интересно звучитъ такое заявленіе нынѣшняго лидера консерваторовъ въ рейхстагѣ графа Вестарпа, въ докладѣ его рейхстагу къ засѣданію 11 января н. ст. 1916 г. (въ качествѣ представ. бюджетной комиссіи): «*Важнѣйшей* задачей внутренней политики является принятіе и проведеніе рѣшительныхъ, единыхъ и планомѣрныхъ мѣропріятій для обезпеченія народа жизненными припасами и прочими необходимыми предметами повседневнаго обихода съ цѣлью *равномѣрнаго и справедливаго раздѣла всѣхъ наличныхъ запасовъ*, поддержанія производства и воспрепятствованія ростовщической или иной несправедливой наживѣ отдѣльныхъ лицъ». И бюджетная комиссія одобрила предложеніе о введеніи мясныхъ карточекъ, доселѣ всегда отвергавшееся, и приняла резолюцію о созданіи имперскаго «Продовольственнаго совѣта» въ составѣ исключительно 15 депутатовъ всѣхъ партій, избранныхъ самимъ рейхстагомъ. На послѣднее согласилось теперь и имперское правительство, еще въ августѣ находившее созданіе подобнаго учрежденія «непредусмотрѣннымъ конституціей» (съ чѣмъ еще на сессію раньше, въ маѣ, когда соц.-дем. впервые предложили созданіе такого органа, соглашалось и большинство рейхстага). Здѣсь, можетъ быть, умѣстно вспомнить, что первый опытъ *равномѣрнаго* распредѣленія (хлѣбная монополія) послѣдовалъ послѣ упомянутыхъ угрозъ разрывомъ «междуклассоваго перемирія»; что дальнѣйшее осложненіе его весьма интереснымъ принципомъ «*справедливаго*» распредѣленія произошло въ томъ іюнѣ, когда подъ вліяніемъ успѣховъ въ Галиціи, прогнавшихъ прежнюю испуганную скованность общественной мысли, впервые начали принимать замѣтный объемъ выступленія рабочихъ собраній за миръ; и что наконецъ теперешнее «продовольственное пролѣвѣніе» графа Вестарпа, бюджетной комиссіи и имперскаго правительства послѣдовало непосредственно за открытымъ голосованіемъ 20 с.-дем. противъ новыхъ военныхъ кредитовъ въ засѣданіи 21 декабря н. ст., при чемъ еще 23 с.-дем. демонстративно уклонились отъ присутствія въ засѣданіи во время этого голосованія. Словомъ, на ростъ политическаго броженія германское правительство отвѣчаетъ ростомъ экономическихъ, въ частности «продовольственныхъ» уступокъ [1]).

---

[1]) Въ январѣ 1916 г. правительство согласилось понизить съ 70-ти лѣтъ до 65-ти возрастъ, дающій право рабочимъ на полученіе государственной пенсіи по случаю старости, и измѣнить законъ въ пользу профе... н. раб. общества.

Раньше чѣмъ перейти къ описанію основныхъ чертъ всей системы государственно-коммунальной организаціи продовольствія, я хочу еще иллюстрировать содержаніе понятій о «равномѣрномъ» и «справедливомъ» распредѣленіи, какъ его выяснила нѣмецкая практика, указать хронологическую послѣдовательность въ разрастаніи контроля надъ всѣмъ снабженіемъ (не лишенную, какъ видно будетъ, особой поучительности), остановиться на соціальной сторонѣ германскаго рѣшенія вопроса о цѣнахъ и подвести итоги фактическимъ измѣненіямъ въ распредѣленіи продовольствія между имущими и малозажиточными,—итоги, въ созданіи и величинѣ которыхъ заключается основное общественное содержаніе всей системы государственно-коммунальнаго снабженія.

IV.

Послѣ введенія хлѣбной монополіи и до конца лѣта въ Германіи имѣло мѣсто равномѣрное распредѣленіе хлѣба между жителями. Затѣмъ оно было замѣнено такъ наз. справедливымъ распредѣленіемъ. Сущность послѣдняго заключается въ томъ, что кто больше работаетъ, тотъ больше получаетъ хлѣба. Исходнымъ пунктомъ послужило изданное 23 іюня разрѣшеніе увеличивать хлѣбный раціонъ мужчинамъ старше 12 лѣтъ (изъ семействъ, имѣющихъ меньше 2.500 мар. годового дохода) на счетъ уменьшенія средняго раціона тѣмъ изъ нихъ и изъ прочаго населенія, кто не занимается физической работой. Общеобязательнымъ такой порядокъ сталъ съ конца лѣта, послѣ того, какъ постановленіемъ отъ 19 августа н. ст. средній дневной раціонъ муки былъ повышенъ до 225 граммовъ въ день. Мѣстныя самоуправленія получили возможность выдавать усиленныя хлѣбныя порціи и физически работающимъ женщинамъ. Новая система распредѣленія была такимъ же результатомъ давленія демократіи, какъ за полгода передъ тѣмъ введеніе просто-равномѣрнаго распредѣленія. Дѣло въ томъ, что въ мирное время потребленіе муки малоимущими (какъ и картофеля) было больше по разсчету на человѣка, чѣмъ зажиточными. На одно лицо первой группы приходилось 292 грамма муки въ день, на одно лицо второй группы—247,5 грам. въ среднемъ. Потому увеличеніе хлѣбнаго раціона рабочимъ сравнительно съ прочимъ населеніемъ не было созданіемъ какихъ-либо неправомѣрныхъ привилегій, а лишь возстановленіемъ справедливости. Въ началѣ 1915 г. народныя массы добились принудительнаго ограниченія хлѣбнаго потребленія вообще, чтобы зажиточные повышеніемъ цѣнъ не смогли привлечь къ себѣ обычныя для нихъ 247,5 гр. и тѣмъ заста-

вить остальные 88 проц. населенія довольствоваться гораздо меньшей нормой, (напр., при вообще имѣющемся въ странѣ среднемъ количествѣ муки въ 225 гр. на человѣка и при нормальномъ потребленіи зажиточныхъ, на долю остальныхъ 88 проц. жителей осталось бы лишь по 211 грам. въ день). За первымъ успѣхомъ послѣдовали, естественно, настоянія о второмъ шагѣ: не только воспретить зажиточнымъ забирать себѣ больше, но и прямо назначить имъ меньше, какъ людямъ, не занимающимся физическимъ трудомъ и могущимъ поэтому обойтись меньшимъ количествомъ пищи. Критеріемъ при опредѣленіи «права на пищу» избиралась такимъ путемъ не мѣра зажиточности даннаго лица, а мѣра потребности его въ хлѣбѣ въ зависимости отъ рода его жизни (ниже увидимъ проявленіе тенденцій «къ второму шагу» и относительно нѣкоторыхъ другихъ родовъ пищи). Можетъ прійти въ голову, что введеніе двухъ хлѣбныхъ раціоновъ, одного для рабочихъ, другого для прочихъ смертныхъ, было лишь результатомъ дальнѣйшаго обостренія недостатка хлѣба въ странѣ вообще: хлѣба, молъ, оставалось все меньше, такъ что пришлось уменьшать раціоны, и въ первую голову уменьшили не работающимъ физически, какъ бываетъ въ осажденныхъ крѣпостяхъ и т. д. Для правильной оцѣнки соотношенія общественныхъ силъ въ Германіи важно отмѣтить поэтому, что дѣло было какъ разъ наоборотъ. Первые мѣсяцы хлѣбной монополіи дневной раціонъ на жителя опредѣленъ былъ правительствомъ въ 200 гр. муки, съ середины іюня н. ст. въ 210 гр. и постановленіемъ отъ 19 августа н. ст.—въ 225 гр. Иначе сказать, дальнѣйшее пониженіе доли зажиточныхъ и неработающихъ въ пользу рабочихъ произошло къ осени не по причинѣ уменьшенія средняго раціона, а несмотря на его увеличеніе. Слѣдовательно, движущей силой являлись не объективно-неизбѣжныя слѣдствія войны, а причины *общественнаго* порядка—вліяніе и давленіе заинтересованныхъ группъ населенія. Распространенное представленіе о Германіи, какъ о вотчинѣ безраздѣльно господствующихъ прусскихъ юнкеровъ, нуждается, судя по этому, въ нѣкоторыхъ поправкахъ: массы населенія имѣютъ тамъ достаточно политической силы для проведенія въ жизнь даже подобныхъ мѣропріятій—и потому начало противовоеннаго движенія именно въ германскихъ массахъ имѣетъ, пожалуй, наибольшее практическое значеніе, чѣмъ гдѣ-либо на континентѣ Европы.

Въ № 11 «Извѣстій» германскаго союза городовъ приведены таблицы о практикѣ примѣненія принциповъ «справедливаго распредѣленія» въ 280 городахъ Германіи къ ноябрю 1915 г. Каждое мѣстное самоуправленіе самостоятельно опредѣляетъ величину хлѣбнаго раціона для рабочихъ и для прочихъ лицъ и самостоятельно рѣшаетъ

вопросъ, кого считать физическими рабочими. Отсюда проистекаетъ значительная пестрота практики. Вопросъ о томъ, кого считать физическими рабочими, города рѣшаютъ сплошь и рядомъ весьма просто: всѣхъ, кто подчиненъ обязательному страхованію отъ болѣзней (промышленные, транспортные, строительные и сельско-хозяйственные рабочіе, домашняя прислуга и пр.). Въ нѣкоторыхъ городахъ магистраты просто признали имѣющими право на полученіе увеличенныхъ раціоновъ всѣхъ подростковъ и взрослыхъ мужчинъ поголовно (изъ семействъ, имѣющихъ менѣе 2.500 мар. годового дохода) съ прибавленіемъ женщинъ, работающихъ физически по найму. Городъ Берлинъ установилъ, что усиленный раціонъ получаютъ лишь такіе разряды: 1) кто цѣлый день работаетъ внѣ дома, не имѣя возможности во время перерывовъ работы обезпечить себѣ доставку достаточнаго количества другой пищи, кромѣ приносимаго съ собой хлѣба; 2) кто работаетъ не меньше 6 часовъ въ промежутокъ времени между 8 часами вечера и 6 часами утра; 3) кто работаетъ частью въ ночныхъ, частью въ дневныхъ смѣнахъ, если въ теченіе недѣли данное лицо работаетъ не менѣе трехъ разъ ночью; 4) всѣ не достигшіе 21 года рабочіе и работницы, занятые въ какомъ-нибудь предпріятіи; 5) главы семействъ, болѣе половины членовъ которыхъ работаетъ днемъ внѣ дома. При всѣхъ этихъ ограниченіяхъ, число лицъ, получавшихъ въ началѣ января 1916 г. усиленный «рабочій» хлѣбный раціонъ, по заявленію обербургомистра Вермута, достигло въ Берлинѣ (безъ предмѣстій) почти 700 тыс. чел.—какъ разъ треть населенія. Въ виду того, что подобныя ограниченія не составляютъ общаго правила, въ другихъ городахъ «рабочимъ» раціономъ пользуется еще большая часть жителей,—около половины.

Усиленные раціоны рабочимъ выдаются и въ сельскихъ мѣстностяхъ и въ мелкихъ городахъ, но общегородской союзъ охватываетъ поселенія только болѣе чѣмъ съ 20 тыс. жит. въ каждомъ, потому приходится довольствоваться данными лишь о 280 городахъ. Если бъ не было мобилизаціи, въ нихъ жило бы около 25 милл. чел., а теперь оказывается лишь $21^1/_2$ милл. (считая гражданское населеніе)—около 36 проц. всего немобилиз. населенія страны. Въ томъ числѣ 50 городовъ съ болѣе чѣмъ 100 тыс. жит. въ каждомъ и $13^1/_2$ милл. всѣхъ жителей и 230 городовъ средняго размѣра (отъ 20 до 100 тыс.) съ 8 милл. всѣхъ жителей. Разницы въ общемъ характерѣ раціонированія между обѣими группами городовъ незамѣтно, потому достаточно сводки данныхъ 50 большихъ городовъ.

Недѣльный раціонъ хлѣба для обыкновенныхъ жителей составляетъ здѣсь, смотря по городу, отъ 1.750 до 2.500 граммовъ, а въ среднемъ 1.926—или 275 граммовъ ежедневно ($^{11}/_{16}$ русскаго фунта

въ день). Прибавка рабочимъ, смотря по городу, колеблется отъ 350 до 1.350 грам. въ недѣлю, а въ среднемъ 708 грам. Весь недѣльный раціонъ хлѣба рабочихъ составляетъ, смотря по городу, отъ 2.190 до 3.100 грам., а въ среднемъ 2.634—или 376,3 грамма ежедневно ($^{15}/_{16}$ русскаго фунта въ день). Слѣдовательно, рабочіе получаютъ въ Германіи ежедневно въ среднемъ почти на 40 проц. хлѣба больше, чѣмъ прочіе жители. Въ каждомъ городѣ принято свое соотношеніе при переводѣ муки въ хлѣбъ, въ среднемъ оно составляетъ 7 : 10. По этому разсчету каждый рабочій получаетъ ежедневно 263 гр. муки, каждый прочій гражданинъ—193 гр., въ то время какъ отпускавшійся правительствомъ средній раціонъ составлялъ 225 гр. Иначе сказать, въ то время какъ *среднее* потребленіе муки въ сравненіи съ мирнымъ временемъ сократилось въ городахъ на 16 проц. (съ 267 до 225 гр.), потребленіе ея *рабочей* половиной городского населенія упало лишь на 10 проц. (съ 292 до 263 гр.), а остальными жителями значительно больше, и въ томъ числѣ *зажиточной* частью почти на 22 проц. (съ 247,5 до 193 гр.). Сравнительное соціальное значеніе метода «естественной дороговизны», метода «равномѣрнаго распредѣленія» и метода «справедливаго распредѣленія» (терминологія графа Вестарпа)—при средней наличности 225 грам. муки на человѣка—можетъ быть иллюстрировано такой табличкой: должны получать въ день муки (въ граммахъ) при

	„естеств. дороговизнѣ“	„равном. распред.“	„справедл. распред.“
Рабочіе	211	225	263
Зажиточные . . (физически неработающіе).	247,5	225	193

Между прочимъ, мѣстнымъ самоуправленіямъ предоставлено было право уменьшать хлѣбные раціоны маленькимъ дѣтямъ и совсѣмъ лишать ихъ грудныхъ дѣтей—съ цѣлью увеличить раціоны взрослымъ. Двѣ трети городовъ вообще не воспользовались этимъ правомъ. Изъ остальныхъ большая часть предоставила дѣтямъ до 5—6 лѣтъ только половину хлѣбнаго раціона, назначеннаго для взрослыхъ. Разумѣется, сокращеніе дѣтскихъ раціоновъ поражало бы весьма сильно рабочія семьи и потому встрѣчало въ городскихъ самоуправленіяхъ возраженія представителей рабочихъ. Раціоны неработающимъ физически членамъ рабочихъ семействъ почти всюду приравнены раціонамъ зажиточныхъ, лишь немногіе города (напр. Мюнхенъ) критеріемъ для права на полученіе усиленнаго хлѣбнаго раціона избрали не фактъ физической работы, а просто наличность у данной семьи дохода ниже 2.500 мар. въ годъ.

Съ 1 февраля 1916 г. и до конца второго года войны правила о хлѣбномъ раціонѣ измѣнены такимъ образомъ, что рабочимъ остаются ихъ усиленные хлѣбные раціоны, но всему населенію вообще воспрещается выдавать свыше 200 гр. муки въ день въ среднемъ, при чемъ всѣ, не работающіе дѣйствительно физически, не должны быть впредь относимы къ рабочимъ, а самыя прибавки рабочимъ должны быть кое-гдѣ нѣсколько уменьшены, напр. въ Берлинѣ на 150 грам. въ недѣлю. Главная причина новой мѣры—отдѣленіе большого количества зерна на поддержаніе скота и слишкомъ щедрое опредѣленіе хлѣбныхъ раціоновъ не рабочему населенію многими городами. Въ иныхъ городахъ даже физическіе рабочіе получали только 2.190 гр. хлѣба въ недѣлю, а въ другихъ и зажиточное неработающее физически населеніе имѣло по 2.500 гр. Почти ровно 20 проц. городовъ выдавало нерабочимъ больше чѣмъ по 2 тыс. гр. въ недѣлю, затѣмъ 20 проц. выдавало какъ разъ по 2 тыс. гр. (по 5 рус. фунт.) и лишь остальные—меньше. Но чѣмъ большіе раціоны выдавались нерабочему населенію, тѣмъ меньше были прибавки рабочимъ, разъ средній итогъ заранѣе установленъ правительствомъ. Здѣсь опять сказывается отрицательная сторона пестроты безконтрольнаго осуществленія мѣстными учрежденіями принциповъ, преподанныхъ центрамъ лишь въ общихъ формахъ (подобно опыту съ пособіями безработнымъ). Будь въ мѣстныхъ самоуправленіяхъ вліяніе широкихъ слоевъ народа вездѣ одинаково и существуй вездѣ одинаково полно и точно отражающая взгляды населенія система выборовъ—отрицательныя стороны подобной пестроты не имѣли бы мѣста. Одинъ городъ не выдавалъ бы рабочимъ прибавку всего въ 350 гр. хлѣба въ недѣлю, когда другой назначаетъ 1.350 гр.—вчетверо больше. Опытъ этотъ будетъ, повидимому, использованъ при обсужденіи вопроса о реформѣ мѣстнаго самоуправленія, которая предстоитъ въ Германіи послѣ войны. Правительство объявило, что оно признаетъ выдающіяся заслуги городскихъ думъ по организаціи народной жизни за послѣдніе полтора года, отчасти расширило уже рядомъ законовъ ихъ права и компетенцію и готово будетъ сдѣлать дальнѣйшіе шаги, въ томъ числѣ и относительно избирательнаго права. Какъ велики будутъ эти уступки, пока, впрочемъ, неизвѣстно, и нѣтъ сомнѣнія, что чѣмъ важнѣе будетъ роль мѣстныхъ самоуправленій, тѣмъ напряженнѣе будетъ борьба разныхъ общественныхъ силъ за степень доступа къ руководству ими.

Тенденція преимущественно и въ первую голову обезпечить именно малоимущее населеніе вслѣдъ за хлѣбомъ стала переноситься и на нѣкоторые другіе роды пищи. Дѣло шло съ такой же медленностью, внутренней борьбой и противодѣйствіемъ лишь постепенно уступавшаго правительства, какъ и въ случаѣ съ хлѣбомъ,—но все-

таки шло. Если взять снабженіе картофелемъ, свинымъ мясомъ, молокомъ и жирами (масломъ, маргариномъ), то окажется своего рода традиціонный трафаретъ, по которому каждый разъ кампанія разыгрывается, какъ по заученнымъ нотамъ. Въ данный моментъ еще относительно не всѣхъ продуктовъ процессъ находится на одной стадіи, относительно свиного мяса и масла онъ завершенъ лишь частично, но порядокъ вездѣ одинаковъ. Сначала демократія требуетъ права принудительнаго отчужденія отъ сельскихъ хозяевъ всего даннаго продукта (картофеля, свиней, масла и т. д.) и расредѣленія его по карточкамъ среди всего населенія. Аграріи немедленно подымаютъ крикъ о неминуемой гибели сельскаго хозяйства и даже о возможности крестьянской революціи. Правительство отказываетъ наотрѣзъ потребителямъ въ ихъ домогательствахъ или принимаетъ какую-либо показную, почти не имѣющую или мало имѣющую реальнаго значенія мѣру. Тогда споръ переносится въ широкіе круги населенія, начинаются собранія, агитація въ газетахъ, потокъ всевозможныхъ резолюцій, аргументація безпокойствомъ солдатъ за положеніе ихъ семей— и правительство уступаетъ шагъ за шагомъ, въ послѣднюю минуту, спасая для аграріевъ, что можно, особенно въ области уровня цѣнъ. Вся консервативная пресса, какъ замѣтилъ въ рейхсталѣ 12 янв. н. ст. 1916 г. ораторъ прогрессистовъ Вендорфъ, немедленно объявляетъ: «Сельскіе хозяева не могутъ болѣе существовать, мѣры правительства враждебны (feindlich) сельскому хозяйству»; а потомъ начинается все это же самое относительно какого-либо другого продукта. Самъ помѣщикъ, Вендорфъ свидѣтельствуетъ, что врядъ ли возможно представить большую несправедливость и неблагодарность по отношенію къ правительству, чѣмъ подобныя заявленія аграріевъ.

Послѣ начальныхъ полумѣръ (установленіе обязательныхъ таксъ во всей странѣ, но безъ секвестра самого продукта и т. п.) первой серьезной уступкой, какую дѣлаетъ власть, бываетъ обычно попытка провести частичный секвестръ и частичное распредѣленіе по карточкамъ, чтобы обезпечить малоимущую половину городского населенія, утихомирить этимъ наиболѣе безпокойныхъ и предоставить за то аграріямъ полную свободу эксплоатаціи остального населенія. Въ такомъ положеніи еще сейчасъ дѣло съ мороженнымъ свинымъ мясомъ, съ масломъ и нѣкот. друг. продуктами. Примѣръ: послѣ долгой борьбы 24 окт. н. ст. изданъ законъ о введеніи опредѣленныхъ обязательныхъ таксъ (понизившихъ замѣтно дороговизну) во всей странѣ при продажѣ масла производителями, оптовыми и розничными торговцами. Секвестра не было предписано, производители сократили поставку масла еще болѣе, жалобы городского малоимущаго населенія стали еще громче. Менѣе зажиточная половина населенія среднихъ и круп-

ныхъ городовъ составляетъ около 18% населенія страны. И вотъ новымъ закономъ имперское правительство объявляетъ съ 10 янв. н. ст. 1916 г. подлежащими принудительному отчужденію отъ сельскихъ хозяевъ и молочныхъ фермъ 15% всего производства масла. Распредѣленіе его по карточкамъ среди менѣе имущей части населенія поручается мѣстнымъ самоуправленіямъ, которымъ секвеструемое масло будетъ передаваться правительствомъ (одновременно монополизованъ съ 12 янв. ввозъ маргарина, который также переданъ городамъ для распредѣленія между малоимущими).

Но стоитъ правительству сдать свою принципіальную позицію хотя бы въ примѣненіи лишь къ небольшой части производства и снабженія, какъ требованія всеобщаго секвестра (принудительнаго отчужденія) и всеобщаго распредѣленія черезъ мѣстныя самоуправленія пріобрѣтаютъ непреодолимую силу. Въ самомъ дѣлѣ, если секвестръ и карточки оказываются возможными для части производства и для части населенія (именно, для особенно «безпокойной»), то слишкомъ явно, что единственнымъ препятствіемъ для всеобщаго регламентированія по такому образцу является только стремленіе близкаго аграріямъ правительства обезпечить ихъ произволъ въ снабженіи рынка (никакое регламентированіе потребленія невозможно безъ обезпеченія снабженія; въ Германіи сельскіе хозяева такъ организованы, что они господствуютъ надъ оптовой торговлей, а не наоборотъ; потому для обезпеченія снабженія особенно необходимъ секвестръ продукта уже въ области производства). Послѣ первой уступки правительства начинается борьба за размѣръ ея—за охватъ секвестра и распредѣленія. До сихъ поръ не было случая, чтобы правительство вышло побѣдителемъ изъ такой борьбы: нѣмецкій обыватель не позволяетъ съ собой шутить, если только и какъ только пойметъ, въ чемъ дѣло. Иногда реализація системы секвестра и равномѣрнаго распредѣленія въ полномъ видѣ, доведеніе дѣла «до логическаго конца» имѣетъ мѣсто сначала въ одномъ изъ германскихъ государствъ, гдѣ особенно сильно и требовательно городское населеніе. Тогда возникаютъ порой оригинальныя «войны» между разными государствами Германіи — районы съ преобладаніемъ аграріевъ пробуютъ на свой страхъ и рискъ идти сепаратнымъ походомъ противъ «уравнительно-отчуждательнаго» мятежа, полностью восторжествовавшаго въ другомъ государствѣ. Такъ, индустріальная Саксонія въ томъ же январѣ успѣла уже довести имперскую мѣру относительно масла «до логическаго конца». Именно, саксонское правительство ввело масляныя карточки для всѣхъ поголовно, на душу опредѣлено 125 граммовъ масла въ недѣлю. Такъ какъ имѣется масло внутренняго производства съ болѣе низко нормированными цѣнами и привозное изъ Даніи, Голландіи и Швеціи

болѣе дорогое, то болѣе дешевое туземное предписано выдавать въ первую голову лицамъ съ доходомъ ниже 1.900 марокъ въ годъ, т. е. около 75 руб. въ мѣсяцъ (для нихъ же вообще резервируется маргаринъ). Теперь ожидается распространеніе этой системы на всю Германію: жители другихъ составныхъ государствъ страны не намѣрены молча завидовать Саксоніи, и рейхстагъ 17 янв. н. ст. уже принялъ соотвѣтственную резолюцію [1]). Пока же Баварія поспѣшила реагировать на «враждебный сельскому хозяйству» актъ Саксоніи тѣмъ, что баварское правительство, издавшее ограничительныя правила для торговаго вывоза масла изъ имѣющей его избытокъ Баваріи, *оффиціально* призываетъ теперь баварцевъ не посылать масла своимъ знакомымъ *въ Саксонію* почтой, не возить его туда съ собой въ пассажирскомъ багажѣ и въ ручныхъ вещахъ. «Чудесная картина единства нѣмецкой хозяйственной территоріи», замѣчаетъ по этому поводу журналъ «Soziale Praxis» 20 янв. н. ст. 1916 г.

Классическимъ, прямо школьнымъ примѣромъ борьбы за расширеніе объема принудительнаго отчужденія и обезпеченнаго распредѣленія можетъ служить исторія законовъ о картофельномъ снабженіи во второй годъ войны—ею потому и ограничу хронологическія иллюстраціи. За одинъ мѣсяцъ союзный совѣтъ принужденъ былъ издать три послѣдовательно другъ друга дополняющихъ закона: 9 окт. н. ст., 28 окт. н. ст. и 11 нояб. н. ст. 1915 г. Быстрота уступокъ объясняется особой важностью картофеля въ народномъ питаніи (сейчасъ въ питаніи массы почти 20% калорій картофельнаго происхожденія)—отсюда вытекала особая настойчивость давленія.

Началось съ того, что въ началѣ осени правительство вообще отказалось издать какіе бы то ни было законы о картофелѣ и даже отмѣнило 26 авг. н. ст. обязательныя таксы, введенныя въ первый годъ войны. Урожай хорошій, говорило оно, около 52 милл. тоннъ, людямъ нужно меньше трети его (остальное обычно идетъ скоту, на технич. цѣли и т. д.), незачѣмъ «насиловать» свободное теченіе хозяйственной жизни тамъ, гдѣ можно сохранить его. Аграріи (которые въ это время, въ виду возникшихъ требованій о регламентаціи молока, грозили прямо «молочной стачкой»), тогда-то и выдвинули свой произведшій не особенно выгодное для нихъ впечатлѣніе

[1]) „Справедливое“ распредѣленіе хлѣба вмѣсто „равномѣрнаго“ введено было сначала въ группѣ образующихъ Gross-Berlin городовъ (4 милл. жит.) по ихъ собственному усмотрѣнію и соглашенію, а затѣмъ уже навязано имперскимъ властямъ для всей страны. Распредѣленіе молока по карточкамъ введено сначала въ группѣ городовъ съ Дрезденомъ во главѣ, а затѣмъ уже, послѣ упорныхъ первоначальныхъ отказовъ, предписано союзнымъ совѣтомъ для всей Германіи. И т. п., вплоть до овощей.

аргументъ, будто планы въ родѣ «похода на картофель» дѣлаютъ возможными крестьянскіе безпорядки, которые-де и такъ помѣщики еле удерживаютъ. Не мѣшайте *намъ* вздувать цѣны на картофель, а то *онъ* сдѣлаетъ «революцію»—таковъ былъ смыслъ кивковъ на крестьянина. Опытъ показалъ, что когда цѣны все же были принудительно сведены затѣмъ къ уровню мирнаго времени, то не особенно патріотическія въ условіяхъ военнаго времени угрозы этихъ патентованныхъ патріотовъ оказались пустымъ мѣстомъ.

М. Лурье.

Стокгольмъ.

ЖУРАВЛИНЫЙ ПЕРЕЛЕТЪ.

(Письмо изъ Лондона).

I.

Соціологъ, этнографъ и историкъ наталкиваются постоянно на поразительный фактъ: идеи разъ выработанныя, хотя бы даже передъ зарей человѣчества, *никогда* не умираютъ окончательно, но возвращаются періодически, какъ перелетныя птицы.

„И небо вдругъ покрылось тьмою,
И воздухъ весь отъ крылъ шумитъ—
И видятъ: черной полосою
Станица журавлей летитъ".

Такъ во время торжественааго праздника въ честь цивилизаціи и разума появляются «черной полосою» идеи, сложившіяся еще въ эолитическомъ вѣкѣ. Идея, въ концѣ концовъ, только дитя окружающихъ условій и воспитанія. И какъ только создаются подходящія условія, за «прилетомъ» дѣло не станетъ. Читатели помнятъ, вѣроятно, удивительный образъ, созданный Платономъ въ «Республикѣ», чтобы дать представленіе о нашей безпомощности познать сущность вещей. Человѣчество представлено въ видѣ прикованныхъ за шею рабовъ, сидящихъ въ пещерѣ, спиной ко входу. «На волѣ» гдѣ-то, за спиной рабовъ, проходятъ неизвѣстныя существа, тѣни которыхъ отражаются на стѣнѣ пещеры. Но эти тѣни измѣнены еще репетнымъ свѣтомъ костра, тоже не видимаго рабамъ. И по этимъ

измѣняющимся тѣнямъ прикованные рабы хотятъ составить дѣйствительное представленіе о внѣшнемъ мірѣ, лежащемъ за стѣнами пещеры! Этотъ образъ, когда я думаю о періодическомъ «перелетѣ идей», рождаетъ у меня другую картину. Мнѣ представляются тоже заключенные, не въ пещерѣ, а въ высокой башнѣ съ однимъ окномъ. Одни плѣнные, смѣлые и рѣшительные, пробуютъ выломать тяжелую дверь. Они вооружились чѣмъ попало и обломали уже себѣ ногти, при попыткахъ выворотить болты. Другіе, предавшіеся отчаянью съ перваго момента заточенія, сидятъ, понуривъ головы и безсильно опустивъ руки. Время отъ времени они тяжело вздыхаютъ и жалобно стонутъ: «Мы погибли! Мы пропадемъ въ башнѣ! Горе намъ, горе!» Иные заключенные тоже не помогаютъ ломающимъ запоры. Эти заключенные стоятъ у окна и смотрятъ на прекрасный ландшафтъ, развертывающійся вдали. Тамъ виденъ лѣсъ, за ними сверкаетъ стальной полостою рѣка, а за нею разстилается до самаго горизонта широкое поле. Стоящіе у окна настроены скептически. Они философствуютъ: «Мы ощущаемъ руками только холодный камень и доподлинно знаемъ, что дверь богини заперта, *поэтому* никакого ландшафта за стѣнами башни нѣтъ и не можетъ быть. То, что мы видимъ, только призракъ, гнаться за которымъ нелѣпость.

— Вотъ несомнѣнно люди, гуляющіе на просторѣ у берега рѣки,—говоритъ кто-то.

— А вы *увѣрены*, что на этомъ берегу нѣтъ смертоносныхъ болотъ? Вы *увѣрены*, что тѣ люди счастливѣе насъ?—отвѣчаютъ имъ вопросомъ скептики.

Есть еще заключенные. Эти не думаютъ ни о свободѣ, ни о мірѣ, лежащемъ за башней. Они не только не приходятъ въ отчаянье отъ того, что заперты, но, напротивъ, безконечно счастливы. У нихъ бездна работы. Они сидятъ въ дальнемъ углу, гдѣ лучъ, проникшій сквозь окно, играетъ на полу. Они любуются на пылинки, играющія въ этомъ лучѣ, внимательно изучаютъ узоръ, образуемый плѣсенью подъ скамьей въ углу, и съ умиленіемъ наблюдаютъ ползающихъ тамъ мокрицъ. И каждый разъ эти наблюдатели восклицаютъ: «Какой удивительный узоръ! Какъ геніально шевелятъ лапками мокрицы! Какъ изумительно эти пылинки выражаютъ нашъ духъ! Наша башня—самое лучшее пребываніе въ мірѣ! Тщательнѣе же изображайте рисунокъ плѣсени! Передайте точно эмоціи, порождаемыя ритмическими движеніями мокрицъ! Это важно для человѣчества!» И покуда пишутся трактаты о безконечной оригинальности пятна плѣсени, проходятъ годы, проходитъ молодость, пропадетъ способность наслаждаться красотой вольнаго ландшафта

если энергичные заключенные добудутъ волю для всѣхъ. Есть у Мюссэ удивительные стихи:

> L'enfant marche joyeux, sans songer au chemin;
> Il le croit infini, n'en voyant pas la fin.
> Tout à coup il rencontre une source limpide,
> Il s'arrête, il se penche, il y voit un vieillard!

У старика хоть то утѣшеніе, что онъ прошелъ длинную дорогу и свое изображеніе увидѣлъ въ «чистомъ ручьѣ». Какъ горестно затратить молодость, сидя въ углу, восторгаясь ритмическимъ бѣгомъ мокрицъ! Какъ ужасно убѣдиться, что ты уже старикъ по отраженію не въ чистомъ источникѣ, а въ лужицѣ подъ скамьей!

Каждый разъ, когда общество попадаетъ «въ башню», мы видимъ «станицы» опредѣленныхъ идей. Мы видимъ тогда смѣлыхъ борцовъ, мрачныхъ пессимистовъ, скептиковъ, сомнѣвающихся, что свобода вообще существуетъ, и ликующихъ, убѣжденныхъ, что нигдѣ, во всемъ мірѣ, нѣтъ такой красивой плѣсени, какъ въ ихъ башнѣ...

Идеи появляются въ зависимости отъ окружающихъ условій. Объ этомъ говоритъ все то, что мы наблюдаемъ теперь въ Англіи. «Перелетъ журавлей» усилится, когда въ зависимости отъ новыхъ условій, созданныхъ войною, явится новая система воспитанія. Какъ поразительно быстро мѣняются подъ вліяніемъ новыхъ условій взгляды, казавшіеся незыблемыми! Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ о свободной торговлѣ и о протекціонизмѣ. Отъ 1902 до 1910 годовъ по этому поводу шла ожесточенная борьба. На трехъ послѣдовательныхъ выборахъ протекціонисты были разбиты, и, повидимому, окончательно восторжествовали взгляды, которые могутъ быть формулированы такъ. Свободная торговля между народами является формой *раздѣленія труда*. Было бы смѣшно, если бы каждый въ отдѣльности пытался мастерить самъ все то, что ему необходимо. Едва-ли не такъ же смѣшны притязанія какой-нибудь націи довлѣть самой себѣ. Однѣ страны, въ силу естественныхъ условій, могутъ легко производить извѣстный продуктъ; сосѣди ихъ, по такимъ же причинамъ, находятъ для себя болѣе выгоднымъ изготовлять другой фабрикатъ. Франція, напримѣръ, стоитъ во главѣ шелковыхъ производствъ, Англія—первенствуетъ въ выплавкѣ чугуна и въ приготовленіи хлопчатобумажныхъ товаровъ. Очевидно, лучше, если каждая страна сконцентрируетъ свои силы на производствѣ, наиболѣе ей соотвѣтствующемъ.

Между странами долженъ существовать свободный обмѣнъ. Всѣ принимаютъ это положеніе, если слово *country* (страна) замѣнить словомъ *county* (графство). Никто, въ самомъ дѣлѣ, не ста-

нетъ доказывать, что въ Кентѣ необходимо завести ткацкія фабрики, Ланкаширу надо дать субсидію, дабы онъ развелъ хлѣбъ. Кентъ и Ланкаширъ богатѣютъ оттого, что населеніе вольно заняться тѣмъ производствомъ, которое для него наиболѣе выгодно. Фритредеры находили готовый отвѣтъ на то, что свободная торговля *односторонняя*, т.-е. на то, что иностранцы могутъ ввозить свои фабрикаты безпошлинно, тогда какъ англійскіе товары за границей облагаются пошлиной. «Это совершенно вѣрно,—говорили фритредеры,—но частичная свобода неизмѣримо лучше, чѣмъ полное отсутствіе ея. На сторонѣ англичанъ—свобода покупать; а такъ какъ англичане не будутъ покупать иностранныхъ товаровъ, если не станутъ нуждаться въ нихъ, то, несомнѣнно, англійскій потребитель цѣнитъ это право. Больше того. До тѣхъ поръ, покуда иностранцы могутъ продавать свои фабрикаты Англіи, они должны,—хотятъ ли они это, или нѣтъ,—покупать, прямо или косвенно, у англичанъ. Въ самомъ дѣлѣ, англичане не могутъ купить иностранныхъ фабрикатовъ, не заплативъ за нихъ. А заплатить они могутъ не чѣмъ другимъ, какъ только своими же фабрикатами. Международная торговля, въ дѣйствительности, является выработанной формой обмѣна; тутъ фабрикаты мѣняются на фабрикаты... На высокіе запретительные тарифы *выгоднѣе* всего отвѣчать свободнымъ ввозомъ, какъ доказывалъ Робертъ Пиль. Вывозъ изъ Англіи, который не увеличивался при протекціонной системѣ, быстро возросъ, какъ только измѣнили пошлины на ввозные товары [1]).

Казалось, всѣ эти взгляды приняли въ Англіи характеръ аксіомъ. И вотъ, теперь подъ вліяніемъ новыхъ условій, созданныхъ войной, мы слышимъ слова «протекціонизмъ» и «субсидія», какъ нѣчто совершенно простое и понятное. Министерство торговли и промышленности назначило спеціальный комитетъ для изслѣдованія того, что надо сдѣлать, дабы насадить въ Англіи двѣнадцать отраслей промышленности, составлявшихъ спеціальность Германіи. Комитетъ рекомендуетъ субсидіи и запретительные тарифы. И любопытно то, что никого это не удивляетъ. Напротивъ даже, всѣ считаютъ заключеніе комитета совершенно правильнымъ и естественнымъ.

Въ эти двѣнадцать отраслей промышленности входитъ, между прочимъ, производство электрическихъ аппаратовъ, оптическихъ стеколъ, столоваго стекла, фарфоровой и фаянсовой посуды, ножеваго товара, игрушекъ, драгоцѣнныхъ вещей, издѣлій изъ искусственной кожи и канцелярскихъ принадлежностей. Швеція, чтобы

---

1) См. *Діонео*, „Англійскіе силуэты", стр. 287—319.

отплатить Англіи за захватъ почтовыхъ посылокъ, запрещаетъ вывозъ древесной пульпы, обработанной, какъ механически, такъ и химически. Такъ какъ пульпа идетъ на приготовленіе газетной бумаги, то запрещеніе ставитъ въ затруднительное положеніе англійскихъ издателей, ибо придется уменьшить размѣръ англійскихъ газетъ и увеличить цѣну ихъ. Въ другое время фритредеры сказали бы по адресу шведскаго правительства: «Tant pis pour vous!» Они указали бы, что отъ перваго января до 31 октября 1915 года въ Англію ввезено пульпы стоимостью на 3.044.587 ф. ст., при чемъ Швеція ввезла на 2.207.362 ф. ст. Фритредеры сказали бы, что Швеція, запрещая вывозъ пульпы, наказываетъ, прежде всего, *себя*. И такъ какъ спросъ въ Англіи на пульпу существуетъ, то вмѣсто Швеціи явится другой поставщикъ, который приспособится къ рынку въ наибольшей выгодѣ для потребителя. Теперь же протекціонисты немедленно заговорили о субсидіяхъ Канадѣ, дабы дать ей возможность вытѣснить окончательно Швецію и завоевать рынокъ. И это опять-таки кажется всѣмъ вполнѣ простымъ и понятнымъ. «На первыхъ порахъ, вѣроятно, покупатели будутъ терпѣть нѣкоторыя неудобства отъ устраненія конкурренціи, но зато въ имперіи разовьется громадная отрасль промышленности»—говоритъ сегодня Times, рекомендуя субсидію. Воображаю, какую бурю подняли бы по поводу этихъ словъ фритредеры два года тому назадъ!

Въ этомъ письмѣ я хочу сказать только, какъ измѣнился, подъ вліяніемъ новыхъ условій, взглядъ на положеніе женщины, какъ промышленнаго конкуррента мужчины.

II.

Согласно старинному англійскому стихотворенію, «назначеніе мужчины—воевать, а женщины—оплакивать погибшихъ». Мужчина—воинъ по преимуществу, тогда какъ женщина, именно потому, что она строительница уюта для семьи, «самой природой предназначена стоять за миръ. Мужъ—«въ бой съ жизнью стремится, творитъ и трудится». Онъ долженъ «искать, хитрить, добывать, дерзать, состязаться, за счастьемъ гоняться» [1]). Женщина же въ это время «въ нѣдрахъ семейства, съ стыдливостью скромной», выступаетъ, какъ мать и хозяйка. Она «учитъ, смиряетъ», и «съ мудрой заботой, прилежной работой порядокъ ведетъ и множитъ доходъ». Крайне интересно то, что въ Англіи, до войны, въ теченіе многихъ

[1]) „Пѣснь о колоколѣ“.

лѣтъ существовала почти постоянная пропорція между женщинами и мужчинами въ тѣхъ отрасляхъ торговли, промышленности и вообще тѣхъ сферахъ гдѣ женщина тоже пробовала выступить добытчицей. Исключеніемъ являются три-четыре отрасли труда. По народнымъ переписямъ 1861—1911 годовъ: на тысячу клэрковъ въ 1861 году было 5 женщинъ, а въ 1911 году 245. Это—самое крупное исключеніе изъ положенія, выставленнаго раньше. Если не считать еще 2—3 исключеній подобнаго рода, то окажется, что до войны, за 50 лѣтъ, въ занятіяхъ, гдѣ женщина выступала добытчицей, отношеніе между служащими обоего пола, приблизительно, представляло собою постоянную величину. Обусловливалось это тѣмъ, что въ области труда между женщиной и мужчиной рѣдко существовало *прямое* соперничество. Если не считать переходныхъ кризисовъ въ исторіи труда, то мужчины и женщины не часто заняты *однимъ* и *тѣмъ* же процессомъ производства цѣнностей. Мы видимъ постоянно, что или женскій трудъ исключенъ тяжестью работы, традиціей да высокой платой (предприниматель не желаетъ платить много работницѣ, если за то же вознагражденіе можетъ найти работника); или же, съ другой стороны, мужской трудъ исключенъ легкостью работы, женскимъ, характеромъ ея и низкой заработной платой, слишкомъ мало соблазнительной для работника. Въ нормальное время, причиной выступленія женщины на арену труда является: введеніе новой машины и замѣна квалифицированнаго труда неквалифицированнымъ. Соперничество тогда сводится къ борьбѣ не мужчины съ женщиной, а одного процесса производства съ другимъ. Такъ, напримѣръ, мастерская, гдѣ работаютъ искусные мастера, конкуррируетъ съ фабрикой, гдѣ за машиной стоятъ женщины; клэркъ-каллиграфъ соперничаетъ съ переписчицей на машинѣ и т. д.

Такъ было въ нормальное время; но явилась война и создала совершенно новыя условія труда. Чѣмъ страшнѣе становился великій пожаръ; чѣмъ сильнѣе рѣдѣли ряды мужчинъ, тѣмъ больше освобождались мѣста въ разныхъ отрасляхъ труда. И эти мѣста немедленно занимались женщинами. Война осуществила въ значительной степени желанія феминистокъ, что *всѣ* отрасли труда должны быть открыты для женщины. Феминистки воспользовались благопріятнымъ моментомъ для того, чтобы потребовать доступа къ занятіямъ, которыя до войны были открыты только для мужчинъ,—говоритъ Коль.—Многія женщины, занявъ мѣста мужчинъ, поспѣшили заявить, что смотрятъ на свое занятіе, какъ на *постоянное*. Онѣ не намѣрены покинуть работу, когда война кончится... Не подлежитъ сомнѣнію,—продолжаетъ тотъ же изслѣдователь,—что такимъ образомъ создается трудное положеніе для добытчика, который впослѣд-

ствіи, послѣ войны, найдетъ свое мѣсто занятымъ, а заработную плату сбитой. Добытчикъ склоненъ поэтому смотрѣть на вытѣсняющую его женщину такъ же, какъ австраліецъ — на китайца или какъ американскій работникъ — на переселенцевъ изъ восточной Европы, т.-е. какъ на соперника, пытающагося «обскакать» работника. Этотъ соперникъ, вслѣдствіе того, что уровень жизненныхъ требованій у него ниже, крайне серьезенъ, такъ какъ опасности подвергаются всѣ завоеванія, сдѣланныя профессіональными союзами [1]. «Опасность для работниковъ увеличивается»,—говоритъ Коль,—естественнымъ желаніемъ предпринимателей купить трудъ на наиболѣе дешевомъ рынкѣ. Всюду женщина получаетъ низшее вознагражденіе, чѣмъ мужчина. Возьмемъ, напримѣръ, Сѣверо-восточную желѣзную дорогу, очень хорошую по отношенію къ своимъ служащимъ. До войны женщины тамъ не работали, какъ клерки. Теперь освободившіяся мѣста заняты женщинами, служащими на меньшемъ жалованіи.

Какъ велико «вторженіе» женщинъ? Прежде всего, какъ оно началось. Война принесла съ собою женщинамъ бо́льшую безработицу, чѣмъ мужчинамъ. Отъ 15 декабря 1914 года до 16 апрѣля 1915 года, напр., на биржахъ труда записалось 89.577 женщинъ и 20.815 дѣвушекъ, изъ которыхъ нашли работу только 37.607 женщинъ и 12.215 дѣвушекъ. Старыя пропорціи въ сферѣ труда между работниками и работницами были разрушены войной. Чтобы помочь безработнымъ женщинамъ, въ началѣ войны возникло нѣсколько организацій. Самой крупной изъ этихъ организацій была Гильдія швей королевы Мэри (Queen Mary's Needle work Guild), возникшая въ августѣ 1914 года. Послѣ первыхъ же шаговъ дѣятельности Гильдіи явилось опасеніе, что она, вмѣсто того, чтобы уменьшить безработицу, можетъ увеличить ее. Тогда возникла другая организація — Центральный комитетъ пріисканія работы женщинамъ (Central Committee for Women's Employment). Комитетъ этотъ, какъ читаемъ мы въ отчетѣ его, не исходилъ изъ положенія, что организація ни въ коемъ случаѣ не должна носить характеръ благотворительности. Онъ открылъ для женщинъ нѣсколько новыхъ отраслей труда, хотя былъ противъ захвата производствъ, поддерживаемыхъ въ Германіи путемъ системы «выжиманія пота». Въ мартѣ 1915 года въ Англіи было еще много безработныхъ женщинъ. И вотъ въ это время правительство обнародовало систему «національной регистраціи», пригласивъ всѣхъ женщинъ, желающихъ принять платную работу, какъ клерки, или какъ работницы въ мастерскихъ и въ полѣ, записаться въ особые списки (Register of women for War Service). «Цѣлью

[1]) G. D. Cole, «Labour in War Time». London, 1915. Стр. 228.

правительства, — говорилось тогда, — является выясненіе, какими кадрами женскаго труда располагаетъ страна». Въ первыя двѣ недѣли записалось 33.000 женщинъ. До іюня 1915 года записавшихся было 87.000. Рабочіе отнеслись подозрительно къ этому обращенію къ женщинамъ, что видно изъ слѣдующей резолюціи, вынесенной Національнымъ комитетомъ рабочихъ: «Національный комитетъ,—читаемъ мы,—обратилъ самое серьезное вниманіе на приглашеніе, изданное Министерствомъ Торговли. Комитетъ обращаетъ вниманіе министерства на то, что въ спискѣ биржъ труда значатся еще 60.000 взрослыхъ мужчинъ и мальчиковъ да 40 тыс. женщинъ и дѣвушекъ, для которыхъ не найдена работа. Къ этому надо прибавить еще, что тысячи мужчинъ и женщинъ, вслѣдствіе недостатка работы, заняты неполный день. Изъ циркуляра, изданнаго Министерствомъ Торговли, дальше явствуетъ, что правительство въ особенности занято пріисканіемъ женщинъ для сельскихъ работъ, хотя оно не даетъ никакихъ гарантій относительно сохраненія справедливости заработной платы. Комитетъ глубоко убѣжденъ, что правительство, привлекая женщинъ во всѣ отрасли промышленности, обязано принять мѣры, дабы заработная плата не понизилась бы такимъ образомъ. Необходимо назначить трибуналъ, въ которомъ работники и работницы были бы представлены, дабы сохранить хоть существующія нынѣ условія труда. Прежде, чѣмъ привлекать новыхъ рабочихъ, необходимо пріискать работу для тѣхъ, имена которыхъ значатся въ спискахъ биржи труда». Комитетъ, составившій эту резолюцію, подозрѣвалъ, что циркуляръ министерства торговли издалъ по настоянію союза фермеровъ, желающихъ найти «дешевыя руки» вмѣсто сельскихъ работниковъ, добивающихся повышенія заработной платы. Еще болѣе знаменателенъ «манифестъ», изданный феминистской Женской лигой свободы (Women's Freedom league) въ отвѣтъ на правительственный циркуляръ. Лига рада измѣрить запоздалое признаніе со стороны министерства цѣнности женскаго труда для страны; но мы, тѣмъ не менѣе, требуемъ отъ правительства извѣстныхъ гарантій.

«Во-первыхъ, мы требуемъ, чтобы технически обученныя женщины, исполняющія трудъ мужчинъ, получали бы то же самое вознагражденіе за трудъ.

«Во-вторыхъ, послѣ войны, какое-нибудь вознагражденіе должно быть дано женщинамъ, замѣнявшимъ мужчинъ.

«Въ-третьихъ, если необходимо технически обучить женщинъ и дѣвушекъ, то имъ должно давать какое-нибудь вознагражденіе, покуда продолжается это ученіе.

«Признавая, что правительственный проектъ открываетъ передъ женщиной широкую возможность значительно улучшить свое

экономическое положеніе, мы настоятельно совѣтуемъ ей брать работу только при условіи полученія за нее равнаго съ мужчинами вознагражденія. Соглашаясь принять меньшую заработную плату, чѣмъ мужчины, женщина причиняетъ вредъ какъ другимъ женщинамъ, такъ и работникамъ, находящимся теперь на фронтѣ. Эти мужчины имѣютъ право на гарантію, что, возвратившись съ войны, не найдутъ заработную плату пониженной женской конкурренціей и затѣмъ, видя, какъ правительство обращается непосредственно къ женщинамъ и приглашаетъ ихъ принять новыя, крайне серьезныя обязанности,—мы находимъ своевременнымъ напомнить слѣдующее. Правительство должно дать гарантію, что, прежде чѣмъ выйдетъ въ отставку, внесетъ въ парламентъ законопроектъ о политическомъ равноправіи женщинъ. Всѣ суффражистскія организаціи должны *теперь же* поддержать это требованіе».

III.

Война требуетъ все большую и большую армію. Въ началѣ войны Англія послала на континентъ экспедиціонный отрядъ въ 130.000 человѣкъ, и тогда это казалось въ Англіи очень большой арміей. Теперь въ армію записалось болѣе 6 милліоновъ волонтеровъ, да, кромѣ того, парламентъ принялъ мѣру относительно того, чтобы немногіе нежелающіе служить по доброй волѣ не могли бы уйти отъ мундира защитнаго цвѣта. Такимъ образомъ, безконечно много мѣстъ освободилось, и они были замѣщены женщинами. До войны женщины, если и служили по письменной части, то только какъ стенографистки и переписчицы на машинкѣ. Теперь въ Англіи мы видимъ женщинъ, какъ клерковъ въ банкахъ, гдѣ онѣ никогда не служили, въ торговыхъ домахъ, въ правленіяхъ желѣзныхъ дорогъ. Женщины работаютъ теперь въ поляхъ (съ начала XIX вѣка всѣ полевыя работы въ Англіи производились только мужчинами) и въ шахтахъ. Мы видимъ женщинъ-кондукторовъ на желѣзныхъ дорогахъ и на линіяхъ трамваевъ, фургонщиковъ, контролеровъ, трубочистовъ, машинистовъ, шофферовъ. На дняхъ въ одномъ изъ лондонскихъ феминистскихъ клубовъ мнѣ пришлось слышать докладъ подъ названіемъ «The prospects for women in motoring». Докладчикъ раздѣлилъ женщинъ, управляющихъ теперь автомобилемъ, на три категоріи: на собственницъ экипажей, на профессіоналокъ-любительницъ и на «дѣвушекъ, родители которыхъ серьезно хотятъ посвятить своихъ дочерей управленію автомобилемъ, какъ хлѣбной профессіи». Передъ войной, когда появились въ продажѣ дешевые легкіе авто-

мобили стоимостью въ 130 — 150 ф. ст., число женщинъ, управляющихъ собственными машинами, очень увеличилось. И когда эти женщины убѣдились, что исправленіе экипажа стоило дорого, онѣ начали учиться механикѣ въ спеціально возникшихъ школахъ. Профессіоналки-любительницы, замѣнившія мужчинъ, отозванныхъ на фронтъ, создали теперь такой родъ занятій, который врядъ ли привлечетъ потомъ мужчинъ. Для легкаго автомобиля спеціалистъ-механикъ не требуется. Женщина-шофферъ, lady chauffeur,—говоритъ докладчикъ,—можетъ помогать нанимателю въ саду и вести секретарскую работу. Такой шофферъ будетъ въ особенности желателенъ въ среднихъ домахъ, гдѣ держатъ только женскую прислугу. Женщины становятся также шофферами-спеціалистами, способными гнать большой автомобиль со сложнымъ механизмомъ. Для этого онѣ обучаются теперь механикѣ въ спеціальныхъ школахъ. Теперь идетъ вопросъ о томъ, назначать ли женщинъ, получившихъ спеціальное образованіе, шофферами пассажирскихъ автобусовъ.

Всюду, гдѣ война отозвала мужчинъ, выступаетъ женщина. Она появилась даже какъ полицейскій или, какъ policewoman, какъ ее называютъ. Надо прибавить, что феминистскія общества требовали права за женщинами быть полицейскими, и прежде чѣмъ они были признаны оффиціально, *policewomen* появились на улицахъ и въ паркахъ по собственной инціативѣ. Миссъ Алленъ, занимающая постъ, такъ сказать, полицеймейстера (chief superintendent) надъ всѣми дамами-полицейскими, говоритъ въ только-что вышедшемъ отчетѣ слѣдующее: «Цѣль наша—добиться, чтобы женщины-полицейскія были бы назначены въ каждомъ городѣ, на такихъ же правахъ и на такомъ же жалованіи, какъ и мужчины. Для достиженія этого мы устроили спеціальные курсы, поддерживаемые на добровольныя пожертвованія. Въ восемь недѣль женщины проходятъ тамъ спеціальную гимнастику, затѣмъ курсъ полицейскихъ обязанностей и первую помощь. «Курсистки» спеціально изучаютъ англійскіе законы, касающіеся женщинъ и дѣтей. Въ Англіи полисмэнъ—первый свидѣтель въ полицейскихъ судахъ. Вотъ почему «курсистки» изучаютъ также судебную процедуру». Сперва policewomen дѣйствовали по собственной инціативѣ, т.-е. нѣсколько энергичныхъ, физически сильныхъ дамъ, принадлежащихъ къ феминистскимъ организаціямъ, въ одно утро появились въ паркахъ, одѣтыя въ формы, т.-е. въ короткихъ юбкахъ, жакеткахъ въ родѣ мундира и въ полицейскихъ шишакахъ. Дамы эти показали, что могутъ быть полезны, и вотъ въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ ихъ берутъ на службу. «Въ Гуллѣ, Грэнтэмѣ и Фолькстонѣ,—читаемъ мы въ отчетѣ,—женщины-полицейскія получаютъ, какъ всѣ полисмэны, жалованіе изъ суммъ, со-

бираемыхъ путемъ городскихъ налоговъ, и находятся подъ начальствомъ у старшихъ констеблей (родъ провинціальныхъ полицеймейстеровъ, но только въ Англіи роль ихъ неизмѣримо скромнѣе, чѣмъ у нашихъ «хозяевъ города»). Жалованіе, получаемое женщинами-полицейскими, колеблется отъ тридцати шиллинговъ до двухъ гиней въ недѣлю. Въ иныхъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Ричмондѣ, policewomen получаютъ жалованіе отъ мѣстныхъ феминистскихъ организацій. Въ Лондонѣ policewomen работаютъ добровольно, по собственной инициіативѣ. Онѣ стоятъ на желѣзнодорожныхъ платформахъ, въ паркахъ и у дверей наиболѣе шумныхъ кабаковъ, куда приходятъ пить женщины. Въ Лондонѣ полиція не признаетъ существованія policewomen, но и не мѣшаетъ имъ»... По мнѣнію миссъ Алленъ, женщины-полицейскія оказались въ особенности полезными въ буйныхъ, безпокойныхъ кварталахъ. Пьяные чернорабочіе и бродяги, готовые вступить въ драку съ полисмэномъ, совѣстятся женщины и успокаиваются. Миссъ Алленъ говоритъ, что даже въ самыхъ буйныхъ кварталахъ policewoman никогда не встрѣтила никакой обиды со стороны безпокойнаго населенія.

Женщина пробуетъ выступить не только какъ полицейскій, но и какъ воинъ. По субботамъ въ лондонскихъ паркахъ можно видѣть теперь женскіе баталіоны, продѣлывающіе всѣ военные артикулы. «Солдаты», одѣтые въ форменные жакеты и въ такія же шляпы, какъ австралійцы, сдваиваютъ ряды, поворачиваютъ направо и налѣво, «смотрятъ бодро», берутъ «на-плечо» и маршируютъ подъ звуки барабана. Офицеры и барабанщики—также женщины. Баталіоны эти, сформированные феминистскими организаціями, приносятъ на фронтѣ значительную пользу. Женщины не воюютъ, но убираютъ раненыхъ, правятъ автомобилями, доставляютъ депеши, работаютъ на полевомъ телеграфѣ и т. д. Главный журналъ милитантокъ Suffragette переименованъ теперь въ Britannia. Милитантки въ этомъ журналѣ проявили такую воинственность (онѣ далеко оставили за собою Daily Mail), что другія феминистки находятъ надобнымъ доказывать тезисъ о природной миролюбимости женщинъ. «Мы видимъ теперь многихъ, сомнѣвающихся въ томъ, что вѣчный миръ явится результатомъ политическаго равноправія женщинъ,—говоритъ г-жа Сонуикъ въ только-что вышедшей книжкѣ.—Скептики эти скажутъ вамъ, что отъ женщинъ слышали больше воинственныхъ рѣчей, проникнутыхъ желаніемъ «упиться кровью», чѣмъ отъ мужчинъ. Утвержденіе подобнаго рода всегда очень трудно провѣрить; но вполнѣ возможно, что въ военныхъ кругахъ женщины выражаются гораздо болѣе энергично, чѣмъ мужчины, такъ какъ послѣдніе могутъ претворить свои чувства въ дѣйствіе, т.-е. они могутъ воевать,

тогда какъ въ распоряженіи женщинъ остаются только слова. Всѣмъ извѣстно,—продолжаетъ г-жа Сонуикъ,—что профессора, журналисты и другіе кабинетные люди проявляютъ на словахъ гораздо большую воинственность, чѣмъ воины, находящіеся въ линіи огня. Но изъ того, что нѣкоторыя женщины произносятъ трескучія рѣчи, совсѣмъ не вытекаетъ заключенія, будто всѣ женщины *всегда* будутъ за войну» [1]).

Надо сказать, что каждое выступленіе женщины, какъ работницы, вызываетъ тревогу въ рядахъ работниковъ. Въ особенности же это относится къ профессіональнымъ союзамъ, добившимся путемъ долгой и упорной борьбы нѣкоторыхъ завоеваній. Изъ желѣзнодорожныхъ правленій, напримѣръ, тысячи клэрковъ уходятъ волонтерами, и на мѣсто ихъ поступаютъ женщины. Немедленно начинается оппозиція со стороны Ассоціаціи желѣзнодорожныхъ конторщиковъ. Мужчины жалуются на то, что женщины, работающія только днемъ, «сбиваютъ» плату» [2]). Въ графствахъ, гдѣ обрабатываются волокнистыя вещества, женщины давно уже работали на фабрикахъ. Тамъ вся семья уходитъ утромъ на фабрику, такъ что въ этихъ графствахъ шесть дней въ недѣлю рабочіе питаются консервами. Надо прибавить еще, что нигдѣ во всей Англіи нѣтъ такихъ высокихъ заработковъ, какъ въ этихъ графствахъ. Женщины тамъ работали всегда на фабрикахъ; но у мужчинъ и женщинъ сферы труда тамъ были совершенно ясно раздѣлены. Женщины были прядильщицы, а мужчины—ткачи. Война отозвала молодыхъ ткачей. И вотъ у станковъ стали женщины. Немедленно богатый и сильный трэдъ-юніонъ начинаетъ готовиться къ энергичному протесту. До войны женщинъ-механиковъ не было. Такъ какъ многіе машинисты ушли на войну, то заводчики воспользовались женскимъ трудомъ для болѣе простыхъ работъ, напр., для починокъ. «Работники всюду воспротивились этому и въ нѣкоторыхъ случаяхъ добились побѣды,—говоритъ Коль.—Но женщины тѣмъ не менѣе все болѣе и болѣе проникаютъ на заводы». Въ особенности женскій трудъ нашелъ широкое примѣненіе на заводахъ, изготовляющихъ военные снаряды. Тысячи женщинъ собираются теперь у станковъ, обтачивая стаканы для пушечныхъ снарядовъ, или же наполняютъ снаряды. Феминистскія организаціи устроили спеціальные трехмѣсячные техническіе курсы для женщинъ, усердно посѣщаемые дѣвушками изъ среднихъ и ниже-среднихъ классовъ.

---

1) „Women and War“, London, 1916. Стр. 10—11 (Изданіе „Union of Democratic Control“).

2) *Cole*, „Labour in War-Time“, стр. 240.

Курсистки, находятъ, что работа на заводѣ оплачивается неизмѣримо лучше, чѣмъ трудъ прядильщицы, переписчицы на печатной машинкѣ или же кассирши. Сотни тысячъ дѣвушекъ, служившихъ горничными или няньками, нашли, что въ мастерскихъ онѣ могутъ найти бо́льшую заработную плату и бо́льшую независимость, чѣмъ раньше. Женщины взялись за новую работу усердно и проявили большую добросовѣстность. Теперь въ Англіи можно легко встрѣтить дѣвушекъ изъ среднихъ классовъ, «барышень» по нашей терминологіи, работающихъ на заводахъ 9—10 часовъ у токарныхъ станковъ. Матроны жалуются, что невозможно найти прислугу, такъ какъ «Мэри-Энъ» (нарицательная кличка англійской прислуги) предпочла уйти въ мастерскую, гдѣ она независима, получаетъ хорошее жалованье и приноситъ громадную пользу государству. Итакъ, женщина пошла на заводъ. И немедленно раздается протестъ со стороны сильнаго трэдъ-юніона машинистовъ (Amalgamated Society of Engineers). Профессіональный союзъ опасается, какъ бы женщины, а въ особенности «любительницы», т.-е. дѣвушки изъ среднихъ классовъ, обученныя на спеціальныхъ курсахъ, не сбили плату. Союзу вѣдь пришлось бороться сто лѣтъ за извѣстныя завоеванія. Нѣсколько поколѣній рабочихъ голодало во время стачекъ, продолжавшихся мѣсяцами, а первыя поколѣнія шли въ тюрьму, въ ссылку въ Австралію или даже на эшафотъ. Въ отвѣтъ на протесты со стороны трэдъ-юніона, женщины предложили, чтобы ихъ приняли въ профессіональный союзъ. Этотъ вопросъ обсуждается теперь. По мнѣнію Коля, трэдъ-юніонъ *откажется* удовлетворить просьбу женщинъ.

Женщины выступили, какъ транспортные рабочіе. «Большія желѣзнодорожныя компаніи замѣнили мужской трудъ женскимъ при чисткѣ вагоновъ. Такъ какъ женскій трудъ стоитъ дешевле, то это занятіе останется за женщинами и послѣ войны,—говоритъ Коль.— Мы видимъ, кромѣ того, женщинъ, какъ кондукторовъ. На одной станціи подземной желѣзной дороги (Maide Vale) всѣ служащіе до одного—женщины. Всѣ онѣ получаютъ меньшее жалованіе, чѣмъ получали раньше мужчины. Затѣмъ на электрическихъ трамваяхъ всюду наблюдается стремленіе ввести кондукторовъ-женщинъ, вмѣсто мужчинъ, ушедшихъ на фронтъ. Впервые вопросъ этотъ былъ поднятъ въ Эдинбургѣ мѣстной компаніей трамваевъ. *Мужчины-служащіе энергично протестовали противъ нововведенія.* Впослѣдствіи женщины-кондукторы приняты были на трамваяхъ въ Глазго, Лондонѣ, Ливерпулѣ, Ньюкэстлѣ, Сэлфордѣ и Брайтонѣ.

Въ Глазго теперь не меньше 800 кондукторовъ женщинъ. Предсѣдатель профессіональнаго союза (London and Provincial Licen-

sed Vehicle Workers' Union) крайне энергично выступилъ противъ службы женщинъ на трамваяхъ». По мнѣнію председателя, «нѣтъ другой службы, которая менѣе соотвѣтствовала бы женщинамъ». Мужчины, служащіе на лондонскихъ трамваяхъ, абсолютно противъ допущенія женщинъ. На громадномъ митингѣ они подняли вопросъ о поголовной стачкѣ всѣхъ мужчинъ, если компаніи будутъ настаивать на своемъ рѣшеніи пользоваться женскимъ трудомъ. Въ Ланкаширѣ служащіе на трамваяхъ отнеслись болѣе терпимо къ женщинамъ, но тоже съ оговоркой. Ольдермэнъ Джэксонъ, состоящій главнымъ секретаремъ ланкаширскаго профессіональнаго союза транспортныхъ рабочихъ, сказалъ на митингѣ, что трэдъ-юніонъ не можетъ ничего имѣть противъ того, чтобы женщины *во время войны*, когда нѣтъ мужчинъ, зарабатывали хлѣбъ службой на трамваяхъ. Но профессіональный союзъ послѣ заключенія мира потребуетъ, чтобы всѣ принятыя на службу женщины очистили мѣста мужчинамъ, возвратившимся съ фронта. На такихъ условіяхъ союзъ готовъ принять женщинъ, какъ временныхъ членовъ. Съ мнѣніемъ ольдермэна Джэксона согласились, и оно дебатировалось на годичномъ конгрессѣ профессіональнаго союза. Исполнительный комитетъ союза тоже высказался за временное принятіе женщинъ въ профессіональный союзъ; но подавляющее большинство делегатовъ отвергло предложеніе Джэксона, поддержанное исполнительнымъ комитетомъ, и рѣшительно высказалось противъ всякаго допущенія женщинъ на службу на трамваяхъ.

IV.

Посмотримъ, какъ относятся женскія организаціи къ вопросу, поднятому профессіональными союзами. Въ своихъ резолюціяхъ женскія организаціи требуютъ «одинаковое вознагражденіе за одинаковый трудъ». Сколько получаютъ мужчины, столько должна имѣть и женщина, если выполняетъ ту же работу. Всѣ женщины, поступившія на службу за время войны,—говорятъ резолюціи—должны вступить въ трэдъ - юніоны. Въ тѣхъ случаяхъ, когда женщины заступили мужчинъ, ушедшихъ на войну,—онѣ должны потомъ уступить службу возвратившимся съ фронта. Рабочіе и служащіе отвѣчаютъ, что такъ какъ женщинъ очень трудно организовать, то крайне сомнительно, чтобы онѣ могли получить заработную плату, какую имѣютъ мужчины. Послѣ войны создастся такое положеніе — говорятъ трэдъ-юніоны: — съ одной стороны, сильно порѣдѣвшіе ряды трэдъ-юніоновъ, потерявшіе своихъ самыхъ энергич-

ныхъ и смѣлыхъ сочленовъ на войнѣ, а съ другой—неорганизованныя массы женщинъ, готовыхъ служить за меньшую плату. Предприниматели, конечно, предпочтутъ женскій трудъ на наиболѣе дешевомъ рынкѣ. Какъ видите, организованные рабочіе смотрятъ мрачно на будущее; они крайне подозрительно относятся къ естественному стремленію женщинъ стать экономически самостоятельными. Самыя прогрессивныя женщины спѣшатъ напомнить рабочимъ, что «вторженіе добытчицы» носитъ *постоянный* характеръ. Она ни въ коемъ случаѣ не желаетъ потерять послѣ войны то, чего добилась теперь. «Война ускорила процессъ вторженія женщины въ тѣ отрасли труда, гдѣ прежде полнымъ хозяиномъ былъ мужчина,—говоритъ извѣстная дѣятельница г-жа Бонфильдъ. — Такъ какъ война унесла уже и унесетъ еще безчисленное множество жертвъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что «вторженіе» носитъ перманентный характеръ. Организованные рабочіе поступятъ правильно, если будутъ имѣть этотъ фактъ постоянно въ умѣ. Они должны поэтому выработать какой-нибудь новый укладъ въ зависимости отъ условій, созданныхъ войною». Г-жа Бонфильдъ сама указываетъ на крайнюю трудность созданія новаго уклада, когда говоритъ что женщины по вопросу о заработной платѣ дѣлятся на двѣ группы. Одна, меньшая, полагаетъ, что заработная плата устанавливается коллективной сдѣлкой съ предпринимателемъ, тогда какъ другая, бóльшая, группа глубоко убѣждена, что надо дѣйствовать индивидуально. Другими словами, это означаетъ, что миссъ Смитъ или миссъ Джонсонъ полагаютъ, что выгоднѣе всего *самимъ* выговаривать условія службы. Женщины, стоящія за «коллективную сдѣлку», считаются, прежде всего, съ интересами рабочаго класса, какъ цѣлаго, и твердо убѣждены, что побѣда должна быть куплена самопожертвованіемъ индивидуума. «Индивидуалистки» хотятъ немедленнаго экономическаго освобожденія для себя [1]). Все это показываетъ, что заключеніе мира будетъ сопровождаться въ Англіи острымъ конфликтомъ между добытчиками и добытчицами. То обстоятельство, что «мѣстъ за столомъ» досталo бы на всѣхъ, если бы только нѣкоторые не поступали такъ, какъ иные пассажиры, которые покойно занимаютъ въ вагонахъ двѣ скамьи, когда другіе стоятъ; то обстоятельство, что Англія страна свободная, готовая на самыя смѣлыя политическія и соціальныя реформы, когда послѣднія являются необходимостью,—приводитъ насъ къ слѣдующему заключенію: не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Англія, для предупрежденія внутренняго конфликта, пойдетъ на реформы, въ сравненіи съ которыми государствен-

---

[1]) См. статью г-жи Бонфильдъ „The Future of Women in Industry" въ „The Labour Year Book". London. 1911 г., стр. 253.

ная пенсія для стариковъ очень слабая мѣра... Скажу еще нѣсколько словъ. Недавно въ Times'ѣ появился цѣлый рядъ писемъ, имѣющихъ цѣлью доказать, что Россія не имѣетъ никакого представленія объ Англіи. Замѣтьте, что рѣчь шла не о крестьянахъ нашихъ и не о мѣщанахъ, а о самыхъ культурныхъ классахъ. Русскимъ читателямъ, конечно, виднѣе, насколько это утвержденіе вѣрно. Во всякомъ случаѣ, у насъ много такихъ, которые имѣютъ представленіе объ Англіи по классическимъ романамъ XIX вѣка. Со словомъ «Англія» у такихъ читателей ассоціируется представленіе о мірѣ, описанномъ Теккереемъ, Диккенсомъ и Джорджемъ Элліотомъ. Эта Англія *ужасно* измѣнилась. Она мѣняется и теперь. Перемѣнились герои, но радикальнѣе всего измѣнились *героини*. Кроткая и терпѣливая Агнесса теперь мчатся на мотоциклетѣ и доставляетъ депеши на фронтѣ; смирная, робкая Кэтъ Никкельби добываетъ свой хлѣбъ не рисованіемъ цвѣточковъ по фарфору, а за токарнымъ станкомъ; послушная Бэлла («Нашъ общій другъ»), для которой слово господина-мужа было евангеліе, служитъ кондукторомъ на трамваѣ или управляетъ автомобилемъ; куколка-Дора обтачиваетъ стаканы для пушечныхъ снарядовъ, тогда какъ другая куколка Амелія (*Ярмарка Тщеславія*) готовитъ затравники или свариваетъ металлы при помощи ацетилена. Однѣ изъ этихъ героинь видятъ въ работѣ только экономическое освобожденіе, тогда какъ другія—*полное* освобожденіе. Онѣ желаютъ *равенства*, при чемъ этому слову придаютъ широкое, разностороннее толкованіе. Мы не знаемъ, каковы будутъ международныя отношенія, которыя создадутся послѣ войны; но внѣ сомнѣнія то, что въ самой Англіи война создастъ (и создала уже) новыя условія, результатомъ которыхъ будетъ цѣлая «станица» новыхъ идей.

Діонео.

НА ТЕМЫ ДНЯ.

Декларація крайнихъ правыхъ.—Составъ партіи, ея точки опоры, ея вожди.—Ея отношеніе къ подоходному налогу и къ внѣшней политикѣ.—Прогрессивный блокъ и лѣвыя партіи.—Отставка А. Н. Хвостова и газетная бесѣда съ бывшимъ его товарищемъ.—Насталъ ли знаменательный день въ исторіи русской церкви?—Общее собраніе Вольнаго Экономическаго Общества.—

На первомъ планѣ русской политической жизни продолжаетъ стоять прогрессивный блокъ. Его требованія не признаны властью,

не получили даже начала исполненія — и тѣмъ не менѣе за ними, только за ними чувствуется внутренняя сила. Новый союзъ успѣшно выдержалъ тяжкое испытаніе: пятимѣсячное бездѣйствіе, отъ котораго, не безъ видимыхъ основаній, ожидалось распаденіе его на составныя части. Полнымъ жизни онъ явился въ самый день открытія думской сессіи, полнымъ жизни остается и теперь. Его опредѣленной, широкой и вмѣстѣ съ тѣмъ сравнительно легко осуществимой программѣ не противопоставлено ничего, кромѣ общихъ мѣстъ министерской деклараціи и жалкаго, до убожества жалкаго плана, съ которымъ выступилъ, отъ имени крайнихъ правыхъ, деп. Левашевъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли класть на одну чашку вѣсовъ борьбу съ дороговизной и съ «нѣмецкимъ засильемъ», когда на другой лежитъ обновленіе государственнаго строя, возстановленіе справедливости, освобожденіе общества и народа? Можно ли упускать изъ виду, что безсильны мѣропріятія противъ дороговизны, пока не измѣнены административные нравы, воспитанные вѣками безправія и произвола? Позволительно ли заслонять «нѣмецкимъ засильемъ» засиліе другого рода, корни котораго ушли глубоко въ русскую почву? Мѣры предосторожности, дѣйствительная необходимость которыхъ обнаружена войною, принимаются уже въ теченіе цѣлаго года; ихъ разумное примѣненіе не только совмѣстимо съ преобразованіями, изъ года въ годъ отодвигаемыми на задній планъ—оно должно идти съ ними рука объ руку, рискуя, въ противномъ случаѣ, обратиться въ вереницу притѣсненій, безцѣльныхъ и безплодныхъ. И какъ ясно просвѣчиваетъ въ программѣ г. Левашева постоянная суть правыхъ вожделѣній! Подъ флагомъ борьбы съ дороговизной проводится «упорядоченіе» дѣятельности земскихъ и городскихъ союзовъ; подъ предлогомъ борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ намѣчается ударъ меннонитамъ и другимъ сектантамъ, вѣроученіе которыхъ запрещаетъ имъ защищать государство съ оружіемъ въ рукахъ. Конфискація, исчезнувшая даже изъ уголовныхъ уложеній, широко рекомендуется деклараціей правыхъ для случаевъ отнюдь не уголовнаго свойства. А объ отмѣнѣ привилегій, которыми пользуются дворяне-землевладѣльцы прибалтійскихъ губерній, въ деклараціи нѣтъ и рѣчи; сословное или классовое чувство, очевидно, взяло верхъ надъ «національнымъ». Не менѣе характерна попытка крайнихъ правыхъ объяснить «возбужденіе», замѣчаемое ими въ народѣ: они приписываютъ его «медлительности въ дѣлѣ ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія»! Въ хитрости этому «отводу» отказать нельзя, но ввести кого-либо въ заблужденіе онъ едва-ли можетъ.

Единодушными въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ мини-

стерству были всѣ рѣчи, произнесенныя, въ первые дни послѣ открытія сессіи, представителями фракцій—кромѣ крайней правой—и представителями національностей. Недоставало только заключительнаго аккорда: формулы перехода, въ которой выразились бы еще разъ, сжато и сильно, стремленія большинства. Этотъ пробѣлъ былъ пополненъ въ засѣданіи 19-го февраля, когда закончились общія пренія о бюджетѣ. Формула перехода, предложенная отъ имени прогрессивныхъ націоналистовъ, группы центра, земцевъ-октябристовъ, группы 17-го октября, прогрессистовъ и фракціи народной свободы, была принята, по словамъ газетныхъ отчетовъ, *единогласно*, при воздержавшихся соціалъ-демократахъ и трудовикахъ. Само собою разумѣется, что голосовать за нее сознательно и серьезно крайніе правые и правые націоналисты не могли. Почему они не выступили противъ нея прямо и открыто—рѣшить трудно, да и не интересно; быть можетъ, это было съ ихъ стороны простымъ недосмотромъ, быть можетъ — иронiей особаго рода, быть можетъ — довольно страннымъ способомъ заявить, что и они не стоятъ безусловно за министерство, находящееся у власти (конечно, по мотивамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ тѣми, которыми руководствуется объединенная оппозиція). Важно то, что прогрессивный блокъ остался въ прежнемъ составѣ и ничуть не понизилъ діапазонъ своей программы. Онъ осуждаетъ «политику произвола, безотвѣтственность, безхозяйственность, непредусмотрительность, разобщенность съ населеніемъ»; онъ считаетъ необходимымъ «коренное измѣненіе существующихъ пріемовъ управленія не только на словахъ, но и въ дѣйствительности»; онъ признаетъ, что «при наличіи власти, опирающейся на общественное довѣріе, побѣда потребуетъ наименьшихъ жертвъ»; онъ напоминаетъ, что «бывшее до сихъ поръ противодѣйствіе власти основнымъ желаніямъ страны и большинства народныхъ представителей налагаетъ тягчайшую отвѣтственность на власть и опасно для государства». Съ прежней рѣшительностью, такимъ образомъ, ставится вопросъ о сформированіи кабинета, обладающаго довѣріемъ страны и готоваго осуществить, вмѣстѣ съ Госуд. Думой, давно назрѣвшія преобразованія въ законодательствѣ и управленіи.

Силою вещей рушатся, одна за другой, всѣ формальныя преграды, возведенныя властью на пути къ лучшему будущему. Пала сама собою пресловутая формула: «сначала побѣда и миръ, потомъ реформы»; приступивъ къ пересмотру положеній земскаго и городского, къ разработкѣ вопроса о волостномъ земствѣ, министерство потеряло право возражать блоку ссылкою на особыя условія военнаго времени. Почти не принимая участія въ думскихъ

дебатахъ, оно какъ бы предоставило дальнѣйшее веденіе борьбы своимъ неоффиціальнымъ союзникамъ—крайнимъ правымъ. Не довольствуясь открытыми нападеніями противъ участниковъ прогрессивнаго блока, прямо провозглашаемыхъ, съ думской трибуны, дерзновенными нарушителями закона, преступными честолюбцами, врагами отечества и даже самой Думы(!), они ведутъ закулисную кампанію противъ народнаго представительства, агитируютъ въ пользу новаго, еще болѣе продолжительнаго роспуска Думы, сѣютъ недовѣріе къ общественнымъ организаціямъ, активно и плодотворно работающимъ для дѣла народной обороны, подготовляютъ повтореніе, въ широкихъ размѣрахъ, неудавшейся однажды демонстраціи мнимо-народныхъ чувствъ. Въ какой степени солидарно съ ними сегодня министерство—это опредѣлить трудно; еще труднѣе угадать, въ какой степени оно будетъ солидарно съ ними завтра. Хроническому министерскому кризису, длящемуся съ лѣта прошлаго года, все еще не наступилъ конецъ. Въ оффиціальныхъ заявленіяхъ звучатъ, по временамъ, успокоительныя ноты; но онѣ не гармонируютъ ни съ прошедшимъ лицъ, облеченныхъ властью, ни съ отношеніемъ ихъ къ ультрареакціонной прессѣ. Субсидіи рептильнымъ органамъ—въ этомъ, съ нѣкоторыхъ поръ, не остается болѣе никакихъ сомнѣній,—не только существуютъ, но и растутъ; на государственныя средства ведется систематическое отрицаніе дѣйствующаго государственнаго строя. Не будь этой нити, установляющей какую-то связь между властью и крайними правыми, происки послѣднихъ, безпочвенные и безсильные, не привлекали бы къ себѣ общественнаго вниманія; но теперь это—черная точка на горизонтѣ, грозящая расплыться въ крупное черное пятно.

Что представляютъ собою крайніе правые, разсматриваемые отдѣльно отъ опоры, о которой только-что шла рѣчь? Какіе за ними стоятъ слои населенія, какія общественныя группы? Чѣмъ заявили себя ихъ вожди, чѣмъ связана въ одно цѣлое вся партія? Нѣсколько времени тому назадъ можно было думать, что съ ними солидарно такъ называемое «объединенное дворянство». Большимъ источникомъ силы оно служить не могло, потому что само нуждалось и нуждается въ внѣшней поддержкѣ; но нѣкоторою видимостью авторитета,—съ особой, специфической точки зрѣнія,—оно располагало. Однимъ оно импонировало своимъ кажущимся единствомъ, другимъ—цѣлою серіею легко достававшихся ему успѣховъ. Теперь, послѣ извѣстнаго «струковскаго инцидента», иллюзія исчезла, декорація развалилась; то тамъ, то тутъ обнаруживается разномысліе; сдвигаются съ мѣста такіе «киты», какъ симбирское дворянское собраніе; побѣдные клики умолкаютъ, слышатся покаянныя признанія. Само

собою разумѣется, что въ тѣхъ сферахъ, изъ которыхъ выходили ораторы «объединеннаго дворянства», многое осталось по-старому; многіе тоскуютъ по миновавшимъ краснымъ днямъ и въ тайнѣ ждутъ и жаждутъ ихъ возврата; но не въ такой «разсыпанной храминѣ», унылой и пассивной, можно найти источникъ бодрости и иниціативы... На крестьянскую массу давно уже перестали разсчитывать воинствующіе реакціонеры. Слишкомъ много видѣли депутаты-крестьяне, чтобы сохранить вѣру въ «благожелательность» послѣдышей крѣпостничества (да и жила ли въ нихъ когда-нибудь эта вѣра?). Слишкомъ свѣжа въ памяти крестьянства судьба законопроекта о волостномъ земствѣ, похороненнаго правымъ большинствомъ Госуд. Совѣта, какъ посягательство на «пользы и нужды» помѣщиковъ-землевладѣльцевъ. И если бы воспоминаніе объ этомъ фактѣ—одномъ изъ многихъ, очень многихъ того же рода,—могло исчезнуть, его воскресила бы рѣчь, произнесенная деп. Марковымъ 2-мъ въ засѣданіи 3-го марта [1]). На слишкомъ многое, наконецъ, раскрыла крестьянамъ глаза настоящая война.

Если будетъ инсценированъ новый черносотенный съѣздъ, найдутся, конечно, «пейзане» для изображенія въ немъ толпы; но это будетъ именно сценическая, театральная толпа, повторяющая чужія слова и продѣлывающая предписанные или внушенные ей жесты... Если бы крайніе правые видѣли въ крестьянствѣ надежнаго союзника, они стояли бы за возвращеніе къ избирательному закону 1905-го года, не отдающему выборъ представителей отъ крестьянства въ руки другихъ сословій.

На духовенство, взятое въ массѣ, крайніе правые могутъ разсчитывать только до тѣхъ поръ, пока оно голосуетъ по командѣ—а

---

[1]) Комиссія Госуд. Думы, разсмотрѣвъ законодательное предположеніе о волостномъ земствѣ, признала его необходимымъ и цѣлесообразнымъ; за него высказались, отъ имени своихъ группъ, депутатъ-крестьянинъ и депутатъ-священникъ. Представитель министерства внутреннихъ дѣлъ заявилъ, что министерство беретъ на себя изготовленіе соотвѣтствующаго законопроекта (что не помѣшало Думѣ возложить разработку его на комиссію по мѣстному самоуправленію). Заявленіе правительства вызвало „недоумѣніе и сожалѣніе" г. Маркова: онъ находитъ, что „въ теперешнее опасное для государства время министерство не должно отвлекать своихъ агентовъ отъ борьбы съ дороговизной, съ нѣмецкимъ засильемъ, для разсмотрѣнія законопроекта, который никакого отношенія къ войнѣ не имѣетъ и для военнаго времени является *вздоромъ*. И этому заявленію рукоплескали справа! Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, кн. В. М. Волконскій (до своего назначенія сидѣвшій въ Думѣ недалеко отъ г. Маркова) объяснилъ, что именно во имя борьбы съ врагомъ министерство взяло на себя разработку даннаго законопроекта.

новое обращеніе къ этому способу голосованія представляется мало вѣроятнымъ: слишкомъ еще свѣжо впечатлѣніе, произведенное имъ въ 1912 г. Что между крайними правыми и широкими массами городского населенія нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго—это съ достаточною ясностью показали петербургскіе и московскіе выборы въ Думу четвертаго созыва. Поистинѣ смѣшна попытка г. Маркова 2-го истолковать въ пользу его партіи послѣдніе выборы въ петроградскую городскую думу. «Общественное довѣріе такой крупной единицы, какъ Петроградъ» — воскликнулъ лидеръ правыхъ въ засѣданіи 19-го февраля,—«находится съ нами, а не съ вами». «Крупная единица»—Петроградъ, выбирающій гласныхъ по закону 1903-го года? Крупная единица—нѣсколько тысячъ избирателей, распоряжающихся судьбою двухмилліоннаго населенія? Недовольство (все равно, основательное или неосновательное) трамвайными и другими муниципальными порядками—признакъ согласія съ реакціонными вожделѣніями?... Недалека коренная реформа городского самоуправленія; ее ставитъ на очередь даже нынѣшній кабинетъ, ея проектъ разрабатывается министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Пускай г.г. Марковы и К-о. радуются эфемерной побѣдѣ, одержанной стародумцами съ помощью отщепенцевъ противоположнаго лагеря: это «радость передъ горемъ», предусматриваемая старинной латинской поговоркой. Въ какую бы форму ни вылилось новое городское положеніе, оно не можетъ оставить за флагомъ рабочихъ, цѣлой бездной отдѣленныхъ отъ городской черной сотни, любезной «крайне-правому» сердцу... Не можетъ быть, чтобы по окончаніи войны, веденной съ крайнимъ напряженіемъ силъ, всею страною, къ благамъ обновленной жизни не была привлечена вся страна. Этого одного достаточно, чтобы предрѣшить участь неисправимыхъ сторонниковъ «зоологическаго націонализма». Среди дѣйствительно объединеннаго народа для нихъ не найдется мѣста.

Къ характеристикѣ крайнихъ правыхъ событія послѣдняго времени прибавили еще одну яркую черту. Разсчитывая на большинство въ Государственномъ Совѣтѣ, они сдѣлали попытку затормозить движеніе законопроекта о подоходномъ налогѣ. Предполагалось, очевидно, что выигрышъ времени, въ данномъ случаѣ, окажется равносильнымъ побѣдѣ; вѣдь, когда будетъ заключенъ миръ, можно будетъ вернуться къ политикѣ отсрочекъ sine die, благодаря которой непріятный вопросъ долгіе годы спалъ непробуднымъ сномъ въ преддверіи законодательныхъ учрежденій [1]). Успѣху этого плана

---

[1]) Нельзя не замѣтить, впрочемъ, что отвѣтственность за эту политику упадаетъ не на однихъ правыхъ, а на все большинство третьей

помѣшали два обстоятельства: единодушіе, съ которымъ на сторону законопроекта стали, подъ гнетомъ военныхъ расходовъ, министры-члены Госуд. Совѣта, и поименное голосованіе, на которомъ предусмотрительно настоялъ центръ. Знаменательнымъ, во всякомъ случаѣ, остается лейтъ-мотивъ правыхъ ораторовъ, не перестающій звучать и послѣ перехода къ постатейному обсужденію законопроекта. «Въ особенности опасно установленіе прогрессивности обложенія, такъ какъ это приведетъ къ отрицанію труда и собственности»: эти слова, сказанныя во время общихъ преній (г. Андреевскимъ), нашли отголосокъ и позднѣе, когда министръ финансовъ предложилъ значительное повышеніе налога съ крупныхъ доходовъ. Лидеръ правой группы Государственнаго Совѣта, гр. Бобринскій, заявилъ, что, устанавливая преувеличенную прогрессію, законодательныя учрежденія сдѣлаютъ первый шагъ въ сторону ликвидаціи крупной собственности и, въ частности, крупнаго землевладѣнія въ Россіи. Оставаясь вѣрнымъ тактикѣ, съ самаго начала усвоенной правыми, гр. Бобринскій предложилъ не отклоненіе поправки, внесенной министромъ финансовъ, а передачу ея на разсмотрѣніе комиссіи, подъ тѣмъ предлогомъ, что она на самомъ дѣлѣ является не поправкой, а новымъ законопроектомъ. Съ такимъ же точно правомъ это можно сказать о всякой поправкѣ, сколько-нибудь существенной и важной. Законодательная процедура, и безъ того уже сложная и медленная, обратилась бы, при такомъ взглядѣ на поправки, въ своего рода пенелопову ткань; всегда можно было бы найти способъ уничтожить сегодня сдѣланное вчера. Въ концѣ концовъ правые отступили; послѣ перерыва, во время котораго происходили партійныя совѣщанія, гр. Бобринскій заявилъ, что, въ виду необходимости для казны получить какъ можно болѣе средствъ отъ новаго налога, его группа соглашается на усиленіе обложенія состоятельныхъ классовъ [2]) и присоединяется къ предложенію министра финансовъ. Первоначальное выступленіе правыхъ остается, тѣмъ не менѣе, яркимъ признакомъ ихъ настроенія: такъ или иначе, вездѣ и всегда они стоятъ, прежде всего, на стражѣ своихъ интересовъ. Различіе между ихъ вождями въ Госуд. Совѣтѣ, въ Госуд. Думѣ и внѣ законодательныхъ учрежденій имѣетъ преимущественно формальный характеръ; первые болѣе сдержанны и корректны, чѣмъ вторые, вторые—болѣе, чѣмъ третьи. Иногда, впрочемъ, съ перехо-

---

Думы, отчасти и на большинство четвертой Думы, въ періодъ, предшествовавшій образованію прогрессивнаго блока.

²) Рѣчь шла, собственно говоря, не о *состоятельныхъ*, а о *богатыхъ* классахъ: предложенное министромъ финансовъ повышеніе ставокъ начинается только съ дохода въ 40 тысячъ и достигаетъ максимальнаго напряженія только при доходѣ въ 400 тысячъ рубле

домъ изъ одной среды въ другую мѣняется тонъ оратора. Г. Щегловитовъ, напримѣръ, говорилъ на съѣздѣ своихъ единомышленниковъ иначе, чѣмъ въ Государственномъ Совѣтѣ... Въ верхней палатѣ лидерами правыхъ являются бывшіе министры и губернаторы, бывшіе руководители объединеннаго дворянства; ихъ прошлое бросаетъ достаточно яркій свѣтъ на ихъ стремленія. Съ вождями крайнихъ правыхъ въ Госуд. Думѣ знакомитъ, помимо ихъ рѣчей, ихъ дѣятельность въ Курскѣ, въ Кіевѣ, въ Одессѣ. Что представляютъ собою внѣ-парламентскіе вожди союза русскаго народа и другихъ аналогичныхъ организацій—это слишкомъ хорошо извѣстно. Съ нѣкоторыхъ поръ вновь всплываютъ на верхъ даже такія имена, которыя можно было считать сошедшими съ открытой сцены.

Своимъ прирожденнымъ, отличительнымъ свойствомъ крайніе правые всегда провозглашали патріотизмъ. Конечно, это былъ патріотизмъ совсѣмъ особаго, очень невысокаго сорта; но въ его составъ входило, во всякомъ случаѣ, преклоненіе передъ внѣшнею мощью государства, передъ его военной главой. Можно было ожидать, поэтому, что въ средѣ крайнихъ правыхъ рѣшимость довести настоящую войну до побѣдоноснаго конца найдетъ если не активное содѣйствіе, то словесное одобреніе. Вскорѣ, послѣ начала войны, въ реакціонной печати почувствовалось, однако, нѣчто весьма похожее на симпатію къ главному противнику Россіи; въ то же время стали носиться слухи о какой-то запискѣ, доказывавшей возможность и желательность сепаратнаго мира между Россіей и Германіей. Не опровергнутые, но и не подтвердившіеся, слухи эти замолкли. Теперь они возникли вновь, въ гораздо болѣе опредѣленной формѣ; ихъ повторилъ съ думской каѳедры депутатъ, еще недавно стоявшій весьма близко къ крайнимъ правымъ. Въ какой степени они достовѣрны, проводилась ли кѣмъ-либо мысль о сепаратномъ соглашеніи съ Германіей, и если проводилась, то тѣми ли лицами, которыхъ назвалъ деп. Савенко—это пока остается неизвѣстнымъ; но невольно вспоминается поговорка, гласящая, что нѣтъ дыма безъ огня. Дымъ, это—статья «Русскаго Знамени», о которой недавно напомнили «Русскія Вѣдомости»; это—болѣе поздняя статья дворянина Павлова, напечатанная въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»; это—нѣкоторые эпизоды думскихъ преній. Какой огонь скрывается за этимъ дымомъ?.. Вотъ что мы читаемъ въ рѣчи, произнесенной г. Марковымъ 11-го февраля: «Вся бѣда въ томъ, что Европа, кромѣ Германіи, уже давно пошла по невѣрному пути, стала воспитывать юношество въ идеяхъ антимилитаризма. И вотъ результаты многолѣтняго масонскаго воспитанія; вы ихъ пожинаете теперь... Побѣда можетъ быть тогда, когда

народъ воспитанъ въ воинскомъ духѣ, въ преклоненіи къ воинамъ, а не въ томъ пренебреженіи, съ которымъ вы въ мирное время относились къ военному человѣку и военнымъ дѣламъ». Неудивительно, что при этихъ словахъ послышались голоса слѣва: «лидеръ германцевъ!» [1]). Въ самомъ дѣлѣ, развѣ логическимъ изъ нихъ выводомъ не является вѣра въ непобѣдимость Германіи—и развѣ съ такою вѣрой совмѣстима увѣренность въ торжествѣ державъ согласія? Развѣ отъ убѣжденія, что во всей Европѣ, въ годы, предшествовавшіе войнѣ, правильной дорогой шла одна Германія, далеко до оправданія, даже до восхваленія прусской политики, прусской системы веденія военныхъ дѣйствій? Обвинять правыхъ въ «пораженчествѣ» особаго рода было бы, конечно, несправедливо; но вѣдь не «пораженчествомъ», въ обычномъ смыслѣ этого слова, внушены и тѣ записки, содержаніе которыхъ изложилъ деп. Савенко. Ихъ побудительный мотивъ—страхъ передъ опасностью, которою грозитъ «усиливающаяся рознь между имущими и бѣдными классами населенія»; ихъ цѣль—скорѣйшее заключеніе мира, хотя бы и цѣною нарушенія обязательствъ передъ союзниками. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, одно: въ средѣ крайнихъ правыхъ существуетъ по отношенію къ германскимъ правящимъ сферамъ «влеченье, родъ недуга»—влеченье, довершающее ихъ изолированность среди мыслящей и чувствующей Россіи [2]).

Совершенно иную, во многомъ прямо противоположную картину представляетъ собою прогрессивный блокъ. Не говорю уже о полнѣйшей его свободѣ отъ гогенцоллернскихъ симпатій и гогенцоллернскаго гипноза; это разумѣется само собою. Чрезвычайно характерно то усиліе, которое пришлось сдѣлать надъ собою участникамъ блока. Они не только забыли о прежней борьбѣ, нерѣдко превращавшейся въ настоящую вражду: они ускорили или замедлили издавна усвоенный ими темпъ движенія, ради сосредоточенія на томъ, что наиболѣе важно въ данную минуту. Для тѣхъ, кто вошелъ

[1]) Въ засѣданіи 4-го марта Ѳ. И. Родичевъ весьма кстати напомнилъ слова, сказанныя тѣмъ же г. Марковымъ, въ бюджетной комиссіи, за два мѣсяца до начала войны: „вмѣсто большой дружбы съ Англіей, лучше маленькій союзъ съ Германіей".

[2]) Замѣчательно, что изъ числа сколько-нибудь извѣстныхъ правыхъ дѣятелей активное участіе въ работѣ, непосредственно связанной съ войною, принялъ одинъ только В. М. Пуришкевичъ, во многомъ, подъ ея вліяніемъ, измѣнившій свои взгляды. Совершенно иначе отнеслись къ запросамъ военнаго времени многіе члены партій, вошедшихъ въ составъ прогрессивнаго блока.

въ составъ блока справа, это было, конечно, труднѣе, чѣмъ для примкнувшихъ къ нему слѣва. Послѣднимъ ни въ чемъ не пришлось измѣнить свою программу: они ограничились тѣмъ, что поставили на ближайшую очередь одни ея пункты, отнюдь не отказываясь отъ другихъ, лишь временно отодвинутыхъ на второй планъ. Въ иномъ положеніи оказались октябристы всѣхъ оттѣнковъ и, тѣмъ болѣе, члены группы центра и прогрессивные націоналисты. Вступленіе ихъ въ прогрессивный блокъ знаменовало собою не только глубокую перемѣну въ ихъ политическихъ взглядахъ, но—что̀ еще важнѣе—рѣшимость открыто признать ошибочность, во многомъ, ихъ прежняго образа дѣйствій. Отсюда особый характеръ прогрессивнаго блока. Это—не одна изъ тѣхъ мимолетныхъ коалицій, которыя задаются какою-нибудь узко-практическою цѣлью, (напр., низверженіемъ министерства) и въ случаѣ ея достиженія неизбѣжно распадаются на свои составныя части, ничѣмъ не объединенныя внутренно, съ самаго начала тяготѣющія въ разныя стороны. Это—союзъ во имя идеи, осуществленіе которой признается необходимымъ всѣми участниками союза. Пока она не осуществлена, остается въ силѣ побудительная причина объединенія. Какъ бы далеко ни разошлись между собою, позднѣе, дороги союзниковъ, въ данную минуту они связаны крѣпкою связью; разорвать ее, раньше побѣды, можетъ только измѣна, которой, къ счастію, ничто пока не предвѣщаетъ.

Какъ бы велико, однако, ни было единодушіе въ средѣ прогрессивнаго блока, для него необходима поддержка извнѣ—поддержка нравственная, независимая отъ матеріальной силы. Располагаетъ ли онъ ею въ большей мѣрѣ, чѣмъ противоположный ему черный блокъ? Въ пользу утвердительнаго рѣшенія этого вопроса говоритъ, прежде всего, презумпція, основанная на самомъ составѣ союза. Какъ бы несовершенны ни были, и по существу, и по способамъ ихъ примѣненія, дѣйствующіе у насъ избирательные порядки, во всякомъ случаѣ Государственная Дума является единственнымъ представительствомъ страны, единственнымъ внѣшнимъ мѣриломъ ея настроеній. И вотъ, если въ Думѣ, обязанной своимъ происхожденіемъ выборной кампаніи 1912-го года, въ Думѣ, долго остававшейся безформенною массой неустойчивыхъ — за немногими исключеніями—группъ, легко поддававшихся властнымъ вліяніямъ, образуется весьма значительное, прочное большинство, опредѣленно идущее въ разрѣзъ съ правительствомъ, то не свидѣтельствуетъ ли это съ достаточною ясностью о настроеніи, господствующемъ въ странѣ? Не очевидно ли, что, сознательно или безсознательно, народная мысль и народное чувство работаютъ въ томъ

направленіи, которое намѣчено въ требованіяхъ прогрессивнаго блока? Не слышатся ли тѣ же ноты въ голосѣ общественныхъ организацій, въ голосѣ независимой печати? Если вѣрно сказанное выше о полнѣйшемъ безсиліи крайнихъ правыхъ, если изъ-подъ ихъ ногъ уходитъ почва даже въ средѣ дворянства, если имъ чужда или враждебна масса духовенства, масса крестьянства, масса городского населенія, масса инородцевъ, то въ чью же пользу идетъ все проигранное и проигрываемое темными силами прошлаго? Чѣмъ ниже падаетъ значеніе этихъ силъ, тѣмъ быстрѣе растетъ въ ширь и глубь стремленіе къ свободѣ и справедливости. А этимъ стремленіемъ вызванъ къ жизни, этимъ стремленіемъ всецѣло проникнутъ прогрессивный блокъ.

Вступивъ въ составъ блока, партіи отказались, тѣмъ самымъ, отъ всего того, что было въ ихъ программахъ противорѣчащаго требованіямъ блока. Участники союза, на знамени котораго написано устраненіе розни между національностями и между классами, не могутъ, напримѣръ, стоять за безправіе евреевъ, за стѣсненіе профессіональныхъ союзовъ, за преслѣдованіе «нелегализованныхъ» партій. Но ничто не мѣшаетъ имъ стоять за то, что идетъ дальше требованій блока. Не случайно на послѣднемъ партійномъ кадетскомъ съѣздѣ большинствомъ голосовъ рекомендовано было к.-д. фракціи не только не обострять своихъ отношеній съ другими демократическими партіями, но по возможности входить съ ними въ контактъ; не случайно объ этой резолюціи съѣзда вспомнилъ представитель с.-д. фракціи, деп. Чхенкели, въ рѣчи, произнесенной имъ въ засѣданіи 4-го марта. Совершенно понятно, что программа прогрессивнаго блока не удовлетворяетъ крайнихъ лѣвыхъ партій; но столь же несомнѣнно и то, что ничего несовмѣстнаго съ ихъ стремленіями она не представляетъ. «Страна находится въ величайшей опасности»—такъ закончилъ свою рѣчь деп. Чхенкели; «власть съ каждымъ шагомъ усиливаетъ эту опасность. Единственный выходъ—мобилизація всѣхъ живыхъ силъ страны; но мобилизація немыслима при настоящихъ условіяхъ и при этой власти. Вотъ почему лозунгомъ момента является свобода и свобода»! Но вѣдь именно этотъ лозунгъ и звучитъ въ программѣ прогрессивнаго блока.

Условіемъ, одинаково необходимымъ какъ для внутренняго обновленія, такъ и для торжества надъ внѣшнимъ врагомъ, прогрессивный блокъ признаетъ «созданіе объединеннаго правительства изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ страны». Какихъ только перетолкованій не вызвали эти простыя и въ сущности ясныя слова! Читая между строками, въ нихъ увидѣли дерзновенное покушеніе на государственный строй, преступный замыселъ честолюб-

цевъ, во что бы то ни стало стремящихся къ власти. Опровергать эти злобныя измышленія было бы совершенно излишне... Скорѣе наивнымъ, чѣмъ хитроумнымъ можетъ показаться, съ перваго взгляда, возраженіе другого рода: какъ опредѣлить, кто пользуется общественнымъ довѣріемъ? Вотъ, напримѣръ, А. Н. Хвостовъ: онъ одинъ изъ избранниковъ страны—и, слѣдовательно, пользуется ея довѣріемъ. Или вотъ А. И. Гучковъ: его отказываются послать въ Думу московскіе избиратели, но онъ проходитъ въ выборные члены Государственнаго Совѣта... Едва-ли, однако, въ силу такихъ доводовъ вѣрятъ сами ихъ авторы. Не говорю уже о томъ, какъ А. Н Хвостовъ попалъ въ Госуд. Думу [1]; даже пріобрѣтенное инымъ путемъ, званіе депутата, само по себѣ взятое, доказательствомъ *общаго* довѣрія къ избраннику данной мѣстности служить отнюдь не можетъ. Не имѣетъ рѣшающаго значенія ни частный успѣхъ, ни частная неудача: «общественное довѣріе» пріобрѣтается продолжительною дѣятельностью, послѣдовательною, свободною отъ противорѣчій и диссонансовъ. Первое условіе довѣрія—согласованность между прошедшимъ и настоящимъ, заключающая въ себѣ ручательство за будущее. Возможенъ, конечно, искренній переходъ съ одной стороны на другую; но вызвать довѣріе онъ можетъ только тогда, когда будетъ подтвержденъ не словами, а дѣлами, достаточно крупными и вѣскими. Меньше всего возможно у насъ общественное довѣріе къ крайнимъ правымъ — или хотя бы просто правымъ, — не только не отказавшимся отъ прежней идеологіи, но не скрывающимъ свою близость къ ея панегиристамъ и апологетамъ. Новымъ доказательствомъ этому послужила министерская карьера А. Н. Хвостова, завершившаяся на-дняхъ такъ неожиданно и такъ быстро. Чего можно было ожидать отъ губернатора, чуть не больше всѣхъ другихъ воплотившаго въ себѣ характерныя черты современной «твердой» власти, отъ лидера партіи, украшеніемъ которой служитъ г. Марковъ 2-й, то и случилось: хорошія слова остались словами, обѣщанныхъ дѣлъ не оказалось вовсе, а дѣла реальныя были не чѣмъ инымъ, какъ повтореніемъ пройденнаго. Если отставка г. Хвостова обратила на себя общее вниманіе, то лишь въ силу загадочности обстоятельствъ, ее сопровождавшихъ. Не устранена эта загадочность сообщеніями о «сенсаціонномъ дѣлѣ», появившимися въ печати. Не въ первый разъ, впрочемъ, увольненіе министровъ происходитъ у насъ на почвѣ, не имѣющей ничего общаго

---

[1]) Незабываемая картина орловскихъ выборовъ 1912-го года была нарисована, въ свое время, С. Н. Булгаковымъ. Главныя ея черты можно найти въ № 12 „Вѣстника Европы“ за 1912 г. (стр. 361—2).

съ политикой; не политическими соображеніями была вызвана, полгода тому назадъ, отставка кн. Н. Б. Щербатова и А. Д. Самарина. Въ какой мѣрѣ увеличивается, при подобныхъ условіяхъ, непрочность, неустойчивость министерства — это ясно само собою. И ко всѣмъ этимъ перемѣнамъ примѣнимо французское изреченіе: plus cela change, plus c'est la même chose. Ничего, въ сущности, не измѣнилось и съ назначеніемъ Б. В. Штюрмера на постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ этомъ министерствѣ онъ положилъ основаніе своей карьерѣ, въ этомъ министерствѣ онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ В. К. Плеве, подъ руководствомъ котораго сложились его отношенія къ тверскому земству... А между тѣмъ близится рѣшительная минута въ ходѣ военныхъ дѣйствій; несвободенъ отъ очень тяжелыхъ тучъ и внутренній горизонтъ. Больше чѣмъ когда-нибудь, необходимо общественное довѣріе къ правительству.

Если не на сущность того дѣла, которое положило конецъ преуспѣянію г. Хвостова, то на многія черты современныхъ бюрократическихъ нравовъ бросаютъ яркій свѣтъ сообщенія, сдѣланныя бывшимъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ г. Бѣлецкимъ, въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей». Характеренъ уже самый фактъ разоблаченій, дѣлаемыхъ недавнимъ подчиненнымъ о своемъ недавнемъ начальникѣ; но еще болѣе характерно самое содержаніе этихъ разоблаченій. Возможнымъ оказывается полученіе должности, съ значительнымъ окладомъ жалованья, безъ «приближенія къ дѣламъ» того департамента, въ которомъ числится эта должность; возможнымъ оказывается установленіе начальствомъ тайнаго надзора за служащимъ въ его вѣдомствѣ; возможнымъ оказывается устройство не-журналистомъ клуба журналистовъ, на казенный счетъ съ цѣлью «освѣщенія лѣвой печати». Обнаруженіе общеуголовнаго преступленія влечетъ за собою не возбужденіе судебнаго преслѣдованія, а административную ссылку. Весь ужасъ дискреціонной власти, создаваемой «охранными» порядками, ощущается съ особенною силой, когда видишь, въ чьихъ рукахъ находится эта власть... «Я—человѣкъ правый—такъ закончилъ г. Бѣлецкій свою бесѣду—и никогда своихъ убѣжденій не скрывалъ. Я понимаю борьбу съ революціей, съ врагами строя, но борьбу честную, грудь съ грудью. Они насъ взрываютъ, мы ихъ судимъ и караемъ. Но нападеніе изъ-за угла, но возвращеніе ко временамъ Венеціи, съ ея наемными убійцами, должны не укрѣпить, а расшатать и погубить государственность». Смыслъ послѣднихъ словъ столь же неясенъ, какъ и аналогичные намеки, встрѣчающіеся въ сообщеніи о «сенсаціонномъ дѣлѣ»; но расшатать государственность можетъ не одно только

возвращеніе къ венеціанскимъ bravi. Тѣ «мы», о которыхъ говоритъ г. Бѣлецкій, не судятъ, а караютъ безъ суда, караютъ не за дѣйствія, а за мнѣнія. Эпоха «взрывовъ», къ счастью, прошла, но не прошла «эпоха безудержнаго произвола». Не противъ опасныхъ заговорщиковъ, а противъ лѣвой печати долженъ былъ дѣйствовать «клубъ журналистовъ», для организаціи котораго министерству внутреннихъ дѣлъ понадобились услуги г. Ржевскаго... Г. Бѣлецкому незачѣмъ было заявлять, въ концѣ бесѣды, что онъ—правый; это съ полною очевидностью вытекало изъ всего сказаннаго имъ раньше. Только «правымъ», въ специфическомъ смыслѣ слова, свойственны пріемы и взгляды, о которыхъ свидѣтельствуетъ каждая строчка бесѣды...

Не проходитъ дня, который бы не приносилъ съ собою новыхъ данныхъ для характеристики партіи, претендующей на высоту патріотизма и полноту государственной мудрости. Въ засѣданіи Гос. Думы, посвященномъ обсужденію бюджета министерства внутреннихъ дѣлъ, деп. Замысловскій счелъ нужнымъ вынести на трибуну дѣло деп. Мерщаго, безспорно подлежащее разъясненію, но не путемъ публичныхъ преній, а путемъ разбора въ небольшой коллегіи, дѣйствующей въ качествѣ суда чести. Такимъ разборомъ и займется вполнѣ компетентный для того думскій совѣтъ старѣйшинъ. Это не могло не быть извѣстно г. Замысловскому; но деп. Мерщій нѣсколько передвинулся справа налѣво—и этого было достаточно, чтобы г. Замысловскій поспѣшилъ выступить противъ него съ непровѣреннымъ обвиненіемъ. Сразу, такимъ образомъ, достигались двѣ цѣли: отвлекалось вниманіе Думы отъ громаднаго пассива въ счетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ—и падала тѣнь на политическаго противника, да кстати и на партію, къ которой онъ принадлежитъ. Достоинство Думы требуетъ, конечно, чтобы на ея членовъ отнюдь не падало подозрѣнія въ прикосновенности къ сомнительнымъ гешефтамъ—но оно требуетъ также, чтобы это подозрѣніе не становилось предметомъ преждевременной огласки. Наложить пятно легко, снять его гораздо труднѣе; недаромъ сложился афоризмъ: calomniez, calomniez, il en restera toujours quelque chose. Но что за дѣло г.г. Замысловскимъ до достоинства Думы? Какая можетъ существовать внутренняя связь между врагами обновленнаго строя съ его главной опорой?... Въ томъ же засѣданіи г. Замысловскій выступилъ съ обвиненіями противъ деп. Демченко. Для этихъ обвиненій не было даже и такого внѣшняго повода, какимъ по отношенію къ деп. Мерщему являлось письмо генерала Иванова. Деп. Демченко противопоставилъ имъ безусловное отрицаніе—но они оглашены въ отчетѣ о засѣданіи Думы и могутъ быть

использованы молвою. Неужели терпимо повтореніе подобныхъ явленій?

1-го марта состоялось Высочайшее повелѣніе, въ силу котораго доклады синодальнаго оберъ-прокурора Государю Императору по дѣламъ, касающимся внутренняго строя церковной жизни и существа церковнаго управленія, должны быть на будущее время совершаемы въ присутствіи первенствующаго члена св. синода, въ видахъ всесторонняго каноническаго ихъ освѣщенія. Цѣлесообразность этой мѣры не подлежитъ сомнѣнію, но едва-ли слѣдуетъ преувеличивать ея значеніе, называть ее, день ея принятія—какъ это дѣлаетъ одна изъ петроградскихъ газетъ—«знаменательнымъ днемъ въ исторіи русской церкви». Разгадку тяжелаго положенія, въ которомъ находится церковь, слѣдуетъ искать не въ одномъ только ненормальномъ расширеніи вліянія и власти синодальной оберъ-прокуратуры. Не менѣе ненормально отношеніе высшаго духовенства къ низшему, отношеніе духовнаго *начальства* къ своимъ подчиненнымъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочитать пренія о смѣтѣ св. синода, происходившія въ засѣданіяхъ думы 25-го и 26-го февраля. «Нужно снять—говорилъ такой сторонникъ церкви, какъ В. Н. Львовъ,—«нужно снять» каменныя перегородки между іерархіей и церковью, приблизить іерархію къ народу, церковь къ іерархіи». По словамъ того же оратора, не только оберъ-прокурорскую власть, но и дѣятельность синода дезорганизуетъ «безотвѣтственное вѣяніе новѣйшей формаціи, которое нигдѣ не чувствуется такъ больно, какъ въ церкви православной». «Немало лежитъ грѣха на тѣхъ руководителяхъ русской церкви»,—воскликнулъ священникъ Филоненко,—«которые заставили церковь быть оплотомъ политической реакціи. Политическая нетерпимость, сдѣлавшаяся какъ бы обязательной для лицъ духовныхъ, повлекла за собою недоброжелательное отношеніе ко-всему, что носитъ печать общественности. Помните цѣлый рядъ выступленій высокихъ духовныхъ лицъ, которыя съ церковной каѳедры громили Государственную Думу. И это какъ разъ совпало съ ея сентябрьскимъ роспускомъ. Если это—политика, то политика нехорошая». Съ трогательнымъ привѣтомъ свящ. Филоненко обратился къ свящ. Востокову, гонимому изъ прихода въ приходъ, обрекаемому на молчаніе—кѣмъ? Не оберъ-прокуратурой, а его духовнымъ начальствомъ. Не отъ одного свѣтскаго, но и отъ духовнаго начальства исходитъ поддержка протоіерея Восторгова, миссіонера Айвазова и другихъ дѣятелей того же типа. Вполнѣ понятна, въ виду всего этого, формула перехода по смѣтѣ св. синода, составленная прогрессивнымъ блокомъ и принятая подавляющимъ боль-

шинствомъ Госуд. Думы [1]). Обновленіе церкви начнется не со дня измѣненія порядка докладовъ по синодскимъ дѣламъ, а со дня торжества истинной свободы какъ въ церкви, такъ и въ государствѣ.

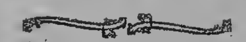
Среди безчисленнаго множества аномалій, иллюстрирующихъ собою русскую послѣ-конституціонную жизнь, совершенно особенное мѣсто занимаетъ судьба Вольнаго Экономическаго Общества. Что оно, въ концѣ прошлаго вѣка, стало подвергаться всякаго рода стѣсненіямъ, что нѣсколько лѣтъ спустя была устранена публичность его засѣданій, что предпринятъ былъ, по требованію свыше, пересмотръ его устава—это было въ порядкѣ вещей: таковъ былъ духъ времени—времени И. Л. Горемыкина, Д. С. Сипягина и В. К. Плеве. Предметомъ недоумѣвающаго удивленія участь старѣйшаго ученаго общества въ Россіи становится съ наступленіемъ новой эры. Все оживаетъ вокругъ него—но ему по-прежнему отказываютъ въ правѣ на жизнь. Освобождается, до извѣстной степени, печать, допускается, также до извѣстной степени, свобода собраній, на всю Россію раздается голосъ ораторовъ Госуд. Думы—но открыть двери небольшой залы на углу Забалканскаго просп. и 4-й роты Измайловскаго полка все еще считается опаснымъ, и на повѣсткахъ, получаемыхъ членами В. Э. Общества, продолжаетъ стоять надпись: «входъ постороннихъ лицъ не допускается». Въ началѣ прошлаго года дѣятельность Общества, только-что оживившаяся въ связи съ войною, была пріостановлена впредь до окончанія военныхъ дѣйствій; только благодаря особому ходатайству уцѣлѣли лазареты, устроенные Обществомъ для раненыхъ воиновъ. Не было отмѣнено запрещеніе и тогда, когда исполнилось (31 октября 1915 г.) полуторастолѣтіе существованія Общества. На самомъ дѣлѣ инціатива этой мѣры принадлежала не военной власти, отъ имени которой она была объявлена, а министерству

---

[1]) Эта формула признаетъ необходимымъ: 1) принятіе мѣръ къ переустройству управленія русской православной церкви на началахъ соборности, съ широкимъ примѣненіемъ мѣстнаго областного самоуправленія и созывомъ возможно скорѣе церковнаго помѣстнаго собора; 2) осуществленіе требуемыхъ жизнью преобразованій высшаго и мѣстнаго церковныхъ управленій, церковнаго суда и въ частности бракоразводнаго процесса, а равно преобразованіе духовныхъ учебныхъ заведеній и развитіе приходской жизни въ связи съ обезпеченіемъ духовенства; 3) прекращеніе вредной для церковной жизни практики перевода епископовъ съ каѳедры на каѳедру вообще, а тѣмъ болѣе помимо церковной власти, безъ крайней необходимости; 4) отказъ государственной власти отъ взгляда на православное духовенство какъ на орудіе внутренней политики и отмѣна соотвѣтствующихъ циркуляровъ и распоряженій, обнародованныхъ и тайныхъ.

внутреннихъ дѣлъ, т. е. Н. А. Маклакову. Его преемникъ, А. Н. Хвостовъ, поставилъ условіемъ открытія Общества измѣненіе его устава—въ какомъ направленіи, это угадать нетрудно, — и только для обсужденія этого вопроса (и для избранія должностныхъ лицъ) разрѣшилъ общее собраніе членовъ Общества, которое и состоялось 4-го марта. Какъ и слѣдовало ожидать, Общество не пошло на вынужденный пересмотръ устава. Безъ преній принята слѣдующая резолюція: «Вольное Экономическое Общество, всегда полагавшее главной цѣлью своей дѣятельности обсужденіе и изученіе очередныхъ задачъ народно-хозяйственной жизни страны, считаетъ особенно необходимымъ сосредоточить свои силы на этой работѣ въ настоящее время, когда нормальный ходъ хозяйственной жизни страны такъ рѣзко нарушенъ войной. Памятуя о той отвѣтственности, которая лежитъ на Вольномъ Экономическомъ Обществѣ, какъ на старѣйшемъ ученомъ учрежденіи, въ переживаемый нынѣ тяжелый историческій моментъ,—общее собраніе находитъ возможнымъ работать въ соотвѣтствіи съ требованіями этого момента лишь при условіи возстановленія нормальной дѣятельности Общества и считаетъ несвоевременнымъ возбужденіе вопроса о пересмотрѣ устава». Любопытно будетъ узнать, какое дальнѣйшее направленіе получитъ это дѣло при преемникѣ А. Н. Хвостова? Неужели мирное ученое Общество по-прежнему будетъ разсматриваться какъ врагъ государственнаго порядка и общественнаго спокойствія?

К. Арсеньевъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Внѣшнее положеніе Германіи и послѣдствія верденской неудачи.—Нѣмецкія настроенія.—Подтвержденіе и расширеніе обязательствъ союзниковъ относительно Бельгіи.—Азіатскія неудачи Германіи.—Разрывъ съ Португаліей.—Споръ съ Соединенными Штатами.—Рѣчи о внѣшней политикѣ въ Гос. Думѣ.

Политическое положеніе въ Европѣ тѣсно связано съ ходомъ военныхъ дѣйствій и зависитъ теперь всецѣло отъ такъ называемаго военнаго счастья. До сихъ поръ счастье улыбалось германцамъ, которые, благодаря преимуществамъ своей техники, своей разсчетливости и своему организаторскому искусству, съумѣли прочно завла-

дѣть чужими территоріями, укрѣпиться на пріобрѣтенныхъ позиціяхъ и сдѣлать ихъ недоступными для прорыва со стороны противниковъ. Но затѣмъ наступаетъ періодъ крайнихъ затрудненій для «побѣдоносной» имперіи. Какъ добиться превращенія своихъ временныхъ побѣдъ въ окончательныя, за которыми должны послѣдовать переговоры о мирѣ? Прошло болѣе полутора года, и противники Германіи не только не думаютъ признать себя побѣжденными, но сильнѣе прежняго готовятся къ дальнѣйшей борьбѣ; они успѣли устранить свои техническіе недочеты, достигли блестящихъ результатовъ въ области производства артиллерійскихъ орудій и предметовъ боевого снаряженія, отчасти даже перегнали нѣмцевъ въ этомъ отношеніи и довели свои укрѣпленныя оборонительныя линіи до такого совершенства, что прорвать ихъ, кажется, нѣтъ возможности.

Послѣ страшныхъ кровавыхъ усилій и жертвъ Германія стоитъ предъ тѣми же непримиримыми врагами, вооруженными сильнѣе прежняго и проникнутыми твердою рѣшимостью воевать «до побѣднаго конца». Не помогли австро-германцамъ и поразительные успѣхи на Балканахъ, гдѣ они расчистили почву для своего владычества, но не могли предупредить сосредоточенія внушительной англо-французской арміи въ Салоникскомъ районѣ. Державы четверного соглашенія благоразумно держатся выжидательной политики; они не торопятся и видимо разсчитываютъ на истощеніе средствъ и силъ противника. Такъ какъ Германія ведетъ наступательную войну, то она дѣйствительно рискуетъ исчерпать свои рессурсы раньше французовъ и англичанъ; она вынуждена поэтому предпринять что-нибудь для ускоренія развязки, а развязка можетъ быть скорѣе всего достигнута на западномъ фронтѣ, гдѣ хорошо обдуманный энергическій ударъ сразу проложилъ бы наступающимъ арміямъ дорогу къ Парижу и заставилъ бы Францію согласиться на заключеніе мира. Съ Россіею нельзя покончить однимъ ударомъ, въ виду обширности ея территоріи и чрезвычайной трудности передвиженія и продовольствія войскъ; этимъ объясняется планъ внезапнаго нападенія на Верденъ съ цѣлью рѣшительнаго прорыва французскихъ линій. Предпріятіе задумано было по иниціативѣ честолюбиваго и бездарнаго кронпринца, при участіи лучшихъ и опытнѣйшихъ германскихъ генераловъ; собраны были огромныя силы, и началось колоссальное, кровопролитнѣйшее побоище, продолжавшееся больше мѣсяца. Непрерывный ураганный огонь тяжелыхъ орудій подготовлялъ наступленіе пѣхоты, которая шла въ атаку густыми колоннами, подъ градомъ французскихъ снарядовъ; массы людей посылались на вѣрную смерть, безъ всякой пощады, для того, чтобы уцѣлѣвшіе могли продвинуться впередъ на нѣкоторое разстояніе и утвердиться въ

какой-нибудь деревнѣ или забраться въ сосѣдній лѣсъ. Ожесточенные бои въ окрестностяхъ Вердена привели лишь къ тому, что германцамъ удалось приблизиться къ двумъ или тремъ фортамъ и завладѣть прилегающими къ нимъ мѣстностями; но крѣпость осталась для нихъ неприкосновенною, и вся операція, предпринятая съ громаднымъ перевѣсомъ силъ, окончилась полной неудачей. Около двухсотъ пятидесяти тысячъ нѣмцевъ погибло подъ Верденомъ, безъ всякой пользы для Германіи. Французы наглядно показали, что германскій натискъ потерялъ для нихъ свою сокрушительную силу и не имѣетъ уже шансовъ одолѣть ихъ сопротивленіе. Дальнѣйшее движеніе германскихъ армій въ предѣлахъ французской территоріи окончательно остановлено, несмотря на всѣ ихъ отчаянныя усилія, и этотъ фактъ, удостовѣренный передъ всѣмъ міромъ, равносиленъ публичному признанію испытаннаго Германіею пораженія. Если германцы не имѣютъ возможности двигаться впередъ, а должны стоять на одномъ мѣстѣ, то путь къ «побѣдоносному» окончанію войны для нихъ закрытъ, и имъ приходится ждать, пока противники не найдутъ своевременнымъ вступить въ переговоры о мирѣ. Иниціатива мирныхъ предложеній должна исходить отъ державъ четверного согласія; Германія не въ состояніи ни принудить ихъ къ миру, ни навязать имъ свои условія и требованія,—и выигрышъ останется за тою изъ воюющихъ сторонъ, которая можетъ дольше выдержать крайнее напряженіе своихъ народныхъ и финансовыхъ рессурсовъ. Въ этой доказанной невозможности рѣшительной побѣды для Германіи заключается весь политическій смыслъ ужаснаго верденскаго сраженія.

Нѣмецкое общество не можетъ быть довольно результатами военныхъ предпріятій, вдохновителемъ которыхъ считается недалекій кронпринцъ, мечтавшій объ уланскихъ набѣгахъ въ духѣ Блюхера. Въ странѣ растетъ недовольство, которое долго сдерживалось чувствомъ патріотизма и суровымъ военнымъ режимомъ; въ различныхъ городахъ повторяются волненія и безпорядки изъ-за чрезмѣрной дороговизны и недостатка продовольствія. Высокомѣрный шовинизмъ консерваторовъ и націоналъ-либераловъ замѣтно падаетъ, хотя еще искусственно взвинчивается реакціонною прессою; оппозиція въ прусскомъ сеймѣ, а также въ имперскомъ парламентѣ, весенняя сессія котораго открылась 3 (16) марта, высказывается все болѣе рѣзко, при чемъ дѣйствуютъ пока только соціалъ-демократы. Послѣдніе возбуждаютъ не партійные, а широкіе общественно-національные вопросы, которые одинаково интересуютъ всѣ прогрессивныя партіи; такъ, въ прусской палатѣ депутатовъ, 27 (14) февраля, соціалистъ Гофманъ напомнилъ о необходимости осу-

ществленія давно обѣщанной реформы прусской избирательной системы, несправедливость которой неоднократно признавалась самимъ правительствомъ. «Представители рабочаго класса—говорилъ Гофманъ—не желаютъ, чтобы съ ними обращались какъ съ паріями; они хотятъ имѣть такія же права, какъ и другіе, и народъ все еще ждетъ избирательной реформы». Возражавшій ему консервативный депутатъ графъ Цедлицъ, къ общему удивленію либераловъ, заявилъ, что рабочіе уже пользуются такими же правами, какъ и представители всѣхъ другихъ классовъ. «То, чего они добиваются — продолжалъ онъ—есть несправедливость; интересы націи не позволяютъ предоставить людямъ, работающимъ на нужды государства, право коалиціи и забастовки. Правительство не должно вносить въ палату законопроектъ объ избирательной реформѣ безъ предварительнаго соглашенія съ парламентскими партіями; намъ нужно будетъ еще найти почву для компромисса». Соціалисты прерываютъ оратора криками: «Мы васъ заставимъ!» Графъ Цедлицъ отвѣчаетъ: «Мы васъ не боимся. Если вы поднимете народныя массы, мы найдемъ на это надлежащій отвѣтъ». Депутатъ Гофманъ, въ свою очередь, сказалъ съ трибуны, что «люди, сражавшіеся въ траншеяхъ, не испугаются жандармской сабли». Умѣренные прогрессисты молчали или заставляли себя молчать, но они не могли не сочувствовать соціалистамъ въ ихъ столкновеніи съ реакціонерами изъ-за вопроса, касающагося одного изъ существенныхъ давнишнихъ требованій всѣхъ либеральныхъ группъ. Тонъ графа Цедлица показываетъ, что прусскіе консерваторы, отъ имени которыхъ онъ говорилъ, находятъ для себя новую поддержку и опору въ воинственномъ настроеніи близорукихъ патріотовъ, возлагающихъ всѣ свои надежды на неминуемое будто бы торжество германскаго оружія, которое тогда проявляло свою силу подъ Верденомъ; это торжество, какъ видно изъ самоувѣренныхъ консервативныхъ рѣчей, должно укрѣпить позицію нынѣшняго правительства и весь прусско-германскій режимъ, — такъ что удачный для нѣмцевъ исходъ войны способствовалъ бы только обостренію антагонизма между народными массами и правящими классами съ династіею во главѣ. Конечно, консерваторы жестоко ошибаются, если предполагаютъ справиться съ народнымъ движеніемъ при помощи солдатъ, вернувшихся съ театра міровой войны; можно думать, наоборотъ, что само правительство должно будетъ кореннымъ образомъ измѣнить свой характеръ и отказаться отъ солидарности съ аграріями и реакціонерами, противъ которыхъ возстаютъ и либералы и прогрессисты. Тяжелое экономическое положеніе страны, котораго не могъ отрицать въ рейхстагѣ имперскій министръ финансовъ Гельферихъ, побудитъ и средніе классы нѣмец-

каго общества примкнуть къ представителямъ соціалъ-демократіи въ ихъ борьбѣ противъ устарѣлаго соціально-политическаго строя; эта перспектива серьезнаго внутренняго кризиса становится тѣмъ болѣе вѣроятною, что достигнутые военные успѣхи остаются еще спорными и не обѣщають скораго мира.

Насколько понизился тонъ германскаго правительства послѣ верденской неудачи, можно судить по намекамъ имперскаго канцлера въ недавней конфиденціальной бесѣдѣ съ американскимъ посломъ Джерардомъ, о которой сообщается въ телеграммѣ изъ Вашингтона отъ 8 (21) марта. Бетманъ-Гольвегъ заговорилъ, между прочимъ, объ условіяхъ, на которыхъ Германія согласилась бы покончить войну: она очистила бы Бельгію и разсчитывала бы получить контрибуцію отъ Франціи, а затѣмъ она «охотно вернулась бы къ положенію, бывшему до войны». Отреченіе отъ Бельгіи, аннексія которой возвѣщалась нѣмецкими патріотами еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, объясняется прежде всего перемѣною военныхъ и политическихъ обстоятельствъ, въ связи съ неоднократными настойчивыми указаніями державъ четверного согласія на безусловную необходимость возстановленія независимаго бельгійскаго государства и обезпеченія его неприкосновенности на будущее время. Въ минувшемъ февралѣ представители Франціи, Англіи и Россіи вновь подтвердили свои обязательства относительно Бельгіи въ оффиціальномъ документѣ, который они вручили пребывающему въ Гаврѣ бельгійскому министру иностранныхъ дѣлъ, барону Бейенсу. «Союзныя державы, подписавшія трактаты, которыми обезпечивается независимость и нейтралитетъ Бельгіи,—говорится въ этомъ документѣ,—рѣшили въ настоящее время торжественнымъ актомъ возобновить принятыя на себя обязательства по отношенію къ вашей странѣ, героически вѣрной своему международному долгу. Вслѣдствіе того, мы, уполномоченные надлежащимъ образомъ правительствами Франціи, Великобританіи и Россіи, дѣлаемъ слѣдующее заявленіе: «Союзныя державы-поручительницы заявляютъ, что въ нужный моментъ бельгійское правительство будетъ привлечено къ участію въ переговорахъ о мирѣ и что державы не прекратятъ военныхъ дѣйствій, пока Бельгія не будетъ возстановлена въ своей политической и экономической независимости, съ щедрымъ возмѣщеніемъ причиненныхъ ей убытковъ. Державы окажутъ помощь Бельгіи, чтобы обезпечить возстановленіе ея торговли и финансовъ».

Этотъ политическій актъ подтверждаетъ, во-первыхъ, невозможность заключенія мира безъ освобожденія Бельгіи отъ германской оккупаціи и, во-вторыхъ, рѣшимость союзниковъ воевать еще долго и упорно, до полной побѣды, которая позволитъ имъ диктовать Гер-

маніи свои условія и потребовать отъ нея широкаго вознагражденія бельгійцевъ за разореніе ихъ страны. Быть можетъ, правительства союзныхъ державъ берутъ на себя слишкомъ много: они обязываются не только побѣдить Германію, но и взять съ нея контрибуцію въ пользу Бельгіи и добавить еще свои собственныя средства для устройства бельгійскихъ финансовъ. Въ данномъ случаѣ союзная дипломатія, кажется, радикально разошлась съ осторожною союзною стратегіею и съ увѣренностью заглянула далеко впередъ въ будущій ходъ военныхъ операцій, не имѣя для этого пока никакихъ положительныхъ основаній. Если германцы не могутъ надѣяться на успѣхъ своего дальнѣйшаго наступленія во Франціи и въ другихъ мѣстахъ, то и противники ихъ испытываютъ почти неодолимыя затрудненія въ своихъ попыткахъ прорыва непріятельскихъ линій. Отразивъ сильнѣйшія атаки германскихъ войскъ, французы и англичане превосходно исполнили задачу обороны; но самая блестящая защита существующихъ французскихъ и британскихъ позицій не заставитъ Германію удалить свои войска изъ Бельгіи и сѣверной Франціи и уплатить бельгійцамъ вознагражденіе за понесенные ими убытки,—для этого потребовалось бы успѣшное наступленіе, которое принудило бы Германію признать себя побѣжденною, а пока еще мы не видимъ признаковъ такого поворота судьбы. Дипломатія однако предвидитъ и предсказываетъ этотъ поворотъ, какъ несомнѣнный фактъ, и дѣлаетъ изъ него заранѣе опредѣленные практическіе выводы, связанные съ весьма реальными и весьма значительными обязательствами. Какъ бы то ни было, новое заявленіе союзныхъ державъ представляетъ большой практическій интересъ для Германіи, отнимая у нея всякую надежду на уступчивость и миролюбіе противниковъ.

Въ Германіи сильно чувствуются и другія неудачи, о которыхъ мало говорятъ нѣмецкія газеты. Она потеряла уже всѣ свои колоніи—Того, Камерунъ, обширныя владѣнія въ юго-западной и восточной Африкѣ; теперь ей угрожаетъ потеря пріобрѣтенныхъ позицій въ Малой Азіи и Персіи, вмѣстѣ съ крушеніемъ знаменитаго проекта Багдадской желѣзной дороги, которая должна была соединить Берлинъ съ долиной Тигра и Евфрата. Занятіе русскими войсками Эрзерума и Битлиса въ малоазіатской Турція, и Кума, Керманшаха и Исфагана въ Персіи почти совершенно уничтожаетъ широкіе германскіе планы, направленные къ установленію нѣмецкаго владычества въ богатѣйшей части юго-западной Азіи. Съ другой стороны, британскіе отряды генераловъ Тоуншенда и Эйльмера успѣшно дѣйствуютъ противъ турокъ въ Месопотаміи, и очень можетъ быть, что въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ занятіе ими

Багдада, при прямомъ или косвенномъ содѣйствіи русскихъ войскъ Все это создаетъ печальныя перспективы для міровой политики Германіи, и значеніе ихъ не ослабляется сознаніемъ новыхъ фактическихъ пріобрѣтеній въ Европѣ, болѣе или менѣе эфемерныхъ, подлежащихъ еще ликвидаціи въ той или иной формѣ. Нѣмцы не могутъ сохранить за собою ни Бельгію, ни сѣверную Францію; въ лучшемъ случаѣ они могли бы за очищеніе занятыхъ земель получить обратно часть своихъ колоній, отнятыхъ у нихъ англичанами и французами. Что касается Польши, то попытка присоединенія ея или образованія изъ нея автономнаго союзнаго государства породила бы массу затрудненій и пререканій между Германіею и Австро-Венгріей и внесла бы въ нѣмецкую жизнь польскій вопросъ во всемъ его объемѣ, что едва-ли способствовало бы увеличенію могущества и процвѣтанія германской имперіи. Нѣмецкіе патріоты пока утѣшаются внѣшними преимуществами своего положенія въ Европѣ, но непрочность этого положенія чувствуется всѣми.

Удивительнѣе всего, что при такихъ трудныхъ обстоятельствахъ Германія не стѣсняется дѣйствовать вызывающимъ образомъ относительно нейтральныхъ государствъ и какъ будто намѣренно увеличиваетъ число своихъ враговъ. Въ концѣ февраля (10 марта нов. ст.) она объявила войну Португаліи, съ которою установились натянутыя отношенія съ самаго начала великой европейской войны. Португалія, связанная старинными симпатіями съ Франціею и союзнымъ договоромъ съ Англіею, соблюдала сочувственный къ союзникамъ нейтралитетъ, но нерѣдко отступала отъ него въ отдѣльныхъ случаяхъ, чѣмъ вызывала раздраженіе и протесты германскаго правительства; въ послѣднее время она рѣшила реквизировать задержанные въ португальскихъ портахъ германскіе пароходы, въ числѣ семидесяти, для перевозки предметовъ продовольствія. Германія потребовала отмѣны этой мѣры или предварительнаго установленія нормы вознагражденія за пользованіе означенными пароходами, но получила вѣжливый отказъ; она отвѣтила на это рѣзкою оскорбительною нотою, въ которой Португалія названа «вассаломъ Англіи». Германскій посланникъ въ Лиссабонѣ, баронъ Розенъ, фактически прекратившій всякія личныя сношенія съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Августомъ Соаресомъ съ начала прошлаго года, вновь явился въ министерство только для того, чтобы вручить ноту о разрывѣ и потребовать паспортовъ для себя и для персонала посольства. Отъѣздъ всѣхъ германскихъ подданныхъ въ Испанію былъ организованъ заранѣе; охрану ихъ имущественныхъ интересовъ взяло на себя испанское правительство. Президентъ республики, Бернардино Машадо, и глава кабинета, Альфонсо Коста, отнеслись

къ разрыву довольно холодно. Въ засѣданіи парламента министръ иностранныхъ дѣлъ Соаресъ объявилъ, что право пользованія задержанными германскими коммерческими кораблями вызывается необходимостью и соотвѣтствуетъ какъ внутреннимъ потребностямъ страны, такъ и интересамъ Англіи, которой нельзя было отказать въ этой услугѣ въ силу союзнаго договора. Министръ прочиталъ текстъ германской ноты, обвиняющей Португалію въ нарушеніи нейтралитета и кончающейся объявленіемъ войны; эта нота, по его словамъ, не могла быть принята во вниманіе, такъ какъ она составлена «въ необычныхъ выраженіяхъ». Премьеръ Коста внесъ предложеніе о предоставленіи надлежащихъ полномочій правительству для принятія необходимыхъ мѣръ, вызываемыхъ войною; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заявилъ о выходѣ кабинета въ отставку, съ цѣлью дать президенту возможность образовать новое національное министерство. При обсужденіи германской ноты было указано однимъ изъ вождей большинства, что нѣмцы могли бы назвать португальцевъ не только «вассалами Англіи», но и «рабами,—именно рабами своихъ обязательствъ». Въ заключеніе палата выразила свое восторженное сочувствіе защитникамъ Вердена и всѣмъ союзнымъ націямъ.

Война между Германіею и Португаліею представляетъ нѣчто въ родѣ парадокса: противники нигдѣ не могутъ встрѣтиться, и въ частности Германія, объявившая войну, не имѣетъ ни случая, ни возможности осуществить свое право воюющей стороны и не можетъ причинить ни прямого, ни косвеннаго вреда своему новому врагу,—тогда какъ Португалія находитъ въ своемъ распоряженіи различныя средства для нанесенія чувствительныхъ ударовъ нѣмецкой торговлѣ и нѣмецкому судоходству. Первымъ результатомъ разрыва является для Германіи потеря семидесяти пароходовъ, которые по праву войны перейдутъ уже не въ пользованіе, а въ собственность Португаліи; ни о позднѣйшемъ возвратѣ этихъ судовъ, ни объ уплатѣ за нихъ вознагражденія уже не можетъ быть и рѣчи. Португальцы будутъ теперь задерживать всѣ нѣмецкіе пароходы въ открытомъ морѣ, и португальскія гавани будутъ служить стоянками для союзныхъ военныхъ кораблей и подводныхъ лодокъ,—такъ что рессурсы враговъ Германіи увеличатся и районъ военныхъ приготовленій расширится въ ущербъ нѣмцамъ. Чѣмъ руководствовалось германское правительство при оффиціальномъ разрывѣ съ противникомъ, котораго оно тронуть не можетъ,—понять трудно; нѣкоторыя французскія газеты догадываются, что Германія желала напугать нейтральныя государства своимъ крутымъ образомъ дѣйствій относительно Португаліи,—но едва-ли можно видѣть способъ запугиванія въ торжественномъ демонстрированіи своего безсилія передъ

противникомъ, находящимся внѣ предѣловъ досягаемости для Германіи.

Въ ряду нейтральныхъ державъ, съ которыми постоянно споритъ Германія, первое мѣсто, конечно, занимаютъ Соединенные Штаты. Протесты президента Вильсона противъ злоупотребленій германскихъ подводныхъ лодокъ, упорно продолжающихъ топить торговые и пассажирскіе пароходы безъ предупрежденія, не привели ни къ чему, и владѣльцы англійскихъ судовъ вынуждены были прибѣгнуть къ вооруженію ихъ въ видахъ необходимой обороны. Появились такимъ образомъ вооруженныя торговыя суда, т.-е. снабженныя одною или двумя пушками; они стали отстрѣливаться отъ нападающихъ на нихъ подводныхъ лодокъ и иногда принуждали ихъ къ отступленію.

Германское правительство протестовало противъ этой новой практики и въ особомъ меморандумѣ объяснило вашингтонскому кабинету, что оно будетъ топить безъ предупрежденія всякіе вооруженные или подозрѣваемые въ обладаніи пушками пароходы, которые предпримутъ какія-либо оборонительныя дѣйствія противъ германскихъ подводныхъ лодокъ или станутъ стрѣлять въ нихъ, прежде чѣмъ послѣднія обнаружатъ намѣреніе напасть на нихъ или сдѣлаютъ первый шагъ къ нападенію. Торговые и пассажирскіе пароходы, по мнѣнію германскаго правительства, не имѣютъ права обороняться отъ подводныхъ лодокъ; они должны при встрѣчѣ съ лодкою покорно ждать своей участи и не дѣлать никакой попытки къ бѣгству или къ защитѣ, пока лодка не приготовится выпустить въ нихъ свою мину,—иначе они будутъ потоплены, какъ нарушители международнаго права. Разумѣется, международное право тутъ абсолютно ни при чемъ, такъ какъ оно вовсе не предвидѣло подводной войны и не могло упразднить коренное общечеловѣческое право необходимой обороны спеціально для облегченія дѣйствій подводныхъ лодокъ. Вооруженные частные пароходы несомнѣнно рискуютъ погибнуть, если рѣшаются оказать сопротивленіе, но при этомъ они имѣютъ шансъ успѣшнаго отраженія атаки, тогда какъ, оставаясь пассивными, они нисколько не избѣгаютъ гибели, не имѣя уже никакихъ шансовъ спасенія. Требовать, чтобы люди въ открытомъ морѣ добровольно подчинялись пиратамъ и готовились къ смерти безъ всякой попытки противодѣйствія, изъ уваженія къ новому международному праву, придуманному германскимъ адмиралтействомъ,—это граничитъ уже съ издѣвательствомъ; но берлинская дипломатія имѣла въ виду побудить американцевъ отказаться отъ пользованія услугами вооруженныхъ пароходовъ и даже добиться формальнаго запрещенія въ этомъ смыслѣ, чтобы въ самомъ корнѣ

подорвать зловредную для нихъ систему, усвоенную британскими и отчасти также французскими и итальянскими судовладѣльцами.

Къ германской нотѣ приложенъ чрезвычайно любопытный документъ, имѣющій характеръ какъ бы обвинительнаго акта—списокъ отдѣльныхъ случаевъ неправильныхъ и незаконныхъ дѣйствій союзныхъ или «неизвѣстныхъ» судовъ, съ краткой характеристикою ихъ поведенія. Всего приведено девятнадцать случаевъ; только въ трехъ изъ нихъ борьба окончилась потопленіемъ пароходовъ, а въ остальныхъ шестнадцати—суда спаслись благодаря стрѣльбѣ своихъ орудій, при чемъ двѣ подводныя лодки получили поврежденія и по всей вѣроятности погибли. Германія серьезно жалуется на то, что торговые пароходы не даютъ себя топить, какъ полагается по праву подводной войны, а осмѣливаются мѣшать и даже вредить нападающимъ на нихъ подводнымъ лодкамъ. Такъ, въ западной части Средиземнаго моря «неизвѣстный пароходъ, которому капитанъ подводной лодки сигналомъ велѣлъ остановиться и показать свой флагъ, внезапно выстрѣлилъ изъ орудія, помѣщеннаго сзади; подводная лодка принуждена была быстро погрузиться въ воду». Къ западу отъ Гебридскихъ островов «два большихъ парохода открыли огонь противъ подводной лодки, на разстояніи четырехъ тысячъ метровъ, и заставили ее скрыться подъ водой». Въ Средиземномъ морѣ «неизвѣстный пароходъ, преслѣдуемый подводной лодкой, отвѣтилъ на ея огонь, и подводная лодка должна была отказаться отъ преслѣдованія». «Подводная лодка пыталась остановить англійскій пароходъ выстрѣломъ изъ пушки; пароходъ отвѣчалъ огнемъ изъ двухъ орудій, и подводная лодка удалилась; капитанъ парохода предполагаетъ, что она затонула». Въ средней части Средиземнаго моря «подводная лодка потребовала предъявленія бумагъ отъ англійскаго парохода «Melanie», бывшаго подъ голландскимъ флагомъ, и, когда она изъ предосторожности отошла на тысячу метровъ, пароходъ открылъ по ней огонь изъ двухъ орудій и пулеметовъ, такъ что она могла спастись только быстрымъ погруженіемъ въ воду». Въ другихъ случаяхъ сообщается просто, что пароходъ стрѣлялъ и удалился, или что пароходъ «открылъ стрѣльбу безъ всякаго предупрежденія», или «сдѣлалъ выстрѣлъ въ перископъ подводной лодки, какъ только онъ показался на поверхности». Тѣ три парохода—два англійскихъ и одинъ французскій—которые остановились по сигналу подводныхъ лодокъ, послѣ попытки бѣгства или безуспѣшнаго сопротивленія, были потоплены безъ всякихъ церемоній.

Приведенные факты доказываютъ только, что вооруженіе торговыхъ и пассажирскихъ судовъ вполнѣ достигаетъ своей цѣли и является дѣйствительною гарантіею ихъ безопасности въ значитель-

номъ большинствѣ случаевъ. Если бы перечисленные девятнадцать пароходовъ не были вооружены, они всѣ подверглись бы участи тѣхъ трехъ, которымъ не удалось оказать отпоръ подводнымъ лодкамъ. Претензія на то, что пароходы защищаются не безъ успѣха и стрѣляютъ «безъ всякаго предупрежденія», могла бы считаться забавною, если бы въ ней не выразилось возмутительное желаніе безпрепятственно уничтожать чужія цѣнности вмѣстѣ съ массою человѣческихъ жизней, и именно безъ всякаго предупрежденія. Однако германская угроза отчасти возымѣла свое дѣйствіе. Многіе американскіе дѣятели, и въ томъ числѣ бывшій кандидатъ въ президенты, Брайанъ, находили, что американскіе граждане не должны ни въ какомъ случаѣ ѣздить на вооруженныхъ торговыхъ судахъ, чтобы не впутывать страну въ опасные конфликты съ Германіею. Сенаторъ Томасъ Горъ внесъ въ сенатъ проектъ закона о томъ, чтобы оффиціально предложено было американцамъ избѣгать путешествія на пароходахъ, принадлежащихъ гражданамъ воюющихъ державъ. Однородное предложеніе было внесено въ палату представителей депутатомъ Джонсомъ. Въ обѣихъ палатахъ конгресса велась дѣятельная агитація въ пользу принятія этихъ предложеній, которыя избавили бы Соединенные Штаты отъ риска войны изъ-за гибели отдѣльныхъ американскихъ гражданъ. Другими словами, странѣ рекомендовалось примириться съ германскимъ методомъ истребленія чужихъ коммерческихъ и пассажирскихъ пароходовъ «безъ предупрежденія», лишь бы отъ этого не страдали американцы. Президентъ Вильсонъ взглянулъ на дѣло шире, съ принципіальной точки зрѣнія. Весь продолжительный споръ его противъ нѣмецкой практики подводной войны потерялъ бы всякій смыслъ, если бы въ конгрессѣ восторжествовали взгляды осторожныхъ и миролюбивыхъ оппортунистовъ, стоящихъ во что бы то ни стало за соглашеніе съ Германіею. Президентъ подробно изложилъ и мотивировалъ свое мнѣніе въ письмѣ на имя предсѣдателя сенатской комиссіи по иностраннымъ дѣламъ, сенатора Стона; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указалъ на необходимость единства и послѣдовательности въ направленіи внѣшней политики и на крайне нежелательныя послѣдствія разлада въ этой области между конгрессомъ и исполнительною властью. Если подводная война въ томъ видѣ, какъ она практикуется германцами, недопустима въ принципѣ, то нельзя подчиняться основаннымъ на ней требованіямъ, и позорно было бы навязывать это подчиненіе американскимъ гражданамъ. Незаконныя иностранныя угрозы не могутъ вліять на законодательство Соединенныхъ штатовъ и ограничивать права американскихъ гражданъ; американцы имѣютъ безспорное право выбирать для своихъ путешествій тѣ пароходы, ко-

торые имъ болѣе удобны и желательны, и этого права никто ихъ лишить не можетъ. Послѣ трехдневныхъ оживленныхъ преній сенатъ, большинствомъ 68 голосовъ противъ 14, постановилъ, въ засѣданіи 3 марта (нов. ст.), отложить разсмотрѣніе законопроекта Томаса Гора на неопредѣленное время, и такимъ образомъ вопросъ былъ рѣшенъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ пользу политики президента.

Въ связи съ дипломатическими пререканіями между Германіею и Соединенными штатами по поводу подводной войны, въ самой Германіи происходитъ борьба двухъ теченій: одни стоятъ за безпощадное и болѣе широкое примѣненіе той системы, которая до сихъ поръ будто бы давала и даетъ такіе блестящіе результаты, а другіе высказываются за смягченіе и урегулированіе ея пріемовъ, для избѣжанія прямого столкновенія съ Америкою. Какъ это ни странно, къ первому направленію принадлежатъ представители образованныхъ классовъ, парламентскіе дѣятели, ученые профессора и публицисты, не только консерваторы, но и либералы и прогрессисты, настойчиво совѣтующіе не обращать вниманія на американскіе протесты; другого, болѣе мягкаго направленія держится имперскій канцлеръ, Бетманъ-Гольвегъ. Оффиціальныя сферы склоняются, повидимому, на сторону канцлера; это выразилось прежде всего въ отставкѣ творца и главнаго руководителя новой подводной войны, адмирала, фонъ-Тирпица. Говорятъ, что вновь назначенный морской министръ адмиралъ фонъ-Капелле, предпочитаетъ пустить въ дѣло броненосный флотъ, скрывавшійся понынѣ въ Кильской гавани, и испытать счастье въ прямыхъ столкновеніяхъ съ британскимъ флотомъ въ открытомъ морѣ; но подобная крутая перемѣна тактики представляется мало вѣроятною со стороны германскаго морского вѣдомства и едва-ли могла бы разсчитывать на одобреніе и сочувствіе общественнаго мнѣнія Германіи, даже если бы, сверхъ ожиданія, она получила поддержку правительства.

Рѣчь нашего министра иностранныхъ дѣлъ въ Государственной Думѣ, 9 февраля, заключала въ себѣ обычный обзоръ общаго международнаго положенія, съ соотвѣтствующими оптимистическими комментаріями. Указавъ на тѣсное единеніе союзниковъ и согласованность ихъ дѣйствій, какъ на главный залогъ успѣха, С. Д. Сазоновъ вновь подчеркнулъ истинную цѣль нашихъ усилій—защиту «священнѣйшихъ правъ» народовъ, и прежде всего Россіи, отъ хищныхъ притязаній «пруссачества», которое «должно быть навсегда обезврежено». Опровергнувъ лишній разъ слухи о возможности сепаратнаго мира,

министръ коснулся разныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ войною, и объяснилъ, что въ общемъ все у насъ обстоитъ благополучно: наши отношенія съ нейтральными, особенно съ Швеціею, превосходны, и всякія недоразумѣнія устранены; относительно Польши существуютъ у насъ самыя лучшія намѣренія, и судьба ея будетъ устроена послѣ побѣды. Считаемъ нелишнимъ привести здѣсь слова министра, посвященныя политикѣ Германіи и Россіи относительно Польши:

«Какъ жестокая иронія звучитъ похвальба нѣмцевъ благами, которыми они наградили населеніе занятыхъ ими чужихъ областей. Особенно гордится теперь германская печать учрежденіемъ въ Варшавѣ польскаго университета, но это уловка, разсчитанная на снисканіе довѣрія разоренной германцами Польши, и какъ таковая едва-ли можетъ оправдать ихъ разсчеты.

«Съ самаго начала войны Россія ясно начертала на своемъ знамени объединеніе расчлененной Польши. Эта цѣль, предуказанная съ высоты Престола, возвѣщенная Верховнымъ Главнокомандующимъ, близкая сердцу всего русскаго общества и сочувственно встрѣченная нашими союзниками,—эта цѣль остается для насъ неизмѣнной и теперь.

«Каково же отношеніе Германіи къ осуществленію этой завѣтной мечты всего польскаго народа? Какъ только ей и Австро-Венгріи удалось вступить въ Царство Польское, онѣ тотчасъ поспѣшили подѣлить между собою и эту, доселѣ сплоченную часть польскихъ земель, а чтобы нѣсколько сгладить впечатлѣніе отъ этого новаго посягательства на главный предметъ всѣхъ польскихъ чаяній онѣ сочли умѣстнымъ удовлетворить нѣкоторыя изъ побочныхъ пожеланій польскаго населенія. Къ числу такихъ мѣропріятій относится и открытіе упомянутаго университета, но нельзя забывать, что въ объемъ провозглашенной здѣсь, съ этой самой трибуны, по Высочайшему повелѣнію, главою правительства автономіи Польши, естественно входитъ и національная польская школа всѣхъ степеней, не исключая и высшей. Поэтому едва-ли можно ожидать, что изъ-за предложенной ему нѣмцами чечевичной похлебки польскій народъ откажется отъ своихъ лучшихъ завѣтовъ, закроетъ глаза на подготавливаемое новое порабощеніе Германіей и забудетъ своихъ братьевъ въ Познани»...

Это косвенное осужденіе всей нашей прошлой политики относительно Польши представляетъ, конечно, большой интересъ, такъ какъ оно исходитъ все-таки отъ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ; столь же интересны предсказанія лучшаго будущаго и въ другихъ сферахъ политической жизни. Говоря о Болгаріи, министръ

выразилъ надежду, что трезвое большинство болгарскаго народа современемъ откажется отъ солидарности съ принцемъ Кобургскимъ и его сторонниками, которые подъ видомъ осуществленія національныхъ идеаловъ заставили страну служить германскимъ интересамъ. Любопытныя замѣчанія высказаны министромъ по поводу фантастическихъ плановъ Германіи, касающихся созданія новой нѣмецко-мусульманской имперіи:

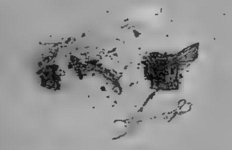
«Планы эти—говорилъ министръ—надъ которыми трудились какъ нѣмецкіе государственные люди, такъ и ученые, миссіонеры и финансисты, намъ всѣмъ давно извѣстны. Стремленія эти, проводившіяся въ жизнь съ чисто-нѣмецкой послѣдовательностью, должны были выразиться въ созданіи огромной, тянувшейся отъ устьевъ Шельды до Персидскаго залива германо-мусульманской имперіи. Государство это, которое представляется въ грезахъ пангерманскихъ политиковъ чѣмъ-то въ родѣ новаго халифата, который можно было бы назвать по исторической аналогіи берлинскимъ, должно по ихъ замыслу нанести смертельный ударъ историческому бытію Россіи и Великобританіи. Страшенъ сонъ, но милостивъ Богъ. Берлинскіе политики, лелѣя этотъ смѣлый замыселъ, упускаютъ изъ виду одно обстоятельство, изъ котораго мы и наши великобританскіе друзья можемъ почерпнуть нѣкоторое утѣшеніе, а именно, что если бы такая имперія, плодъ ихъ горделивой фантазіи, и могла быть скована германскимъ молотомъ то она не просуществовала бы ни одного дня не въ силу одной своей внутренней слабости, а потому, что ей недоставало бы насущно необходимаго для поддержанія своего существованія владычества на моряхъ. Таковое, къ счастью всего свѣта, находится въ крѣпкихъ рукахъ нашей славной союзницы Великобританіи, и пока это такъ, берлинскій халифатъ не представляется угрозою нашему существованію».

Трудно, разумѣется, гадать о томъ, что было бы, если бы нѣмцамъ удалось образовать нѣчто въ родѣ новаго «берлинскаго халифата», занимающаго пространство «отъ устьевъ Шельды до Персидскаго залива»; но нельзя согласиться съ предположеніемъ, что новая имперія «не просуществовала бы ни одного дня» безъ владычества на моряхъ,—ибо очень многія государства существовали и существуютъ безъ этого владычества, и тѣ политическія стремленія, которыя связывались съ проектомъ желѣзной дороги «Берлинъ—Багдадъ», проводились на практикѣ совершенно независимо отъ мысли о владычествѣ на моряхъ. Притомъ, по словамъ самого министра, «берлинскій халифатъ» простирался бы «отъ устьевъ Шельды до Персидскаго залива» и, слѣдовательно, съ двухъ сторонъ имѣлъ бы доступъ къ открытому морю. Лучше поэтому раз-

*

считывать на успѣхъ своевременныхъ активныхъ мѣръ противъ созданія этого «халифата», чѣмъ надѣяться на позднѣйшую невозможность или эфемерность его существованія.

Думскія пренія по иностранной политикѣ не отличались на этотъ разъ особою оживленностью. Изъ рѣчей, произнесенныхъ въ засѣданіяхъ 11 и 14 марта при обсужденіи смѣты министерства иностранныхъ дѣлъ, выдѣлялась, по обыкновенію, обстоятельная рѣчь П. Н. Милюкова; но онъ говоритъ больше о прошлыхъ ошибкахъ дипломатіи и о будущихъ широкихъ планахъ, оставляя въ сторонѣ реальныя условія современнаго политическаго положенія. Онъ развивалъ свою старую теорію о томъ, что надо было заставить Сербію и Грецію удовлетворить притязанія Болгаріи и отдать ей Македонію,—хотя и не объясняетъ, какъ это можно было исполнить послѣ несчастливой для болгаръ «союзнической» войны и послѣ бухаретскаго мира. Почтенный лидеръ умѣренной оппозиціи, въ своихъ замѣчаніяхъ о предстоящей ликвидаціи Турціи и Австро-Венгріи, о проливахъ и т. п., оказался въ гораздо большей мѣрѣ оптимистомъ, чѣмъ министръ иностранныхъ дѣлъ; еще дальше по пути оптимизма пошелъ г. Марковъ 2-ой, который въ своей рѣчи 14 марта заранѣе перечислялъ турецкія и австрійскія области, подлежащія непремѣнному присоединенію къ Россіи. Но, конечно, развязная самоувѣренность Н. Е. Маркова не имѣетъ ничего общаго съ солидными разсужденіями П. Н. Милюкова, и послѣдній едва-ли испытываетъ по отношенію къ курскому депутату и его партіи то чувство единенія, о которомъ онъ говорилъ въ началѣ своей рѣчи 11 марта.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Господа положенія въ настоящемъ и въ будущемъ.—Иллюстраціи.—Идейный итогъ петроградскихъ городскихъ выборовъ.—Военно-промышленный съѣздъ и примирительныя камеры.—Просьба о подаркѣ по милліону рублей въ годъ.—Губернаторская чехарда.

Характерной иллюстраціей правды, сказанной въ думѣ В. М. Пуришкевичемъ, могутъ служить городскіе выборы въ Петроградѣ. Въ качествѣ участника избирательной кампаніи, которая лично для него окончилась неудачей, мы не станемъ говорить о реальныхъ итогахъ выборовъ и отмѣтимъ лишь наблюденіяобщаго свойства.

Мы пятый разъ, со времени изданія положенія 1903-го года, принимали участіе въ петроградскихъ городскихъ выборахъ. Выборы всегда проходили въ условіяхъ горячей партійной борьбы двухъ борющихся въ городской думѣ партій: стародумцевъ и обновленцевъ, прежде именовавшихся новодумцами. Такъ было и въ нынѣшній разъ. Въ 1906 и отчасти въ 1909 г.г. партійная борьба проходила подъ давленіемъ борьбы политической. Нынѣ борьба политическая почти не чувствовалась, съ тѣхъ поръ какъ въ большинствѣ избирательныхъ участковъ наиболѣе лѣвые избиратели, объединившіеся въ прогрессивно - демократическую группу, согласились съ обновленцами на общихъ кандидатскихъ спискахъ. Но, вмѣсто того, въ нынѣшнемъ году чувствовалась, какъ никогда раньше, борьба классовая.

Избиратели перваго разряда,—по выраженію Л. А. Велихова, 300 милліонеровъ и 27 представителей вѣдомствъ,—вотировали исключительно за перворазрядныхъ же кандидатовъ. И среди представителей въ этомъ разрядѣ той партіи, которая одержала побѣду, съ полной откровенностью говорилось: «отдавать голоса кандидатамъ не изъ нашей среды равносильно для насъ самоубійству». Во второмъ разрядѣ, приглашая избирателей не отдавать голосовъ обновленцамъ, стародумцы даже въ газетныхъ объявленіяхъ писали, что обновленцы системой переоцѣнокъ увеличили обложеніе домовладѣльцевъ и ничего не сдѣлали для облегченія положенія купечества.

Таковы показатели одного порядка. Показателемъ другого по-

рядка можетъ служить прелюбопытный фактъ. Выборы по второму разряду происходили 15 февраля, т.-е. послѣ открытія Государственной Думы и послѣ оглашенія декларации предсѣдателя совѣта министровъ, который категорически заявилъ, что правительство, несмотря на обстоятельства войны, возложило на министра внутреннихъ дѣлъ порученіе разработать законопроектъ объ «общей» реформѣ городового положенія. Въ виду такого заявленія, среди избирателей естественно было бы возникнуть вопросу, да стоитъ ли производить выборы, ибо срокъ выборныхъ полномочій въ Петроградѣ равняется шести годамъ, а «общая» реформа городового положенія, разумѣется, не можетъ кореннымъ образомъ не захватить реформы избирательнаго права. Не только такого вопроса не возникало, но буквально ни на одномъ предвыборномъ собраніи и намека не раздавалось на то, что вновь избраннымъ гласнымъ, вслѣдствіе предстоящей реформы, придется исполнять обязанности избранниковъ не въ теченіе долгихъ шести лѣтъ, а, можетъ быть, въ теченіе весьма краткаго срока. И среди баллотирующихся, и среди баллотирующихъ обѣихъ партій господствовала полная увѣренность въ томъ, что выборы производятся на весь установленный нынѣ дѣйствующимъ закономъ шестилѣтній срокъ.

Правда, здѣсь отразилось, прежде всего, полное отсутствіе вѣры въ обѣщаніе правительства встать на путь реформъ. Заявленіе Б. В. Штюрмера заключало въ себѣ не болѣе и не менѣе, какъ ровно тринадцатую по счету, со времени манифеста 17 октября, городскую «сулиху». Но едва-ли будетъ ошибкою сказать, что въ данномъ случаѣ отсутствіе вѣры нашло благодарную почву въ желаніи не вѣрить въ близость уступки дѣла будущимъ господамъ положенія. И это подтверждаетъ другой фактъ,—фактъ послѣвыборный, но не менѣе любопытный.

Въ портфелѣ того состава городской думы, которому въ послѣдніе три года принадлежала власть большинства, остался неразсмотрѣнный докладъ о городской реформѣ. Докладъ этотъ имѣетъ цѣлую исторію. Еще въ 1905 году петербургской городской думой было поручено особо избранной комиссіи составить проектъ новаго городового положенія. Порученіе тогда же было исполнено, но дума, въ которой съ 1907-го года получили подавляющее большинство стародумцы, въ теченіе цѣлыхъ восьми лѣтъ не находила времени проектъ обсудить. Нашлось для этого время только въ 1913-мъ году, когда большинство перешло къ обновленцамъ, которые, въ виду измѣнившихся условій, снова избрали особую комиссію и возложили на нее разработку главныхъ основаній реформы. Сначала протестъ градоначальника замедлилъ работы на цѣлыхъ полгода, затѣмъ—война. Но, во всякомъ случаѣ, когда декларація правительства объявила о постановкѣ общей реформы

городового положенія на первую очередь, докладъ комиссіи уже давно былъ готовъ и стоялъ на повѣсткѣ.

Послѣ опредѣлившагося результата выборовъ, стародумцы повели яростную кампанію съ цѣлью добиться во что бы то ни стало, чтобы докладъ не разсматривался. И, вопреки точному смыслу закона и сенатскихъ разъясненій, согласно которымъ новый составъ гласныхъ приноситъ присягу и вступаетъ въ исполненіе обязанностей въ первомъ послѣ выборовъ очередномъ засѣданіи, а до того дня сохраняетъ полномочія составъ старый,—и. д. городского головы Д. И. Демкинъ распорядился пріостановить разсылку повѣстокъ на продолженіе неисчерпавшаго очередныхъ вопросовъ прежняго засѣданія, которое было назначено предсѣдателемъ думы на 9-ое марта. Д. И. Демкинъ и стародумцы предпочли, такимъ образомъ, даже нарушить законъ и остановить движеніе текущихъ городскихъ дѣлъ,—только бы изъ стѣнъ городской думы не раздался такъ пугающій нынѣшнихъ классовыхъ господъ голосъ о своевременности и необходимости хоть теперь, хоть черезъ одиннадцать лѣтъ, исполнить завѣты указа 12 декабря 1904 года. Такъ могутъ поступать только хватающіеся за соломину утопающіе.

И на самомъ февральскомъ съѣздѣ представителей военно-промышленныхъ комитетовъ, и въ откликахъ печати, не разъ сопоставлялся этотъ съѣздъ съ первымъ съѣздомъ, происходившимъ въ августѣ. Всѣ сопоставленія были не въ пользу февральскаго, второго съѣзда. Отмѣчалось отсутствіе весенняго настроенія, несмотря на календарную осень такъ ярко ощущавшагося тогда, въ концѣ августа. Отмѣчалось и другое: обострившіеся признаки классовой борьбы между промышленниками и рабочими. Присутствіе на съѣздѣ рабочихъ вскрывало эти признаки. И съ внѣшней стороны получалось впечатлѣніе какъ бы обычной картины,—картины классовой борьбы рабочихъ съ капиталистами, ибо говорили и нападали рабочіе, а капиталисты слушали и молчали. Но внимательное наблюденіе показывало, что современность создала отличную отъ обычной картину. Въ нападкахъ рабочихъ слышались преимущественно ноты защиты. Въ молчаніи капиталистовъ чувствовалась не одна сила отпора, но рядомъ съ нею—сила нападенія.

Съ особенной яркостью итоги такого наблюденія обнаружило обсужденіе и рѣшеніе вопроса о примирительныхъ камерахъ. Какъ только образовалась въ составѣ центральнаго военно-промышленнаго комитета группа представителей фабрично-заводскаго труда, она выдвинула вопросъ о примирительныхъ камерахъ, отнюдь не въ общей его постановкѣ, а въ постановкѣ, тѣсно связанной съ положеніемъ труда въ мобилизованной промышленности. Исходной точкой рабочая группа

приняла потребность безостановочной дѣятельности предпріятій, работающихъ на оборону. А потому она составила проектъ образованія примирительныхъ камеръ, какъ учрежденія временнаго и входящаго въ систему органовъ центральнаго и областныхъ военно-промышленныхъ комитетовъ.

И, считаясь съ такой постановкой, рабочая группа не нашла неодолимаго препятствія въ томъ, что рабочіе не имѣютъ ни профессіональныхъ, ни вообще какихъ бы то ни было организацій, черезъ посредство которыхъ возможно было бы имѣть нормальнымъ порядкомъ избранныхъ авторитетныхъ представителей рабочихъ въ камерахъ,—равно и въ томъ, что, по обстоятельствамъ момента, о созданіи такихъ организацій нельзя и мечтать. Рабочая группа согласилась идти даже на узурпацію не принадлежащаго ей права и въ проектѣ опредѣлила, что представители въ примирительныхъ камерахъ отъ рабочихъ избираются рабочими группами центральнаго и областныхъ [военно-промышленныхъ комитетовъ. Что же касается представительства отъ предпринимателей, то рабочая группа предоставляла предпринимателямъ создать какую имъ угодно форму его образованія, справедливо отмѣчая, что предприниматели не встрѣтятъ и тѣни тѣхъ препятствій, которыя существуютъ для каждаго собранія рабочихъ, хотя бы въ цѣляхъ простого собесѣдованія о классовыхъ нуждахъ.

Имѣла ли право рабочая группа разсчитывать, что капиталисты-предприниматели пойдутъ проекту навстрѣчу,—если они, конечно, въ той же мѣрѣ сознаютъ принятый на себя патріотическій долгъ безостановочной работы на оборону и если они не имѣютъ принципіальныхъ возраженій противъ примирительныхъ камеръ, какъ средства улаживанія конфликтовъ и предупрежденія экономическихъ забастовокъ? Имѣла ли рабочая группа право разсчитывать, что проектъ поступитъ на съѣздъ съ опредѣленнымъ и категорическимъ, въ положительномъ смыслѣ, предложеніемъ центральнаго военно-промышленнаго комитета и что съѣздъ покроетъ проектъ своимъ огромнымъ всероссійскимъ авторитетомъ?

Проектъ долго и подробно обсуждался въ отдѣлѣ комитета по обезпеченію промышленныхъ предпріятій рабочимъ составомъ. Затѣмъ онъ обсуждался въ общемъ собраніи комитета. Говорили по поводу проекта десятки предпринимателей и съ крупными, и съ средними именами. О принципіальныхъ возраженіяхъ противъ примирительныхъ камеръ никто и не заикался; также точно никто не подвергалъ малѣйшему сомнѣнію необходимость камеръ именно для нуждъ и потребностей обороны. Но всѣ въ одинъ голосъ повторяли: «Они (предприниматели) ни выбирать представителей не будутъ, ни въ камеры обращаться не станутъ; какъ и чѣмъ вы ихъ заставите?»

И при этомъ, что особенно типично, рѣшительно ни одинъ ораторъ-предприниматель не рискнулъ сказать: «Я или мы не будемъ, меня или насъ не заставите», а всѣ говорили только о какихъ-то невѣдомыхъ третьихъ лицахъ. Въ цѣляхъ воздѣйствія на этихъ миѳическихъ третьихъ лицъ, комитетъ остановился на чисто-платоническомъ благопожеланіи, чтобы примирительныя камеры были учреждены въ законодательномъ порядкѣ,—хотя комитету было извѣстно, что министерство отказалось взять на себя разработку законопроекта и хотя комитетъ отлично зналъ и понималъ, насколько безнадежно ждать чего-либо отъ законодательнаго порядка при наличности такого отказа. Проектъ былъ внесенъ на разсмотрѣніе съѣзда безъ всякаго категорическаго предложенія комитета.

Тѣ же самыя минорныя разсужденія на тему: «вы ихъ не заставите», «они не станутъ», «они не будутъ» — звучали, какъ основной мотивъ, въ рѣчахъ предпринимателей на съѣздѣ. Въ итогѣ съѣздомъ вполнѣ соблюдено внѣшнее приличіе: проектъ принятъ и даже постановлено ввести его въ дѣйствіе, если того не сдѣлаетъ совѣщаніе по оборонѣ. Но штемпеля своего моральнаго авторитета съѣздъ на примирительныя камеры не наложилъ. Съѣздъ укрылся за щитъ отсутствія въ его рукахъ права формальнаго авторитета—права принужденія. При такихъ условіяхъ, миѳическіе «они» могутъ быть совершенно спокойны: указующій перстъ общественнаго укора отъ нихъ отвращенъ. «Они» могутъ безъ всякой новой заботы получать отъ казенныхъ заказовъ фантастическіе дивиденды, безъ дѣлежа дивидендовъ съ рабочими. Для «нихъ» есть другія формы защиты отъ требованія рабочихъ въ уровень съ «ихъ» прибылями повышать за работную плату...

Предприниматели-банкиры еще съ большей откровенностью работаютъ во славу наживы, цѣпляясь всѣми пальцами за занимаемое ими мѣсто господъ положенія.

Сейчасъ въ Петроградѣ положительно гремитъ фамилія нѣкоего банкира, недавно появившагося не то изъ Харькова, не то изъ Парижа. Почему-то всѣ его называютъ уменьшительнымъ именемъ, вѣрнѣе даже, по точной грамматической номенклатурѣ, именемъ уничижительнымъ, какъ въ доброе старое время звали мальчиковъ-крѣпостныхъ. Разсказчиковъ о его прошломъ явилось невѣроятное множество.

Насчитываютъ уже нѣсколько созданныхъ имъ крупнѣйшихъ предпріятій, и едва-ли хоть одинъ разъ онъ испытывалъ затрудненія въ пріисканіи директоровъ и членовъ правленій этихъ предпріятій.

Безхитростную операцію по перемѣщенію казенныхъ денегъ въ карманы банкировъ вскрылъ въ своей рѣчи по бюджету членъ Госуд. Думы А. С. Посниковъ. Онъ упомянулъ о ходатайствѣ выдать правленію кузнецкихъ каменноугольныхъ копей двадцать милліоновъ рублей на 14 лѣтъ безъ процентовъ. Удовлетвореніе этого ходатайства — говорилъ А. С. Посниковъ, — было бы равносильно обѣщанію просителямъ по одному милліону рублей въ годъ въ видѣ щедраго подарка.

Финансисты обидѣлись и опубликовали копію своего негодующаго протеста. А. С. Посниковъ отвѣтилъ на протестъ тоже печатно. Онъ писалъ: «Я считалъ и продолжаю считать, что ходатайство гг. учредителей обезпроцентной ссудѣ лишено всякаго серьезнаго основанія. При предположеніи, что задуманное предпріятіе солидно и выгодно, несомнѣнно, неправильно возбуждать такое ходатайство; а при неувѣренности въ томъ вѣдь не можетъ быть никакой рѣчи о займѣ вообще. Если существуетъ, какъ утверждаютъ авторы, весьма значительное затрудненіе «собрать» нынѣ нужныя для предпріятія средства, то отсюда все же не вытекаетъ основанія для ходатайства о безпроцентной ссудѣ изъ средствъ государственнаго казначейства, да еще въ такое трудное для него время. И потому я остаюсь при своемъ убѣжденіи, что «удовлетвореніе этого ходатайства равносильно обѣщанію по одному милліону въ годъ, въ видѣ подарка», гг. иниціаторамъ предпріятія».

Намъ къ этому отвѣту прибавлять нечего. Прекратили дальнѣйшія попытки спора и обиженные банкиры.

Въ заключеніе приведемъ слѣдующую выдержку изъ рѣчи члена Думы, принадлежащаго къ невошедшей въ прогрессивный блокъ фракціи праваго націоналиста Д. Н. Чихачева.

«У насъ никогда не было и нѣтъ въ настоящее время — говоритъ ораторъ — солидной административной школы. Со времени кончины П. А. Столыпина, составъ администраціи ухудшился. Въ послѣдніе годы глубокіе корни въ вѣдомствѣ пустила протекція. Мы усматриваемъ полное отсутствіе какой бы то ни было системы въ замѣщеніи должностей... Въ послѣднее время появилась еще манія перемѣщеній. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ имѣется 23 важнѣйшихъ должности: министра, товарищей, начальниковъ отдѣльныхъ учрежденій. Въ теченіе года здѣсь состоялось 15 перемѣщеній. Въ должностяхъ губернаторовъ на 167 должностей состоялось 87 перемѣщеній. Въ отношеніи отдѣльныхъ губерній получается еще большій курьезъ. Вильна видѣла трехъ губернаторовъ, Самара,

Харьковъ тоже, а Курскъ—даже четырехъ. Эвакуированные западно-русскіе губернаторы замѣнены новыми лицами... Должность петроградскаго вице-губернатора пріобрѣла какой-то семейно-вотчинный характеръ».

Никто не бьетъ такъ больно, какъ свой. Сколько было негодующихъ воплей, когда князь Щербатовъ выразилъ согласіе удовлетворить требованіе Думы и смѣстить десять наиболѣе прославившихся губернаторовъ! Сколько было сказано лицемѣрныхъ словъ объ устойчивости власти, какъ главномъ преимуществѣ системы неотвѣтственнаго передъ палатами министерства! И едва-ли могутъ быть сомнѣнія въ ближайшей зависимости увольненія кн. Щербатова именно отъ предположенной имъ губернаторской чистки.

Въ теченіе года, къ которому относится справка Д. Н. Чихачева, кн. Щербатовъ былъ министромъ всего три мѣсяца, и онъ успѣлъ смѣстить, кажется, только двухъ или трехъ губернаторовъ; остальныхъ перемѣщали столпы охраны престижа губернаторской власти,—г.г. Маклаковъ и Хвостовъ. Ихъ слова на эту тему извѣстны. Д. Н. Чихачевъ показалъ образчикъ отраженія словъ въ ихъ дѣйствіяхъ. А. Н. Хвостовъ чуть не наканунѣ увольненія смѣнилъ двухъ товарищей министра. Одинъ изъ назначенныхъ имъ товарищей министра внутреннихъ дѣлъ только успѣлъ принять должность, какъ получилъ новое назначеніе—въ сенатѣ.

В. Кузьминъ-Караваевъ.

НОВАЯ КНИГА О РОССІИ.

— Stephen Graham. The way of Martha and the way of Mary. London, 1916.

Заграничные наблюдатели русской жизни все еще не могутъ отрѣшиться отъ привычки говорить о Россіи въ такомъ тонѣ, какъ говорятъ о Марокко или Тунисѣ. Въ своихъ описаніяхъ они часто изображаютъ то, чего они видѣть не могли, и умалчиваютъ о томъ, что̀ они должны были видѣть,—руководствуясь только предполагаемымъ интересомъ читателей ко всему экзотическому, необыкновенному и оригинальному.

Стефенъ Грэгемъ много путешествовалъ по̀ Россіи, изучалъ ея народный бытъ, жилъ мѣсяцами въ разныхъ городахъ Россійской имперіи и въ томъ числѣ въ обѣихъ столицахъ, бывалъ въ Сибири и на Кавказѣ, ѣздилъ съ русскими богомольцами въ Іерусалимъ и вообще имѣлъ возможность пріобрѣсть дѣйствительное и близкое знакомство съ русскими нравами и обычаями. Въ новой книгѣ о Россіи онъ является горячимъ поклонникомъ русскаго народа, превозноситъ его нравственныя качества и его духовныя стремленія и религіозныя идеи, хвалитъ русскую литературу, часто ссылается на Достоевскаго, Куприна, Чехова, Максима Горькаго, а между тѣмъ для характеристики русскихъ національныхъ идеаловъ онъ не находитъ другого источника, кромѣ сумбурныхъ сочиненій В. В. Розанова, изъ которыхъ приводитъ длинныя цитаты. Вращаясь въ русскомъ образованномъ обществѣ, онъ могъ бы знать, какою репутаціею пользуется названный писатель, несомнѣнно талантливый и самобытный, но крайне легкомысленный, противорѣчивый, склон-

ный къ цинизму и чудачеству.—Стефенъ Грэгемъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о русской администраціи и ея особенностяхъ; онъ какъ будто никогда ни слыхалъ о нашихъ губернаторахъ и чиновникахъ, подъ властью которыхъ ему приходилось однако жить, а въ то же время онъ мимоходомъ сообщаетъ весьма сомнительныя свѣдѣнія, бросающія ужъ черезчуръ мрачную тѣнь на существующіе у насъ порядки. При въѣздѣ въ Россію, на первой же пограничной станціи, онъ наталкивается на сцену, которую едва-ли случалось видѣть кому-либо изъ русскихъ читателей: изъ окна вагона онъ замѣчаетъ «странную процессію, выдвигающуюся изъ темноты; люди въ цѣпяхъ и оковахъ слѣдуютъ за солдатомъ, который высоко надъ головой держитъ привязанный къ палкѣ горящій нефтяной факелъ; лица идущихъ блѣдны, смотрятъ исподлобья; это евреи, поляки, русскіе, закованные вмѣстѣ группами по четыре человѣка, шествуютъ вдоль желѣзной дороги къ тюремному поѣзду, ожидающему въ сторонѣ; за ними слѣдуютъ солдаты съ саблями на-голо; они выходятъ изъ тьмы, какъ живыя тѣни, и опять исчезаютъ во тьмѣ». И авторъ довольствуется объясненіемъ одного русскаго пассажира, что «Польша кишитъ ворами, контрабандистами и людьми, стремящимися самихъ себя провести или перевезти контрабандой черезъ границу, чтобы отправиться въ Америку». А кондукторъ вагона назвалъ ихъ просто «соловейками». Никакихъ дальнѣйшихъ указаній не дѣлается, и остается только тотъ невѣроятный фактъ, что люди, пытающіеся уѣхать въ Америку, заковываются въ кандалы и увозятся куда-то въ особыхъ тюремныхъ поѣздахъ. Въ другомъ мѣстѣ Стефенъ Грэгемъ опять встрѣчается съ отрядами арестантовъ: «Кто эти люди, которыхъ въ цѣпяхъ ведутъ по большой дорогѣ отъ одной тюрьмы до другой? Часто въ хорошее лѣтнее утро я останавливалъ свое писаніе, прислушиваясь къ жуткимъ звукамъ—кланкъ, кланкъ, кланкъ,—кандаловъ пятидесяти или шестидесяти человѣкъ въ цѣпяхъ, и я смотрѣлъ на процессію несчастныхъ запыленныхъ русскихъ, оковы которыхъ освѣщались яркими лучами солнца». Почему автору такъ часто попадались на глаза эти непріятныя картины, которыя довольно рѣдко оказываются доступными наблюденію туземныхъ обывателей,—понять трудно, и невольно является сомнѣніе въ достовѣрности сообщаемыхъ свѣдѣній, тѣмъ болѣе, что разсказъ ведется въ легкой разговорной, полу-беллетристической формѣ, допускающей простое сочинительство.

Способъ ознакомленія съ Россіею у автора—очень простой: онъ бесѣдуетъ съ случайно встрѣченными лицами на разныя темы и передаетъ содержаніе этихъ бесѣдъ, безъ всякой критики; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ посѣщаетъ трактиры, театры, монастыри и церкви, и

излагаетъ свои впечатлѣнія. Одна изъ главъ книги носитъ загадочное заглавіе: «Опять Переплетчиковъ»; это значитъ, что по прибытіи въ Москву онъ заѣхалъ къ своему «старому пріятелю», художнику Переплетчикову, который провелъ лѣто на Новой Землѣ и сталъ разсказывать автору разныя чудеса о природѣ и людяхъ крайняго сѣвера; авторъ все это записывалъ и включилъ въ свою книгу. Между прочимъ, со словъ какого-то монаха, сообщается, что одинъ самоѣдъ во время сильной бури вырылъ въ снѣгу большую яму, улегся въ ней и проспалъ три дня, а когда мятель прошла, онъ всталъ и ушелъ домой, какъ ни въ чемъ не бывало. Однажды, въ праздникъ Пасхи, «была такая вьюга, что поселяне должны были ползти до церкви на четверенькахъ, а на обратномъ пути ихъ отнесло вѣтромъ въ сторону на полъ-мили». По здравому смыслу можно бы предполагать, что самоѣдъ, пролежавшій три дня въ снѣгу при сорокаградусномъ морозѣ, долженъ былъ замерзнуть, а поселяне, подвигавшіеся впередъ на четверенькахъ во время мятели, рисковали скорѣе быть занесенными снѣгомъ, чѣмъ отнесенными вѣтромъ въ сторону,—не говоря уже объ опасности отморозить руки и ноги при подобномъ способѣ передвиженія; но авторъ повторяетъ то, что слышалъ г. Переплетчиковъ отъ неизвѣстнаго монаха, и читатель остается въ недоумѣніи, вѣрить ли приведеннымъ эпизодамъ или нѣтъ.

Говоря о разселеніи русскаго народа, Стефенъ Грэгемъ замѣчаетъ, что крестьяне, въ поискахъ новыхъ и лучшихъ земель, забираются въ Монголію, Персію, Турцію, основываются тамъ при удачѣ и образуютъ новую русскую колонію или присоединяются къ существующей колоніи, увеличивая ея силу и значеніе; а за ними приходитъ русская армія, ссылаясь на имѣющіеся интересы, и водворяетъ русскій флагъ, требуя признанія русскаго владычества или протектората». Въ дѣйствительности, крестьяне не ищутъ и не могутъ искать новыхъ земель въ Турціи или Персіи, а въ эти страны, въ погонѣ за наживой, отправляются лишь предпріимчивые торговцы, преимущественно нѣмцы и англичане, которые и расширяютъ такимъ образомъ кругъ своихъ національно-политическихъ интересовъ. Впрочемъ, по мнѣнію автора, русскимъ не свойственно стремиться къ матеріальнымъ благамъ, и они не умѣютъ устраивать свои дѣла въ чужихъ краяхъ; такъ, духоборы въ Канадѣ, молокане въ Калифорніи, адвентисты въ Дакотѣ, занялись привычнымъ для нихъ земледѣліемъ и основали настоящія русскія общины, забывъ, что они не въ Россіи, и запутались въ долгахъ дотого, что въ неурожайные годы имъ ѣсть нечего, и подъ вліяніемъ стѣснительныхъ мѣръ санитарнаго и иного контроля они начинаютъ подумы-

вать о переселеніи въ болѣе счастливыя страны. По обыкновенію, Стефенъ Грэгемъ не указываетъ спеціальныхъ причинъ, заставившихъ духоборовъ, молоканъ и адвентистовъ покинуть отечество и эмигрировать въ Америку; онъ смѣшиваетъ ихъ въ одну кучу съ бѣдняками, выселившимися изъ-за нужды и земельной тѣсноты на родинѣ. Естественно, что люди, эмигрировавшіе по религіознымъ и нравственнымъ мотивамъ, не отличаются искусствомъ въ обезпеченіи своихъ матеріальныхъ выгодъ; но авторъ приписываетъ эту черту всему русскому народу и объясняетъ ее сознательнымъ пренебреженіемъ къ эгоистическимъ хозяйственнымъ и денежнымъ разсчетамъ, занимающимъ преобладающее мѣсто въ заботахъ и стремленіяхъ западно-европейскихъ націй.

»Западъ идетъ по пути Маѳы, хлопочущей о многомъ, а Россія—по пути Маріи, проникнутой только однимъ—вѣрой. Русскіе, особенно крестьяне, — говоритъ Грэгемъ — почти всегда разсуждаютъ о Богѣ и религіи. Если происходитъ оживленное собраніе гдѣ-нибудь на монастырскомъ постояломъ дворѣ, въ вагонѣ третьяго класса, въ чайной или въ русскомъ общественномъ заведеніи—трактирѣ, то почти всегда можно быть увѣреннымъ, что споръ идетъ о религіи». Авторъ съ большимъ сочувствіемъ отзывается о трактирахъ: на одной стѣнѣ, по его словамъ, виситъ четыреугольный фонарь съ надписью «трактиръ», а на другой стѣнѣ—огромная икона въ золоченой оправѣ; тамъ торгуютъ старымъ платьемъ, поютъ, курятъ махорку, читаютъ библію и толкуютъ о религіозныхъ вопросахъ. Удачливый купецъ изъ крестьянъ, даже милліонеръ, не стѣсняется заходить въ самый убогій трактиръ, чтобы поговорить запросто съ простыми чернорабочими и маклаками: «въ этомъ—часть силы Россіи», по замѣчанію автора. Посѣтители проводятъ тамъ по нѣсколько часовъ, довольствуясь ничтожнымъ расходомъ на стаканъ чаю въ пять копѣекъ; такъ Грэгемъ просидѣлъ съ однимъ знакомымъ шесть съ половиною часовъ, за двумя стаканами чая, въ трактирѣ, гдѣ собирались «богоискатели», представители и пропагандисты разныхъ русскихъ сектъ; тамъ бывали нерѣдко такіе хорошо извѣстные люди, какъ «Соловьевъ, Булгаковъ, Чертковъ, Великановъ»; всѣ разговоры вертѣлись около религіи, при чемъ упоминалось иногда имя «Михаила-угодника». Присутствовавшіе успѣли обсудить вопросы о злыхъ духахъ, объ отличіи человѣка отъ животнаго, о контрастѣ между Наполеономъ и Христомъ. Стефенъ Грэгемъ также вставлялъ свое слово; онъ выразилъ свое убѣжденіе что «Россія есть надежда Европы, что всѣ народы ждутъ чего-то отъ Россіи, что она есть живой Востокъ, полюсъ мистицизма, въ противоположность Америкѣ, какъ живому Западу,

полюсу матеріализма». Это «очень понравилось богоискателямъ»; они проводили его въ другой трактиръ, чтобы выпить еще одинъ стаканъ чаю и продолжать бесѣду о предметахъ, о которыхъ «принято говорить каждый день и каждый часъ въ Россіи, въ каждомъ городѣ или селеніи,—о Богѣ, идеѣ Христа и страданія, о томъ, что нужно и что не нужно». Та же національная особенность, по мнѣнію автора, преобладаетъ и въ русской литературѣ. Эта литература пропитана единымъ національнымъ духомъ; въ нее ничего не внесли подвластныя народности—«ни поляки, ни финны, ни армяне, ни евреи, ни киргизы, ни русскіе нѣмцы». Въ литературѣ, какъ и въ искусствѣ, въ живописи и музыкѣ, господствуютъ только русскія имена; изъ дѣятелей журналистики названы только четверо—Розановъ, Меньшиковъ, Дорошевичъ и Мережковскій. «Оттого такъ легко и ясно выдѣляется единая русская идея», не помрачаемая никакими посторонними примѣсями,—та самая идея, которая «каждый день и каждый часъ», по наблюденію Стефена Грэгема, разрабатывается во всѣхъ трактирахъ Россійской имперіи. Русскіе «заимствуютъ свой чудесный духъ изъ чего-то болѣе ранняго, чѣмъ христіанство: тутъ есть поклоненіе природѣ, тутъ видны слѣды скандинавской миѳологіи, проявляется восточный мистицизмъ». Русскій человѣкъ «любитъ безчестныхъ, преступныхъ, презрѣнныхъ, непріятно-странныхъ, бродягъ, не могущихъ дать свѣдѣнія о своей личности»; онъ «имѣетъ слабость къ безпутнымъ расточителямъ»; онъ ничѣмъ не стѣсняется, открыто признается въ своихъ прегрѣшеніяхъ, «не стыдится занимать деньги и запутаться въ долгахъ, не пугается мысли о залогѣ вещей въ ломбардѣ» и вообще придаетъ большое значеніе правамъ индивидуальности. «Потому-то Россія такъ свободна»,—неожиданно заключаетъ Стефенъ Грэгемъ. Русскіе гораздо выше цѣнятъ права личности, чѣмъ права государства; они несравненно менѣе дорожатъ общественнымъ порядкомъ и полиціей, чѣмъ англичане. Идея порядка «въ томъ видѣ, какъ она проводится изъ Петрограда, взята на прокатъ у нѣмцевъ» и плохо прививается къ народу; это сказывается и въ различіи между «сплоченною, образцово-правильною маршировкою британскихъ войскъ и вольнымъ, отчасти небрежнымъ движеніемъ русскихъ отрядовъ, въ которыхъ дозволяется даже рядомъ съ солдатами шествовать матерямъ и женамъ съ узлами».

Въ особой главѣ «о подвигѣ» (The podvig) авторъ объясняетъ, что русскіе стремятся главнымъ образомъ къ духовному совершенствованію, а не къ матеріальнымъ улучшеніямъ; они стараются совершать акты самоотреченія и отрицанія міра, не заботясь о внѣшнемъ порядкѣ и прогрессѣ. «Путь Россіи есть путь Маріи, а

Западъ, съ Англіею во главѣ, держится традиціоннаго пути Мароы»,—эта мысль постоянно повторяется въ книгѣ, съ утомительнымъ однообразіемъ. За послѣднее десятилѣтіе Англія будто бы все болѣе уклоняется отъ пути Мароы и идетъ навстрѣчу Россіи и Востоку, сближаясь съ ними на почвѣ ослабленія матеріальныхъ успѣховъ и усиленія созерцательной религіозности въ духѣ Маріи; въ доказательство приводится тотъ фактъ, что даже въ наиболѣе промышленныхъ районахъ Англіи рабочіе все чаще отказываются отъ работы и устраиваютъ забастовки «не потому, что имъ нужно повышеніе платы или облегченіе условій труда, а просто потому, что имъ не хочется работать» (!). Стефенъ Грэгемъ какъ будто проговорился: если прославляемый имъ мнимый «путь Маріи» заключается лишь въ нежеланіи работать и въ безконечныхъ трактирныхъ собесѣдованіяхъ о религіи, то становится отчасти понятнымъ, почему онъ въ такой рѣзкой отрицательной формѣ характеризуетъ этотъ путь по отношенію къ Англіи и такъ настойчиво превозноситъ и рекомендуетъ его для Россіи.

Значительнѣйшая часть книги, посвященная религіознымъ разсужденіямъ, церковно-монастырскимъ очеркамъ и описаніямъ, поддерживаетъ въ читателѣ какой-то странный, исключительный взглядъ на русскій народъ, какъ на инертную массу мечтателей, готовыхъ отдать свои матеріальные интересы въ распоряженіе иностранцевъ. Народъ, шествующій «по пути Маріи» и поглощенный заботами о божественномъ и духовномъ, поневолѣ уступаетъ устройство своихъ экономическихъ и промышленныхъ дѣлъ представителямъ другихъ культурныхъ націй, продолжающихъ идти по пути Мароы. Стефенъ Грэгемъ видимо хочетъ дать понять иностраннымъ капиталистамъ, что нѣтъ ничего легче, какъ завладѣть естественными богатствами Россіи при помощи извѣстныхъ финансовыхъ комбинацій, въ виду господствующаго у насъ систематическаго пренебреженія къ матеріальнымъ интересамъ страны — пренебреженія, объясняемаго будто бы возвышенными религіозными причинами.

Съ этой точки зрѣнія преувеличенныя похвалы автора по адресу современной Россіи могутъ показаться крайне подозрительными. Въ основѣ этихъ похвалъ лежитъ указаніе на возможность воспользоваться нашею традиціонною беззаботностью относительно будущаго для установленія новой культурной опеки благожелательныхъ иностранныхъ друзей надъ экономическою жизнью Россіи. Подъ видомъ восхваленія «пути Маріи» пролагается совершенно другой путь, не имѣющій ничего общаго съ религіею...

Л. Слонимскій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— Архивъ села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и къ Некрасову. Примѣчанія составилъ Н. Ашукинъ. Москва. Издательство К. Ѳ. Некрасова. MCMXVI. Стр. 4 ненум.+309 Ц. 2 р. 50 коп.

Карабиха—село подъ Ярославлемъ, принадлежавшее когда-то поэту Некрасову и подаренное имъ потомъ брату Ѳ. А. Некрасову. По смерти Ѳ. А. Некрасова его наслѣдники нашли значительное количество рукописей поэта, писемъ и документовъ, при чемъ часть ихъ была найдена даже въ подпольи дома среди мусора и пыли. Въ вышедшей теперь книгѣ и даны найденныя въ Карабихинской усадьбѣ уцѣлѣвшія части переписки Некрасова, нѣкоторые документы, письма сестры поэта Анны Алексѣевны Буткевичъ къ Ѳедору Алексѣевичу о послѣдней смертельной болѣзни поэта.

Книга издана довольно изящно, съ нѣсколькими портретами и видами, но какъ-то чудно. Неизвѣстно кому была поручена редакція текста писемъ поэта, но исполнена она плохо. «Во всѣхъ напечатанныхъ текстахъ сохранена ороографія подлинниковъ, за исключеніемъ явныхъ описокъ, которыя нами исправлены». Можно очень усомниться въ точности этихъ текстовъ, напр., въ автографѣ письма № 42, очень четко написаннаго и воспроизведеннаго въ книгѣ факсимиле, оказалось два произвольныхъ исправленія:—«позднѣй» вмѣсто совершенно яснаго «поздно», и «рады» вмѣсто «ради» (послѣднее слово проскользнувшее въ письмѣ волжское произношеніе слова «рады»). Два неправильныхъ исправленія текста на 14 строкахъ письма, это слишкомъ много.

Гораздо хуже обстоитъ съ датировкою писемъ. Одно письмо Льва Толстого къ Некрасову отнесено къ 17 сентября 1883 года и помѣщено въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ. Редакторъ писемъ забылъ, что умеръ Некрасовъ въ 1877 году. Еще курьезнѣе, что А. Н. Майкову приписано письмо съ очень плохимъ стихотвореніемъ; и то, и другое на дѣлѣ принадлежитъ А. Михайлову, что указано въ спискѣ писемъ, въ концѣ книги; не всякій и замѣтитъ поправку скромнаго комментатора. На стр. 140 находимъ въ письмѣ Остров-

скаго 1864 года совершенно невѣроятное сообщеніе: «Когда я еще только расхварывался, утащилъ меня къ себѣ *Л. Н. Толстой* и прочелъ мнѣ свою новую комедію; это такое безобразіе, что у меня положительно завяли уши отъ его чтенія». Ни редакторъ писемъ, ни комментаторъ не замѣтили всей вопіющей нелѣпицы подобнаго прочтенія неизвѣстной фамиліи, значащейся въ письмѣ: Толстой не написалъ еще въ то время ни одной комедіи, былъ занятъ въ 1864 г. «Войной и миромъ» и никогда не былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Островскимъ.

Г. Ашукинъ весьма благоразумно отгородился отъ редактора писемъ. Онъ во многихъ случаяхъ исправляетъ невѣрно въ текстѣ показанныя даты писемъ. Но комментарій его неполонъ и случаенъ. Къ однимъ письмамъ подобраны хорошія и вѣрныя справки, поясняющія дѣло и текстъ. Но часто мало извѣстныя имена обойдены совершеннымъ молчаніемъ, а текстъ оставленъ безъ поясненій. Въ письмѣ Фета, стр. 216, есть не всѣмъ понятная фраза: «скажите за что новый поэтъ заставляетъ меня платить за разбитые горшки». Комментаторъ умалчиваетъ, что новый поэтъ это Новый Поэтъ, псевдонимъ далѣе упомянутаго Ивана Ивановича, т.-е. И. И. Панаева, пародировавшаго стихи Фета. Подобныхъ умолчаній о томъ, что требовало бы поясненія, не мало, хотя попадаются въ достаточномъ количествѣ и такія новыя и содержательныя сообщенія, какъ напр., что Кавелинъ и Катковъ—извѣстные публицисты. Но при всѣхъ наивныхъ слабостяхъ комментарія, онъ, конечно, выше широко размахнувшейся дилеттантской редакціи писемъ поэта.

Случайность и кратковременность пребыванія поэта въ Карабихѣ объясняетъ и нѣкоторую случайность матеріала, собраннаго въ книгѣ. Письма Некрасова къ роднымъ, къ отцу и братьямъ, какъ почти всѣ его извѣстныя письма довольно коротки, но и въ нихъ мы находимъ не мало указаній и для внѣшней біографіи поэта, пока все еще слабо разработанной, и для характеристики его настроеній. Въ первомъ письмѣ къ отцу (16 апр. 1861 г.), съ которымъ Н. А. Некрасовъ когда-то враждовалъ, читаемъ о передачѣ сыномъ денегъ отцу на покупку дома въ Ярославлѣ и объ отказѣ отъ хозяйства въ родовомъ имѣніи Некрасовыхъ Грѣшневѣ. «Братъ Федоръ говорилъ мнѣ, что Вы готовы предоставить имѣніе въ наше распоряженіе. Въ томъ то и дѣло, что я избѣгаю всякихъ распоряженій. Вы знаете, что здѣсь жизнь моя идетъ не безъ тревоги; въ деревнѣ я ищу полной свободы и совершенной безпечности, при удобствахъ устроенныхъ по моему личному вкусу, хотя бы и съ большими тратами. При этихъ условіяхъ я располагаю изъ 12 мѣсяцевъ отъ 6 до 7 жить въ деревнѣ—и частью заниматься.

Вотъ почему я ищу непремѣнно усадьбу безъ крестьянъ, безъ процессовъ и если можно безо всякихъ хлопотъ, то есть если можно готовую. На это я могу истратить отъ 15 до 20 тысячъ сер. (можно и больше—если будетъ за что платить)»... Но по полугоду живать въ Карабихѣ поэту видимо ни разу не удалось. Изъ письма 26 февраля 1873 г. видно что въ Карабихѣ лѣтомъ 1872 г. была написана «Княгиня Волконская». «Я живу недурно, хотя не очень здоровъ и хандрю,—пишетъ Некрасовъ брату.—Моя поэма, которую я написалъ лѣтомъ въ Карабихѣ, имѣетъ такой успѣхъ, какого не имѣло ни одно изъ моихъ прежнихъ писаній,—прочти ее. Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ я велѣлъ послать тебѣ новую 5 часть моихъ стиховъ, гдѣ и поэма эта находится. Все идетъ по-старому. Литературныя лавки меня щиплютъ, а публика читаетъ и раскупаетъ.—Подписка на От. Зап. нынче такъ повалила, что печатаемъ второе изданіе.—Изъ всего этого можешь заключить что дѣла идутъ недурно, а кабы лѣтъ десятокъ съ костей долой, такъ я пожалуй сказалъ бы, что доволенъ. Да ничего не подѣлаешь! Человѣкъ живя изнашивается, какъ платье, каждый день то по шву прорѣха, то пуговица потеряется. И немного уже остается, что возможно еще потерять... А тамъ и ноги протягивай, и къ этой мысли надлежитъ пріучить себя заблаговременно. Эхъ! съ ноября идетъ мнѣ на шестой десятокъ». Лѣтомъ этого 1873 года Некрасовъ уѣзжалъ лечиться за границу, о чемъ онъ сообщаетъ весною женѣ брата въ такихъ выраженіяхъ: «Меня за-границу, собственно въ Киссингенъ, гонитъ необходимость; я боленъ печенью, и если годъ еще не полечусь, то, пожалуй, начну кусаться»...

Большая часть писемъ поэта совершенно дѣлового содержанія, но тонъ по отношенію къ брату и его близкимъ вездѣ дружески-теплъ. Въ нѣсколькихъ письмахъ упоминается о передачѣ, вѣроятно—ежегодной, ста рублей священнику Карабихи на школу. Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ, 1877 года, когда Некрасовъ уже умиралъ медленно и мучительно, читаемъ: «Милый и добрый братъ Федоръ, я все еще живу, но, если бы ты меня видѣлъ, врядъ ли бы порадовался... Подробности излагать трудно, я не сумѣю — вижу только, что сталъ я болѣе животное въ грубѣйшемъ смыслѣ этого слова, чѣмъ человѣкъ, голова къ сожалѣнію не всегда тупа. Чувствую, что эта грязная пародія на жизнь перестанетъ долго длиться —и не весело мнѣ, голубчикъ»... Въ связи съ помѣщенными въ приложеніи письмами Анны Алексѣевны Буткевичъ о послѣднихъ дняхъ поэта картина этихъ послѣднихъ мѣсяцевъ и дней удручающая...

Изъ писемъ родныхъ поэта въ книгѣ даны письма къ нему отца, младшаго брата Константина и сестры Анны. Въ этихъ пись-

махъ отецъ, нравный самодуръ, когда-то бросившій сына въ Петербургѣ на произволъ судьбы, теперь заискиваетъ предъ нимъ, льститъ ему. Зато онъ крутъ и самовластенъ съ младшимъ братомъ поэта Константиномъ. Послѣдній былъ чѣмъ-то въ родѣ тургеневскаго «Отчаяннаго». Въ письмахъ его ярко рисуется и самъ онъ, и вся атмосфера разлагающейся дворянской семьи, созданная крутымъ самодуромъ. Константинъ женился, къ негодованію отца, на какой-то мѣщанкѣ, о чемъ разсказываетъ въ такихъ выраженіяхъ: «Показавъ предварительно благочинному Гурію уголъ пятирублевой ассигнаціи, объявилъ ему о своемъ желаніи и вслѣдъ затѣмъ 26 августа былъ обвѣнчанъ. На третій день послѣ происшествія пріѣхалъ отецъ и, узнавъ о случившемся, откаталъ Гурія базарной бранью, я хотѣлъ было намекнуть о помилованіи, но родитель, повторивъ сѣропѣгую брань, выгналъ насъ обоихъ изъ дому, послѣ чего занавѣсъ опустился, и представленіе кончилось довольно неудачно»... Онъ же жалуется въ другомъ письмѣ: «Политическіе перевороты въ государствѣ (1858 г.), гдѣ мечется мысль объ улучшеніи быта крестьянъ, охватили кругомъ родителя, а по этому обстоятельству объ улучшеніи моего быта онъ нисколько не думаетъ: «скоро всѣмъ придется по міру ходить» это его слова, которыми онъ часто угощаетъ меня при разговорѣ о деньгахъ; опредѣлилъ мнѣ по 12 руб. сер. въ мѣсяцъ на содержаніе, и больше ни зерна. Совѣтуетъ мнѣ вмѣсто чаю пить воду, масло замѣнять саломъ и т. д.»—Теплымъ, любовнымъ тономъ отличаются письма Анны Алексѣевны. Въ одномъ изъ нихъ 31 декабря 1857 г. она мягко упрекаетъ брата: «разсматривая твою жизнь, нельзя не убѣдиться, что ты съ особенною любовью пріискиваешь средства уничтожать себя постоянно»...

Остальныя письма, помѣщенныя въ сборникѣ, имѣютъ большей частью отношенія къ журналамъ «Современникъ» и «Отечественныя Записки». Это большей частью дѣловыя записки—о помѣщеніи тѣхъ или иныхъ статей, о расплатахъ за нихъ и т. п. Тутъ напечатаны даже письма управляющаго охотничьей дачей Некрасова, который напр. пишетъ про некрасовскую собаку: «15 іюля Міронъ держалъ экзаминтъ на тетеревей, на другой день ходили за бѣлыми куропатками, а на третій день были тетерева и глухари, получилъ за всѣ охоты большіе балы и похвалы. Такого кобеля на свѣтѣ нѣтъ какъ Міронъ». Однако, мы находимъ здѣсь также не мало отдѣльныхъ писемъ, имѣющихъ тотъ или иной литературный интересъ.

Такъ, обычно холодный и сдержанный А. В. Дружининъ, въ разгаръ повидимому ссоръ молодой редакціи «Современника» съ

старыми сотрудниками сороковыхъ-пятидесятыхъ гг., пишетъ Некрасову: «Если бы я даже и не былъ вамъ искренно преданъ и не чувствовалъ себя много обязаннымъ за многое, я буду всегда связанъ съ Вами тѣмъ, что мы такъ долго трудились вмѣстѣ въ то время, когда никто не хотѣлъ трудиться и когда нашъ трудъ много значилъ во время общаго страха и апатіи. Въ какомъ бы журналѣ Вы ни работали и какое бы литературное дѣло Вы мнѣ ни предложили, я всегда къ услугамъ вашимъ съ прежней готовностью, несмотря ни на какія разности въ мнѣніяхъ нашихъ товарищей и ни на какіе споры»...

Письма воскрешаютъ многія забытыя журнальныя бури, столкновенія, полемику и казусы. Н. Курочкинъ 1 авг. 1872 г. пишетъ напр. Некрасову, какъ «Отеч. Зап.» получили, въ отсутствіе Некрасова, неожиданное предостереженіе: «Лонгиновъ (начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати) обидѣлся до бѣшенства фельетономъ Мих. Ев-ча (Салтыкова) въ іюньской книжкѣ, такъ какъ ему почему-то показалось, что подъ видомъ Кузьмы Пруткова выведенъ онъ самолично. Признаюсь, я весьма опасаюсь дальнѣйшихъ непріятностей»... Кущевскій и другіе литераторы богемы не разъ просятъ у Некрасова денегъ впередъ подъ свои работы. «Бьется какъ рыба объ ледъ» и многимъ обязанъ Некрасову даже такое имя литературы, какъ Островскій (№ 122), а Писемскій съ горечью и досадой пишетъ изъ своей Чухломы въ 1854 г., что «дошелъ окончательно до убѣжденія, что въ Россіи покуда литературой жить невозможно! въ ноябрѣ я отправляюсь въ Питеръ на долго искать тамъ мѣста»... Въ томъ же тонѣ пишетъ А. Н. Плещеевъ: «Живется скучно, тяжело, и работается мало, при всемъ желаніи и при всей необходимости работать... Ищу себѣ частныхъ занятій. Лучше ужъ заниматься бухгалтеріей, нежели барахтаться въ помойной ямѣ (передъ тѣмъ рѣчь о сотрудничествѣ у Краевскаго) и терять послѣднее, что еще успѣлъ уберечь—честное литературное имя—какое бы оно тамъ ни было: или натуживаться—писать стихи—когда въ голову ничего нейдетъ, кромѣ одного назойливаго вопроса—а что я завтра буду съ семьей ѣсть?»... Въ коротенькой запискѣ Помяловскій проситъ Некрасова спасти его отъ позора: онъ затратилъ 84 рубля, принадлежащихъ воскресной школѣ... Такъ осаждала Некрасова многонуждающаяся литературная братія, находя у него многократно прибѣжище и не только денежную, но и нравственную поддержку...

Характерны нѣкоторыя письма и записки Салтыкова, ворчливыя и бранчивыя. Нѣсколько писемъ Льва Толстого изъ времени сотрудничества Толстого въ «Современникѣ» уже извѣстны; они

были недавно напечатаны г. Ашукинымъ въ «Русской Мысли». Въ одномъ изъ писемъ Фета приведенъ варіантъ его «Бури» («Свѣжѣетъ вѣтеръ...»).

Изъ писемъ людей всякаго званія мѣстами любопытны письма служившаго у Некрасова въ конторѣ «Отеч. Зап.» С. Звонарева, напр. разсказъ о впечатлѣніи, какое произвелъ новый судъ по литературному дѣлу надъ А. Н. Пыпинымъ и Ю. Жуковскимъ въ 1866 г., въ защиту которыхъ выступалъ К. К. Арсеньевъ. «Что всего болѣе мнѣ понравилось, такъ это самый судъ. Онъ на меня произвелъ такое пріятное впечатлѣніе, что я и теперь забыть не могу—все чему-то радуюсь, какъ будто тяжесть какая свалилась съ моихъ плечъ (какъ извѣстно, дѣло кончилось оправданіемъ). Ну думаю—теперь полно вамъ—дворянамъ и вообще всѣмъ богачамъ тѣшиться надъ нашимъ братомъ-бѣднякомъ. Пришла пора и намъ можно отпоръ дать. Словомъ, былъ на судѣ, нашелъ его въ высшей степени благодѣяніемъ и вынесъ оттуда частичку ума. Теперь благодаря Бога не придется трястись какъ въ лихорадкѣ при полученіи повѣстки изъ квартала и смотрѣть на надзирателя, какъ на нѣчто страшное»... Въ приложенія попало еще нѣсколько писемъ отъ разныхъ лицъ и нѣсколько документовъ, касающихся журналовъ Некрасова.—Къ сожалѣнію, къ этому довольно пестрому, съ разныхъ точекъ зрѣнія любопытному матеріалу, нѣтъ указателя именъ.

Издатель К. Некрасовъ обѣщаетъ—«если позволятъ обстоятельства»—выпустить и второй томъ «Архива», въ который войдутъ нѣкоторыя неизданныя произведенія поэта въ стихахъ и прозѣ, а также довольно многочисленные варіанты уже напечатанныхъ произведеній. Радуясь этому обѣщанію, необходимо посовѣтовать, какъ вещь совершенно необходимую—пригласить опытнаго редактора для второго тома и второго изданія перваго тома.

Ч. Вѣтринскій.

—Д. Айзманъ. Дѣти. К-во „Жизнь и Знаніе". Птгр. 1916. Стр. 286. Ц. 1 р. 25 к.

Въ этотъ томикъ разсказовъ Д. Айзмана вошли произведенія, болѣе или менѣе разнородныя по своимъ темамъ, но объединенныя общей нотой—мотивами состраданія къ міру слабыхъ и угнетенныхъ, обойденныхъ и забитыхъ, которымъ нѣтъ мѣста на веселомъ пиру жизни. Есть нѣчто какъ бы фатальное въ міроощущеніи Д. Айзмана и въ его отношеніи къ изображаемымъ имъ лицамъ, надъ которыми тяготѣютъ черные призраки, отнимающіе радость

существованія. Среди этихъ его персонажей далеко не послѣднее мѣсто занимаютъ дѣти, — милые, безпомощные, трогательные въ своей наивности и простотѣ малые сіи,—жизнь и психологію которыхъ умѣетъ съ такимъ искреннимъ участіемъ и нерѣдко захватывающимъ драматизмомъ воспроизводить художникъ.

Разсказываетъ ли Айзманъ объ эпизодѣ съ «телефоннымъ мальчикомъ» Жоржемъ, служащимъ въ гостиницѣ («Жоржъ и Тараска»); повѣствуетъ ли о слѣпцѣ-лирикѣ и его поводырѣ, мальчикѣ Прокопѣ («Прокопъ»); говоритъ ли о судьбѣ крестьянской дѣвочки Марфы, живущей въ качествѣ прислуги въ господскомъ домѣ («Марфа, Никишка и Пузанокъ»),—отъ его разсказовъ вѣетъ волною горя и безраздѣльной грусти. Въ этомъ мірѣ соціальной неправды, людской скверны и суроваго бездушія гибнутъ и затериваются, совершенно обезличиваются люди, нѣкогда имѣвшіе человѣческій образъ и опредѣленный строй мыслей («Подобіе Божіе»), поругается женская душа и тѣло («Санъ-Суси»), глядитъ жесткій и звѣроподобный ликъ врача-мизантропа («Пощечина»). Правда, на ряду съ этимъ, Айзманъ рисуетъ муки и благородныя терзанія врача-человѣколюба, хирурга Волховскаго («Лисица за пазухой»), великодушіе простого крестьянина («Идолы»), жалостливую растерянность тщедушнаго еврея, объятаго ужасомъ и отчаяніемъ, потрясеннаго и недоумѣвающаго при зрѣлищѣ смерти чахоточнаго Матвѣя («И всѣ мы...»). Это своего рода блики, яркія какъ бы полоски, отсвѣчивающія сквозь общій сумрачный фонъ, сквозь мглу и непривлядность жизни. Но это мало примиряетъ: и здѣсь все подернуто все той же дымкой тоски и печали.

Въ томикѣ разсказовъ Д. Айзмана предъ нами встаетъ мрачная и нескладная человѣческая жизнь, ея темные силуэты и очертанія. Пронизанные художническою болью и теплотою живого соучастія, разсказы эти оставляютъ сѣмена горечи, будятъ чувство обиды за зло и неправду жизни.

М. Короличкій.

— А. Морэ. Цари и боги Египта. Переводъ Е. Ю. Григоровичъ. М. Изд. Сабашниковыхъ.

«Интересъ, пробужденный въ публикѣ египтологіей, какъ и многими другими науками, пишетъ въ предисловіи къ своему труду Морэ (A. Moret), заставляетъ ее выйти за предѣлы круга ученыхъ, которымъ она была ограничена. Аудиторія музея Гимэ, продолжаетъ авторъ, вотъ уже двадцать лѣтъ переполненная слушателями, дока-

зываетъ, насколько публика стремится узнать изъ первыхъ рукъ результаты личныхъ изысканій спеціалистовъ и быть въ курсѣ работъ, уже завершенныхъ въ этой области». Исходя изъ этого обстоятельства, а также принимая въ соображеніе и благосклонный пріемъ, оказанный выпущенному ранѣе авторомъ сборнику статей подъ общимъ заглавіемъ Au temps des Pharaons, Морэ предлагаетъ читателямъ новый сборникъ, носящій указанное выше заглавіе и составленный частью изъ напечатанныхъ авторомъ въ различныхъ журналахъ статей, частью изъ лекцій, читанныхъ имъ въ музеѣ Гимэ.

Заглавіе «Цари и боги Египта», данное Морэ новому сборнику своихъ статей, объединяетъ собою восемь очерковъ довольно различнаго характера и соотвѣтствуютъ содержанію книги лишь въ отношеніи доминирующей части ея матеріала. Вотъ краткое резюмэ статей Морэ. Первый очеркъ—«Царица Гатшопситу и ея храмъ Дейръ эль Бахри»—посвященъ сжатому изложенію данныхъ, явившихся результатомъ раскопокъ Маріэтта и Навиля въ 1894—1905 г.г. близъ Стовратыхъ Ѳивъ. Въ частности предметъ очерка — храмъ «Зесеръ-Зесеру», замѣчательный какъ своею стариной (построенъ ок. 1500 г. до Р. X.), такъ и тѣмъ, что на основаніи разслѣдованія его развалинъ явилась возможность возстановить исторію жизни и борьбы за престолъ первой въ исторіи женщины-правительницы, имя которой списками царей было предано забвенію. — Второй очеркъ—«Религіозная революція Аменофиса IV». Морэ трактуетъ въ немъ о томъ, какъ «Аменофисъ IV задумываетъ и производитъ религіозную революцію», какъ и въ какихъ цѣляхъ «онъ порываетъ съ великимъ національнымъ божествомъ Амономъ-Ра, замѣняетъ его богомъ Атономъ и подчиняетъ его культу жрецовъ, весь народъ Египта и его иноземныхъ подданныхъ». Впрочемъ, результаты этой революціи сказались больше въ исторіи человѣчества вообще, нежели Египта въ частности. Третій и пятый очерки тѣсно связаны между собою. Предметъ перваго изъ нихъ—«Страсти Озириса», популярнѣйшаго божества Египта, второго — «Мистеріи Изиды», супруги Озириса, являющейся конечною причиною обновленія міра, воскресительницею Озириса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и побѣдительницею смерти. Морэ съ большимъ мастерствомъ прослѣживаетъ эволюцію ученія и культа этихъ божествъ, игравшихъ такую огромную роль не только въ Египтѣ, но, позже, и въ Римѣ. Недаромъ Тертуліанъ усматриваетъ въ ученіи Изиды сильнѣйшаго противника христіанства, но, съ другой стороны и съ неменьшимъ основаніемъ, безпристрастный изслѣдователь можетъ отмѣтить близость духа общихъ ученій и квалифицировать культъ Изиды, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшей

его стадіи, какъ нѣчто въ родѣ предхристіанства.—Четвертая статья сборника—«Безсмертіе души и установленіе нравственныхъ законовъ въ Египтѣ и внѣ Египта»—изслѣдуетъ историческое взаимоотношеніе и эволюцію идей безсмертія и посмертнаго возмездія. Авторъ касается здѣсь не только Египта. Онъ ставитъ вопросъ шире и привлекаетъ въ качествѣ матеріала изслѣдованія ученія Греціи, Персіи, Индіи, а также касается и христіанства.—Очерки шестой и седьмой имѣютъ большое отношеніе не къ исторіи, а къ исторіи литературы и искусства. Шестой озаглавленъ: «Нѣсколько легендарныхъ путешествій египтянъ въ Азію» и содержитъ въ себѣ изложеніе пяти-шести полулегендарныхъ или даже вполнѣ фантастическихъ разсказовъ египтянъ объ Азіи. Сюда авторомъ привлечены, между прочимъ, разсказы «Суженый принцъ», «Принцесса Бахтана», «Приключенія Синухета» (или, какъ пишетъ переводчикъ, «Синугита»; послѣдняя вещь, сказать къ слову, имѣется у насъ въ прекрасномъ изданіи «Памятниковъ Древняго Востока» проф. Б. А. Тураева) и т. п. Седьмой очеркъ—«Гомеръ и Египетъ» посвященъ подкрѣпленію мнѣній Гельбиха и Берара, обнаружившихъ у Гомера «многочисленныя теченія восточнаго происхожденія, особенно въ выборѣ поэтическихъ и художественныхъ темъ». Морэ приводитъ нѣсколько мѣстъ изъ Иліады и Одиссеи, гдѣ, по его мнѣнію «пѣвцы, повидимому, широко черпали въ народномъ искусствѣ и литературѣ Египта».—Послѣдній, восьмой, очеркъ озаглавленъ «Чтеніе іероглифовъ» и содержитъ, собственно говоря, краткій очеркъ развитія египтологіи, какъ науки, со стороны изученія ея матеріала, т.-е. со стороны чисто-технической.

Книга написана популярнымъ и блестящимъ языкомъ, содержитъ довольно много отрывковъ текстовъ въ переводѣ и снабжена недурными иллюстраціями, чертежами и картой.

Б. П. Ивановъ.

— Е. В. де-Роберти. Понятія разума и законы вселенной. Перев. съ франц. С. Златковскаго, подъ ред. автора, съ предисловіемъ проф. М. Ковалевскаго. Петрогр. 1914. 97 стр. Ц. 45 к.

Данная книга—послѣдняя изъ работъ, выпущенныхъ при жизни автора отдѣльнымъ изданіемъ. На французскомъ языкѣ въ библіотекѣ Alcom'а она появилась въ 1912 г.

По своему характеру она представляетъ, во-первыхъ,—краткое резюмэ основныхъ тезисовъ нео-позитивизма, во-вторыхъ, болѣе по-

дробное развитіе взглядовъ покойнаго соціолога на основныя проблемы гносеологіи: проблемы понятія и закона вселенной; въ качествѣ дополненія приложена статья: «Энергетика и соціологія», ранѣе напечатанная въ «Вѣстникѣ Европы».

Передадимъ кратко сущность взглядовъ Е. В. де-Роберти на понятіе и законъ. Отрицательно относясь ко всѣмъ основнымъ рѣшеніямъ данныхъ проблемъ: къ номинализму, реализму и концептуализму — авторъ переноситъ рѣшеніе вопроса на соціологическую почву.

Основная трудность рѣшенія этихъ проблемъ заключается въ конфликтѣ абстрактнаго и конкретнаго. Одни теченія (номинализмъ) признаютъ *реальнымъ* только міръ конкретный и отрицаютъ реальность общихъ понятій; отсюда—сенсуалистически-эмпиристическая теорія познанія у его адептовъ (наука—зеркало конкретнаго бытія). Другіе, указывая на міръ понятій—какъ на область и содержаніе науки,—отрицаютъ теорію «науки—отраженія» конкретнаго міра и приходятъ къ чисто словеснымъ и метафизическимъ выводамъ, утверждающимъ *трансцендентное*, какъ объектъ науки и критерій истины (напр., риккерт. Sollen и Wert) и отрицающимъ поэтому *бытіе*, какъ объектъ познанія.

Иначе смотритъ на дѣло неопозитивизмъ.

Что такое міръ *конкретнаго* бытія съ его точки зрѣнія?—Это комплексъ ощущеній и воспріятій, импульсивныхъ реакцій, свойственныхъ не только человѣку, но и біологической особи вообще. Это міръ не расчлененнаго бытія, гдѣ нѣтъ знанія, гдѣ имѣется только récept въ отличіе отъ concept'a.

Что такое *понятіе* и *міръ понятій*, лишенныхъ конкретности, иначе міръ науки? Это тотъ же міръ конкретный, но расчлененный на элементы, подобно водѣ, разложенной на составныя части, всегда простыя и общія. Въ сущности всякій конкретный міръ, міръ субстанціи—есть лишь нерасчлененный комплексъ элементовъ,—отношеній и взаимодѣйствій.

Міръ конкретный—это міръ біологической особи, не прошедшей еще чрезъ горнило коллективнаго взаимодѣйствія, результатъ неглубокаго и неполнаго индивидуальнаго опыта.

Міръ понятій, міръ абстрактный — это міръ соціализированной особи, продуктъ коллективнаго опыта, исправляющаго и углубляющаго опытъ индивидуальный. Чѣмъ глубже этотъ опытъ,—тѣмъ отвлеченнѣе будутъ понятія, тѣмъ выше наука и тѣмъ ближе будетъ она къ истинѣ.

Реаленъ ли міръ конкретный? — Безусловно. Реаленъ ли міръ понятій? Безусловно, ибо не реальное мы ни мыслить, ни понять не

можемъ. Какъ явленія жизни не исключаютъ лежащія въ ихъ основѣ физико-химическія явленія, также и явленія соціальныя (понятія) не исключаютъ лежащіе въ ихъ основѣ біологическіе факты: ощущенія, воспріятія, эмоціи и т. д. То и другое,—говоритъ авторъ,—реальности, но реальности различныхъ родовъ и различныхъ точекъ зрѣнія. Сказанное о понятіяхъ относится и къ закону природы. Всякое истинное, адэкватное понятіе можно сравнить съ закономъ и наоборотъ. Но это не значитъ, что разумъ диктуетъ законы природѣ и «міръ есть мое представленіе о мірѣ». Напротивъ, самъ разумъ есть природа, мыслящая черезъ насъ. «Если соціальный міръ образуетъ составную часть природы и если то, что называютъ разумомъ, составляетъ конечную трансформацію космической энергіи, то ясно, что законы соціальности и нормы логики входятъ въ раму законовъ вселенной и нисколько не исключаютъ и не подмѣняютъ ихъ».

Таковъ основной пунктъ книги.

Питиримъ Сорокинъ.

— Н. А. Каблуковъ. Статистика. Изд. Г. А. Лемана и С. И. Сахарова. Москва. 1915 г., стр. 319. Ц. 1 р. 75 к.

— А. А. Кауфманъ. Теорія и методъ статистики. Изд. Г. А. Лемана и С. И. Сахарова. Москва. 1916. Стр. 601. Съ многими приложеніями. Ц. 3 р. 50 к.

Курсъ московскаго профессора Н. А. Каблукова выходитъ вторымъ, а руководство петроградскаго профессора А. А. Кауфмана третьимъ изданіемъ. Оба курса, слѣдовательно, пришли навстрѣчу существующей потребности и оба въ извѣстной степени удовлетворяютъ назрѣвшимъ запросамъ. Во всемъ остальномъ курсы расходятся. Книга г. Каблукова «общедоступна», невелика по объему и легко можетъ быть усвоена начинающимъ изучать статистическую мудрость. Для первоначальнаго чтенія это самая подходящая книга. Руководство г. Кауфмана значительно сложнѣе, предполагаетъ болѣе подготовленнаго читателя, велико по объему и требуетъ значительнаго напряженія для обстоятельнаго усвоенія.

Планъ и построеніе книги г. Каблукова отличается отъ обычныхъ курсовъ статистики (напр., Чупрова и Янсона), но по объему содержанія совпадаетъ съ ними. На-ряду съ отдѣлами по теоріи и практикѣ статистическаго метода, г. Каблуковъ даетъ и краткій очеркъ исторіи статистической жизни и общее описаніе статистическихъ учрежденій и спеціальную «статистику народонаселенія».

Лишенный архаизмовъ, встрѣчающихся у Янсона и Чупрова, курсъ проф. Каблукова больше удовлетворяетъ современнаго читателя еще и тѣмъ, что касается ряда вопросовъ, выдвинутыхъ статистической мыслью лишь въ послѣдніе годы. Не претендуя на оригинальность и глубину, курсъ проф. Каблукова отличается, однако, точностью и ясностью формулировки и снабженъ достаточнымъ количествомъ фактическихъ примѣровъ, иллюстрирующихъ соотвѣтственныя положенія. Нѣкоторымъ недостаткомъ сочиненія является отсутствіе образцовъ различныхъ діа-и картограммъ, а также формуляровъ счетныхъ карточекъ. Въ слѣдующихъ изданіяхъ слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, восполнить этотъ пробѣлъ.

Руководство г. Кауфмана претендуетъ на значительно большее, нежели скромный трудъ г. Каблукова. Оно пытается не только оріентировать начинающаго статистика, но и дать спеціалисту исчерпывающее изложеніе теоретическихъ основъ статистическаго метода и законченную характеристику практическихъ пріемовъ статистическаго наблюденія. Не удовлетворяясь, какъ г. Каблуковъ, общими логическими разсужденіями, г. Кауфманъ нерѣдко пытается «обосновать» свои взгляды математическими выкладками, предполагающими въ читателѣ знакомство, хотя и небольшое, съ элементами высшей математики. Къ сожалѣнію, математическія выкладки автора не отличаются особой ясностью и отчетливостью (въ этомъ отношеніи сжатый «Учебникъ математической статистики» проф. Р. М. Орженцкаго стоитъ неизмѣримо выше), а мѣстами авторъ придаетъ своимъ математическимъ разсужденіямъ совершенно несоотвѣтствующее значеніе. Въ одномъ мѣстѣ онъ, напр., утверждаетъ, что «строго-научное, т.-е. окончательное, обоснованіе законъ большаго числа получаетъ лишь въ принципахъ теоріи вѣроятностей». Въ дѣйствительности же теорія вѣроятностей не «обосновываетъ» этого закона, а даетъ ему лишь математическое выраженіе. Въ общемъ, однако, слѣдуетъ сказать, что проф. Кауфманъ не преувеличиваетъ роли математики въ теоріи и относится, какъ онъ утверждаетъ въ предисловіи, къ «математической статистикѣ» «очень сдержанно».

По своему построенію и по содержанію руководство проф. Кауфмана порываетъ съ традиціей, установившейся у насъ, кажется, со времени Янсона. Въ руководствѣ отсутствуютъ, во-первыхъ, отдѣлы, посвященные исторіи статистики и характеристикѣ статистическихъ учрежденій; а, во-вторыхъ, отдѣлы или главы, трактующіе о спеціальныхъ категоріяхъ статистическаго наблюденія («статистика народонаселенія», «статистика нравственности» и т. д.). Руководство содержитъ, такимъ образомъ, исключительно части, посвященныя теоретическимъ предпосылкамъ статистическаго метода и практическимъ

пріемамъ статистической обработки различныхъ областей дѣйствительности. По существу противъ такого плана трудно возражать. Намъ кажется, однако, что отсутствіе историческаго введенія является дефектомъ, такъ камъ отчетливое представленіе о постановкѣ и разрѣшеніи тѣхъ или иныхъ проблемъ статистическаго метода можетъ получиться только при наличности яснаго представленія объ историческомъ развитіи статистической науки. Знаніе исходныхъ моментовъ, важное для каждой дисциплины, пріобрѣтаетъ особое значеніе для статистики, науки сравнительно молодой, не имѣющей ни общепризнаннаго опредѣленія, ни общепризнаннаго содержанія. Не зная, «откуда» и «куда» мы идемъ, трудно надлежащимъ образомъ оріентироваться и въ настоящемъ положеніи.

На-ряду съ этимъ, большимъ дефектомъ Кауфмановскаго руководства является чрезмѣрное обиліе разнаго рода цитатъ. Проф. Кауфманъ не только подтверждаетъ цитатами свое изложеніе, но и излагаетъ свои мысли чужими словами. На каждомъ шагу взоръ читателя наталкивается на колючія кавычки, отвлекающія вниманіе отъ основной мысли, съ трудомъ выбивающейся изъ-подъ спуда различныхъ формулъ. Необходимо при этомъ отмѣтить, что проф. Кауфманъ сплошь и рядомъ цитируетъ не только и даже не столько корифеевъ статистической науки, сколько обыкновенныхъ рядовыхъ, не давшихъ ни особенно удачныхъ, ни особенно оригинальныхъ формулировокъ. Въ общемъ изложеніе, благодаря обилію цитатъ, получаетъ характеръ мозаики, допускающей наблюденіе только на извѣстномъ разстояніи. Къ сожалѣнію, наша мысль отличается отъ зрѣнія и слѣдить за развитіемъ идеи на нѣкоторомъ умственномъ «разстояніи» невозможно. Было бы поэтому желательно, чтобы въ слѣдующемъ изданіи авторъ перелилъ богатое содержаніе своей книги въ собственныя формы, отчего вся книга только выиграетъ.

Несмотря на отмѣченные недостатки, къ которымъ можно было бы прибавить еще указаніе на недостаточно опредѣленную и точную формулировку отдѣльныхъ положеній, руководство проф. Кауфмана все-таки остается не только наиболѣе полнымъ, но и наилучшимъ изъ всѣхъ существующихъ *общихъ* курсовъ статистики (къ этимъ послѣднимъ мы, однако, не причисляемъ цѣннаго «Учебника математической статистики» проф. Р. М. Орженцкаго). Внимательное ознакомленіе съ нимъ даетъ много не только студенту, но и спеціалисту, не имѣющему возможности пользоваться спеціальными работами русскихъ и иностранныхъ теоретиковъ. Съ этой точки зрѣнія объемистый трудъ проф. Кауфмана заслуживаетъ стать настольной книгой каждаго «практическаго» статистика.

Р. Стрѣльцовъ.

— А. Коллонтай. Общество и материнство. I. Государственное страхованіе материнства. Петроградъ. 1916 г. Ц. 3 р. 50 к.

Книга г-жи Коллонтай появилась какъ нельзя болѣе своевременно. Если проблема материнства, въ связи съ наблюдаемымъ всюду, но въ разной мѣрѣ выраженнымъ паденіемъ рождаемости, давно уже стоитъ на очереди дня, давно привлекаетъ къ себѣ напряженное вниманіе государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, служитъ предметомъ ожесточенной борьбы политическихъ партій, то теперь, когда всеобщая бойня, конца которой не видать, унесла уже и продолжаетъ уносить ежедневно несчетное число человѣческихъ жизней, міровое значеніе этого сложнѣйшаго изъ сложныхъ вопросовъ встаетъ передъ культурнымъ человѣчествомъ во всемъ своемъ грозномъ величіи.

Недаромъ предусмотрительные нѣмцы объявили заботу о наборѣ 1935 г. одной изъ главныхъ очередныхъ задачъ момента. Порѣдѣніе населенія, какъ замѣчаетъ г-жа Коллонтай, судьба одинокихъ матерей, забота о болѣе быстромъ пополненіи колоссальной убыли населенія во всѣхъ воюющихъ странахъ, борьба за жизнь младенцевъ—таковы практическія задачи, которыя уже сейчасъ выдвигаются жизнью, заставляя государства такъ или иначе на нихъ реагировать. Въ Германіи государственное страхованіе материнства расширяется спеціальными постановленіями, во Франціи и Англіи дополняется спеціальными постановленіями. Судьба «дѣтей войны» порождаетъ рядъ экспериментовъ, переносящихъ попеченіе о дѣтяхъ съ родителей на общество. Рѣзкая грань, отдѣляющая до сихъ поръ «законную» жену отъ «сожительницы», стирается, а съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожается различіе между брачными и внѣбрачными дѣтьми— всѣ дѣти, вопреки впитаннымъ съ молокомъ матери понятіямъ, становятся одинаково дорогими.

Ужасающая смертность дѣтей, въ особенности въ культурно-отсталыхъ странахъ, съ одной стороны, повышеніе брачнаго возраста и широкое распространеніе неомальтузіанской практики — съ другой, неминуемо ведутъ къ тому, что естественный приростъ населенія падаетъ во всѣхъ странахъ. Очень слабымъ утѣшеніемъ здѣсь можетъ служить то, что съ улучшеніемъ санитарныхъ, соціально-экономическихъ и культурныхъ условій жизни въ значительной мѣрѣ уменьшается смертность населенія. Это уменьшеніе имѣетъ свой предѣлъ, дальше котораго оно пойти не можетъ и который въ нѣкоторыхъ странахъ, вѣроятно, почти уже достигнутъ, между тѣмъ какъ паденіе рождаемости въ сущности ничѣмъ не ограничено. Какъ показываютъ статистики (С. А. Новосельскій), процессъ

пониженія рождаемости въ нѣкоторыхъ государствахъ за послѣдніе годы протекаетъ быстрѣе пониженія смертности. Озабоченныя такого рода тревожными симптомами и мрачными перспективами государственныя власти одной страны за другой становятся въ ряды защитниковъ ранняго дѣтства и государственнаго страхованія материнства.

Изложенію исторіи возникновенія законодательства по этому вопросу въ разныхъ странахъ и характеристикѣ выработанныхъ въ этой области законодательныхъ нормъ и посвящена обширная — свыше 600 стр. — книга г-жи Коллонтай, представляющая только первый томъ предпринятаго ею изслѣдованія. Можно упрекнуть автора за нѣкоторую безсистемность изложенія, за частое повтореніе однихъ и тѣхъ же указаній, касающихся главнымъ образомъ неподатливости т. наз. буржуазныхъ классовъ населенія и сочувствующихъ этимъ классамъ правительствъ — все это, кажется, безъ надобности увеличиваетъ объемъ книги. Можно далѣе упрекнуть автора и за то, что богатый цифровой матеріалъ не всегда сопровождается указаніемъ на время, къ которому относятся данныя цифры, и это болѣе замѣтно на цифрахъ, касающихся Россіи, въ отношеніи которой авторомъ не были использованы работы послѣднихъ лѣтъ. Большинство данныхъ о Россіи заимствованы изъ несамостоятельной книжки Н. Гундобина «Дѣтская смертность въ Россіи», составленной въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Принятое авторомъ трактованіе всего этого безконечно сложнаго вопроса съ партійной точки зрѣнія до нѣкоторой степени лишаетъ книгу необходимой въ научной работѣ объективности. Въ промышленныхъ предпріятіяхъ разныхъ странъ занято много милліоновъ женщинъ. Судьба такой колоссальной арміи женщинъ-матерей и будущихъ матерей не можетъ не привлечь къ себѣ національнаго вниманія обществъ и государствъ, и борьба за улучшеніе условій жизни и труда этихъ женщинъ важна и необходима въ интересахъ всего человѣчества. Но на-ряду съ этимъ надо всемѣрно помнить, что немало женщинъ изъ крестьянской среды, изъ среды городской бѣдноты, при переписяхъ населенія опредѣляющихъ свое занятіе расплывчатымъ терминомъ «домашнее хозяйство», тоже, несмотря на отсутствіе многихъ профессіональныхъ вредностей, въ мукахъ вынашиваютъ своихъ дѣтей, въ мукахъ производятъ ихъ на свѣтъ и чаще всего тоже лишены радостей материнства. Съ другой стороны, широкое развитіе неомальтузіанской практики въ т. наз. буржуазной средѣ представляетъ явленіе, мимо котораго государство не можетъ и не должно пройти безучастно.

Вообще вопросъ о материнствѣ, тѣсно связанный съ половымъ

вопросомъ, принадлежитъ къ тому ряду злобныхъ для человѣчества вопросовъ, куда относятся жилищный вопросъ, соціальныя болѣзни, какъ туберкулезъ, сифилисъ, алкоголизмъ, проституція. При существующихъ соціальныхъ условіяхъ можно мечтать только о частичномъ рѣшеніи такихъ вопросовъ, объ извѣстныхъ болѣе или менѣе серьезныхъ палліативахъ. И, конечно, государственное страхованіе материнства должно сыграть большую роль въ жизни культурнаго человѣчества.

Первый отдѣлъ книги трактуетъ объ условіяхъ, неизбѣжно приводящихъ государства къ страхованію материнства, и здѣсь дается матеріалъ по дѣтской смертности и сокращенію рождаемости, характеристика условій жизни рабочаго класса, вліяющихъ на дѣтскую смертность, устанавливается связь профессіи и материнства, опредѣляется вліяніе женскаго труда на дѣтскую смертность. 6-ая и 7-ая главы этого отдѣла, которымъ скорѣе мѣсто во 2-й части книги, посвящены характеристикѣ законодательной охраны материнства и типовъ и формъ страхованія послѣдняго. Второй отдѣлъ книги знакомитъ читателя не только съ законами по страхованію въ отдѣльныхъ странахъ, но и съ ходомъ историческаго развитія вопроса въ каждой странѣ. Въ этотъ отдѣлъ вошло законодательство по этому вопросу Германіи, Англіи, Франціи, Италіи, Швейцаріи, Австро-Венгріи, Люксембурга, Норвегіи, Босніи-Герцоговины, Сербіи, Румыніи, Россіи и Финляндіи и Австраліи. Въ приложеніи даны тексты законовъ по страхованію материнства во всѣхъ перечисленныхъ странахъ.

Размѣры библіографической замѣтки, и такъ уже растянувшейся, лишаютъ возможности хотя бы вкратцѣ коснуться богатаго содержанія книги г-жи Коллонтай. Поневолѣ приходится ограничиться только нѣсколькими словами о постановкѣ дѣла страхованія материнства во Франціи, гдѣ грозныя явленія вырожденія давно уже вызываютъ особую тревогу, и въ Россіи, гдѣ дѣло это только зарождается.

Казалось бы, что именно Франція, гдѣ вопросъ объ обезпеченіи материнства стоитъ особенно остро, должна была первая стать на путь государственной охраны материнства. Между тѣмъ, при большомъ развитіи частной инициативы на поприщѣ оказанія помощи нуждающимся матерямъ, Франція позже другихъ государствъ занялась вопросомъ о страхованіи материнства. Пальма первенства въ этомъ отношеніи принадлежитъ Швейцаріи, гдѣ еще въ 1877 году былъ изданъ законъ, воспрещающій работу беременныхъ женщинъ въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль беременности и родильницъ— въ теченіе 4-хъ недѣль послѣ родовъ.

Только въ 1913 г. во Франціи прошли законы, регулирующіе вопросъ объ обезпеченіи и охранѣ работницъ-матерей. Законъ, между прочимъ, утверждаетъ за работницей право покидать свое мѣсто безъ предварительнаго заявленія, не подвергаясь за это штрафу, во второй половинѣ беременности. Законъ воспрещаетъ занимать роженицу въ теченіе 4-хъ недѣль, слѣдующихъ за родами, наемнымъ трудомъ во всѣхъ заведеніяхъ промышленнаго или торговаго характера. Матеріальное обезпеченіе работницъ-роженицъ устанавливается особой статьей. По этой статьѣ каждая лишенная средствъ къ существованію гражданка Франціи имѣетъ право на время, непосредственно предшествующее или слѣдующее за родами, на суточное пособіе, размѣръ котораго колеблется отъ 50 сант. до 1 фр. 50 сант. Кругъ гражданокъ, имѣющихъ право на пособіе, довольно великъ—сюда входятъ не только занятыя регулярной работой внѣ дома, но также и занятыя наемнымъ трудомъ у себя на дому. Если роженица ложится въ клинику, съ нея удерживается половина пособія на все время ея пребыванія тамъ. Однако, если у роженицы остаются на дому дѣти моложе 13 лѣтъ, она не теряетъ права на полное пособіе. Бремя по обезпеченію матерей пособіемъ ложится цѣликомъ на коммуны, департаменты и казну. Вычетовъ на леченіе и врача изъ пособія не дѣлается, такъ какъ эта часть оказанія помощи обезпечена еще по закону 1893 г. Кормящимъ матерямъ обязательно выдается премія. Что касается нашего отечества, то на-ряду съ большой дѣтской смертностью отмѣчается пониженіе брачности и рождаемости и прогрессирующее распространеніе неомальтузіанской практики, проникающей даже въ деревню. На-ряду съ этимъ очень слабо развита общая медицинская помощь и въ особенности акушерская, а все это, вмѣстѣ на фонѣ бѣдности и малой культурности населенія, представляется очень тревожнымъ. Объективнымъ признакомъ печальнаго положенія вещей въ этой области является все понижающаяся мѣрка требованій (въ мирное время) къ призываемымъ къ отбыванію воинской повинности, при чемъ, несмотря на пониженныя требованія, число неспособныхъ къ службѣ все увеличивается.

Первымъ серьезнымъ шагомъ въ области заботъ государства о жизни и здоровьѣ рабочихъ является очень несовершенный страховой законъ 1912 г., пріоткрывающій, по словамъ г-жи Коллонтай, плотную завѣсу въ царство будущаго... Нѣкоторыми статьями страхового закона въ извѣстной мѣрѣ обезпечиваются беременныя и роженицы изъ рабочей среды. Работница-участница больничной кассы имѣетъ право по случаю родовъ получать пособіе изъ кассы въ предѣлахъ отъ половины до полнаго ея заработка. Пособіе это можетъ выда-

ваться въ теченіе 6 недѣль, а именно въ теченіе 2 послѣднихъ недѣль беременности и 4-хъ недѣль послѣ родовъ. Больничная касса можетъ принимать на себя расходы на пособіе по случаю родовъ женѣ участника кассы. Уставъ о промышленности предусматриваетъ недопущеніе рожениць на работу по найму ранѣе истеченія 4-хъ недѣль со дня родовъ.

Заканчивая нашу замѣтку, мы хотѣли бы еще разъ подчеркнуть большое общественное значеніе книги г-жи Коллонтай, въ общемъ удачно выполнившей огромную работу.

В. Б—ъ.

— Н. Г. Брянскій. Московскія производительно-трудовыя артели. Петроградъ. 1915.

Было время, когда производительно-трудовые кооперативы привлекали къ себѣ на Западѣ и въ Россіи особенное вниманіе и считались даже рычагомъ, при посредствѣ котораго можно совершенно преобразовать хозяйственный строй общества. Въ настоящее время, эти организаціи, напротивъ того, вызываютъ подозрительное и даже враждебное къ себѣ отношеніе, и объясняется такая перемѣна къ нимъ отношенія, во 1-хъ, большой непрочностью кооперативовъ этого рода, массами гибнущихъ въ непосильной борьбѣ и конкуррентными предпріятіями капиталистическаго типа, съ отсутствіемъ дисциплины среди чиновъ коопераціи и съ трудностью добыванія денежныхъ средстъ, во 2-хъ, легкостью обращенія преуспѣвающихъ трудовыхъ ассоціацій въ полукапиталистическія предпріятія и, въ 3-хъ, опасеніемъ, что упрочившіеся производительные коооперативы, въ своихъ отношеніяхъ къ потребителямъ ихъ продуктовъ, ничѣмъ не будутъ отличаться отъ стремящихся къ наживѣ частныхъ предпринимателей. Несмотря, однако, на постоянныя неудачи, производительныя ассоціаціи не перестаютъ возникать и на Западѣ, и въ нашей странѣ, и эти настойчивыя попытки трудящагося люда освободиться отъ капиталистической эксплоатаціи путемъ устройства собственныхъ коллективныхъ производительныхъ предпріятій, не могли не привлечь къ себѣ вниманія лицъ, не порабощенныхъ окончательно господствующими, не всегда солидно обоснованными тенденціями, а естественнымъ результатомъ такого вниманія должно явиться стремленіе къ подробному изслѣдованію кооперативовъ даннаго типа съ цѣлью выясненія причинъ того или другого ихъ состоянія и средствъ укрѣпленія артелей и сохраненія въ нихъ по возможности въ неискаженномъ видѣ трудового начала.

Указанный выше трудъ Н. Г. Брянскаго принадлежитъ къ числу немногихъ попытокъ подробнаго изслѣдованія русскихъ производительныхъ артелей. Онъ обнимаетъ 86 такихъ артелей, возникшихъ въ Москвѣ за время съ 1902 по 1913 г., и касается разнообразныхъ сторонъ дѣятельности артелей: техническаго оборудованія, оборота покупки матеріаловъ, сбыта продуктовъ, развитія въ артеляхъ примѣненія наемнаго труда и оплаты послѣдняго, пріобрѣтенія оборотныхъ средствъ, прибылей артелей и внутреннихъ отношеній въ средѣ артельщиковъ. Изслѣдованіе, между прочимъ, показали, что и московскія производительныя артели не избѣжали недостатковъ, до сихъ поръ тяготѣющихъ на кооперативахъ этого рода: изъ 146 артелей, образованныхъ въ теченіе указаннаго выше періода, 40 артелей или распались, или перешли въ единоличное владѣніе; многія артели почти прекратили пріемъ новыхъ членовъ и широко пользуются наемнымъ трудомъ. Эти явленія не кажутся, однако, автору расматриваемаго нами труда неустранимыми недостатками кооперативовъ даннаго типа. Такъ какъ широкое распространеніе и преуспѣяніе послѣднихъ возможно лишь при участіи общественныхъ организацій (земства, союзовъ, кооперативовъ и т. п.), то не лишена основанія надежда на то, что, помогая устройству артелей, пріобрѣтенію ими необходимыхъ капиталовъ и сырыхъ матеріаловъ и сбыту ихъ издѣлій, названныя общественныя организаціи будутъ не только содѣйствовать упроченію артелей, но и смогутъ оказать вліяніе на сохраненіе въ нихъ чистоты трудового начала.

В. В.

— Fernand-Hubert Grimauty.—Six mois de guerre en Belgique par un soldat belge. Paris, 1915.
— Gustave Somville—Vers Liège. Le chemin du Crime. 1915.
— Henri Malo. Le drame des Flandres—un an de guerre. 1916.

Настоящая война вызвала на Западѣ, какъ и у насъ, цѣлый притокъ новыхъ книгъ и новыхъ авторовъ; почти все, что печатается за это время, на двѣ трети имѣетъ временный интересъ и будетъ быстро забыто, какъ только война кончится. Большею частью это наскоро набросанныя записки, дневники лицъ, побывавшихъ на войнѣ или принимавшихъ въ ней участіе. Форма этихъ записокъ всегда поспѣшная, съ нѣсколько провинціальнымъ оттѣнкомъ, точно авторъ не имѣлъ времени перечитать то, что собирался печатать. Возможно, что настоящіе, серьезные писатели на Западѣ сейчас

ничего не пишутъ о войнѣ, или, по крайней мѣрѣ, не печатаютъ,—исключеніемъ, разумѣется, являются произведенія Э. Верхарена «Окровавленная Бельгія» и молодого бельгійскаго поэта-католика-Нотомба, «Изеръ», отличающіяся красивою, отдѣланною формою. Всѣ же остальныя книги, большею частью, написаны лицами, ничего общаго не имѣвшими съ литературой до войны. Но все же очень часто такія книги могутъ быть прочитаны съ захватывающимъ интересомъ *въ данный моментъ.* Таково произведеніе молодого инженера Grimauty, валлона по происхожденію, призваннаго на войну въ первую же ночь мобилизаціи и прослужившаго въ бельгійской арміи въ качествѣ артиллериста-циклиста въ теченіе полугода, пока тяжкій бронхитъ не заставилъ его очутиться въ лазаретѣ. Записки Grimauty написаны бойкимъ, занимательнымъ языкомъ, читаются легко и съ интересомъ; но послѣ прочтенія книги, она не оставляетъ большого впечатлѣнія, и недостатки ея, какъ литературнаго произведенія, выплываютъ наружу. Авторъ часто повторяется, разсказываетъ иногда объ одномъ и томъ же два раза, съ какимъ-то торжествомъ, если не хвастовствомъ, говоритъ о своихъ подвигахъ, о грозившей ему много разъ опасности при выполненіи трудныхъ порученій, часто иронизируетъ надъ своими начальниками и товарищами даже въ самые трагическіе моменты бельгійской кампаніи, съ какимъ-то наслажденіемъ опровергаетъ нѣкоторые разсказы, ставшіе легендами въ арміи, о геройствѣ короля Альберта, котораго, по всѣмъ другимъ свидѣтельствамъ, обожаютъ и боготворятъ солдаты. Задаваясь цѣлью занести на бумагу только собственныя переживанія, Grimauty, естественно, обходитъ молчаніемъ многіе важные этапы войны Бельгіи съ Германіей. Но, несмотря на всѣ эти недочеты, въ книгѣ есть что-то, что заставляетъ ее читать не отрываясь. Прежде всего интересны выведенныя авторомъ фигуры товарищей, солдатъ, офицеровъ и генераловъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться. Авторъ почти не касается внѣшней обстановки войны, словно въ самой странѣ ничего не случилось, онъ только разъ и то мелькомъ упоминаетъ о бельгійскихъ бѣженцахъ; подмѣчая сейчасъ же нѣкоторую комическую черточку, что всѣ крестьяне уносили съ собой, непремѣнно, зонтики, какъ предметъ ихъ прежней гордости и роскоши. Онъ очень мало говоритъ о совершенныхъ нѣмцами звѣрствахъ въ Бельгіи, сначала даже не довѣряетъ газетамъ, но затѣмъ, убѣдившись на дѣлѣ, онъ уже чувствуетъ, какъ его душа пронизывается постепенно и навсегда глубокою ненавистью ко всѣмъ германцамъ. Онъ надѣется, что отнынѣ не только очевидцы этихъ звѣрствъ, но и ихъ дѣти, и дѣти дѣтей не забудутъ этого, будутъ ненавидѣть нѣмцевъ и разсказывать всѣмъ «какъ въ мирное время къ намъ пришли люди, которые не

были дикарями, но зажигали страну съ четырехъ концовъ и танцовали на трупахъ при свѣтѣ огня».

Мы говорили, что въ книгѣ лучше всего — портреты товарищей автора, съ которыми они вмѣстѣ дѣлили ѣду, солому для ночевки, или приходили въ отчаяніе, когда кто-нибудь выбывалъ изъ строя. Вотъ наивный, розовый, здоровый maréchal des logis, хорошій товарищъ, съ любимой поговоркой «c'est scandaleux!», которую онъ повторяетъ при каждомъ удобномъ случаѣ, готовый воевать съ нѣмцами годы, только бы не быть убитымъ. «Я такъ молодъ и такъ люблю жизнь», признавался онъ. Онъ никогда не дрожалъ передъ опасностью, но его ранятъ на Изерѣ, и онъ черезъ нѣсколько дней умираетъ въ госпиталѣ отъ раны. Его близкій другъ, Pirotte, весельчакъ изъ Льежа, отправлявшійся на битву всегда съ пѣніемъ, тоже умираетъ отъ раны на Изерѣ послѣ мучительной агоніи. Grimauty рисуетъ и героевъ-офицеровъ, иногда сдержанныхъ, холодныхъ на видъ, но въ бою славныхъ товарищей солдатъ. Хороши описанія штыковыхъ боевъ подъ начальствомъ храбраго героя Oultremaut, который тоже погибаетъ на Изерѣ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ батальономъ послѣ геройской вылазки. Прекрасны фигуры и генераловъ, которые, при успѣшномъ дѣлѣ, когда имъ удается на время разогнать нѣмцевъ, или потопить въ каналахъ отдѣльные отряды, забываютъ о чинахъ, радуются, болтаютъ съ солдатами, но, при тяжелыхъ испытаніяхъ, готовы жертвовать всѣмъ, людьми, орудіями, лошадьми, только бы продержаться еще немного («Mais il faut tenir jusqu'au bout!»). Недурны картины встрѣчи съ родными, розыски убитыхъ товарищей, поимки нѣмецкихъ шпіоновъ, описаніе лазарета на морѣ (bateau-hopital), гдѣ авторъ находился нѣкоторое время.

На первый взглядъ книга Сомвилля представляется какъ бы продолженіемъ извѣстной книги Нотомба *Les Barbares en Belgique*, вышедшей въ прошломъ году и разсказавшей факты тѣхъ позорныхъ преступленій, которыми нѣмцы хотѣли терроризировать не только Бельгію, но и всѣ союзныя страны. При ближайшемъ разсмотрѣніи этого произведенія, однако, въ немъ много данныхъ, не вошедшихъ въ книгу Нотомба, такъ какъ авторъ собиралъ свои свѣдѣнія на мѣстѣ, въ иной части Бельгіи, чѣмъ Нотомбъ. Съ цѣлью препятствовать всѣмъ наговорамъ нѣмцевъ на бельгійцевъ, авторъ задался цѣлью устроить нѣчто въ родѣ анкеты на мѣстѣ, т.-е. среди тѣхъ лицъ, которыя остались на мѣстѣ послѣ занятія ихъ городовъ и селеній нѣмцами. Рискуя быть схваченнымъ и разстрѣляннымъ, авторъ собралъ много интереснаго матеріала. Авторъ, несмотря на всю свою ненависть къ нѣмцамъ, желалъ быть, прежде всего, правдивымъ, почему онъ говоритъ въ книгѣ о нѣкоторыхъ хорошихъ поступкахъ

отдѣльныхъ нѣмцевъ. Онъ приводитъ цѣлый рядъ списковъ убитыхъ изъ разныхъ селеній, сознательно умалчивая объ актахъ насилія, садизма, щадя честь несчастныхъ жертвъ. Автору удалось проѣхать и опросить восточную часть Льежской провинціи, т.-е. онъ касается только прелюдіи вторженія нѣмцевъ, но дальше дѣйствовать было уже опасно для него, и онъ бѣжалъ въ Англію, гдѣ и написалъ свои записки. Книга его раздѣляется на двѣ части: одну, состоящую изъ документальныхъ данныхъ, разсказовъ очевидцевъ, которые избѣгали смерти, разорились или потеряли нѣкоторыхъ членовъ своей семьи,—и критическую, гдѣ авторъ говоритъ о нѣмецкой системѣ вести войну, объ оправданіяхъ германцевъ, о сужденіяхъ другихъ странъ. Мы узнаемъ лишній разъ, какъ нѣмцы вступали въ Бельгію, какъ они убивали мирныхъ жителей, заставая ихъ часто за работой въ саду, въ полѣ, на порогѣ дома, какъ они грабили жилища, увозили цѣнныя вещи въ Германію, воровали деньги, издѣвались надъ тѣми, кто давалъ имъ пищу или предоставлялъ ночлегъ, брали заложниками священниковъ и бургомистровъ, мучали ихъ и затѣмъ убивали, оправдываясь тѣмъ, что кто-то изъ штатскихъ стрѣлялъ въ нихъ, а, на самомъ дѣлѣ, часто стрѣляли они сами, обливали дома керосиномъ или бензиномъ, сжигали жителей въ домахъ или бросали въ огонь трупы убитыхъ. Авторъ находился въ Льежѣ, когда нѣмцы вошли въ городъ. Авторъ подробно разсказываетъ, какъ, черезъ нѣсколько дней послѣ вторженія въ городъ, нѣмецкіе солдаты, находившіеся въ университетѣ, по сигналу—отдѣльному выстрѣлу,—произвели стрѣльбу изъ митральезъ, устроили пожаръ, который не позволяли гасить, выпускали изъ домовъ женщинъ, а мужчинъ убивали. Этимъ пожаромъ точно хотѣли обвинить русскихъ студентовъ, которыхъ тамъ и не было въ ту ночь, и скрыть свои надругательства надъ университетомъ. Впослѣдствіи оказалось, что ящики съ дорогими коллекціями, рукописями были вскрыты и частью разграблены, что картины, мебель, ковры были увезены въ Германію, инструменты и машины въ физическихъ и химическихъ кабинетахъ были украдены или уничтожены. На протестъ университетской администраціи въ Льежѣ, нѣмецкія власти отвѣчали, что произведенія искусства и науки не нужны солдатамъ, а офицеры выше подозрѣнія, и что все это дѣло рукъ еврейскихъ антикваровъ въ Льежѣ...

Авторъ приводитъ слова нѣмецкихъ солдатъ, раненыхъ или умирающихъ на рукахъ бельгійскихъ или англійскихъ сестеръ милосердія. Многіе изъ нихъ говорили, что имъ приказывали дѣйствовать жестоко, не останавливаться ни передъ чѣмъ и что они не сдѣлали и четверти того, что имъ было внушено. Иные изъ нихъ, занимая

помѣщенія, говорили хозяевамъ: «спасайтесь, вамъ грозитъ опасность!» или въ Льежѣ многіе офицеры показывали переулокъ, по которому можно было спастись во время пожара. Но это рѣдкія исключенія.

Довольно популярный французскій историкъ, Malo находился, когда вспыхнула война, за работой въ тихомъ уголкѣ на берегу моря, въ Бельгіи, гдѣ онъ и оставался въ теченіе долгой зимы. Въ своей книгѣ авторъ хотѣлъ написать только то, что видѣлъ, выѣзжая иногда на фронтъ, посѣщая ближайшіе города и мѣстечки. Какъ историкъ, Malo дорожитъ достовѣрностью фактовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не брезгаетъ и комической стороной, оговариваясь въ предисловіи, что намѣренно приводитъ много анекдотовъ, такъ какъ сама дѣйствительность вводитъ рядомъ смѣшной и трагическій элементы въ военную жизнь. Онъ имѣлъ возможность наблюдать близко и описывать арабскіе полки, съ ихъ палатками, бурнусами, тюрбанами и неизмѣннымъ кофе; онъ объѣзжалъ фронтъ съ бельгійскимъ соціалистомъ Ванъ-деръ-Вельде, наблюдалъ многое и отмѣчаетъ моральное возрожденіе бельгійской арміи послѣ утомительнаго отступленія изъ Антверпена, въ теплыхъ словахъ отзывается о королѣ Альбертѣ, котораго знаетъ хорошо. Malo подчеркиваетъ, что Король Альбертъ болѣе, чѣмъ кто-либо, былъ подготовленъ къ той роли, которая выпала на его долю въ исторіи, разсказываетъ, какъ онъ много изучалъ раньше изъ всего того, что касалось его народа и королевства, какимъ глубокимъ знатокомъ онъ является въ современныхъ политическихъ, соціальныхъ, моральныхъ вопросахъ. Не менѣе сочувственныя выраженія авторъ находитъ и по отношенію къ королевѣ Елизаветѣ, которую обожаетъ армія, и по отношенію къ сыну ея, принцу Леопольду, который служитъ, какъ простой солдатъ, въ пѣхотномъ полку, бываетъ въ траншеяхъ и подвергается одинаковой съ другими опасности. Въ книгѣ Malo мы видимъ героевъ-солдатъ и офицеровъ, ихъ жизнь въ траншеяхъ. Картины цвѣтущей прежде Фландріи, обращенной теперь въ развалины, прекрасно изображены авторомъ. Книга написана литературнымъ языкомъ и будетъ прочтена съ удовольствіемъ.

М. Веселовская.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

П. Ю. Шмидтъ. Основы жизни. Петроградъ. 1916.

Книжка г. Шмидта заключаетъ популярное (но не элементарное) изложеніе основныхъ понятій біологіи о жизни. Въ ней трактуются вопросы о границахъ и происхожденіи жизни, о живомъ веществѣ, какъ почвѣ, на которой разыгрываются явленія жизни, и клѣткѣ, какъ простѣйшей (пока!) „единицѣ жизни", о движеніи, чувствительности и обмѣнѣ веществъ, какъ проявленіяхъ жизни организмовъ, о размноженіи, старѣніи и смерти. При этомъ авторъ разсматриваетъ различныя гипотезы о причинахъ старенія и смерти—естественномъ концѣ всякой жизни, исключая простѣйшіе, одноклѣточные организмы, обладающіе если не всегда фактическимъ, то во всякомъ случаѣ потенціальнымъ безсмертіемъ. Авторъ стоитъ на эволюціонной точкѣ зрѣнія.

С. А. Ананьинъ. Интересъ по ученію современной психологіи и педагогики. Кіевъ. 1915.

Авторъ подводитъ въ своей книгѣ итоги ученіямъ объ интересѣ (не въ узкомъ, конечно, хозяйственномъ смыслѣ этого слова), какъ явленія душевной жизни человѣка и какъ цѣли и средствѣ воспитанія. Критически разсмотрѣвъ воззрѣнія на этотъ счетъ философовъ, психологовъ и педагоговъ 19-го и 20-го вв., приходитъ къ заключенію, что у писателей не образовалось единообразія во взглядахъ ни на степень простоты или сложности, ни на сущность и природу интереса, какъ психическаго явленія, и, сообразно такой неопредѣленности понятія интереса, неопредѣленнымъ оказалось и ученіе о немъ, какъ о цѣли и средствѣ воспитанія. Въ силу сказаннаго, понятіе интереса—терминъ, заимствованный наукой изъ разговорной рѣчи, должно быть, по мнѣнію г. Ананьина, исключено изъ психологіи и педагогики.

А. А. Алексѣевъ. Бюджетное право французск. парламента. Петроградъ 1915 г.

Годъ тому назадъ г. Алексѣевымъ изданъ былъ [трудъ о финансовыхъ полномочіяхъ англійскаго парламента. Въ указанной въ заголовкѣ настоящей замѣтки другой книжкѣ того же автора та же тема разрабатывается въ примѣненіи къ французскимъ законодательнымъ учрежденіямъ. На основаніи изданныхъ законовъ, декретовъ, парламентской практики и толкованій авторитетныхъ лицъ авторъ трактуетъ вопросы,—во многомъ окончательно еще во Франціи не разрѣшенные — о порядкѣ составленія бюджета, прохожденіе его въ парламентѣ и сенатѣ, его выполненія, о взаимоотношеніяхъ въ дѣлѣ бюджета парламента и сената, о вопросахъ, разрѣшаемыхъ при обсужденіи бюджета, и др. Данныя, сообщаемыя въ обоихъ трудахъ г. Алексѣева, представляютъ, конечно, живѣйшій интересъ для современнаго русскаго читателя, а то и лично участвующаго въ процессѣ созиданія финансоваго права страны.

Къ вопросу о реформѣ земскихъ финансовъ. Кострома. 1915.

Въ этомъ докладѣ екатеринославской губ. земской управы (изданномъ въ свѣтъ, однако, не въ Екатеринославѣ, а въ Костромѣ) мы находимъ цифровую, такъ сказать, мотивировку идеи о недостаточности предоставленныхъ земству источниковъ обложенія, разсмотрѣніе боевого въ екатеринославскомъ земствѣ вопроса о сравнительномъ обложеніи земель и промышленныхъ предпріятій и разборъ внесеннаго въ Государственную Думу правительственнаго законопроекта объ улучшеніи земскихъ и городскихъ финансовъ. Разборъ этотъ показалъ, что данный проектъ имѣетъ въ виду „не организацію новыхъ и расширеніе существующихъ мѣропріятій" и „не расширеніе земскаго налоговаго поля", а лишь покрытіе теку-

щихъ расходовъ земствъ и ограниченіе земскаго обложенія въ то время, какъ ближайшую задачу земства составляетъ именно такое распространеніе начальнаго образованія, мѣръ врачебной, экономической и т. п. помощи, чтобы они были доступны для всего населенія, а это требуетъ экстраординарной затраты средствъ. До чего новый законопроектъ игнорируетъ переживаемый земствами моментъ культурнаго оборудованія страны, видно изъ того, что его примѣненіе повело бы къ сокращенію, а не увеличенію земскаго бюджета екатеринославскаго земства.

Данныя, заключающіяся въ разсматриваемомъ изданіи, не останутся, нужно полагать, безъ вниманія при разсмотрѣніи правительственнаго проекта въ законодательныхъ учрежденіяхъ.

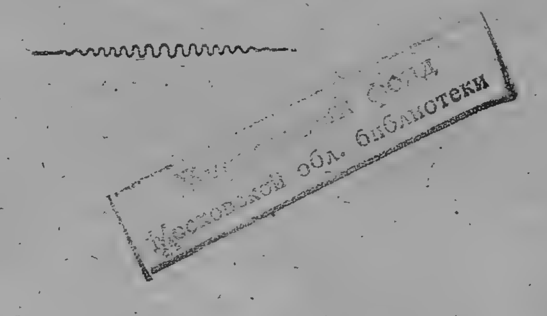
Екатеринославская деревня послѣ закрытія виноторговли. Екатеринославъ. 1915.

Въ Вѣстникѣ Европы недавно сообщалось о земской анкетѣ относительно послѣдствій прекращенія торговли виномъ въ московскомъ уѣздѣ. Въ настоящій моментъ передъ нами другая такая же анкета, выполненная, правда, по болѣе краткой программѣ, но зато относящаяся къ цѣлой губерніи, характеризующейся притомъ и высокимъ состояніемъ промышленности (преимущественно горно-заводской), и широкимъ распространеніемъ земледѣлія. По двумъ этимъ признакамъ (районамъ) разработанъ въ книжкѣ, указанной въ заголовкѣ настоящей замѣтки, и самый матерьялъ, собранный Екатеринославской губернской земской управой, и такая группировка данныхъ привела къ выясненію характерныхъ особенностей въ отношеніи къ прекращенію винной торговли земледѣльческаго и промышленнаго населенія губерніи. Обѣ земскія анкеты относятся къ первому полугодію трезваго состоянія деревни; насколько же сохранились, усилились или ослабѣли положительныя и отрицательныя проявленія этого состоянія въ послѣдующее время—это не замедлятъ, нужно полагать, показать намъ другія земскія анкеты.

Х. Г. Коробковъ. Экономическая роль евреевъ въ русской лѣсной торговлѣ и промышленности. Петроградъ. 1916.

Задавшись цѣлью освѣщенія „одной изъ многочисленныхъ сферъ дѣятельности еврейскаго населенія Россіи", г. Коробковъ имѣлъ въ то же время въ виду „борьбу съ антисемитской идеологіей", предъявлявшей обвиненіе еврейскимъ лѣсопромышленникамъ въ пониженіи цѣнъ на лѣсные матерьялы (на корню), въ хищнической эксплоатаціи лѣсовъ и т. д. Трудъ г. Коробкова, заключая не мало данныхъ по предмету сравненія различныхъ сторонъ лѣсного дѣла въ чертѣ еврейской осѣдлости и внѣ ея, главнымъ образомъ, однако, будетъ служить для характеристики лѣсной торговли и промышленности въ западной окраинѣ нашей страны.

В. В.

Въ теченіе февраля мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Аверченко, Арк. О маленькихъ для большихъ. Разсказы о дѣтяхъ. Петроградъ, 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Айзманъ, Д. Вѣрность. Петроградъ, 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

Айхенвальдъ, Ю. Пушкинъ. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 60 к.

Архиповъ, Николай. Темныя воды. Романъ. Петроградъ, 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

Бразоль, Б. Л. Очерки по слѣдственной части. Петроградъ, 1916 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Брусянинъ, В. В. Темный ликъ. Романъ. Петроградъ, 1916 г. Ц. 2 р.

Буланже, П. А. На землю! Москва, 1916 г. Ц. 1.

Виленкинъ, Александръ. Роза во льду. Стихи. Петроградъ, 1916 г. Цѣна 1 р.

Генри, О. Сердце Запада. Разсказы. Петроградъ, 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гусевъ-Оренбургскій, С. И. Въ приходѣ. Петроградъ, 1916 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Гюлистанъ. Альманаръ. Москва, 1916 г. Цѣна 2 р. 10 к.

Доде, А. Джэкъ и др. разсказы. Москва, 1916 г. Цѣна 40 к.

Досевъ, Христо. Вблизи Ясной Поляны. Москва, 1916 г. Ц. 45 к.

Дурново, Н. Н., Соколовъ, Н. Н. и Ушаковъ, Д. Н. Опытъ діалектологической карты русскаго языка въ Европѣ. Москва, 1916 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Жеромскій, С. Забвеніе. Разсказы. Москва, 1916 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Замятинъ, Е. Уѣздное. Петроградъ, 1916 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Караскевичъ, С. Кипарисный царь и др. разсказы. Петроградъ, 1916 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Корзухинъ, И. А. Обезпеченность Россіи отечественнымъ ископаемымъ горючимъ. Петроградъ, 1916 г. Цѣна 75 к.

Королевъ, Владиміръ. Лазурные прахи. Лирика. Ялта, 1916 г. Ц. 60 к.

— Всѣмъ скорбящимъ. 2-ая книга стиховъ. Ярославль, 1916 г. Ц. 55 к.

Кричевская, Елена. Письма о материнствѣ. Петроградъ, 1916 г. Цѣна 60 к.

Круковскій, А. В. Пѣвецъ безмятежныхъ переживаній. Воронежъ, 1916 г.

Леруа, Эдуардъ. Догматъ и критика. Москва, 1916 г. Ц. 2 р.

Локкъ Уильямъ Дж. Обломки крушенія. Романъ. Москва, 1916 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Мандельштамъ, О. Камень. Стихи. Петроградъ, 1916 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Масловъ, П. Война и демократія. Москва, 1916 г. Цѣна 40 к.

Мерсье-де, А. Роль покупателя въ экономическихъ конфликтахъ. Москва, 1916 г. Цѣна 40 к.

Парчевскій, Ѳома. Храбрость и мужество. Психологическій этюдъ. Гельсингфорсъ, 1916 г. Цѣна 50 к.

Семенниковъ, В. П. Когда Радищевъ задумалъ „Путешествіе"? Москва, 1916 г. Ц. 1 р.

Скородинскій, А. М. Металлическіе товары въ сельскомъ хозяйствѣ Россіи. Подъ ред. проф. М. Н. Соболева. Харьковъ, 1916 г.

Сукенниковъ, М. Женщины. Романъ. Петроградъ, 1916 г. Цѣна 1 р. 20 к.

Тетмайеръ, Каз. Карпатскіе разсказы. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

Тимковскій, Н. Передъ жизнью. Разсказы. Москва, 1916 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Титовъ, Н. Д. О Нѣмецкомъ Соловьѣ-Разбойникѣ и дружкѣ его Австріякѣ Коварномъ. Изд. 2-е. Москва, 1916 г. Цѣна 15 к.

— Свиданіе Ильи Муромца съ нѣмецкимъ Соловьемъ-Разбойникомъ. Москва, 1916 г. Цѣна 25 к.

Толстой, Алексѣй, Н., гр. Т. VIII. Земныя сокровища. Романъ-хроника. Москва, 1916 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Трубецкой, Е. Н., кн. Умозрѣніе въ краскахъ. Москва, 1916 г. Цѣна 25 к.

Фихте, І. Г. Избранныя сочиненія. Пер. подъ ред. кн. Е. Трубецкого. Москва, 1916 г. Цѣна 4 р.

Шахматовъ, А. А., академикъ. Введеніе въ курсъ исторіи русскаго языка. Часть I. Петроградъ, 1916 г.

Шмелевъ, Ив. Догонимъ солнце. Москва, 1916 г. Цѣна 60 к.

Юшкевичъ, Семенъ. Человѣкъ воздуха. Комедія въ 4 д. Петроградъ, 1916 г. Цѣна 1 р.

Армянскій сборникъ. Изд. 2-е. Москва, 1916 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ. CL. Историческій очеркъ. 1761—1911. Т. I и II. Петроградъ, 1916 г.

Дневникъ Л. Н. Толстого. I. 1895—1899 г. Москва, 1916 г.

Дорогія мѣста. Сборникъ подъ ред. И. А. Бѣлоусова. Изд. 2-е. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 10 к.

Изданія „Посредника“. № 314. С. А. Порѣцкій. Растеніе и свѣтъ. № 325. Маленькіе японцы. № 326. Въ Рождественскій сочельникъ. № 332. С. Злативратская. Катя Лѣсинцева. № CVI. Марія Монтессори. Руководство къ моему методу. № CVII. А. Притчардъ и Ф. Ашфордъ. Школа, гдѣ учителя живутъ одной душою съ дѣтьми.— Врачъ А. С. Буткевичъ. Человѣкъ и вино. Москва, 1916 г.

Календарь и записная книжка земскаго корреспондента Московск. губ. на 1916 г. Москва, 1916 г.

Отчетъ Нижегородскаго Уѣзднаго Комитета Всероссійскаго Земскаго Союза. Нижній-Новгородъ, 1916 г.

Очеркъ дѣятельности Петроградскаго Городского Комитета Всероссійскаго Союза Городовъ. Вып. I. Петроградъ, 1916 г.

Правда о русскихъ банкахъ. Вып. I. Петроградъ, 1916 г. Цѣна 50 к.

Петроградская Городская Дума въ 1913—1915 г.г. Дѣятельность группы обновленцевъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Самозащита. Марксистскій сборникъ. Петроградъ, 1916 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Энциклопедическій Словарь. Изд. т-ва Бр. А. и И. Гранатъ и К°. Т. 28. Майкопскій—Минералогія. Т. 32. Персія—Поляна. Москва, 1916 г.

Статистическій Ежегодникъ Тверской губ. (1913—1914 г.г.). Тверь, 1916 г.

Финансовый отчетъ Петроградскаго Городского Комитета Всероссійскаго Союза Городовъ на 15 іюля 1915 г. Петроградъ, 1916 г.

Цѣлебный Кавказъ. № 5—6. Тифлисъ, 1916 г.

Могілянський, Мих. Оповідання. Петроградъ, 1916 г. Цѣна 50 к.

Graham, Stephen. The way of Martha and the way of Mary. London, 1916.

Lunité Yougoslave. Manifeste de la jeunesse Serbe, Croate et Slovène réunie. Avec un préface de M. le prof. T. G. Masaryk. Paris, 1916. Prix. 1 fr.

Издатель: М. М. Ковалевскій.

Ред.: К. К. Арсеньевъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій. А. С. Посниковъ.

